

История Голландии

Джордж Эдмундсон

History of Holland

George Edmundson

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Голландии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Голландии

Автор: Джордж Эдмундсон

Дата выхода: 8 февраля 2005 г. [Электронная книга № 14971]

Последнее обновление: 19 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсер Джонатан Ингрэм и команда корректоров PG Online.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ГОЛЛАНДИИ" ***

ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
К.Ф. КЛЕЙ, МЕНЕДЖЕР
ЛОНДОН: ФЕТТЕР-ЛЕЙН, Е.С.4

ИСТОРИЯ ГОЛЛАНДИИ

АВТОР ДЖОРДЖ ЭДМУНДСОН
Д. ЛИТЛ., Ф.Р.Г.С., Ф.Р.ХИСТ.С.

КОГДА-ТО БЫЛ ЧЛЕНОМ КОЛЛЕДЖА БРЕЙЗНОУЗ В ОКСФОРДЕ, ДОРОГАЯ. ЧЛЕН
ГОЛЛАНДСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, УТРЕХТ, ИНОСТРАННЫЙ ЧЛЕН
НИДЕРЛАНДСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА, ЛЕЙДЕН

КЕМБРИДЖ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ UNIVERSITY PRESS
1922

НЬЮ-ЙОРК: THE MACMILLAN CO.
БОМБЕЙ }
КАЛЬКУТТА } MACMILLAN AND CO., LTD.
МАДРАС }
ТОРОНТО: THE MACMILLAN CO. OF CANADA, LTD.
ТОКИО: МАРУЗЕН-КАБУСИКИ-КАЙША

ОГЛАВЛЕНИЕ

[v]

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой серии - очертить историю Современной Европы с ее главными колониями и завоеваниями примерно с конца пятнадцатого века по настоящее время. В одном или двух случаях история начинается раньше; в случае с колониями она обычно начинается позже. Истории разных стран описываются, как правило, по отдельности; считается, что, за исключением эпох, подобных эпохе Французской революции и Наполеона I, таким образом будет лучше понята связь событий и более четко показана непрерывность исторического развития.

Серия предназначена для использования всеми людьми, стремящимися понять природу существующих политических условий. "Корни настоящего лежат глубоко в прошлом"; и истинное значение современных событий невозможно понять, пока не будут известны исторические причины, приведшие к ним. Принятый план позволяет со значительными подробностями рассмотреть историю последних четырех столетий и воплотить в жизнь наиболее важные результаты современных исследований. Поэтому есть надежда, что серия будет полезна не только новичкам, но и студентам, которые уже приобрели некоторые общие знания по европейской истории. Для тех, кто желает продолжить свои исследования, библиография, прилагаемая к каждому тому, послужит руководством к оригинальным источникам информации и работам более специального характера.

Значительное внимание уделяется политической географии, и каждый том снабжен такими картами и планами, которые могут потребоваться для иллюстрации текста.

Г.В. ПРОТЕРО.

[vii]

ПРОЛОГ

Название "История Голландии", данное этому тому, полностью оправдано той преобладающей ролью, которую великая приморская провинция Голландия сыграла в войне за независимость и на протяжении всей последующей истории голландского государства и народа. На всех языках о стране, включающей провинции Голландия, Зеландия, Утрехт, Фрисландия, Гелдерланд, Овериссель и Гронинген, с конца шестнадцатого века и до наших дней в настоящее время говорят как о Голландии, а о народе (за единственным исключением нас самих) как о "голландцах"^[1]. Лишь изредка термины "Республика" используются в качестве синонимов. названия Соединенных провинций, или Объединенных Нидерландов, а в более поздние времена Королевства Нидерландов, встречаются за пределами официальных документов. Точно так же, как название "История Англии" постепенно включает в себя истории Уэльса, Шотландии, Ирландии и, наконец, широко распространенной Британской империи, то же самое происходит и с историей, которая рассказывается на следующих страницах. Эта история, чтобы быть действительно полной, должна начинаться с рассказа о средневековой Голландии в феодальные времена, предшествовавшие бургундскому периоду; и такой рассказ

действительно был написан, но план этой работы, составляющей один из томов серии, препятствовал ее публикации.

Однако характер жителей провинции Голландия и ее сестринской и тесно связанной с ней провинции Зеландия, их такие качества, как твердость, выносливость, мореходство и морская предприимчивость, проистекают из особой амфибийной природы страны, которая отличается от любой другой страны в мире. Многовековая борьба с океаном и разливами рек, превратившая болота, лежащие вокруг устьев Рейна, Мааса и Шельды, благодаря упорному труду и мастерству в плодородную почву, наложила свой отпечаток на всю историю этого народа. Не следует также забывать, в какой степени создание сложной системы дамб, плотин и каналов, благодаря которым эта заболоченная земля превратилась в Голландию последних десятилетий XVI века, позволило ее народу оказать такое упорное и успешное сопротивление могущественной власти Филиппа II.

Самая ранняя династия графов Голландии — Диркс, Флорис и Уильямс — была очень примечательной. Он не только правил необычайно долго, с 922 по 1299 год, но и в этот долгий период все без исключения графы Голландии были сильными и способными правителями. Владения первых двух Кортиков находились на территории, известной сейчас как Северная Голландия, в округе под названием Кеннемерланд. Именно Дирк III отвоевал у епископов Утрехта несколько болотистых земель среди протоков, образующих устье Мааса, которые из-за покрывавшего их кустарника были названы Холт-ланд (Голландия или Лесная земля). Здесь в 1015 году он воздвиг крепость для сбора пошлины с проходящих кораблей. Эта крепость положила начало городу Дордрехт, и отсюда чуть позже название Голландия постепенно стало применяться ко всему графству. Из его преемников самым прославленным был Вильгельм II (1234-1256), который был коронован римским королем в Ахене и получил бы от папы Иннокентия IV императорскую корону в Риме, если бы, к несчастью, не утонул при попытке пересечь верхом скованное льдом болото.

В 1299 году мужская линия этой династии вымерла, и наследовал Иоанн Авенский, граф Эно, племянник Вильгельма II. Его сын, Вильгельм III, после долгой борьбы с графами Фландрии завоевал Зеландию и отныне стал графом Голландии, Зеландии и Эно. Его сын Вильгельм IV умер бездетным, и затем престолонаследие перешло к его сестре Маргарите, жене императора Людовика Баварского. На него претендовал ее второй сын Уильям, который после долгой затяжной вражды со своей матерью стал в 1354 году графом Голландии и Зеландии с титулом Вильгельма V, оставив Маргарите графство Эно. Сойдя с ума, его брат Альберт в 1358 году взял бразды правления в свои руки. В его время две группировки, известные под прозвищами "Крюки" и "Кодсы", поддерживали страну в состоянии постоянного беспорядка и практически гражданской войны. Они действовали уже много лет. Крючков поддерживали дворяне, крестьянство и та значительная часть более бедных горожан, которая была лишена всякого участия в муниципальном управлении. Cods представляли интересы могущественных бюргерских корпораций. В более поздние времена те же принципы и интересы разделяли оранжистов и государства-участники и были унаследованы от [стр. ix] Крючков средневековой Голландии. Браки сына Альберта Вильгельма с Маргаритой, сестрой Иоанна Бесстрашного, герцога Бургундского, и Иоанна Бесстрашного с дочерью Альберта, Маргаритой, должны были иметь судьбоносные последствия. Альберт умер в 1404 году, и ему наследовал Вильгельм VI, который перед своей смертью в 1417 году заставил дворян и города принести присягу на верность его дочери и единственному ребенку, Якобе или Жаклин.^[2]

Якоба, храбрая, красивая и одаренная, в течение одиннадцати лет отстаивала свои права против многих противников, главным из которых был ее могущественный и амбициозный кузен Филипп Добрый, герцог Бургундии. Ее мужество и многочисленные приключения превратили ее в настоящую героиню романа. От трех браков с Джоном, герцогом Брабантским, с Хамфри, герцогом Глостерским, и, наконец, с Франсом ван Борселеном у нее не было детей. Ее безнадежная борьба с превосходящими ресурсами Филиппа Бургундского закончилась, наконец, так называемым "Делфтским примирением" в 1428 году, в результате которого, сохранив титул графини, она передала правительство Филиппу и признала его право наследования графства после своей смерти, которая произошла в 1436 году.

Г.Э.

Ноябрь 1921 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ	страницы
ОБЩЕГО	v
ПРЕДИСЛОВИЯ	
ПРОЛОГА	vii-ix
I. Бургундийские Нидерланды	1-11
II. Правление Габсбургов в Нидерландах	12-26
III. Прелюдия к восстанию	27-46
IV. Восстание в Нидерландах	47-68
гг. Вильгельм Молчаливый	69-81
VI. Зарождение Голландской республики	82-109
VII. Система правления	110-118
VIII. Двенадцатилетнее	119-126

перемирие	
гг.IX. Морис и Ольденбарневельдт	127-138
X. От окончания Двенадцатилетнего перемирия до Мюнстерского мира 1621-1648гг. Штатгальтерство Фридриха Генриха Оранского	139-158
гг.XI в. Восточно- и Западно-Индийские компании. Коммерческая и экономическая экспансия	159-185
XII. Литература, наука и искусство	186-201
XIII. Штатгальтерство Вильгельма II. Великое собрание	202-211
XIV. Возвышение Джона де Витта. Первая английская война	212-224
гг.XV. Правление Джона де Витта, 1654- 1665, от Вестминстерского мира до начала Второй английской войны	225-235
XVI. Последние годы правления Де Витта, 1665-1672. Вторая английская война. Тройственный союз. Вторжение Франции	236-250
XVII. Война с Францией и Англией. Вильгельм III, штатгальтер.	251-257

Убийство братьев Де Витт, 1672 г.	
XVIII. Штатгальтер Вильгельма III, 1672- 1688	258-273
XIX. Король- штатгальтер, 1688- 1702	274-284
XX. Война за испанское наследство и Утрехтский мирный договор, 1702-1715	285-297
XXI. Республика без штатгальтеров, 1715- 1740	298-305
XXII. Война за австрийское наследство и Вильгельм IV, 1740- 1751	306-315
XXIII. Регентство Анны и Брауншвейга, 1751- 1766	316-320
XXIV. Уильям V. Первый период, 1766- 1780	321-326
XXV. Штатгальтерство Вильгельма V (продолжение), 1780-1788. Война в Англии. Патриотическое движение. Гражданская война. Прусская интервенция.	327-336
XXVI. Оранжевая реставрация. Падение республики, 1788- 1795	337-343
XXVII. Батавская	344-356

республика, 1795-1806	
XXVIII. Королевство Голландия и французская аннексия, 1806-1814	357-366
XXIX. Образование Королевства Нидерландов, 1814-1815	367-375
XXX. Королевство Нидерланды -Союз Голландии и Бельгии, 1815-1830	376-388
XXXI. Бельгийская революция. Отделение Голландии от Бельгии, 1830-1842	389-404
XXXII. Вильгельм I отрекается от престола. Правление Вильгельма II. Пересмотр Конституции, 1842-1849 гг.	405-410
XXXIII. Правление Вильгельма III до смерти Торбека, 1849-1872	411-418
XXXIV. Позднее правление Вильгельма III, и регентство королевы Эммы, 1872-1898	419-425
XXXV. Правление королевы Вильгельмины, 1898-1917 гг.	426-428
ЭПИЛОГ	429-432
БИБЛИОГРАФИЯ	433-444

КАРТЫ
НИДЕРЛАНДОВ, *около*
1550 г.
НИДЕРЛАНДЫ, *после*
1648 г.
УКАЗАТЕЛЬ

После стр. 444

445-464

ГЛАВА I

[стр.1]

БУРГУНДСКИЕ НИДЕРЛАНДЫ

Последний герцог древнего бургундского дома Капетингов умер в 1361 году без наследников мужского пола, герцогство перешло во владение французской короны и было передано королем Иоанном II своему младшему сыну Филиппу Харди, герцогу Туренскому, в награду, как говорят, за доблесть, проявленную им в битве при Пуатье. Графство Бургундия, широко известное как Франш-Конте, не было включено в это пожертвование, поскольку это было имперское поместье; и оно перешло по наследству по женской линии Маргарите, вдовствующей графине Фландрии, вдове графа Людовика II, убитого при Креси. Однако вскоре герцогству и графству предстояло вновь объединиться, поскольку Филипп женился на Маргарите, дочери и наследнице Луи де Мале, графа Фландрии, и внучке вышеупомянутой Маргариты. По праву своей жены он стал после смерти Луи де Мале в 1384 году правителем Фландрии, Мехлина, Артуа, Невера и Франш-Конте. Таким образом, был заложен фундамент огромного территориального владения между Францией и Германией, и Филипп Харди, похоже, с самого начала был одержим амбициозным замыслом работать над восстановлением могущественного срединного королевства, которое должно охватить территории, закрепленные за Лотарем при трехстороннем разделе Каролингской империи по Верденскому мирному договору (843). Для этого он неустанно трудился в течение своего долгого сорокалетнего правления, проявляя исключительные способности и мужество. Перед смертью он благодаря великолепию своего двора, своему богатству и успехам в военном деле и дипломатии был

признан сувереном с большим весом и влиянием во всем, кроме титула короля. Бургундская политика и традиции, которые он установил, нашли в его преемниках Иоанне Бесстрашном (убит в 1419 году) и сыне Иоанна Филиппе Добром людей со схожим характером и такими же амбициями, как у него самого. Двойной брак Иоанна с Маргаритой, сестрой Вильгельма VI Голландского, и Вильгельма VI с Маргаритой Бургундской во многом способствовал продвижению их проектов по расширению. Филипп Добрый был, однако, гораздо более способным правителем, чем его отец, дальновидным[стр.2] государственным деятелем, который преследовал свои планы с терпеливым и беспринципным упорством, ярким примером чего является его долгая борьба со своей кузиной Якобой, единственным ребенком и наследницей Вильгельма Голландского, чьи несчастья и мужество сделали ее одной из самых романтических фигур истории. С помощью силы и интриг Филипп в 1433 году наконец вынудил Якобу отречься от престола, и он стал графом Голландии, Зеландии и Эно. И это ни в коем случае не было концом его приобретений. Джоанна, герцогиня Брабантская (1355-1404), сама по себе приходилась тетей по материнской линии Маргарите Фландрской, жене Филиппа Харди. Умирая без наследников, она завещала Брабант, Лимбург и Антверпен своему внучатому племяннику Антонию Бургундскому, младшему брату Иоанна Бесстрашного. Энтони был убит при Азенкуре, и ему наследовал сначала его сын Иоанн IV, муж Якоби Голландской, а после его смерти, не оставив наследника в 1427 году, его второй сын, Филипп Сен-Поль, который также умер бездетным в 1430 году. От него его двоюродный брат Филипп Добрый унаследовал герцогства Брабант и Лимбург, а также маркизат Антверпен. В 1421 году он уже купил территорию Намюр у последнего графа Иоанна III, который влез в большие долги; а в 1443 году он аналогичным образом приобрел герцогство Люксембург у герцогини Елизаветы Герлицкой, которая была замужем вторым браком за Антонием, герцогом Брабантским, а затем за Иоанном Баварским, но у которой не было детей ни от одного из браков. Таким образом, в 1443 году Филипп тем или иным способом стал сувереном под различными титулами самой большой и важной части Нидерландов, и он усилил свое влияние, добившись в 1456 году избрания своего незаконнорожденного сына Давида епископом Утрехта. Таким образом, был сделан большой шаг вперед в восстановлении среднего царства, о котором мечтал Филипп Харди и которое теперь, казалось, было почти осуществлено.

Таким образом, 1433 год, дата включения Голландии и Зеландии в состав бургундских владений, является удобной отправной точкой для рассмотрения характера бургундского правления в Нидерландах и изменений, которые концентрация суверенной власти в руках единого правителя внесла в отношения различных провинций друг с другом и в их внутреннее управление. Нидерланды впервые стали чем-то большим, чем просто географическим обозначением[стр.3] ряда мелких феодальных государств, практически независимых и почти всегда находящихся в состоянии раздора. С тех пор воцарился мир, и во всей этой северной части его владений постоянной политикой Филиппа было постепенное упразднение провинциализма и установление централизованного правительства. Он был слишком мудрым государственным деятелем, чтобы пытаться внезапно или произвольно отменить различные права и привилегии, которые фламандцы, брабантцы и голландцы вырвали у своих государей и к которым они были глубоко привязаны; но, уважая их, он старался ограничить их, насколько это было возможно, местным использованием и централизовать общее управление всей "pays de par deçà" (как бургундские герцоги привыкли называть свои нидерландские владения) путем созыва представителей провинциальных штатов на собрание, получившее название Генеральной ассамблеи. Генеральными штатами и созданием общего апелляционного суда.

Впервые Генеральные штаты были созваны Филиппом в 1465 году с целью получения займа на войну с Францией и признания его сына Карла своим преемником; и с этого времени практика созыва этого органа продолжалась с нерегулярными интервалами, но с возрастающей частотой. Генеральные штаты (в некотором смысле) представляли Нидерланды в целом; и для суверена было очень удобно, особенно когда требовалось собрать большие денежные сборы, иметь возможность таким образом представить свои предложения на рассмотрение единой ассамблеи, а не на рассмотрение ряда отдельных и независимых провинциальных штатов. Тем не менее, следует иметь в виду, что Генеральные штаты как таковые не имели полномочий действовать от имени этих нескольких провинциальных штатов. Каждый из них направил своих заместителей в Генеральную Ассамблею, но эти депутаты должны были передать все вопросы своим руководителям, прежде чем они смогли дать свое согласие, и каждый депутатский корпус дал это согласие отдельно и без учета других. Таким образом, это был всего лишь первый предварительный шаг к единству администрации, но он имел тенденцию укреплять чувство общности интересов между провинциями и приводить к тому, что депутаты общались друг с другом и обменивались мнениями по различным важным вопросам, которые были вынесены на их рассмотрение. Период беспорядков и ослабление авторитета суверена, последовавшие за смертью Карла Смелого, привели к тому, что Генеральные штаты получили положение повышенной важности; и с этого времени они[стр.4] могут рассматриваться как формирующая регулярную и необходимую часть правительственного механизма в Бургундских Нидерландах. Генеральные штаты, однако, как и провинциальные штаты, могли собираться только по призыву суверена или его штатгальтера; и причинами, по которым они созывались, были такие особые случаи, как восшествие на престол нового суверена или назначение нового штатгальтера, или, что более обычно, для удовлетворения просьб о денежных сборах, которые требовались для содержания великолепных дворов и расходов на частые войны. Ибо не только так называемые бургундские князья, но даже Карл V в своих финансовых потребностях в основном зависел от богатства Нидерландов. И здесь необходимо провести различие. Для торжественных случаев, таких как восшествие на престол нового монарха или принятие вновь назначенного губернатора, созывались представители всех провинций (в конечном итоге семнадцати), но на обычные собрания с целью взимания денежных сборов собирались только представители так называемых вотчинных или старых бургундских провинций. Требования о выплате дани с приобретенных позже провинций, таких как Гелдерланд, Гронинген, Фрисландия и Овериссель, предъявлялись к каждой из этих провинций отдельно, и они ревностно отстаивали свое право на то, чтобы с ними поступали таким образом отдельно. В случае с другими провинциями Генеральные штаты, как уже говорилось, могли выделить деньги только после получения согласия от каждой провинции, представленной по отдельности; и это часто удавалось добиться только после значительной задержки и долгих переговоров. Однако после получения разрешения размер взноса, регулирующий квоту, которую должны были вносить различные провинции, был определен на основе так называемого *квотирования* или *сеттинга*, составленного в 1462 году по случаю выплаты дани в течение 10 лет, которую затем потребовал Карл Смелый, как штатгальтер своего отца в "pays de payçà". Об относительном богатстве провинций можно судить по тому факту, что в то время Фландрия и Брабант платили по четверти всего сбора, Голландия - по одной шестой, Зеландия - по одной четвертой доли Голландии.

Что касается провинциального управления, бургундские князья оставили в неприкосновенности местные и исторические обычаи, и каждая провинция имела свои

индивидуальные особенности. Во главе правительства каждой провинции (за исключением Брабанта, в столице которого Брюсселе проживал сам суверен или его регент) был поставлен губернатор с титулом штатгальтера, который был[стр.5] представителем суверена и пользовался большим покровительством. В его обязанности входило обеспечивать исполнение указов, поддерживать порядок и бдительно следить за отправлением правосудия. Он выдвигался на многие муниципальные должности, но практически не контролировал финансы. Сбор войск и командование ими в полевых условиях было поручено генерал-капитану, который мог не совпадать с штатгальтером, хотя иногда эти должности объединялись. В северных Нидерландах был всего один штатгальтер для трех провинций Голландии, Зеландии и Утрехта, и один (несколько позже) для Фрисландии, Гронингена, Дренте и Оверисселя.

Желанию бургундских князей объединить свои владения в единый суверенитет препятствовало множество препятствий, и особенно отсутствие какого-либо верховного апелляционного суда. Их раздражало, что *парламент* Парижа по-прежнему осуществляет апелляционную юрисдикцию во Фландрии и Артуа, а имперский сейм - в некоторых других провинциях. Уже в 1428 году Филипп учредил Голландский суд в Гааге для осуществления широких полномочий по юрисдикции и финансовому контролю в провинциях Голландия и Зеландия; а в 1473 году Карл Смелый учредил в Мехлине орган, известный как Большой совет, который должен был действовать как апелляционный суд провинциальных судов. В Нидерландах это должно было стать тем же, чем был *парламент* Парижа во Франции. Большой совет, выросший из Тайного совета при особе принца и который под руководством канцлера Бургундии управлял делами правительства, в частности правосудием и финансами, был в 1473 году, как указывалось выше, преобразован в Апелляционный суд по правовым вопросам, при этом для решения финансовых вопросов была создана новая Счетная палата. Эти усилия по централизации власти, несомненно, были направлены на благо страны в целом, но провинциальная зависть и партикуляризм были таковы, что они вызывали ожесточенное негодование и противодействие.

Чтобы усилить влияние монарха в городах и ослабить власть гильдий, Филипп учредил в Голландии и, насколько мог, в других местах так называемые "обширные коллегии", или постоянные комитеты знати, которым были поручены выборы городских чиновников и муниципальной администрации. Эти организации состояли из нескольких самых богатых и влиятельных бюргеров, которых называли "Двадцать четыре", "Сорок", [стр.6] "Шестьдесят" или "Восемьдесят", в зависимости от числа, установленного для любого конкретного города. Эти люди назначались пожизненно, а их преемники выбирались путем кооптации, так что городские корпорации постепенно превратились в закрытые наследственные аристократии, а масса граждан была лишена всякого права голоса в своих собственных делах. *Шаут* или главный судья избирался непосредственно сувереном или его штатгальтером, который также назначал *схепенов* или шерифов из списка, содержащего двойной номер, который был представлен ему.

Правление Филиппа Доброго ознаменовалось большим ростом материального благосостояния страны. Брюгге, Гент, Ипр и Антверпен были одними из самых процветающих торговых и промышленных городов мира, и когда из-за заиливания водного пути Брюгге перестал быть морским портом, Антверпен быстро занял его место, так что несколько десятилетий спустя его причалы были переполнены судами, а склады - товарами со всех концов Европы. Фактически, в течение всего бургундского периода южные Нидерланды были самым богатым владением в христианском мире и оставались таковыми вплоть до катастрофических времен правления

Филиппа II Испанского. Тем временем Голландия и Зеландия, хотя и не могли конкурировать с Брабантом и Фландрией по численности населения в своих городах и размаху торговли, приобретали все большее значение. Их сила заключалась в крепком и предприимчивом морском населении. Голландцы на протяжении многих лет соперничали с ганзейскими городами за балтийскую торговлю. Война разразилась в 1438 году, и военные действия продолжались в течение трех лет, в результате чего Ганзейский союз был разгромлен, и отныне голландцы могли без дальнейших препятствий все больше и больше становиться главными перевозчиками "восточных земель". Амстердам уже был процветающим портом, хотя пока еще не мог претендовать на конкуренцию с Антверпеном. Однако промысел сельди был основной отраслью промышленности Голландии и Зеландии. Открытие искусства приготовления сельди Уильямом Бекельсом из Бирвлиета (умер в 1447 году) превратило скоропортящиеся продукты питания в товар, пользующийся спросом; и рыболовство не только дало прибыльное занятие многим тысячам жителей этих приморских провинций, но и стало фундаментом, на котором должно было строиться их будущее коммерческое превосходство.[стр.7]

Бургундские герцоги были одними из самых могущественных правителей своего времени — равными королям во всем, кроме названия, — и они намного превосходили всех современных монархов в своей расточительности и великолепии своего двора. Фестиваль в Брюгге в 1430 году в честь бракосочетания Филиппа Доброго и Изабеллы Португальской, на котором был учрежден орден Золотого руна, вызвал всеобщее изумление; в то время как его преемник, Карл Смелый, сумел превзойти даже своего отца великолепием своего брака с Маргаритой Йоркской в 1468 году и на своей конференции с императором Фридрихом III в Трире в 1473 году. В этот последний раз на нем была мантия, сплошь усыпанная бриллиантами.

Основание ордена Золотого руна в 1430 году стало событием огромной важности, поскольку стало шагом вперед со стороны Филиппа в присвоении ему квази-королевских атрибутов. Название было очень подходящим, поскольку указывало на торговлю шерстью и тканями как на источник богатства Фландрии. Орден состоял из тридцати одного рыцаря, избранного из цветка бургундской знати и главных советников государя. В уставе Ордена подробно изложены привилегии членов, а также их обязанности перед своим принцем. Они имели непреложное право на то, чтобы с ними консультировались по всем важным вопросам, чтобы их избирали на высшие правительственные посты и чтобы они входили в состав военных советов. Рыцари были освобождены от юрисдикции всех судов, за исключением судов их собственного ордена.

Филипп умер в 1467 году, и ему наследовал его сын Чарльз, который уже несколько лет пользовался властью в Нидерландах в качестве заместителя своего отца. Шарль, как свидетельствует его фамилия *le Téméraire*, был человеком импульсивного и деспотичного темперамента, но в то же время трудолюбивым, великим организатором и блестящим солдатом. Охваченный честолюбивым желанием осуществить восстановление великого королевства Лотарингии, простирающегося от Северного моря до Средиземного, над которым его отец работал в течение своего долгого и успешного правления, он с почти страстной энергией взялся за выполнение своей задачи. Преследуя эту цель, он был первым сувереном, отошедшим от феодальных обычаев и создавшим постоянную армию. Одно время казалось, что он близок к достижению своей цели. Лотарингия, разделявшая его южные владения от северных, на короткое время оказалась в его владении. Вмешавшись в Гелдерланде между герцогом Арнольдом Эгмонтским[стр.8] и его сыном Адольфом, он взял последнего в плен и получил герцогство в залог от первого. Восстания во фламандских городах против высоких налогов и

произвола были подавлены сильной рукой. В сентябре 1474 года герцог в сопровождении великолепной свиты встретился с императором Фридрихом III в Трире, чтобы получить желанную корону из императорских рук. Было решено, что единственная дочь и наследница Карла будет помолвлена с Максимилианом Австрийским, старшим сыном императора, и были назначены сам день и час коронации. Но у бургундца был враг в лице французского короля Людовика XI, который был столь же благоразумен и дальновиден, сколь его соперник опрометчив и порывист, и который превосходил его в политическом мастерстве и хитрости. Французские секретные агенты возбудили у Фридриха подозрения против замыслов Карла, и император внезапно покинул Трир, где чувствовал себя униженным великолепием своего могущественного вассала.

Герцог был взбешен своим разочарованием, но от этого лишь еще более упрямо продолжал осуществлять свои планы. Но Людовик тем временем формировал сильную лигу (Констанцкая лига, март 1474 г.) различных государств, которым угрожали амбициозные проекты Карла. Герцог Сигизмунд Австрийский, Баденский, Базельский, Эльзасский и швейцарские кантоны объединились под руководством Франции, чтобы противостоять им. Карл повел армию в 60 000 человек на помощь архиепископу Кельнскому против его подданных, но потратил одиннадцать месяцев на бесплодные попытки взять небольшой укрепленный город Нойс, в котором погибла значительная часть его армии. Он был вынужден собрать большие суммы денег у своих невольных подданных в Нидерландах, чтобы возместить свои потери, и в 1475 году напал на герцога Рене Лотарингского, захватил Нанси и завоевал герцогство, которое до сих пор отделяло его Нидерланды от французских владений. Это был первый шаг в осуществлении его плана восстановления Лотарингского королевства. Однако в Эльзасе население подняло восстание против тирании бургундского губернатора Питера ван Хагенбаха, судило и казнило его. Обнаружив, что швейцарцы помогли повстанцам, Карл теперь, не дожидаясь закрепления своего завоевания Лотарингии, решил повести свою армию в Швейцарию. Во главе великолепно оснащенного отряда он столкнулся с конфедератами близ Грансона (2 марта 1476 г.) и был наголову разбит, его собственная печать и орден Золотого руна вместе с огромной добычей попали в руки победителей.[стр.9],.. Несколько месяцев спустя, набрав и реорганизовав свою разбитую армию, он снова повел ее против швейцарцев. Столкновение состоялось (21 июня 1476 г.) при Морате, и бургундское рыцарство вновь потерпело полное поражение. Карл бежал с поля боя, наполовину обезумев от ярости и разочарования, когда известие о том, что герцог Рене отвоевал Лотарингию, вывело его из оцепенения. Он поспешно собрал свежую армию и осадил Нанси. Но в осадных операциях у него не было навыков, и в разгар зимы (5 января 1477 г.) он подвергся нападению швейцарцев и лотарингцев за стенами города. Бургундцами овладела паника; Карл собственной персоной тщетно пытался остановить их бегство и погиб от неизвестной руки. Его тело было найдено позже, раздетым догола, замерзшим в луже.

У Чарльза остался единственный ребенок, Мэри, которой еще не исполнилось двадцати лет. Мэри оказалась в очень сложной ситуации. Людовик XI, наследственный враг ее дома, сразу же вступил во владение герцогством Бургундским, которое из-за отсутствия наследников мужского пола вернулось к своему сеньору. Суверенитет графства Бургундия (Франш-Конте), являющегося имперским феодалом по женской линии, она сохранила; но до того, как ее власть была установлена, Людовику удалось убедить штаты графства перейти под протекторат Франции. Французские армии захватили Артуа, Эно и Пикардию и угрожали Фландрии, где в каждом городе была партия сторонников Франции. Гелдерланд приветствовал изгнанного

герцога Адольфа как своего суверена. Повсюду в провинциях деспотическое правление герцога Карла и его жестокие поборы вызвали бурное недовольство. Мария была фактически пленницей в руках своих фламандских подданных, и, прежде чем они согласились поддержать ее дело, раздалось всеобщее требование об удовлетворении жалоб. Но Мария показала, что обладает мужеством и государственной мудростью не по годам, и в этот критический момент рядом с ней была ее мачеха, Маргарита Йоркская, опытный и способный советчик. В Гент немедленно было созвано заседание Генеральных штатов. Оно состоялось 3 февраля 1477 года, в 20-й день рождения Марии. Представители прибыли из Фландрии, Брабанта, Артуа и Намюра на юге, а также из Голландии и Зеландии на севере Нидерландов. Мэри видела, что ей ничего не остается, как согласиться с их требованиями. Всего через восемь дней после заседания Ассамблеи была согласована и подписана хартия свобод Нидерландов[стр.10], получившая название "Великая привилегия". Этим Актом были отменены все предыдущие постановления, противоречащие древним привилегиям. Недавно созданный Апелляционный суд в Мехлине был заменен Большим Советом из двадцати четырех членов, избранных сувереном от различных штатов, которые должны были консультировать и помогать в управлении правительством. Мария обязалась не вступать в брак и не объявлять войну без согласия Генеральных штатов. Генеральные штаты и Провинциальные штаты должны были собираться так часто, как они пожелают, без вызова суверена. Все чиновники должны были быть коренными жителями; ни один нидерландец не должен был предстать перед судом иностранных судей; не должно было быть принудительных займов, никаких изменений в чеканке монет. Все эдикты или распоряжения, ущемляющие права провинций, должны были быть *ipso facto* недействительными. Поставив свою печать на этот документ, Мария фактически отреклась от абсолютной суверенной власти, которой пользовались ее предшественники, и одним махом перечеркнула результаты их поистине государственных усилий по созданию из ряда полуавтономных провинций единого государства. Многие их действия и методы были жесткими и автократичными, особенно действия Карла Смелого, но кто может сомневаться в том, что в целом их политика была мудрой и благотворной? В Голландии и Зеландии был создан Совет, состоящий из штатгальтера и восьми советников (шести голландцев и двух зеландцев), из которых двое должны были быть дворянами, остальные юристами. Вольферд ван Борселен, лорд Вира, был назначен штатгальтером.

Получив великую привилегию, Штаты охотно собрали силы численностью 34 000 человек для сопротивления французскому вторжению и достаточные средства для продолжения войны. Но беды юной Мэри на этом еще не закончились. Руки наследницы стольких богатых владений страстно добивался (1) Людовик Французский для дофина, юноши 17 лет; (2) Максимилианом Австрийским, за которого она была обещана замуж; (3) Адольфом, герцогом Гелдерландским, пользовавшимся благосклонностью Генеральных штатов. Адольф, однако, был убит в бою. Во Фландрии была партия, которая поддерживала французов и фактически участвовала в интригах с Людовиком, но основная масса людей испытывала сильное отвращение к французскому господству. Дело дошло до такой степени, что два влиятельных чиновника, лорды Хьюгонет и Умберкур, на которых пало подозрение в предательской переписке с французским королем, были схвачены, преданы суду специального трибунала и, несмотря на слезы и мольбы герцогини,[стр.11] были осуждены и обезглавлены на рыночной площади Гента. Таким образом, Максимилиан стал признанным женихом; и 19 августа 1477 года в Брюгге состоялась его свадьба с Марией. Этому браку суждено было иметь судьбоносные последствия не только для Нидерландов, но и для Европы. Союз был счастливым, но, к сожалению, недолговечным. 29

марта 1482 года Мария скончалась от последствий падения с лошади, оставив двоих детей, Филиппа и Маргарет.

[стр.12]

ГЛАВА II

ПРАВЛЕНИЕ ГАБСБУРГОВ В НИДЕРЛАНДАХ

Максимилиан после смерти Марии оказался в очень трудном положении. Эрцгерцог был человеком высоких идей, рыцарственным, храбрым даже до дерзости, полным целесообразности и никогда не пугавшимся неудач, но ему не хватало стабильности характера, и на протяжении всей его жизни ему всегда мешала нехватка средств. В 1477 году он поставил перед собой задачу защитить Фландрию и южные провинции Нидерландов от нападения франции, и не без значительного успеха. В 1482 году в качестве опекуна своего четырехлетнего сына Филиппа, наследника владений Бургундского дома, он стал регентом Нидерландов. Однако его власть была мало признана. Гелдерланд и Утрехт вообще отпали. Льеж признал Вильгельма де ла Марка своим правителем. Голландию и Зеландию раздирали враждующие группировки. Фландрия, центр бургундской державы, была особенно враждебна своему новому губернатору. Бюргеры Гента отказались выдать ему его детей, Филиппа и Маргариту, которых держали в качестве заложников, чтобы обезопасить себя от любых попыток посягательства на их свободы. Фламандцы даже вступили в переговоры с Людовиком XI; и эрцгерцог оказался вынужден подписать договор с Францией (23 декабря 1482 г.), одним из условий которого была помолвка его малолетней дочери с дофином. Максимилиан, однако, обнаружил, что на какое-то время он должен покинуть Фландрию, чтобы подавить восстание фракции Хука в Голландии, которая во главе с Францем ван Бредероде и в союзе с антибургундиейской партией в Утрехте стала хозяевами Лейдена. Разбитый регентом в кровопролитной битве, Бредероде тем не менее сумел захватить Слудс и Роттердам; и из этих портов он и его отважный товарищ по оружию Ян

ван Наалдвейк вели партизанскую войну в течение нескольких лет. Бредероде был убит в битве при Брауэрсхафене (1490), но Слуис все еще держался и был взят только два года спустя.

Тем временем Максимилиану пришлось предпринять кампанию против[стр.13] фламандцев, которые снова взяли за оружие по наущению буйных бюргеров Гента и Брюгге. Войдя в провинцию во главе большого отряда, он принудил мятежные города к покорности и завладел личностью своего сына Филиппа (июль 1485 г.). Избранный в следующем году римским королем, Максимилиан покинул Нидерланды, чтобы короноваться в Ахене (апрель 1486 года). Война с Францией отозвала его обратно, в ходе которой он потерпел тяжелое поражение при Бетюне. В начале 1488 года Гент и Брюгге снова восстали; и римский король, которого заманили в Брюгге, был там схвачен и принужден смотреть, как казнят его друзей на рыночной площади под окном его тюрьмы. В течение семи месяцев его держали в плену; и его не освобождали до тех пор, пока он не поклялся передать свои полномочия регента совету фламандцев и вывести все свои иностранные войска из Нидерландов. Он был вынужден отдать заложников в качестве залога своей доброй воли, среди них был его генерал Филип Клифский, который вскоре присоединился к своим похитителям.

Максимилиана, прибывшего в лагерь императора Фридриха III, который собрал армию, чтобы освободить своего заключенного сына, убедили нарушить клятву, данную под принуждением. Поэтому он двинулся во главе своих немецких наемников во Фландрию, но смог добиться небольшого успеха против фламандцев, которые нашли в Филиппе Клифском способного командира. Отчаявшись в успехе, он теперь решил удалиться в Германию, оставив герцога Альберта Саксен-Мейсенского, способного и испытанного солдата удачи, главнокомандующим своими войсками и штатгальтером Нидерландов. С приходом герцога Альберта порядок, наконец, был восстановлен, хотя и не без жестокой борьбы.

Медленно, но верно герцог Альберт захватывал город за городом и подчинял провинцию за провинцией. Партия Хука в Голландии и Зеландии, их антибургундские союзники в Утрехте и Роберт де ла Марк в Льеже, в свою очередь, почувствовали силу его руки. Восстание крестьян в Западной Фрисландии и Кеннемерланде — "Народа хлеба и сыра", как их называли, — было легко подавлено. Филипп Клифский со своими фламандцами не смог противостоять ему; и с падением Гента и Слуиса летом 1492 года герцог смог объявить Максимилиану, что Нидерланды, за исключением Гелдерланда, были умиротворены. Санлиссский мирный договор 1493 года положил конец войне с Францией. В следующем году, после своего восшествия на императорский престол, Максимилиан удалился в свои[стр.14] владения предков в Германии, и его сын, Филипп Красивый, взял в свои руки бразды правления. Молодой государь, уроженец Нидерландов по происхождению и всю свою жизнь проведенный в этой стране, пользовался большей популярностью, чем его отец, и его наследование большей части бургундского наследства не оспаривалось. Он принял дань уважения от Зеландии в Ремерсваале, от Голландии в Гертруденбурге и воспользовался случаем, чтобы объявить об отмене Великой Привилегии, и в то же время восстановил Большой совет в Мехлине.

В Утрехте власть епископа Давида Бургундского была теперь прочно восстановлена, и после его смерти был избран Филипп Баденский, раболепный приверженец австрийского дома. Эти результаты умиротворения, столь успешно проведенного герцогом Альбертом, однако, оставили Максимилиана и Филиппа в большом долгу перед саксами; и не было денег, чтобы удовлетворить требование, которое составляло 300 000 гульденов. После долгих переговоров,

длившихся несколько лет, Альберту во Фрисландии была найдена компенсация. Эта несчастная провинция и прилегающая территория Гронинген долгое время были раздираемы внутренними разногласиями между двумя партиями, *шерингерами* и *веткуперами*, которые были аналогами голландских крючкотворов. Шерингеры призвали на помощь саксонского герцога, который подчинил себе эти земли. Максимилиан теперь признал Альберта наследственным подестой или губернатором Фрисландии при условии, что Австрийский дом сохранит за собой право выкупа территории за 100 000 гульденов; а Филипп согласился на сделку, по которой свобода Фризии была продана в обмен на аннулирование долга. Борьбу с Карлом Эгмонтским в Гелдерланде было не так-то легко прекратить. Только в 1505 году Филипп смог одолеть этого коварного противника. Карл был вынужден принести дань уважения и сопровождать Филиппа в Брюссель (октябрь 1505 г.). Однако это было лишь краткое подчинение. Карл снова бежал в Гелдерланд и возобновил войну за независимость.

Еще до того, как произошли эти события, женитьба Филиппа на Хуане, дочери Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, полностью изменила его судьбу. Максимилиан, всегда полный амбициозных проектов по возвышению своего Дома, планировал с Фердинандом Арагонским двойной брак между их семьями, вызванный общей ненавистью и страхом перед[стр.15] растущей мощью Франции. Эрцгерцог Филипп должен был жениться на инфанте Хуане, второй дочери Фердинанда и Изабеллы; инфанте Хуан, наследник престолов Арагона и Кастилии, на сестре Филиппа Маргарите. Маргарет в 1483 году, в возрасте тогда трех лет, была обручена с двенадцатилетним дофином Шарлем, воспитывалась при французском дворе, а после смерти Людовика XI (30 августа 1483 г.) носила титул королевы и жила в Амбуге с другими детьми французского королевского дома под опекой регентши Анны де Божо. Однако браку Карла VIII и Маргариты так и не суждено было состояться. В августе 1488 года мужская линия герцогов Бретани пресеклась, и рука наследницы, двенадцатилетней девочки Анны Бретонской, привлекла множество претендентов. Очевидно, для короля Франции было делом первостепенной важности, чтобы эта важная территория не перешла в руки врага в результате брака. Бретонцы, с другой стороны, цеплялись за свою независимость и боялись поглощения объединяющимся французским государством. После долгих интриг ее совет посоветовал молодой герцогине принять Максимилиана в мужья, и она вышла за него замуж по доверенности в марте 1490 года. Карл VIII немедленно вступил в Бретань во главе сильного отряда и, несмотря на ожесточенное и продолжительное сопротивление, завоевал страну и завладел личностью Анны (август 1491 года). Искушение было слишком сильным, чтобы можно было устоять. Маргарет, прожив восемь лет во Франции в качестве его законной жены, была отвергнута и, наконец, два года спустя отправлена обратно в Нидерланды, в то время как Анна была вынуждена расторгнуть брак с отцом Маргарет и стала королевой Чарльза. Это двойное оскорбление так и не было прощено ни Максимилианом, ни Маргаритой и стало непосредственной причиной переговоров о двойном испанском браке, которые, хотя и были отложены из-за подозрительной осторожности двух главных участников переговоров, Фердинанда и Максимилиана, в конце концов были организованы. В августе 1496 года внушительный флот доставил инфанту Хуану в Антверпен, и она обвенчалась с Филиппом в Лилле. В апреле следующего года Маргарет и Дон Хуан обвенчались в кафедральном соборе Бургоса. За этим союзом последовала серия катастроф в испанской королевской семье. Направляясь со своей женой на свадьбу своей старшей сестры Изабеллы с королем Португалии, Хуан подхватил злокачественную лихорадку и скончался в Саламанке в октябре 1497 года.[стр.16]

Новоиспеченная королева Португалии теперь стала наследницей корон Арагона и Кастилии, но год спустя она умерла, а вскоре после этого умер и ее малолетний сын. Таким образом, престолонаследие перешло к младшей сестре Хуане; и Филипп Красивый, наследник Австрийского дома и уже через свою мать правитель богатых бургундских владений, стал через свою жену будущим государем испанских королевств Фердинанда и Изабеллы. Фортуна, казалось, приберегла все свои улыбки для молодого принца, когда 24 февраля 1500 года у него в Генте родился сын, получивший имя Чарльз. Но вскоре последовали мрачные дни. Филип был любителем удовольствий и распутником и не проявлял особой привязанности к своей жене, у которой уже начали проявляться симптомы той душевной слабости, которая вскоре должна была перерасти в безумие. Однако в 1501 году они вместе отправились в Испанию, чтобы обеспечить права Хуаны на кастильское наследство, а также на Арагонское, если король Фердинанд умрет, не оставив наследника мужского пола.

В ноябре 1504 года умерла Изабелла Католичка, и Филипп и его супруга сразу же приняли титулы короля и королевы Кастилии, несмотря на противодействие Фердинанда, который при жизни претендовал на право регентства. Обе стороны стремились заручиться поддержкой Генриха VII. Уже с момента восшествия на престол Филиппа торговые отношения между Англией и Нидерландами были переведены на постоянную дружественную основу благодаря договору, известному как *Великий междукурс* от 1496 года. Фландрия и Брабант зависели от поставок английской шерсти для своих основных отраслей промышленности, Голландия и Зеландия - от свободы рыболовства, за счет которого была занята и существовала большая часть их населения. В отместку за поддержку, ранее оказанную бургундским правительством дому Йорков, Генрих запретил вывоз шерсти и сукна в Нидерланды, перевез основные товары из Брюгге в Кале и лишил голландцев прав на рыболовство со времен правления Эдуарда I. Но это состояние торговой войны было разорительным для обеих стран; и при условии, что Филипп впредь обязуется не позволять никаким врагам английского правительства проживать в его владениях, было достигнуто хорошее взаимопонимание, и *Magnus Intercursus*, который возобновил торговлю, был отменен. -установил нечто вроде свободы торговли между странами, был должным образом подписан в феврале 1496 года. Договор был торжественно продлен в 1501 году, но вскоре после этого возникли новые[стр.17] трудности, связанные с йоркистскими беженцами, и вновь возникла угроза прекращения торговли. В этот момент шторм вынудил Филиппа и Хуану, отплывших в январе 1506 года в Испанию, искать убежища в английской гавани. В течение трех месяцев Генрих гостеприимно принимал их, но он не преминул воспользоваться ситуацией, чтобы заключить три договора со своим невольным гостем: (1) союзный договор, (2) брачный договор с сестрой Филиппа, эрцгерцогиней Маргаритой, которая уже в возрасте 25 лет овдовела во второй раз, (3) пересмотр торгового договора 1496 года, названного из-за его неблагоприятных условий, *Malus Intercursus*. Брачный договор ни к чему не привел из-за категорического отказа Маргариты принять руку английского короля.

Филипп и Хуана 23 апреля уехали из Англии в Испанию, чтобы принять на себя управление тремя королевствами - Кастилией, Леоном и Гранадой, которые Хуана унаследовала от своей матери. Из-за умственной неполноценности своей жены Филипп от ее имени осуществлял все суверенные полномочия, но его правление было очень коротким, так как он внезапно заболел и умер в Бургосе 25 сентября 1506 года. Его несчастная жена после рождения посмертного ребенка впала в состояние безнадежного безумия и провела остаток своей долгой жизни в заточении. Чарльзу, наследнику столь огромного наследства, было всего шесть лет. Представители провинций, собравшиеся в Мехлине (18 октября), предложили регентство над

бургундскими владениями императору Максимилиану; он, в свою очередь, назначил свою дочь Маргариту регентом вместо себя и опекуном своего внука на время несовершеннолетия Карла, и она с согласия Генеральных штатов принесла присягу при назначении на должность *Мамбура* или генерал-губернатора Нидерландов в марте 1507 года. Маргарите было всего 27 лет, и в течение двадцати четырех лет она продолжала управлять делами Нидерландов с исключительной осмотрительностью, твердостью и способностями государственного деятеля. Надзор и обучение молодого эрцгерцога не могли быть переданы в лучшие руки. Таким образом, Чарльз, который вместе со своими тремя сестрами жил у своей тети в Мехлине, был нидерландцем и по рождению, и по образованию.

Одним из первых действий Маргарет был отказ ратифицировать *"Малус Интеркурсус"* и возрождение *"Магнус Интеркурсус"* 1496 года. С тех пор этот важный торговый договор продолжал действовать более ста лет. Большой трудностью, с которой Маргарет столкнулась в своем правительстве, было отсутствие [стр.18] достаточных финансовых ресурсов. Обширные привилегии, предоставленные различным провинциям, их взаимная зависть и разнообразные интересы делали задачу взимания налогов трудной и часто бесплодной. Маргарита обнаружила, что в предоставлении припасов, даже для такой необходимой цели, как набор войск для отражения набегов Карла Гелдерландского, которому помогал французский король, на Утрехт и Голландию, было отказано. К счастью, она в высокой степени обладала такими качествами, как убедительность речи и здравый смысл, которые обеспечили ей выдающееся место среди дипломатов и правителей своего времени. Ее блестящие способности внушали такое доверие, что император Максимилиан и Фердинанд Арагонский назначили ее своим полномочным представителем на Мирном конгрессе, собравшемся в Камбре в ноябре 1508 года. Главным образом благодаря ее усилиям переговоры прошли быстро и успешно, и 10 декабря был подписан знаменитый договор, известный как Камбрейская лига. По этому договору многие споры, касающиеся прав и прерогатив французской короны в Бургундских Нидерландах, были урегулированы мирным путем; и было решено, что Карл Эгмонтский будет временно признан герцогом Гелдерланда при условии, что он откажется от захваченных им городов Голландии и выведет свои войска в пределы своих собственных границ.

Сохранившаяся переписка между Максимилианом и Маргаритой, носящая самый конфиденциальный характер по вопросам высокой политики, является доказательством высокого мнения императора об уме и способностях своей дочери. Ничто так не оправдывало его доверия, как усердная забота и интерес, которые регентша проявляла к воспитанию эрцгерцога Карла и трех его сестер, которые были переданы на ее попечение. В 1515 году Карлу, когда ему исполнилось шестнадцать лет, Максимилиан объявил его совершеннолетним; соответственно, Маргарита передала ему бразды правления и на время удалилась в частную жизнь. Однако ее выход на пенсию продлился недолго. 23 января 1516 года умер король Фердинанд Арагонский, и Карл, который теперь стал королем Кастилии и Арагона, был вынужден покинуть Нидерланды, чтобы вступить во владение своими испанскими владениями. Перед отплытием он восстановил свою тетю в должности гувернантки и назначил совет для оказания ей помощи. Этот пост она продолжала занимать до дня своей смерти, поскольку Чарльз больше никогда не смог переехать на постоянное место жительства в Нидерланды. В первые годы [стр.19] после восшествия на престолы Фердинанда и Изабеллы он был много занят испанскими делами; и смерть Максимилиана, 12 января 1519 года, открыла перед ним еще более широкое поле для честолюбия и деятельности. 28 июня Карл был избран императором, результатом которого он в немалой степени был обязан дипломатическому мастерству и

активности Маргариты. Всего год спустя император посетил Нидерланды, где Карл Гелдерландский снова доставлял неприятности, и его присутствие потребовалось как для решения дел провинций, так и для получения субсидии на снабжение, поскольку он остро нуждался в средствах. Маргарита по его просьбе созвала Генеральные штаты на встречу в Брюсселе, где Карл лично обратился к ним и довольно подробно объяснил причины, побудившие его обратиться к своим верным и преданным нидерландским подданным за помощью в его избрании императорским саном. Генеральные штаты в этом, как и в других случаях, не проявили скупости, откликнувшись на просьбу суверена, который, хотя почти всегда отсутствовал, взывал к их патриотизму как уроженец Нидерландов, выросший среди них и говорящий на их языке. Карл был коронован в Ахене 23 октября 1520 года, а примерно три месяца спустя председательствовал на знаменитом Вормсском сейме, где он лицом к лицу встретился с Мартином Лютером. Прежде чем отправиться в свое знаменательное путешествие, он снова назначил Маргарет регентшей и наделил ее Совет, который он назначил, большими полномочиями; Совет Мехлина, Суд Голландии и другие провинциальные суды были подчинены его высшей власти и юрисдикции. Этим действием были ущемлены привилегии провинций, но Карл был решителен в проведении централизующей политики своих предков, герцогов Бургундских, и у него была власть навязывать свою волю, несмотря на протесты, которые были подняты. И вот под мудрым и примирительным, но твердым управлением Маргариты в течение десятилетия почти непрерывной религиозной и международной борьбы — десятилетия, отмеченного такими великими событиями, как быстрый рост Реформации в Германии, поражение и пленение Франциска I в Павии, разграбление Рима войсками Бурбонов и победоносное наступление турок в Венгрии и вдоль восточной границы империи, — нидерландские провинции оставались в мире, если не считать неугомонных интриг Карла Эгмонтского в Гелдерланде, и процветали. Их богатство действительно составляло немалую часть средств, позволивших Карлу успешно противостоять столь многочисленным противникам[стр.20] и смирить мощь Франции. Последний важный поступок Маргарет, как и ее первый, был связан с городом Камбре. В этом городе, как представитель и полномочный представитель своего племянника императора, она встретила в июле 1529 года с Луизой Савойской, которой ее сын Франциск I предоставил аналогичные полномочия, для переговоров о заключении мирного договора. Две принцессы оказались достойны оказанного им доверия, и общий мирный договор, часто называемый "Дамским миром", был быстро составлен и ратифицирован. Условия были весьма выгодными для интересов Испании и Нидерландов. 30 ноября следующего года Маргарет умерла в результате небольшого повреждения ноги, которое тогдашняя медицинская наука не знала, как должным образом лечить, на 50-м году ее жизни и 24-м году ее регентства.

Карл, который несколькими месяцами ранее достиг зенита своего могущества, будучи коронованным железной короной Ломбардии и императорской короной из рук папы Климента VII в Болонье (22 и 24 февраля 1530 г.), назначил гувернанткой Маргариты свою сестру Марию, овдовевшую королеву Людовика, короля Венгрии, убитого турками в битве при Мохаче 29 августа 1526 г.

Мэри, которая провела свое детство в Нидерландах под опекой своей тети Маргарет, во всех отношениях проявила себя ее достойной преемницей. Она, как и Маргарет, обладала сильным характером, качествами государственного деятеля и исключительными способностями в управлении делами. Она занимала трудный пост регента в течение всего двадцатичетырехлетнего периода между смертью Маргариты и отречением Карла V от престола

в 1555 году. Этому великому государю действительно повезло, что эти две выдающиеся женщины из его дома, каждая по очереди в течение половины его долгого правления, так превосходно управляли этой важной частью его владений, что оставили его свободным для осуществления его далеко идущих политических проектов и постоянных военных кампаний в других странах. Через два года после того, как Мария вступила в регентство, Чарльз назначил три консультативных и административных органа — Государственный совет, Финансовый совет и Тайный совет — для оказания ей помощи в управлении государством. Государственный совет занимался вопросами внешней и внутренней политики и назначением должностных лиц; Финансовый совет заботился о доходах и частных[стр.21] владениях государя; Тайному совету было поручено издание эдиктов и "плакатов", а также забота о правосудии и полиции.

Когда Карл наследовал Филиппу Красивому, только часть Нидерландов оказалась под его властью. С непоколебимой настойчивостью он поставил перед собой задачу подчинить все семнадцать провинций одному суверену. В 1515 году Георг Саксен-Мейсенский продал ему свои права на Фрисландию. Генрих Баварский, который вопреки его желанию был избран епископом Утрехта, был вынужден (1528) уступить ему временные полномочия престола, сохранив за собой только духовную должность. Таким образом, Карл присоединил Верхний и Нижний *Стих*- Утрехт и Овериссель — к своим владениям. Он стал (1536) хозяином Гронингена и Дренте после долгой и упорной борьбы с Карлом Гельдерландским, а семь лет спустя заставил преемника Карла, Вильгельма Юлихско-Клевского, отказаться в его пользу от своих притязаний на Гельдерланд и Зютфен. Во время правления Карла V Генеральные штаты созывались много раз, главным образом с целью голосования по субсидиям, но представители всех семнадцати провинций присутствовали только в особых и торжественных случаях, как, например, когда Филипп принимал их оммаж в 1549 году и когда Карл V объявил о своем отречении в 1555 году. По этому случаю были названы семнадцать провинций: Брабант, Лимбург, Люксембург, Гелдерланд, Фландрия, Голландия, Зеландия, Артуа, Эно, Намюр, Лилль с Дуэ и Оршиесом, Турне и округ, Мехлин, Фрисландия, Утрехт, Овериссель с Дренте и Гронингеном. Льежское епископство, хотя и было номинально независимым, находилось под строгим контролем правительства в Брюсселе. Отношения бургундских владений Карла с империей были делом немалого значения, и он был в состоянии регулировать их удовлетворяющим его самого образом. Несколько раз за время его правления предпринимались предварительные попытки определить эти отношения, которые носили весьма расплывчатый характер. Тот факт, что глава дома Габсбургов сам был императором, не сделал его менее решительным, чем бургундских государей, его предков, отстаивать для своих нидерландских территорий фактическую независимость от имперского контроля или обязательств. Различные государства, из которых состояли Нидерланды, были так же сильно настроены против любого признания притязаний империи, как и центральное правительство в Брюсселе; и оба[стр. 22] Маргарита Австрийская и Мария Венгерская осмелились отказаться посылать представителей на имперские сеймы, даже когда об этом просил император. Наконец, в 1548 году, когда все провинции Нидерландов были переданы под прямое владычество или контроль одного суверенного принца, на сейме Аугсбурга была составлена конвенция, главным образом благодаря усилиям регентши Марии и ее испытанных советников Виглиуса и Гранвелле, которой признавалось единство территорий Нидерландов и они освобождались от имперской юрисдикции. Номинально они составляли круг империи — бургундский круг, — и представители этого круга должны были появляться на сеймах и нести определенную долю имперских налогов в обмен на право на защиту империи от нападений Франции. На самом деле, никаких представителей никогда не присылалось, и

никакие субсидии не выплачивались, и защита империи никогда не испрашивалась и не давалась.

Эта конвенция, которая на самом деле разорвала призрачные связи, до сих пор связывавшие Нидерланды с империей, получила санкцию Генеральных штатов в октябре 1548 года; и за ней последовала выдача, с согласия сословий различных провинций, "Прагматической санкции", согласно которой наследственное право наследования суверенитета в каждой провинции было закреплено за мужской и женской линией потомков Карла, несмотря на существование древних провинциальных привилегий, свидетельствующих об обратном. В 1549 году единственный сын императора Филипп был признан всеми Поместьями своим будущим сувереном и совершил путешествие по стране, чтобы получить дань уважения.

Доктрины Реформации рано утвердились в различных частях Нидерландов. Сначала приверженцами были учения Лютера и Цвингли. Несколько позже анабаптистское движение получило большой успех в Голландии и Фрисландии, особенно в Амстердаме. Главными лидерами анабаптистов были уроженцы Голландии, включая знаменитого или печально известного Иоанна Лейденского, который вместе с несколькими тысячами этих фанатичных сектантов погиб в Мюнстере в 1535 году. Между 1537 и 1543 годами более умеренная форма анабаптистского учения достигла быстрого прогресса благодаря проповеди некоего Менно Симонсзуна. Последователей этого человека называли меннонитами. Тем временем лютеранство и цвинглианство во многих частях страны были вытеснены более суровыми доктринами Кальвина. На все эти передвижения[стр.23] император смотрел с растущей тревогой и отвращением. На какие бы компромиссы с Реформацией его ни вынудили пойти в Германии, он был полон решимости искоренить ересь из своих наследственных владений. Вскоре после Вормсского сейма 1521 года он выпустил решительный плакат, осуждающий Лютера и его взгляды и запрещающий печать или продажу любых трудов реформатора; а в период с этой даты по 1555 год было выпущено с дюжину других указов и плакатов все более строгого характера. Самым серьезным был так называемый "кровавый плакат" 1550 года. Это привело в исполнение смертный приговор всем осужденным за ересь — мужчины подлежали казни мечом, а женщины - погребению заживо; в случае упорства и мужчины, и женщины подлежали сожжению. Какими бы ужасно суровыми ни были эти указы, сомнительно, чтобы число тех, кто понес суровое наказание, не было сильно преувеличено партизанскими писателями. Из тысяч погибших, безусловно, большая часть были анабаптистами; и они встретили свою судьбу скорее как враги государства и общества, чем как еретики. Они были как политическими, так и религиозными анархистами.

Во времена Карла I торговля и промышленность Нидерландов находились в весьма процветающем состоянии. Бургундские провинции, находившиеся под мудрым управлением Маргариты и Марии и защищенные сильной рукой императора от иностранных нападений, были в тот период, безусловно, самым богатым государством в Европе и финансовой опорой державы Габсбургов. Брюгге, однако, теперь перестал быть центральным рынком и биржей Европы из-за заиливания реки Цвейн. Это больше не был порт, и его место занял Антверпен. В конце правления Карла Антверпен с его великолепной гаванью на Шельде стал "счетной палатой" наций, величайшим портом и самым богатым и роскошным городом в мире. Агенты крупнейших банкиров и коммерсантов каждой страны имели свои офисы в его стенах. Было подсчитано, что с учетом множества иностранцев, которые сделали город своим временным пристанищем, население Антверпена в 1560 году составляло около 150 000 человек. Ежедневно

в ее гавань входило и выходило пятьсот судов, и одновременно на ее причалах толпилось в пять раз больше.

К северу от Шельды положение вещей было не менее удовлетворительным, чем на юге, особенно в Голландии. Коммерческое процветание Голландии во многих отношениях отличалось[стр.24] по своему характеру от процветания Фландрии и Брабанта, и в течение периода, с которым мы имеем дело, оно быстро развивалось, но независимо. Фабрика по производству более грубых тканей, основанная в Лейдене, действительно какое-то время пользовалась значительным успехом, но во времена Марии Венгерской пришла в упадок. Природа его страны привела к тому, что голландец стал либо моряком, либо фермером-молочником, а не ремесленником или оперативником. Хотя по расовому происхождению он был похож на фламандца и брабантца, его инстинкты силой обстоятельств заставили его направить свою энергию в другое русло. Последующая история лишь подчеркнула тот факт, который начиная с четырнадцатого века становится совершенно очевидным, что люди, населявшие низменные, опоясанные морем земли дайк, канал и польдер в Голландии и Зеландии, отличались по характеру и темпераменту от жителей Брюгге, Гента, Ипра, Брюсселя или Мехлина, которые по сути были сухопутными жителями и ремесленниками. С тех пор как было открыто искусство приготовления сельди (приписываемое Уильяму Бекельсу), промысел сельди приобрел большое значение для голландцев и зеландцев и составлял основной источник существования значительной части всего населения этих провинций; и многие тысячи людей, которые сами не плавали на рыболовных флотах, нашли работу на верфях по строительству кораблей и лодок, а также в изготовлении парусов, снастей, сетей и других снастей. Именно в этом опасном занятии прошла свою раннюю подготовку отважная раса опытных моряков, которым было суждено сыграть столь решающую роль в грядущих войнах за независимость. Вылов сельди благодаря тщательным и научным методам, которые применялись при консервировании рыбы и упаковке ее в бочки, стал долговечным и востребованным предметом торговли. Небольшая часть улова служила источником продовольствия для домашнего потребления, большая часть в тысячах бочек была товарным товаром, а продажа вяленой сельди в отдаленные порты стала прибыльным бизнесом. Это имело два важных последствия: формирование голландского торгового флота и рост Амстердама, который с самого начала был небольшим и к середине шестнадцатого века превратился в город с населением 40 000 человек и порт, уступающий по значимости в Нидерландах только Антверпену. Из его гавани при слиянии устья реки У с рекой Зюйдер-Зее корабли, принадлежащие голландцам и управляемые ими, плавали вдоль берегов Франции и Испании, чтобы привезти домой соль[стр.25] для лечебных целей, а вместе с ней вина и другие южные продукты, в то время как с каждым годом все большее и увеличивающееся их количество поступало в Балтийское море. В этих восточных водах они конкурировали с немецкими ганзейскими городами, с которыми у них было много острых споров, и с таким успехом, что голландцы постепенно монополизировали торговлю зерном, пенькой и другими товарами "восточных земель" и стали практически грузоперевозчиками Балтики. И следует помнить, что они смогли добиться этого, потому что многие города Северной части Нидерландов сами были членами Ганзейского союза и, следовательно, обладали теми же правами и привилегиями в коммерческом плане, что и их конкуренты - Гамбург, Любек или Данциг. С другой стороны, крупные промышленные города Фландрии и Брабанта, не являясь членами Лиги и не имея собственного торгового флота, довольствовались тем, что вели дела с иностранными агентами ганзейских городов, имевшими свои конторы в Антверпене. Таким

образом, можно видеть, что в середине XVI века торговля северных провинций, хотя пока еще и не шла ни в какое сравнение по объему с торговлей фламандцев и валлонов, открывала перед ними поле для предприимчивости и энергии, богатое возможностями и перспективами на будущее.

Таково было положение политических, религиозных и экономических дел, когда в 1555 году император Карл V, преждевременно состарившийся под тяжестью сорокалетнего владычества над миром, измученный постоянными кампаниями и уставший от государственных забот, объявил о своем намерении отречься от престола и удалиться в монастырь. 25 октября 1555 года акт отречения был торжественно и с впечатляющим церемониалом совершен в присутствии представителей семнадцати провинций Нидерландов, специально вызванных для последней встречи со своим сувереном в Большом зале Брюссельского дворца. Карл трогательно попрощался со своими нидерландскими подданными и в заключение попросил их проявлять к его сыну Филиппу такое же уважение и преданность, какие они всегда проявляли к нему самому. Было проявлено много чувств, поскольку Чарльз, несмотря на многочисленные и разнообразные призвания и обязанности, которые не позволяли ему сколько-нибудь долго проживать в Нидерландах, всегда старался проявлять особый интерес к стране своего рождения. Нидерланды были для него на протяжении всей жизни его родиной, и их жители смотрели на него как на соотечественника, и даже постоянные требования Карла о[стр.26] финансовой помощи, ни суровые эдикты против ереси не отдалили их от него. Отречение вызвало тем большее сожаление, что в то же время Мария Венгерская сложила с себя полномочия регента, трудные обязанности, которые она так долго и так умело исполняла. На следующий день, 26 октября, рыцари ордена Золотого руна, члены Советов и депутаты провинций принесли присягу на верность Филиппу, единственному сыну и наследнику императора; и Филипп со своей стороны торжественно обязался поддерживать в неприкосновенности древние права и привилегии нескольких провинций.

[стр.27]

ГЛАВА III

ПРЕЛЮДИЯ К ВОССТАНИЮ

Филипп на момент своего присоединения к суверенитету Нидерландов уже был королем Неаполя и Сицилии и герцогом Милана, а также благодаря своей женитьбе в 1554 году на Марии Тюдор, короле-консорт Англии, в этой стране он проживал, когда его отец вызвал его для участия в церемонии отречения от престола в Брюсселе. Несколько месяцев спустя (16 января 1556 г.) еще одним актом отречения от престола со стороны Карла V он стал королем Кастилии и Арагона. Это было огромное наследство, и нет причин сомневаться в том, что Филипп приступил к выполнению своей задачи с глубоким чувством, что на него возложена миссия, которую он должен выполнить, и с самоотверженной решимостью не щадить личного труда при исполнении своих обязанностей. Но хотя он имел определенное физическое сходство со своим отцом, Филипп по характеру и склонностям был почти его противоположностью. Молчаливый, сдержанный, недоступный, Филипп не обладал ни неутомимой энергией, ни добродушием Карла, и был столь же медлителен и нерешителен в действиях, сколь фанатичен в своих мнениях и беспринципен в своей решимости добиваться своих целей. Придя к власти, он столкнулся со многими трудностями, поскольку казна была не просто пуста, она была отягощена долгами. Из-за нехватки средств он был вынужден заключить временный мир (5 февраля 1556 г.) с французским королем в Воселе и предпринять шаги по реорганизации своих финансов.

Одним из первых действий Филиппа было назначение Эммануэля Филиберта, герцога Савойского, на пост, освобожденный его тетей Марией; но пока король оставался в Нидерландах, это была мало ответственная должность. В начале 1556 года он созвал Генеральные штаты в Брюссель и попросил о выделении субсидии в размере 1 300 000 флоринов. Предложенные налоги были не одобрены основными провинциями и в конечном итоге отклонены. Филипп был очень раздосадован, но был вынужден изменить свои предложения и принять то, что предложили делегаты. Действительно, с самого начала между новым правителем и его нидерландскими подданными не было особой любви. Филипп провел почти всю свою жизнь в Испании, где он получил[стр.28] свое образование и начальную подготовку, и он вырос до зрелого возраста, в самом узком смысле этого слова, испанца. Он был так же незнаком с законами, обычаями и привилегиями нескольких провинций своих нидерландских владений, как и с языком их народов. Он правильно говорил и писал только по-кастильски, и в течение четырех лет своего пребывания в Брюсселе он оставался холодным и надменным, чужаком в стране, где он никогда не чувствовал себя как дома. Филипп в начале своего правления честно пытался следовать по стопам своего отца и проводить его политику; но действия, на которые великий император с его примирительным обращением и фламандскими симпатиями мог отважиться безнаказанно, стали подозрительными и сомнительными, когда их предпринял сын. Филипп совершил большую ошибку, доверившись только иностранным советникам, главным из которых был Антони Перрено де Гранвель, епископ Аррасский, бургундец по происхождению, сын Николаса Перрено, который в течение тридцати лет был доверенным советником Карла V.

Начало правления Филиппа было отмечено значительными военными успехами. После краткого перемирия в 1557 году с новой силой вспыхнула война с Францией. Французское оружие, однако, потерпело два сокрушительных поражения при Сен-Кантене 129 августа 1557 года и при Гравелине 13 июля 1558 года. Ламорал, граф Эгмонтский, командовавший кавалерией, был главным действующим лицом в одержании этих побед. По Като-Камбрезийскому мирному

договору был заключен мир, по которому французы пошли на многие уступки, но им было позволено сохранить за счет союзника Филиппа город Кале, который был захвачен у англичан внезапным нападением в 1558 году. После смерти королевы Марии, которая, как говорили, была ускорена известием о потере Кале, отношения Филиппа с Англией полностью изменились, и одна из причин продолжения его пребывания в Нидерландах была устранена. Таким образом, как только был заключен мир с Францией, Филипп решил вернуться в Испанию, где требовалось его присутствие. Он выбрал свою сводную сестру Маргариту, герцогиню Пармскую, регентшей вместо герцога Савойского. В июле он созвал Капитул Ордена Золотого руна — которому суждено было стать последним в истории — в Гент, чтобы объявить о своем предполагаемом отъезде. Чуть позже Генеральные штаты были созваны, также в Генте, для торжественного прощания. 26 августа Филипп сел на корабль во Флашинге и покинул Нидерланды, чтобы больше никогда не возвращаться.[стр.29]

Выбор Филиппом Маргарет в качестве главной гувернантки был счастливым. Она была внебрачной дочерью Карла V. Ее мать была фламандкой, и она воспитывалась под опекой своих теток, Маргариты Австрийской и Марии Венгерской. Она походила на этих способных правителей тем, что была женщиной с сильным характером и качествами государственного деятеля, и, без сомнения, она добилась бы такого же успеха в своем управлении, если бы у нее были такие же возможности и такая же свобода действий, как у ее предшественниц. Однако Филипп, хотя отныне он провел всю свою жизнь в Испании, никоим образом не собирался ослаблять свою хватку за бразды правления или делегировать какую-либо долю своей суверенной власти. По возвращении в Мадрид он ясно показал, что намерен обращаться с нидерландскими провинциями так, как если бы они находились в зависимости от испанской короны, и потребовал от Маргариты и ее советников, чтобы все детали политики, законодательства и управления были представлены ему для надзора и санкции. Это требовало написания объемистых депеш и влекло за собой для человека с его привычкой к нерешительности бесконечные задержки. Более того, Маргарет была проинструктирована, что во всех вопросах она должна руководствоваться советами своих трех советов. Безусловно, самым важным из трех был Государственный совет, который в то время состоял из пяти членов — Энтони Гранвелля, епископа Аррасского; барона де Барлаймона; Виглиуса ван Цвихема ван Эйтта; Ламорала, графа Эгмонтского; и Уильяма, принца Оранского. Барлаймонт также был президентом Финансового совета, а Виглиус - президентом Тайного совета. Безусловно, самым важным членом Государственного совета, поскольку он был самым способным, был епископ Аррасский; и он вместе с Барлаймоном и Виль образовал внутренний конфиденциальный совет, у которого одного регент спрашивал совета. Все члены этого внутреннего совета, получившего название *Консульта*, были преданы интересам Филиппа. Эгмонту и Оранскому, из-за их большого влияния и популярности в народе, было разрешено номинально быть членами государственного совета, но с ними редко советовались, и они были практически лишены конфиденциального доступа к регенту. Неудивительно, что оба были недовольны своим положением и вскоре открыто продемонстрировали свое недовольство.

Эгмонт, человек скорее показных, чем солидных качеств, занимал в 1559 году важные посты штатгальтера Фландрии и Артуа. Принц Оранский был старшим из пяти сыновей Вильгельма,[стр.30] графа Нассау-Дилленбургского, главы младшей или немецкой ветви знаменитого дома Нассау. Члены старшей, или нидерландской, ветви на протяжении нескольких поколений оказывали выдающиеся услуги своим бургундским и габсбургским суверенам. Эта старшая ветвь угасла в лице Рене, сына Генриха Нассауского, одного из самых

доверенных друзей и советников Карла V, от Клод, сестры Филибера, принца Оранско-Шалонского. Филиберт, будучи бездетным, завещал свое маленькое княжество Рене; а Рене, в свою очередь, будучи убитым при осаде Сен-Дизье в 1544 году, оставил по завещанию все свои владения своему кузену Вильгельму, который, таким образом, стал принцем Оранским. Его родители были лютеранами, но Чарльз настоял на том, чтобы Уильям, которому в то время было одиннадцать лет, воспитывался как католик при дворе Марии Венгерской. Здесь он стал большим фаворитом императора, который в 1550 году даровал ему руку богатой наследницы Анны Эгмонтской, единственного ребенка графа Бюренского. Анна умерла в 1558 году, оставив двоих детей: сына Филиппа Уильяма и дочь. На церемонии отречения от престола в 1555 году Чарльз вошел в зал, опираясь на плечо Уильяма, которому, несмотря на его молодость, он уже передал важное командование. Филипп также особо отметил способности Вильгельма и засвидетельствовал свое доверие к нему, назначив его одним из уполномоченных по заключению с Францией Като-Камбрезийского мирного договора в 1559 году. Он также сделал его рыцарем Золотого руна, членом государственного совета и штатгальтером Голландии, Зеландии, Утрехта и Бургундии (Франш-Конте). Тем не менее между Филиппом и Оранским возникло растущее чувство недоверия и неприязни, в результате чего Вильгельм быстро оказался во главе патриотической оппозиции любым попыткам испанского короля управлять Нидерландами испанскими методами. Присутствие большого количества испанских войск в стране вызвало подозрение, что Филипп намеревался использовать их, в случае необходимости, для поддержки его в силовом подавлении свобод и привилегий провинций. Во многом благодаря влиянию Оранского Генеральные штаты в 1559 году отказались проголосовать за предоставление поставок, о которых просил Филипп, если только он не пообещает, что все иностранные войска будут выведены из Нидерландов. Король был сильно разгневан таким унижительным отпором и, как сообщается, когда собирался отправиться во Флашинг, обвинил Уильяма в том, что он был человеком, который таким образом подстрекал Штаты помешать ему.[стр.31]

Таким образом, когда Маргарита Пармская приступила к исполнению своих обязанностей регента, она обнаружила, что в провинциях царит чувство глубокой неудовлетворенности и общего раздражения; и это усилилось, как только выяснилось, что, хотя Филипп и ушел, его политика осталась прежней. Дух отсутствующего короля из его далекого кабинета в Мадриде витал, так сказать, над страной. Вскоре стало ясно, что Маргарет, какими бы ни были ее качества государственного деятеля или природные склонности, не обладала реальной властью, и ей не разрешалось предпринимать какие-либо шаги или инициировать какую-либо политику без совета и одобрения трех доверенных советников, приставленных к ней Филиппом — Гранвелем, Виль и Барлаймоном. Из них Гранвель, как из-за своих выдающихся способностей, так и из-за того, что его более свободно, чем кого-либо другого, посвящали во внутренние дела монарха, столь же скрытного в своих методах, сколь подозрительного и недоверчивого к своим агентам, занимал ведущее положение и навлек на себя позор политики, с которой, хотя она и диктовалась из Испании, было связано его имя.

Оранж и Эгмонт, к которым присоединился ряд других ведущих дворян (среди них Филипп де Монморанси, граф Хорн, его брат лорд Монтиньи, графы Мегем и Хоогстретен, а также маркиз Берген), мало-помалу заняли позициюрастущей враждебности к этой политике, которую они считали антинациональной и направленной на установление иностранного деспотизма в Нидерландах.

Продолжающееся присутствие испанских войск, суровые меры, которые принимались для подавления ереси, и предложение о создании ряда новых епископств вызвали недовольство и подозрения в народе. Оранж и Эгмонт, обнаружив, что с ними никогда не советовались, кроме как по рутинным вопросам, написали Филиппу (июль 1561 г.) письмо, в котором заявили, что их присутствие на заседаниях Государственного совета бесполезно, и попросили разрешить им уйти со своих постов. Тем временем, чувствуя, что присутствие испанских войск было источником скорее слабости, чем силы, Маргарита и Гранвель убеждали короля в необходимости их вывода. Ни дворянам, ни регенту не удалось добиться какого-либо удовлетворительного ответа. Оранский и Эгмонт, соответственно, отсутствовали на Совете, и Маргарита рискнула по собственному почину отослать испанские полки.[стр.32]

Вопрос о епископствах был более серьезным. Это был не новый вопрос. Епископальная организация в Нидерландах, по общему признанию, была неадекватной. Карл V давно намеревался создать ряд новых епархий, но в своей насыщенной жизни он так и не нашел возможности осуществить предложенный план, и это было одно из наследий, которое при отречении от престола он передал своему сыну. Одним из первых шагов, предпринятых Филиппом, было получение Буллы от папы Павла IV о создании новых епископств, и эта Булла была обновлена и утверждена Пием IV в январе 1560 года. До этого времени вся территория семнадцати провинций была разделена на три громоздкие епархии — Утрехт, Аррас и Турне. Утрехтский престол включал в себя почти все современное королевство Нидерландов. Не было там и архиепископского престола. Юрисдикция митрополии осуществлялась тремя иностранными архиепископами Кельна, Реймса и Тревеса. Филипп теперь разделил землю на четырнадцать епархий (Чарльз предлагал шесть) с тремя митрополитами в Мехлине, Утрехте и Шертогенбосе^[3]. Гранвелле, получивший кардинальскую шапку в феврале 1561 года, был назначен архиепископом Мехлина и в силу этой должности примасом Нидерландов в декабре 1561 года. Создание этой новой организации не обошлось без того, чтобы не вызвать широкого сопротивления.

Существующие епископы возмущались умалением их юрисдикции и достоинства, и еще громче были протесты аббатов, чьи пожертвования были направлены на обеспечение доходов новых епархий. Еще более грозной была враждебность народа в целом, враждебность, основанная на страхе, поскольку введение такого количества новых епископов, назначенных королем, рассматривалось как первый шаг к тому, чтобы подготовить почву для введения страшной испанской инквизиции. Эдикты против еретиков, которые Карл V издал и строго соблюдал, уже выполнялись по всей длине и ширине страны со все возрастающим и беспощадным варварством. Как папские, так и епископальные инквизиторы активно участвовали в преследовании, и приговоров было так много, что во многих местах гражданские власти и даже некоторые штатгальтеры отказались приводить казни в исполнение. Общественное мнение смотрело на Гранвеля как на автора схемы создания нового епископства и подстрекателя к усилению активности преследователей. Его обвинили в стремлении принять любые меры для подавления[стр.33] древних свобод провинций Нидерландов и установить централизованную систему абсолютного правления, чтобы втереться в доверие к королю и таким образом обеспечить собственное продвижение. В том, что кардинал стремился к власти, не может быть никаких сомнений. Но для людей с выдающимися способностями Гранвеля, как администратора и государственного деятеля, честолубие не обязательно является недостатком; и доступ к секретным записям и переписке того времени показал, что роль, сыгранная им, была далеко не такой зловещей, как считалось. С епископом Аррасским не

консультировались по поводу предложения о епископстве до тех пор, пока не была получена Папская булла, и поначалу он отнесся к этому отрицательно и не стремился стать архиепископом и примасом. Именно его совет побудил Маргариту отослать ненавистные испанские полки с территории Нидерландов; и, хотя она отнюдь не была от природы безжалостной преследовательницей, есть доказательства того, что ни он, ни президент Тайного совета, юрист Виль, не верили в политику жестких методов искоренения еретических мнений. Они должны были в этом, как и в других вопросах, повиноваться своему хозяину и позволить ненависти пасть на самих себя.

К Оранскому и Эгмонту, двум лидерам оппозиции Гранвелю, теперь следует добавить третье имя - Филиппа де Монморанси, графа Хорнского и адмирала Фландрии. Эти трое работали вместе над свержением кардинала, но их оппозиция в то время была основана скорее на политических, чем на религиозных соображениях. Все они исповедовали католическую веру, но брак Оранского в августе 1561 года с лютеранином Анной, дочерью Морица Саксонского и внучкой Филиппа Гессенского, был предзнаменованием грядущих перемен в религиозных взглядах Вильгельма. В 1562 году недовольство знати привело к созданию лиги против кардинала, главными членами которой, помимо трех лидеров, были графы Бредероде, Мансфельд и Хоогстратен. Эта лига, мозгом и движущей силой которой были Оранж, ставила своей главной целью отстранение Гранвелля от должности, а затем рассмотрение жалоб. Она нашла широкую поддержку. На кардинала обрушился поток пасквилей самого горького содержания. Но, хотя Маргарет начала понимать, что непопулярность министра подрывает ее положение и делает для нее задачу управления государством все более и более трудной, Филипп был непреклонен и заткнул уши. Большое расстояние между Мадридом и Брюсселем и привычка испанцев к проволочкам[стр.34] король чрезвычайно усилили недоумение регента. Она не могла действовать по собственной инициативе, и ее обращения к Филиппу были либо проигнорированы, либо после долгих задержек встречены уклончивыми ответами.

Недовольные дворяне тщетно пытались добиться возмещения своих обид. Осенью 1562 года Монтиньи был отправлен со специальной миссией в Мадрид, но вернулся, ничего не добившись. Вслед за этим Оранж, Эгмонт и Хорн составили совместное письмо, содержащее смелое требование уволить Гранвелю, как главную причину всех бед в стране. Король в ответ попросил, чтобы один из них лично отправился в Испанию, чтобы обсудить с ним возникшие проблемы, и предложил отправить туда Эгмонта. Однако Эгмонт отклонил это предложение, и в Мадрид было отправлено другое, более сильное письмо, подписанное тремя лидерами. Обнаружив, что и Маргарет, и сам Гранвелль согласны с Оранж, Эгмонтом и Хорном в их взгляде на ситуацию, Маргарет с молчаливого согласия кардинала указала на необходимость отстранения министра от занимаемой должности, Филипп, наконец, решил, что Гранвелль должен покинуть Нидерланды. Но в соответствии с советом Алвы, который был принципиально против любых уступок, он, как это было характерно, использовал обходные и тайные средства, чтобы скрыть от мира любую видимость уступки просьбе своих подданных. В январе 1564 года он отправил письмо герцогине Пармской, в котором выразил свое недовольство письмом лордов и сказал, что они должны обосновать свои жалобы. Тот же посыльный (Арментерос, секретарь герцогини) доставил Гранвелю еще одно письмо, озаглавленное "секретно", в котором кардиналу сообщали, что "из-за сильных чувств, которые были вызваны против него, он должен попросить разрешения у регента отлучиться на короткое время, чтобы навестить свою мать". Примерно через неделю после того, как эти письма достигли места назначения, другой курьер доставил трем дворянам ответ, который, хотя и был написан в тот же день, что и

остальные, был датирован тремя неделями позже, в котором им предлагалось снова занять свои места в Государственном совете и было дано обещание, что обвинения против Гранвеля после их обоснования будут рассмотрены в зрелом порядке. Это письмо было доставлено 1 марта, после того как Гранвель, повинаясь приказу короля, попросил отпуск, чтобы навестить свою мать во Франш-Конте. Кардинал действительно покинул Брюссель 13 марта, к великой радости всех слоев населения, и никогда больше не возвращался.[стр.35]

С отъездом Гранвеля дворяне снова заняли свои места в Государственном совете. *Консультанта* исчезла, а сама регентша, казалось, испытала облегчение и приветствовала исчезновение человека, чья власть затмила ее собственную. Но это изменение, хотя и передало большие административные полномочия и покровительство в руки нидерландцев, а не иностранцев, ни в коем случае не привело к появлению более чистых методов правления. Многие дворяне были по уши в долгах; большинство из них были корыстолюбивы; должности и вознаграждение охотно разыскивались и даже выставлялись на продажу. Армендерос, личный секретарь Маргарет (которому было дано прозвище *Аргентерос*), был ведущей фигурой в этой позорной торговле и обогатился на получении взяток за выдвижение в преферансисты. Это было необразованное положение вещей, и общественное мнение не заставило себя долго ждать, чтобы выразить свое недовольство такой демонстрацией широко распространенной продажности и жадности. Все это было должным образом доложено Филиппу Гранвелем, который и на пенсии продолжал быть в курсе всего происходящего.

Тем временем усилиями Оранжа, Эгмонта и Хорна, в основном первого, выдвигались предложения о реформе, направленной на усиление полномочий Государственного совета, реорганизацию финансов и более умеренное распространение плакатов против ереси. Пока шло обсуждение этих вопросов, от Филиппа (август 1564 г.) поступил приказ о приведении в исполнение постановлений недавно завершившегося Тридентского собора. Это сразу вызвало протест и оппозицию. Это было осуждено как нарушение основных привилегий провинций. Инструкции Филиппа, однако, были безапелляционными. В этих обстоятельствах Государственный совет принял решение направить Эгмонта со специальной миссией в Мадрид, чтобы лично объяснить королю состояние дел в Нидерландах. Эгмонт выразил готовность ехать, и Виглий составил для него инструкции. Когда они были зачитаны на заседании совета, созванном с этой целью, Оранский в длинной и красноречивой речи смело выразил свое несогласие со многим из того, что написал Виглий, и пожелал, чтобы Филиппу прямо сказали, что невозможно обеспечить исполнение декретов и что суровость религиозных преследований должна быть смягчена. Совет решил пересмотреть инструкции в соответствии с рекомендациями Оранжа, слова которого так[стр.36] подействовали на престарелого Виглия, что в ту же ночь с ним случился апоплексический удар, который оказался смертельным.

Эгмонт отправился в Испанию 15 января 1565 года, и по прибытии был принят Филиппом с чрезвычайной вежливостью. Его принимали великолепно; ему были преподнесены подарки, которые он, будучи изрядно задолжавшим, с радостью принял; но что касается его миссии, то он был отложен уклонениями и уговорами, и он вернулся домой с ответом от короля, содержащим несколько туманных обещаний реформы в финансовых и других вопросах, но категорический отказ изменять указы против ереси. Он скорее пожертвовал бы сотней тысяч жизней, если бы они у него были, чем признал свободу вероисповедания в любой форме. Однако в течение нескольких месяцев не предпринималось никаких попыток осуществить активные преследования; а регентша тем временем делала все возможное, чтобы представить

королю настоятельные доводы в пользу изменения его политики из-за злого духа беспорядков и подозрительности, который зарождался в провинциях. Она умоляла Филиппа посетить Нидерланды и лично ознакомиться с трудностями ситуации, которая, если не последовать ее совету, быстро ухудшится и выйдет из-под ее контроля. Филипп, однако, был глух как к увещаниям, так и к мольбам. 5 ноября 1565 года королевская депеша достигла Брюсселя, в которой были возобновлены строжайшие распоряжения о распространении по всем провинциям декретов Тридентского собора и о вывешивании плакатов против еретиков, в то время как предложения, которые были сделаны о расширении полномочий Государственного совета и о созыве Генеральных штатов, были отклонены. Как только стало известно об этих судьбоносных решениях и инквизиция начала по-настоящему серьезно браться за свою грязную работу, народному возмущению не было предела. Большое количество магистратов отказались принимать какое-либо участие в возникшем жестоком преследовании, последовав примеру Оранжа, Эгмонта, Бергена и других штатгальтеров и видной знати. Возник сильный дух сопротивления произволу и иностранному правлению, нашедший выражение в действиях, предпринятых большим числом представителей так называемого "мелкого дворянства". Многие из них приехали в Брюссель, и на встрече в доме графа Кулембургского было предложено создать лигу сопротивления произволу. Лидерами были Людовик Нассауский, брат принца Оранского, Николя де Харнес, Филипп де Марникс, лорд Сент-Альдегонды, и Генрих, виконт Бредероде. Были проведены другие[стр.37] собрания, и был составлен документ, воплощающий принципы и требования конфедератов, известный как *Компромисс*, который был широко распространен среди знати и быстро получил широкую и постоянно растущую поддержку. Подписавшие *Компромисс*, хотя и называли себя верными подданными короля, осудили инквизицию во всех ее формах "как несправедливую и противоречащую всем законам человеческим и божественным"; и они обязались поддерживать друг друга в противодействии ее внедрению в Нидерланды и в предотвращении распространения плакатов против ереси, в то же время обязуясь поддерживать королевскую власть и общественный мир в стране.

Поначалу знатные люди стояли в стороне, не зная, какой курс избрать. По инициативе Оранжа были проведены конференции, на которых, по его совету, петиция или *Запрос*, излагающий жалобы и требующий возмещения ущерба, должен быть составлен в письменной форме для представления регенту. Первоначальный проект этого документа был работой Льюиса Нассауского. Однако эти конференции показали значительное расхождение во взглядах среди ведущих дворян. Эгмонт и Мегем действительно были настолько встревожены характером движения, которое, как им казалось, отдавало государственной изменой, что отныне они отделились от Оранжа и Хорна и открыто встали на сторону правительства. Герцогиня после некоторых колебаний согласилась принять петицию. Группа союзников под руководством Бредерода и Льюиса Нассауского направилась во дворец, где их приняла Маргарет лично. Просители просили регента направить посланника в Мадрид, чтобы изложить королю настроения среди его верноподданных в Нидерландах, умоляя его отозвать инквизицию и смягчить плакаты против ереси, а тем временем ее собственной властью приостановить их до получения ответа короля. Регентша ответила, что у нее нет полномочий приостанавливать инквизицию или вывешивание плакатов, но в ожидании королевского ответа она предпримет меры по смягчению их действия.

В последний день своего пребывания в Брюсселе, 8 апреля, конфедераты под председательством Бредероде в количестве около трехсот человек обедали вместе в отеле "Кулембург". Во время трапезы Бредероде обратил внимание компании, теперь уже несколько

разгоряченной вином, на презрительную фразу, приписываемую, по распространенным сведениям, Барлаймону. Маргарет была несколько встревожена[стр.38] внушительной численностью депутации, когда она вошла во двор дворца, и, как говорили, Барлаймон заметил, что "этим нищим" (*ces gueux*) незачем вызывать у нее страх. Бредероде заявил, что он не возражает против этого названия и вполне готов быть "нищим" во имя своей страны и своего короля. Этому имени было суждено войти в историю. Тотчас же среди собравшихся гостей раздались громкие крики, пока большой зал не наполнился эхом от криков *"Да здравствуют люди"*. С этого дня конфедераты стали известны как *"les gueux"*, и они носили грубую серую одежду с символами нищенства — кошельком и чашей, — которые носили как *знаки отличия* своей лиги. Это было началом народного движения, которое быстро распространилось среди всех классов. Также была отчеканена медаль, на одной стороне которой была изображена голова короля, а на другой — две сложенные руки с надписью *"Верные о рое Жюске в беззащитности"*.

Так весной 1566 года организовалась оппозиция тираническим мерам правительства. Было бы большой ошибкой полагать, что большинство тех, кто подписал "Компромисс" или представил "Просьбу", были нелояльны своему суверену или обратились в реформатскую веру. Среди тех, кто осуждал методы инквизиции и кровавые плакаты, было большое число тех, кто, не переставая быть католиками, были разочарованы злоупотреблениями, проникшими в Римскую церковь, желали их устранения лишь в меньшей степени, чем сами протестанты, и не сочувствовали ужасным и безжалостным преследованиям в Испании, которые стремились подавить всякую свободу мысли и все попытки религиозной реформы с помощью кола и меча палача. Тем не менее, эта лига знати ободрила сектантов и послужила сигналом к значительному увеличению числа и активности кальвинистских и цвинглианских проповедников, которые стекались в страну из соседних стран. Смелость этих проповедников была такова, что вместо того, чтобы довольствоваться тайными собраниями, они начали проводить свои собрания в полях или на окраинах городов. Толпы людей стекались послушать их, и авторитету магистратов бросали вызов и попирали его. Регент был в отчаянии. Вскоре после представления Просьбы по совету совета было решено направить специальных посланников, чтобы еще раз изложить королю серьезное положение вещей. Маркиз Берген[стр.39] и барон Монтиньи с некоторыми возражениями согласились взять на себя эту миссию, но по разным причинам они прибыли в Мадрид примерно через два месяца. Они были приняты с видимой вежливостью, и после нескольких совещаний король 31 июля отправил Маргарите письмо, в котором он обязался покончить с папской инквизицией и предложил разрешить такую умеренность в отношении плакатов, которая не подразумевала какого-либо признания еретических мнений или какого-либо ущерба католической вере. Он отказался дать согласие на встречу Штатов, но отправил Оранскому и Эгмонту письма, составленные в самых дружеских выражениях, взывая к их лояльности и прося поддержать регента своими советами и влиянием. Однако эти демонстрации примирительного настроения были простым выжиданием. Он играл фальшиво. Существует документ, датированный 9 августа, в котором Филипп заявляет, что эти уступки были вымоганы у него против его воли и что он не считал себя связанным ими, и он сообщил папе, что отмена папской инквизиции была простой формой выражения.

Тем временем события в Нидерландах развивались стремительно. На проповеди под открытым небом приходили тысячи людей, а в Антверпене, который был одним из главных центров кальвинизма, вспыхивали беспорядки и вызывали опасения вооруженных конфликтов. Сам Оранж, как бургграф Антверпена, по просьбе герцогини посетил город и с помощью Бредероде

и Мегема добился компромисса между католической и протестантской партиями. Последним разрешалось беспрепятственно проводить свои проповеди при условии, что они встречались за пределами, а не в пределах городских стен. Встревоженная регентша была даже вынуждена обратиться к конфедератам с просьбой помочь ей в поддержании порядка. Последовало много переговоров, в которых приняли участие Оранж и Эгмонт; и в июле в Сен-Тронде, округ Льеж, было созвано собрание сторон, подписавших Компромисс. Присутствовало около двух тысяч человек под председательством Льюиса Нассауского. Было решено послать двенадцать делегатов к Маргарите, чтобы донести до нее необходимость найти средство от зла, которое поражало и тревожило страну. Они предложили проконсультироваться с Оранж и Эгмонтом относительно наилучших средств, с помощью которых они могли бы работать вместе на благо страны, но намекнули, что, если возмещение ущерба не будет предоставлено, они могут быть вынуждены обратиться за иностранной помощью. Действительно, это была не пустая угроза, поскольку Льюис уже поддерживал связь с протестантскими лидерами как во Франции, так и в[стр.40] землях Рейна относительно условий, на которых они окажут вооруженную помощь; и Оранж, вероятно, не был полностью в неведении относительно этого факта. Регентша была разгневана тоном делегатов, которых она принимала 26 июля, но в своем нынешнем бессилии сочла за лучшее скрыть это. Она пообещала рассмотреть петицию и созвала собрание рыцарей Золотого руна в Брюсселе 18 августа, когда она примет решение о своем ответе. Но когда эта дата наступила, другие, более насущные причины, чем советы консультантов, вынудили ее уступить конфедератам большую часть их требований. 23 августа она согласилась в обмен на помощь в восстановлении порядка предоставить свободу проповеди при условии, что собравшиеся не будут носить оружие и не будут вмешиваться в католические места отправления культа и религиозные службы. Далее всем, кто подписал Компромисс, было обещано возмещение ущерба.

Причинами, которые повлияли на нее, были, во-первых, получение 12 августа примирительного письма от короля, о котором уже упоминалось, в котором он соглашался на определенную степень терпимости; и, во-вторых, внезапная вспышка иконоборческой ярости со стороны кальвинистских сектантов, которая с большой скоростью распространилась по многим частям страны. 14 августа в Сент-Омере, Ипре, Куртре, Валансьене и Турне толпы фанатиков ворвались в церкви, разрушая их, оскверняя алтари, изображения, облачения и произведения искусства, унося священные сосуды и все, что было ценного. 16 и 17 августа разъяренные и святотатственные банды, вооруженные топорами и молотками, проникли в кафедральный собор Антверпена, устроив опустошение и разруху внутри прекрасной церкви. В Голландии и Зеландии были совершены аналогичные эксцессы. Такое поведение вызвало чувство глубочайшего негодования и порицания в умах всех здравомыслящих людей и совершенно оттолкнуло тех более умеренных католиков, которые до сих пор выступали за умеренность. Из знати, которая до сих пор защищала национальные свободы и привилегии от посягательств иностранного деспотизма, многие теперь отпали. Среди них были Аремберг, Мегем и Мансфельд. Эгмонт колебался. Как и следовало ожидать, известие об этих безобразиях, когда оно достигло ушей Филиппа, наполнило его яростью и горем; сообщается, что он воскликнул: "Это дорого им обойдется. Я клянусь в этом душой моего отца. С этого времени он был[стр.41] полон решимости образцово наказывать не только бунтовщиков и протестантских сектантов, но особенно знатных людей, на плечи которых он возлагал всю вину за возникшие беспорядки.

Он не спешил действовать и объявил, что намерен лично отправиться в Нидерланды и разобраться в предполагаемых жалобах. Так он и сказал своим советникам и написал Маргарет.

Похоже, никто не подозревал о его глубоко продуманном плане отвести подозрения от намеченных им жертв, пока не наступил подходящий момент для того, чтобы наложить на них руки и сокрушить любое сопротивление подавляющей силой. Только Оранский, у которого были свои платные шпионы в Мадриде, предчувствовал грядущее и заблаговременно принял меры предосторожности. В перехваченном письме от испанского посла в Париже регентше Маргарите конкретно упоминались Оранж, Эгмонт и Хорн как заслуживающие примерного наказания; и 3 октября принц организовал встречу в Дендермонде, чтобы обсудить, каким должен быть их курс действий. Помимо Эгмонта и Хорна, присутствовали Хогстретен и Льюис из Нассау. Уильям и Льюис настаивали на том, что в случае необходимости следует предпринять шаги по подготовке вооруженного сопротивления. Но ни Эгмонт, ни Хорн не согласились бы; они не были бы виновны ни в каком акте нелояльности своему суверену. Результат встречи сильно разочаровал Оранжа, и эта дата ознаменовала поворотный момент в его жизни. Совместно со своими братьями Джоном и Льюисом он начал вступать в переговоры с несколькими немецкими протестантскими князьями о создании лиги защиты приверженцев реформатской веры в Нидерландах. Теперь он впервые отказался от своей номинальной верности Римской церкви и в письме Филиппу Гессенскому признал себя лютеранином.

В те же осенние месяцы Филипп снабдил свою сестру значительными суммами денег для набора сильного отряда наемников, немцев и валлонов. Располагая теперь войсками, которым она могла доверять, Маргарет весной 1567 года предприняла энергичные шаги по подавлению всех повстанческих движений и беспорядков и без колебаний проигнорировала уступки, которые были вырваны у нее 23 августа. Дворяне конфедерации, удовлетворенные ее обещаниями, несколько преждевременно распустили свою лигу; но один из самых пламенных и ревностных среди них, [стр. 42] Джон де Марникс, лорд Тулузы, собрал в Антверпене около 2000 кальвинистов и попытался стать хозяином этого города. В Авструвиле он был встречен (13 марта) валлонским отрядом, посланным Маргаритой с приказом "истребить еретиков". Тулузе и почти все его сторонники погибли в бою. В то же время на юге собрания были безжалостно подавлены, а проповедники изгнаны.

Теперь Маргарет почувствовала себя достаточно сильной, чтобы потребовать, чтобы штатгальтеры и видная знать под страхом увольнения со своих постов принесли клятву "служить королю и действовать за и против кого угодно, прикажет Его величество". Эгмонт принес присягу; Хорн, Хогстретен и Бредероде отказались это сделать и сложили свои полномочия. Оранж предложил свою отставку, но Маргарет не пожелала ее принять и уредила его сначала обсудить этот вопрос с Эгмонтом и Мегемом. Соответственно, три дворянина встретились в Виллебруке 2 апреля. Уильям использовал всю свою силу убеждения в попытке убедить Эгмонта, что он стремится к разрушению. Но тщетно. Сам он не изменил своего решения, и два друга, которые так долго работали вместе на благо патриотизма, расстались, чтобы никогда больше не встретиться. Оранж понял, что в Нидерландах он больше не в безопасности, и 22 апреля отправился из Бреды в резиденцию своего брата Джона в Дилленбурге. Здесь, в изгнании, он мог в безопасности наблюдать за развитием событий и быть под рукой, если обстоятельства снова потребуют его вмешательства в дела Нидерландов.

Orange пошел на этот крайний шаг не без достаточных оснований. В то самое время, когда Филипп покидал Нидерланды, он прощался с герцогом Алва, которого отправил во главе отряда ветеранов выполнять без жалости и угрызений совести суровую обязанность по изгнанию ереси из провинций и наказанию всех тех, и особенно лидеров, которые осмелились выступить против

произвола королевской власти. Он уже некоторое время готовил эту экспедицию. Он по-прежнему делал вид, что приезжает лично, чтобы разобраться в предполагаемых претензиях, но у него никогда не было ни малейшего намерения покидать Мадрид. Алва отплыл из Картахены (27 апреля) в Геную и сразу же приступил к сбору из различных испанских гарнизонов в Италии отборного отряда численностью около 12 000 человек. С ними он отправился в июне в свой долгий поход через Альпы, Бургундию, Лотарингию и Люксембург. Его[стр.43] прогресс, за которым ревниво следили французы и швейцарцы, не встретил никакого сопротивления, если не считать трудностей маршрута. Он вступил в Нидерланды 8 августа со своей армией в целостности и сохранности. Несколько знатных людей, среди которых был Эгмонт, вышли встретить его на пути в Брюссель. Он принял их, особенно Эгмонта, со всей видимой любезностью. Алва пока носил только титул генерал-капитана, но король наделил его всеми гражданскими и военными полномочиями, а герцогиня Пармская, хотя и оставалась номинальной регентшей, оказалась низведенной до ничтожества. Первым шагом Альвы было размещение сильных испанских гарнизонов в главных городах, следующим - привлечение в свою власть лидеров, обреченных на уничтожение. Для достижения этой цели ему удалось честными и льстивыми словами добиться присутствия как Эгмонта, так и Хорна в Брюсселе. Под предлогом участия в консультации они были (9 сентября) приглашены в резиденцию герцога и по прибытии внезапно оказались арестованными. В то же время их секретари и бумаги были изъяты, а Антони ван Стрален, бургомистр Антверпена, был помещен под арест. Эти своевольные действия были прелюдией к царству террора; и Маргарет, уже униженная тем, что оказалась смещенной, попросила своего брата принять ее отставку. 6 октября должность генерал-губернатора была возложена на Алву; и вскоре после этого герцогиня покинула Нидерланды и вернулась в Парму.

Теперь бразды правления были в руках Альвы, и с безжалостным рвением и хладнокровной свирепостью, которые сделали его имя нарицательным, он приступил к выполнению трудной задачи, которую доверил ему его учитель. Он должен был с суровой строгостью применять все наказания, предписанные плакатами против еретиков и проповедников, и без промедления расправляться со всеми, кто принимал какое-либо участие в оппозиции правительству. Но попытка сделать это с помощью обычных судов и магистратов потребовала бы времени и привела бы ко многим оправдательным приговорам. Поэтому, как только Алва сбросил маску внезапным и умело спланированным арестом Эгмонта и Хорна, он приступил к созданию чрезвычайного трибунала, который не имел никакого юридического статуса, за исключением того, что ему была предоставлена произвольная воля герцога. Этот так называемый Смутный совет, который быстро приобрел в народе название Совета крови, фактически состоял из самого Альвы, который был президентом и на окончательное решение которого передавались все дела, и двух испанских юристов, его[стр.44] избранных инструментов и агентов, Хуана де Варгаса и Луиса дель Рио. Два дворянина-роялиста, Нуаркарм и Барлаймон, и пять нидерландских юристов также получили места; но, поскольку голосовали только испанцы, остальные вскоре перестали посещать собрания. Разбирательство действительно было, с юридической точки зрения, простой пародией на правосудие. Целая армия уполномоченных была выпущена на свободу, а информаторы поощрялись и вознаграждались. Множество обвиняемых предстали перед трибуналом и были осуждены группами практически без проведения судебного разбирательства. Долгими часами, день за днем, Варгас и дель Рио наслаждались своей работой мясника; и во всех частях Нидерландов палачи были заняты своим делом. Обвиняемым не было смысла апеллировать к хартиям и привилегиям своих

провинций. Всех одинаково вызвали в Брюссель; *non curamus privilegios vestros* объявил Варгас на своей безграмотной латыни. Рука об руку с массовыми смертными приговорами шла конфискация имущества. Огромные суммы поступали в казну. Некоторое время вся страна была охвачена ужасом. Вся организованная оппозиция была подавлена, и никто не осмелился поднять голос в знак протеста.

Принц Оранский был вызван лично предстать перед советом в течение шести недель под страхом вечного изгнания и конфискации его поместий. Он отказался приехать и энергично отрицал, что совет имеет над ним какую-либо юрисдикцию. Такой же приговор был вынесен всем другим лидерам, которые оказались вне досягаемости руки Альвы, — Святой Альдегонде, Хогстратену, Кулембургу, Монтиньи, Льюису Нассаускому и другим. Не имея возможности наложить лапу на самого принца, генерал-губернатор подло воспользовался неосторожностью Уильяма, оставив своего старшего сына в Лувене для продолжения учебы в университете. В начале 1568 года Филипп Вильгельм, граф Буренский по праву своей матери, был схвачен и отправлен в Мадрид, чтобы воспитываться при дворе Филиппа в ненависти к делу, которому его отец отныне посвятил свою жизнь. Действительно, еще до похищения своего сына Оранж из своего безопасного убежища в Дилленбурге прилагал все усилия, чтобы собрать войска для вторжения в Нидерланды. Он по-прежнему заявлял о верности королю и заявлял, что от имени короля желает восстановить в провинциях те свободы и привилегии, которые сам Филипп поклялся сохранить. Трудность заключалась в том, чтобы найти крупную сумму денег, необходимую для такого предприятия, и только путем экстраординарных усилий был собран достаточная сумма[стр.45]. Часть денег была собрана в Антверпене и различных городах Голландии и Зеландии, остальная часть была подписана частными лицами. Иоанн Нассауский заложил свои поместья, Оранский продал свою посуду и драгоценности, и, наконец, был собран военный сундук в 200 000 флоринов. Предлагалось напасть на Нидерланды с трех направлений. С севера Льюис Нассауский должен был повести армию из Эмса во Фрисландию; Хоогстретен на востоке должен был войти через Маэстрихт; в то время как другой отряд гугенотов и беженцев на юге должен был двинуться на Артуа. Это был почти отчаянный план перед лицом опытных войск, занимавших центральное положение под командованием такого испытанного командира, как Алва. Последние названные французские силы и силы под командованием Хогстретена были легко разбиты и рассеяны испанскими отрядами, посланными им навстречу. Льюис Нассауский поначалу добился большего успеха. Войдя в Гронинген во главе восьми или девяти тысяч недисциплинированных солдат, он был атакован 23 мая на сильной позиции за болотом испанскими войсками под командованием графа Аремберга, штатгальтера Фрисландии, при Хайлигерлее. Он одержал полную победу. Сам Аремберг был убит, как и младший брат Льюиса, Адольфус Нассауский. Триумф захватчиков был недолгим. Альва сам взял на себя задачу разобраться с повстанцами. Во главе 15 000 солдат он гнал перед собой новобранцев из Нассау до Джеммингена в устье Эмса, и здесь, потеряв всего семь человек, он полностью уничтожил их. Сам Льюис и еще несколько человек спаслись, бросившись в воду и спасая свою жизнь вплавь.

Сражение при Хейлигерли, вынудившее генерал-губернатора выступить на поле боя, ускорило судьбу Эгмонта и Хорна. После ареста двух аристократов несколько месяцев держали в одиночной камере в цитадели Гента, пока длинный список выдвинутых против них обвинений рассматривался Смутным советом — другими словами, Варгасом и дель Рио. Эти обвинения они

гневно отвергли, и жена Эгмонта и вдовствующая графиня Хорн приложили огромные усилия в их защиту. Были поданы апелляции генерал-губернатору и самому Филиппу либо о помиловании на основании заслуг, оказанных государству, либо, по крайней мере, о предании суду Ордена в качестве рыцарей Золотого Руна. Сам император Максимилиан умолял Филиппа о помиловании, но безуспешно. Их судьба была предрешена заранее, и король был непреклонен. Соответственно, Алва решил[стр.46], что они должны быть казнены до того, как он покинет Брюссель и отправится в свою кампанию на севере. 2 июня совет, отказавшись заслушать какие-либо дальнейшие доказательства в пользу заключенных, признал их виновными в государственной измене, и Алва сразу же подписал смертные приговоры. Эгмонт и Хорн на следующий день были доставлены сильным отрядом войск из Гента в Брюссель и заключены в здании напротив ратуши, известном как Брудхейс. 5 июня их головы были отрублены на эшафоте, воздвигнутом на большой площади перед местом их заключения. Оба они встретили свою смерть с предельным спокойствием и мужеством. Эффект этого решающего удара возмездия на этих двух лидеров-патриотов, оба из которых были добрыми католиками, которые всегда заявляли о верности своему суверену и один из которых, Эгмонт, оказал выдающиеся услуги своей стране и королю, был глубоким. Волна смешанного гнева и печали прокатилась по стране. Это был не только акт жестокой несправедливости, но даже как политический акт - грубая ошибка первой величины, которая, несомненно, повлекла за собой возмездие.

[стр.47]

ГЛАВА IV

ВОССТАНИЕ В НИДЕРЛАНДАХ

Полный провал экспедиций Хогстретена и Льюиса Нассауского сильно обескуражил принца Оранского. Тем не менее, получив известие о Йеммингене, он написал своему брату: "С Божьей помощью я полон решимости идти дальше". Ценой огромных усилий ему удалось собрать разнородные силы немецких и валлонских наемников численностью около 18 000 человек, и с ними в начале октября он пересек границу. Но для поддержания таких сил на местах

требовались гораздо большие финансовые ресурсы, чем те, которыми располагал Уильям. Альва знал об этом, и, когда принц направился в Брабант, он последовал по его стопам с небольшим отрядом ветеранов, отрезав припасы и оставших, но отказавшись от сражения. Наемники, лишенные возможности награбленного и задолжавшие жалованье, не могли держаться вместе более нескольких недель. В ноябре Оранский отступил во Францию и распустил остатки своей армии. Переодевшись, он с некоторыми трудностями сумел бежать через Францию в Дилленбург. Его братья, Льюис и Генри, присоединились к армии гугенотов под командованием Колиньи и принимали участие в битвах при Монконтуре и Жарнаке.

Теперь Алва, по-видимому, был верховным правителем Нидерландов; и толпы беженцев бежали из страны, спасаясь от массовых преследований Совета Крови. Однако Альве, как и его предшественнику, да и всем испанским губернаторам, участвовавшим в проведении политики Филиппа II, всегда мешала нехватка средств. Испанская казна была пуста. Войска генерал-губернатора не меньше, чем войска Оранского, требовали регулярного жалованья, и необходимо было найти средства для их удовлетворения. Срок уплаты налогов, утвержденный на девять лет в 1559 году, подошел к концу. Новые налоги могли вводиться только с согласия Генеральных штатов. Однако Алва после своей победы при Еммингене и рассеяния оранской армии почувствовал себя достаточно сильным, чтобы созвать Генеральные штаты и потребовать их согласия на предложенную им схему налогообложения. Генерал-губернатор потребовал (1) пятипроцентного налога, [стр.48] "двадцатого пенни", на все передачи недвижимости, (2) десятипроцентного налога, "десятого пенни", на все продажи товаров. Эти налоги, которые были попыткой ввести в Нидерландах систему, известную в Кастилии как *алькабала*, должны были предоставляться бессрочно, таким образом, как надеялся герцог, устраняя необходимость повторного созыва Генеральных штатов. В дополнение к этим ежегодным налогам он предложил единоразовую выплату одного процента, "сотого пенни", со всего имущества, реального или движимого. Такое требование противоречило всем прецедентам в Нидерландах и являлось нарушением освященных временем хартий и привилегий; и даже ужас, который внушала железная тирания Алвы, не помешал ему столкнуться с сильной оппозицией. Предложения должны были быть переданы провинциальным сословиям, и повсюду возникали трудности. Все классы объединились в сопротивление. Посыпались петиции с протестами против введенных ограничений, которые угрожали разрушить торговлю и промышленность страны. Альва счел невозможным продолжать.

Было проголосовано за "сотый пенни", но вместо других налогов, которые должны были обеспечивать стабильный годовой доход, ему пришлось довольствоваться фиксированной выплатой в размере 2 000 000 гульденов только на два года. Введение этих налогов по образцу *алькабалы* было частью схемы ликвидации всех провинциальных юрисдикций и прав и превращения всех Нидерландов в единое государство, столь же подвластное деспотическому правлению, как и сама Кастилия. Большая централизация правительства была постоянной политикой бургундских и габсбургских правителей со времен Филиппа Доброго, политикой, заслуживающей похвалы, если она проводилась в духе государственного деятеля и умеренности без какого-либо внезапного или насильственного нарушения традиционных свобод. Цель Филиппа Испанского, как ее истолковал избранный им инструмент, герцог Альва, была гораздо более радикальной. Для Альвы и его хозяина все ограничения абсолютной власти суверена были препятствиями, которые следовало безжалостно устранять; гражданская и религиозная свобода в их глазах не заслуживала лучшей участи, чем быть подавленной силой.

Алва по опыту многих потенциальных тиранов до и после него знал, что успешное применение силы ограничено силой кошелька. Его казна была пуста. Филипп сам испытывал финансовые трудности и не мог выделить ему денег из Испании. Отказ провинциальных поместий Нидерландов одобрить его схему налогообложения лишил его средств для[стр. 49] навязывания им своей воли. Его правление террора создало по всей стране поверхностную видимость мира. В начале 1570 года не было никаких открытых беспорядков или повстанческих движений, которые нужно было подавлять, но народ кипел от недовольства, и чувство ненависти, вызванное присутствием испанской инквизиции и иностранных солдат, а также действиями Совета Крови, день ото дня становилось глубже и озлобленнее.

Об этом положении дел было должным образом доложено королю в Мадрид; и на его стороне не было недостатка в советниках, которые недружелюбно относились к Альве и стремились максимально использовать жалобы на него. Среди этих врагов был Руй Гомес, личный секретарь короля, который рекомендовал проводить политику снисхождения, как и Гранвелле, который сейчас находился в Неаполе. Филипп никогда не испытывал никаких угрызений совести, выдавая своих агентов, и объявил о своем намерении объявить амнистию по случаю того, что Анна Австрийская, его предполагаемая невеста и четвертая жена, отплыла из Антверпена в Испанию. На самом деле это воззвание было сделано в Антверпене лично генерал-губернатором 16 июля 1570 года. Это было ограниченное заявление о помиловании, поскольку были исключены шесть категорий правонарушителей, и оно распространялось только на тех, кто в течение двух месяцев примирился с католической церковью и отрекся от реформатских доктрин.

Однако в 1570-71 годах было мало внешних признаков постепенного подрыва авторитета Альвы. По всей стране царили угрюмое негодование и недовольство, но никаких попыток открытого сопротивления не предпринималось. Железная рука генерал-губернатора не ослабляла своей твердой хватки за бразды правления, и страх перед его неумолимой местью наполнял сердца людей. Он правил силой, а не любовью; и те, кто отказывался подчиниться, должны были либо бежать из страны, либо погибнуть от рук палача. Тем не менее в эти печальные годы принц Оранский и Людовик Нассауский, несмотря на очевидную безнадежность ситуации, неустанно пытались собрать свежие силы. Вильгельм в Дилленбурге приложил максимум усилий, чтобы заручиться поддержкой протестантских князей Рейнской области. Однако у кальвинистов он все еще вызывал серьезные подозрения. Сам он считался вялым новообращенным из католицизма в доктрины Аугсбурга, а его жена была дочерью и наследницей Морица Саксонского, поборника лютеранства. Отречение Вильгельма от Анны Саксонской из-за ее[стр.50] неоднократных измен (март 1571 г.) разорвало этот лютеранский союз. Несчастливая Анна, проведя шесть лет в заключении, умерла безумной в 1577 году. В то же время между Оранж и известным кальвинистским писателем и лидером Филиппом де Марниксом, сеньором Сент-Альдегонды, установились самые тесные отношения доверия и дружбы. Эта связь со Святой Альдегондой обеспечила Вильгельму поддержку кальвинистов, и вскоре тайные агенты принца активно работали в различных частях провинций, обещая вооруженную помощь и собирая рекрутов для набора войск вторжения. Главными среди этих активных помощников были Якоб ван Везенбеке, Дидрих Соной и Пауль Байс; и главной ареной их действий были провинции Голландия и Зеландия, уже отличившиеся своим рвением в борьбе за свободу. Сумма собранных денежных средств была, однако, в течение некоторого времени очень небольшой. Доброй воли было предостаточно, но полный провал предыдущих усилий принца поверг людей в отчаяние.

Эти более ранние усилия на суше действительно были катастрофическими, но они не ограничивались полностью наземными операциями. Оранский, в качестве суверенного принца, выдал *каперские грамоты* ряду судов, находящихся под командованием лорда Долхейна. Эти суда были простыми корсарами, и экипажи их состояли из свирепых фанатичных сектантов, головорезов, воспламененных одновременно лютой ненавистью к папистам и надеждой на добычу. Эти "Морские попрошайки" (*Gueux de mer*), как их называли, быстро увеличивались в числе и вскоре наводили ужас на узкие морские просторы своими безрассудными поступками и жестокостью. Уильям тщетно пытался сдерживать эксцессы, которые приносили ему мало прибыли и немалую дискредитацию. Напрасно он связывал лорда Лумбреса в главном командовании с Долхейном. Их подчиненные, Уильям де Блуа, лорд Треслонг, и Уильям де ла Марк, лорд Люми, были смелыми, беспринципными авантюристами, которые сочли в своих интересах позволить своим неуправляемым экипажам сжигать и грабить, по своему желанию, не только корабли своих врагов в открытом море, но и церкви и монастыри вдоль побережья и в устьях рек, которые они наводнили. Трудность заключалась в том, чтобы найти гавани, в которых они могли бы укрыться и распорядиться своей добычей. В течение некоторого времени им разрешалось свободно пользоваться английскими портами, и крепость гугенотов в Ла-Рошели также была открыта для них в качестве рынка сбыта. Королева Елизавета, по своему обыкновению, без колебаний потворствовала актам пиратства во[стр.51] ущерб испанцам; но, наконец, в начале 1572 года, в результате решительных заявлений Мадрида, она сочла политичным издать приказ, запрещающий морским попрошайкам заходить в любые английские гавани. Пираты, лишенные, таким образом, убежища, которое сделало возможными их грабежи, быстро оказались бы в очень тяжелом положении, если бы не неожиданный и удивительный удар судьбы. Случилось так, что большое количество судов под командованием Лумбреса и Треслонга было загнано непогодой в устье Мааса; и обнаружив, что испанский гарнизон Брилла покинул город в карательной экспедиции, разбойники высадились и проникли внутрь, подожгв одни из ворот. Город был захвачен и разграблен, и мародеры уже собирались вернуться со своей добычей на свои корабли, когда по предложению Треслонга было решено разместить в городе гарнизон и использовать его как гавань-убежище от имени принца Оранского, как штатгальтера Голландии. 1 апреля 1572 года флаг принца был поднят над Бриллом, и был заложен первый камень в основание будущей голландской республики.

Сам Вильгельм сначала не осознавал важности этого захвата и не предпринял никаких шагов, чтобы выразить свое активное одобрение; но иначе обстояло дело с его братом Льюисом, который в то время прилагал все усилия, чтобы заручиться если не фактической помощью, то хотя бы попустительством Карла IX в проведении им экспедиции из Франции в Нидерланды. Льюис сразу увидел огромную выгоду для дела от обладания таким портом, как Брилл, и призвал Нищих попытаться завладеть также Флашингом, прежде чем будут выполнены приказы Алвы об усилении гарнизона и оборонительных сооружений. Благодаря своему расположению Флашинг обеспечивал подход по воде к Антверпену. Когда корабли Лумбреса и Треслонга появились перед городом, жители подняли восстание, усилили гарнизон и открыли ворота. Этот поразительный успех, последовавший за взятием Брилла, вызвал большой энтузиазм. Теперь повстанцы прочно закрепились как в Голландии, так и на Зеландии, и их численность быстро росла день ото дня. Вскоре весь остров Вальхерен, на котором стоит Флашинг, был в их руках, за исключением столицы Мидделбурга; а в Голландии несколько важных городов подняли знамя восстания и признали принца Оранского своим законным штатгальтером. Из Голландии восстание перекинулось во Фрисландию. Наконец, 19 июня по просьбе Дордрехта было

созвано собрание сословий Голландии[стр.52], чтобы собраться в этом городе. На этом собрании присутствовал всего один представитель дворянства, законность которого была более чем сомнительна, но в него входили депутаты не менее чем от двенадцати из четырнадцати городов, входивших в Сословия. Принц отправил Стю Альдегонда в качестве своего полномочного представителя. Предпринятый шаг был практически актом восстания против короля. Уильям сложил с себя полномочия штатгальтера в 1568 году и впоследствии был объявлен вне закона. Королевской властью Боссю был назначен на вакантную должность. Поместья теперь официально признавали принца штатгальтером короля в Голландии, Зеландии, Западной Фрисландии и Утрехте; кроме того, он был наделен верховным командованием сухопутными и морскими силами и был обязан защищать страну от иностранного гнета или вторжения иностранных войск. Святой Альдегонд от имени принца объявил о своей согласии с возложенными на него должностями и заявил, что он желает, в качестве условия такого принятия, чтобы принцип религиозной свободы и свобода вероисповедания были предоставлены как католикам, так и протестантам. Сословия согласились с этим. Оранж поклялся сохранить города в правах и привилегиях, которых их лишил Альва, и не вступать ни в какие переговоры или заключать какие-либо договоры с Испанией без их согласия. Был воссоздан Голландский суд по отправлению правосудия и создана Финансовая палата. Финансовый вопрос был действительно решающим, поскольку новый штатгальтер попросил субсидию в размере 100 000 крон в месяц для поддержки армии, которую он собрал для вторжения в Брабант; и Сословия согласились принять меры по выделению определенных налогов для этой цели, что, однако, в нынешнее тяжелое время имело мало шансов на эффективный результат.

Действительно, ход событий в месяцы, последовавшие за этим историческим собранием в Дордрехте, не внушал оптимизма тем, кто таким образом несколько преждевременно осмелился бросить вызов гневу Филиппа и мести Алвы. Льюис Нассауский в течение некоторого времени занимался сбором войск гугенотов для вторжения в южные Нидерланды. Известие о захвате Брилла и Флашинга побудило его к внезапным действиям. Он собрал лишь небольшой отряд людей, но со свойственной ему стремительностью повел их через границу и, прежде чем Альва узнал о его присутствии в Эно, захватил врасплох Валансьен и Монс (24 мая). Это был[стр.53] опрометчивый шаг, поскольку как только новость достигла генерал-губернатора, он послал своего сына, дона Фредерика Толедского, во главе мощного войска изгнать захватчика. Дон Фредерик быстро овладел Валансьеном, а затем приступил (3 июня) к осаде Монса, где Людовик, в надежде, что к нему придет помощь, приготовился к упорной обороне. Эти надежды были небезосновательны, поскольку он знал, что за Рейном Оранский со значительной армией вот-вот войдет в Нидерланды с востока и что лидер гугенотов Генлис ведет на помощь ему еще одно войско из Франции. Вильгельм во главе 20 000 немецких и 3000 валлонских наемников действительно вошел в Гелдерланд (7 июля), захватил Реремонде, а затем двинулся маршем в Брабант. Здесь (19 июля) до него дошла весть о полном разгроме и уничтожении неопытных новобранцев Дженлиса войсками ветеранов Толедо. Стесненный нехваткой средств, Уильям сейчас, как и на протяжении всей своей жизни, проявил недостаток в высших качествах военного лидера. Для плохо оплачиваемых наемников время было фактором первостепенной важности, тем не менее принц не предпринимал никаких попыток покинуть свой лагерь близ Реремонда в течение примерно пяти недель. Тем временем его войска вышли из-под контроля и совершили множество эксцессов, и когда 27 августа он снова отправился в поход на запад, он, к своему разочарованию, обнаружил, что народного восстания в его пользу не последовало.

Лувен и Брюссель закрыли свои ворота, и хотя Мехлин, Термондэ и несколько других мест сдались, принц слишком ясно видел, что его наступление во Фландрию не приведет к освобождению Монса. Все его планы пошли наперекосяк. Алву не удалось убедить отвести какую-либо часть армии, которая плотно блокировала Монс, но он удовлетворился тем, что последовал за Оранж с силами под своим собственным командованием, избегая при этом общих действий. И затем, как гром среди ясного неба, 5 сентября, до принца дошла весть о резне в Святом Варфоломее, и он понял, что обещание Колиньи привести 12 000 аркебузирова на помощь Людовику не может быть выполнено. В этой чрезвычайной ситуации Вильгельм понял, что он должен сам попытаться снять осаду. Соответственно, он выступил из Фландрии и 11 сентября расположился лагерем в деревне Харминьи, недалеко от Монса. Ночью шестисот испанцев, каждый из которых во избежание ошибок надел белую рубашку поверх доспехов, напали на лагерь врасплох. Самого принца разбудила маленькая собачка, которая спала в его палатке, и только[стр.54] ему чудом удалось спастись: несколько сотен его солдат были убиты *камисадерами*. Теперь он был совершенно обескуражен и на следующий день отступил сначала в Мехлин, затем в Реремонде, где 30 сентября злополучная экспедиция была расформирована. Уход из Харминьи решил судьбу Монса. Были предоставлены благоприятные условия, и Льюис Нассауский, заболевший лихорадкой, встретил рыцарское обращение и ему разрешили вернуться в Дилленбург.

Теперь Уильям обнаружил, что столкнулся с чем-то вроде финансового краха. Армии наемников обходятся очень дорого, и на горьком опыте он познал тщетность противостояния нерешительным и плохо дисциплинированным войскам ветеранов Альвы. Поэтому он решил лично отправиться в Голландию, чтобы организовать мощное движение восстания, которое нашло выражение в собрании сословий в Дордрехте, и руководить им. Его агенты долгое время были заняты тем, что ходили из города в город, собирая средства от имени принца и поощряя людей в их сопротивлении инквизиции и иностранной тирании. Заявление Вильгельма о том, что отныне он намерен жить и умереть среди них и посвятить себя со всеми своими силами защите прав и свобод страны, встретило добровольную и энергичную поддержку на большей части Голландии, Западной Фрисландии и Зеландии; и начали поступать пожертвования на обеспечение необходимыми путями и средствами. Однако это была отчаянная борьба, которой он посвятил себя и которой должен был посвятить, не дрогнув, всю оставшуюся жизнь. Однако если решимость принца была тверда, то не менее твердой была и решимость Альвы.

У Альвы были враги при испанском дворе, всегда готовые вызвать недоверие к герцогу в сознании подозрительного короля. В июле 1572 года герцог Медина-Коэли был командирован из Испании для выяснения положения дел в Нидерландах; вероятно, предполагалось, что он возьмет на себя управление страной и заменит генерал-губернатора. Однако по прибытии Медина-Коэли быстро понял, что трудности ситуации требуют более сильной руки, чем у него, и он не пытался вмешиваться в дальнейшее осуществление Альвой верховной власти. Генерал-губернатор, со своей стороны, хорошо знал, в чем смысл миссии Медина-Коэли, и как только оранская армия была рассеяна, он решил, пока бразды правления все еще были в его руках[стр. 55], нанести визит в мятежные города севера со снисходительной местью.

Во главе мощного отряда Фридрих Толедский двинулся на север. Мехлин, получивший Оранж, на три дня был отдан на разграбление и бесчинства. Затем был взят Зутфени разграблен. Наарден, который, хотя и не имел регулярных укреплений, осмелился оказать сопротивление испанцам, был полностью разрушен, а все население вырезано. Амстердам, один из немногих

городов Голландии, сохранивших верность королю, послужил базой для дальнейших операций. Хотя был уже декабрь и время года было неблагоприятным, Толедо теперь решил осадить важный город Харлем. К Харлему было трудно подступиться. С двух сторон он был защищен широкими полосами мелководья, озером Харлем и устьем реки У, отделенными друг от друга узкой полоской суши. С другой стороны был густой лес. Гарнизон состоял из 4000 человек, суровых кальвинистов, под решительным руководством Рипперды и Ланселота Бредероде. Попытка штурма этого места (21 декабря) была отбита с большими потерями для нападавших; таким образом, Толедо, несмотря на неблагоприятную погоду, был вынужден окружить город. Еще один отчаянный штурм, 31 января, катастрофически провалился, и осада превратилась в блокаду. Положение, однако, осаждающих было в некоторых отношениях хуже, чем у осажденных, и Толедо в отчаянии отказался бы от своей задачи, если бы отец не приказал ему любой ценой продолжать наступление. Уильям тем временем предпринял несколько попыток освободить город. Зимой, когда растаял лед, множество лодок пересекли озеро Харлем из Лейдена и сумели доставить в город запасы продовольствия, и сопротивление могло продолжаться бесконечно, если бы Боссу не прекратил все сношения между Харлемом и внешним миром, направив флотилию вооруженных судов из У в озеро. Капитуляция теперь была только вопросом времени. 11 июля 1573 года, после того, как силы подкрепления в 4000 человек, посланные Оранским, были наголову разбиты, а жители умирали от голода, Толедо овладел Харлемом. Все выжившие из героического гарнизона были перебиты, а Рипперда и Бредероде, их доблестные лидеры, казнены. Несколько видных горожан также были преданы смерти, но город был избавлен от разграбления при условии уплаты крупного штрафа. Осада длилась семь месяцев, и армия Толедо, которая[стр.56] ужасно пострадала зимой, как говорят, потеряла двенадцать тысяч человек.

Альва в своих письмах королю придавал большое значение милосердию, с которым он обошелся с Харлемом. Зутфен и Наарден избежали массового уничтожения, и герцог надеялся, что этим проявлением сравнительной снисходительности он сможет побудить другие мятежные города открыть свои ворота без сопротивления. Он был обманут. 18 июля Алкмару предложили сдаться, но он отказался. Возмущению Альвы не было предела, и он поклялся, что каждый мужчина, женщина и ребенок в непокорном городе должны быть преданы мечу. Однако угрозу не удалось привести в исполнение сразу. Армия Толедо, отстраненная от разграбления Харлема, взбунтовалась из-за отсутствия жалованья. Пока они не получают причитающуюся им задолженность, они отказывались двигаться. Только 21 августа дон Фредерик смог осадить Алкмар силами в 16 000 человек. Гарнизон состоял примерно из 1300 бюргеров и 800 солдат, брошенных в город Соном, лейтенантом Оранжа в Северной Голландии. Две отчаянные атаки были отбиты с большими потерями, а затем испанцы продолжили блокаду города. Соной теперь, по приказу принца, заручился согласием земледельцев окрестностей на вырубку дамб. Лагеря и траншеи осаждающих были затоплены; и (8 октября) осада была снята, и армия дон Фредерика отступила, оставив Алкмар не взятым. В течение недели испанское оружие постигла еще одна катастрофа. Между Хорном и Энкхейзенем флот Боссу на Зюйдер-Зее подвергся нападению морских попрошайек и потерпел полное поражение. Сам Боссу попал в плен и содержался в качестве заложника ради безопасности Святой Альдегонды, которая попала в руки испанцев примерно месяц спустя.

Эта морская победа, последовавшая за отступлением из Алкмара, значительно укрепила усилия оранских и вдохнула новую жизнь в дело патриотизма. Это также ознаменовало окончание шести лет кровавого правления Альвы в Нидерландах. Усталый и разочарованный,

постоянно испытывающий нехватку средств, разгневанный потерей доверия короля и раздраженный очевидностью этого в присутствии Медина-Коэли, генерал-губернатор умолял освободить его от своих обязанностей. Его просьба была удовлетворена 29 октября. Выбранным преемником был великий командор дон Луис де Рекесенс, губернатор Милана. Лишь с большой неохотой Рекезенс, сочтя приказ короля настойчивым и безапелляционным, принял это обвинение.[стр.57]

Великий командующий действительно был далек от того, чтобы быть подходящим человеком для решения сложной ситуации в Нидерландах, поскольку он был чистым испанским грандом и даже не говорил по-французски. Даже лоялисты приняли его прохладно. Он ничего не знал о стране, и, каковы бы ни были его способности или склонности, чувствовалось, что ему не дадут свободы действий в его политике или адекватных средств для ее проведения. То, что он настроен примирительно, было быстро продемонстрировано. Была объявлена амнистия для политических преступников, за исключением трехсот человек (среди этих Оранжевых и его основных сторонников), и помилование всем еретикам, которые отреклись от своих ошибок. Он пошел еще дальше, вступив в тайный обмен мнениями с самим Вильгельмом через Стюардессу Альдегонду в качестве посредника в надежде найти какую-нибудь общую почву для взаимопонимания. Но принц был непреклонен. До тех пор, пока не будет предоставлена свобода вероисповедания, соблюдение всех древних хартий и свобод и отстранение испанцев и всех иностранцев от какой-либо доли в правительстве или администрации страны, сопротивление будет продолжаться до последнего. Это были условия, которые Рекезенс не имел права даже рассматривать.

Оранж в это время был на его стороне, используя все свои дипломатические способности, чтобы добиться помощи угнетенным нидерландцам от Франции и Англии. Но у Карла IX были свои трудности, и у него было слишком слабое здоровье (он умер в мае 1574 года), чтобы предпринять какой-либо решительный шаг, а королева Елизавета, хотя и потворствовала оказанию помощи мятежникам на строго коммерческих условиях, не желала ни проявлять открытую враждебность к Филиппу, ни поддерживать подданных в восстании против своего государя. Положение Вильгельма казалось почти отчаянным, поскольку в начале 1574 года его власть была признана лишь в нескольких городах Голландии и на некоторых зеландских островах, а испанцы послали большие силы для захвата Лейдена. Однако он решил связать свою судьбу с отважными голландцами и зеландцами в их доблестной борьбе с превосходящими силами противника. Чтобы более полно идентифицировать себя со своими последователями, принц в октябре 1573 года открыто объявил о своей приверженности кальвинизму. Нет никаких оснований сомневаться в его искренности в этом шаге; это не был акт чистого оппортунизма. Его ранний католицизм, вероятно, был немногим больше[стр.58], чем внешним исповеданием, и как только он начал серьезно задумываться о религиозных вопросах, его природная склонность привела его сначала к лютеранской вере его семьи, а затем к более суровым доктринам, которые так прочно утвердились в городах Голландии и Зеландии. Тем не менее Уильям, хотя отныне и был последовательным кальвинистом, выделялся среди своих современников принципами религиозной терпимости, которые он как прививал, так и практиковал. По конституции он не одобрял религиозные преследования в любой форме, и фанатики его партии называли его равнодушным; но на протяжении всей своей жизни он отстаивал право личности, мирной и законопослушной, на свободу убеждений и вероисповедания.

1574 год начался благоприятно. Благодаря замечательному воинскому подвигу испанский военачальник-ветеран Мондрагон в октябре 1572 года отвоевал несколько зеландских островов. Однажды его люди во время отлива пересекли пролив, пролегающий между Южным Бевеландом и материком, вода доходила им до шеи. С тех пор силы патриотов восстановили большую часть утраченных позиций, но Мидделбург прочно удерживался, и до тех пор, пока испанцы господствовали на море, это был ключ к овладению Зеландией. 29 января 1574 года морские попрошайки под командованием Буазо атаковали испанский флот близ Ремерсваала и после кровопролитного столкновения одержали полную победу. Осада Мидделбурга была прекращена, и 18 февраля Мондрагон капитулировал. Принц сразу же приступил к работе по созданию патриотического правительства в провинции. Представители были представлены в четырех городах: Мидделбурге, Зиерикзее, Вире и Флашинге. Сам Уильям путем покупки приобрел маркизат Флашинг и, таким образом, смог оказывать преобладающее влияние в провинциальных поместьях, все члены которых должны были быть кальвинистами и сторонниками дела повстанцев.

Однако теперь, когда пал Харлем, взятие Лейдена испанцами грозило изолировать Южную Голландию и Зеландию; и Вильгельм не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы предпринять какую-либо серьезную попытку снять осаду. Поэтому Льюис Нассауский с помощью французских денег с присущей ему энтузиазмовой энергией принялся за работу по сбору войск в Рейнской области, с которыми можно было вторгнуться в Нидерланды с востока и произвести отвлекающий маневр. Во главе 7000 пеших и 3000 всадников — полудисциплинированных войск, частично гугенотов[стр.59] добровольцев, частично немецких наемников — он попытался переправиться через Маас выше Местрихта с намерением соединиться с войсками принца Оранского. Его сопровождали Джон и Генрих Нассауские, его братья, и Кристофер, сын курфюрста Палатинского. Он обнаружил, что его путь прегражден испанскими войсками под командованием Санчо д'Авилы и Мондрагона. Столкновение произошло на пустоши Мук (14 апреля) и закончилось сокрушительным поражением захватчиков. Льюис, его младший брат Генри и герцог Кристофер погибли, а их армия была полностью рассеяна. Смерть его братьев была большим горем для Уильяма. Льюис на протяжении многих лет был его главной опорой, и потеря этого бесстрашного чемпиона действительно стала тяжелым ударом по делу, ради которого он пожертвовал своей жизнью. Ему было всего тридцать шесть лет, в то время как Генриху, младшему из Нассау, к которому принц был глубоко привязан, было всего двадцать четыре года.

Вторжение Льюиса, тем не менее, привело к снятию осады Лейдена, но только на время. После победы при Муке испанские войска были вольны продолжить выполнение задачи по отвоеванию мятежной Голландии для короля. 26 мая сильный отряд под командованием Вальдеса продвинулся к Лейдену и полностью изолировал город, окружив его кольцом фортов. Атака была внезапной, и, к сожалению, это место не было должным образом обеспечено продовольствием. Позиции испанцев были настолько сильны, что штатгальтер не чувствовал, что какие-либо силы на подмогу, которые он мог бы послать, имели бы хоть какой-то шанс прорвать оборону и восстановить гарнизон. В этих обстоятельствах он созвал 1 июня собрание сословий Голландии в Роттердаме и в качестве отчаянного средства предложил срубить дамбы и затопить сушу, а легким судам "Морских нищих" под командованием Буазо переплыть воды, атаковать испанские форты и ворваться в город. После значительных возражений предложение было принято, и водам было разрешено течь по низменным полям, деревням и фермам, которые лежат между морем, Рейном, Ваалем и Маасом. К сожалению, время года было

неблагоприятным, и хотя вода достигла почти возвышенности вокруг Лейдена, на которой были возведены испанские редуты, и, встревожив Вальдеса, заставила его усилить блокаду, было недостаточно глубоко даже для малотоннажных судов, которые собрал Буазо, чтобы добраться до города. Так прошел месяц[стр.60] Август и начался сентябрь. Тем временем принц, который был душой предприятия, был прикован к постели из-за сильного приступа лихорадки, и муки голода начали жестоко ощущаться в осажденном городе. Часть горожан отнеслась к борьбе нерешительно, начала агитировать за капитуляцию и даже разослала эмиссаров, чтобы попытаться договориться с испанским командующим. Но в Лейдене были лидеры железной решимости, героический бургомистр Питер Адрианзун ван дер Верф; комендант гарнизона Ян ван дер Доус; Дирк ван Бронкхорст, Ян ван Хаут и многие другие, которые оставались стойкими и преданными перед лицом ужасающей агонии голодающего населения; люди, которые знали, какая участь уготована им, если они попадут в руки врага, и были полны решимости сопротивляться до тех пор, пока у них будут силы сражаться. Наконец в середине сентября забрезжили слабые надежды. Вильгельм оправился, и свирепый равноденственный шторм, гнавший прилив вверх по рекам, постепенно поднял уровень воды до самой дамбы, на которой стояли окопы осаждающих. Подстрекаемый Оранж, Буазо теперь предпринял большие усилия. С башен с тревогой наблюдали за приближением флота подкрепления. Город был на самом последнем рубеже. Люди умирали от голода со всех сторон. Как только морские попрошайки, специалисты в этой десантной войне, прибыли к отдаленным испанским фортам, произошло несколько ожесточенных боев, но ненадолго. Встревоженные подъемом воды и опасаясь, что флот Буазо может отрезать им путь к отступлению, испанцы ночью отступили; и утром 3 октября суда из состава подкрепления, груженные провизией, вошли в город. Затянувшаяся агония закончилась, и Лейден был спасен от участи Харлема как раз в тот момент, когда дальнейшее сопротивление стало невозможным. Если бы Лейден пал, велика вероятность, что вся Южная Голландия была бы завоевана, и восстание могло бы потерпеть крах. В таком чудом спасшемся бегстве жители города вполне могли увидеть вмешательство Провидения в их защиту. На следующий день сам принц поспешил в Лейден, реорганизовал городское управление и в ознаменование этого великого освобождения основал университет, которому суждено было стать в 17 веке одним из самых известных учебных заведений Европы.

За успешным освобождением Лейдена последовал мятеж армии Вальдеса. У них была большая задолженность по жалованью, они перенесли большие лишения, и теперь, когда они увидели, что лишены[стр.61] надежды на разграбление города, они арестовали своего командира и его офицеров и двинулись маршем под предводительством избранного ими самими лидера в Утрехт. Другие мятежи происходили в различных частях южных провинций, поскольку у рекезенса не было средств, а обращаться к Филиппу было бесполезно, так как испанская казна была пуста. Такое положение вещей привело к практическому прекращению активных боевых действий на многие месяцы; и Рекезенс воспользовался возможностью начать переговоры с Orange. Однако эти попытки были обречены на бесплодие, поскольку король и слышать не хотел о каких-либо реальных уступках протестантам. Положение Вильгельма в равной степени было сопряжено с трудностями, политическими и финансовыми. В течение месяца после освобождения Лейдена он даже пригрозил вывести войска из страны, если его власть не будет более полно признана и не будут предоставлены достаточные припасы для ведения войны. Соответственно, сословия 12 ноября попросили его принять титул регента или губернатора с "абсолютной мощностью, авторитетом и суверенным контролем" над делами страны. Они также назначили ему пособие в размере 49 000 гульденов в месяц; но, предоставляя таким образом

человеку, который все еще называл себя "Штатгальтером короля", практически верховную власть, городские бюргерские корпорации очень ревниво относились к тому, чтобы хоть в малейшей степени уступить контроль над налогообложением, который был одним из их наиболее ценных прав. Однако с этого времени власть принца была очень велика, поскольку он полностью контролировал военные и военно-морские вопросы, а в общем ведении дел он держал все административные нити в своих собственных руках. Он стал незаменимым человеком во всем, кроме титула суверена Голландии и Зеландии.

Первая половина 1575 года была отмечена затишьем в военных действиях, и в Бреде были проведены конференции между посланниками Оранского и Рекезенса, но только для того, чтобы обнаружить, что общей почвы для соглашения нет. Женитьба принца (24 июня) на Шарлотте де Бурбон, дочери герцога Монпансье, была смелым шагом, который вызвал большое предубеждение против него. Невеста, в жилах которой текла королевская кровь Франции, была аббатисой Жуарре, но отреклась от своих обетов, сбежала и стала кальвинисткой. Это было достаточно плохо, но законность союза становилась еще более сомнительной из-за того факта, что Анна Саксонская была все еще жива. Со всех сторон посыпались протесты — от отца Шарлотты, от Иоанна Нассауского и от родственников Анны в Саксонии и Гессене. Но характер Уильяма был таков, что противодействие только укрепляло его решимость достичь своей цели. Свадьба была отпразднована в Брилле по кальвинистским обрядам. Союз, законный или нет, несомненно, был очень счастливым.

Тем временем генерал-губернатор, неспособный получить какую-либо финансовую помощь от Испании, сумел убедить провинции, всегда опасавшиеся бесчинств взбунтовавшейся солдатни, предоставить заем в размере 1 200 000 гульденов для удовлетворения их требований о выплате задолженности по жалованью. Таким образом, Рекезенс получил возможность в конце лета ввести в бой значительную армию и, среди прочих успехов, овладеть зеландскими островами, Дуйвеландом и Схоуvenом. 27 сентября отряд под командованием ветерана Мондрагона перешел вброд неглубокие протоки, разделяющие острова, которые попали в их руки. Зиерикзее, главный город Шувена, оказал упорное сопротивление, но в конце концов был вынужден сдаться (июль 1576 г.). Это завоевание отделило Южную Голландию от остальной Зеландии; и, поскольку Харлем и Амстердам находились в руках испанцев, единственной территорией, на которую распространялась власть Оранжа, был низменный уголок суши между Рейном и Маасом, центром которого был Делфт.

Ситуация снова казалась почти отчаянной, и штатгальтер начал с тревогой оглядываться по сторонам в надежде получить иностранную помощь. В интересах как Франции, так и Англии было содействовать движению, которое отвлекало внимание и ослабляло мощь Испании. Но Генрих III Французский был слишком занят гражданскими и религиозными беспорядками в своей собственной стране, и Елизавета Английская, вежливо принимая послов Оранского и Рекезенского, дала уклончивые ответы обоим. Она завидовала Франции и с удовольствием наблюдала за растущим замешательством своего врага Филиппа, но королева Тюдоров не испытывала любви ни к мятежникам, ни к кальвинистам. Отказываясь поэтому открыто встать на сторону голландцев и зеландцев, она согласилась оказать им тайную помощь; и не было никаких препятствий на пути английских добровольцев, которые уже с 1572 года поступали на голландскую службу. Именно в это время были впервые сформированы английские и шотландские бригады, которые оставались на этой службе почти два столетия и всегда

находились в самом авангарде боевых действий на протяжении всей великой освободительной войны.

4 марта 1576 года Рекезенс скончался; и за значительный [стр.63] промежуток времени, прошедший до прибытия его преемника, перспективы дела патриотов стали заметно светлее. Сословия Голландии и Зеландии встретились в Делфте (25 апреля 1576 г.); и собрание было примечательно принятием Акта о Федерации. Этот акт, который был работой Orange, объединил две провинции для совместных действий в защиту своих прав и свобод и стал первым шагом к более широкому союзу, который три года спустя заложил основы Голландской республики. Этим Актом Уильяму были предоставлены суверенные полномочия; он должен был от имени короля осуществлять все prerogatives правителя. Потребовалось все его влияние, чтобы добиться включения статей (1), распространяющих определенную степень терпимости на все формы религиозного поклонения, которые не противоречили Евангелию, (2) дающих князю полномочия в случае необходимости предложить протекторат федеративных провинций иностранному князю. Оранж слишком хорошо знал, что Голландия и Зеландия недостаточно сильны в одиночку, чтобы противостоять мощи Испании. Он ясно видел, что его надежды заручиться поддержкой других провинций, в которых католики составляли большинство, зависели от того, что многочисленные приверженцы древней веры в Голландии и Зеландии будут защищены от преследовательского рвения господствующего в этих провинциях кальвинизма. В любом случае — и это оставалось его твердым убеждением до конца его жизни — фактическая независимость всех Нидерландов или какой-либо их части, по его мнению, не укладывалась в рамки практической политики. Целью, к которой он стремился, было получение существенных гарантий соблюдения древних хартий, которые освобождали провинции от присутствия иностранных чиновников, иностранных судов, иностранных солдат и произвольных методов налогообложения. Поскольку Филипп намеренно нарушил все те привилегии, которые он поклялся сохранять, долгом всех патриотически настроенных нидерландцев было противостоять его власти и, если сопротивление не принесло результата, предложить суверенитет с необходимыми ограничениями какому-нибудь другому принцу, готовому принять его на этих условиях и достаточно могущественному, чтобы защитить провинции от нападения Испании. Чтобы понять принципы, которыми руководствовался Вильгельм в политике в течение следующих нескольких лет, важно иметь в виду (1), что он стремился к объединению всех провинций Нидерландов на основе терпимости, (2) что он не стремился к превращению Нидерландов в независимое государство.[стр.64]

После смерти Рекезенса Государственный совет взял на себя временное руководство администрацией. В течение некоторого времени даже среди лояльных католиков южных провинций росло недовольство присутствием и высокомерным поведением стольких испанских чиновников и испанских войск на территории страны, а также жестокостью религиозных преследований. Государственный совет представил королю информацию об общем недовольстве по всей стране, о плачевных результатах политики силы и репрессий и призвал к выводу войск, смягчению эдиктов и назначению члена королевского дома губернатором. На эти заявления и просьбы в течение нескольких месяцев не было прислано никакого ответа в соответствии с обычной медлительностью Филиппа в решении сложных государственных дел. Однако в апреле он действительно выдвинул кандидатуру своего незаконнорожденного брата, дона Джона Австрийского, знаменитого победителя при Лепанто, в качестве преемника Рекесенса. Но у дона Джона, который в то время находился в Италии, были другие амбиции, и он с подозрением относился к мотивам Филиппа, поручившего ему неблагодарную задачу по

улаживанию беспорядков в Нидерландах. Вместо того чтобы поспешить на север, он сначала отправился в Мадрид, где встретил холодный прием. Однако задержка не только не беспокоила Филиппа, но и полностью соответствовала всем чертам его характера и политике. Шесть месяцев Дон Джон оставался в Испании, и это было полугодие, в течение которого ситуация в Нидерландах в очень значительной степени изменилась.

Положение Оранского и его сторонников в Голландии и Зеландии весной 1576 года снова ухудшилось. В июне сдача Зиерикзи Мондрагону стала тяжелым ударом по делу патриотов, поскольку дала испанцам прочную опору в самом сердце Зеландского архипелага и вбила клин между Южной Голландией и островом Вальхерен. Этому завоеванию, однако, было суждено привести к важным результатам совсем иного характера, чем можно было ожидать. Город сдался на выгодных условиях, и грабеж был запрещен. Лишенные ожидаемой добычи, испанские войска, которым причиталась большая задолженность по жалованью, взбунтовались. Под своим собственным "элетто" они двинулись в Алст, где к ним присоединились другие мятежники, и вскоре были собраны большие силы, которые жили грабежом и наводили ужас на страну. Совет объявил их вне закона, но взбунтовавшиеся[стр.65] солдаты бросили вызов его власти и насмеялись над его угрозами. Это был момент, который, как быстро понял Оранж, был чрезвычайно благоприятным для энергичного возобновления его усилий по объединению всех провинций для совместных действий в их сопротивлении испанской тирании. Его агенты и посланники во всех частях Нидерландов, но особенно во Фландрии и Брабанте, настаивали на его взглядах среди наиболее влиятельных представителей провинциальных сословий и ведущих дворян, таких как герцог Эршот и другие до сих пор верные сторонники правительства, которых теперь подозревали в колебаниях. Его усилия увенчались успехом, который несколькими месяцами ранее считался бы невозможным. Поведение испанских войск и отсутствие какой-либо центральной власти, способной защитить жителей от их наглости и грабежей, произвели большие изменения в общественном мнении. В Брюсселе барон де Хезе (крестник принца) был назначен командовать войсками, получавшими жалованье от поместий Брабанта. Де Хезе приложил все усилия, чтобы пробудить общественное мнение в столице в пользу оранжевых и против испанцев. Успех был настолько велик, что 21 сентября он рискнул арестовать весь Государственный совет, за исключением члена испанского парламента Рода, который бежал в Антверпен. Теперь Вильгельм вступил в прямые переговоры с Эршотом и другими видными дворянами Фландрии и Брабанта. Он предпринял еще один шаг, направив, по просьбе жителей Гента, сильные вооруженные силы для защиты города от испанского гарнизона в цитадели. В отсутствие какого-либо законного правительства Генеральные штаты были созваны на заседание в Брюсселе 22 сентября. Присутствовали только депутаты от Брабанта, Фландрии и Эно, но от имени Генеральных штатов они назначили Эршо, Виль и Сасбу членами государственного совета и назначили Эршо командующим вооруженными силами, а графа Лалена его лейтенантом. Затем, 27 сентября, они обратились к принцу с предложениями о создании союза всех провинций. В качестве предварительной договоренности было решено, что условия, которые были выдвинуты Уильямом как обязательные, а именно исключение всех иностранцев с административных постов, распускание иностранных войск и религиозная терпимость, должны быть приняты. Предложения были с радостью приняты Уильямом, и Гент был выбран в качестве места, где девять делегатов из Голландии и Зеландии должны были встретиться с девятью делегатами, назначенными Генеральными штатами как представляющие[стр.66] другие провинции. Они встретились 19 октября. Трудности возникли по двум пунктам — признание, которое должно

быть предоставлено дону Иоанну Австрийскому, и принцип невмешательства в религиозные верования. Сам Оранский всегда был сторонником веротерпимости, но представители Голландии и Зеландии проявили упорное нежелание допускать свободу католического богослужения в пределах своих границ; и такая их позиция могла бы, несмотря на усилия принца, привести к прекращению переговоров, если бы не произошло событие, которое быстро привело к ослаблению разногласий на единственно возможной основе - взаимных уступок и компромисса.

В октябре этого года цитадель Антверпена была защищена гарнизоном мятежных испанских войск под командованием Санчо д'Авилы, победителя при Муке. Губернатор Шампани имел при себе отряд немецких наемников под командованием некоего графа Оберштейна; и по его просьбе, такова была угрожающая позиция испанцев, Генеральные штаты послали Гавре с подкреплением из валлонских войск. В воскресенье, 4 ноября, гарнизон, к которому присоединились другие банды мятежников, направил орудия цитадели на город и, совершив вылазку, атаковал силы Шампани. Немцы оказали лишь слабое сопротивление. Оберштейн погиб; Шампани и Гавре укрылись на судах в реке; испанцы овладели Антверпеном. Сцена резни, похоти и массового грабежа, которая последовала за этим, оставила после себя воспоминания, уникальные по своему ужасу даже среди эксцессов того кровавого времени. "Испанская ярость", как ее называли, привела к разрушению того, что совсем недавно было самым богатым и процветающим торговым городом в мире.

Известие об этой катастрофе дошло до Генеральных штатов, когда они находились в процессе рассмотрения проектов предложений, которые были представлены им Гентской конференцией. В то же время пришло известие, что дон Джон, переодетый путешественник по Франции, прибыл в Люксембург. Поэтому они быстро пришли к решению ратифицировать пакт, известный как *Умиротворение Гента*, и 8 ноября он был подписан. *Умиротворение* на самом деле было договором между принцем Оранским и землями Голландии и Зеландии, с одной стороны, и Генеральными штатами, представляющими другие провинции. Было решено, что испанские войска должны быть вынуждены покинуть Нидерланды и что Генеральные штаты [стр.67] всех семнадцати провинций, поскольку они были созваны после отречения Карла V, должны быть созваны вместе для решения вопроса о религиозной терпимости и других вопросов государственной важности. Тем временем распространение плакатов против ереси было приостановлено, а все незаконные меры и приговоры Алвы признаны недействительными. Его конфискованная собственность была возвращена Orange, и его положение как штатгольдера в Голландии и Зеландии было признано. Дону Джону сообщили, что он не будет признан генерал-губернатором, если не согласится распустить испанские войска, принять умиротворение Гента и поклясться сохранять права и привилегии провинций. Последовали переговоры, но долгое время безрезультатные; и дон Джон, который был скорее порывистым странствующим рыцарем, чем государственным деятелем и дипломатом, оставался в течение зимних месяцев в Намюре, разгневанный оказанным ему приемом и раздраженный навязанными ему условиями, которые он не осмеливался принять без разрешения короля. В декабре Генеральные штаты, в состав которых вошли депутаты от всех провинций, собрались в Брюсселе, а в январе было подтверждено умиротворение Гента, и ряд влиятельных католиков составили новый договор, которому было присвоено название Брюссельской унии. Этот документ, под которым предлагалось поставить подписи, был призван обеспечить умиротворению Гента всенародную поддержку и в то же время стать гарантией сохранения королевской власти и католической религии. Брюссельский союз был в целом одобрен во всех

южных провинциях, и подписавшие его представители всех сословий исчислялись тысячами. Дон Джон, который был в Хай, видел, что необходимо тянуть время. Он заявил, что готов распустить иностранные войска и выслать их из страны и сохранить древние хартии и свободы провинций при условии, что не будет сделано ничего, что могло бы подорвать власть короля или католическую веру. Наконец, 12 февраля был подписан договор под названием "Бессрочный эдикт", название крайне неподходящее, и Генеральные Штаты признали Дона Джона генерал-губернатором. Соглашение было в основном работой Эршота и лоялистской католической партии, которые следовали его руководству, и было далеко не полностью приемлемо для Orange. Он не верил в добросовестность ни Филиппа, ни его представителя, и, хотя он рекомендовал Голландии и Зеландии согласиться с договором и признать Дона Джона генерал-губернатором, это было с тайным намерением[стр. 68] внимательно следить за каждым его действием и не допускать никаких попыток вмешаться в свободу вероисповедания в двух провинциях, в которых он осуществлял почти суверенную власть и с борьбой за свободу которых он себя отождествлял.

Обещание Дона Иоанна в отношении испанских войск было выполнено в точности. До конца апреля все они покинули страну, а 1 мая новый генерал-губернатор совершил свой государственный въезд в Брюссель. Внешне все было очень блестяще. Но герой Лепанто сразу же обнаружил, что католическая знать ему не доверяет, а влияние и дипломатия всегда бдительного Вильгельма Оранского ставят ему крест. Раздраженный своим бессилием и плохо поддерживаемый королем, который не прислал ответа на его призывы о финансовой помощи, Дон Джон внезапно покинул столицу и, встав во главе отряда валлонских войск, захватил Намюр. Чувствуя себя в этой цитадели в большей безопасности, он попытался оказать давление на Генеральные штаты, чтобы те передали в его руки более широкие полномочия и поддержали его в его усилиях заставить Оранского подчиниться власти короля. Его усилия были напрасны. Вильгельм предупредил Генеральные штаты и дворян антииспанской партии в Брабанте и Фландрии, что дону Джону нельзя доверять, и теперь он указал на нынешнюю позицию генерал-губернатора как на доказательство того, что его подозрения были вполне обоснованными. Действительно, взоры всех истинных патриотов начали обращаться к принцу, который незаметно укреплял свои позиции не только в Голландии и Зеландии, где он был верховным правителем, но также в Утрехте и Гелдерланде; и в Брюсселе и других местах произошли народные движения в его пользу. Оранжевые настроения в столице были настолько сильно выражены, что Генеральные штаты согласились с общим пожеланием, чтобы принца пригласили лично приехать в Брюссель. Католики выражали не меньшую, чем протестанты, уверенность в том, что только под его руководством страна сможет освободиться от испанской тирании. Была отправлена депутация с приглашением, но некоторое время Вильгельм колебался, давать ли утвердительный ответ. Однако 23 сентября он въехал в Брюссель на фоне всеобщих демонстраций радости, и его приветствовали как "Восстановителя и защитника свободы Отечества". Таким образом, через десять лет после того, как принц Оранский был объявлен вне закона и изгнан, он с триумфом вернулся в город, который был свидетелем казни Эгмонта и Хорна. Это был самый гордый день в его жизни и высшая точка его карьеры.

ГЛАВА V

УИЛЬЯМ МОЛЧАЛИВЫЙ

Положение Вильгельма в Брюсселе после его триумфального въезда 23 сентября 1577 года было отнюдь не легким. Его основная поддержка исходила от самоизбранного Совета восемнадцати, в который входили представители гильдий и горожан. Этот Совет контролировал вооруженные муниципальные силы и был настоящим хозяином в городе. В этих обстоятельствах Генеральные штаты не отважились ни на какое противодействие желаниям народа, другими словами, Вильгельму, чье влияние на массы было безграничным. Поэтому Генеральные штаты под давлением Восемнадцати 8 октября уведомили дона Джона, что они больше не признают его генерал-губернатором; и Сословия Брабанта назначили принца на должность *руварда* или губернатора провинции. Тем временем в неспокойную обстановку был внесен новый фактор беспокойства. Некоторые католические дворяне, выступавшие против испанского правления, но с подозрением относившиеся к Оранжевым, пригласили двадцатилетнего эрцгерцога Матиаса, брата императора, признать суверенитет Нидерландов. Матиас, отличавшийся авантюрным духом, после недолгих переговоров согласился. Соответственно, он тайно покинул Вену и в конце октября прибыл в Нидерланды. Не удовлетворившись этим контрударом, Эршо отправился в Гент, чтобы поднять оппозицию назначению Вильгельма рувардом Брабанта. Однако население Гента было оранжистским и, подняв восстание, схватило Эршота и ряд других католических лидеров и бросило их в тюрьму. Они были быстро освобождены, но разрыв между католической знатью и кальвинистским штадхолдером Голландии усилился. Сам Вильгельм видел в приходе Матиаса благоприятную возможность для превращения Нидерландов в конституционное государство под номинальным правлением принца Габсбургов. Таким образом, под его влиянием Генеральные штаты вступили в переговоры с эрцгерцогом; и Матиас, наконец, был признан (8 декабря) губернатором при условии, что он примет Брюссельский союз, его также побудили передать реальную власть в[стр.70] руки Оранского в звании генерал-лейтенанта. Матиас совершил свой государственный въезд в Брюссель 18 января 1578 года. Его положение, по-видимому, укрепилось благодаря договору, заключенному с английской королевой (7 января), по которому Елизавета обещала прислать

войска и предоставить субсидию штатам, в счет погашения которой должны были быть переданы города Мидделбург, Брюгге и Гравелин.

Однако известие о шаге, предпринятом Матиасом, произвело на Филиппа II большее впечатление, чем отчаянные призывы его сводного брата. Мощная армия испытанных испанских и итальянских войск под командованием Александра Фарнезе, принца Пармского, сына бывшей регентши Маргариты, была направлена во Фландрию. Фарнезе был племянником дона Джона, и они вместе воспитывались в Мадриде, будучи почти ровесниками. Филипп уже решил заменить дона Джона, чей блестящий опыт лидера в этой области не компенсировал отсутствия у него качеств государственного деятеля. В лице Фарнезе, то ли по счастливой случайности, то ли по преднамеренному выбору, он наконец нашел непревзойденного полководца, которому предстояло доказать, что он может сравниться даже с Вильгельмом Молчаливым во всех искусствах политических комбинаций и интриг. При Жамблу 31 января дон Джон и Парма напали на войска Штатов и одержали полную и почти бескровную победу. Если бы Филипп снабдил своего генерал-губернатора деньгами, которые тот просил, дон Джон, возможно, сейчас завоевал бы все южные Нидерланды, но без средств он мало чего смог бы добиться.

Между тем все пребывало в замешательстве. Генеральные штаты удалились из Брюсселя в Антверпен; и Вильгельм, обнаружив, что Матиас бесполезен, начал переговоры с Францией, Англией и Германией в надежде найти в этой чрезвычайной ситуации какого-нибудь другого иностранного принца, готового противостоять гневу Филиппа, признав сюзеренитет Нидерландов. Герцог Анжуйский, брат французского короля, был предпочтительным кандидатом католической партии, и Вильгельм, единственной целью которого было заручиться помощью могущественного покровителя в борьбе с Испанией, был готов принять его. 12 июля Анжу во главе армии в 15 000 человек пересек границу у Монса; и 13 августа следующего года между ним и Генеральными штатами был согласован договор, по которому французский герцог с титулом *Защитника свобод Нидерландов* обязался помочь Штатам изгнать испанцев из Нидерландов. Но, чтобы[стр.71] усугубить ситуацию, немецкие войска под командованием Джона Казимира, брата курфюрста Палатинского, и на жалованье королевы Елизаветы вторглись в несчастные провинции с востока. Приход к власти Иоанна Казимира был встречен кальвинистской партией с энтузиазмом; и принцу Оранскому потребовалось все мастерство и проницательность, чтобы сохранить мир и не допустить перерастания конкурирующих интересов в открытую борьбу перед лицом общего врага. Но дон Джон был беспомощен, его неоднократные просьбы о финансовой помощи оставались без ответа, и, с больным сердцем и уставший от жизни, он заболел лихорадкой и умер в своем лагере в Намюре 1 октября 1578 года. Его преемником на посту генерал-губернатора стал Александр Пармский, перед которым теперь открывалось великолепное поле для проявления своих выдающихся способностей.

Оставшаяся часть 1578 года ознаменовалась резким всплеском религиозной горечи. Напрасно Оранж, который на протяжении всей своей дальнейшей жизни был подлинным и ревностным сторонником религиозной терпимости, старался изо всех сил и с неутомимым терпением развеять подозрения и страхи zelотов. Иоанн Казимир в Генте в пылу своего фанатичного кальвинизма совершал акты насилия и угнетения, которые имели наихудшие последствия в провинциях Валлонии. В этой части Нидерландов доминировал католицизм; и в провинциях Эно, Артуа и вообще в южных округах всегда существовало чувство недоверия к оранжевым. Поддержка принципа религиозной терпимости человеком, который дважды менял свою веру,

сама по себе была подозрительной; и Фарнезе не упускал из виду никаких средств для усиления этого растущего антиоранжевого чувства среди католической знати. Была сформирована партия, носившая название "Недовольные", лидерами которой были Монтиньи, Лален и Ла Мотт. С ними генерал-губернатор вступил в переговоры, в результате которых был заключен союз между Эно, Артуа, Лиллем, Дуэ и Оршиесом (6 января 1579 г.), называемый Аррасской унией, для поддержания католической веры, посредством которого эти валлонские провинции и города выразили свою готовность подчиниться королю при условии, что он согласится поддерживать их права и привилегии в соответствии с положениями Гентского мирного договора. Аррасская уния еще не означала полного примирения с испанским сувереном, но она означала начало разрыва между кальвинистским севером и католическим югом, который[стр.72] государственное управление Пармы постепенно расширило до невозможной пропасти. До того, как это произошло, Анжу, Матиас и Ян Казимир в равной степени ушли со сцены анархической неразберихи, в которой в течение короткого времени каждый пытался достичь своих собственных амбициозных целей в эгоистичном безразличии к благосостоянию народа, который они собирались освободить от испанского ига. В начале 1579 года "Оранж" и "Парма" встретились лицом к лицу, готовясь помериться силами в жестокой борьбе за господство.

В том же месяце, когда была подписана Аррасская уния, в северных Нидерландах был сформирован конкурирующий союз, которому суждено было стать гораздо более постоянным. Однако настоящим автором Утрехтской унии был не Оранж, а его брат Иоанн Нассауский. В марте 1578 года Иоанн был избран штатгальтером Гелдерланда. Он, как и Уильям, посвятил себя сердцем и душой делу свободы Нидерландов, но его кальвинизм был гораздо более ярко выражен, чем у его брата. С момента своего принятия статуса штатхолдера он приступил к работе по установлению тесного союза между Голландией, Зеландией и Утрехтом с Гелдерландом и прилегающими районами, лежащими вокруг реки Зюйдер-Зее. Это была трудная задача, поскольку восточные провинции опасались (и небезосновательно), что их гораздо большее богатство даст Голландии преобладание в предлагаемой конфедерации. Тем не менее это было достигнуто, и 29 января 1579 года в Утрехте представителями Голландии, Зеландии, города и округа (*sticht*) Утрехта, Гелдерланда и Зютфена был составлен и подписан Акт объединения, в соответствии с которым они согласились защищать свои права и свободы и противостоять любому иностранному вмешательству в их дела совместными действиями, как если бы они были одной провинцией, и устанавливать и поддерживать свободу совести и вероисповедания в пределах своих границ. Поначалу Уильям, похоже, был не совсем доволен работой своего брата. Он все еще надеялся, что могла бы быть сформирована конфедерация гораздо более широкого масштаба, включающая большую часть тех, кто поставил свои подписи под Замирением Гента. Только по прошествии нескольких месяцев, когда он увидел, что его мечтам о более крупном союзе не суждено сбыться, он подписал 3 мая Акт о союзе, составленный в Утрехте. К этому времени он уже хорошо знал, что Парме удалось склонить недовольную знать принять его условия. 19 мая провинции Валлонии, представители которых подписали Аррасскую унию,[стр.73] согласились признать, с некоторыми номинальными оговорками, суверенитет Филиппа и разрешить только католическое богослужение. На самом деле примирение было полным.

Таким образом, несмотря на усилия Orange, идея федерации всех семнадцати провинций по национальному признаку ушла в прошлое и отныне стала недостижимой. Нидерланды разделились на два лагеря. Постепенно, в течение 1580 года, Овериссель, Дренте и большая

часть Фрисландии присоединились к Утрехтской унии, а Гронинген и оммеландены объединились со своими соседями. В остальных Нидерландах все отпали и подчинились власти короля, за исключением Антверпена и Бреды в Брабанте и Гента, Брюгге и Ипра во Фландрии. Вильгельм чувствовал, что "Парма" постоянно укрепляет позиции. Имело место дезертирство за дезертирством, самым серьезным из которых было дезертирство Георга Лалайнга, графа Реннеберга, штатгальтера Гронингена. Действительно, были тайно начаты переговоры с самим Вильгельмом, и ему были предложены самые выгодные и лестные условия, если он оставит дело патриотов. Но для него оппозиция Испании и испанским методам правления была делом принципа и твердой убежденности. Он был в равной степени устойчив к подкупу и обольщению, даже когда понял, что 1580 год сменился 1579 годом, что у него нет верных друзей, на которых он мог бы абсолютно положиться, за исключением преданных провинций Голландии и Зеландии.

Ибо дела шли все хуже и хуже. Эксцессы и жестокости, совершаемые кальвинистами везде, где они оказывались в состоянии преследовать католическое меньшинство, и особенно бесчинства, совершенные в Генте под руководством двух кальвинистских фанатиков, Де Рыхова и Де Хембиза, хотя они были совершены в прямом противоречии с желаниями и усилиями Оранского, всегда и во все времена поборника веротерпимости, во многом дискредитировали его во Фландрии и Брабанте и вызвали ожесточенное возмущение среди католиков, которые по-прежнему составляли подавляющее большинство населения Нидерландов. Уильям чувствовал, что месяц за месяцем теряет власть. Действия, которые он, наконец, был вынужден предпринять, вызволив Гент из рук ультрадемократической кальвинистской партии и исключив Де Рыхова и Де Хембиза, привели к тому, что его объявили "папистом в душе". Действительно, фанатики обоих вероисповеданий в тот век нетерпимости и преследований были совершенно неспособны понять его позицию и могли только приписать[стр.74] ее отсутствию какой-либо искренней религиозной веры вообще. Фарнезе, между тем, чей гений макиавеллиевской государственной мудрости был столь же замечателен, как и те способности к руководству войной, которые позволили ему стать первым генералом своего времени, был человеком, который никогда не упускал случая в полной мере воспользоваться ошибками и слабостями своих противников. Весной 1579 года во главе отряда ветеранов он осадил важный пограничный город Маэстрихт. Он столкнулся с отчаянным сопротивлением, достойным обороны Харлема или Лейдена, и в течение четырех месяцев гарнизон упорно сопротивлялся в надежде на помощь. Но, несмотря на все усилия Оранского направить достаточные силы для снятия осады, в конце концов (29 июня) город был взят штурмом и в течение трех дней сдавался ярости дикой солдатни. Обладая этим ключом к Маасу, Парма теперь могла перерезать сообщение между Брабантом и протестантской Германией. Если бы Филипп действительно оказал ему надлежащую поддержку, вполне вероятно, что в это время все провинции вплоть до границ Голландии могли бы быть подчинены испанским войскам.

Положение Вильгельма было окружено опасностями со всех сторон. Один за другим его сторонники покидали его; даже в провинциях Голландия и Зеландия он терял позиции. Он ясно видел, что без иностранной помощи национальное дело, ради которого он пожертвовал всем, было обречено. В этой чрезвычайной ситуации он возобновил переговоры с Анжу не потому, что хоть сколько-нибудь верил в способности или искренность французского принца, а по той простой причине, что больше не к кому было обратиться. Как наследник французского престола и в то время любимый поклонник королевы Елизаветы, его признание суверенитета Нидерландов обеспечило бы, по расчетам Оранжа, поддержку как Франции, так и Англии. Он

также надеялся, что ограничительные условия, связанные с предложением суверенитета, позволят ему осуществлять сильный личный контроль над таким слабохарактерным человеком, как Анжу. Тщеславию и амбициям герцога польстило это предложение, и 19 сентября 1580 года в Плесси-ле-Туре был подписан временный договор, по которому Анжу принял сделанное ему предложение и показал себя вполне готовым согласиться с любыми ограничениями, наложенными на его власть, поскольку у него не было никакого намерения соблюдать их, когда он взял бразды правления в свои руки.

Первым результатом переговоров Вильгельма с Анжу стало отчуждение кальвинистов, но без завоевания власти католиков. Анжу[стр.75] был подозрителен для обоих. Однако действия испанского правительства в этот критический момент во многом восстановили доверие принца ко всем, кому была отвратительна испанская тирания и память об Альве. Кардинал Гранвелле, после пятнадцати лет полуизгнания в Италии, недавно был вызван в Мадрид, чтобы стать главным советником короля. Гранвель не жалел усилий, чтобы убедить Филиппа в необходимости избавиться от Оранского как главного препятствия на пути к умиротворению Нидерландов, и посоветовал, что за его жизнь должна быть назначена цена. "Сам страх перед этим парализует или убьет его", - таково было мнение кардинала, которому следовало бы лучше понимать характер своего старого противника. Соответственно, в Местрихте 15 марта 1581 года был опубликован "запрет и эдикт в форме проскрипции" против принца, который был объявлен "предателем и негодяем, врагом нас самих и нашей страны"; и всем и повсюду было предоставлено право "конфисковать личность и имущество этого Вильгельма Нассауского, как врага рода человеческого". Также было дано торжественное обещание "любому, у кого хватит духу освободить нас от этой заразы, и кто доставит его живым или мертвым, или лишит его жизни, выплатить сумму в 25 000 крон золотом или поместьями для него самого и его наследников; и мы простим ему любые преступления, в которых он был виновен, и выдадим ему дворянский патент, если он не благороден". Это документ, который, каким бы отвратительным или омерзительным он нам ни казался, был характерен для эпохи, в которую он был обнародован, и соответствовал идеям того жестокого времени. Запрет был объявлением войны ношу, и как таковой он был принят и на него был дан ответ.

В ответ на запрет принц в конце года (13 декабря) опубликовал очень пространную защиту своей жизни и действий, знаменитую *Апологию*. Самому Уильяму, несомненно, обязаны материалом, содержащимся в документе, и аргументацией, которую он содержит, но почти наверняка он был написан не им, а его капелланом Пьером Л'Уазелером, сеньором де Вилье, которому он обязан своей довольно громоздкой пространностью и избыточным словоблудием. С исторической точки зрения это имеет очень значительную ценность, хотя на факты не всегда можно полагаться как на строго точные. *Апология* была переведена на несколько языков и роздана ведущим деятелям во всех соседних странах и произвела глубокое впечатление на умы людей.

Совокупный эффект *запрета* и *Извинений* заключался в укреплении позиций Уильяма во всех провинциях, где патриотическая партия все еще[стр. 76] одерживала верх; и он не замедлил воспользоваться возникшими сильными антииспанскими настроениями. Его интенсивность была продемонстрирована торжественным актом отречения от престола 26 июля 1581 года, которым провинции Брабант, Фландрия, Голландия, Зеландия, Утрехт и Гелдерланд отказались от своей верности Филиппу II на основании его тирании и неправильного правления. Но после подписания этого Акта принцу или представителям провинций, похоже, никогда не приходило в

голову, что эти ныне заброшенные территории могут остаться без личного суверена. Оранж использовал все свое влияние и убедительность, чтобы побудить их принять Анжу. Анжу, как мы видели, уже согласился с условиями, на которых он должен был, когда его пригласят, стать "принцем и лордом" Нидерландов. Осенью 1581 года положение было двусмысленным. Генеральные штаты утверждали, что после отречения Филиппа суверенитет провинций вернулся к ним как к общему представителю группы провинций, которые теперь были суверенными сами по себе, и что передача этого суверенитета другому сюзерену была их прерогативой. Положение Оранского было своеобразным, поскольку *де-факто* под тем или иным титулом он осуществлял верховную власть в каждой из мятежных провинций, но от имени Генеральных штатов, а не короля. Его влияние действительно было настолько велико, что затмевало влияние Генеральных штатов, но каким бы великим оно ни было, его нужно было приложить максимум усилий, прежде чем этот орган можно было убедить принять человека с презренным и ненадежным характером Анжу в качестве своего нового правителя. Вильгельм, однако, поддержал кандидатуру герцога из-за отсутствия более подходящего выбора; и, наконец, как Генеральные штаты, так и несколько провинциальных владений (за исключением Голландии и Зеландии) согласились передать суверенитет французскому принцу при соблюдении условий Плесси-ле-Турского мирного договора.

Вильгельм сам пользовался полномочиями, которыми наделили его Голландия и Зеландия, от имени короля, штатгальтером которого он был, даже когда вел против него войну. После Отречения от Престола это притворство больше не могло поддерживаться. Поместья Холланд и Зеландия действительно ходатайствовали о том, чтобы Оранский стал их графом, но он отказался от титула, опасаясь обидеть Анжу. Обнаружив, однако, что обе провинции решительно выступают против принца Валуа, он согласился 24 июля 1581 года временно осуществлять, как если бы он был графом, полномочия[стр.77] "верховного главенства", которое уже было ему предоставлено. Тем временем Анжу бездельничал в Англии, но, получив через Сент-Альдегонду намек на то, что Штаты больше не могут терпеть промедления, он поднял паруса и высадился во Флашинге. Его сопровождали лорд Лестер и блестящий английский эскорт, и Елизавета попросила Штаты принять ее поклонника как "саму себя". В Антверпене, где он поселился, Анжу был (19 февраля) торжественно присоединен к герцогству Брабантскому и принял оммаж своих новых подданных. Он был далек от популярности, и Вильгельм оставался рядом с ним, чтобы оказывать поддержку и давать советы. 18 марта (в день рождения Анжу) произошло неприятное событие, которое грозило иметь самые катастрофические последствия. Когда Оранж выходил из-за обеденного стола, молодой бискаец по имени Хуан Хореугуй предпринял попытку покушения на него, выстрелив в него из пистолета. Мяч вошел в голову возле правого уха и прошел через небо. Жореугуй был мгновенно убит, и впоследствии было установлено, что он был подстрекаем к этому поступку своим хозяином, купцом по имени Каспар Анастро, ради награды. Анжу, которого сначала подозревали в соучастии в преступлении, таким образом, был оправдан. Это была ужасная рана, и некоторое время жизнь Уильяма находилась в большой опасности; но благодаря усердной заботе врачей и медсестер он очень медленно поправлялся и 2 мая был достаточно окреп, чтобы присутствовать на торжественной службе благодарения. Однако шок от этого события и долгие недели тревоги были слишком тяжелым бременем для его жены Шарлотты де Бурбон, которая недавно родила их шестую дочь. Принц был глубоко опечален ее смертью 5 мая, поскольку Шарлотта была его самой преданной помощницей и советчицей на протяжении всех тревожных лет их супружеской жизни. В течение всего лета и осени Вильгельм оставался в Антверпене,

терпеливо пытаюсь сгладить трудности, вызванные неприязнью и подозрительностью, которые голландцы испытывали к человеку, которого их просили признать своим сувереном. Это была трудная задача, но Вильгельму ценой собственной популярности удалось добиться признания герцога в июле лордом Фрисландии и герцогом Гелдерланда, а в августе Анжу был торжественно возведен в Брюгге в качестве графа Фландрии. Тем временем он планировал с помощью крупных французских сил, которые Анжу намеревался ввести в Нидерланды, перейти в наступление на Парму. Правда в том, что он и "Анжу" действительно играли [стр.78] с противоположными целями. Оранский хотел, чтобы Анжу стал *королем-фаворитом* Объединенного нидерландского государства, реальным правителем которого он сам должен был быть, но Анжу не собирался, чтобы к нему относились как ко второму Матиасу. Он тайно решил внезапным нападением овладеть Антверпеном и, достигнув этого, силой оружия захватить некоторые другие главные города и провозгласить себя сувереном как на деле, так и номинально. Он возмущался своей зависимостью от Orange и был полон решимости избавиться от нее. С бесстыдным предательством рано утром 17 января 1583 года он нанес визит принцу в Антверпене и, с целью завладеть его персоной, попытался убедить его присутствовать на смотре французских полков, стоявших лагерем за пределами города. Однако у Уильяма возникли подозрения, и он под каким-то предлогом отклонил приглашение. В полдень несколько тысяч анжуйских солдат ворвались в город в обеденный перерыв с громкими криками "Виль Ганье! Вт! Вт!" Но горожане схватились за оружие; были возведены баррикады; и, наконец, французы были изгнаны с большими потерями, оставив около 1500 пленных в руках городской стражи. Погибло много французской знати, и "Французская ярость", как ее называли, потерпела позорный и ужасающий провал. Возмущение было широким и глубоким по всем провинциям; и попытки Вильгельма утихомирить волнения и заключить какое-нибудь новое соглашение с фальшивым Валуа, хотя и увенчавшиеся на данный момент частичным успехом, только усилили его собственную растущую непопулярность.

Принц на самом деле был настолько привязан к идее, что единственная надежда для провинций заключалась в получении французской помощи, что, казалось, не мог убедить себя в том, что Анжу после этого акта подлого предательства невозможен. Его постоянная поддержка герцога лишь привела к отчуждению жителей Брабанта и Фландрии. Протестантам была ненавистна мысль о том, что их сувереном будет принц-католик, на мать и братьев которого они смотрели как на виновников Варфоломеевской резни. Католики, обольщенные справедливыми словами Пармы и встревоженные неуклонным продвижением его войск, уже склонялись к тому, чтобы вернуться к своей прежней верности. Женитьба Оранского 7 апреля 1583 года на Луизе, дочери знаменитого лидера гугенотов адмирала Колиньи и вдове съера де Телиньи, усилила чувства недоверия и враждебности, которые он уже вызвал, поскольку невеста была француженкой, а ее отец и муж погибли в роковой день Святого Варфоломея.[стр.79]

Обнаружив, что подвергается оскорблениям, а его жизнь постоянно находится в опасности, Вильгельм в конце июля покинул Антверпен и снова поселился в Делфте среди своих верных голландцев. Им тоже не нравились его французские наклонности, но его союз с Луизой де Телиньи, казалось, стал для этих убежденных кальвинистов дополнительным залогом его религиозной искренности.

Тем временем Анжу уже вернулся во Францию; и у Пармы теперь было более свободное поле для его продвижения на север, и, хотя ей сильно мешала нехватка средств, она быстро захватывала город за городом. Весной 1584 года он взял Ипр и Брюгге, и сильная партия в Генте

вела с ним предательскую переписку. Многие дворяне отошли от дела патриотов, среди них шурин Вильгельма, граф ван ден Берг, сменивший Иоанна Нассауского на посту штатгальтера Гелдерланда. Однако господство Оранжа над Брабантом и Шельдой все еще обеспечивалось владением Антверпеном, губернатором которого был надежный Сент-Альдегонде.

Тем временем принц, который все еще упорно пытался убедить враждебные испанскому правлению провинции в том, что их единственная надежда - получить помощь от Франции через Анжу, жил в старом монастыре Святой Агаты, впоследствии известном как Принценхоф в Делфте. Его образ жизни был самым скромным и домашним, совсем как у обычного голландского бюргера. На самом деле он был по уши в долгах, ужасно беспокоился о внешней стороне вещей, и его положение становилось все более трудным, поскольку 10 июня 1584 года несчастный Анжу умер, и политика, на которую он так долго тратил все свои усилия, потерпела крах. Даже его собственное признание графом Голландии и Зеландии привело к бесконечным переговорам между поместьями и различными городскими советами, которые утверждали, что имеют право голоса в этом вопросе; и в июле 1584 года он, хотя и временно осуществлял суверенную власть, еще не получил официального оммажа. И все это время, в дополнение к другим заботам, которые тяжело давили на него, его постоянно преследовал страх перед убийством. С тех пор как провалилось покушение на Хорегуи, по наущению испанского правительства и с ведома Пармы постоянно происходила череда заговоров против жизни лидера повстанцев и еретика. Религиозный фанатизм, верность законному суверену вкупе с более низменным мотивом - денежным вознаграждением - побуждали многих стремиться совершить смертоносное[стр.80] поручение. Это облегчалось тем фактом, что принц всегда отказывался окружать себя охраной или принимать какие-либо особые меры предосторожности и всегда был легкодоступен. Многие планы и предполагаемые попытки ни к чему не привели либо из-за бдительности шпионов Вильгельма, либо из-за недостатка мужества у потенциальных убийц. Однако юноша по имени Бальтазар Жерар был одержим убеждением, что у него есть особая миссия совершить дело, в котором Жорегуи потерпел неудачу, и он посвятил себя задаче избавления мира от того, кого он считал заклятым врагом Бога и короля. Под вымышленным именем Франсиса Гийона он пробрался в Делфт, притворился ревностным кальвинистом, спасающимся от преследований, и стал просить милостыню. Принц, даже в своей бедности всегда милосердный, услышав о его бедственном положении, послал этому человеку подарок в двенадцать крон. На этот подарок Жерар купил пару пистолетов, и 10 июля 1584 года, сумев под каким-то предлогом проникнуть в Принценхоф, он спрятался в темном углу у лестницы, как раз напротив двери комнаты, где ужинали Уильям и его семья. Когда принц в сопровождении своей жены, трех дочерей и одной из сестер вышел и направился к лестнице, убийца бросился вперед и выпустил две пули ему в грудь. Рана была смертельной; Уильям упал на землю и вскоре скончался. Предание гласит, что, падая, он воскликнул по-французски: "Боже мой, сжался над моей душой! Боже мой, сжался над этими бедными людьми!" Но изучение современных записей убийства ставит под сомнение утверждение о том, что такие слова были произнесены. Характер раны был таков, что, скорее всего, внятная речь была невозможна.

Бальтазар Жерар гордился своим поступком и переносил мучительные пытки, которым его подвергали, с почти нечеловеческим терпением и мужеством. Он считал себя мучеником за святое дело, и именно таковым его считало католическое общественное мнение. Его поступок был высоко оценен как Гранвеллом, так и Пармой, и Филипп пожаловал его семье дворянский патент и освободил их от налогов.

В Голландии была глубокая и всеобщая скорбь по поводу трагического конца великого лидера, который на протяжении стольких лет был бесстрашным и неутомимым поборником их сопротивления гражданской и религиозной тирании. Ему были устроены публичные похороны, и он был похоронен с большой пышностью в Нью-Керк в Делфте, где в его память был воздвигнут величественный мемориал, свидетельствующий о его многих высоких качествах и заслугах.

Вильгельму Оранскому был всего пятьдесят один год, когда его жизнь оборвалась таким образом преждевременно, и хотя заботы и тревоги, связанные с непосильной ответственностью, сильно состарили его, его врачи заявили, что на момент смерти он был совершенно здоров и что он мог бы продолжать свою работу еще много лет, если бы избежал пуль убийцы. Но этому не суждено было сбыться. Возможно, что его следует причислить к числу тех, чья смерть накладывает отпечаток на дело всей жизни, состоящее из непрерывного самопожертвования. Титул "Отца своей Страны", который с любовью присваивали ему голландцы всех сословий, никогда не был более заслуженным, ибо именно в Голландии, которую освободили его усилия и которую он превратил в неприступную крепость сопротивления Испании, он чувствовал себя как дома, чем где-либо еще. Именно среди своего народа он отдал жизнь, которая была посвящена их делу. Как генерал он никогда не добивался успеха. Как государственный деятель он не смог добиться объединения Нидерландов, севера и юга, которое в один триумфальный момент, казалось, было почти достигнуто путем умиротворения Гента. Но благодаря духу, который он пробудил в Голландии и ее сестринской провинции Зеландия, он создал барьер против испанского господства в северных Нидерландах, который не должен был быть разрушен.

[стр.82]

ГЛАВА VI

ЗАРОЖДЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В момент убийства Вильгельма Молчаливого беспристрастному наблюдателю вполне могло показаться, что восстановление власти испанского короля над всеми Нидерландами было лишь

вопросом времени. Военное мастерство и государственная мудрость Александра Фарнезе медленно, но верно продвигались вперед в отвоевании Фландрии и Брабанта. Несмотря на жалкую недостаточность финансовой поддержки, которую он получал из Испании, генерал-губернатор во главе небольшой по численности, но вполне боеспособной и дисциплинированной армии захватывал город за городом. В 1583 году пали Дюнкерк, Ньюпор, Линдховен, Стинберген, Зутфен и Сас-ван-Гент; весной 1584 года Ипр и Брюгге уже были в руках Испании, и в самый день смерти Вильгельма штурмом был взят форт Лифкеншук на Шельде, одно из отдаленных укреплений Антверпена. В августе сдался Дендермонд, в сентябре - Гент. Вся Западная Фландрия, за исключением морских портов Остенде и Слуса, в начале осени 1584 года была приведена к повиновению королю. Кампания следующего года должна была быть еще более успешной. Брюссель, резиденция правительства, был вынужден из-за голода капитулировать 10 марта; Мехлин был взят 19 июля; и, наконец, Антверпен после памятной осады, в которой Парма проявила виртуозное мастерство и находчивость, снова перешел во владение испанцев. Падение этого великого города стало очень тяжелым ударом по делу патриотов, а также разрушением самого Антверпена. Очень большая часть его наиболее предприимчивых жителей скорее покинула свои дома, чем отреклась от своей религиозной веры, и нашла убежище в Голландии и Зеландии или бежала за Рейн в Германию. Доступ к морю вниз по Шельде был закрыт флотилиями Морских попрошайек, и торговля и промышленность первого торгового порта Западной Европы перешли к Амстердаму и Мидделбургу. Между тем не было никаких признаков слабости или уступчивости со стороны крепких бюргеров Голландии и Зеландии.[стр.83] рокового 10 июля 1584 года в Делфте заседали сословия Голландии. Они сразу же предприняли энергичные действия под умелым руководством Пола Байса, адвоката из Голландии, и Джона ван Ольденбарневельдта, пенсионера из Роттердама. Они приняли резолюцию "отстаивать правое дело с Божьей помощью, не жалея ни золота, ни крови". Депеши были немедленно разосланы по поместьям других провинций, городским советам и военным и флотским командирам, подтверждающим их собственную решительную позицию и призывающим всех тех, кто принял руководство убитого принца Оранского, "вести себя мужественно и благочестиво, не ослабляя рвения из-за вышеупомянутого несчастья". Их спокойное мужество в такой кризисный момент успокоило умы людей. Паники не было. В Голландии, Зеландии и Утрехте были немедленно предприняты шаги для сохранения правительства. Воодушевленные примером Голландии, Генеральные штаты также приняли оперативные меры. 18 августа для временного осуществления исполнительных полномочий суверенитета был назначен Государственный совет, состоящий из восемнадцати членов: четырех от Голландии, по три от Зеландии и Фрисландии, двух от Утрехта и шести от Брабанта и Фландрии. От этого органа Морис Нассауский, семнадцатилетний сын Вильгельма, был назначен первым советником, и ему была назначена пенсия в размере 30 000 гульденов в год. В то же время Луизу де Колиньи пригласили переехать в Голландию, и для нее были созданы соответствующие условия. Уильям Льюис, сын графа Джона Нассауского, был избран штатгальтером Фрисландии. Граф Ньювенаар был штатгальтером Гелдерланда, а вскоре после этого также Утрехта и Оверисселя. Из-за молодости Мориса вопрос о том, должен ли он стать графом Голландии и Зеландии или быть избранным штатгальтером, был отложен до тех пор, пока не будет решено, кому из двух иностранных правителей следует передать власть над провинциями теперь, после смерти Анжу.

В восставших провинциях ответственные лидеры были в это время практически единодушны во мнении, что любая попытка с их стороны продолжить борьбу против могущества Испании без

иностранной помощи безнадежна; и считалось, что такую помощь можно было получить, только пойдя по стопам Вильгельма и предложив передать управление провинциями другому монарху вместо Филиппа II. Было только два возможных кандидата: Генрих III Французский и Елизавета Английская.[стр.84]

Были возражения и против того, и против другого, но быстрые успехи "Пармы" сделали необходимым принятие мер. Сторонники французского альянса составляли большинство, несмотря на усилия сильной оппозиции во главе с Полем Байсом; и посольство (январь 1585 г.) было отправлено в Париж, чтобы на условиях предложить французскому королю протекторат Голландии и Зеландии и суверенитет над другими провинциями. Переговоры продолжались пару месяцев, но Генрих III в конце концов отклонил предложение. В июле 1585 года в Англию было отправлено еще одно посольство, но Елизавета категорически отказалась признать суверенитет. Однако она не возражала против предложения направить часть войск на вооруженную помощь провинциям при условии, что будут предоставлены адекватные гарантии в отношении расходов. Она боялась Филиппа II и, хотя не испытывала любви к мужчинам, которые были мятежниками против своего законного государя, была вполне готова использовать их в своих целях. Следовательно, ее мотивы были неоднозначными и чисто корыстными; тем не менее сомнительно, что переговоры привели бы к какому-либо определенному результату, если бы известие о падении Антверпена не заставило обе стороны почувствовать, что сейчас не время для торгов или проволочек. Поэтому Елизавета пообещала немедленно прислать 6000 солдат под командованием "знатного джентльмена", который должен был носить титул генерал-губернатора. Он должен был сотрудничать с Государственным советом (в котором должны были заседать два англичанина) в восстановлении порядка, а также в поддержании и защите древних прав и привилегий провинций. Генерал-губернатор и все другие официальные лица должны были принести присягу на верность как Генеральным штатам, так и королеве. Города Флашинг и Брилл с фортом Раммекенс должны были быть переданы в залог Елизавете для возмещения расходов и приема английских гарнизонов. Они были известны как "города-предостережения".

В конце октября Штатам сообщили, что выбор королевы пал на ее фаворита Роберта Дадли, графа Лестера, и что вскоре он отправится в Нидерланды. Голландия и Зеландия, всегда ревниво относившиеся к иностранному вмешательству в их права и привилегии, решили теперь предотвратить прибытие английского генерал-губернатора, назначив Мориса Нассауского с титулом "Превосходительство" на должности штатгальтера, адмирала и генерал-капитана обеих провинций; а граф Гогенло был назначен (Морис был еще совсем мальчиком) фактическим командующим вооруженными силами государства. Лестер отплыл из Харвича[стр.85] в сопровождении флота из пятидесяти судов и высадился во Флашинге 19 декабря. Повсюду он встречал восторженный прием. Генеральные штаты стремились наделить его большими полномочиями. Практически он был наделен теми же полномочиями, что и бывшая регентша Мария Венгерская, с оговоркой, что Генеральные штаты и Провинциальные сословия должны собираться по своему усмотрению, что нынешние штатгальтеры должны оставаться на своих должностях и что назначения на вакантные должности должны производиться из двух или трех человек, выдвинутых провинциальными сословиями. Был создан новый Государственный совет, в который, как и было условлено ранее, вошли два англичанина. 4 февраля 1586 года правительство Лестера было торжественно введено в должность в присутствии Мориса Нассауского и Генеральных штатов, и он принял титул "Превосходительство". Елизавета, услышав это, очень разозлилась и даже пригрозила отозвать Лестера, и она послала лорда

Хиниджа выразить Генеральным штатам и генерал-губернатору свое глубокое неудовольствие тем, что произошло. Она попросила Лестера ограничиться функциями, которые она возложила на него, и только в июле она была достаточно успокоена, чтобы позволить обращаться к нему "Ваше превосходительство".

Все это оскорбляло гордость и амбиции Лестера и не способствовало улучшению его отношений со Штатами. Перед английским губернатором в любом случае стояла бы трудная задача, а Лестер не обладал ни тактом, ни способностями государственного деятеля, ни какими-либо притязаниями как военачальник. Он не обладал никакими знаниями об институтах страны или характере людей и не владел голландским языком. Принятые им меры и произвольный способ, которым он пытался привести их в исполнение, вскоре поставили его лицом к лицу с упорным сопротивлением поместий Голландии под руководством Ольденбарневельдта. В апреле 1586 года он издал очень строгий указ, запрещающий любое сообщение с землями противника и, в особенности, снабжение врага зерном. Он имел в виду именно это, поскольку ему сообщили, что прекращение этой торговли, которую он считал незаконной, лишит испанцев всего необходимого для жизни, и положение Пармы станет отчаянным. Однако эта транзитная торговля долгое время была источником большой прибыли для купцов и судовладельцев Голландии и Зеландии; более того, она поставляла немалую часть ресурсов, за счет которых эти две провинции снаряжали флоты и войска, с помощью которых они защищались от усилий испанского[стр. 86] короля. За два года до этого Генеральные штаты пытались ввести эмбарго на торговлю зерном, но могущественный городской совет Амстердама отказался подчиниться, и поместья Голландии поддержали их в их действиях. Депутаты внутренних провинций, которые больше всего пострадали от испанских армий, завидовали процветанию приморских государств и считали, что торговля с испанцами ведется им во вред. Но Голландия и Зеландия предоставили средства, без которых сопротивление уже давно было бы невозможно, и, кроме того, они претендовали, как суверенные провинции, на право регулировать свои торговые дела. Эдикт остался мертвой буквой, поскольку не было власти привести его в исполнение.

Губернатор совершил еще большую ошибку, когда, раздраженный оппозицией голландцев, он обхаживал демократическую антиголландскую партию в Утрехте, лидером которой был штадгольдер-ультракальвинист Ньювенаар, и добился избрания бургомистром Утрехта одного из своих доверенных лиц, жителя Брабанта Джерарда Пруника по фамилии Девентер, хотя как иностранец он был лишен права занимать этот пост. Еще более произвольным актом было создание им Финансовой палаты, вооруженной инквизиторскими полномочиями, что нарушило права провинциальных сословий и лишило Государственный совет одной из его важнейших функций. Что еще хуже, он назначил Ньювенара председателем новой Палаты, а брабанца Жака Рейнгуда генеральным казначеем и фламандца Даниэля де Бурхгрейва аудитором. Сословия Голландии под руководством Ольденбарневельдта приготовились упорно сопротивляться этой попытке навязать им новую тиранию.

Как военачальник Лестер был совершенно непригоден для успешного противостояния такому генералу, как Парма. На самом деле обоим военачальникам сильно мешали приготовления Филиппа к вторжению в Англию. Король мог выделить Парме лишь немного денег на жалованье своим войскам, и его приказ заключался в том, что испанские войска в Нидерландах должны быть приведены в резерв и готовы к отправке, как только Великая армада захватит контроль над Ла-Маншем. Первой целью была Англия. Когда ее завоевание будет завершено, за ним быстро

последует завоевание мятежных провинций. С другой стороны, Елизавета, всегда скупая, была не склонна перед лицом грозящей опасности растрачивать свои ресурсы на какие-либо ненужные траты. Лестер[стр.87] таким образом, оказался во главе слишком небольших сил, чтобы нанести сколько-нибудь эффективные удары по врагу. Ему удалось захватить Дусбург, но не удалось взять Зютфен. Именно в доблестной попытке помешать испанскому конвою войти в этот город сэр Филип Сидни встретил свою смерть в битве при Варнсфелде (22 сентября 1586 года). Однако важный форт напротив Зутфена был взят штурмом, и здесь Лестер оставил сэра Роберта Йорка с сильным гарнизоном и в то же время отправил сэра Уильяма Стэнли с 1200 людьми губернатором Девентера. Эти назначения вызвали много критики, которая позже оказалась полностью оправданной, поскольку оба этих офицера были католиками и ранее служили в Испании. Лестер также предпринял другие необдуманные шаги. Западная Фрисландия в течение многих лет была объединена с Голландией и была известна как Северная Четверть. Генерал-губернатор, однако, назначил Соноя штатгальтером Западной Фрисландии и тем самым нарушил права и юрисдикцию Мориса Нассауского. Морис также занимал пост генерал-адмирала Голландии и Зеландии, но Лестер взял на себя смелость создать три отдельных адмиралтейских колледжа - Голландии, Зеландии и Северного квартала, тем самым еще больше разделив власть в стране, где главным стремлением было достижение большего единства. Лестер был столь же неразумен в том, что касалось религиозных вопросов. Ольденбарневельдт, Пауль Байс и подавляющее большинство бюргеров-регентов Голландии принадлежали к умеренной, или, как ее называли, "либертинской" партии, к которой примыкал Вильгельм Молчаливый и чьи принципы веротерпимости он твердо отстаивал. Лестер, в значительной степени движимый злобой против Ольденбарневельдта и голландцев за их несогласие с его эдиктом о торговле с врагом и назначением им Соноя, бросился в объятия крайних кальвинистов, которые в глубине души были такими же фанатичными преследователями, как и сами испанские инквизиторы. Эти фанатики-"прецизианцы" провели, с разрешения генерал-губернатора и под его защитой, синод в Дорте в июне 1586 года и попытались организовать Реформатскую церковь в соответствии со своими строгими принципами исключительности.

Этой серией грубых поступков Лестер сделал себя настолько непопулярным и вызывал недоверие в Голландии, что Поместья этой доминирующей провинции не упускали возможности нанести ему отпор. Уязвленный оппозицией, с которой он столкнулся, и уставший от неблагодарной работы, губернатор решил в конце ноября нанести визит[стр.88] в Англию. На время его отсутствия управление было оставлено за Государственным советом.

Его уход имел очень важное значение, поскольку остро выдвинул на первый план вопрос о правах государства. Неприязнь и недоверие, которые голландцы испытывали к английскому генерал-губернатору, были значительно усилены предательством Йорка и Стэнли, которые передали форт в Зутфене и город Девентер, защита которых была им поручена, в руки испанцев. Город Гелдер и форт в Воу также были преданы, и нет никаких сомнений в том, что, если бы Парма в это время смог воспользоваться разногласиями в рядах своих противников, он не встретил бы серьезного сопротивления своему оружию. Однако все его внимание было сосредоточено на подготовке к предполагаемому вторжению в Англию. Не успел Лестер покинуть страну, как поместья Голландии под сильным руководством Ольденбарневельдта приняли меры, чтобы отстоять свое право самостоятельно регулировать свои дела независимо от Государственного совета. Был произведен набор войск (на жалованье провинции Голландия), которые должны были принести присягу провинциальным сословиям и

штатгальтеру. Маврикию был присвоен титул "принца", и Соной в Северном квартале и все коменданты укрепленных пунктов были вынуждены подчиниться его приказам. Генеральные штаты, в которых влияние Голландии и ее главного представителя Ольденбарневельдта было чрезвычайно велико, поддержали провинциальные сословия в принимаемых ими мерах. В результате их действий торговые ограничения были практически отменены, Государственный совет был восстановлен, а от имени Генеральных штатов был составлен строгий обвинительный акт в адрес поведения Лестера и администрации, который был направлен отсутствующему губернатору Англии.

Елизавета была возмущена формулировками этого документа, но в данный конкретный момент опасности, угрожавшие ее трону и народу, были слишком серьезны, чтобы она могла предпринять какие-либо шаги по отчуждению Штатов. Ее очевидной политикой было поддержать их в сопротивлении и сохранить, по возможности, пармские войска оккупированными в Нидерландах. Соответственно, Лестер вернулся на свой пост в июле 1587 года, но в совершенно неправильном настроении. Он знал, что у него есть сильная группа сторонников в Утрехте, Фрисландии и других местах, поскольку он выдавал себя за защитника прав народа против дворян и тех городских бюргеров-аристократов, в руках которых находилась вся реальная власть, и своим отношением к религиозным вопросам он завоевал себе поддержку кальвинистских проповедников.....[стр.89] Его агенты, Девентер в Утрехте, Айсма во Фрисландии и Соной в Северном квартале, были способными людьми, которые могли рассчитывать на помощь демократии, которой они льстили. Итак, Лестер вернулся с решимостью преодолеть сопротивление поместий Голландии и заставить их подчиниться его воле. Но он обнаружил, что ему удалось только сделать это сопротивление более решительным. Его попытки свергнуть власть "регентов" в Амстердаме, Лейдене, Энкхейзене и других городах потерпели полный провал. Ольденбарневельдт и Морис были верховными правителями Голландии и Зеландии; и власть кошелька давала Голландии контрольный голос в Генеральных штатах. Положение Лестера пошатнулось также из-за его неспособности освободить Слуис, важный морской порт которого перешел после длительной осады в руки Пармы 5 августа. Его захват был приписан слухами, которые в данном случае не имели под собой оснований, предательству английского губернатора и гарнизона. Более того, было обнаружено, что в течение нескольких месяцев между английским правительством и Пармой велись секретные мирные переговоры; и это вызвало сильные подозрения, что Нидерланды просто использовались в качестве пешек в английской политике, и оттолкнуло от генерал-губернатора симпатии проповедников, которые были его самыми сильными сторонниками. Униженный и сломленный духом, Лестер после долгих препирательств и взаимных обвинений, наконец, покинул Нидерланды (10 декабря), хотя его официальная отставка с занимаемого поста дошла до Генеральных Штатов только в апреле следующего года. Лорд Уиллоуби был назначен командующим английскими войсками.

1588 год стал началом десятилетия, полного судеб для Голландской республики. Уход Лестера оставил семь провинций Утрехтского союза слабыми, разделенными, раздираемыми группировками, без союзников, страна к востоку от Исселя и к югу от Шельды и Ваала уже была в руках врага. Более того, вооруженные силы этого врага были намного сильнее их собственных и находились под командованием непревзойденного генерала. Но это был год испанской армады, и наступательные операции "Пармы" по строжайшему приказу Мадрида были направлены иначе. И Елизавета, со своей стороны, хотя и была сильно оскорблена обращением, которому ее фаворит Лестер подвергся со стороны голландцев, была слишком

проницательна, чтобы ссориться в такой[pg.90] момент с народом, корабли которого держали строгую блокаду в Шельде и перед фламандскими гаванями. Таким образом, для штатов была получена передышка в этот критический момент, которая была использована с пользой и имела жизненно важное значение для их конституционного развития. Лестрийский период, несмотря на свою некомпетентность и неудачи, однако отличался тем, что был периодом, который, к добру или ко злу, породил республику Объединенные Нидерланды, какой мы ее знаем по истории. Любопытная, аморфная, возглавляемая гидрой система правления, которой предстояло просуществовать около двух столетий, по своему происхождению была прямым результатом запутанного нагромождения конфликтующих сил, которое стало наследием правления Лестера. В качестве предварительного шага к правильному пониманию политической системы, которая теперь, скорее по случайному стечению обстоятельств, чем по замыслу, развивалась в постоянную конституцию, необходимо будет проследить события тех лет, которые непосредственно последовали за отъездом Лестера и которые под влиянием и при сотрудничестве трех ярких личностей должны были сформировать будущее голландской республики.

Этими тремя личностями были Джон ван Ольденбарневельдт, Морис Нассауский и его двоюродный брат Уильям Льюис из Нассау, штатгальтер Фрисландии. Ольденбарневельдт родился в 1547 году, после изучения юриспруденции в Лувене, Бурже и Гейдельберге стал преданным приверженцем Вильгельма Молчаливого и принимал участие в защите Харлема и Лейдена. Однако его способности позволяли ему играть заметную роль как политику и администратору, а не как солдату; и можно сказать, что его карьера началась с назначения на должность пенсионария Роттердама в 1576 году. В этом качестве его трудолюбие и талант быстро обеспечили ему командное положение в поместьях Голландии, и он стал одним из доверенных друзей и советников принца Оранского. В 1586 году он был назначен адвокатом Голландии вместо Пола Байса. Эта должность включала в себя обязанности юрисконсульта, секретаря, а также, в некотором смысле, "Спикера" от провинциальных сословий. В дополнение ко всему этому он был рупором в Генеральных штатах депутации, представляющей провинциальные сословия, и пользовался в этом собрании всей властью, присущей человеку, говорившему от имени Голландии. В это переходное время, благодаря своему преобладанию как в его собственной провинции Голландия, так и в Генеральных Штатах, он смог обеспечить для общей политики Союза,[стр. 91] особенно в ведении иностранных дел, преемственность цели, которая позволила слабо скрепленной и взаимно завистливой конфедерации мелких суверенных штатов успешно пережить критические годы, последовавшие за уходом Лестера, и обрести чувство национального единства.

Однако ум и дипломатические способности великого государственного деятеля были бы бесполезны без помощи военных способностей Мориса Нассауского. Морису было двадцать лет, когда Лестер покинул Голландию. Он был человеком, сильно отличавшимся от своего отца во взглядах и по характеру своих талантов. Морис не унаследовал ни терпимости своего отца в религиозных вопросах, ни его тонкого мастерства в дипломатии. Он был прирожденным солдатом, но не политиком и не имел ни малейшего желания вмешиваться в государственные дела. Он питал глубочайшее уважение к Ольденбарневельдту и полную уверенность в его способностях государственного деятеля, и он был в любое время готов использовать исполнительную власть, которой он пользовался благодаря многочисленным должностям, которые ему быстро предлагали занять, для проведения политики Ольденбарневельдта; в то время как Адвокат со своей стороны нашел в сильной руке успешного генерала инструмент,

необходимый ему для поддержания своего превосходства в управлении гражданским правительством. Уже в 1587 году Морис был штатгальтером Голландии и Зеландии. В 1588 году он стал генерал-капитаном и генерал-адмиралом Союза с контролем и надзором за всеми вооруженными силами провинций на море и на суше. Смерть Ньювенаара в следующем году привела к появлению вакансий в штатгальтерствах Утрехта, Гелдерланда и Оверисселя. Морис был в каждой провинции избран преемником Ньювенаара. Таким образом, адвокат и принц, благодаря тесному согласию, которое долгие годы существовало между ними, собрали таким образом в своих руках (за исключением Фрисландии) практически всю административную, исполнительную и военную власть Соединенных провинций и благодаря их гармоничному сотрудничеству с Уильямом Льюисом, мудрым и способным штатгальтером Фрисландии, смогли придать нечто вроде реального единства группе государств, каждое из которых претендовало на статус суверенного образования, и придать им внешнее подобие федеративной республики. Не было никакого "выдающегося главы", но суверенитет на самом деле, если не номинально, принадлежал этому триумvirату в период, с которым мы сейчас имеем дело.

Обстоятельства предоставили благоприятное поле для проявления[стр.92] военных способностей юного Мориса. В 1589 году в результате убийства Генриха III на трон Франции взошел Генрих Наваррский. Восшествие на престол блестящего лидера гугенотов привело к гражданской войне; и католическая оппозиция была поощрена и поддержана Филиппом II, который рассматривал Генриха IV как угрозу для испанской державы. Таким образом, Парма, чье активное ведение войны против мятежных провинций так долго сдерживалось необходимостью держать свою армию в готовности к планируемому вторжению в Англию, оказался после неудачи и уничтожения Армады в не лучшем положении для кампании в северных Нидерландах. Разочарование и ложные обвинения против него привели к серьезной болезни, и по выздоровлении он получил приказ отправиться в экспедицию во Францию. Уильям Льюис из Нассау в течение некоторого времени убеждал Генеральные штаты, что время для сохранения строгой обороны прошло и что, когда усилия противника ослаблены и отвлечены, лучшей защитой является энергичное наступление. Поначалу он оставался глух к разговорам, но теперь нашел мощного сторонника в лице Мориса, и два штадхолдера одержали верх. Теперь они путем тщательной и усердной подготовки создали сильную и хорошо дисциплинированную армию для службы Государствам. Эта армия состояла из контингентов различных национальностей: англичан, шотландцев, французов и немцев, а также нидерландцев. Но в целом материал был превосходным, и весь отряд был спаян благодаря уверенности в своих лидерах.

В 1590 году захват Бреды хитростью (семьдесят человек, спрятавшихся под слоем торфа, проникли в город и открыли ворота своим товарищам снаружи) был хорошим предзнаменованием для кампании, которая была запланирована на 1591 год. Впервые у Мориса появилась возможность проявить свой военный гений, особенно в ведении осадной войны. Быстрыми движениями он занял сначала Зутфен, затем Девентер и Дельфзейл, а также освободил форт Кнодсенбург (близ Неймвегена). Добившись успеха на восточной границе, штатгальтер поспешил в Зеландию и захватил Халст, ключ к земле Ваас. Затем он снова повернул на восток и, внезапно появившись перед Неймвегеном, провозгласил себя хозяином этого важного города. Такая череда блестящих триумфов закрепила славу Мориса и, в меньшей степени, Уильяма Льюиса, чье сотрудничество и советы оказали величайшую услугу молодому человеку. Это особенно проявилось в следующем году (1592), когда два[стр.93] штатгальтера

приступили к работе по изгнанию испанцев из двух сильно укрепленных городов Стинвейк и Коворден, владение которыми позволило сильным силам под командованием ветерана Вердуго сохранить свою власть во Фрисландии. Армия Штатов была не в полной силе, поскольку английский контингент под командованием сэра Фрэнсиса Вира был отправлен во Францию; и Вердуго был уверен, что любая попытка захватить эти крепости с хорошими гарнизонами обречена на провал. Ему предстояло узнать, насколько велики научные способности и находчивость Мориса в искусстве ведения осады. Стинвейк после упорной обороны капитулировал 5 июня. Затем был окружен Козворден, который, в свою очередь, был вынужден сдаться 12 сентября. В это время "Парма" без особого успеха вела кампанию на севере Франции. Осенью он вернулся в Нидерланды, страдая от последствий ранения и сломленный духом. Никогда еще ни один человек не занимал трудный и изматывающий пост с большим успехом и рвением, чем Александр Фарнезе, за шестнадцать лет своего пребывания на посту генерал-губернатора. Тем не менее Филипп опасался талантов и амбиций своего племянника и отправил графу Фуэнтесу письмо с отзывом. Оно так и не было доставлено. Парма отправилась ему навстречу, но заболела и умерла в Спа 2 декабря 1592 года. Он назначил графа Мансфельда на свое место до тех пор, пока эрцгерцог Эрнест Австрийский, который был назначен его преемником, не прибыл в Нидерланды.

Кампания 1593 года ознаменовалась взятием Гертруйденберга, крепости, которая преграждала голландцам и зеландцам свободный доступ к внутренним водам. Наука, которую Морис проявил при осаде этого города, значительно увеличила его известность. В следующем году владельцы стадиона обратили свое внимание на северо-восточный угол земли, который все еще находился во владении испанцев. После двухмесячной осады Гронинген сдался; и город с прилегающим районом был по условиям капитуляции, известным как "Восстановительный договор", принят в Союз в качестве провинции под названием *Stad en Landen*. Уильям Льюис был назначен штатгальтером, и Дренте перешел под его юрисдикцию. Северные Нидерланды теперь были очищены от врага, и Морис по завершении кампании триумфально въехал в Гаагу среди всеобщего ликования. Уильям Льюис, не теряя времени, предпринял шаги по утверждению кальвинизма в качестве единственной признанной формы веры в своем новом правительстве. Его твердые принципы не позволяли ему быть терпимым, и для католицизма он[стр.94] был убежденным врагом. Повсюду в Соединенных провинциях теперь господствовала реформатская религия, и только ее приверженцы могли легально принимать участие в общественных богослужениях.

В январе 1595 года Генрих IV объявил войну Испании и стремился к союзу со Штатами против общего врага. Эрцгерцог Эрнест, на приход которого в Нидерланды возлагались большие надежды, оказался теперь в трудном положении: враждебные армии угрожали с обеих сторон, и никакой надежды на эффективную финансовую или иную поддержку со стороны Испании не было. Поэтому ему было поручено вступить в переговоры в Гааге с целью заключения мира, основанного на условиях умиротворения Гента. Но никогда не было никакой надежды на достижение соглашения; и внезапная смерть эрцгерцога (20 февраля 1595 г.) положила конец переговорам. Эрцгерцога Эрнеста сменил граф Фуэнтес на посту губернатора *исполняющий обязанности*. Фуэнтес проявил себя сильным и способным командиром, и лето ознаменовалось серией успехов против враждебных сил как французов, так и нидерландцев. Решающего столкновения не произошло, но испанские войска сорвали попытки своих противников осуществить вторжение или захватить какие-либо города.

Кардинал-эрцгерцог Альберт прибыл в Брюссель, чтобы заменить Фуэнтеса в январе 1596 года. Альберт был любимым племянником короля Филиппа и вырос в Мадриде. Хотя он был священнослужителем, он проявил себя как государственный деятель и солдат более чем обычных способностей. Предполагалось, что он должен, как только удастся получить согласие папы, отказаться от своих орденов и жениться на своей двоюродной сестре инфанте Изабелле. Банкротство Испании помешало Филиппу оказать эрцгерцогу адекватную финансовую помощь при вступлении в должность губернатора, но Альберту предоставили немного денег, и он нашел в Нидерландах хорошо дисциплинированные и испытанные войной войска, которые Фуэнтес так хорошо использовал в предыдущей кампании. Ему не терпелось повторить успех этого генерала, и поскольку ветераны-лидеры, Мондрагон и Вердуго, оба погибли, он передал командование сеньору де Росне, французскому беженцу. Этот человек был умелым и предприимчивым командиром, и особые обстоятельства позволили ему двумя блестящими наступательными ударами захватить сначала Кале, а затем Халст. Халст был взят только после ожесточенной борьбы, в которой пал сам Де Росн.[стр.95]

Особые обстоятельства, благоприятствовавшие этим операциям, были вызваны заключением союзного договора между Францией, Англией и Штатами. Этот договор был результатом длительных переговоров; он был непродолжительным, и его условия были далеко не благоприятными для Соединенных провинций, но он имел большое значение из-за того факта, что впервые новообразованная республика была признана соседними суверенами Франции и Англии как независимое государство и была принята в союз на условиях равенства. Однако лишь с трудом и по настоянию Генриха IV Елизавету убедили признать независимый статус мятежных провинций. Взамен республика должна была содержать силы численностью в 8000 человек для службы в Нидерландах и направить 4000 человек для действий с французской армией на севере Франции — эти вспомогательные силы должны были включать пять английских полков, находящихся на службе у Штатов. Таким образом, Морис был лишен значительной части своей армии и вынужден был действовать в обороне. Елизавета также настояла на вывешивании на Лестере плаката, запрещающего торговлю с врагом. Этот пункт договора был крайне неприятен Амстердаму и голландцам в целом, и на него было дано лишь уgrundное согласие. С самого начала его систематически обходили. Английское правительство, со своей стороны, обязалось поддерживать французского короля силами, равными по численности тем, которые были предоставлены Провинциями, т.е. 4000 человек, но в то же время был составлен секретный договор, по которому Генрих соглашался на сокращение английских войск наполовину. Эта закулисная работа была в должное время раскрыта Штатами, которые увидели, что их союзникам нельзя доверять и что они должны быть настороже, чтобы их интересы не были принесены в жертву эгоистичной политике Франции. Этот вопрос показал, что Генрих IV на самом деле был готов заключить условия с Испанией, как только это будет в его интересах. Тем временем в 1597 году французский король, вторгшись с войсками в Пикардию, привлек к этой границе главное внимание испанцев; и Морис воспользовался представившейся ему возможностью провести наступательную кампанию с заметным успехом.

Он блестяще начал год, застигнув врага врасплох в январе, когда испанские силы численностью 4500 человек все еще находились на зимних квартирах, недалеко от Тюрнхаута. Более половины этих сил было уничтожено. Со стороны Нидерландов пали только восемь человек. С наступлением весны началась серия осад; и одна за другой были захвачены Райнберг, Мерс, Гренлоо, Бридепорт,[стр.96] Энсхеде, Отмарсум, Ольдензал и Линген. Гелдерланд, Овериссель и Дренте были полностью освобождены от присутствия врага. С началом 1598 года Генрих IV и Филипп II

вступили в переговоры о мире. Французский король почувствовал необходимость передышки от войны, чтобы реорганизовать ресурсы своей страны, истощенные длительной гражданской войной; а Филипп был болен и уже чувствовал приближение своего конца. Штаты упорно стремились предотвратить то, что они считали дезертирством, и были направлены два посольства во Францию и в Англию, чтобы призвать к сохранению союза. Ольденбарневельдт сам возглавил французскую миссию, но ему не удалось отвлечь Генриха от его цели. Мирный договор между Францией и Испанией был подписан в Вервине 2 мая 1598 года.

Ольденбарневельдт отправился из Парижа в Англию и добился большого успеха. Однако Елизавета договорилась о погашении своего займа ежегодными платежами и о вооруженной помощи как на суше, так и на море в случае нападения испанцев на Англию. Королева, однако, пошла на две уступки. Отныне только один английский представитель должен был иметь место в Государственном совете; и все английские войска в Нидерландах, включая гарнизоны городов-ополченцев, должны были принести присягу на верность Штатам.

В этом году был реализован проект, на который испанский король уже некоторое время возлагал большие надежды — брак кардинала-эрцгерцога Альберта со своей двоюродной сестрой инфантой Изабель Кларой Евгенией и превращение Нидерландов в независимую страну под их совместным правлением. Филипп надеялся таким образом обеспечить любимую дочь и в то же время, предоставив видимую независимость нидерландским провинциям, заручиться их верностью новым суверенам. Использование слова "очевидный" оправдано, поскольку в акте уступки было оговорено, что Нидерланды должны вернуться к испанской короне в случае, если союз окажется бездетным; и было секретное соглашение о том, что в главных крепостях по-прежнему должны быть гарнизоны испанских войск и что эрцгерцоги, как они официально именовались, должны признать сюзеренитет короля Испании.

Филипп на самом деле не дожил до того, чтобы привести свой план в исполнение. Его смерть наступила 13 сентября 1598 года. Но все необходимые приготовления для заключения брака и передачи суверенитета уже были сделаны. Альберт, впервые лишившийся своего[стр.97] церковного сана, в ноябре обвенчался по доверенности с Изабель в Ферраре. Только в конце следующего года новые правители сделали свой *joyeuse entrée* в Брюсселе, но их брак знаменует начало нового этапа в истории Нидерландов. Альберт и Изабелла были мудры и способны, и им удалось завоевать любовь и добровольную преданность южных провинций. Генеральные штаты восставших провинций севера, однако, уже несколько лет пользовались реальной независимостью, завоеванной страданиями и борьбой, и они не выказывали никакого желания идти навстречу инициативам эрцгерцогов. Они были полны решимости больше не иметь никаких связей с Испанией или с испанскими правителями, и с этого времени раскол в характерах, чувствах и, прежде всего, в религии между севером и югом с течением времени должен был становиться все более и более заметным. Голландской республике и Испанским Нидерландам отныне было суждено следовать своим отдельным курсом по сильно расходящимся путям.

За десять лет, прошедших между отъездом Лестера и приходом Альберта и Изабеллы, положение мятежных провинций, и особенно Голландии и Зеландии, претерпело поистине удивительные изменения. Постепенно они освободились от присутствия испанцев, и в то же время испанское иго было прочно приковано к Фландрии и Брабанту. Теперь эти провинции были опустошены и разорены. Набережные Антверпена были пустыни, промышленность Гента и Брюгге разрушена. Самые предприимчивые и умелые из тамошних торговцев и

ремесленников бежали за границу в Голландию или за море в Англию. Голландия и Зеландия были переполнены беженцами, фламандцами и брабантцами, французскими гугенотами и многочисленными испанскими и португальскими евреями, изгнанными безжалостными преследованиями Филиппа II. Голландцы и зеландцы долгое время были народом мореплавателей, которые получали основную часть своего богатства от рыболовства и транспортной торговли; и этот приток новой и энергичной крови, торговцев и текстильщиков, принося с собой свои знания, умения и энергию, вызвал такой феноменальный всплеск морской и коммерческой деятельности и приключений, какого мир никогда прежде не видел. Флоты голландцев и зеландцев в течение всей войны за независимость были главной защитой этих провинций от испанского вторжения; но, какими бы большими ни были услуги, которые они[стр.98] оказали, именно транспортная торговля снабдила мятежные государства средствами ведения войны, и значительная ее часть была получена от той самой торговли с врагом, которую Лестер тщетно пытался предотвратить. Испанцы и португальцы зависели от голландских торговцев в поставках многих предметов первой необходимости; и таким образом испанское золото было использовано для оплаты поддержки войны, которая велась против испанского короля. Сборы, связанные с этой торговлей, известные как лицензии и конвои, сами по себе давали большие суммы для пополнения военного бюджета; и говорят, что от 25 000 до 30 000 моряков нашли за счет этого работу.

Значение Амстердама в течение этого десятилетия быстро росло, и вскоре ему предстояло стать первым морским портом в мире. Он стал *центром* торговли в Прибалтике. Утверждается, что в 1601 году от 800 до 900 кораблей покинули его причалы за три дня, доставляя товары в балтийские порты. Они возвращались, нагруженные зерном и другими товарами "восточного моря", которые затем распространяли во французских, португальских и испанских гаванях и даже в Италии и Леванте. Судостроение быстро развивалось в Энкхейзене, Хорне и других городах на Зюйдер-Зее; и вскоре Заандаму предстояло стать центром торговли древесиной. В Зеландии Мидделбург благодаря предпринятию антверпенского беженца французского происхождения по имени Бальтазар де Мушерон уступал только Амстердаму как морской порт, в то время как Дордрехт и Роттердам также были заняты судоходством.

Энергия голландцев в этот весенний период их национальной жизни была далека от того, чтобы ограничиваться европейскими водами. Голландские моряки уже знали путь в Ост-Индию вокруг мыса Доброй Надежды, работая на португальских судах; и торговые пути, по которым испанцы перевозили сокровища Нового Света через Атлантику, были им также знакомы и по той же причине. Ост-Индия имела для купцов Голландии и Зеландии, всегда внимательно следивших за свежими рынками сбыта, особую привлекательность. Сначала маршрут через мыс считался слишком опасным, и было предпринято несколько попыток открыть северо-западный проход вдоль побережья Сибири. Бальтазар де Мушерон был первопроходцем в этих северных широтах. Он наладил регулярное сообщение с русскими через Белое море и владел фабрикой (построенной в 1584 году) в Архангельске. Благодаря его примеру, которому помог известный географ Петрус Планциус (также беженец из Антверпена), в 1594 году была снаряжена и отправлена экспедиция, чтобы[стр.99] попытаться обогнуть северную Азию, но после прохождения Вайгата она была отброшена льдами и штормами. Аналогичная судьба постигла вторую экспедицию в следующем году. Обескураженный, но все еще не отчаявшийся, третий флот отправился в 1596 году под командованием Якоба ван Хеемскерка с Уильямом Барендцем в качестве пилота. Вынужденный после ужасных страданий перезимовать на Шпицбергене, Хемскерк вернулся домой осенью 1597 года с остатками своей команды. Барендц был одним из

тех, кто погиб. Это была последняя попытка в этом направлении, поскольку группа амстердамских купцов уже сформировала компанию для торговли в Индию через Кейп; и 2 апреля 1596 года четыре корабля отплыли под командованием Корнелиса Хаутмана, уроженца Гауды. Некий Ян Гюйген ван Линсхотен, состоявший на португальской службе, опубликовал в 1595 году книгу, содержащую описание, основанное на личных знаниях, маршрута на Восток и характера португальской торговли. Именно информация, содержащаяся в этой работе, побудила амстердамских купцов вложить свои деньги в экспедицию Хоутмана, которую сам Линсхотен сопровождал в качестве гида. Они достигли Мадагаскара, Явы и Молуккских островов, и после долгих страданий и многочисленных потерь от болезней то, что осталось от маленькой флотилии, добралось домой в июле 1597 года. Богатый груз, который они привезли обратно, хотя и недостаточный для покрытия расходов, оказался стимулом к дальнейшим усилиям. Три компании были созданы в Амстердаме, две в Роттердаме, одна в Делфте и две в Зеландии для торговли в Ост-Индии, и все они соперничали друг с другом в своем стремлении получить большую прибыль от этих легендарных регионов богатства, до сих пор монополизированных португальцами. Одна экспедиция, отправленная двумя амстердамскими компаниями под командованием Якоба ван Нека и Вайбранда ван Ваервика, была очень успешной и вернулась через пятнадцать месяцев, богато нагруженная товарами из Ост-Индии. 1598 год был годом большой коммерческой активности. Двадцать два больших судна отправились в плавание в Ост-Индию; другие направились к берегам Гвинеи, Гвианы и Бразилии; а один отважный капитан, Оливье ван Ноорт, пройдя Магелланов пролив, пересек Тихий океан. Именно в этом году Филипп II своим указом запретил всю торговлю Испании с голландцами, а все голландские корабли в гаванях полуострова были конфискованы. Но испанская торговля больше не имела значения для голландцев и зеландцев. Они искали и нашли компенсацию в другом месте.[стр.100]

Число небольших компаний, созданных для осуществления этих предприятий в дальневосточных морях, продолжало расти, и сама острота их конкуренции угрожала предприятиям друг друга разорением. В этих обстоятельствах Генеральные штаты и сословия Голландии решили под руководством Ольденбарневельдта предпринять шаг, который должен был быть чреват очень важными последствиями. Конкурирующим компаниям было предложено объединиться в единую корпорацию, которой были бы переданы исключительные права на торговлю в Ост-Индии. Такое предложение находилось в прямом противоречии с принципом свободной торговли, который до сих пор был дорог нидерландцам, и вызвало большое противодействие, и пришлось преодолеть множество препятствий из-за зависти различных провинций, городов и организаций заинтересованных торговцев. Но, в конце концов, терпение и государственная мудрость Ольденбарневельдта преодолели все трудности, и 20 марта 1602 года была издана хартия о создании Объединенной Ост-Индской компании и предоставлении ей монополии на ост-индскую торговлю (на 21 год) со всеми землями к востоку от мыса Доброй Надежды и к западу от Магелланова пролива. Исполнительный контроль был возложен на коллегия, известную как Seventeen. Компании были предоставлены обширные суверенные привилегии, которыми Семнадцать пользовались от имени Генеральных штатов. Они могли заключать договоры с местными правителями и властителями, возводить крепости для защиты своих заводов, назначать губернаторов и должностных лиц с административными и судебными функциями и набирать войска, но эти должностные лица и войска должны были приносить присягу на верность Генеральным штатам. Генеральные штаты сами стали "участниками",

вложив 25 000 фунтов стерлингов, которые компания заплатила им за предоставление хартии. Капитал быстро достиг суммы в шесть с половиной миллионов гульденов.

Военные операции 1599 года прошли без происшествий и в основном были оборонительными, за исключением восточной границы, где испанские войска под командованием адмирала Арагона Мендосы захватили Везель и Райнберг. Новые правители Нидерландов, Альберт и Изабелла, прибыли в Брюссель только в конце 1599 года; и почти прежде, чем у них появилось время организовать новое правительство и прочно завладеть браздами правления в бельгийских провинциях, они оказались перед серьезной опасностью. Морской порт Дюнкерк в течение многих лет был гнездом пиратов, которые грабили голландскую торговлю[стр.101] в узких морях. Генеральные штаты по настоянию Ольденбарневельдта весной 1606 года приняли решение отправить экспедицию для осады и захвата Дюнкерка. И Морис, и Уильям Льюис были против этого проекта, который они считали опрометчивым и рискованным. Генеральные штаты, однако, услышав сообщения о том, что солдаты эрцгерцога взбунтовались из-за отсутствия жалования, настаивали на своем, и Морис, вопреки здравому смыслу, согласился. На острове Вальхерен был собран отряд из 12 000 пеших и 3000 всадников. Из-за череды встречных ветров, задерживавших отправку отряда, было решено пройти прямо через Западную Фландрию в Ньюпор, а затем вдоль берега в Дюнкерк. Депутация Генеральных штатов, ведущим членом которой был Ольденбарневельдт, отправилась в Остенде, чтобы, к большому неудовольствию Мориса, наблюдать за военными операциями. Штатгольдер, однако, достиг Ньюпора без серьезного сопротивления и приступил к его инвестированию. Тем временем эрцгерцог Альберт действовал с большой энергией. Убедительными словами и широкими обещаниями ему удалось отбить мятежников, и во главе отряда ветеранов в 10 000 пехотинцев и 1500 кавалеристов он последовал за Морисом и, продвигаясь вдоль дюн, 1 июля наткнулся на отряд в 2000 человек под командованием Эрнеста Казимира Нассауского, посланный штатгальтером защищать леффингенский мост. При виде грозной испанской пехоты эти войска охватила паника, и они были разбиты с большими потерями. Бой, однако, дал Морису время объединить свои силы и выстроить их в боевой порядок перед Ньюпором. Сражение завязалось на следующий день, и медленно, шаг за шагом, после отчаянного столкновения испанские и итальянские ветераны эрцгерцога оттеснили войска Штатов за дюны. Каждый холм и песчаная впадина подвергались ожесточенным боям, основная тяжесть конфликта легла на англичан и фризов под командованием сэра Фрэнсиса Вира. Сам Вир был тяжело ранен, и битва, казалось, была проиграна. В этот критический момент испанцы начали проявлять признаки истощения из-за огромных усилий, понесенных ими в двух последовательных сражениях под палящим солнцем на податливых песчаных холмах; и принц в критический момент, бросившись в гущу своих отступающих войск, преуспел в их сплочении. В то же время он приказал нескольким эскадронам кавалерии, которые держал в резерве, атаковать с фланга наступающего противника. Эффект был мгновенным. Испанцы были[стр.102] приведены в замешательство, сломлены и бежали. Победа была полной. Эрцгерцог только что избежал плена, а из его армии погибло 5000 человек и большое количество было взято в плен, среди них адмирал Арагона. Таким образом, армия Штатов была почти чудом спасена из отчаянного положения. С таким трудом добытый триумф Мориса значительно укрепил его славу, поскольку битва при Ньюпоре разрушила легенду о непобедимости испанской пехоты в открытом поле. Победоносный генерал, однако, не был расположен подвергать себя дальнейшему риску. Соответственно, он отступил в Остенде и там отправил свои войска в порты, из которых они стартовали. Экспедиция

обошлась очень дорого и оказалась практически безрезультатной. Ольденбарневельдт и те, кто действовал вместе с ним, были глубоко разочарованы провалом их планов по захвату Дюнкерка и были далеки от удовлетворения упорным отказом Мориса проводить какие-либо дальнейшие наступательные операции. С этого времени между адвокатом и штатгальтером возникло чувство неприязни, которое в последующие годы должно было усугубиться дальнейшими расхождениями во мнениях.

Энергия и лидерские качества, проявленные их новыми суверенами при отражении вторжения армии Штатов во Фландрию, несмотря на поражение на поле боя при Ньюпоре, вселили в их подданных на юге Нидерландов уверенность и лояльность. Альберт проявил себя храбрым командиром, и его усилия, по крайней мере, увенчались успехом, вынудив врага отступить в пределы его собственных границ.

Остенде долгое время был занозой в боку правительства в Брюсселе, и вскоре были предприняты энергичные шаги по его осаде. Но владение Остенде было важно и для Елизаветы, и она обещала активную помощь. Большая часть гарнизона действительно была сформирована из английских войск, а сэр Фрэнсис Вир был губернатором города. Последовавшая осада была одной из памятных осад в истории, она длилась более трех лет (с 15 июля 160 г. по 20 сентября 160 г.) и была результатом великих подвигов доблести, мастерства и выносливости как со стороны осаждающих, так и со стороны осажденных. Армия Штатов под командованием Мориса, хотя и не выступила на помощь Остенде, попыталась отвлечь внимание Альберта от его цели атаками, направленными в другое место. В 1601 году были захвачены крепости Райнберг и Мерс на Рейне и предпринято нападение на Хертогенбос. В 1602 году был взят важный город Граве на Маасе и совершен набег на Брабант и Люксембург.[стр.103]

Тем временем защитники Остенде оказывали отчаянное сопротивление, и осаждающие почти не продвинулись вперед, в результате чего финансы эрцгерцогов были сильно истощены, а среди войск возникла угроза мятежа. Но ситуацию спасло вмешательство богатого генуэзского банкира Амбросио де Спинолы, который предложил эрцгерцогам свои услуги и деньги и пообещал, что если ему, хотя и неопытному в военном деле, поручат командование, он возьмет Остенде. Он выполнил свое обещание. Не обращая внимания на человеческие жертвы, он продолжал осаду, и хотя по мере того, как одна линия обороны была взята, за ней возникала другая, преграждая ему путь, мало-помалу он продвигался вперед, и мало-помалу территория, удерживаемая гарнизоном, становилась все меньше. Наконец, весной 1604 года, под давлением Генеральных штатов, Морис повел армию численностью 11 000 человек во Фландрию в апреле 1604 года и осадил Слуис 19 мая. И Морис, и Уильям Льюис все еще не желали рисковать атакой на армию Спинолы в ее рядах, и поэтому две осады продолжались бок о бок, как бы независимо. Слуис пал в конце августа, и Остенде тогда был при последнем издыхании. По настоянию депутатов штатов предпринять прямые усилия по освобождению героического гарнизона, Морис и его кузен, потратив некоторое драгоценное время на протесты против этого шага, двинулись маршем на юг. Было слишком поздно. То, что осталось от Остенде, сдалось 20 сентября, и Спинола стал хозяином груды руин. Говорят, что эта трехлетняя осада стоила испанцам 80 000 жизней, не говоря уже об огромных расходах. Были ли правы Морис и Уильям Льюис в своем нежелании атаковать укрепленный лагерь Спинолы, несомненно, что они лучше разбирались в военной ситуации, чем гражданские депутаты Штатов. В любом случае взятие Слуиса компенсировало потерю Остенде; и его важность была отмечена назначением Фредерика Генри, младшего брата штатгальтера, губернатором

морского порта и прилегающего района, который получил название штатов - Фландрия. Огромные усилия, предпринятые для обороны Остенде, привели к очень серьезному истощению ресурсов Соединенных провинций, особенно ресурсов Голландии. Налоги были уже настолько высоки, что Ольденбарневельдт и многие другие ведущие члены Генеральных штатов и провинциальных сословий начали впадать в уныние и сомневаться в возможности продолжения войны. Больше[стр.104] Штаты не могли рассчитывать на помощь Англии. Яков I заключил мир с Испанией; и, хотя он заверял голландцев в дружбе и доброй воле, осторожные государственные деятели, такие как Адвокат, не доверяли ему и боялись, как бы он не поддался искушению передать города, внушавшие опасения, в руки врага. Возвращаясь к политике Вильгельма Молчаливого, Ольденбарневельдт даже зашел так далеко, что попытался приблизиться к Генриху IV Французскому, коснувшись условий, на которых он примет суверенитет Провинций. Действительно, говорят, что отчаяние, которое испытывал этот великий государственный деятель, лучше, чем кто-либо другой, знавший экономические трудности сложившейся ситуации, было настолько велико, что он даже рассматривал возможность подчинения эрцгерцогам. Однако, если бы он предложил подчиниться, не было бы никаких сомнений в том, что он не смог бы сохранить свой пост, поскольку Морис, Уильям Льюис и военачальники, с одной стороны, а с другой - торговцы и предприимчивые моряки, которых они нанимали для прибыльной торговли с Индией, ни на минуту не допустили бы никакой мысли об отказе от борьбы, которая так решительно и успешно велась в течение стольких лет. В финансовом отношении эрцгерцоги находились в еще худшем положении, чем голландцы, хотя в течение короткого времени, с помощью Спинолы, внешность, казалось, благоприятствовала нападениям бельгийцев на приграничные районы Нидерландов. В 1605 году генуэзский генерал во главе смешанных, но хорошо дисциплинированных войск, находившихся на его жаловании, быстро продвинулся к Фрисландии и, захватив Ольдензал и Линген и разорив восточные провинции, завершил кампанию блестящим успехом против отряда кавалерии Штатов под командованием Фредерика Генри, который едва не лишился жизни. Морис с меньшими силами держался строго в обороне, умело прикрывая центр страны от нападения, но упорно отказывался от решительного сражения. В следующем году Спинола с двумя армиями попытался форсировать рубежи Вааля и Исселя, но, хотя этому помешали осторожность штатгальтера и очень дождливый сезон, ему удалось взять важные крепости Гролл и Райнберг. Морис не предпринял серьезных усилий, чтобы освободить их, и его бездействие вызвало много недовольства и негативных комментариев. Его военная репутация пострадала, в то время как репутация его противника укрепилась. Но последующие события показали, что Морис, хотя, возможно, и проявил осторожность, действовал правильно. Армии, которые [стр.105] угрожали безопасности провинций, были собраны на средства частного лица, но финансовых ресурсов даже у Спинолы не хватило на длительные усилия; в государственной казне не было денег; и солдаты, как только им задолжали жалованье, снова начали бунтовать. Выстрел не возымел действия, и 1607 год застал обе стороны, из-за явной нехватки средств, неспособными начать новую кампанию на суше с какой-либо надеждой на определенный успех. Но хотя военные кампании были столь безрезультатными, ситуация с морскими войнами в первые годы семнадцатого века сильно отличалась. Морская мощь голландской республики уже была грозным фактором, с которым приходилось считаться и которому суждено было стать решающим.

Не успела Ост-Индская компания быть основана, как были предприняты активные шаги по полному использованию привилегий, предоставляемых Хартией. Флот из 17 судов был

отправлен в 1602 году под командованием Вайбранда ван Ваервика. Вервик посетил Цейлон и большинство островов Малайского архипелага, основал фабрику в Бантаме со штатом чиновников для развития торговых отношений с местными жителями и даже побывал в Сиаме и Китае. Время от времени он отправлял обратно несколько своих судов, богато нагруженных, и, наконец, вернулся сам с остатками своего флота после пятилетнего отсутствия в июне 1607 года. Еще одна экспедиция из тринадцати кораблей отправилась в 1604 году под командованием Стивена ван дер Хагена, операции которого были столь же масштабными и успешными, как операции Вавика. Ван дер Хаген завладел Молуккскими островами и построил фабрики в Амбоине, Тидоре и других местах на островах, богатых пряностями. На обратном пути в 1606 году со своим грузом гвоздики, специй и других продуктов дальнего Востока он столкнулся на Маврикии с другой направлявшейся на запад флотилией из одиннадцати кораблей под командованием Корнелиса Мателефа. Первой целью Matelief был город Малакка, удерживаемый португальцами и господствующий над проливами, которым он дал свое название. Альфонсо де Кастро, вице-король Индии, поспешил, однако, с военно-морскими силами, гораздо более мощными, чем голландская эскадра, на помощь этой важной крепости; и после почти безуспешных, но нерешительных действий 17 августа Мателиф снял осаду. Однако, вернувшись примерно через месяц, голландский адмирал обнаружил, что Де Кастро уплыл, оставив перед Малаккой всего отряд из десяти судов. Мателиф немедленно атаковал этот отряд, численность которого была примерно равна его[стр.106] собственной, и с таким успехом, что он потопил или сжег все до единого корабли противника, практически не понеся потерь, 21 сентября 1606 г.

Эти успешные вторжения в регион, который испанцы и португальцы ревниво считали исключительно своим собственным, вызвали одновременно гнев и тревогу. Все доступные силы на Востоке (португальцы из Мозамбика и Гоа, испанцы с Филиппин) были снаряжены и отправлены в море с целью изгнания ненавистных и презираемых нидерландцев из вод Восточной Индии. Паулюс ван Керден, преемник Мателефа на посту командующего, потерпел поражение, а сам попал в плен. Испанцы также не удовлетворились нападением на голландский флот на дальнем Востоке. Когда потрепанные непогодой и тяжело груженные суда Компании возвращались вдоль западного побережья Африки, им приходилось проходить на расстоянии удара от испанских и португальских гаваней, и они находились в постоянной опасности быть внезапно атакованными превосходящими силами противника и захваченными в плен. В 1607 году до Голландии дошли слухи о скоплении большого испанского флота у Гибралтара, целью которого была Ост-Индия. Директора Компании были сильно встревожены, и тревогу эту разделяли Генеральные штаты, многие из заместителей которых были акционерами cargo. Соответственно, в апреле 1607 года флот из двадцати шести судов вышел в море с целью выследить испанцев и напасть на них как в гавани, так и в открытом море. Командование было передано одному из самых смелых и опытных голландских моряков, Якобу ван Хеемскерку. Он обнаружил двадцать один корабль, все еще стоящий на якоре в Гибралтарской бухте, десять из которых были большими галеонами, намного превосходящими по размерам и вооружению его собственные самые большие суда. Химскерк немедленно приготовился к бою. И Химскерк, и испанский командир д'Авила были убиты в начале боя, результат которого, однако, недолго вызывал сомнения. Испанский флот был практически уничтожен. С голландской стороны ни одно судно не было потеряно, и потери были незначительными. Такое бедствие было самым унижительным для кастильской гордости, и его эффект в ускорении мирных переговоров, которые уже шли, был значительным.

Первые шаги были предприняты эрцгерцогами. Через тайное агентство францисканского духовника Альберта, отца Джона Нейена, к Ольденбарневельдту и Морису обратились в мае 1606 года, но без какого-либо результата. Однако в начале 1607 года усилия были возобновлены, и активно начались переговоры с целью заключения мира или перемирия сроком на двенадцать,[стр.107] пятнадцать или двадцать лет. Однако на этом пути встречались почти непреодолимые трудности. Во-первых, штатгальтеры, военные и флотские лидеры, кальвинистское духовенство и подавляющее большинство торговцев искренне верили, что мир нанесет ущерб всем высшим интересам государств, и с большим недоверием относились к мотивам, побудившим эрцгерцогов и испанское правительство пойти на эти уступки. Ольденбарневельдт, с другой стороны, считал, что мир необходим стране для восстановления сил после изнурительной борьбы, которая длилась уже сорок лет; и он нашел сильную поддержку среди бюргеров-регентов и той значительной части народа, которая была перегружена и разорена тяжестью налогов, а также больна и измучена постоянной войной. Однако существовали определенные предварительные условия, с которыми, по общему мнению, должны были согласиться все и без которых было бы бесполезно продолжать переговоры. Необходимо признать независимость Соединенных провинций, признать свободу торговли в Индии и запретить публичное отправление католического культа. После некоторых переговоров эрцгерцоги согласились вести переговоры с Соединенными Провинциями "в качестве и с учетом того, что они являются свободными провинциями и штатами", и в апреле 1607 года было заключено перемирие на восемь месяцев, чтобы спорные вопросы могли быть переданы королю Испании и выяснено его мнение по ним. Ответ короля прибыл в Брюссель только в октябре. Он согласился вести переговоры со Штатами "как со свободными и независимыми" сторонами, но потребовал, чтобы во время перемирия была разрешена свобода католического богослужения, и не упоминалось о торговле с Индией. Это ни в коей мере не было удовлетворительным; тем не менее влияние Ольденбарневельдта возобладало, и переговоры не были прерваны. 1 февраля 1608 года посланники эрцгерцогов, двумя ведущими членами которых были Амбросио де Спинола и президент Тайного совета Рикардо, прибыли в Голландию. В Рисвике их встретили лично Морис и Уильям Льюис, и с большой церемонией и великолепием был совершен торжественный въезд в Гаагу, процессия с блестящей свитой представляла собой незабываемое зрелище, поскольку пробиралась сквозь толпы, выстроившиеся вдоль дорог. Переговоры велись в отеле "Бинненхоф". Специальными уполномоченными, представлявшими Генеральные штаты, были Уильям Льюис из Нассау, Уолрейвен, лорд Бредероде, и по депутату от каждой из провинций под руководством [стр.108] Ольденбарневельдта. Присутствовали посланники Франции, Англии, Дании, Пфальца и Бранденбурга, которые принимали участие в обсуждениях и выступали в качестве дружественных посредников.

Вопрос о том, чтобы относиться к Соединенным провинциям "как к свободным штатам", был вскоре решен. Эрцгерцоги, стремившиеся к заключению перемирия для восстановления сил, а не к окончательному миру, проявили неожиданную покладистость, предоставив уступку, которую они рассматривали лишь как временную. Затем возникли действительно серьезные вопросы, касающиеся свободы торговли в Индии и свободы католического вероисповедания. Из них первый представлял наибольший интерес и свидетельствовал о непримиримых разногласиях между двумя партиями. Испанцы никогда бы не согласились на какое-либо вторжение на закрытую территорию, которую они считали своим особым заповедником. Голландские торговцы и моряки были охвачены духом приключений и наживы, и их успешные

экспедиции пробудили энтузиазм к дальнейшим усилиям в далеких морях, который перерос в твердую решимость не соглашаться ни на какой мир или перемирие, исключаящее их из индийской торговли. В течение нескольких месяцев этот вопрос обсуждался и переизбирался безрезультатно. Некоторые иностранные делегаты уехали. Перемирие было продлено, чтобы отец Нейен мог отправиться в Мадрид за дальнейшими инструкциями. Однако выяснилось, что король Испании ничего не уступит. Переговоры зашли в тупик, и обе стороны начали готовиться к возобновлению войны. Президент Жаннин от имени французского короля своим умелым посредничеством, в котором его поддержал его английский коллега, спас ситуацию. В качестве компромисса он предложил перемирие сроком на двенадцать лет, указав, что какие бы условия ни были согласованы, они будут обязательны только на этот короткий период. Ему удалось добиться личной беседы между Ольденбарневельдтом и Морисом, которые соответственно возглавляли партии мира и войны в провинциях; и отныне оба согласились работать вместе над этим предложением об ограниченном перемирии, во время которого торговля с Индией должна быть открыта, а религиозный вопрос не затрагиваться. Было получено согласие Генеральных штатов и нескольких провинциальных сословий. Двое наиболее заинтересованных сторон, Холланд и Зеландия, были привлечены на сторону Холланда аргументами и убеждениями Адвоката Зеланда, который согласился последним, под влиянием Мориса. Жаннин знал, что финансы Испании были на последнем издыхании, и что и эрцгерцоги, и Филипп III больше всего стремились к передышке[стр.109] от постоянно увеличивающихся расходов на войну. Наконец долгие и утомительные переговоры подошли к концу, и 9 апреля 160 года в Гааге был подписан договор о перемирии на двенадцать лет. Был признан территориальный *статус-кво*. Соединенные провинции рассматривались "как свободные государства, на которые эрцгерцоги не претендовали". Ничего не было сказано ни о религиозных трудностях, ни о торговле в Индии, но в секретном договоре король Испании обязался не вмешиваться в голландскую торговлю, где бы она ни велась. Таким образом, доступ в Индию был разрешен, хотя для сохранения видимости это слово не упоминалось. Такой результат был достигнут исключительно благодаря дипломатическому такту и находчивости Жаннина, который смог объявить Генриху IV, что выполнил свою задачу "к удовлетворению всех и даже принца Мориса".

[стр.110]

ГЛАВА VII

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Одной из причин, побудивших эрцгерцогов и короля Испании пойти на большие уступки, чтобы заручиться согласием Генеральных штатов на заключение двенадцатилетнего перемирия, была их твердая вера в то, что нестабильное политическое положение Соединенных провинций должно привести к гражданским беспорядкам, как только ослабление давления войны ослабит узы, которые с момента ухода Лестера удерживали вместе ряд отдельных властей и противоречивые интересы. Они были правы в своем предположении. Поэтому, чтобы понять ход событий в республике, которая была правильно признана международным договором не как единое государство, а как группа "свободных и независимых государств", необходимо дать краткий отчет об одной из самых странно сложных систем правления, которые когда-либо видел мир, - особенно странной, потому что никто никогда не мог с уверенностью сказать, где или у кого действительно находился суверенитет.

Давайте отдельно рассмотрим полномочия и функции (1) Государственного совета, (2) Генеральных штатов, (3) провинциальных сословий, (4) штатхолдеров, (5) Адвоката (позже *Raad-Pensionarius* или Совета-пенсинария) Голландии, (6) Адмиралтейских коллегий.

Государственный совет был не законодательным, а исполнительным органом. Во времена Лестера Совет был исполнительным органом генерал-губернатора и обладал большими полномочиями. После его отъезда присутствие английского посла, который по договору имел место в Совете, привело к тому, что Генеральные штаты постепенно утратили свои полномочия и подчинили свои функции своим собственным, пока, наконец, их власть не ограничилась управлением военными и финансовыми делами. Право английского представителя заседать в Совете и принимать активное участие в его обсуждениях сохранялось до 1626 года.

Штатхолдеры также были членами *по должности*. Провинции с 1588 года были представлены двенадцатью членами совета. У Голландии их было три; у Гелдерланда, Зеландии и Фрисландии по два; [стр. 111] Утрехта, Оверисселя и Гронингена (*Stad en Landeri*) по одному. Генеральный казначей и секретарь (*Гриффе*) Генеральных штатов приняли участие в обсуждениях и оказали большое влияние. Главной обязанностью Совета в тот период, с которым мы имеем дело, было увеличение "квот" различных провинций на военную защиту государства. Общая петиция, или Военный бюджет, подготавливалась Советом и представлялась Генеральным штатам в конце каждого года, предусматривая военные расходы на следующие двенадцать месяцев. "Квоты", причитающиеся на эти расходы нескольким провинциям, были изложены в более мелких петициях, направленных провинциальным сословиям, согласие которых было необходимо. Так называемый *передел*, устанавливающий размер этих квот, также был разработан Государственным советом и временами становился предметом серьезных споров и недовольства. В 1612 году было решено, что доля провинций должна составлять: Голландия - 57,1%; Фрисландия - 11,4; Зеландия - 11 (впоследствии уменьшена до 9); Утрехт и Гронинген - 5,5; Овериссель - 3,5. Таким образом, будет видно, что квота Голландии составляла значительно больше половины от общей; и, поскольку военно-морские расходы в еще большей степени покрывала Голландия, можно легко понять преобладающее влияние этой провинции в Союзе. Силы республики, которые были распределены по нескольким провинциям, получали жалованье от провинций, но те, которые содержались Советом в качестве войск государства,

оплачивались за счет денежных средств, полученных от земель Общности, т.е. земель, таких как завоеванные части Брабанта и Фландрии, управляемых Генеральными штатами, но без представительства в этом органе. Государственный совет, хотя его политические полномочия были урезаны и переданы Генеральным штатам, продолжал осуществлять в качестве суда апелляционную юрисдикцию по военным и финансовым вопросам.

Генеральные штаты состояли из представителей сословий семи суверенных провинций Гелдерланд, Голландия, Зеландия, Утрехт, Фрисландия, Овериссель и Гронинген (*Stad en Landeri*) в порядке старшинства, указанном выше. Гелдерланд, будучи герцогством, занимал первое место перед теми, которые ранее были графствами или светлостями. Провинции присылали делегации разной численности; Голландия и Гелдерланд, как правило, по шесть, остальные - меньше. Каждая провинция имела всего один голос. Президент менялся неделю за неделей, избираясь по очереди от каждой провинции в соответствии с их очередностью[стр.112] старшинства. Голландия номинально имела не больший вес, чем другие; однако ее практическое влияние было велико пропорционально налоговому бремени, которое она несла, и усиливалось тем фактом, что сессии, которые после 1593 года стали постоянными, проводились в Гааге в одном здании с Поместьями Голландии и что Пенсионный совет Голландии был представителем провинции в Генеральных штатах. Генеральные штаты контролировали иностранные дела Союза. Им принадлежал высший контроль над военными и военно-морскими делами. Генерал-капитан и генерал-адмирал Союза были назначены ими; и делегация Генеральных штатов сопровождала армию в поход, и командующие были обязаны консультироваться с ней. Они осуществляли строгий надзор за финансами и обладали суверенной властью над всей администрацией земель "Общности". Они назначали послов, а также генерального казначея Союза и множество других важных должностных лиц. Однако, обладая всеми этими атрибутами и полномочиями, Генеральные штаты обладали лишь производной, а не врожденной властью. Иностранцам казалось, что суверенитет республики Соединенные Нидерланды принадлежит их "Высокому Могууществу". На самом деле Генеральные штаты, как уже говорилось, представляли собой собрание делегаций от семи суверенных провинций. Каждая делегация голосовала как единое целое; и во всех важных делах мира и войны, международных договорах и финансах не должно быть несогласных. Одна провинция, какой бы маленькой она ни была, может из-за упорного сопротивления преградить путь к принятию любого данного предложения. Более того, члены совета, несмотря на их высокое звание Могуущественных личностей, голосовали не в соответствии со своими убеждениями, а в соответствии с обвинениями, которые они получили от своих руководителей. Делегация провинции не имела права санкционировать какую-либо спорную меру или предложение, не передав их обратно в Сословия этой провинции для одобрения или неодобрения. Отсюда возникали бесконечные возможности и поводы для трений и разногласий, а также многочисленные задержки в ведении дел республики, зачастую в ущерб ее жизненным интересам.

Провинциальные сословия, в свою очередь, ни в коем случае не были однородными или по-настоящему представительными органами. В Голландии дворяне имели один голос; и восемнадцать городов, Дордрехт, Харлем, Делфт, Лейден, Амстердам, Гауда, Роттердам, Горкум, Схидам, Шунховен, Брилл, Алкмар, Хорн, Энкхейзен, Эдам, Монникендам, Медемлик[стр.113] и Пурмеренд, имели по одному голосу в каждом. Дворяне, хотя и имели всего один голос, были влиятельны, поскольку представляли сельские округа и небольшие города, не имевшие избирательного права, и голосовали первыми. Здесь опять же, как и в

Генеральных штатах, хотя каждый из привилегированных городов считался равным при голосовании, на самом деле их вес и влияние были очень разными. Оппозиции богатого и густонаселенного Амстердама было снова и снова достаточно, чтобы отменить решение большинства, поскольку не было никакой власти заставить его подчиниться, кроме применения вооруженной силы. Ибо на данном этапе, возможно, стоит объяснить, что каждый из этих муниципалитетов (*вредшаппен*) претендовал на статус суверенного образования, и все же, будучи далеко не органами, представляющими граждан в целом, они были закрытыми корпорациями самого узкого профиля. Обычные жители этих городов не имели никакого права голоса в управлении своими собственными делами. Руководящий орган или *vroedschap* состоял из ограниченного числа лиц, иногда не более сорока, принадлежащих к определенным семьям, которые заполняли вакансии путем кооптации и выбирали бургомистров и шерифов (*schepenen*). Таким образом, будет видно, что народному представительству не было места в Голландии. Бюргеры-регенты были небольшой патрицианской олигархией, в руках которой находилось все правительство и администрация городов, и из их числа избирались депутаты, которые представляли восемнадцать привилегированных городов в Провинциальных поместьях.

Другие провинции не нуждаются в таком подробном уведомлении. В Зеландии Сословия состояли из семи членов, "первого дворянина" (который председательствовал) и шести городов. Там был только один дворянин, маркиз Флашинг и Вире. Вильгельм Молчаливый в 1581 году получил этот маркизат путем покупки, и его наследники, владея им, продолжали оказывать большое влияние в Провинциальных поместьях. Поскольку Филипп Вильгельм, принц Оранский, находился в Мадриде, Морис заседал в ассамблее в качестве "первого дворянина" вместо него. В Утрехте были представлены три сословия, *то есть* дворяне, города (всего четыре) и духовенство. Представители духовенства, однако, избирались уже не из Капитула, а из числа владельцев того, что раньше было церковными землями и имуществом. Они были избраны рыцарями и небольшими городами из списка, составленного корпорацией Утрехта. Они обязательно принадлежали к реформатской (кальвинистской) вере. Гелдерланд был разделен на три (так называемых) квартала: Неймвеген, Зютфен и Арнем. В каждом из этих кварталов[стр.114] было свое отдельное собрание; существовал также общий сейм. Дворяне, которые были многочисленны и имели большие поместья, были здесь очень влиятельны. Фрисландия была разделена на четыре квартала, три из которых (Остергу, Вестергу и Зевенвольден) были сельскими округами, четвертый представлял собой собрание депутатов одиннадцати городов. Сейм Фрисландии не был сформирован из сословий, дворяне и городские представители заседали вместе в одном собрании, которое избиралось всенародным голосованием, все, кто имел небольшой имущественный ценз, обладали избирательным правом, за исключением римских католиков. Система управления и разделения властей была во Фрисландии очень сложной, унаследованной от средневековья, но и здесь дворяне, будучи крупными землевладельцами, имели большое влияние. Штатгальтер председательствовал на сейме и имел решающий голос. Владения Гронингена были разделены на две части — город и районы — каждая имела по одному голосу. Округами были Хунсингу, Фивелингу и Западный квартал. Здесь также у владельца штата был решающий голос. В Оверисселе Поместья, как и в Гронингене, состояли из двух членов, дворян из трех кварталов, Салланта, Твенте и Волленхове, и депутатов от трех городов, Девентера, Кампена и Зволле.

Обычная исполнительная и административная работа провинциального правительства выполнялась в Голландии органом, известным как Уполномоченные советники-*Gecomitteerde*—

Raden; в других провинциях депутатами сословий-*Gedeputeerde-Statens*. Уполномоченные советники были для Сословий Голландии тем же, чем Государственный совет был для Генеральных штатов. Они пользовались значительной независимостью, поскольку назначались не Сословиями, а непосредственно дворянами и городами в соответствии с установленной системой ротации, и заседали непрерывно, в то время как Сословия собирались только на короткие сессии. Их обязанностью было следить за тем, чтобы все провинциальные эдикты и распоряжения, изданные Сословиями, были опубликованы и приведены в исполнение, контролировать финансы и осуществлять обеспечение всех военных потребностей и надзор за ними; и им принадлежало созывать собрания Сословий. Наместнические сословия в других провинциях имели аналогичные, но, как правило, менее обширные и авторитетные функции.

Такое сочетание разнообразных и часто конфликтующих властей в государстве столь небольшой территории не имеет аналогов в истории. Казалось невозможным, что правительство могло существовать и дальше или что[стр.115] могли быть какие-либо согласованные действия или национальная политика в республике, которая была скорее многоголовой конфедерацией, чем федеративным государством. То, что Объединенные Нидерланды, несмотря на все эти недостатки, быстро превратились в 17 веке в первоклассную морскую и торговую державу, было в значительной степени связано с тем фактом, что внешней политикой республики и общим контролем над ее администрацией руководила череда очень способных людей, штатгальтеров дома Оранских-Нассау и членов совета пенсионариев Голландии. Для правильного понимания периода голландской истории, с которым мы собираемся иметь дело, необходимо четко определить, каково было положение штатгальтера и совета-пенсионария в этом громоздком и скрипучем государственном механизме, который только что был описан, и характер этих должностей, которые давали их обладателям такое широкое влияние и власть.

Штатгальтер или губернатор действительно был аномалией в республике как по титулу, так и по должности. При правителях Бургундии и Габсбургов штатгальтер осуществлял местную власть в гражданских, а также в военных вопросах, представляя суверенного герцога, графа или сеньора в провинции, в которую он был назначен, и благодаря этому был наделен определенными атрибутами суверена во время своего пребывания в должности. Вильгельм Молчаливый был штатгальтером Голландии и Зеландии на момент начала восстания, и, хотя его лишили занимаемых должностей, он продолжал до момента Утрехтской унии осуществлять власть в этих и других провинциях, открыто выступая от имени короля. После его смерти можно было бы ожидать, что деятельность офиса приостановится, но приход "Лестера" в состав Нидерландов привел к возрождению стаххолдинга. Голландия и Зеландия, желая пресечь произвольное использование генерал-губернатором своих полномочий, назначили Мориса Нассауского на место его отца; и в то же время Уильям Льюис из Нассау стал штатгальтером Фрисландии, а штатгальтеры были также назначены в Утрехте, Гелдерланде и Оверисселе. В 1609 году Морис был штатгальтером в пяти провинциях Голландии, Зеландии, Гелдерланде, Утрехте и Оверисселе; его двоюродный брат Уильям Льюис - во Фрисландии и Гронингене вместе с Дренте. Полномочия штатгальтера были неодинаковы в разных провинциях, но, вообще говоря, он был исполнительным должностным лицом Поместий; а в Голландии, где его власть была наибольшей, он осуществлял надзор за отправлением правосудия, назначением большого числа[стр.116] муниципальных магистратов и обладал прерогативой помилования, и ему была поручена военная и морская защита провинции. Штатгальтер получал свои полномочия как от провинциальных сословий, так и от Генеральных штатов и приносил присягу на верность

последним. Таким образом, в той мере, в какой он осуществлял квазисуверенные функции, он делал это от имени государств, слугой которых он номинально был. Но когда штатгальтер, как это было в случае с Морисом и другими принцами Оранскими, сам был суверенным принцем и наследником великого имени, он мог пользоваться властью, намного превосходящей власть простого чиновника. Потомки Вильгельма Молчаливого — Морис, Фредерик Генри, Вильгельм II и Вильгельм III — более того, все они были людьми исключительных способностей; и штатгальтерство стало в их руках положением почти полумонархического достоинства и влияния, штатгальтер считался как иностранными властителями, так и народом Нидерландов в целом "выдающимся главой государства". Морис, как указывалось выше, был штатгальтером в пяти провинциях; Фридрих Генрих, Вильгельм II и Вильгельм III - в шести; седьмая провинция, Фрисландия, оставалась верной на протяжении всего 17 века своим двоюродным братьям из дома Нассау-Зиген, предкам нынешней голландской королевской семьи. Того, что власть Генеральных штатов и провинциальных штатов время от времени вступала в конфликт с властью штатгальтера, следовало ожидать, поскольку отношения между ними были крайне аномальными. Штатгальтер Голландии, например, назначал, прямо или косвенно, большую часть муниципальных магистратов; они, в свою очередь, были представителями, которые формировали Сословия провинции. Но поскольку штатгальтер был слугой Поместий, можно сказать, что он, в некотором смысле, обладал властью назначать своих собственных хозяев. Штатгальтеры Оранского дома также, в дополнение к престижу, связанному с их именем, обладали крупной собственностью и значительным богатством, которое вместе с вознаграждениями, которые они получали от Генеральных штатов в качестве генерал-капитана и генерал-адмирала Союза, а также от различных провинций, где они занимали должности штатгальтеров, позволяло им во времена Фредерика Генриха и его преемников поддерживать статус и достоинство двора.

Должность земельного адвоката или Совета-пенсионария по своему характеру совершенно отличалась от должности штатгальтера, но временами едва ли была менее влиятельной, когда ее занимал человек с командирскими[стр.117] талантами. Адвокат во времена Ольденбарневельдта совмещал обязанности юрисконсульты поместий Голландии, а также председательствовал и вел дела Поместий на их собраниях, а также собрания уполномоченных советников. Он был лидером и представителем голландских депутатов в Генеральных штатах. Он вел протоколы, представлял дела и подсчитывал голоса на провинциальных ассамблеях. В его обязанности входило составлять и регистрировать резолюции. Что, возможно, было не менее важно, он вел переписку с послами республики при иностранных дворах, получал их депеши и вел переговоры с иностранными послами в Гааге. Легко понять, как такой человек, как Ольденбарневельдт, обладавший большим трудолюбием и способностями к ведению дел, хотя номинально и был наемным слугой Поместий, постепенно приобрел почти полный контроль над всеми административными департаментами и стал, так сказать, государственным министром по всем делам. Во времена Ольденбарневельдта этот пост занимался пожизненно; и, поскольку Морис в течение многих лет не утруждал себя вопросами внутреннего управления и внешней дипломатии, Адвокат по продолжительности своего пребывания в должности к началу 17 века стал фактическим директором и арбитром политики государства. После его смерти звание адвоката и пожизненный срок полномочий прекратились. Его преемники были известны как члены Совета-пенсионеры, и они занимали свои должности всего пять лет, но с возможностью переизбрания. Карьера Джона де Витта, однако, показала, что в случае с человеком с высшими

способностями эти ограничения не помешали *Пенсионеру Раада*^[4] в течение восемнадцати лет пользоваться авторитетом и влиянием, большими даже, чем у Ольденбарневельдта.

Рассказ о многократном разделении административного контроля в Соединенных провинциях был бы неполным без некоторого упоминания Адмиралтейских колледжей в Голландии. Голландия с Зеландией снабдили флот, от которого зависели существование и благополучие республики. И Вильгельм Молчаливый, и его сын Морис были в качестве штатгальтеров адмиралами Голландии и Зеландии, и оба также были назначены Генеральными штатами генеральными адмиралами Союза. Таким образом, они обладали двойной властью в морских делах в двух провинциях. В 1574 году Уильям имел на своей стороне Совет адмиралтейства, созданный провинциальными поместьями, но Лестер в 1585 году был раздражен тем, что непосредственный контроль над военно-морскими[стр. 118] вопросами был передан генерал-губернатору и Государственному совету. Таким образом, ему удалось добиться разделения Адмиралтейского совета на три палаты, которые вскоре после этого были увеличены до пяти — Роттердам, Хорн с Энкхейзенем, Вире, Амстердам и Харлингген с Доккамом. В 1597 году было определено, что каждое адмиралтейство должно состоять из семи членов, назначаемых Генеральными штатами. Генерал-адмирал председательствовал в каждой коллегии и на совместных заседаниях пяти коллегий. Адмиралтейства назначили лейтенантов кораблей и предложили список капитанов, которые будут окончательно выбраны Генеральными штатами. Лейтенант-адмирал и вице-адмиралы Голландии и вице-адмирал Зеландии избирались провинциальными сословиями. Генеральные штаты назначали главнокомандующего. Такая система, по-видимому, была разработана для предотвращения каких-либо быстрых действий или принятия быстрых решений во время чрезвычайной ситуации или внезапной опасности.

[стр.119]

ГЛАВА VIII

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕЕ ПЕРЕМИРИЕ

Первые годы перемирия были для Соединенных провинций, ныне признанных "свободными и независимыми штатами", периодом замечательной энергии и предприимчивости. Молодая республика начала свою новую карьеру с жизнерадостной надеждой, проистекающей из гордого сознания страданий и опасностей, которые мужественно встречала и преодолевала, и под мудрым и опытным руководством Ольденбарневельдта быстро приобрела положение и вес в Советах Европы, совершенно непропорциональные ее географическому району или численности населения. Дальновидный государственный деятель и практикуемое дипломатическое мастерство Адвоката никогда не оказывали большей услуги своей стране, чем в эти последние годы его долгого пребывания у власти. Сложный вопрос о наследовании герцогств Юлих-Клеве возник в самый момент подписания перемирия, которое требовало деликатного и осторожного подхода.

В марте 1609 года герцог Юлихский и Клевский умер, не оставив наследника мужского пола, и наследование этих важных пограничных территорий на Нижнем Рейне быстро стало острым вопросом. Двумя основными претендентами по женской линии были курфюрст Бранденбургский и Вильгельм, граф-палатин Нойбургский. Император Рудольф II, однако, под предлогом назначения имперских уполномоченных для рассмотрения конкурирующих претензий вызвал подозрения Бранденбурга и Нойбурга; и эти двое пришли к соглашению вступить в совместное владение герцогствами и были названы "владельцами". Протестантский союз в Гейдельберге признал "владельцев", поскольку для баланса сил в Германии было крайне важно, чтобы эти земли не перешли в руки католического правителя Австрийского дома. По той же причине Бранденбург и Нойбург были признаны Генеральными штатами, которые не желали, чтобы на их границах обосновался сторонник Испании. Император, со своей стороны, не только отказался признать "владельцев", но и послал своего двоюродного брата эрцгерцога Леопольда, епископа Пассау, вмешаться вооруженной силой.[стр.120] Леопольд захватил крепость Юлих и продолжил укрепляться.

Это была неловкая ситуация, поскольку ни у Соединенных провинций, ни у эрцгерцогов, ни у короля Испании не было ни малейшего желания делать наследование Юлиха причиной возобновления военных действий сразу после заключения перемирия. Однако стремление французского короля ускорить военные действия с габсбургскими державами заставило их действовать. Генрих IV в течение некоторого времени готовился к войне, и в данный момент его раздражала защита, оказанная эрцгерцогами беглой принцессе Конде, которая бежала в Брюссель. Ему удалось убедить Штаты направить вспомогательные войска в Германию для оказания помощи французской армии вторжения весной 1610 года, когда как раз в тот момент, когда король собирался покинуть Париж, чтобы отправиться на фронт, он был убит 14 мая. Это событие положило конец экспедиции, поскольку регентша Мария Медичи была дружественна Австрии. Тем не менее, штаты не были расположены оставлять Леопольду Юлих во владении. Морис ввел армию в герцогство и осадил город. Он капитулировал 1 сентября. Однако, как и следовало ожидать, совместное правление "владельцев" не увенчалось успехом. Они поссорились, и Нойбург обратился за помощью к католикам. Морис и Спинола в 1614 году снова оказались лицом к лицу во главе соперничающих сил, но реальных боевых действий удалось избежать; и по Нантенскому мирному договору (12 ноября 1614 г.) было решено, что спорная территория должна быть разделена: Бранденбург будет править в Клеве, Нойбург - в Юлихе. Таким образом, при разрешении этого щекотливого вопроса влияние Ольденбарневельдта способствовало временному решению, удовлетворяющему интересам Соединенных провинций; его успешное вмешательство в дело Юлих-Клеве не было единичным

примером его дипломатической деятельности. Напротив, это было почти повсеместное явление.

Рост голландской торговли на Балтике в течение нескольких лет шел семимильными шагами и теперь намного превысил показатели их старых соперников, Ганзейского союза. Кристиан IV, амбициозный и воинственный король Дании, серьезно вмешивался в эту торговлю, вводя такие высокие пошлины за прохождение пролива, которые, с одной стороны, обеспечивали ему большой доход, а с другой стороны, поддерживали его притязания на суверенные права во всех перевозках по внутреннему морю. Ганзейские города решительно протестовали и искали[стр.121] поддержки Генеральных штатов в активном противодействии датскому королю. Это было предоставлено. Отряд в 7000 человек под командованием Фридриха Генриха был отправлен в Германию на помощь Брауншвейгу, который был осажден Кристианом IV. Осада была снята; и между республикой и ганзейскими городами был заключен союз для совместных действий по защите их коммерческих интересов. И это было не все. Ольденбарневельдт вступил в дипломатические отношения с Карлом IX Шведским и с Россией. Корнелис Хага был отправлен в Стокгольм; и с этого времени между Швецией и Штатами установились тесные отношения. Морской порт Гетеборг, расположенный сразу за входом в пролив, был основан группой голландских колонистов под руководством некоего Абрахама Кабеллиау, амстердамского купца, и в течение многих лет оставался практически голландским городом.

Едва ли менее важной была предприимчивость, проявленная при установлении дружественных отношений с далекой Россией. Бальтазар де Мушерон основал голландскую фабрику в Архангельске еще в 1584 году; и началась растущая торговля с Россией через Белое море, поначалу в соперничестве с Английской московской компанией. Но голландскому купцу по имени Исаак Масса удалось завоевать доверие царя, и российская торговля постепенно стала голландской монополией. В 1614 году московское посольство во главе с Массой прибыло в Гаагу, и голландским торговцам, и только им, был открыт доступ во внутренние районы России.

В Средиземноморье была проявлена не меньшая дальновидность и ловкость в отстаивании интересов государств. Зять адвоката Ван дер Майл отправился в 1609 году послом в Венецию, а в следующем году в Голландию прибыл первый венецианский посланник, Томмазо Контарини. В 1612 году Корнелис Хага, находившийся в Швеции, был отправлен в Константинополь для переговоров с турками о торговых привилегиях в Леванте и о пресечении пиратства, и он оставался на Востоке, отвечая за интересы республики в течение многих лет.

Сложнее было поддерживать дружественные отношения с Англией. В 1604 году Яков I заключил мир с Испанией; и растущее соперничество на морях между голландцами и англичанами привело к отчуждению его симпатий от растущей морской мощи республики. Внешне он поддерживал дружеские отношения; его посол занимал место в Государственном совете; он оставил свои гарнизоны в городах, внушавших опасения; и после подписания перемирия[стр.122] он пожаловал подвязку принцу Маврикию. Но в это самое время, в мае 1609 года, Джеймс предпринял шаг, который нанес наибольший ущерб той отрасли промышленности, которая заложила основу коммерческого процветания Голландии, — это было издание указа, вводящего налог на всех иностранцев, ловящих рыбу в английских водах. Хотя этот указ был общим по своей форме, на самом деле он был направлен против права, которым до сих пор пользовались голландцы на рыбную ловлю у английского побережья, права, предоставленного рядом международных договоров и никогда не оспаривавшегося с момента

его подтверждения *Магнусом Интеркурсусом* 1496 года. Голландское общественное мнение было сильно возбуждено, и в апреле 1610 года в Лондон было направлено специальное посольство в знак протеста против эдикта и попыток добиться его отмены или изменения. Это было отнюдь не легким делом. Рыболовство, от которого зависели средства к существованию значительной части населения Голландии и Зеландии, имело жизненно важное значение для государств. С другой стороны, их фактическая монополия со стороны голландцев вызвала острое негодование в Англии. Во второй половине правления Елизаветы этот авантюрный дух мореплавания, которому было суждено в конечном итоге водрузить флаг Англии на берегах всех океанов, зародился, и в начале 17 века он повсюду находил голландских соперников, уже находившихся во владении, и голландские корабли на каждом торговом пути. Голландский торговый флот фактически намного превосходил английский по численности и эффективности. Публикация знаменитого памфлета Гуго Гроция "*Mare Liberum*" в марте 1609 года, вероятно, была последней причиной, побудившей Джеймса издать свою прокламацию о рыболовстве. Целью Гроция было потребовать для каждой нации, в отличие от португальцев, свободы торговли в Индийском океане, но королю Джеймсу и его советникам показалось, что аргументы, которые он использовал, бросают вызов *марийскому доминиону*, на который английские короли всегда претендовали в "узких морях". Таким образом, посольству 1610 года пришлось иметь дело не только с рыболовством, но и со всем предметом морских отношений двух стран; и множество опубликованных брошюр доказывает, какой большой интерес был вызван. Но возникновение спора о престолонаследии Юлих-Клеве и изменение политики французского правительства в связи с убийством Генриха IV побудили обе стороны стремиться к примирению; и Яков согласился, на самом деле не на отмену эдикта, а на отсрочку его исполнения на два года. Это оставалось мертвой буквой до 1616 года, хотя все это время споры по юридическим аспектам[стр.123] спорных вопросов продолжались. Республике, однако, как независимому государству, очень мешал тот нелепый факт, что города-оплот оставались в руках англичан. Оккупация Флашинга и Брилла, контролирующих входы в важные водные пути, по-видимому, подразумевала, что голландская республика была в определенной степени вассальным государством, находящимся под защитой Англии. Поэтому Ольденбарневельдт решил воспользоваться печально известными финансовыми затруднениями короля Якова, предложив выкупить города наличными. Номинальная задолженность Соединенных провинций по займам, предоставленным Елизаветой, составляла 600 000 фунтов стерлингов; адвокат предложила в качестве компенсации 100 000 фунтов стерлингов наличными и еще 150 000 фунтов стерлингов в виде полугодовых платежей. Джеймс принял это предложение, и города были сданы, а гарнизонам было разрешено перейти на голландскую службу в июне 1616 года. Однако сэр Дадли Карлтон, который примерно в это время сменил сэра Ральфа Уинвуда на посту английского посланника в Гааге, продолжал занимать место в Государственном совете.

Таким образом, Ольденбарневельдт, в то время, когда его доминирующее положение в государстве уже было подорвано и его карьера подходила к концу, оказал большую услугу своей стране, тем более что король Яков, в своем стремлении заключить брак между принцем Уэльским и испанской инфантой, начал позволять графу Гондомару, испанскому послу в Уайтхолле, все больше и больше контролировать свою политику. Склонность Якова к Испании, естественно, заставила его с еще большей неприязнью относиться к растущему преобладанию голландского флага на морях, и вскоре он пожалел о том, что сдал города, внушавшие опасения. Ибо права на рыболовство и принцип *доминиум марисв* узких морях больше не были единственными вопросами, вызывавшими споры между Англией и Штатами. У английских

моряков и торговцев были и другие претензии к голландцам в других частях света. Искключительное право на промысел китов в водах Шпицбергена и Гренландии было предъявлено англичанами на основании предполагаемого открытия Шпицбергена Хью Уиллоуби в 1553 году. Голландцы не признавали никаких подобных утверждений и утверждали, что Химскерк был первым, посетившим архипелаг, и что он водрузил в 1596 году голландский флаг на берегах острова, которому он дал название Шпицберген. В 1613 году Джеймс передал монополию Английской Московской компании, которая отправила рыболовецкий флот[стр.124] с приказом отогнать любых нарушителей; и некоторые голландские суда подверглись нападению и разграблению. Ответом Генеральных штатов стало предоставление хартии 27 января 1614 года компании, известной как Северная, или Гренландская компания, с монополией на рыболовство между проливом Дэвиса и Новой Землей; рыболовный флот был отправлен в сопровождении военных кораблей. Результатом стало временное соглашение между английской и голландской компаниями об использовании отдельных частей Шпицбергена в качестве своих баз, за исключением всех остальных. Тем временем спор оставался открытым; и, несмотря на конференции и переговоры, ни одна из сторон не выказывала ни малейшего желания уступать. В 1618 году ситуация достигла острой стадии. Английский и голландский рыболовецкие флоты исключительной силы вошли в северные воды в начале лета того же года, и произошел ожесточенный бой, который, поскольку присутствовали два голландских военных корабля, привел к рассеянию английских судов и значительным человеческим жертвам и имуществу.

Соперничество и оппозиция между голландскими и английскими торговцами в Ост-Индии носили более масштабный характер, но здесь не могло быть и речи о превосходстве голландцев в силе, и оно использовалось безжалостно. Голландская Ост-Индская компания быстро процветала. В 1606 году был выплачен дивиденд в размере 50%; в 1609 году - в размере 325%. Главная фабрика находилась в Бантаме, но было много других на материковой части Индии, а также в Амбоине, Банде, Тернате и Матсьяне на Молуккских островах; и из этих центров велась торговля с Цейлоном, Борнео и даже с далекими Китаем и Японией. Но положение компании было шатким до тех пор, пока секретная статья мирного договора 1609 года не признала свободу торговли во время перемирия. Главной потребностью было создание административного центра, из которого можно было бы осуществлять общий контроль над всеми должностными лицами различных торговых предприятий по всему Ост-Индскому архипелагу. Поэтому Советом Семнадцати было решено назначить генерального директора, который должен был проживать в Бантаме, вооруженного полномочиями, которые делали его, как бы далек он ни был от вмешательства местных властей, почти сувереном в обширном регионе, которым он управлял. Ян Питерсзун Коэн, назначенный на этот пост в 1614 году, был первым из ряда способных людей, благодаря чьим энергичным и порой недобросовестным действиям голландская компания быстро стала доминирующей державой в восточных морях, где их торговля и влияние затмили торговлю и влияние их европейских конкурентов. Самыми предприимчивыми из этих конкурентов были[стр.125] англичане. Между конкурирующими компаниями быстро возникли споры относительно торговых прав на Молуккских островах, группе Банда и Амбоине; и некоторые острова, где англичане заключили договоры с местными жителями, были оккупированы голландцами, а англичане изгнаны.

Другой причиной недовольства стал отказ Генеральных штатов в 1616 году допустить английские крашенные ткани в Соединенные провинции. Это вызвало особое раздражение короля Якова. Производство шерстяных тканей и экспорт шерсти долгое время были

главенствующими отраслями английской промышленности; и монополия на эту торговлю находилась, когда Яков вззошел на трон, в руках старейшей из английских чартерных компаний - Братства купцов-авантюристов. Авантюристы с 1598 года владели своим Двором и Основным продуктом питания в Мидделбурге в Зеландии. Англичане не обучались искусству отделки и окрашивания ткани, которую они ткали; она импортировалась в незаконченном виде, а затем была окрашена и подготовлена для продажи голландцами. Несколько тысяч квалифицированных рабочих нашли работу в Голландии на этой работе. Джеймс, всегда пребывавший в бедности, решил в 1608 году, по предложению некоего олддермена Кокейна, выдать Кокейну патент на создание домашнего красильного производства, сохранив за короной монополию на продажу товаров. Авантюристы пожаловались на это как на нарушение их хартии; и после долгих препирательств король в 1615 году разрешил спор, отозвав хартию. Теперь Кокейн надеялся, что созданная им компания станет прибыльным предприятием, но они с королем были обречены на разочарование. Поместья Голландии отказались признавать английские крашенные ткани, и их примеру последовали другие провинции и Генеральные штаты. Кокейн обанкротился, и в 1617 году королю пришлось возобновить действие хартии авантюристов. Джеймс, естественно, был очень обижен таким отпором и решился на репрессии, приведя в исполнение прокламацию 1609 года и взимая пошлину со всех иностранных судов, ведущих промысел в британских водах. Велико было возмущение в Голландии, и рыболовецкий флот в 1617 году отплыл с вооруженным конвоем. Шотландский чиновник по имени Браун, приехавший собирать пошлину, был схвачен и в качестве пленника доставлен в Голландию. Джеймс немедленно захватил в заложники двух голландских шкиперов на Темзе и потребовал удовлетворения за оскорбление, нанесенное его офицеру. Поначалу ни одна из сторон не хотела уступать, и только по прошествии нескольких месяцев удалось найти компромисс. Общий вопрос о привилегиях на рыболовство оставался[стр.126], однако, столь же далек от урегулирования, как и прежде, поскольку штаты твердо отстаивали свои договорные права. В конце концов Штаты приняли решение направить в Англию специальную миссию для обсуждения с королем четырех животрепещущих вопросов, осложняющих отношения между двумя странами. Послы прибыли в Лондон в декабре 1618 года. В течение семи месяцев переговоры продолжались без достижения какого-либо определенного результата, и в августе 1619 года посольство вернулось. Тем временем как в Соединенных Провинциях, так и в Германии происходили очень важные события, которые сделали необходимым для обеих сторон, чтобы решение этих торговых вопросов, какими бы важными они ни были, было отложено на некоторое время, поскольку они были омрачены серьезными политическими кризисами в Голландии и Богемии, которые в то время занимали внимание всех людей.

ГЛАВА IX

МОРИС И ОЛЬДЕНБАРНЕВЕЛЬДТ

Заключение перемирия не принесло, несмотря на материальный прогресс и расширение торговли, внутреннего мира в Соединенные провинции. Отношения между принцем-штатгальтером и всемогущим Адвокатом долгое время были натянутыми. На затянувшихся переговорах Морис никогда не скрывал своей неприязни к проекту перемирия, и, хотя в конце концов он согласился, это было угрюмое согласие. Поначалу между двумя мужчинами не было явного разрыва, но Морис, хотя и не отказался от встречи с Ольденбарневельдтом, был холоден и недружелюбен. Он не пытался вмешиваться в управление старым государственным деятелем административным аппаратом или в его дипломатическую деятельность, поскольку был от природы ленив и мало интересовался политикой. Будь он честолюбив, он мог бы много лет назад получить с общего согласия суверенную власть, но он не стремился к этому. Его страстью было изучение военной науки. С ранней юности он провел свою жизнь в лагерях, а теперь оказался без работы. Враги Ольденбарневельдта воспользовались случаем, чтобы вызвать у Мориса подозрения относительно мотивов Адвоката, побудивших его заключить перемирие, и даже намекнуть, что он был подкуплен испанским золотом. Главным среди этих врагов был Фрэнсис ван Эрссенс, в течение ряда лет являвшийся послом Соединенных Штатов в Париже. Эрссенс был многим обязан Адвокату, но он объяснил свое отстранение от должности во французском суде решением Ольденбарневельдта заменить его своим зятем Ван дер Майлом. Он так и не простил своего отзыва и одинаково тонкими намеками и беспринципными обвинениями стремился очернить характер и репутацию своего бывшего благодетеля.

По странному стечению обстоятельств именно вспышка ожесточенной сектантской борьбы и раздора между крайними и умеренными кальвинистами в конечном итоге превратила скрытую враждебность Мориса к Ольденбарневельдту в открытый антагонизм. Ни у одного из этих двоих не было сильных религиозных убеждений, но обстоятельства сложились так, что им пришлось бесповоротно встать на противоположные[стр.128] стороны в споре между фанатичными теологами на тему предопределения и благодати.

С незапамятных времен кальвинизм в северных Нидерландах был разделен на две школы. Строгие кальвинисты, или "реформаты", известные своим оппонентам как "прецизианцы", и либеральные кальвинисты, "евангелисты", иначе "либертинцы". К этой партии распутников принадлежали Вильгельм Молчаливый, Ольденбарневельдт и большинство бюргеров-регентов Голландии. Эти люди рассматривали религиозный вопрос с точки зрения государственного деятеля. Подняв восстание против тирании испанской инквизиции, они стремились уберечь своих соотечественников (лишь меньшинство из которых были протестантами) от попадания под каблук религиозной нетерпимости, такой же узкой и фанатичной, как та, от которой они

спаслись. С другой стороны, "реформатские" конгрегации, возглавляемые проповедниками, стремились создать Национальный синод с целью создания Государственной церкви, догматам которой, жестко определенным Гейдельбергским катехизисом и нидерландским исповеданием, все должны были подчиняться под страхом лишения своих гражданских прав. Либертинцы были против такой схемы, рассматривая ее как вмешательство в права каждой провинции регулировать свои собственные религиозные дела и как попытку утвердить верховенство Церкви над государством.

Борьба между двумя партиями, которая с перерывами продолжалась в течение ряда лет, внезапно обострилась после назначения Морисом Якоба Харменша, более известного как Арминиус, на кафедру теологии в Лейдене, освободившуюся после смерти Юниуса в 1602 году. Лидер строгой кальвинистской школы, ученый Франциск Гомарус, к моменту назначения Арминия уже восемь лет был профессором в Лейдене. Каждый учитель собирал вокруг себя последователей из преданных учеников, и жестокое столкновение было неизбежно. Длительные и горячие споры о высоких доктринах Предопределения и Свободы воли привели к многочисленным обращениям к Генеральным штатам и сословиям Голландии с просьбой созвать Синод для урегулирования спорных вопросов, но ни один из этих органов в разгар переговоров о перемирии не был готов усложнить ситуацию, предприняв шаг, который не мог не усилить существующие разногласия. Через шесть месяцев после подписания перемирия Арминий умер. Однако ссора только усилилась. Йоханнес Уйтенбогарт взял на себя [стр.129] руководство арминиянами, и, наконец, после консультаций с Ольденбарневельдтом, он созвал съезд арминиянских проповедников и мирян в Гауде (июнь 1610 г.). Они составили для представления сословиям петицию, известную как *Протест*, состоящую из пяти статей, в которых они определили пункты, в которых они отличались от ортодоксальных кальвинистских доктрин по вопросам предопределения, избрания и благодати. Гомаристы, со своей стороны, составили *Возражение*, содержащее семь статей, и они отказались подчиняться какому-либо решению по вопросам доктрины, за исключением чисто церковного Синода. Эти два весомых заявления отныне закрепили за двумя партиями названия Протестующих и противников протестов. В течение следующих трех лет в каждой провинции бушевали ожесточенные споры, кафедра отвечала на кафедру, памфлет на памфлет. Протестующие резко обвинили своих противников в том, что они придерживаются пелагианских и социнианских взглядов и являются замаскированными папистами. Это последнее обвинение привлекло на их сторону подавляющее большинство протестантского населения, но у протестантов было много сторонников среди бюргеров-регентов, и они могли рассчитывать на большинство в поместьях Голландии, Утрехте и Оверисселе, и они имели мощную поддержку Ольденбарневельдта.

Адвокат не был теологом, и по спорным доктринальным вопросам у него, вероятно, не было очень четких взглядов. Однако он склонялся к арминиянам из-за их большей терпимости и, прежде всего, из-за их готовности признать власть государства как высшую, как в религиозных, так и в гражданских вопросах. Он стремился достичь соглашения, которое удовлетворило бы обе стороны, но он имел дело с фанатиками, а огонь религиозного фанатизма, однажды разгоревшийся, трудно погасить. И вот теперь был продемонстрирован любопытный наглядный урок многоголового характера правительства Соединенных Нидерландов. Большинство провинций Генеральных штатов поддержали протестующих. Сословия Голландии, однако, под влиянием Ольденбарневельдта небольшим большинством отклонили протестное требование и решили принять решительные меры против гомаристов. Но ряд представительных городов Голландии, и в том числе Амстердам, отказались выполнять эту резолюцию. С другой стороны, в

Роттердаме и в других городских советах, где большинство составляли арминиане, гомаристские проповедники были изгнаны со своих кафедр; и Адвокату было поручено, при необходимости, путем принуждения,[стр.130] утвердить власть Сословий по всей провинции. Но принуждение без применения военной силы было невозможно перед лицом растущего народного возмущения; и военные силы не могли быть использованы без согласия штатгальтера. Таким образом, в 1617 году, когда вопрос о гражданской войне в Голландии колебался на волоске, окончательное решение оставалось за штатгальтером; и Морис после долгих колебаний решил бросить на чашу весов меч солдата, а не влияние государственного деятеля.

Морис еще не порвал открыто со старым другом своего отца, чьи огромные заслуги перед республикой на протяжении большей части четырех десятилетий он полностью признавал. Что касается спорных вопросов, то штатгальтер был еще в меньшей степени, чем Адвокат, ревностным богословом. Сообщается, что он заявил, что не знает, было ли предопределение голубым или зеленым. Его придворный капеллан Уйтенбогарт был видным сторонником арминианства; и оба его мачеха Луиза (см. стр. 78), мнению которой он придавал большое значение, и его младший брат Фредерик Генри были по своей склонности "распутниками". С другой стороны, Уильям Льюис, фризский штатгальтер, был ревностным кальвинистом, и он использовал все свое влияние на своего двоюродного брата, чтобы убедить его занять твердую позицию против Ольденбарневельдта и тех, кто пытался свергнуть реформатскую веру. Сэр Дадли Карлтон, новый английский посол, также позиционировал себя как решительного противника Адвоката. Однако в то время как Морис колебался относительно того, какие действия ему следует предпринять, Ольденбарневельдт решился на шаг, который был равнозначен объявлению войны. В декабре 1616 года он внес в Поместья Голландии предложение о том, чтобы они в порядке осуществления своих суверенных прав набрали провинциальные силы ополчения численностью 4000 человек (*ваардгельдеров*) на свое жалованье. Таким образом, Голландия, хотя значительное меньшинство сословий находилось в оппозиции, заявила о своем намерении отстаивать принцип суверенитета провинций вопреки авторитету Генеральных штатов. Генеральные штаты по просьбе двух штатгальтеров в мае 1617 года проголосовали за созыв Национального синода четырьмя провинциями против трех. Сословия Голландии, опять же резко разделившись во мнениях, но большинством голосов, отказались подчиниться призыву. Таким образом, был достигнут тупик, и Морис, наконец, открыто выступил на стороне протестующих.

23 июля принц в сопровождении своей свиты демонстративно посетил богослужение в Монастырской церкви в Гааге, где[стр.131] за две недели до этого обосновались протестующие, столкнувшиеся с запретом на въезд в Поместья. Этому шагу были противопоставлены решительные действия со стороны Ольденбарневельдта. 4 августа в поместьях Голландии было внесено предложение, известное как "Резкая резолюция", и оно вполне заслуживало своего названия, поскольку носило самый решительный характер. Это была самая безоговорочная декларация о суверенитете провинции, и все же она была принята сильным меньшинством только благодаря личному влиянию Адвоката. Этой резолюцией Голландия отказалась согласиться на созыв любого Синода, национального или провинциального, и заявила о верховенстве Сословий в вопросах религии. Муниципальным властям было приказано повесить поборы с *ваардгельдеров* для поддержания мира; и все должностные лица, гражданские или военные, были обязаны принести присягу на верность Сословиям под страхом увольнения. С

решительным протестом выступили представители несогласных городов во главе с Рейнье Пау, бургомистром Амстердама.

Сославшись на плохое самочувствие, Ольденбарневельдт покинул Гаагу и поселился в Утрехте. Его целью было сохранить эту провинцию твердой в ее союзе с Голландией. Он вернулся только 6 ноября, но все это время находился в активной переписке со своей партией в Голландии, во главе которой стояли три пенсионария Роттердама, Лейдена и Харлема — Де Гроот, Хугербитс и Де Хаан. Под их руководством в ряде городов были произведены сборы *ваардгельдеров*, но другие города, включая Амстердам, отказались, и общая сумма призыва составила не более 1800 человек. Тем временем большинство Генеральных штатов, к чему призывали Морис и Уильям Льюис, были полны решимости, несмотря на сопротивление Голландии и Утрехта, провести в жизнь предложение о созыве Национального синода. Оверайсселя привели в благоговейный трепет и убедили согласиться, так что за него было подано пять голосов против двух. Всю зиму продолжались споры, и отчуждение между противоборствующими сторонами становилось все более ожесточенным и острой. Из прессы хлынул настоящий поток брошюр, листовок и пасквиадов; и в частности, были сделаны самые яростные и злобные нападки на личность и администрацию Адвоката, в которых он обвинялся в получении взяток как из испанских, так и из французских источников и в предательстве интересов своей страны. Главным подстрекателем этих нападков был личный враг Ольденбарневельдта Фрэнсис ван Эрссенс, чье перо никогда не сидело сложа руки. [стр.132] Защитники протестующего дела и принципов суверенитета провинций не испытывали недостатка в энергичности и ядовитости своих ответов; и сам Адвокат чувствовал, что обвинения, выдвинутые против него, требуют официального и серьезного ответа. Соответственно, он подготовил долгую и тщательную защиту на протяжении всей своей карьеры, в которой убедительно доказал, что выдвинутые против него обвинения не имели под собой никаких оснований. Это *замечание* он адресовал в Поместья Голландии, а также отправил копию принцу. Если этот документ в то время и не помог заставить замолчать голоса предвзятых противников, чьи решения были приняты, он, по крайней мере, убедил потомков в том, что, каким бы неразумным ни был курс, который сейчас сознательно проводит Адвокат, он никогда ради личной выгоды не предавал интересы своей страны. Если бы он сейчас увидел, что попытка большинства в Сословиях Голландии противостоять воле большинства в Генеральных штатах могла привести только к гражданской войне, и если бы он подал в отставку со своего поста, посоветовав сословиям распустить *ваардгельдеров* и уступить превосходящей силе, катастрофу можно было бы предотвратить. Нет никаких оснований полагать, что при таких обстоятельствах Морис одобрил бы какую-либо крайнюю резкость в обращении с Адвокатом. Но Ольденбарневельдт, давно привыкший к проявлению власти, был полон решимости ни на йоту не уступать притязаниям суверенной провинции Голландия на превосходство в пределах своих собственных границ в вопросах религии. Жребий был брошен, и вопрос должен был решаться силой оружия.

28 июня 1618 года адвокатом Генеральных штатов был заявлен торжественный протест против созыва Национального синода вопреки выраженному мнению сословий Голландии; и прозвучала угроза, что Голландия может не внести свой взнос в общий фонд. Большинство Генеральных штатов (9 июля) объявили повышение местных сборов незаконным, и (23 июля) было решено направить в Утрехт комиссию во главе с Морисом, чтобы потребовать роспуска *ваардгельдеров* в этом городе.

Поместья Голландии^[5] побуждаемый Ольденбарневельдтом, теперь предпринял очень решительный шаг, шаг, который невозможно восстановить. Они решили также направить уполномоченных в Утрехт, чтобы призвать городской совет проявить твердость. Де Гроот, Хугербитс и двое других[стр.133] были назначены, и они сразу же отправились в Утрехт. Морис с делегацией Генеральных штатов и большой свитой покинул Гаагу лишь немногим позже Де Гроота и его спутников и прибыл в Утрехт вечером 25-го. Эта странная ситуация длилась несколько дней, и произошло много переговоров и несколько ожесточенных дискуссий. Ситуация еще больше осложнилась известием о том, что несогласные города Голландии также присылают делегацию. Эта новость произвела значительное впечатление на полковника Огла, командира *ваардгельдеров* в Утрехте, и его офицеров. Они уже колебались; теперь они видели, что сопротивление приказам Генеральных штатов было бы бесполезно. Принц, который собирал войска, теперь был полон решимости действовать. Его войска вошли в город вечером 31-го, а на следующее утро он приказал местным новобранцам сложить оружие. Они немедленно подчинились, и Морис овладел городом. Голландские комиссары и члены городского совета бежали. Морис назначил новый городской совет, полностью противоречащий Протестам; и в обеих ветвях Сословий были внесены изменения, чтобы обеспечить противоположное Протестам большинство, а вместе с ним и голосование провинции в Генеральных штатах за Национальный синод. Голландия теперь стояла в одиночестве, и с ее сопротивлением приходилось бороться еще более сурово, чем с утрехтским.

Протестующие города Голландии все еще выступали за сопротивление, и предпринимались попытки повлиять на штатгальтера, чтобы он не прибегал к крайним мерам. Однако Морис уже принял решение. 18 августа Генеральные штаты приняли резолюцию, требующую увольнения *Ваардгельдеров* в Голландии в течение двадцати четырех часов. Плакат был опубликован 20-го числа, и ему немедленно подчинились. Сословия Голландии были созваны на заседание 21-го числа, и им сразу же было предложено рассмотреть вопрос о Национальном синоде. Несколько дней спустя (28 августа) большинством Генеральных штатов без ведома депутатов Голландии была принята секретная резолюция об аресте Ольденбарневельдта, Де Гроота, Хугербитса и Леденбурга, секретаря сословий Утрехта, на том основании, что их действия во время беспорядков в Утрехте были опасны для государства. На следующий день Адвокат, направлявшийся на собрание Сословий, был арестован и помещен в изолятор временного содержания. Де Гроот, Хугербитс и Леденбург подверглись аналогичному обращению. После протеста Сословий заседание было отложено[стр.134] 30 сентября до 12 сентября, депутаты утверждали, что в этой чрезвычайной ситуации необходимо проконсультироваться со своими доверителями, но на самом деле потому, что внезапность удара повергла их в ужас. Это был благоразумный шаг, поскольку Морис был полон решимости провести чистку в Поместьях и городских советах Голландии, как он уже провел чистку в Утрехте. В сопровождении сильной охраны он ходил из города в город, меняя магистратуры, чтобы повсюду приводить к власти противников Протестов. В результате этого действия депутаты, присланные городами, также были заменены; и когда сословия встретились в следующий раз, сторонники Ольденбарневельдта и его политики исчезли. Была совершена мирная революция. Все возражения против созыва Синода были подавлены; и (9 ноября) Сословия вынесли вотум благодарности штатгальтеру за "заботу и верность", с которыми он выполнял трудную и необходимую обязанность.

Тем временем Ольденбарневельдт и другие заключенные были заключены в отдельные комнаты в Бинненхофе, и с ними обращались чрезмерно сурово. Им не разрешалось иметь никаких контактов с внешним миром, никаких книг, бумаги или письменных принадлежностей, а условия их заключения были такими, что наносили вред здоровью. Генеральные штаты назначили комиссию для допроса обвиняемых, и она приступила к своей работе в ноябре. Метод судебного разбирательства был несправедливым в высшей степени, даже если бы речь шла о борьбе с мерзкими преступниками. Обращение с Ольденбарневельдтом, в частности, было почти неприлично суровым. Престарелому государственному деятелю пришлось шестьдесят раз предстать перед комиссией, и его допрашивали и перекрестно допрашивали по каждому инциденту за сорок лет его правления и по каждой детали его частной жизни. Ему было разрешено не только не иметь юрисконсульта, но и запрещен доступ к каким-либо справочным книгам, к каким-либо бумагам или делать какие-либо заметки. Таким образом, была выражена надежда, что, полностью доверившись своей памяти, старик может впасть в противоречие с самим собой или сделать порочащие признания против самого себя. Де Грооту и Хугербитсу пришлось подвергнуться аналогичному, хотя и менее длительному, допросу. Это так подействовало на Леденбурга, что он покончил жизнь самоубийством.

Только 20 февраля 1619 года Генеральные штаты назначили чрезвычайный суд для судебного разбирательства над обвиняемым. Она состояла из двадцати четырех членов, из которых двенадцать были голландцами.[стр.135]

Нет необходимости говорить, что такой суд не имел юридического статуса; и тот факт, что почти все его члены были личными или политическими врагами Адвоката, является доказательством того, что разбирательство было судебным только по названию. Он был назначен не для суда, а для вынесения приговора заключенным. Ольденбарневельдт самым решительным образом протестовал против компетенции суда. Он был слугой сословий суверенной провинции Голландия, и только перед ними он нес ответственность. Он отказывал Генеральным штатам в каких-либо суверенных правах; они были просто собранием, представляющим ряд суверенных союзников. Это были смелые заявления, и они сопровождались абсолютным отрицанием выдвинутых против него обвинений. Это было совершенно бесполезно. Все заключенные были осуждены, сначала Де Гроот, затем Хугербитс, затем Ольденбарневельдт. Судебные процессы завершились 1 мая, но было решено отложить вынесение приговоров до закрытия Национального синода, который заседал в Дордрехте. Это произошло 9 мая.

Тем временем были предприняты решительные и влиятельные попытки добиться снисхождения. Французский посол Обри дю Морье во время судебного процесса сделал все возможное, чтобы обеспечить справедливое обращение с Адвокатом; а специальный посланник Шатийон был направлен из Парижа, чтобы выразить твердую веру французского короля в честность и патриотизм престарелого государственного деятеля, основанную на глубоком знании всех дипломатических процедур во время и после переговоров о перемирии. Но эти заявления не возымели никакого эффекта и действительно вызвали возмущение. Столь же бесплодными были усилия Луизы де Колиньи смягчить суровость отношения своего пасынка. Даже Уильям Льюис написал Морису, чтобы тот не действовал слишком жестко в этом вопросе. Все было напрасно. Сердце принца было закалено. Он продолжал спрашивать, ходатайствовал ли Адвокат или его семья о помиловании. Но Ольденбарневельдт был слишком горд, чтобы предпринять какой-либо шаг, подразумевающий признание вины; и все члены его семьи были так же твердо намерены, как и он, не молить о милости. Однако мало кто верил, что смертная

казнь будет приведена в исполнение. Однако в воскресенье, 12 мая, смертный приговор был торжественно вынесен, а на следующее утро голова великого государственного деятеля и патриота была отрублена на эшафоте, воздвигнутом в Бинненхофе прямо перед окнами резиденции Мориса. Последние слова адвоката были подтверждением его абсолютной невинности по обвинению в предательстве своей страны; и потомки одобрили это заявление.[стр.136]

В том, что Ольденбарневельдт в последние два года своей жизни вел себя нескромно и высокомерно, не может быть никаких сомнений. Долгое пребывание у власти сделало его нетерпимым к противоречиям; и, однажды взяв на себя обязательство придерживаться определенного курса действий, он решил довести его до конца, невзирая на противодействие, невзирая на последствия и с ограниченным упрямством характера, которое вызывало горькое негодование. Однако вся его переписка и личные бумаги были изъяты и тщательно изучены его личными врагами; и, если бы они нашли какие-либо доказательства, подтверждающие выдвинутые против него обвинения, это было бы опубликовано всему миру. Ясно, что не было обнаружено ни малейших таких доказательств и что Адвокат был совершенно невиновен в предательском поведении, за которое переполненный суд приговорил его к смертной казни. Такова была награда, которую Ольденбарневельдт получил за неоценимые заслуги перед своей страной на протяжении всей жизни. Он больше, чем кто-либо другой, был настоящим основателем Голландской республики; и то, что Морис согласился на этот жестокий и несправедливый приговор, останется неизгладимым пятном в памяти Мориса.

Де Грооту и Хугербитсу были вынесены пожизненные приговоры к тюремному заключению. Они были заключены в замок Левештайн. Условия содержания в плену были настолько смягчены, что знаменитому юристу разрешили получать книги для продолжения учебы. Благодаря изобретательности и смелости своей жены Де Гроот ухитрился сбежать в 1621 году, спрятавшись в сундуке, который, как предполагалось, был набит тяжелыми фолиантами. Сундук был доставлен по воде в Роттердам, откуда заключенному удалось благополучно добраться до Франции.

Одновременно с политическими процессами Национальный Синод продолжал свою работу в Дордрехте. 13 ноября под председательством Йоханнеса Богермана из Леувардена собралось более ста делегатов. Пятьдесят восемь делегатов были проповедниками, профессорами и старейшинами, избранными провинциальными синодами, пятнадцать были комиссарами, назначенными Генеральными штатами, двадцать восемь были членами иностранных реформатских церквей. Представители Англии и Шотландии приняли активное участие в разбирательстве. Синод постановил призвать протестующих направить депутацию для выступления в их защиту. Соответственно, 6 декабря группа из двенадцати ведущих протестантов во главе с Симоном Епископием заняла свои места за столом лицом к собранию. Епископий произнес[стр.137] длинную речь на латыни, занявшую девять заседаний. Однако его красноречие было потрачено впустую в суде, который уже предрешил дело, за которое он выступал. После долгих споров и взаимных обвинений Богерман приказал протестующим удалиться. Они сделали это только для того, чтобы собраться на "антисинод" в Роттердаме, на котором было отказано в полномочиях ассамблеи Дордрехта выносить решения по вопросам веры. Тем временем протестующие богословы в Дордрехте в ходе многих утомительных заседаний приступили к составлению серии канонов, определяющих истинную реформатскую доктрину и категорически осуждающих, как ложные и еретические, пять пунктов, изложенных в

Протесте. 1 мая Нидерландское исповедание и Гейдельбергский катехизис были единогласно приняты как соответствующие Священному Писанию и устанавливающие стандарт православного учения. Синод был распущен восемь дней спустя. Заключительная сессия была 154-й; и это большое собрание делегатов из многих стран, самое близкое к генеральному совету протестантских церквей, которое когда-либо проводилось, завершилось среди большого праздника и немалых поздравлений. Доминирующая партия, не теряя времени, предприняла действия против своих оппонентов. Двести протестующих проповедников были отправлены в изгнание, а с конгрегациями обращались в том же духе нетерпимости, который до сих пор был уделом католиков, и им было запрещено совершать публичные богослужения.

После смерти Адвоката, за исключением преследований, направленных против Протестующей партии, ход государственных дел шел гладко. Морис, который после смерти своего брата Филиппа Уильяма в феврале 1618 года стал принцем Оранским, был фактически сувереном Соединенных провинций. Его имя фигурировало в договорах с восточными властями и в дипломатических депешах, точно так же, как если бы он был правящим монархом; а о народе Нидерландов даже иногда говорили как о его подданных. Но Морис никогда не заботился о деталях политики, и теперь он оставил управление делами в руках нескольких человек, которым он мог доверять, в частности, Фрэнсиса ван Эрссенса (отныне широко известного как лорд Соммельсдейк) и Рейнера Пау, влиятельного бургомистра Амстердама. Эрссенс показал себя злобным и мстительным в своем поведении по отношению к своему прежнему покровителю Ольденбарневельдту, но, будучи умным дипломатом и одаренным значительной государственной мудростью, с тех пор он стал на многие годы советником и доверенным лицом не только Мориса, но и его преемника Фредерика Генриха.

1620 год ознаменовался внезапной смертью в июне Уильяма Льюиса, штатгальтера Фрисландии. Морис очень сожалел о его потере, который в течение многих лет привык полагаться на испытанный опыт и здравые суждения своего кузена как в мирное, так и в военное время. Несколькими месяцами ранее (в марте) Луиза де Колиньи скончалась в Фонтенбло. Она тоже с юности была мудрой советчицей своего пасынка, но была глубоко опечалена судьбой Ольденбарневельдта и после его казни покинула Нидерланды, чтобы поселиться в своей родной стране. После смерти Уильяма Льюиса два штатхолдера - Гронинген с Дренте и Фрисландия - стали вакантными. Морис унаследовал титул Гронингена, но фрисландцы остались верны дому Нассау-Зиген и избрали своим штатгальтером Эрнеста Казимира, младшего брата Уильяма Льюиса.

ОТ ОКОНЧАНИЯ ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕГО ПЕРЕМИРИЯ ДО МЮНСТЕРСКОГО МИРА (1621-1648). ШТАТГАЛЬТЕРСТВО ФРЕДЕРИКА ГЕНРИХА ОРАНСКОГО

Гражданские беспорядки и религиозные преследования были не единственными причинами беспокойства политических лидеров Соединенных провинций во время кризиса 1618-19 годов; внешние дела также принимали угрожающий характер. В 1618 году в Германии началась Тридцатилетняя война. Принятие короны Богемии Фридрихом, курфюрстом палатинским, означало, что долгожданная борьба за господство между католиками и протестантами должна была быть прекращена; и это была борьба, за которой ни Испания, ни Нидерланды не могли наблюдать равнодушно. Морис полностью осознавал необходимость усиления обороны восточной границы, и Генеральные штаты предоставили субсидии Фридриху, а также некоторым более мелким немецким князьям. Эта поддержка была бы более масштабной, но неожиданный отказ Якова I оказать помощь своему зятю заставил голландцев усомниться в своей позиции. Штаты, хотя и были дружественными, не желали связывать себя обязательствами. Однако весной 1620 года, с разрешения Джеймса, английские полки на голландской службе под командованием сэра Горация Вири были отправлены противостоять вторжению Спинолы в Рейнскую область. Сопровождаемые голландским войском под командованием Фридриха Генриха, они достигли Пфальца, но было слишком поздно. Вскоре судьба короля Богемии должна была решиться не в его наследственных владениях, а в другом месте. Потерпев полное поражение в битве при Праге, Фридрих со своей женой и семьей бежал в Голландию, чтобы искать защиты у своего двоюродного брата, принца Оранского. С его стороны к ним было самое щедрое отношение, и они на долгие годы превратили Гаагу в дом своего изгнания.

По мере приближения даты окончания Двенадцатилетнего перемирия были предприняты определенные усилия по предотвращению войны. В Соединенных провинциях были сторонники мира, особенно в Гелдерланде и Оверисселе, двух провинциях, наиболее подверженных вторжению.[стр.140]

Эрцгерцоги не имели желания возобновлять военные действия; и Пеквиниус, канцлер Брабанта, был направлен в Гаагу для переговоров с Маврикием и был уполномочен выдвинуть определенные условия для заключения мира. Однако эти условия оказались совершенно неприемлемыми, и ранним летом 1621 года Морис и Спинола снова вышли на поле боя во главе соперничающих армий. Однако эти операции были медленными и безрезультатными. Штатгальтер сейчас и во время своих последних кампаний физически уже не был тем человеком, что в те дни, когда его умелое командование спасло голландскую республику от свержения; он утратил блестящую энергию молодости. Гибель в течение того же 1621 года эрцгерцога Альберта и Филиппа III Испанского также стала препятствием для энергичного ведения войны. В 1622 году было много маршей и контрмаршей, и Морису удалось

вынудить Спинолу снять осаду Берген-оп-Зома, что стало последним успехом, которого ему было суждено добиться. В течение этого года жизнь принца находилась в серьезной опасности. Был составлен заговор с целью убить его по пути в Рисвик, главным заговорщиком был Уильям ван Стаутенберг, младший сын Ольденбарневельдта. Стаутенберг в 1619 году был лишен своих должностей, а его имущество конфисковано, и он хотел отомстить за смерть своего отца и свои собственные увечья. Заговор был раскрыт, но Стаутенбергу удалось бежать и поступить на службу к эрцгерцогине Изабелле. К несчастью, он вовлек в этот заговор своего старшего брата Ренье, лорда Грюневельдта. Грюневельдт был схвачен и возведен на эшафот.

С этого времени ничто, кроме несчастий, не преследовало Мориса, здоровье которого начало сдавать под тяжестью военной кампании. В 1623 году тщательно спланированная экспедиция против Антверпена, которая, как он с уверенностью ожидал, увенчается успехом, была сорвана продолжительной штормовой погодой. В следующем году Спинола осадил Бреду. В этом сильно укрепленном городе, родовом владении принцев Оранских, имелся гарнизон численностью в 7000 человек. Быстро продвигавшийся испанский командующий полностью окружил его. Морис, который проводил операции на восточной границе, теперь поспешил в Бреду и сделал все возможное, перекрыв собственные поставки Спиноле, чтобы вынудить его снять блокаду. Однако все его усилия потерпели неудачу, и, продержавшись много месяцев, Бреда сдался. Весной 1625 года принц настолько серьезно заболел, что попросил Генеральные штаты назначить его брата главнокомандующим вместо себя. Чувствуя приближение своего конца, Морис главным желанием Мориса было увидеть Фредерика Генри женатым перед его смертью. Фредерик Генри, как и сам Морис, никогда не проявлял склонности к браку, и в семье не было наследника. Однако его привлекла графиня Амалия фон Сольмс, дама из свиты Елизаветы Богемской. Под давлением умирающего были быстро организованы предварительные приготовления, и свадьба была тихо отпразднована 4 апреля. Несмотря на столь поспешное заключение, брак оказался во всех отношениях по-настоящему счастливым. Амалии предстояло на протяжении всей своей жизни быть мудрым советчиком своего мужа и оказывать немалое влияние на ведение государственных дел. Морис умер 23 апреля на пятьдесят восьмом году жизни. Сорок лет непрерывного и напряженного служения государству преждевременно состарили его; и нет никаких сомнений в том, что ужасные тревоги кризиса 1618-1619 годов сказались на нем. Прежде всего, его терзало чувство раскаяния за то, что он участвовал в трагедии смерти Ольденбарневельдта.

Новый принц Оранский занял трудное положение, но он был наделен всеми качествами настоящего лидера мужчин. Сорока одного года от роду, с детства воспитанный в лагерях под присмотром своего брата, Фридрих Генрих теперь должен был показать, что он один из самых выдающихся мастеров военного искусства, и особенно осадного дела, в эпоху знаменитых полководцев, поскольку Бернард Саксен-Веймарский, Торстенсон, Тюренн, Карл Густав и Великий Курфюрст - все они прошли обучение в его школе. Однако он был гораздо большим, чем просто опытным и находчивым полевым командиром. Он во многом унаследовал осторожность и тактичность своего отца, государственную мудрость и дипломатические способности. Более того, он был заслуженно популярен. Он был голландцем по рождению и воспитанию, и его красивое лицо, рыцарская осанка и примирительный добродушный нрав снискали ему влияние, которое на несколько лет обеспечило ему почти бесспорное господство в государстве. Цитируя слова современника Ван дер Капеллена, "принц действительно распоряжался всем по своему усмотрению; все подчинялось его слову".

Должности и почетные звания, которые занимал Морис, были немедленно переданы Фредерику Генри. Он был избран штатгальтером Голландии, Зеландии, Утрехта, Гелдерланда и Оверисселя, а также назначен генерал-капитаном и генерал-адмиралом Союза и главой Государственного совета[стр.142]. Практически всю свою жизнь принц проводил значительную часть года в лагере, но он мог все время оставаться в курсе внутренних дел и осуществлять постоянный надзор за внешней политикой государства с помощью своей жены и благодаря услугам Фрэнсиса ван Эрссенса. Двор принцессы Оранской, украшенный присутствием изгнанных короля и королевы Богемии, был блестящим и роскошным и придавал реальности власти, которой обладал штатгальтер, больше, чем видимость суверенной помпезности. Во время отсутствия мужа она не жалела усилий, чтобы держать его в курсе всех течений и подоплеки действий и мнений в Гааге, и была не только способна дать дельный совет, но и вполне готова, когда возникнет необходимость, ответить интригой на интригу и пресечь любые движения или планы, противоречащие политике или авторитету принца. Обязательства Фредерика Генриха перед Эрссенсом были еще больше. Штатгальтер поначалу с подозрением относился к этому человеку, которого он невзлюбил за ведущую роль, которую тот сыграл против Ольденбарневельдта. Но он не позволил личным предрассудкам помешать ему нанять дипломата с опытом и способностями Аэрссенса, и, познакомившись поближе, он научился относиться к нему не просто как к умному и рассудительному советнику, но и как к близкому другу.

Правильное ведение иностранных дел имело особое значение в тот момент, когда Фридрих Генрих стал штатгальтером, поскольку смена *режима* произошла почти одновременно как во Франции, так и в Англии. В Париже кардинал Ришелье только что крепко взял бразды правления в свои руки, а робкий и слабый Яков I умер осенью 1625 года. Ришелье и Карл I оба были враждебны Испании, и у республики были основания надеяться на нечто большее, чем дружественный нейтралитет в ближайшие годы борьбы с объединенными силами двух габсбургских монархий.

Одной из главных трудностей, с которыми столкнулся новый штатгальтер, был религиозный вопрос. Сам принц, как было хорошо известно, был склонен возражать. Однако он стремился не раздувать тлеющие угли сектантской розни и не предпринимал никаких попыток отозвать плакаты с протестами, а ограничился тем, что на практике смягчил их суровость. Он отозвал из ссылки Ван дер Майла, зятя Ольденбарневельдта; сделал Николаса ван Рейгерсберга, шурина Де Гроота, членом совета; и освободил Хугербитса из его плена[стр.143] в Левештейне. Однако, когда сам Де Гроот, полагаясь на добрую волю штатгальтера, рискнул вернуться в Голландию без разрешения, принц отказался принять его, и ему было приказано снова покинуть страну.

1626 год не был отмечен никакими событиями военного значения; обе стороны испытывали нехватку средств, и никаких наступательных операций не предпринималось. Большая радость, однако, сопровождала рождение сына и наследника у принца Оранского 27 мая. Ребенок получил имя Уильям. В начале следующего года сэр Дадли Карлтон, как чрезвычайный посланник короля Карла I, наградил Фредерика Генри в Гааге орденом Подвязки. Однако это высокое отличие не было признаком действительно более дружественных отношений между двумя странами. Давние споры относительно прав на рыболовство в узком море и на Шпицбергене, а также относительно сфер торговли в Ост-Индском архипелаге оставались неурегулированными; и в неудачной и необдуманной войне, разразившейся в это время между Англией и Францией, симпатии Штатов были на стороне последней. Дипломатическими

усилиями Ришелье и Эрссенса уже были прочно установлены те тесные отношения между Францией и Голландией, которым в течение следующего десятилетия предстояло стать одним из доминирующих факторов, определивших исход Тридцатилетней войны. Франция предоставила Штатам крупную субсидию, с помощью которой штатгальтер получил возможность выступить на поле боя во главе действительно прекрасной армии и продемонстрировать миру свои военные способности. На протяжении всего своего штатхолдерства настойчивой целью, которую Фридрих Генрих ставил перед собой, никогда не была агрессия с целью завоевания, но создание научно обоснованной границы, прикрытой мощными крепостями, внутри которых равнинные земли за оборонительными линиями великих рек могли чувствовать себя в достаточной безопасности от внезапного нападения. Именно с этой целью в 1629 году он решил осадить город Хертогенбос. Для этого предприятия были собраны силы в 24 000 пехотинцев и 4000 кавалеристов. Она состояла из представителей многих национальностей, как и все армии, которыми командовали Морис и Фредерик Генри, но была восхитительно дисциплинированной и преданной своему командиру. Четыре английских, три шотландских и четыре французских полка, все отборные войска, набранные с разрешения своих государей для службы Штатам, составляли костяк вооруженных сил. 30 апреля город был захвачен.[стр.144]

Хертогенбос, или Буа-ле-дюк, был сильно укреплен и настолько окружен болотистой местностью, пересеченной множеством небольших ручьев, что единственным путем подхода для осаждающих была единственная дамба, защищенная фортами Святой Изабеллы и Святого Антония. Гарнизон состоял из 8000 человек, а губернатор Гробендонк был опытным и решительным солдатом.

Владелец стадиона начал с того, что окружил город двойной линией ограждения. Болота были пересечены дамбами, а два ручья перекрыты плотинами, чтобы заполнить широкий глубокий ров вокруг линий и затопить местность снаружи. Другие линии длиной в три мили соединяли линии инвестирования с деревней Кревеккер на Маасе, базой снабжения Фредерика Генри, которое доставлялось по воде из Голландии. Эти работы были завершены, подходы к фортам Святого Антония и Святой Изабеллы были немедленно открыты, и эта задача была возложена на английские и французские войска. Теперь брюссельский суд начал принимать серьезные меры по освобождению города. Поначалу, считая *Болдук-ла-пусель* неприступным, они были рады услышать, что принц посвятил себя предприятию, которое наверняка обернется печальным провалом. Затем пришло известие о обходе, а вместе с ним и тревога. Поэтому графу де Бергу было приказано (17 июня) во главе армии численностью 30 000 пеших и 7000 всадников продвинуться в Северный Брабант и снять осаду. Но штатгальтер был подготовлен и постоянно настороже; и испанский генерал после нескольких тщетных попыток нашел голландские позиции неприступными. Намереваясь вынудить Фридриха Генриха последовать за ним, Берг теперь двинулся маршем в сердце Соединенных провинций, опустошая их огнем и мечом, взял Амерсфорт и угрожал Амстердаму. Но принц ограничился отправкой небольшого отдельного наблюдательного отряда; а тем временем удачный удар, благодаря которому некий полковник Диден застал врасплох и захватил важную пограничную крепость Везель, вынудил испанцев отступить, поскольку Везель был складом припасов и амуниции Берга.

Пока все это происходило, принц Оранский продвигал осадные работы. 17 июля форты Святой Изабеллы и Святого Антония были взяты штурмом. Атака на главные укрепления, в которой особенно отличились английские полки, теперь велась с удвоенной энергией. Сопротивление

на каждом шагу было отчаянным, но, наконец, ров был[стр.145] перейден, и внутри стен было устроено укрытие. 14 сентября Хертогенбос сдался, и с тех пор крепость Виргиния стала оплотом Соединенных провинций против нападения испании с этой стороны. Непревзойденное инженерное мастерство, с которым были осуществлены инвестиции, привлекло внимание всей Европы к этой знаменитой осаде. Это был знаменательный триумф, который значительно повысил популярность и влияние штатгальтера в республике.

Это было необходимо. Поместья Голландии в это время снова стали непокорными. Интересы этой огромной торговой и морской провинции отличались от интересов других провинций Союза, и она несла финансовое бремя большее, чем все остальные, вместе взятые. Сословия, находившиеся в то время под руководством Адриана Пау, влиятельного амстердамского пенсионария, отказались повысить квоту налогообложения, выделяемую провинции на военные нужды, и приступили к роспуску ряда войск, находившихся у них на содержании. Вразрез с этим действием они отказались рассматривать некоторые предложения о мире, выдвинутые инфантой Изабеллой, поскольку они ничего не дали бы в вопросах свободы вероисповедания или свободы торговли в Индии. Однако их пренебрежение поставками необходимых для войны припасов помешало принцу предпринять какие-либо серьезные военные операции в 1630 году. К счастью, другая сторона была не в лучшем финансовом положении, в то время как смерть Спинолы и уход графа де Берга с испанской службы лишили их единственных двух компетентных генералов. Такая позиция Холланда, хотя и срывала планы штадхолдера и поддерживалась вопреки его желаниям, ни в коем случае, однако, не подразумевала какого-либо недоверия к нему или отсутствия уверенности в его руководстве. Это было окончательно доказано принятием, по инициативе Голландии, *Акта о выживании* (19 апреля 1631 г.). Этот закон объявлял все различные должности, занимаемые принцем, наследственными в лице его пятилетнего сына. Таким образом, он стал конституционным сувереном во всем, кроме названия.

Экспедиция, запланированная для захвата Дюнкерка в это время, весной 1631 года, оказалась слишком опасной и была заброшена, но позже в том же году голландские моряки подали сигнал, доказывающий их превосходство на море. Воодушевленное провалом попытки нападения на Дюнкерк, правительство в Брюсселе решилось на контрудар. Флотилия из 35 фрегатов, сопровождаемая большим количеством небольших судов для перевозки припасов и боеприпасов и имеющая на борту 6000 солдат, отплыла из Антверпена под командованием[стр.146] графа Джона Нассауского (двоюродного брата штатгальтера) и в присутствии самой Изабеллы, чтобы осуществить завоевание некоторых зеландских островов. Как только новость достигла Фредерика Генриха, отряды войск были немедленно отправлены в различные пункты; около дюжины судов были быстро снаряжены и получили приказ следовать за врагом и, по возможности, привести его в действие. Высадка в Терсхолене была сорвана полковником Морганом, который во главе 2000 английских солдат вовремя перешел вброд неглубокое устье реки, чтобы предотвратить высадку десанта. Наконец (12 сентября) голландским кораблям удалось поравняться со своими противниками в проливе Слаак близ острова Толен. Он сразу же атаковали и, хотя сильно уступали в численности, одержали полную победу. Графу Джону Нассаускому только что удалось сбежать, но его флот был уничтожен, а 5000 человек взяты в плен.

1632 год стал свидетелем возобновления военных действий и запомнился знаменитой осадой и взятием Маэстрихта. Эта крепость занимала такое же господствующее положение на восточной

границе, как Хертогенбос на южной; и, хотя ее естественное положение было не таким сильным, как у столицы Северного Брабанта, Маэстрихта, поскольку она располагалась по обе стороны широкого Мааса и была сильно укреплена и имела гарнизоны, взять ее было очень трудно. Штатгальтер во главе отряда в 17 000 пехотинцев и 4000 всадников сначала овладел Венлоо и Реремонде, а затем двинулся на Маэстрихт. К сожалению, еще до Реремонда был убит Эрнест Казимир, храбрый штатгальтер Фрисландии и Гронингена. Ему наследовал его сын Генрих Казимир. Прибыв (10 июня) к Местрихту, Фредерик Генрих приступил к возведению сильно укрепленных линий обхода вокруг города, соединив их мостами выше и ниже города. Припасы доставлялись ему в изобилии по реке. Английскому и французскому полкам снова было отведено почетное место в атаке. Все шло хорошо до 2 июля, когда дон Гонсалес де Кордова привел превосходящие силы испании из Германии, состоящие из 18 000 пеших и 6000 всадников, чтобы снять осаду, и расположился лагерем недалеко от голландских позиций на южном берегу реки. Не найдя, однако, уязвимого места, он ожидал прибытия в начале августа империалистической армии численностью 12 000 пехотинцев и 4000 всадников под командованием знаменитого Паппенгейма. Этот порывистый лидер решился на штурм, и голландские укрепления были атакованы внезапно с большой энергией в тот момент, когда принц лежал с[стр.147] подагрой. Однако он поднялся со своей постели, лично посетил все опасные места, и после отчаянных боев нападавшие были наконец отброшены с большими потерями. Испанцы и империалисты, обнаружив, что оборону штадгольдеров невозможно форсировать, установили блокаду, так что осаждающие сами оказались в осаде. Но Фредерик Генрих накопил такие обильные запасы боеприпасов и провизии, что не обратил внимания на перерезание коммуникаций и с предельной быстротой продвигался вперед. Все трудности были преодолены благодаря инженерному мастерству научного руководителя, и, наконец, под широким сухим рвом перед городскими стенами были проложены два туннеля глубиной шестьдесят футов. Английские полки во время этих операций приняли на себя основную тяжесть боевых действий и понесли тяжелые потери: полковники Харвуд и граф Оксфорд были убиты, а полковник Морган опасно ранен. После взрыва мины жалкая надежда из пятидесяти английских солдат выбежала из одного из туннелей и прочно закрепилась на крепостном валу. За ними последовали другие, и гарнизон, опасаясь, что дальнейшее сопротивление может повлечь за собой разграбление города, сдался (23 августа) с боевыми почестями.

Одним из результатов падения Маэстрихта стало возобновление эрцгерцогиней Изабеллой переговоров о мире или длительном перемирии. Судя по мемуарам Фредерика Генри, условия, впервые предложенные ему в лагере, были благоприятными и могли быть приняты. Однако, когда обсуждение было перенесено в Гаагу, позиция бельгийских представителей ужесточилась. Далеко ходить не пришлось, ибо 6 ноября 1632 года неизменно победоносный Густав Адольф пал в час триумфа в роковой битве при Лютцене. Смерть шведского героя нанесла серьезный удар по протестантскому делу и придала силы отчаявшемуся католическому союзу. Переговоры, однако, тянулись медленно, главным предметом разногласий был старый спор о свободе торговли в Индии. По этому пункту соглашение было невозможно. Испания не уступит ни в чем из своих притязаний, а голландцы и слышать не хотели ни о каких уступках, которые угрожали бы процветанию Восточно- и Западно-Индийских компаний, в которых были глубоко заинтересованы так много купцов и инвесторов. Любое признание испанской монополии или права исключения привело бы к разорению тысяч людей. Дипломатические переговоры, однако, продолжались в течение многих месяцев в отрывочной и несколько бесполезной манере; а тем временем[стр.148] хотя военные действия фактически не

прекращались, кампания 1633 года велась вяло. Смерть Изабеллы 29 ноября 1633 года окончательно разрушила все надежды партии мира в Провинциях (поскольку там была сильная партия мира) на достижение какого-либо удовлетворительного соглашения. Со смертью эрцгерцогини, которая была мудрой и милосердной правительницей и пользовалась уважением не только своих подданных, но и многих северян, бельгийские провинции вернулись к короне Испании и перешли под прямое правление Филиппа IV. Кардинал-инфант Фердинанд, только что одержавший сокрушительную победу над шведами при Нердлингене, прибыл в качестве губернатора в Брюссель в 1634 году во главе значительных испанских сил, и активное возобновление войны в 1635 году было явно неминуемо.

В этих обстоятельствах Фридрих Генрих решил вступить в переговоры с Францией о заключении наступательного и оборонительного союза против Испании, общего врага. Ему пришлось столкнуться со многими трудностями. Сословия Голландии, хотя и выступали против условий, фактически предложенных брюссельским правительством, также были не склонны предпринимать какие-либо шаги, которые закрывали дверь надеждам на мир. Ришелье, со своей стороны, хотя и был готов, как и прежде, предоставлять субсидии и разрешить набор французских полков на голландскую службу, воздерживался от того, чтобы принуждать Францию к открытой поддержке протестантской стороны против католических держав. Штатгальтера, однако, не остановили препятствия на его пути, и дипломатическое искусство и ловкость Эрссенса, подкрепленные его собственным тактом и твердостью воли, преодолели сомнения Ришелье. Противодействие сословий Голландии, без согласия которых ни один международный договор не мог быть ратифицирован, было также преодолено. Адриан Поу, их лидер, был отправлен со специальным посольством в Париж, и в его отсутствие его влияние было подорвано, и Джейкоб Котс был назначен советником-пенсинарием вместо него. Весной 1635 года между Францией и Соединенными провинциями был заключен прочный союз, по которому было решено, что ни одна из держав не должна заключать мир без согласия другой, при этом каждая из них сохраняла полевые силы численностью 25 000 пехотинцев и 5000 всадников и делила между собой завоевания в Южных Нидерландах. Этот договор был заключен с согласия и решительного одобрения шведского канцлера Оксеншерны и, вероятно, оказал решающее влияние на исход Тридцатилетней войны.[стр.149]

Таким образом, ранней весной 1635 года французские войска вошли в Нидерланды и, разгромив принца Томаса Савойского при Намюре, присоединились к голландской армии при Маэстрихте. Людовик XIII дал указания французским командующим, Шатийону и де Брезе, подчиниться приказам принца Оранского; и Фридрих Генрих во главе 32 000 пехотинцев и 9000 всадников вступил на территорию противника и продвинулся к окрестностям Лувена. Однако здесь из-за вспышки болезней среди его войск, нехватки припасов и разногласий со своими французскими коллегами принц решил отступить. Его действия привели к серьезным результатам. Его противник, кардинал-инфант Фердинанд, был осторожным и умелым генералом. Теперь он воспользовался представившейся возможностью, быстро овладел Диестом, Геннепом, Гохом и Лимбургом и захватил врасплох важный форт Шенк на слиянии Ваала и Рейна. Раздосадованный потерей крепости, охранявшей два главных водных пути страны, штатгальтер немедленно осадил Шенк. Но испанский гарнизон упрямо держался всю зиму и не сдавался до 26 апреля 1636 года. Голландская армия сильно пострадала от переохлаждения и болезней во время этой длительной операции и была вынуждена на несколько месяцев воздержаться от активных операций. Вслед за этим Фердинанд, как только увидел, что непосредственной опасности нападения с севера нет, решил отомстить французам

за ту роль, которую они сыграли в кампании предыдущего года. Подкрепленный отрядом империалистических войск под командованием Пикколомини, он вступил во Францию и опустошил страну почти до ворот Парижа. Этот смелый удар полностью расстроил любые планы, которые союзники могли составить для совместных действий в конце лета.

В следующем году Штаты решили, несколько вопреки желанию Фредерика Генри, отправить экспедицию во Фландрию для захвата Дюнкерка. Это было сделано по просьбе французского посла Шарнаке, действующего по указанию Ришелье, который пообещал помощь 5000 французских солдат и обязался, в случае взятия города, оставить его во владении голландцев. Соответственно, штатгальтер собрал (7 мая) армию в 14 000 пехотинцев и значительный кавалерийский корпус в Раммекенсе, где находился флот, готовый к их отправке во Фландрию. Однако встречные ветры продолжали устойчиво дуть в течение многих недель, не давая никакой возможности выйти в море. Наконец, утомленный долгим[стр.150] бездействием и сопутствующей ему болезнью, принц (20 июля) внезапно свернул свой лагерь и двинулся на Бреду. Спинола, захватив Бреду в 1625 году, значительно укрепил ее оборону; и теперь, с гарнизоном в 4000 человек под командованием решительного командира, считалось, что она защищена от любого нападения. Осада была повторением осады Хертогенбоса и Маэстрихта. Тщетно кардинал-инфант с мощными силами пытался прорваться через линии обхода, которые принц соорудил со своим обычным мастерством. Отозванный французским вторжением на юг, он был вынужден оставить Бреду на произвол судьбы. Город сдался 10 октября.

В течение 1637 и 1638 годов постоянно повторяющиеся разногласия между провинцией Голландия и обществом вновь обострились. Провинциальные сословия настаивали на своих суверенных правах и отказывались признавать полномочия Генеральных штатов взимать с них налоги. Это противодействие Голландии было большой помехой принцу в ведении войны и причиняло ему постоянную тревогу. Было невозможно спланировать или провести кампанию без принятия надлежащих мер по оплате и содержанию вооруженных и военно-морских сил, и это зависело от вклада Голландии. Главным нарушителем был Амстердам. Однажды депутация, отправленная в Амстердам от Генеральных штатов, была попросту проигнорирована. Бургомистр отказался созвать совет, и членам депутации пришлось вернуться без аудиенции. Все попытки принца убедить непокорный город рассмотреть его предложения в разумном и патриотическом духе не увенчались успехом; они были оскорбительно отвергнуты. Сообщается, что в своем негодовании Фредерик Генрих воскликнул: "У меня нет большего врага, но если бы только я мог взять Антверпен, это привело бы их в чувство".

Огромное и растущее процветание Амстердама в то время действительно было связано главным образом с падением Антверпена с его высокого положения. Отвоевание Антверпена действительно долгое время было любимым проектом Фредерика Генриха. В 1638 году он тщательно и всесторонне подготовился к его осуществлению. Но этому не суждено было сбыться. Неудача в этом году преследовала его по пятам. Наступление было предпринято двумя отрядами. Более многочисленный под командованием принца должен был двинуться прямо на Антверпен. Второй отряд из 6000 человек под командованием графа Вильгельма Нассауского получил указание захватить некоторые отдаленные оборонительные сооружения на Шельде, прежде чем присоединиться к основным силам перед городом. Граф Вильгельм начал хорошо,[стр.151] но, услышав ложный слух о том, что флот плывет вверх по Шельде, чтобы перехватить его сообщения, он поспешно отступил. Пока в его рядах царил беспорядок, он был

застигнут врасплох атакой испанцев, и практически все его силы были разбиты вдребезги. Услышав об этой катастрофе, у штатгальтера не было иного выхода, кроме как снять осаду.

Постоянные походы и год за годом подвергание тяготам лагерной жизни начали в это время серьезно сказываться на здоровье штатгальтера. Его сильно беспокоили приступы подагры, которые часто мешали ему занять свое место на поле боя. В 1639 году не произошло никаких важных военных событий, тем не менее этот год стал памятным в летописях голландской республики.

Это был год битвы при Даунсе. Испания приложила огромные усилия, чтобы восстановить свое военно-морское господство в узких морях, и лучший флот, покидавший гавани полуострова с 1588 года, прибыл в Ла-Манш в сентябре 1639 года. Он состоял из семидесяти семи судов, на борту которых находилось 24 000 человек, матросов и солдат, и находился под командованием опытного и способного моряка адмирала Окендо. Ему было приказано отогнать голландский флот от Ла-Манша и высадить 10 000 человек в Дюнkerке в качестве подкрепления для кардинала-инфанта. Адмирал Тромп в течение нескольких недель курсировал вверх и вниз по Ла-Маншу в поисках испанцев, и 16 сентября он заметил армаду. С ним было всего тринадцать кораблей, большая часть его флота была выделена для наблюдения за Дюнkerком. Однако Тромп со смелостью, которую можно было бы счесть безрассудством, немедленно атаковал врага, причем с такой яростью, что испанский флот укрылся с подветренной стороны Даунса и бросил якорь рядом с английской эскадрой под командованием вице-адмирала Пеннингтона. Присоединившись к семнадцати кораблям, прибывшим из-под Дюнkerка, голландский адмирал теперь довольствовался неусыпной блокадой до тех пор, пока к нему не придут дополнительные подкрепления. Уважение, которое он внушил испанцам, было таким сильным, что не было предпринято никаких попыток прорвать блокаду; а тем временем Тромп отправил срочные послания в Голландию, в которых просил принца Оранского и адмиралтейство направить все силы, чтобы предоставить ему как можно больше дополнительных кораблей. Запрос был встречен с готовностью и энтузиазмом. На всех верфях работа продолжалась с сменой людей днем и ночью. Менее чем через месяц Тромп оказался во главе 105-го отряда с двенадцатью брандерами. Это были корабли меньшего размера, чем у его противника,[стр.152] но их было более чем достаточно, чтобы обеспечить победу. 21 октября, после отряда вице-адмирала Витте де с 30 кораблями для наблюдения за эскадрой Пеннингтона, Тромп направился прямо на испанский флот, хотя тот находился в английских водах. Редко когда морской триумф был более полным. Под покровом тумана сам Окендо с семью кораблями бежал в Дюнkerк; все остальные были потоплены, сожжены или захвачены в плен. Говорят, что погибло 15 000 испанцев. На стороне голландцев было убито и ранено всего 100 человек. Испанская мощь на море потерпела удар, от которого так и не оправилась.

Карл I был очень разгневан, узнав, что английские корабли были вынуждены наблюдать, как флот дружественной державы уничтожался в английских водах у них на глазах. Король унаследовал от своего отца длинный ряд обид на голландцев, и, если бы он не был вовлечен в серьезные внутренние затруднения, вероятно, последовало бы объявление войны. Но финансы Чарльза не позволяли ему избрать смелый курс, и он также был втайне раздражен испанцами за то, что они воспользовались гостеприимством английских вод (как показывают письменные свидетельства) без его ведома и разрешения. Эрссенса отправили в Лондон, чтобы уладить это дело. Перед ним стояла нелегкая задача, но благодаря мастерству и терпению он ухитрился, несмотря на множество неблагоприятных влияний при дворе, настолько смягчить горькие

чувства, вызванные "скандалом в Даунсе", что Карл и его королева были готовы в первые месяцы 1640 года серьезно обсудить проект брака между единственным сыном штатгальтера и одной из английских принцесс. В январе специальный посланник Ян ван дер Керковен, лорд Хенвликта, присоединился к Эрссенсу с официальным предложением руки королевской принцессы; и после несколько сложных переговоров брак, наконец, был удовлетворительно оформлен. Церемония состоялась в Лондоне 12 мая 1641 года. Поскольку Уильяму было всего пятнадцать лет, а Марии, королевской принцессе, всего девять, жених вернулся в Голландию один, оставив малолетнюю невесту на некоторое время в Уайтхолле с ее родителями. Свадьба состоялась в зловещее время. Через десять дней после ее празднования Страффорд был казнен; и мрачная тень Великого Восстания уже нависла над злополучным Чарльзом. В трагической истории Дома Стюартов, которая заполняет следующие два десятилетия, пожалуй, нет более трогательной фигуры, чем Мария, мать Вильгельма III. В то время этот союз придал дополнительный блеск[стр.153] положению принца Оранского как дома, так и за границей, объединив его семью тесными узами родства с королевскими домами Англии и Франции.

В 1640 году, когда испанцы продолжали обороняться, штатгальтер вошел во Фландрию и форсированным маршем попытался захватить Брюгге. Его усилия, однако, были сорваны, как и более поздняя попытка захватить Халст, когда Фредерик Генри и Штаты понесли большие потери в результате смерти доблестного Генриха Казимира Нассауского, который был убит в случайной стычке в возрасте 29 лет. Это прискорбное событие привело к появлению вакансии в штатгальтерствах Фрисландии и Гронингена с Дренте. Ряд ревностных приверженцев Оранского дома теперь были озабочены тем, чтобы Фридрих Генрих занял вакантные должности, за исключением его двоюродного брата Вильгельма Фредерика, младшего брата Генриха Казимира. Они убеждали принца, который сам не желал смещать своего родственника, что для блага государства необходимо объединить власть в его лице; и, наконец, он выразил готовность принять эти должности, если его изберут. Результат последовавших несколько подлых интриг, в которых сам Фридрих Генрих не принимал участия, послужил любопытной иллюстрацией крайней ревности провинций ко всему, что они рассматривали как вмешательство извне в их дела. Генеральные штаты рискнули рекомендовать сословиям Фрисландии назначить принца Оранского; эта рекомендация была отклонена, и Вильгельм Фредерик стал штатгальтером. Фрисландцы, со своей стороны, послали депутацию в Гронинген в пользу Вильгельма Фредерика, и Гронинген-Дренте избрал принца Оранского. Этот спор на некоторое время вызвал отчуждение между двумя ветвями Дома Нассау, которое впоследствии было устранено браком штатгальтера Фрисландии с Альбертиной Агнес, дочерью Фредерика Генри. От этого союза ведет свое происхождение нынешняя королевская семья Голландии.

Военные операции 1641, 1642 и 1643 годов были затяжными и безликими. Обе стороны устали от войны и были довольны тем, что продолжали обороняться. Это, без сомнения, было в значительной степени связано с тем фактом, что смерть быстро унесла со сцены многих из тех, кто долгое время играл ведущие роли в политической истории того времени. Эрссенс умер вскоре после своего возвращения из успешной миссии в Англию осенью 1641 года; и почти в то же время скончался кардинал-инфант Фердинанд, который во время своего пребывания на посту генерал-губернатора проявил большие способности и благоразумие как государственный деятель и как полководец. В 1642 году, после восемнадцати лет почти автократического правления, Ришелье скончался, его смерть (4 декабря 1642 г.) прошла почти на полпути между смертью его врага, интриганки Марии Медичи (3 июля 1642 г.), и смертью ее сына, Людовика XIII (18 мая 1643 г.). Анна Австрийская, сестра короля Испании, стала регентом Франции; но это не

означало какого-либо изменения политики в отношении Соединенных провинций, поскольку кардинал Мазарини, который благодаря своему влиянию на регента унаследовал власть Ришелье, был учеником в школе этого великого государственного деятеля и пошел по его стопам. Более того, в тот же период разразившаяся гражданская война в Англии на какое-то время привела к тому, что эта страна была полностью поглощена своими собственными внутренними проблемами, и она утратила какой-либо вес в советах Западной Европы. Так случилось, что во внешних делах Соединенных провинций наступило своего рода затишье, и ее государственные деятели были вынуждены заново оценить свою позицию в создавшейся изменившейся ситуации.

Не то чтобы это означало, что эти годы были временем меньшего давления и беспокойства для принца Оранского. Его новые отношения с английской королевской семьей были для него источником трудностей. Генриетта Мария (март 1642 г.) приехала в Голландию, привезя с собой королевскую принцессу, и на целый год поселилась в Гааге. Она была принята с добротой и вежливостью не только штатгальтером и его семьей, но и народом Голландии в целом. Ее присутствие вместе с присутствием королевы Богемии при дворе принцессы Оранской придавало ему поистине царственное достоинство и величие, что было особенно приятно Амалии фон Сольмс. Но английская королева преследовала иные цели, помимо соображений вежливости. Она надеялась не просто заручиться симпатиями Фридриха Генриха к королевскому делу в гражданской войне в Англии, но и получить с его помощью поставки оружия и амуниции из Голландии для короля Карла. Но в этом она так и не преуспела. Парламент направил посланника Уильяма Стрикленда, чтобы противодействовать влиянию Генриетты Марии и представить Генеральным штатам, что он борется в защиту тех же принципов, которые привели к восстанию против Испании. Принц был слишком благоразумен, чтобы позволить своим личным склонностям взять верх над его политическими суждениями как практического государственного деятеля. Он знал, что общественное мнение в Соединенных[стр.155]

Провинции никогда ни в какой форме не санкционировали бы активную поддержку короля Карла против его парламента, и он не пытался этого сделать. Вмешательство ограничилось отправкой посольства в Англию с инструкциями выступить посредником между двумя сторонами. Когда несчастная королева обнаружила, что все ее усилия ради короля Карла были напрасны, она решила покинуть безопасное убежище, где ее так гостеприимно принимали, и вернуться к своему мужу. Она отплыла из Схевенингена 9 марта 1643 года и благополучно достигла королевского лагеря в Йорке.

Осенью этого, 1643 года, кардинал Мазарини направил в Гаагу двух специальных посланников; и одним из результатов их визита стало возобновление договора 1635 года, по которому Франция и Соединенные провинции заключили наступательный и оборонительный союз и согласились заключить мир только по взаимному согласию. Тем не менее Фредерик Генрих, которого многолетний опыт научил осторожности и дальновидности, с некоторых пор начал подозревать, что дальнейшее усиление Франции в южных Нидерландах выгодно для республики. Он видел, что Франция находится на подъеме, а Испания - в упадке, и у него не было никакого желания видеть Францию во владении территорией, граничащей с Соединенными Провинциями. Это чувство с его стороны, возможно, было причиной несколько замедленного характера его военных операций в 1641 и 1642 годах. Восстание Португалии против Испании в декабре 1640 года поначалу приветствовалось голландцами, но ненадолго.

Крупные и успешные операции Ост- и Вест-Индской компаний проводились главным образом за счет португальцев, а не испанцев. Большим препятствием на пути к миру с Испанией была уступка права на торговлю в Индии. Именно Португалия, а не Испания, теперь стояла на пути голландских купцов к получению этого права, поскольку испанское правительство, в своем стремлении подавить восстание, которое распространилось с полуострова на все португальские колонии, было вполне готово пожертвовать ими, чтобы обеспечить нейтралитет Нидерландов в Европе. Ослепительная победа французов под командованием молодого герцога Энгиенского над опытной испанской армией при Рокруа (май 1643 г.) также оказала свое влияние на умы принца. Обладая пророческим предвидением, он справедливо опасался, что Франция одержит слишком решительную победу. В ходе переговоров о всеобщем мире между всеми противоборствующими державами в ходе Тридцатилетней войны, которые медленно тянулись с 1643 по 1648 год, штатгальтер становился все более и более[стр. 156] убежден, что в интересах голландцев сохранить Испанию в качестве противовеса растущему могуществу Франции и обеспечить выгодные условия, которые Испания была бы готова предложить в случае крайней необходимости.

Однако поначалу тесные отношения с Францией не нарушались, и Фридрих-Генрих, хотя ему и мешало слабое здоровье, продемонстрировал в своих последних кампаниях все свое прежнее мастерство в осадном деле. Последовательно захватив Хертогенбос, Местрихт и Бреду, он обезопасил границы республики на юге и юго-востоке. Теперь он повернул к северо-западному углу Фландрии. В 1644 году он захватил сильно укрепленный пост Сас-ван-Гент, расположенный на реке Лей, канализированной реке, соединяющей Гент со Шельдой. В 1645 году он осадил и захватил город Хульст и, таким образом, получил в полное владение полосу территории к югу от Шельды, известную как Земля Ваэс, которая была защищена этими двумя опорными пунктами и которая с тех пор называется Голландской Фландрией.

Вскоре после капитуляции Халста полномочные послы Соединенных провинций отправились в путь (ноябрь 1645 г.), чтобы занять свои места на Мюнстерском конгрессе на равных условиях с представителями императора и королей Франции и Испании. Положение, завоеванное Голландской республикой среди европейских держав, было, таким образом, официально признано *де-факто* еще до того, как ее независимость была *де-юре* ратифицирована международным договором. Переговоры в Мюнстере продвигались медленно, поскольку предстояло решить так много острых вопросов. Тем временем, с полного одобрения принца, между Мадридом и Гаагой тайно велись переговоры с целью достижения отдельного соглашения, несмотря на четкие условия мирного договора 1635 года. Как только французам стало известно о том, что происходит, они, естественно, запротестовали и сделали все возможное, чтобы не допустить заключения договора за их спиной. Старые вопросы, которые оказались такими серьезными препятствиями на переговорах 1607-1609 годов, все еще были достаточно серьезными. Но ситуация была совсем иной в 1646-167 годах. Испанская монархия фактически находилась *на грани*. Португалия и Каталония были охвачены восстанием; французская армия перешла Пиренеи; казна была истощена. Мир с Голландской республикой был необходим; и, как уже было сказано, острый вопрос об Индии разрешился скорее в португальский, чем в испанский вопрос. Признавая голландские завоевания[стр.157] в Бразилии и в Индийском океане, они приобретали союзника, не теряя при этом ничего, чего они уже не потеряли из-за португальской декларации независимости. Но поскольку основа соглашения была на грани достижения, произошло событие, которое привело к задержке в разбирательстве.

Принц Оранский, долгое время страдавший от подагры, осенью 1646 года безнадежно заболел. Несколько месяцев он пребывал в непрерывных страданиях и умер 14 марта 1647 года. Незадолго до своей смерти он имел удовольствие стать свидетелем свадьбы своей дочери Луизы Генриетты с Фридрихом Вильгельмом Бранденбургским, впоследствии известным как Великий курфюрст. Однако ему не было суждено увидеть фактическое заключение мира, хотя он страстно желал этого. Однако Фредерик Генри мог, во всяком случае, чувствовать, что дело его жизни было полностью и успешно выполнено. Услуги, которые он оказал своей стране за двадцать два года своего президентства, трудно переоценить. Это период необычайного процветания и отличия, который вполне заслуживает названия, присвоенного ему голландскими историками, — "золотой век Фредерика Генриха". Тело штатгальтера было похоронено среди всеобщего плача и с почти царственной помпой рядом с телами его отца и брата в Новом Керке в Делфте.

Отстранение от должности личности, обладающей таким авторитетом и влиянием в это критическое время, было страшным несчастьем, поскольку в разных провинциях существовало множество пересекающихся политических течений и расхождений интересов между моряками, торговцами и другими слоями населения. Наконец, мастерство и настойчивость двух ведущих голландских полномочных представителей, Пау и Ван Кнуита, а также испанских посланников, Пеньяранды и Бруна, привели переговоры к успешному завершению. Необходимо было согласие всех провинций, и какое-то время Утрехт и Зеландия упорно сопротивлялись, но в конце концов их сопротивление было преодолено, и 30 января 1648 года Мюнстерский мирный договор был должным образом подписан. Великими ликованиями по всей стране было отмечено окончание войны за независимость, которая длилась восемьдесят лет. Таким образом, несмотря на торжественное обязательство, заключенное с Францией, с Испанией был заключен сепаратный мир в интересах Соединенных провинций. Их действия, несомненно, были политически мудрыми и оправданными, но, как и следовало ожидать, они вызвали чувство горечи, поскольку французы, естественно, расценили это как нарушение доверия. Мюнстерский мирный договор[стр.158] состоял из 79 статей, наиболее важными из которых были: король Испании признал Соединенные провинции свободными и независимыми землями; Генеральные штаты сохранили все свои завоевания в Брабанте, Лимбурге и Фландрии, так называемых землях Генеральства; также их завоевания в Бразилии и Ост-Индии были сделаны за счет Португалии; была признана свобода торговли как в Ост-, так и в Вест-Индии; Шельда была объявлена закрытой, что лишило Антверпен выхода к морю; Оранскому дому были переданы все его конфискованные земли. собственность была восстановлена, и, наконец, был заключен договор о торговле и мореплавании с Испанией. По всем пунктам голландцы добились всего и даже больше, чем могли надеяться.

ГЛАВА XI

ВОСТОЧНО- И ВЕСТ-ИНДСКИЕ КОМПАНИИ. КОММЕРЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Отчет об основании, учреждении и первых усилиях Голландской Ост-Индской компании уже был дан. Дата его устава (20 марта 1602 г.) была позже, чем у его английского конкурента (31 декабря 1600 г.), но на самом деле голландцы были первыми в этой области, поскольку за десятилетие, предшествовавшее выдаче устава, существовало несколько небольших компаний, конкурировавших друг с другом, которые, не ликвидируя эти компании, объединили их под названием *chambers* под общим управлением, the Council of Seventeen. Однако четыре палаты — Амстердам, Зеландия, Маас (Роттердам и Делфт) и Северный квартал (Энкхейзен и Хорн) — хотя и управлялись раздельно и имели разные сферы, постепенно становились все более и более объединенными благодаря растущей власти Семнадцати. Отчасти это было связано с доминирующим положением единой палаты Амстердама, которая владела половиной акций и назначила восемь членов совета. Создание такой компании с ее монополией на торговлю и ее огромными привилегиями, включая право содержать флот и вооруженные силы, заключать договоры и возводить форты, было не чем иным, как созданием *imperium in imperio*; и можно сказать, что она послужила образцом, по которому были сформированы все крупные чартерные компании более поздних времен. Английская Ост-Индская компания была почти незначительной по сравнению со своим голландским современником; с ее инвестированным капиталом в 30 000 фунтов стерлингов она была не в состоянии успешно бороться с конкурентом, который начинал с подписных фондов в размере 540 000 фунтов стерлингов.

Завоевание Португалии Испанией привело к разорению этой несчастной страны, ее обширной колониальной империи и обширной торговле. До 1581 года Лиссабон был крупным центром голландской транспортной торговли; и многие голландцы служили на португальских судах и были знакомы с маршрутами как в [стр.160] Ост-Индию, так и в Бразилию. Именно закрытие лиссабонского порта для голландских судов побудило предприимчивых купцов Амстердама и Мидделбурга заглянуть еще дальше. В первые годы семнадцатого века большое количество экспедиций вышло из голландских гаваней в Индийский океан и получило большую прибыль; акционерам компании были выплачены очень большие дивиденды. Насколько они соответствовали фактической прибыли, установить трудно, поскольку счета велись в разных бухгалтерских книгах; и есть серьезные подозрения, что размер дивидендов мог быть в какой-то степени фиктивным во времена, когда для привлечения займов требовалось расширенное кредитование. Ибо предприятие, которое начиналось как торговый концерн, быстро переросло в создание империи за рубежом, а это означало огромные расходы.

Малайский архипелаг был главной ареной ранней деятельности, и особенно Молуккские острова. С местными вождями были заключены договоры, и в Тидоре, Тернате, Амбоине, Банде и других местах были основаны фабрики, защищенные фортами. Победы Корнелиса Мателефа установили то превосходство голландского оружия в этих восточных водах, которое импедостояло сохранять в течение многих лет. С заключением перемирия необходимость передачи общего контроля над таким количеством разбросанных фортов и торговых постов в руки одного высшего должностного лица привела в 1609 году к назначению Семнадцатую генерал-губернаторами с согласия Генеральных штатов. Генерал-губернатор занимал свой пост в течение пяти лет, и ему помогал совет, первый член которого, носивший титул генерального директора, на самом деле был министром торговли. Сначала ему подчинялись семь (впоследствии восемь) местных губернаторов. Эти чиновники, хотя и обладали значительными полномочиями в своих соответствующих округах, во всех вопросах высокой политики полностью подчинялись генерал-губернатору. Первыми занимавшими этот пост были все мужчины, которые достигли этого положения, доказав, что обладают энергией и предприимчивостью, и, будучи вынужденными из-за удаленности от дома действовать незамедлительно по собственной инициативе, были практически наделены автократической властью. Вследствие этого голландская империя на Востоке оказалась в их руках, быстро расширилась и консолидировалась, вытеснив всех конкурентов. Это означало не только то, что португальцы и испанцы были вытеснены со своего прежнего доминирующего положения на Востоке, но и то, что столкновение с англичанами было неизбежно.[стр.161]

Первый генерал-губернатор Питер Оба сделал Яву административным центром и основал фабрики и посты в Бантаме, Джакатре и Джапаре, не без того, чтобы вызвать значительную враждебность среди местных правителей, ревниво относившихся к присутствию незваных гостей. Эта враждебность поощрялась англичанами, чьи суда также посещали Яву и построили торговый пост рядом с голландским в Джакатре. острова пряностей уже были ареной враждебных столкновений между представителями двух наций, что привело ко многим стычкам. Таково было положение вещей, когда Ян Питерцун Коэн стал генерал-губернатором в 1615 году. Этот решительный человек, имевший многолетний опыт работы в Ост-Индии и уже занимавший пост генерального директора, вступил в свой новый офис с сильным предубеждением против англичан и с твердой решимостью положить конец тому, что он называл их предательством и интригами. "Будь они хозяевами, - писал он домой, - голландцы быстро ушли бы из Индии, но хвала Господу, который предусмотрел иное. Это невыносимая нация". С этой целью он сильно укрепил фабрику близ Джакатры, тем самым вызвав враждебность *пангеранцев*, как называли местного правителя. Англичане на своем соседнем посту также начали возводить оборонительные сооружения и поощрять *пангеранца* во враждебном отношении. Вслед за этим Коэн напал на англичан, разрушил и сжег их фабрику, и, обнаружив, что по соседству находится сильный английский флот под командованием сэра Томаса Дейла, он отплыл на Молуккские острова в поисках подкрепления, оставив Питера ван дер Брока командовать фабрикой. *Пангеране* теперь изображали дружбу и, заманив Брука на совещание, взяли его в плен и напали на голландскую крепость. Однако гарнизон продержался до тех пор, пока генерал-губернатор не вернулся с большим отрядом. С этими словами он взял штурмом и разрушил город Джакатра, а на его месте воздвиг новый город как резиденцию правительства компании, которому было дано название Батавия. С этого времени голландцам нечего было опасаться соперничества на Яве. Завоевание всего острова было лишь вопросом времени, и "жемчужина Малайского архипелага" с 1620 года по настоящее время была самым богатым и ценным из всех

голландских колониальных владений. Коэн планировал развить свой успех, также изгнав англичан с Молуккских островов, когда услышал, что правительство метрополии заключило договор, который связывал ему руки.[стр.162]

Ситуация на Молуккских островах в течение нескольких лет была полна постоянных споров; главная сцена происходила в небольшой группе, известной как острова Банда. Прибыльная торговля специями побудила обе компании утвердиться на строительстве фортов; и названия Амбоина и Пуло Ром на долгие годы стали причиной ожесточения в отношениях двух народов. Между тем весь предмет этих отношений обсуждался в 1619 году в Лондоне специальным посольством, отправленным номинально поблагодарить короля Якова за ту роль, которую он сыграл в успешном завершении работы Дортского синода, но на самом деле для урегулирования нескольких угрожающих торговых споров. Почти единственным результатом длительных конференций стало соглашение (2 июня 1619 г.), по которому Ост-Индские компании должны были на двадцать лет фактически объединиться. Англичане должны были получать половину урожая перца на Яве и треть пряностей на Молуккских островах, Амбоине и островах Банда. Форты и посты должны были остаться в их нынешних руках, но должен был быть создан объединенный совет по обороне, по четыре члена от каждой роты, президент должен был назначаться поочередно месяц за месяцем. Такая схема была бумажной, придуманной теми, кто не был лично знаком с реальной ситуацией. Не было никакого сходства между такой крупной военной и военно-морской организацией, как Голландская компания, и группой торговцев, таких как английские, чей капитал был невелик и которые полностью зависели от политических капризов безденежного монарха, самым заветным желанием которого в то время было установить тесные отношения с той самой державой, вопреки запрету которой велась торговля Ост-Индской компании. Соглашение действительно получило новую санкцию на другой конференции, проходившей в Лондоне (1622-23), но оно никогда не было рабочим соглашением. Горькую неприязнь, возникшую между голландскими и английскими торговцами, нельзя было развеять дипломатической уловкой с призывами к миру, когда мира не было. События быстро доказали, что это так.

Торговля специями оказалась самой прибыльной из всех, и были приняты меры для предотвращения любого неоправданного снижения цен из-за перенасыщения рынка. Количество выращиваемых специй тщательно регулировалось, выбирались подходящие места, а деревья в других местах уничтожались. Так, гвоздику специально выращивали на Амбоине; мускатный орех - на островах Банда. В эту строго охраняемую монополию, из которой англичане были изгнаны энергией Коэна, они теперь, согласно новому договору, должны были быть допущены к участию.[стр.163]

Лишь с трудом удалось убедить голландцев угрюмо смириться в присутствии незваных гостей. Фатальное столкновение произошло почти сразу после возобновления соглашения между компаниями о торговле на островах пряностей в Лондоне в 1622-3 годах.

В 1623 году Коэна сменил на посту генерал-губернатора Питер Карпентье, чье имя до сих пор увековечено в заливе Карпентария на севере Австралии. В это переходное время губернатор Амбоины Ван Спойл заявил, что раскрыл заговор английских поселенцев во главе с Габриэлем Тауэрсоном, имевший целью сделать себя хозяевами голландского форта. Восемнадцать англичан были схвачены, и хотя против них не было никаких улик, кроме тех, которые были добыты под пытками и впоследствии торжественно опровергнуты, двенадцать, включая

Тауэрсона, были казнены. Карпантье признал, что разбирательство было нерегулярным и в любом случае в нем не было необходимости, поскольку депеша с отзывом Тауэрсона была на пути в Амбоину. Это был варварский и жестокий акт, и когда весть о "резне в Амбоине", как ее называли, достигла Англии, раздались громкие возмущения и требования возмещения ущерба. Но ссора с Испанией из-за брака принца Уэльского вынудила Якова I в самом конце его жизни и Карла I при восшествии на престол искать поддержки Соединенных провинций. По Саутгемптонскому мирному договору 17 сентября 1625 года с Генеральными Штатами был заключен наступательный и оборонительный союз; и Карл удовлетворился требованием, чтобы Штаты в течение восемнадцати месяцев привлекли к ответственности тех, кто был ответственен "за кровавую бойню над нашими подданными". Однако Карлтон вновь потребовал наказания виновных в "грязном и кровавом акте" в Амбоине. Голландцы ответили уклончивыми обещаниями, которые они никогда не пытались выполнить; а катастрофическая война Карла с Францией и его разрыв с парламентом фактически помешали ему предпринять шаги по взысканию возмещения ущерба. Но Амбоина не была забыта; эта рана терзала Кромвеля и стала одной из причин, побудивших Кромвеля к войне в 1654 году.

Однако деятельность голландцев в восточных водах никоим образом не ограничивалась Явой, резиденцией их правительства, или Молуккскими островами и островами Банда с их драгоценными пряностями. На крупных островах Суматра и Борнео было возведено множество торговых постов. Торговые отношения с Сиамом были установлены с 1613 года. В 1623 году[стр.164] отряд под командованием Уиллема Бонтекоэ был отправлен Коэном на Формозу. Остров был завоеван, и назначен губернатор с резиденцией в форте Зеландия. Уже при первом генерал-губернаторе Питере Ботте от сегуна было получено разрешение голландцам, при строгих ограничениях, торговать с Японией, разрешение, которое все еще сохранялось после изгнания португальцев и кровавых преследований новообращенных христиан (1637-42), хотя и на несколько унижительных условиях. Но с голландцами торговля была торговлей, и под умелым руководством Фрэнсиса Карона она приобрела процветающие масштабы. В течение следующего столетия ни один другой европейец не имел доступа на японский рынок, кроме агентов Голландской Ост-Индской компании.

Среди генерал-губернаторов этого раннего периода особого признания заслуживает имя Энтони ван Димена (1636-45). Если Коэн заложил прочные основы голландского правления на Востоке, то Ван Димен мудро и умело опирался на работу Коэна. Правление Карпантье было примечательно несколькими открытиями вдоль берегов Новой Гвинеи и прилегающего побережья Австралии, но дух исследований достиг своего апогея во времена Ван Димена. Поскольку север и северо-запад Австралии были в некоторой степени уже известны, Ван Димен отправил Абея Тасмана выяснить, насколько далеко на юг простирается земля. Отплыв в октябре 1642 года с Маврикия, он обогнул часть побережья нынешних Виктории и Нового Южного Уэльса и открыл остров, который он назвал в честь земли своего покровителя Ван Димена, но который сейчас очень уместно известен как Тасмания. Продвигаясь вперед, он достиг Новой Зеландии, которая до сих пор носит название, которое он ей дал, и проплыл через пролив между северным и южным островами, ныне пролив Кука. В ходе этого великого путешествия он затем открыл Дружественные острова, или Тонга, и архипелаг Фиджи. Он достиг Батавии в июне 1643 года, а в следующем году снова посетил север Австралии и обогнул Карпентарийский залив. Даже на современной карте Австралии можно найти голландские названия, разбросанные по определенным участкам побережья острова-континента, которые исторически до сих пор отражают имена первых голландских исследователей, их покровителей,

кораблей и домов. Вдоль берегов залива Карпентария можно увидеть реку Ван-Димен, залив и мыс; реки Абель-Тасман, Ван-Альфен, Нассау и Стейтен; мысы Арнем, Карон и Мария (в честь Фрэнсиса Карона и [стр.165] Марии ван-Димен) и Гроот-Эйландт. В Тасмании со многими другими названиями можно найти залив и мыс Фредерика Генри, полуостров Тасмана, Тасманову голову и остров Марии; в то время как жена генерал-губернатора снова увековечена, самая северная точка Новой Зеландии носит имя мыса Марии ван Димен.

Ван Димену принадлежит заслуга того, что он дал голландцам первую опору (1638 г.) на богатом острове Цейлон, заключив договор с местным принцем Канди. Португальцы все еще владели фортами в Коломбо, Галле, Негумбо и других местах, но теперь Галле и Негумбо были захвачены голландцами, и постепенно весь остров перешел в их руки и на полтора столетия стал их богатейшим владением на Востоке, рядом с Явой. На побережье Коромандель также рано были установлены посты, и наладились торговые отношения с персами и арабами. В то время, когда Мюнстерский мирный договор предоставил Соединенным провинциям законный титул на ту независимость, за которую они так долго боролись, и предоставил им свободу торговли в Индии, эта торговля уже принадлежала им и надежно охранялась флотами, фортами и вооруженными силами чартерной компании. Генерал-губернатор Батавии стал могущественным властителем Восточных морей, и череда смелых и способных людей, проводивших политику одновременно осмотрительную и агрессивную, в течение нескольких десятилетий организовала колониальную империю. Это было замечательное достижение для такой маленькой страны, как Соединенные Провинции, и ему было суждено прожить долгую жизнь. Путешествие вокруг мыса было долгим и опасным, поэтому Ван Димен в 1638 году распорядился использовать остров Маврикий в качестве ремонтной станции; а в 1652 году один из его преемников (Рейнеж) отправил группу колонистов под командованием Яна ван Рибекса основать поселение, которое должно было стать гаванью-убежищем под Столовой горой на самом мысе. Это было началом Капской колонии.

Не менее интересной и даже более захватывающей была история голландских предприятий в других морях в этот богатый событиями период. Получение устава Ост-Индской компании побудило некоего Уиллема Усселинка выступить в качестве серьезного и настойчивого сторонника создания Вест-Индской компании на тех же принципах. Но Ольденбарневельдт, стремившийся заключить мир или перемирие с Испанией и поддерживать хорошие отношения с этой державой, отказался поддержать его предложения ни до, ни после заключения перемирия. Однако он не мог сдержать дух предприимчивости [стр.166], который с ростом благосостояния проявлялся за границей, в Голландии. Образование Северной, или Гренландской, компании в 1613 году, специально созданной для того, чтобы оспорить претензии Английской Московской компании на исключительные права на китобойный промысел у Шпицбергена, привело к ожесточенным спорам между рыбаками двух стран, отчет о которых уже приводился. Выдача чартера Компании Новых Нидерландов (1614) была новым шагом вперед. Путешествие Генри Гудзона на голландской службе, когда в 1610 году он исследовал побережье Северной Америки и поднялся вверх по реке, названной его именем, побудило некоторых амстердамских и хорнских купцов спланировать поселение вблизи этой реки; и они получили хартию, дающую им исключительные права от Чесапикского залива до Ньюфаундленда. Результатом стало основание колонии Новые Нидерланды со столицей в Новом Амстердаме на острове Манхэттен. Сначала это поселение было маленьким и незначительным, но, поскольку оно находилось на полпути между английскими колониями на

том же побережье, оно добавило еще один к множеству спорных вопросов между двумя морскими державами.

Виллем Усселинкс все это время продолжал свою агитацию за создание Вест-Индской компании; и, наконец, с возобновлением войны с Испанией в 1621 году его усилия были вознаграждены. Хартия, выданная Генеральными Штатами (3 июня 1621 г.), предоставила компании на двадцать четыре года монополию на судоходство и торговлю с прибрежными землями Америки и Вест-Индии от южной оконечности Ньюфаундленда до Магелланова пролива и с побережьями и землями Африки от тропика Рака до мыса Доброй Надежды. Руководящий совет состоял из девятнадцати представителей, Девятнадцати. Генеральные штаты внесли в капитал 1 000 000 фл., только с половины из которых они должны были получать дивиденды. Они также обязались во время войны предоставить шестнадцать кораблей и четыре яхты, компания была обязана предоставить такое же количество. Вест-Индская компания с самого начала была задумана как инструмент войны. Его целями были пиратство, а не торговля. В его цели не было секрета; она была открыто провозглашена. Его историк Де Лаэт (сам директор) писал: "Нет более надежного средства наконец образумить нашего Врага, чем подвергнуть его нападкам по всей Америке и остановить источник его лучших финансов". После некоторых предварительных усилий было решено отправить экспедицию большими силами; но возник вопрос, где лучше всего[стр.167] нанести удар? По совету Усселинкса и других лиц, знакомых с состоянием обороны городов на американском побережье, была выбрана Баия, столица португальской колонии Бразилия, как особенно уязвимая. Таким образом, как на Западе, так и на Востоке Португалии предстояло пострадать из-за ее нежелательного подчинения короне Кастилии.

После получения согласия Генеральных штатов и штадхолдера несколько месяцев ушло на подготовку в надлежащем масштабе. Флот, состоявший из двадцати трех военных кораблей с четырьмя яхтами, вооруженных 500 единицами вооружения и несущий в дополнение к экипажам 1700 военнослужащих, вышел в море двумя составами в декабре 1623 и январе 1624 годов. Джейкоб Виллекенс был главнокомандующим, а Пит Хайн - его вице-адмиралом. Полковник Ян ван Дорт, лорд Хорста, должен был руководить сухопутными операциями и быть губернатором города, когда будет достигнуто его завоевание. 9 мая флот вошел в бухту Всех Святых (*Баия-де-тодос-ос-Сантос*) и приступил к высадке войск на песчаном пляже немного восточнее города Сан-Сальвадор, широко известного как Баия. Он был прочно расположен на высотах, отвесно поднимавшихся над водой; и, когда известия о приготовлениях голландцев достигли Лиссабона и Мадрида, его укрепления были отремонтированы, а гарнизон усилен. Перед нижним городом, под утесами, был скалистый остров, и на нем, и на берегу были форты, хорошо оснащенные батареями, а под их подветренной стороной стояли пятнадцать военных кораблей. 10 мая Пит Хейн был отправлен с пятью судами для сдерживания флота противника и прикрытия высадки вооруженных сил. Но Хейн, отнюдь не довольствовавшийся пассивной ролью, напал на португальцев, сжег или захватил все их корабли, а затем, посадив своих людей на катера, штурмовал укрепления острова и установил пушки. Тем временем войска без сопротивления заняли бенедиктинский монастырь на высотах напротив города. Но смелость Пита Хайна вызвала панику, охватившую гарнизон. Несмотря на усилия губернатора Диого де Мендоса Фурдадо, ночью произошел массовый исход как солдат, так и жителей. Когда наступило утро, голландцы вошли в незащищенный город, а губернатор и его сын, отказавшиеся покинуть свои посты, были взяты в плен. Они, с большой добычей, были немедленно отправлены в Голландию в доказательство полноты победы. События, однако,

должны были доказать, что экспедиционным силам легче захватить город, расположенный на таком расстоянии от базы снабжения, чем удерживать его.

Едва губернатор Ван Дорт приступил к исполнению своих обязанностей, как попал в засаду местных новобранцев близ Сан-Сальвадора и был убит. Его преемник, Виллем Шаутен, был некомпетентен и распутен; и когда флот отправился в обратный путь в конце июля, гарнизон вскоре оказался практически осажденным отрядами португальских войск с индийскими вспомогательными силами, которые заняли соседние леса и прекратили поставки. Тем временем весть о взятии Сан-Сальвадора достигла Мадрида и Лиссабона, и испанцы и португальцы соперничали друг с другом в своем стремлении снарядить большую экспедицию для изгнания захватчиков. Это была поистине могучая армада, вышедшая под верховным командованием дона Фадрике де Толедо из иберийских портов в начале 1625 года, поскольку она состояла из пятидесяти кораблей, пяти каравелл и четырех катеров, на борту которых находилось 12 566 человек и 1185 орудий. В канун Пасхи (29 марта) флот вошел в бухту Всех Святых в форме огромного полумесяца протяженностью шесть лиг от оконечности до оконечности. Голландский гарнизон численностью 2300 человек, будучи сильно укрепленным, сопротивлялся в течение месяца, но, окруженный с моря и суши и плохо управляемый, 28 апреля капитулировал при условии, что его отправят обратно в Голландию.

То, что блестящий успех 1624 года так быстро обернулся катастрофой, никоим образом не было связано с пассивностью местных властей. Девятнадцать человек нисколько не удивились, услышав о масштабных приготовлениях, предпринимаемых королем Испании для возвращения города, и они, со своей стороны, были полны решимости закрепить свое завоевание, встретив силу силой. Напрягая все свои ресурсы, были снаряжены три эскадрильи; первые две, насчитывавшие тридцать два корабля и девять яхт, предназначались для Бразилии; третья, небольшая летучая эскадрилья из семи судов, была заблаговременно отправлена для наблюдения за испанскими портами. Главнокомандующим бразильской экспедицией был Будевин Хендриксон. Отброшенный назад чередой штормов, флот смог покинуть Ла-Манш и выйти в море только 17 апреля 1625 года. Плавание было быстрым, и 23 мая Хендриксон вошел в бухту в боевом порядке только для того, чтобы увидеть испанский флаг, развевающийся над Сан-Сальвадором, и могучий флот адмирала Толедо, выстроившийся под защитой его батарей. Хендриксон медленно проплыл мимо испанцев, которые не шелохнулись, и, понимая, что атаковать превосходящие силы было бы безумием[стр. 169] в таком положении, он неохотно отдал приказ отступать. На обратном пути через Вест-Индию было добыто несколько богатых трофеев, но болезнь сильно опустошила экипажи, и в число ее жертв входил и сам Хендриксон.

События следующего года, по-видимому, показывают, что, проявив дерзость, он мог бы, по крайней мере, нанести врагу тяжелые потери. Ибо в 1626 году директора, не зная о его неудаче, послали подкрепление из девяти кораблей и пяти яхт под командованием грозного Пита Хейна. 21 мая Хейн отплыл в Вест-Индию, где узнал, что Хендриксон мертв и что остатки его экспедиции вернулись после безрезультатного путешествия, полного злоключений. Хейн, однако, был не из тех, кто поворачивает назад. Он решил попробовать то, что он мог произвести в Баии, внезапной атакой. Он достиг входа в бухту 1 марта 1627 года, но, к несчастью, попал в штиль, и португальцы были предупреждены о его присутствии. Прибыв к Сан-Сальвадору, он обнаружил тридцать кораблей, стоявших вплотную к берегу; шестнадцать из них были большими и вооруженными, а четыре представляли собой галеоны со значительным количеством войск на борту. Голландский адмирал с большой отвагой решил атаковать их,

проплыв между ними и берегом, что затруднило огонь береговых орудий по нему без ущерба для их собственных кораблей. Это был опасный ход, поскольку проход был узким, но полностью удачный. Один из четырех галеонов, несших адмиральский флаг, был потоплен, остальные три затонули. Взойдя на свои катера, голландцы теперь яростно атаковали другие суда и за очень короткое время стали обладателями двадцати двух призов. Унести их во время отлива было трудной задачей, и это не обошлось без потерь. Собственный корабль Хейна, "Амстердам", сел на мель, и его пришлось сжечь, а другой корабль по какой-то случайности взорвался. Общие потери, за исключением взрыва, были чрезвычайно малы. На захваченных судах находилось 2700 ящиков сахара, а также некоторое количество хлопка, шкур и табака. Добыча была сложена на четыре самых больших корабля и отправлена в Голландию; остальные были сожжены.

Теперь Хейн совершил рейд вдоль побережья до Рио-де-Жанейро, а затем вернулся. "Морской ужас Делфта" в течение нескольких недель после этого оставался безраздельным хозяином залива, забирая призы, когда предоставлялась такая возможность. Затем он отплыл из Вест-Индии домой и достиг голландских вод 31 октября 1627 года, захватив во время этой экспедиции не менее пятидесяти пяти вражеских[стр.170] судов. Ценности добычи было достаточно, чтобы возместить компании их огромные затраты, и она была разумно использована для оснащения нового флота на следующий год.

Следующий 1628 год действительно был *годом мира* в записях голландской Вест-Индской компании. 24 января два флота вышли в море: один под командованием Дирка Симонса Уитгеста направился к берегам Бразилии; другой под командованием Питера Адрианса Ита - к Вест-Индии. Оба были успешными и вернулись с добычей. Однако экспедиция под командованием Пита Хайна приберегла ее для того, чтобы все остальные успехи казались незначительными. Этот флот, состоящий из тридцати одного военного корабля, покинул Голландию в конце мая и направился в Вест-Индию с инструкциями подстергать испанский флот с сокровищами. В предыдущие годы было предпринято много попыток перехватить галеоны, которые год за годом перевозили богатства Мексики и Перу в Испанию, но они всегда терпели неудачу. После нескольких недель утомительного плавания Пит Хейн, находясь у берегов Кубы, был вознагражден (8 сентября) видом приближающегося испанского флота и сразу же атаковал его. После острого конфликта испанцы укрылись в бухте Матансас и, загнав галеоны на мелководье, попытались переправить богатые грузы на берег. Тщетно. Голландские моряки, сев в свои лодки, поднялись на борт галеонов и вынудили их сдаться. Добыча имела огромную ценность, составляя 177 537 фунтов. серебра - 135 фунтов. золота, 37 375 шкур, 2270 сундуков индиго, а также кошениль, бревна, сахар, специи и драгоценные камни. Это принесло в казну компании 11 509 524 фл., а акционерам были выплачены дивиденды в размере 50%. Таким образом, было неправильной политикой иметь дело с результатами удачи, которая вряд ли повторится. Однако этот год был удачным до самого конца. Четвертая экспедиция под командованием Адриана Янса Патера, отправившаяся 15 августа в Карибское море, поднялась вверх по Ориноко и разрушила город Сан-Томе-де-Гвиана, главное испанское поселение в тех краях. Все это, можно сказать, носило характер пиратства, тем не менее это были хитроумные удары, нанесенные по самому источнику, откуда испанская держава получала средства для ведения войны. Вест-Индская компания с триумфом выполняла одну из главных целей, ради которых она была создана, и угрожала Филиппу IV финансовым крахом.

Успехи 1628 года побудили директоров попытаться исправить неудачу в Баии путем завоеваний в другом месте.[стр.171]

В качестве новой цели была выбрана Олинда, расположенная на побережье Пернамбуку. Был подготовлен экспедиционный корпус исключительной силы; и, поскольку Пит Хайн, находившийся на пике своей славы, к сожалению, погиб весной 1629 года в столкновении с дюнкеркскими пиратами, Хендрик Корнелис Лонк, служивший вице-адмиралом под командованием Хайна в заливе Матансас, был назначен главнокомандующим вооруженными силами, а Джонхир Дидерик ван Варденбург командовал вооруженными силами. Значительная задержка была вызвана критическим положением Соединенных Провинций, в которые вторглись испано-империалистические армии во время осады Хертогенбоса, но взятие этой крепости позволило последним контингентам отплыть ближе к концу года; и Лонк смог собрать все свои силы на Сент-Винсенте, одном из Канарских островов, на Рождество, чтобы отправиться в путешествие через Атлантику. Эти силы состояли из пятидесяти двух кораблей и яхт и тринадцати шлюпов, на борту которых находилось 3780 матросов и 3500 солдат, а также 1170 орудий. Неблагоприятные погодные условия препятствовали прибытию флота в район Олинды до 13 февраля. Вдоль побережья Пернамбуку тянется сплошной скальный риф с узкими отверстиями через неравные промежутки времени, образующий барьер против нападения с моря. Олинда, столица провинций, была построена на холме недалеко от суши, а ее портом служила деревня, известная как Пово или Рекифф, расположенная на песчаной косе между устьями рек Бибериби и Капибариби. Примерно в двух лигах выше Олинды был проход через скалистый риф к северу и три других к югу (только один из которых, *Барра*, был судоходен для больших судов), дающий доступ к водной полосе глубиной около 18 футов между рифом и песчаной косой и образующий просторную гавань Посо.

Проблема, стоявшая перед голландским командующим, была сложной, поскольку новости об экспедиции достигли Мадрида; и Матиас де Альбукерке, брат "владельца" Пернамбуку Дуарте де Альбукерке, человек огромной энергии и лидерских способностей, прибыл в октябре, чтобы перевести Олинду и Ресифф в состояние обороны. Два форта с сильными гарнизонами и вооружением, Сан-Франциско и Сан-Хорхе, защищали входы через риф и горловину песчаной косы; шестнадцать кораблей, скованных цепью и наполненных горючими материалами, преграждали доступ в гавань; а деревня Рекифф была окружена укреплениями. Внутри укреплений Олинды Альбукерке держал себя в готовности противостоять[стр.172] любому отряду противника, который высадится над городом. Лонк, после консультаций с Варденбургом, решил предпринять с основными силами флота под своим собственным командованием попытку форсировать входы в Посо, в то время как Варденбург с основной частью военного контингента на шестнадцати кораблях отплыл на север, чтобы найти какое-нибудь место, подходящее для высадки.

Морская атака была предпринята 15 февраля, но оказалась безрезультатной. Все попытки голландцев прорваться через любой из входов в Посо, хотя они и возобновлялись снова и снова с величайшей храбростью, были отбиты. Вечером Лонк отвел свои корабли. На собственном опыте он понял, что морская атака, не подкреплённая военным сотрудничеством против сухопутных средств обороны, не может увенчаться успехом, чему история едва ли предлагает

исключение. Но Варденбург воспользовался случаем, пока внимание противника было приковано к отражению штурма Рекифа, чтобы высадить свою армию без сопротивления. На рассвете голландский генерал выступил вперед и, форсировав реку Досе, несмотря на сопротивление иррегулярных войск, возглавляемых лично Альбукерке, двинулся прямо на Олинду. Серьезного сопротивления не было. Укрепления были взяты штурмом, и город перешел в руки Варденбурга. Гарнизон и почти все жители бежали в соседний лес.

Осознавая тот факт, что оккупация Олинды бесполезна без гавани в качестве базы снабжения, было немедленно решено с помощью флота осадить форты Сан-Франциско и Сан-Хорхе. Несмотря на упорное сопротивление, сначала сдался Сан-Хорхе, затем Сан-Франциско; а 3 марта флот прошел через Барру, и Ресиф с островом Антонио Ваз за ним был занят голландцами. Как только было совершено завоевание, были предприняты шаги по его управлению. Долгожданное подкрепление прибыло из Голландии 11 марта, имея на борту трех представителей, присланных Девятнадцатью, которые должны были сформировать вместе с Варденбургом, назначенным губернатором, административный совет, или Политический суд. Резиденцией правительства был выбран Рекиф, а не Олинда, и для его защиты были возведены форты. Положение, однако, было крайне опасным. Альбукерке, который был хорошо знаком со страной и искусен в партизанской войне, сформировал укрепленный лагерь, которому он дал название *Арреял-де-Бом-Хесус*, позицию, защищенную болотами и густыми лесами. Из этого центра, [стр.173] с помощью большого количества дружественных индейцев, он смог перекрыть все поставки пресной воды, мяса или овощей голландскому гарнизону. В вопросах жизнеобеспечения им приходилось зависеть от припасов, присланных им с флотилиями помощи из Голландии. Это была странная и суровая борьба на выносливость, в которой и голландцы, и португальцы ужасно страдали, один на бесплодном морском берегу, другой в непроходимых лесах под палящим тропическим солнцем, оба одинаково нетерпеливо ждали помощи от Родины. Голландская помощь прибыла первой. Первый отряд под командованием Мартена Тийссена достиг Рекифа 18 декабря 1630 года; основной флот под командованием Адриана Янса Патера - 14 апреля 1631 года. Весь флот состоял из шестнадцати кораблей и яхт, на которых работали 1270 моряков и 860 солдат. Их прибытие стало сигналом к наступательным действиям. Экспедиция под командованием Тийссена отправилась 22 апреля к большому острову Итамарака, примерно в пятнадцати милях к северу от Рекифа. Она прошла успешно. Итамарака была оккупирована и расквартирована гарнизоном, и, таким образом, на бразильском побережье был создан второй выгодный пост.

Между тем испанское правительство не бездействовало. После многих задержек 5 мая мощный флот отплыл из Лиссабона в Пернамбуку, состоящий из пятнадцати испанских и пяти португальских кораблей и перевозящий большие военные силы, частично предназначенные для Баии, но в основном в качестве подкрепления для Матиаса де Альбукерке. Экспедицией командовал адмирал Антонио де Окендо, и ее сопровождал Дуарте де Альбукерке, владелец Пернамбуку. Высадив войска и боеприпасы в Баии, испанцы потратили впустую несколько недель, прежде чем снова приступить к выполнению главной задачи - блокированию голландцев в Ресифе и принуждению их к капитуляции голодом. Но Патер узнал от своих разведчиков о присутствии Окендо в Баии, и хотя его силы были намного меньше, он решил встретить враждебную армаду в море. Испанский флот был замечен на рассвете 12 сентября, и Патер сразу же отдал приказ атаковать. Его флот состоял из шестнадцати кораблей и яхт, у противника - из двадцати галеонов и шестнадцати каравелл. Голландский адмирал сформировал свой флот в две линии, возглавляя сам *Принс Виллем* и вице-адмирал Тийссен в

провинции *Веренигте*. В этот раз вид огромного количества и размеров испанских галеонов заставил большую часть голландских капитанов пасть духом и отступить. Патер и Тийссен, сопровождаемые[стр.174] всего двумя кораблями, однако атаковали испанцев. "*Принс Виллем*" с *Walcheren* в сопровождении лег рядом с "*Сен-Яго*" под флагом адмирала Окендо; "*Vereenigte Provinciën*" с "*Провинти ван Утрехт*" в кильватере подошел к "*Сан-Антонио де Падуа*", кораблю вице-адмирала Франсиско де Вальесильи. В течение шести часов поединок между принцем Виллемом и Святым Яго продолжался с ожесточением, капитан Вальхерена храбро сдерживал галеоны, пытавшиеся прийти на помощь Окендо. В 4 часа пополудни "*Сент-Яго*" превратился в плавающую развалину, и выжили лишь остатки его команды, когда внезапно на "*Принс Виллем*" вспыхнул пожар, который ничто не могло остановить. С трудом "*Святой Яго*" отошел, и, обнаружив, что его судно потеряно, Патер, отказываясь сдаваться, обернул флаг вокруг своего тела и бросился в море. Тем временем успех сопутствовал Тийссену. Отставшие голландские корабли, подходившие постепенно, угрожали конвою испанских транспортов и отвели много галеонов для их защиты. "*Провинция ван Утрехт*" действительно, как и "*Принс Виллем*", загорелся и сгорел дотла; но вице-адмирал лично потопил "*Святого Антонио де Падуа*" и другой галеон, пришедший на помощь Вальесилье, и захватил третий. Это был кровопролитный и явно нерешительный бой, но голландцы насладились плодами победы. Окендо не предпринимал попыток захватить Рекиф и Олинду, но, высадив войска, которые он сопровождал, в удобном месте, отплыл на север, сопровождаемый Тийсеном.

Но, несмотря на облегчение, положение все еще оставалось очень серьезным. Альбукерке, теперь значительно укрепленный со своего неприступного поста в *Арреял-де-Бом-Хесус*, отрезал все сообщения с сушей. Голландцы даже оставили Олинду и сосредоточились в Речифе, где они оставались как осажденные силы, полностью зависящие от поставок, отправляемых из Голландии. Было отправлено несколько экспедиций в надежде захватить другие позиции на побережье, но все они оказались неудачными; и когда Варденбург вернулся домой в 1633 году, завершив свою трехлетнюю службу на посту губернатора, все, что можно было сказать, это то, что голландцы сохранили свой плацдарм на побережье Пернамбуку, но ценой огромных потерь для компании в людях, судах и сокровищах и без каких-либо видимых перспектив на будущее. Но упорство должно было быть вознаграждено. Для последующего периода успеха необходимо обратиться к специальным историям. В течение года, последовавшего за возвращением Варденбурга, усилия[стр.175] голландских властей расширить свои владения вдоль побережья в устьях различных рек были неизменно успешными; и с приходом Джоан Морис из Нассау на пост губернатора в 1637 году мечта о голландской империи в Бразилии, казалось, была близка к осуществлению. Этот двоюродный брат принца Оранского был наделен блестящими качествами, и за семь лет своего губернаторства он расширил голландские владения от Рио-Гранде на юге до острова Мараньян на севере и на значительное расстояние вглубь страны, фактически на большую часть семи из четырнадцати капитанств, на которые была разделена португальская Бразилия. По прибытии, проводя мудрую политику государственного примирения, он сумел заручиться благосклонностью португальских плантаторов, которые, хотя и не любили голландских еретиков, ненавидели их меньше, чем их испанских угнетателей, а также евреев, которых было много на завоеванной территории. При его правлении Ресиф как резиденция голландского правительства был благоустроен и расширен; его украшало множество прекрасных зданий и садов, а гавань стала удобной для торговли благодаря рядам складов и просторным докам. Новой столицей он дал название Маурицстад.

На начальном этапе своего пребывания на посту генерал-губернатора Джоан Морис столкнулась с действительно серьезной опасностью. 1639 год стал свидетелем того, что должно было стать последним великим усилием (перед португальским восстанием) все еще неразделенной испанской монархии за господство на море. Уже рассказывалось, как огромный флот, посланный под командованием Антонио де Окендо изгнать голландцев из узких морей, был разгромлен адмиралом Тромпом в битве при Даунсе. В том же году самая грозная армада, когда-либо отправлявшаяся с полуострова через океан, отправилась в Бразилию. Он состоял не менее чем из восьмидесяти шести судов, укомплектованных 12 000 матросами и солдатами под командованием графа де Торре. Неблагоприятные погодные условия, как это часто бывает в испанских военно-морских предприятиях, погубили предприятие. Направляясь в Баию, они были задержаны на два месяца в заливе Всех Святых сильными северными ветрами. Тем временем Джоан Морис, чьи военно-морские силы поначалу были прискорбно слабы, энергичными усилиями сумела собрать воедино солидный флот из сорока судов под командованием адмирала Лооса, который напоминал английский флот 1588 года под командованием Эффингема и Дрейка в том смысле, что недостаток численности и размеров он восполнял превосходством в мореходстве и мастерстве маневрирования. Наконец, ветер переменился, "Граф де" [стр.176] Торре вышел в море; и 12 января 1640 года голландские эскадры заметили испанцев, которых гнал поднявшийся южный шторм. Цепляясь за их тыл и удерживая метеометр, голландцы продолжали непрерывный бой, нанося своим врагам постоянные потери, и, не давая им возможности выйти на сушу и искать укрытия в порту, в беспорядке гнали их на север, чтобы они никогда не вернулись. Это знаменательное избавление, казалось, обеспечило нидерландцам их бразильские завоевания; и, как уже говорилось, Жан Морис в полной мере воспользовался представившейся ему возможностью укрепить и расширить их. Однако внезапное изменение политических обстоятельств привело к быстрому падению доминиона, который никогда не опирался на прочную основу.

Восстание Португалии в 1641 году сначала приветствовалось в Соединенных провинциях как вступление нового союзника в борьбу с их давним врагом - испанцем. Но вскоре стало ясно, что дружбы с независимой Португалией быть не может, если Ост- и Вест-Индская компании не уйдут с территорий, которые они оккупировали за границей, полностью за счет португальцев. Король Жуан IV и его советники в Лиссабоне, оказавшись лицом к лицу с грозной испанской мощью, проявили готовность пойти на большие уступки, но они не смогли обуздать дух, который воодушевлял самих поселенцев в колониях. Повсюду было сброшено испанское иго, и голландские гарнизоны в Бразилии внезапно столкнулись в 1645 году с восстанием лоялистов, с которым они были не в состоянии успешно справиться. Вест-Индская компания не добилась коммерческого успеха. Оснащение огромных флотов и содержание многочисленных гарнизонов наемников на огромном расстоянии от родной страны истощили их ресурсы и ввергли компанию в долги. Строительство Маурицстада и осуществление амбициозных планов Жоана Мориса по управлению и организации великого бразильского доминиона были грандиозными, но очень дорогостоящими. Более того, губернатор, который не мог смириться ни с некомпетентностью, ни с вмешательством со стороны своих подчиненных, вызвал неприязнь некоторых из них, особенно некоего полковника Архитофски, который по злобе плел против него заговоры и интриги с местными властями. Результатом стало то, что директора отказались одобрить определенные предложения, сделанные им Джоан Морис, и он отправил [стр.177] заявление об отставке, которое было принято (1644). Следует помнить, что их положение было трудным. Устав компании был предоставлен сроком на двадцать четыре года, и было

сомнительно, согласятся ли Генеральные штаты, уже начавшие тайно обсуждать вопрос о сепаратном мире с Испанией, продлить его. Отношения с Португалией были очень деликатными, и грозное восстание всей группы португальских поселенцев при поддержке туземцев было на грани того, чтобы вспыхнуть. Действительно, преемники Жоана Мориса, лишенные какой-либо адекватной помощи из дома, были не в состоянии противостоять мастерству и мужеству португальских лидеров-повстанцев. Голландцы потерпели поражение на поле боя, и одна за другой их крепости были взяты. Сам захват продержался некоторое время, но наконец был сдан в 1654 году; и с его падением голландцы были окончательно изгнаны с территории, ради приобретения которой они пожертвовали столькими кровью и сокровищами.

Вест-Индская компания по Мюнстерскому миру владела, помимо остатков своих бразильских владений, колонией Новые Нидерланды в Северной Америке и двумя борющимися поселениями на реках Эссекибо и Бербис в Гвиане. Новые Нидерланды занимали территорию между английскими колониями Новая Англия и Виргиния; и голландские поселенцы в то время основали фермы недалеко от побережья и поддерживали дружеские отношения с туземцами внутренних районов, с которыми они торговали мехами. Назначение Питера Стайвесанта губернатором в 1646 году стало временем реального развития Новых Нидерландов. Эта колония была уделом Амстердамской палаты, в честь которой был назван Новый Амстердам, резиденция правительства на острове Манхэттен. Официальные торговые посты в Эссекибо и Бербисе, хотя они никогда и не были заброшены, в течение нескольких лет просто просуществовали, но заслуживают упоминания, поскольку им было суждено пережить превратности судьбы и стать в 18 веке ценным достоянием. Их важность также следует оценивать не по скудным официальным отчетам и отчетам о прибылях и убытках, сохранившимся в архивах Вест-Индской компании, а по гораздо более полной информации, почерпнутой из испанских и португальских источников, о поразительной смелости и энергии голландских торговых агентов во всей той части южноамериканского континента, которая лежит между реками Амазонка и Ориноко. Изгнанные[стр.178] с самой Амазонки в 1627 году португальцами из Пара, голландские торговцы обосновались в разное время в устьях почти всех рек вдоль так называемого Дикого побережья Гвианы и, проникнув вглубь страны благодаря хорошему взаимопониманию с местными жителями, особенно с вездесущими карибскими племенами, вели бартерную торговлю за горами до северного водораздела Амазонки, вплоть до самого Рио-Негро. Этой сделке с внутренними органами нет места в официальных протоколах компании, поскольку, строго говоря, она была нарушением устава и, следовательно, незаконной. Но это было типично голландское дело, и на него не обратили внимания, поскольку главные нарушители сами были среди основных акционеров компании.

Однако ни один отчет о голландской торговле в период правления Фридриха Генриха не был бы полным, если бы не касался отношений между Голландией и Швецией и той роли, которую сыграл амстердамский купец в том, что шведские армии обеспечили окончательный триумф протестантского дела в Тридцатилетней войне. Луи де Гир происходил из древнего дворянского рода Льежа. Его отец бежал в Дордрехт в 1595 году, спасаясь от инквизиции, и преуспел в бизнесе. Льеж был тогда, как и сейчас, крупным центром черной металлургии; а после смерти своего отца Луи де Гир в 1615 году переехал в Амстердам, где стал торговцем всеми видами железных и медных изделий, особенно боеприпасами и огнестрельным оружием. В тесном союзе с ним, хотя и не в партнерстве, находился его шурин Элиас Трип, глава фирмы, считавшейся самой обширной в Нидерландах по производству железных изделий и оружия. Командирские способности де Гира вскоре обеспечили двум фирмам, которые продолжали

гармонично сотрудничать как семейное предприятие, полное превосходство в классе товаров, которыми они занимались. В то время основные поставки железной и медной руды поступали из Швеции; и в 1616 году Генеральные штаты отправили де Гира с миссией в эту страну для переговоров о поставках этого сырья для изготовления боеприпасов. Эта миссия имела важные результаты, поскольку это был первый шаг к установлению тех тесных отношений между Швецией и Соединенными провинциями, которым предстояло сохраняться на протяжении всей Тридцатилетней войны. В следующем, 1617 году, Густав Адольф, собиравшийся тогда провести экспедицию в Ливонию, отправил посланника в Голландию с целью заручиться добрыми услугами Генеральных штатов[стр.179] для получения займа под залог шведских медных рудников. Основным автором был Луи де Гир. Во время своего визита в Швецию он узнал, насколько велики богатства этой страны железной рудой, и в то же время, что рудники простаивают и не разрабатываются из-за нехватки капитала и квалифицированных рабочих. Поэтому он воспользовался случаем, чтобы получить от Густавуса аренду богатых горнодобывающих владений Финспонг. Договор об аренде был подписан 12 октября 1619 года, и де Гир сразу же начал операции в самых крупных масштабах. Он привез из Льежа группу опытных валлонских кузнецов, построил кузницы и фабрики и за несколько лет смог снабдить шведское правительство всеми необходимыми боевыми припасами, а также экспортировать через порт Норчепинг большие партии товаров на свои склады в Амстердаме. Его отношения с Густавом Адольфом вскоре стали интимными. Король полагался на де Гира в снабжении своих армий всем необходимым в полевых условиях и даже поручил ему набрать войска для шведской службы. В 1626 году голландский купец был назначен королем исполняющим обязанности управляющего медными рудниками, которые были королевской собственностью; и, чтобы упорядочить его положение и предоставить ему больше возможностей для ведения своих предприятий, права шведского гражданства были предоставлены ему королевским патентом. Это было любопытное положение, поскольку, хотя де Гир много раз посещал Швецию, один раз в течение трех лет подряд, 1626-29, он продолжал делать Амстердам своим домом и основной резиденцией. Таким образом, у него было двойное гражданство. Год за годом все большее количество рудников и собственности переходило в руки великого финансиста, и в обмен на эти уступки он выдал крупные авансы королю для его триумфальной экспедиции в Германию; в 1628 году он выделил ему 50 000 риксдалеров, а несколько позже еще 32 000 риксдалеров. Отношения между ними были настолько доверительными, что весной 1632 года Густав послал за де Гиром в его лагерь в Китцингене для личной консультации по деловым вопросам. Это было их последнее интервью, поскольку до конца года герою Швеции предстояло погибнуть в Лютцене.

Смерть Густавуса никак не повлияла на положение Луи де Гира в Швеции, поскольку он нашел в Акселе Оксеншерне теплого друга и могущественного сторонника. Среди других новых предприятий было создание Шведско-голландской компании для торговли на Западном побережье Африки. В эту компанию Оксеншерн сам вложил[стр.180] деньги. В награду за его многочисленные услуги шведский регентский совет выдал де Гиру и его наследникам дворянский патент (4 августа 1641 г.); и в качестве части погашения крупных займов, предоставленных им шведской казне, он получил в собственность районы, в которых находились его шахты и фабрики в разных частях Швеции, что сделало его одним из крупнейших землевладельцев в стране. Он, со своей стороны, в ответ на это смог замечательным образом показать, что не был неблагодарным за оказанные ему услуги.

С датским королем Кристианом IV в течение многих лет у шведов и голландцев были постоянные споры и большие трения. Этот способный и амбициозный король на протяжении долгого и энергичного правления, начавшегося в 1593 году, со все возрастающей завистью наблюдал за переходом балтийской торговли в руки голландии и с чем-то большим, чем просто зависть, за быстрым приходом к власти братского скандинавского королевства под руководством Густава Адольфа. Из 1074 торговых судов, прошедших через Пролив в период с 19 июня по 16 ноября 1645 года, все, кроме 49, прибыли из голландских портов, безусловно, наибольшее количество из Амстердама; и с них Кристиан IV получал большой доход за счет взимания жестких и произвольных пошлин. Снова и снова Генеральные штаты жаловались и протестовали; на своевольного короля оказывалось дипломатическое давление, но безрезультатно. Между Швецией и Данией с тех пор, как Густав Адольф взойшел на трон в 1613 году, не было ни одного открытого акта вражды; но под поверхностью вооруженного перемирия тлели угольки скрытого соперничества и амбиций, готовые в любой момент вспыхнуть ярким пламенем. Кристиан IV был протестантом, но его зависть к Швеции побудила его в 1639 году открыто перейти на сторону католических держав, Австрии и Испании. Опасаясь, что он может попытаться перекрыть пролив Саунд, Генеральные штаты и шведское регентство в 1640 году заключили договор "об обеспечении свободы и защиты судоходства и торговли в Балтийском и Северном морях"; и одна из секретных статей разрешала Швеции покупать или нанимать суда в Нидерландах и в случае необходимости набирать на них экипажи. Внешний мир между скандинавскими державами ненадежно поддерживался, когда захват нескольких шведских кораблей в проливе Саунд в 1643 году заставил Оксеншерну решиться на смелый удар. Без какого-либо объявления войны шведскому генералу Торстенссону было приказано повести свою победоносную армию из Северной Германии в Данию[стр.181] и заставить короля Кристиана прекратить интриги с врагом. Гольштейн, Шлезвиг и Ютландия быстро оказались в руках Торстенссона, но датский флот превосходил шведский, и он не смог продвинуться дальше. Обе стороны обратились к Соединенным провинциям. Кристиан пообещал, что претензии в отношении звуковых сборов должны быть устранены, если Генеральные штаты сохраняют нейтралитет. Оксеншерна обратился к Луи де Гиру. Торговцу от имени шведского правительства было поручено обратиться к штатгальтеру и Генеральным штатам и просить военно-морской помощи в соответствии с условиями договора 1640 года; и, если ему не удастся получить их согласие, тогда он — де Гир — должен сам (в соответствии с секретной статьей этого договора) собрать за свой счет и снарядить флот из тридцати кораблей для шведской службы.

Вскоре Де Гир обнаружил, что Фредерик Генри, будучи настроен на мирные переговоры, был против этого предложения. Штатгальтер и Генеральные штаты, действовавшие под его влиянием, не хотели создавать новых проблем, втягивая Соединенные Провинции в войну с Данией. Поэтому Де Гир сразу же под свою ответственность приступил к оснащению судов в различных морских портах Голландии и Зеландии, которые больше всего пострадали от досадных таможенных пошлин, и ему удалось заручиться попустительством поместий Голландии к своему начинанию. К концу апреля 1644 года был собран флот из тридцати двух судов под командованием Мартена Тийссена. Его первые попытки не увенчались успехом. Датский флот успешно предотвратил соединение Тийссена со шведами, и на какое-то время он оказался заблокированным в узком проходе под названием Листердип. Воспользовавшись штормом, рассеявшим датчан, голландский адмирал наконец смог снова выйти в море и в начале июля с некоторым позором вернулся в Амстердам для переоборудования. На данный момент король Кристиан торжествовал повсюду. 11 июля он одержал знаменательную победу

над шведским флотом при Кольберг-Хит и имел удовлетворение, увидев, как империалисты вынудили Торстенссона отступить из Ютландии. Но энергия и упорство амстердамского торговца спасли ситуацию. Хотя отступление Тийссена означало для него большие финансовые потери, де Гир ни на минуту не колебался в достижении своей цели. В течение трех недель Тийссен снова вышел в море с двадцатью двумя кораблями, и благодаря искусному маневрированию ему удалось пробиться[стр.182] через Скагерак и пролив Саунд и, наконец, поставить свой флот на якорь в шведской гавани Кальмар. Из этой гавани вышли объединенные шведско-голландские эскадры и 23 октября между Фемерном и Лааландом встретились с датским флотом и после отчаянного конфликта полностью разгромили его. Таким образом, богатство и ресурсы частного лица Амстердама смогли решительно вмешаться в критический момент в борьбу за господство на Балтике между двумя скандинавскими державами. Но не в победе, одержанной Мартеном Тийссеном, де Гир оказал Швеции свою самую большую услугу. Как справедливо говорит шведский историк Фрикселл, "все, что было завоевано государственной мудростью Оксеншерны, мечами Банера, Торстенссона и Врангеля в опустошенной, залитой кровью Германии, уже снова потеряно; но выгоды, которые Луи де Гир принес Швеции путем мирного трудолюбия и добродетели, все еще существуют и приносят полезные плоды позднему потомству".

Эта экспедиция под командованием Мартена Тийссена, который после своей победы стал шведским дворянином и определенно поступил на шведскую военно-морскую службу, хотя и была одобрена Фредериком Генрихом и Генеральными штатами, не выражала никакого желания с их стороны чрезмерно возвеличивать Швецию за счет Дании. Если некоторые крупные купцы, такие как Луи де Гир и Элиас Трип, эксплуатировали ресурсы Швеции, то другие, в частности некий Габриэль Марселис, вложили свой капитал в освоение датских пастбищных угодий; и с политической и коммерческой точек зрения вопрос о разумных сборах, преимущественно датский вопрос, затмил по важности все остальные. Голландцы не имели ни малейшего желания отдавать Швеции долю в контроле над проливом; в интересах своей обширной балтийской торговли они предпочитали иметь дело только с Кристианом IV. Шведская угроза была полезна для оказания дипломатического давления на датского короля, но в конечном счете они были уверены, что, если он откажется пойти на уступки в вопросе о пошлинах, они смогут заставить его сделать это. Как гордо заявил один из их дипломатов, "деревянные ключи от Звука были не в руках короля Кристиана, а на верфях Амстердама". В июне 1645 года его слова подверглись практической проверке. Адмиралу Витте де Витту во главе флота из пятидесяти военных кораблей было приказано провести 300 торговых судов через Пролив, по возможности мирным путем, если нет, то силой. Незаметно весь флот из 350 судов прошел по узким водам. Датский[стр.183] Флот и датские форты не предпринимали попыток сопротивления. Все лето Де С курсировал туда-сюда, и голландские торговцы не подвергались никаким домогательствам. Упрямство Кристиана наконец уступило перед этим проявлением превосходства, и 23 августа по Христианопельскому мирному договору он согласился снизить пошлины на сорок лет и пойти на многие другие уступки, которые от него требовались. В то же время при посредничестве Нидерландов был заключен мир между Данией и Швецией, явно в пользу первой, по Бремсебровскому мирному договору.

Перейти в другие регионы. В Леванте, во время длительного пребывания Корнелиса Хаги в Константинополе, торговля была значительно расширена. Значительные привилегии были предоставлены голландцам так называемой "капитуляцией", заключенной его агентством с Портой в 1612 году; и голландские консулы были размещены в главных портах Турции, Малой

Азии, Сирии, Египта, Туниса, Греции и Италии. Однако торговля со Средиземноморьем и Левантом была оставлена частным предприятиям, Генеральные штаты, которые выдали чартеры различным компаниям — Ост-Индской, Вест-Индской и Северной, — не желая создавать какие-либо дальнейшие монополии.

Нехватка угля и металлов всегда серьезно препятствовала промышленному развитию в Соединенных Провинциях. Тем не менее, появление в Голландии такого большого количества беженцев, которые были квалифицированными ремесленниками из южных Нидерландов, привело к созданию различных текстильных производств в Лейдене, Харлеме и других городах. Одним из главных из них была выделка и крашение английского сукна для экспорта.

Следует отметить, что Амстердам уже в то время стал родиной алмазной промышленности. Искусство огранки и полировки алмазов было секретным процессом, привезенным в город на Ю португальскими евреями, которые были изгнаны Филиппом II; и в Амстердаме их потомки до сих пор сохраняют особое мастерство, которому нет равных. Еврейских поселенцев действительно можно было встретить во многих голландских городах; и именно благодаря им Голландия прославилась в Европе 17 века совершенством своего ювелирного и серебряного дела, а также всевозможными ювелирными изделиями. Другой отраслью промышленности, центр которой находился в Делфте, было производство знаменитой керамики и изразцов, известных как "дельфвар". Из сказанного выше будет очевидно, что огромные богатства потекли в Голландию в этот период ее истории, но, как это часто бывает, этот[стр.184] внезапный рост богатства имел тенденцию накапливаться в руках меньшинства народа, с неизбежным следствием, с одной стороны, расширения пропасти, отделяющей бедность от богатства; с другой стороны, с возникновением среди богатых и бедных одинаково всепоглощающего рвения и страсти к наживе, если не законными средствами, то дикой спекуляцией или продажностью. Компании-пузыри появились только для того, чтобы навлечь катастрофу на тех, кто опрометчиво вложил в них свои деньги. Лихорадка спекуляций достигла своего апогея в мании выращивания луковиц и особенно тюльпанов, которая все больше и больше привлекала внимание голландской общественности в 1633-1664 годах. Заранее предлагались совершенно непомерные суммы за выращивание сельскохозяйственных культур или за отдельные луковицы; большинство сделок были чисто бумажными спекуляциями, азартной игрой на фьючерсах. Были поставлены на карту миллионы гульденов, а сотни тысяч проиграли или выиграли. В 1637 году произошел крах, и многие тысячи людей в Амстердаме, Харлеме, Лейдене, Алкмаре и других городах Голландии были разорены. Сословия Голландии и различные муниципальные корпорации, многие члены которых были среди пострадавших, были вынуждены предпринять официальные действия по продлению срока погашения долгов и, таким образом, в некоторой степени ограничить количество банкротств. Однако тюльпаномания довела до нищеты стольких людей, что стало суровым предупреждением. К сожалению, это было слишком типично для духа времени.

В некотором смысле еще хуже были продажность и коррупция, которые начали проникать в общественную жизнь страны. Получение богатства, независимо от того, каким образом, было эпидемией, поразившей не только деловые круги, но и официальные классы республики. В адмиралтействе и военной администрации царили злоупотребления. Правительство находилось в руках узких олигархий, которые тщательно следили за тем, чтобы ревностно противодействовать любому расширению привилегий, которые предоставляли в их распоряжение столь ценное покровительство. Считалось, что даже посланники при иностранных дворах не были недоступны для получения подарков, которые на самом деле были

взятками; и в судах богатый истец или преступник обычно мог рассчитывать на то, что все доводы в его пользу будут выдвинуты в пользу благотворительной организации. Например, суровые плакаты против публичного отправления любых форм богослужения, кроме реформированной религии, согласно постановлениям Дортского синода,[стр.185], как известно, не соблюдались. Те, кто был способен и желал заплатить за разрешение, находили готовую и разумную терпимость.

Эта терпимость была вызвана не только продажностью чиновников, но скорее духом материалистического безразличия, царившим среди ортодоксальных кальвинистов, которые единственные имели право занимать государственные должности. Большое число тех, кто исповедовал устоявшуюся веру, на самом деле были либо номинальными конформистами, слишком погруженными в дела, чтобы беспокоиться о религиозных вопросах, либо на самом деле замаскированными вольнодумцами. Никогда не следует забывать, что в Соединенных провинциях, взятых в целом, кальвинисты, будь то ортодоксальные или арминианские, составляли меньшинство населения. Даже в самой Голландии более половины жителей были католиками, включая многие старые семьи и почти все крестьянство. Аналогичным образом, в Утрехте, Гелдерланде и Оверисселе католики составляли большинство. Земли округа, Северный Брабант и Голландская Фландрия, были полностью римской веры. В Голландии, Зеландии и особенно во Фрисландии и Гронингене у меннонитов-баптистов и других сект было множество приверженцев. Свобода мысли и в значительной степени вероисповедания фактически была в то время характерной чертой Нидерландов и существовала, несмотря на нераспечатанные плакаты, которые под страхом суровых наказаний требовали строгого соблюдения принципов Dort.

[стр.186]

ГЛАВА XII

ЛИТЕРАТУРА, НАУКА И ИСКУССТВО

Эпитет "славный" — *roemrijke* — часто применялся голландскими историками к периоду правления Фредерика Генриха — и вполне заслуженно. В предыдущей главе говорилось, что это было время замечательной морской и колониальной экспансии, коммерческого превосходства и материального процветания. Но дух Голландии, достигшей своей кульминации национального величия в середине 17 века, был далек от того, чтобы быть полностью занятым приключенческими путешествиями и завоеваниями по далеким морям или погруженным в грязную коммерциализацию у себя дома. Быстрое накопление богатства путем успешной торговли опасно для морального здоровья и стабильности как отдельных людей, так и обществ; и пороки, которые следуют за этим, как мы уже указывали, в определенной степени заразили официальные и коммерческие классы голландской республики в ту эпоху. Однако есть и другая сторона этой картины. Народ Соединенных Провинций в своей долгой борьбе за существование в качестве свободного и независимого государства призвал всю дремлющую энергию и качества, на которые была способна их раса, к интенсивной и многосторонней деятельности, в результате чего оживляющий импульс, который был направлен по венам и который заставил пульсы биться от напряжения усилий и жажды надежды, проник во все сферы мысли и жизни. Когда был подписан Мюнстерский мирный договор, Голландия заняла свое место в самом переднем ряду цивилизованного мира как родина литературы, науки и искусства и, несомненно, была самым образованным государством в Европе.

В эпоху, когда латынь была универсальным языком обучения, именно этот последний факт привлекал наибольшее внимание современников. Войны и гонения, последовавшие за Реформацией, сделали Голландию прибежищем многих самых предприимчивых людей, самых отборных интеллектуалов и самых независимых мыслителей того времени. Фламандцы и валлоны, бежавшие от Альвы и инквизиции, испанские и португальские евреи, изгнанные[стр.187] фанатизмом Филиппа II, французские гугеноты и немецкие кальвинисты, нашли в границах Соединенных провинций страну усыновления, где свобода печати и свобода мнений существовали в такой степени, какой нигде не знали до совершенно нового времени. Социальное положение страны, исчезновение феодальной знати и рост многочисленной и состоятельной бюргерской аристократии, в руках которой действительно находилось правительство республики, привели к широкому распространению образования и культуры. Все путешественники по Голландии 17 века были поражены свидетельствами всеобщего процветания в сочетании с большой простотой жизни и тихим домашним уютом, которые попадались им на глаза во всех местах, которые они посещали. Домашний уют можно было увидеть повсюду, но даже в особняках принцев-купцов Амстердама не было никакой показной демонстрации богатства и роскоши. Вероятно, ни о каком другом народе нельзя было сказать, что "среди голландцев было немодно не быть деловым человеком"^[6]. И все же, несмотря на это, в нем не было той узости кругозора, которая обычно ассоциируется с обществом бюргеров, погруженных в торговлю. Следует помнить, что эти люди обязательно были знакомы со многими языками, поскольку у них были коммерческие связи со всеми частями света. Число тех, кто действительно путешествовал по далеким океанам, в любом климате, среди любого разнообразия рас, было также очень велико; и их присутствие в домашних кругах и на общественных собраниях и все, что они могли рассказать о своем опыте, открывало умы людей, будоражило их воображение и пробуждало интерес и любознательность, которые делали даже домоседов-голландцев бдительными, восприимчивыми и жаждущими знаний.

Поступок Вильгельма Молчаливого по основанию Лейденского университета как памятника великому освобождению 1574 года был пророческим предзнаменованием будущего, которое

вот-вот должно было наступить на землю, которую в момент ее наихудшего положения успешная оборона Лейдена сделала так много, чтобы спасти от полной катастрофы. По причинам, которые уже были изложены, известные ученые, гонимые нетерпимостью из своих стран, нашли в недавно основанной Академии в Голландии дом, где они могли беспрепятственно заниматься своей литературной работой, и придали ей известность, которая быстро привлекла тысячи студентов не только из Нидерландов, но и из-за рубежа. Это было особенно важно[стр.188] в то ужасное время, когда Германия была опустошена Тридцатилетней войной. Среди ученых и филологов, занимавших кафедры в Лейдене в течение первого столетия его существования, есть длинный список имен с европейской известностью. Юстуса Липсиуса и Иосифа Флавия Юстуса Скалигера можно по праву причислить к основателям науки критического исследования. Они были иностранного происхождения, как и Салмасий, один из их преемников, известный своей полемикой с Джоном Мильтоном. Но лишь менее выдающимися в области филологии и классического образования были нидерландцы Герардус Йоханнес Воссийс (1577-1649) и его пятеро сыновей, один из которых Исаак (1618-1689), можно даже сказать, превзошел своего отца; Даниэль Хайнсийс (1580-1665) и его сын Николас (1620-1681), люди огромной эрудиции и критической проницательности; и блестящий латинист Каспар Барлеус (1584-1648). О богословах и их ожесточенных спорах потомство сохранило менее благодарные воспоминания. Гомарус и Арминий своими спорами были инициаторами партийных распрей и гражданских разногласий, которые привели к смерти Ольденбарневельдта на эшафоте; и вместе с ними можно упомянуть Епископия, Воэция, Кекея, Богермана и УйтенбогERTA. Не все эти люди имели прямое отношение к Лейдену, поскольку успех, сопутствовавший созданию академии в этом городе, быстро привел к возведению аналогичных учреждений в других местах. Университеты были основаны во Франекере в 1584 году, Гронингене в 1614 году, Амстердаме в 1632 году, Утрехте в 1636 году и Хардервейке в 1646 году. Они не имели такой привлекательности для иностранцев, как Лейден, но быстро стали центрами распространения того высокого уровня общей культуры, который был отличительной чертой Нидерландов 17 века.

Все писатели, имена которых только что были упомянуты, использовали почти исключительно латынь в качестве средства выражения. Но одно имя, самое известное из всех, было опущено, потому что в силу политических обстоятельств он был вынужден провести большую часть своей жизни в изгнании с родной земли. Гуго Гроцийс (Хьюг ван Гроот) после его побега из замка Левештайн в 1621 году, хотя он всю жизнь оставался истинным патриотом, так и не удалось убедить принять помилование, которое подразумевало признание вины в нем самом или в Ольденбарневельдте. Таким образом, человек, который, как было известно, был фактическим автором *оправдания* Адвоката, продолжал жить в стесненных обстоятельствах в Париже, пока Оксеншерн[стр.189] не назначил его шведским послом при французском дворе. Этот пост он занимал в течение одиннадцати лет. О его экстраординарных способностях, а также о разнообразии и широте его знаний невозможно говорить без кажущегося преувеличения. Гроция в свое время называли "чудом света"; в интеллектуальном плане он, безусловно, является одним из самых выдающихся людей, произведенных голландской расой. Ученый, юрист, богослов, философ, историк, поэт, дипломат, писатель - он преуспел почти во всех отраслях знаний и стал мастером любого предмета, за который брался. Для изучающего международное право трактат Гроция "*Закон войны и мира*" по-прежнему остается учебником, на котором была возведена более поздняя надстройка. Его "*Mare liberum*", написанный специально для того, чтобы опровергнуть притязания Португалии на исключительное право

торговли и мореплавания в Индийском океане, привлек большое внимание в Европе и был воспринят Яковом I как атака на часто провозглашаемый *мари́йский* доминион английской короны в узких морях. Это побудило короля издать прокламацию, запрещающую иностранцам ловить рыбу в британских водах (май 1609 года). *Mare clausum* Селдена был ответом, написанным по приказу короля, на *Mare liberum*. Из его строго исторических работ "" *Анналы и исторические ребус Бельгии*", благодаря своей беспристрастности и общей точности не в меньшей степени, чем законченному и ясному стилю, выделяется как лучший из всех современных отчетов о восстании в Нидерландах с голландской стороны. Как богослов Гроций занимал высокое положение. Его "*Об истинной религии христианской*" и его *Аннотации к Ветухи и Новому Завету*" устарели; но "*Об истинности*" была в свое время ценнейшим произведением христианской апологетики и была быстро переведена на многие языки. *Аннотации* с момента их написания были полезны комментаторам Священных Писаний благодаря их яркости и наводящему на размышления по многим вопросам критики и толкования. Его обширная переписка, дипломатическая, литературная, конфиденциальная, богата информацией, касающейся истории и жизни его времени. Собрано и опубликовано несколько тысяч таких писем.

Но если тлеющие угли ожесточенной сектантской и партийной борьбы вынудили самого блестящего из собственных сыновей Голландии провести последние двадцать три года своей жизни в иностранной столице и поступить на службу иностранному государству, Голландия в то же время, как мы видели, добивалась отличия благодаря присутствию в ее гостеприимных пределах людей иностранного происхождения, известных своей ученостью.[стр.190]

Таким образом, и картезианская, и Спинозановская философские системы родились на голландской земле. Рене Декарт искал убежища от Франции в Амстердаме в 1629 году и в течение двадцати лет проживал в разных местах Соединенных провинций, в том числе в университетских городах Утрехт, Франекер и Лейден. За это время он опубликовал большинство своих самых известных работ, включая знаменитые *Рассуждения о методе*. Его влияние было велико. У него появилось много учеников, которые открыто или тайно стали "картезианцами". Среди его учеников был Барух Спиноза (1632-1677), апостол пантеизма. Португальский еврей по происхождению, Спиноза родился в Амстердаме и всю жизнь проживал в своем родном городе.

Таким образом, слава Голландии в Европе 17 века как избранного дома обучения была создана учеными и мыслителями, литературным языком которых обычно была латынь. Теперь пришло время рассказать о блестящей группе поэтов, драматургов и стилистов, которые с таким успехом использовали ресурсы своего родного языка, что сделали эту великую эпоху поистине Золотым веком голландской литературы в собственном смысле этого слова. Рост подлинной национальной литературы в Нидерландах, породивший во второй половине 13 века Маерландта и Мелис Стоук, на некоторое время сдерживался влиянием бургундского *режима*, где французский, как придворный язык, был в целом принят высшими классами. Таким образом, нидерландский или нижненемецкий язык постепенно деградировал из-за введения убогих слов и иностранных способов выражения. Тем не менее этот период языковой деградации стал свидетелем возникновения самого замечательного института популяризации "Искусства поэзии". Я имею в виду литературные гильдии, носящие название "Палаты риторики", которые, хотя и имеют французское происхождение, быстро акклиматизировались в Нидерландах. Почти в каждом городе были основаны одна или несколько таких "гильдий", радовавших людей своим

причудливым зрелищем и сложными ритуалами и формировавших центры света и культуры по всей стране. Рифмовка, стихосложение, актерская игра стали благодаря их средствам развлечением многих тысяч владельцев магазинов, ремесленников и даже крестьян. И со всеми их недостатками стиля и вкуса, их бесконечным излиянием плохой поэзии, их слабыми пьесами и грубыми фарсами, ряженьем и буффонадой, которые примешивались даже к их самым серьезным усилиям, "Риторы"[стр. 191] успешно выполнили великую и важную работу по привлечению целого народа в век невежества и тьмы к любви к литературе и тем самым заложили основу для великого возрождения 17 века. Одно время в Амстердаме было несколько таких Риторических залов, но к концу XVI века все они исчезли, за одним блестящим исключением - "Цветущей Эглантины", иначе известной как "Старая палата". Основанный в 1518 году под особым покровительством Карла V, "Эглантайн" благополучно пережил опасности и неприятности Восстания и перешел в 1581 году под совместное руководство некоего известного триумvirата - Курнхерта, Шпигеля и Вишера. Эти люди объединились, "чтобы поднять, восстановить и обогатить" свой родной язык. Но они были не просто литературными пуристами и реформаторами; "Эглантина" стала в их руках и благодаря их усилиям средоточием новой литературной жизни и энергии, а Амстердам заменил павший Антверпен в качестве родины нидерландской культуры.

Старший член триумvirата, Дирк Фолькерц Курнхерт, вел бурную и полную приключений жизнь. Он был преданным приверженцем Вильгельма Молчаливого и в течение ряда лет, невзирая на удачу и невзгоды, посвятил себя пером и лично делу своего покровителя. Как поэт он не достиг особых высот, но был великим памфлетистом и, принимая активное участие в религиозных спорах, своими публикациями навлек на себя бурю неприятия и в конце концов прекратил преследования. Он был, как и его покровитель, человеком умеренных и терпимых взглядов, которые в эпоху религиозного фанатизма навлекли на него ненависть всех партий и обвинение в вольнодумстве. Его бурная жизнь закончилась в 1590 году. Хендрик Лауренс Шпигель (1549-1612) был членом старинной амстердамской семьи. Шпигель был католиком, во всех отношениях противоположным Курнхерту. Преуспевающий гражданин, простой, ненавязчивый и милосердный, он провел всю свою жизнь в родном городе, и, поскольку его религия не позволяла ему занимать государственные должности, он отдавал все свое свободное время развитию своего ума и литературным занятиям. Работой, на которой в основном зиждется его слава, была дидактическая поэма под названием "*Герт-Шпигель*". В своем уютном загородном доме на берегу Амстела, под широким и раскидистым деревом, которое он имел обыкновение называть "Храмом муз", он любил собирать круг друзей-литераторов, независимо от различий во мнениях или вере,[стр.192] и проводить с ними вторую половину дня в приятной беседе о книгах, людях и вещах. Ремер Вишер, самый молодой член триумvirата, был, как и Шпигель, амстердамцем, католиком и зажиточным торговцем. Его поэтические усилия не достигли высокого уровня, хотя его эпиграммы, которые были одновременно остроумными и причудливыми, снискали ему у современников прозвище "Второго марциала". Однако слава Ремера Вишера основывается не только на его трудах. Человек очень приветливый, образованный, проницательный и с чувством юмора, он был чрезвычайно гостеприимен, и ему повезло, что у него была жена с такими же вкусами и дочери, более одаренные, чем он сам. В течение двадцати лет, предшествовавших его смерти в 1620 году, его дом был избранным местом встречи лучших разведчиков того времени. Молодым он всегда был готов подбодрить и помочь; и борющийся талант всегда находил в нем доброго критика и сочувствующего друга. Он дожил до того, чтобы увидеть и познакомиться с Бредеро,

Вонделем, Котами и Гюйгенсом, людьми, чьи имена сделали период Фридриха Генриха самым прославленным в анналах голландской литературы.

Гербранд Адрианш Бредероо, строго говоря, не принадлежал к тому периоду. Он преждевременно скончался в 1618 году, став еще молодой жертвой своенравной жизни, полной распутства и разочарований. Его комедии, написанные на грубом диалекте рыбного рынка и улицы, полны местного юмора и оригинальности и дают подлинное представление о низменной жизни старого Амстердама. Его песни показывают, что Бредероо обладал настоящим поэтическим даром. Они раскрывают под грубой, а порой и распущенной внешностью тонкую восприимчивость и почти женственную нежность. Йост ван ден Вондел родился в тот же год, что и Бредероо, в 1587 году, но его карьера сильно отличалась. Вондель дожил до 1679 года, и за всю свою долгую жизнь его перо никогда не сидело сложа руки. Его драмы и стихотворения (в издании Ван Леннепа) занимают двенадцать томов. Такое обширное произведение, как и неизбежно, содержит материал весьма неодинаковых достоинств; но не будет преувеличением сказать, что высочайшие взлеты лирической поэзии Вонделя, схожие по силе выражения и образности, по разнообразию метра и гармоничной интонации стиха, заслуживают гораздо более широкой оценки, чем они когда-либо получали, благодаря несчастью того, что были написаны на языке, малоизвестном и читаемом. Вондель был сыном гражданина Антверпена, вынужденного как протестант бежать из своего родного города после его захвата Пармой. Он нашел убежище в Кельне, где родился поэт[стр.193], а затем поселился в Амстердаме. В этом городе Вондель провел всю свою жизнь, сначала лавочником, затем клерком в Городской сберегательной кассе. Он всегда был бедным человеком; он никогда не искал покровительства великих, а скорее отталкивал их. Его язвительные нападки на тех, кто причастен к смерти Ольденбарневельдта, и его приверженность протестантскому делу привели его в юности к немилости правящей партии, в то время как позже его обращение в католицизм — в 1641 году — и его страстная защита ее доктрин были постоянным препятствием на пути к общественному признанию его талантов, которого он заслуживал. Вондель никогда и ни при каких обстоятельствах не приносил свои убеждения в жертву своим интересам, и он писал стихи не из желания богатства или славы, а потому, что был прирожденным поэтом и его ум находил в стихах естественное выражение своих мыслей и эмоций.

Но, хотя Вондел был бедным человеком, он не был необразованным. Напротив, он был прилежным изучателем греческой и латинской литературы и перевел многие поэтические шедевры на этих языках на голландский язык стихами. Действительно, его изучение было настолько тщательным, что это омрачило большую часть его собственной работы. Вондель написал огромное количество драм, но его близкое подражание греческому образцу с его хором и строгое соблюдение единства делают их искусственными по форме илишенными движения и жизни. Это подчеркивается тем фактом, что многие из них основаны на библейских сюжетах, а также монотонностью александрийского метра, в котором написаны все диалоги. Именно в припевах особенно ярко проявляется поэтический гений Вонделя. Лирические жемчужины во всем разнообразии метра можно найти в драмах Вонделяна, как в его юношеских начинаниях, так и в тех, что были написаны в глубокой старости. Из драм самой прекрасной и известной является *"Люцифер"*, 1654 год, в которой рассказывается об изгнании Люцифера и его мятежного воинства ангелов с Небес. Мы находимся здесь в присутствии великолепной попытки грандиозно разобраться с колоссальной темой. Представление о личности Люцифера носит героический характер; и сравнение дат делает по меньшей мере вероятным, что эта голландская драма попала в руки Джона Мильтона и что отчетливые следы

впечатления, которое она произвела на него, можно найти в некоторых отрывках "*Потерянного рая*". Вондель также создал сотни случайных произведений, помимо нескольких длинных религиозных и дидактических стихотворений. Он даже написал эпическую поэму о Константине Великом, но она так и не была завершена. Из случайных стихотворений, пожалуй, лучшими являются песни о триумфе над[стр.194] победами Фредерика Генриха и великих адмиралов Тромпа и Де Руйтера.

Якоб Котс (1577-1660), как и Вондель, дожил до глубокой старости, но в совсем других обстоятельствах. Он был уроженцем Дордрехта и стал пенсионарием этого города, и, хотя не выделялся как государственный деятель или политик, его настолько уважали за его благоразумие и умеренность, что в течение двадцати двух лет он занимал важный пост советника-пенсионария Голландии и дважды отправлялся в качестве чрезвычайного посланника в Англию. Он был плодовитым писателем и, несомненно, самым популярным и широко читаемым из поэтов своего времени. Его работы можно было найти в каждой голландской усадьбе, и он был широко известен как "Отец кошек". Однако его подарки были совсем иного порядка, чем у Вонделя. Его длинные стихи были посвящены главным образом событиям домашнего, повседневного существования; и язык, простой, непритязательный и порой банальный, тем не менее не был лишен определенного успокаивающего очарования. Здесь нет высокого полета воображения или страсти, но есть много отрывков, столь же богатых причудливой фантазией, как и мудрыми сентенциями. Для Константина Гюйгенса (1596-1687) написание стихов было лишь одним из многих способов, с помощью которых один из самых культурных, разносторонних и занятых людей своего времени находил приятное развлечение в часы досуга. Доверенный секретарь, друг и советник трех принцев Оранских подряд, Гюйгенс в этом качестве в течение многих лет мог оказывать большие услуги Фридриху Генриху, Вильгельму II и Вильгельму III, особенно, возможно, последнему в трудный и беспокойный период его несовершеннолетия. Тем не менее все эти заботы и труды дипломата, администратора, придворного и светского человека не помешали ему следовать своей естественной склонности к интеллектуальным занятиям. Он был человеком блестящих ролей и утонченных художественных вкусов. Знакомый со многими языками и литературами, опытный музыкант и композитор, щедрый покровитель литературы и искусства, его поэтические усилия в высшей степени характеризуют личность этого человека. Его сборники коротких стихотворений — *Hofwijck*, *Cluijwerck*, *Voorhout* и *Zeestraet* — содержат изысканные и остроумные картины жизни в Гааге — "деревне деревень" — и одновременно изысканны по форме и содержательны по выражению.

Остается поговорить о человеке, которого действительно можно назвать центральной фигурой среди его литературных современников. Питер[стр.195] Корнелис Хофт (1583-1647), бесспорно, был первым литератором своего времени. Он происходил из одной из первых семей бюргерской аристократии Амстердама, в этом городе его отец, Корнелис Питерс Хофт, занимал должность бургомистра не менее тринадцати раз. Он начал писать стихи еще мальчиком, и его сильная склонность к литературе усилилась после продолжительного более чем трехлетнего турне по Франции, Германии и Италии, почти два года из которых были проведены во Флоренции и Венеции. После возвращения он изучал юриспруденцию в Лейдене, но когда ему было всего двадцать шесть лет, он получил назначение, которое должно было сформировать и закрепить всю его будущую карьеру. В 1609 году принц Морис, в знак признания великих заслуг своего отца, назначил Хуфта на желанный пост дроста, или губернатора Мюйдена, и судебного пристава Гуиланда. Этот пост включал в себя отнюдь не обременительные судебные и

административные обязанности; и официальная резиденция Дроста, "Высокий дом Мюйдена", укрепленный феодальный замок с прекрасными садами, расположенный в том месте, где недалеко от Амстердама река Вехт сонно впадает в Зюйдер-Зее, с тех пор на тридцать лет стал настоящим домом литераторов.

Литературную жизнь Хуфта можно разделить на две части. В течение десятилетия после своего поселения в Мюйдене он был известен как драматург и автор красивых песен о любви. Его драмы — *Гирард ван Вельзен*, *Варенар* и *Баэто*— пришлись по вкусу публике и часто ставились, но не отличаются высокими достоинствами. Его песни и сонеты отличаются музыкальным ритмом и воздушной легкостью обращения, но в основном они были написаны, как он сам говорит нам, для собственного удовольствия и для удовольствия своих друзей, а не для широкой публикации. Тем не менее, в сборнике стихов Хуфта есть очаровательные фрагменты, и он, безусловно, был знатоком технических тонкостей метрического мастерства. Но сам Хоофт стремился к тому, чтобы потомки запомнили его как национального историка. Он стремился дать такое описание борьбы с Испанией, которое дало бы ему право называться "Тацитом Нидерландов". Он хотел создать не просто хронику, подобную хроникам Бора или Ван Метерена, а историю литературы на голландском языке, стиль которой должен был быть подобран по образцу стиля великого римского писателя, произведения которого Хоофт, как говорят, перечитал пятьдесят два раза. Сначала он, чтобы попробовать свои силы, написал жизнеописание Генриха IV Французского, которое имело большой успех. Людовик XIII был так доволен этим, что послал автору золотую цепь и произвел его в рыцари[стр.196] ордена Святого Михаила. Воодушевленный таким образом, 19 августа 1628 года Хофт начал свои "*Истории Нидерландов*", и с этой даты до своей смерти в 1647 году он неустанно работал над "*великим произведением*", которое, начиная с отречения Карла V, он намеревался продолжать до заключения Двенадцатилетнего перемирия. Он не дожил до того, чтобы довести повествование дальше конца лестерского режима. В маленькой башенке во фруктовом саду в Мюйдене он хранил свои бумаги; и здесь, никем не потревоженный, он проводил все свои свободные часы в течение девятнадцати лет, занимаясь великой задачей, на которой он сосредоточил всю свою энергию. Он сам рассказывает нам об огромных усилиях, которые он приложил, чтобы получить полную и точную информацию, собирая записи, консультируясь с архивами и представляя каждую часть в том виде, в каком она была написана, на критику ныне живущих авторитетов, особенно Константину Гюйгенсу и через него самому принцу Оранскому. Прежде всего Хофт стремился, по его собственным словам, "никогда не скрывать правду, даже если бы это наносило ущерб отечеству"; и осуществление этого принципа придало написанной им великой прозаической эпопее постоянную ценность, независимо от ее достоинств как замечательного литературного достижения. И все же, возможно, самое ценное наследие, которое Хоофт оставил потомкам, - это его коллекция писем. Из них недавний автор^[7] заявил, "что, хотя нельзя утверждать, что они [письма Хуфта] отбрасывают тень на всю остальную нидерландскую литературу, все же утверждение не было бы далеко за гранью истины". Они затрагивают самые разные темы, серьезные и веселые; и они дают нам представление о литературной, социальной и домашней жизни Голландии того времени, которая представляет большую ценность, чем любая история.

В этих письмах мы находим живые портреты ученых, поэтов, драматургов, музыкантов, певцов, придворных и путешественников, которые образовали то блестящее общество, получившее от их современников название "Кружок мюйденов" - *Muidener Kring*. Добродушный и гостеприимный Дрост любил видеть рядом с собой "пять или шесть пар друзей", которых он с

удовольствием пригласил в Мюйден. Хуфт был дважды женат, и обе его жены, Кристина ван Эрп и Хелеонора Хеллеманс, были очаровательными и образованными женщинами, наделенными теми социальными качествами, которые придавали дополнительную привлекательность собраниям Мюйдена. Брандт, биограф Хуфта, описывает Кристину как "обладательницу исключительных способностей и интеллекта, такую красивую, приятную,[стр.197] приветливую, сдержанную, нежную и грациозную, какой только мог желать такой мужчина"; в то время как о Хелеоноре сам Хуфт пишет: "В этом доме всегда светит солнце, даже когда снаружи идет дождь".

Эта ссылка на двух хозяек Мюйдена привлекает внимание к одной из примечательных особенностей общественной жизни Голландии того периода, а именно к высокому уровню образования женщин, принадлежащих к высшему бюргерскому классу. В качестве примеров можно привести Анну и Марию Тессельшаде Вишер и Анну Марию Шуурман. Анна, старшая из двух дочерей Ремера Вишера (1584-1651), выросла в культурной среде. В течение нескольких лет после смерти матери она занимала ее место хозяйки дома, который до 1620 года был гостеприимным местом встреч литературного общества Амстердама. Сама она была женщиной широкой эрудиции, и ее слава как поэтессы была такова, что, согласно моде того времени, она заслужила титул "голландской Сафо". Тессельшаде, на десять лет младше своей сестры и получившей образование под ее опекой, однако было суждено затмить ее как своим личным обаянием, так и разнообразными достижениями. Если бы можно было поверить всему, что говорят в ее похвалу Хофт, Гюйгенс, Барлеус, Бредероо, Вондел и Кэтс, она, должно быть, действительно была настоящим чудом совершенной женственности. Как певица она считалась непревзойденной, а ее мастерство в живописи, резьбе, офорте по стеклу и гобеленам было высоко оценено ее многочисленными поклонниками. К сожалению, почти все ее поэтические произведения, включая перевод на голландский язык "*Иерусалима освобождения*" Тассо, к сожалению, погибли, но сохранилась единственная ода — "Ода соловью" — работа, достойная Шелли, демонстрирующая ее истинный лирический дар. В Мюйдене присутствие "прекрасной" Тессельшаде было почти необходимым. "Какой пир был бы полноценным, - писал ей Хофт, - на котором вы не присутствовали? Тогда соблаговолите составить нам компанию, если это возможно"; и еще: "то, что вы придете, - мое самое искреннее желание. Если вы только станете нашим гостем, то, я надеюсь, излечите все наши недуги". Он говорит о ней в разговоре с Барлеусом как о "жрице"; и ясно, что в ее святилище все завсегда и Мюйдена были готовы возжечь благовония преклонения. И Анна, и Тессельшаде, как и их отец, были набожными католиками.

Анна Мария ван Шуурман (1607-84) была женщиной другого типа. Похоже, она не любила и не блистала[стр.198] в обществе, но она была настоящим феноменом учености. Ей приписывают мастерство в живописи, резьбе по дереву и других искусствах; но ее слава зиждется не на этих, так сказать, вспомогательных достижениях, а на необычайном диапазоне и разнообразии ее солидной эрудиции. Она была одновременно лингвистом, эрудитом, теологом, философом, естествоиспытателем и астрономом. Она была замечательным лингвистом и обладала глубокими литературными и научными знаниями французского, английского, немецкого, итальянского, латыни, греческого, иврита, сирийского, халдейского, арабского и эфиопского языков. Ее репутация получила широкое распространение, и в последние годы ее долгой жизни многие незнакомые люди приезжали в Утрехт, где она жила, чтобы попытаться хоть мельком увидеть столь великую знаменитость, что было нелегко из-за ее отвращения к подобным визитам.

Обращаясь к области математических и физических наук, а также к научным исследованиям и открытиям, мы обнаруживаем, что и здесь нидерландцы 17 века достигли наивысшего отличия. Как математики Симон Стевин, друг и наставник Мориса Оранского, и Фрэнсис ван Шутен, лейденский профессор, который числил среди своих учеников Кристиана Гюйгенса и Джона де Витта, проделали много превосходной работы в первые годы столетия. Опубликованные труды Де Витта о "свойствах кривых" и о "теории вероятностей" показывают, что величайший из голландских государственных деятелей мог бы прославиться как математик, если бы административные заботы позволяли ему заниматься абстрактными исследованиями, которые он любил. О научных достижениях Кристиана Гюйгенса (1629-1695), блестящего сына блестящего отца, трудно говорить в адекватных терминах. Едва ли в анналах науки найдется имя, стоящее выше его. Его способности чистого математика ставят его в первый ряд среди математиков всех времен; и все же услуги, которые он оказал математической науке, были превзойдены его экстраординарной способностью сочетать теорию с практикой. Его изобретательность, широкие обобщения, оригинальность мышления были почти безграничны. Среди математических задач, с которыми он успешно справлялся, были теория чисел, возведение круга в квадрат и расчет шансов. Ему мы обязаны представлением о законе сохранения энергии, о движении центра тяжести и волновой теории света. Он изложил законы движения маятника, увеличил мощность телескопа, изобрел микрометр, открыл[стр.199] кольца и спутники Сатурна, сконструировал первые часы с маятником и машину, названную пороховой машиной, в принципе предшественницу паровой машины. Кристиан Гюйгенс был настоящим гигантом благодаря своему уму и изобретательскому гению. Последние годы своей жизни он провел в Париже, где был одним из основателей и первых членов *Академии наук*. Необходимо упомянуть два других имени ученых, завоевавших европейскую репутацию благодаря оригинальным исследованиям и постоянному пополнению знаний; имена Антони ван Левенгука (1632-1723) и Яна Сваммердама (1637-80). Левенгук всю жизнь был наблюдателем за мельчайшими подробностями жизни. Микроскоп (изобретением которого обязан голландцу Корнелиусу Дреббелю) был любимым инструментом его терпеливых исследований, и он смог значительно улучшить его механизм и мощность. Среди результатов его трудов было открытие инфузорий и сбор ценной информации о кровообращении и строении глаза и мозга. Сваммердам был натуралистом, посвятившим себя изучению повадок и метаморфоз насекомых, и его можно считать основателем этой важнейшей отрасли научных исследований. Его работа легла в основу, на которой были построены все последующие знания по этому предмету.

Вряд ли нужно говорить, что школа голландской живописи достигла своего расцвета в период правления Фредерика Генри и в десятилетия, предшествовавшие ему и последовавшие за ним. Это была эпоха Рембрандта. Работы этого великого мастера и его современников, большинство из которых находились под влиянием его гения, а во многих доминировал его гений, хорошо известны каждому любителю искусства, и их можно увидеть в каждой коллекции картин в Европе. Однако стоит посетить Государственный музей в Амстердаме и Маурицхейс в Гааге, чтобы оценить, какой необычайный всплеск художественного мастерства и таланта произошел в это время в узких пределах северных Нидерландов. Для изучающего историю Нидерландов эти две галереи являются откровением, поскольку там мы видим Голландию 17 века, изображенную перед нами на каждом этапе ее напряженной и процветающей общественной и домашней жизни. В особенности это относится к портретам отдельных лиц, гражданских и гильдейских групп кисти Рембрандта, Франса Халса, Ван дер Хелста и их

последователей, которые образуют неповторимую серию, равной которой мало кто знает. Чтобы понять, до какой степени в разгар войны в Голландии процветало изобразительное искусство, достаточно простого списка самых известных художников[стр.200] того периода, он рассказывает свою историю. Они приведены в порядке их дат: Франс Халс (1584-1666), Герард Хонтхорст (1592-1662), Ян ван Гойен (1596-1656), Ян Вивантс (1600- 87), Альберт Кейп (1606-72), Ян Ливенс (1607-63), Рембрандт ван Райн (1608-69), Герард Тербург (1608-81), Адриан Брауэр (1608-41), Фердинанд Бол (1609-81), Саломон Конинг (1609-74), Андреас Ботх (1609-60), Ян Ботх (1610-62), Адриан ван Остаде (1610-85), Бартоломаус ван дер Хелст (1613-70), Джерард Доу (1613-80), Габриэль Метцу (1615-58), Говерт Флинк (1615-60), Исаак ван Остаде (1617-71), Арт ван дер Нер (1619-83), Питер де Конинг (1619-89), Филипп Вуверманс (1620-68), Питер ван дер Хуг (?), Николас Берхем (1624-83), Пол Поттер (1625-54), Якоб Рейсдаль (1625-81), Майндерт Хоббема (?), Ян Стин (1626-79), Самуэль ван Хогстратен (1627-78), Людольф Бакхейзен (1631-1709), Ян ван дер Меер Делфтский (1632-?), Николас Маэс (1632-93), Уильям ван дер Вельде (1633-1707), Франс ван Миерис (1635-81), Каспар Нетшер (1639-84), Адриан ван дер Вельде (1639-72).

Странно, что о жизни подавляющего большинства этих людей известно мало; они едва ли представляют собой нечто большее, чем имена, но память о них сохранилась в их произведениях. Нельзя было привести лучшего доказательства всеобщего изобилия денег и в то же время широко распространенной культуры страны, чем тот факт, что искусство находило среди всех классов так много покровителей. Аристократические бюргеры-магистраты и богатые торговцы любили украшать свои дома портретами и отборной подборкой картин; это было любимое вложение капитала, и между знатными семьями в таком городе, как Амстердам, существовало определенное соперничество за обладание прекрасной коллекцией. Коллекция "Six" до сих пор хранится в качестве примера на стенах дома бургомистра Сикса 17 века, где она была первоначально размещена. Руководящие органы гильдий и советов директоров, члены корпораций, чиновники города *шуттерий* или стрелковых рот были рады, когда их портреты развешивали в своих залах заседаний совета или собраний. В зажиточных фермерских усадьбах и даже в жилищах беднейших слоев населения можно было найти картины, как это можно видеть во многих "интерьерах", которые были излюбленным сюжетом *жанровых* художников того времени. Но при всем этом спросе сами художники, похоже, в любом случае не получали высокой оплаты. Цены были низкими. Даже сам Рембрандт, чьи достижения были[стр.201], вероятно, намного больше, чем у любого из его современников, и чья первая жена, Саския Уленбург, была женщиной со средствами, обанкротился в 1656 году, и это в то время, когда он был еще в расцвете сил. Некоторые из его самых известных картин были сняты позже.

Во время Тридцатилетней войны Голландия стала центром издательской и книготорговой торговли, а Лейден и Амстердам прославились как ведущие центры книгопечатания в Европе. Опустошение Германии и свобода прессы в Соединенных Провинциях в совокупности привели к такому результату. Книги, выпущенные издательством Elseviers в Лейдене, а также Ван Уэсбергом и Клоппенбурхом в Амстердаме, по праву считаются прекрасными образцами печатного искусства, в то время как карты Виллема Янса Блау и его голландских современников не имели себе равных и стали большим шагом вперед в картографии.

Эта глава не может не завершиться упоминанием роли, которую сыграли голландцы в развитии современной музыки и современной сцены. Любовь к музыке была широко распространена, и

музыканты Нидерландов были известны в равной степени как композиторы и исполнители. Именно из своей прежней родины в Нидерландах искусство современной музыки распространилось в Италию и Германию, да и вообще по всей Европе. Точно так же в позднем средневековье жители Нидерландов были известны своим восхищением сценическими представлениями и живописным великолепием, с которым они исполнялись. Литературные гильдии, названные Палатами риторики, нигде не пускали таких глубоких корней; и в постановке мистерий и нравоучений, а также более легких комических пьес (*chuttementen* и *cluyten*) принимали участие многие тысячи торговцев и ремесленников. В 17 веке исчезли все Риторические палаты, за единственным исключением знаменитой "Старой палаты" в Амстердаме, известной как *Цветущая Эглантина*, к которой принадлежали ведущие духи Золотого века голландской литературы и которая руководила рождением голландской сцены. С самого начала сцена пользовалась популярностью и хорошей поддержкой, а новый амстердамский театр "Шубург" (построен в 1637 году) быстро прославился завершенностью своих аранжировок и способностями актеров. Их репутация была такова, что бродячие труппы голландских актеров посетили главные города Германии, Австрии и Дании, везде находя радушный прием и пожиная богатые плоды, в то время как в Стокгольме на какое-то время был открыт постоянный голландский театр.

[стр.202]

ГЛАВА XIII

ШТАТГАЛЬТЕР ВИЛЬГЕЛЬМА II.

ВЕЛИКОЕ СОБРАНИЕ

После смерти Фредерика Генриха Оранского (март 1647 г.) его единственный сын унаследовал его титулы и поместья, а также в силу Акта о выживании - должности штатгальтера в шести провинциях и генеральские чины капитана и генерал-адмирала Союза. Уильяму был всего двадцать один год, и, поскольку при жизни Фридриха Генриха он был лишен возможности принимать какое-либо активное участие в государственных делах, он направил свою энергию

на погоню за удовольствиями и вел веселый и распутный образ жизни. Однако его приход к власти был быстрым доказательством того, что он обладал большими способностями, властной волей и острым честолюбием. Он решительно не одобрял ход мирных переговоров в Мюнстере и предпочел бы с помощью французов попытаться изгнать испанцев из южных Нидерландов. Предварительные условия были, однако, уже улажены весной 1647 года; и решимость провинции Голландия и особенно города Амстердама заключить выгодный мир с Испанией и свергнуть Францию сделала сопротивление молодого штатгальтера бесполезным. Но Вильгельм, хотя ему волей-неволей пришлось согласиться с Мюнстерским мирным договором, тем не менее был полон решимости при первой же возможности отменить его. Таким образом, с самого начала он оказался в явном антагонизме с провинцией Голландия, который мог вылиться только в борьбу за господство, подобную той, с которой столкнулся его дядя Морис в годы, последовавшие за перемирием 1609 года, и, в меньшей степени, его отец после 1640 года.

Торговля была преобладающим интересом бюргерской аристократии, имевшей неоспоримое влияние в городах Голландии; и они, находясь под могущественным руководством Амстердама, беспокоились о том, чтобы мир, который они обеспечили, не был нарушен. Они рассчитывали значительно облегчить тяжелое бремя налогообложения, которое их обременяло, за счет сокращения численности войск[стр.203] и военных кораблей, находящихся на содержании штатов. Молодой принц был решительным противником этой политики, и на его стороне были престиж его имени и обширная народная поддержка даже в самой Голландии, среди того подавляющего большинства жителей, как городских, так и сельских, которые были отстранены от всякого участия в правительстве и администрации и в целом симпатизировали оранжистам. С ним также были офицеры армии и флота и проповедники. Его главными советниками были его двоюродный брат Вильгельм Фредерик, штатгальтер Фрисландии, и Корнелис ван Эрссенс (сын Франсиска), лорд Соммельсдейка. При посредничестве Соммельсдейка он установил тайную связь с графом д'Эстрадом, бывшим французским послом в Гааге, ныне губернатором Дюнкерка, а через него с Мазарини, с целью заключения союза с Францией для завоевания испанских Нидерландов и отправки совместной экспедиции в Англию для свержения парламентских сил и утверждения на троне Стюартов. Однако Мазарини в это время был слишком занят своей борьбой с Фрондой, чтобы прислушиваться к заигрываниям молодого человека, который еще не доказал, что в состоянии осуществить свои честолюбивые предложения. Тем не менее принц был настроен серьезно. В апреле 1648 года его шурин Джеймс, герцог Йоркский, нашел убежище в Гааге, а в июле за ним последовал принц Уэльский. Вильгельм принял их с распростертыми объятиями и, по настоянию своей жены, королевской принцессы, и ее тети, изгнанной королевы Богемии, которая со своей семьей все еще проживала в Гааге, он стал еще больше стремиться помочь в осуществлении реставрации Стюартов, чем в возобновлении войны с Испанией. Трудности на его пути были велики. В 1648 году общественное мнение в Штатах в целом поддерживало парламентское дело. Но когда парламент направил доктора Дореслера и Уолтера Стрикленда в качестве посланников с жалобой на то, что королевским кораблям разрешено использовать голландские гавани, Генеральные штаты, под влиянием принца, отказали им в аудиенции. Поместья Голландии в связи с этим дали знак своей независимости и антагонизма, приняв Дореслаер и запретив королевской эскадре оставаться в любых водах провинции.

Известие о судебном процессе над королем Карлом по обвинению в государственной измене вызвало у всех полное отвращение. Сам принц Уэльский лично умолял Генеральные штаты

вмешаться от имени его отца[стр.204]; и это предложение встретило всеобщее одобрение. Сразу же было решено, что Адриан Поу, ныне престарелый лидер антиоранжевой партии в Голландии, должен отправиться в Лондон, чтобы ходатайствовать за жизнь короля. Он был вежливо принят 26 января и удостоен аудиенции в Палате общин, но решение уже было принято, и его усилия оказались тщетными. Казнь короля вызвала волну ужаса, охватившую Нидерланды, и Генеральные штаты обратились с соболезнованием к принцу Уэльскому; но, чтобы удовлетворить пожелания делегатов Голландии, к нему обращались не как к королю Великобритании, а просто как к королю Карлу II, и было решено, что Иоахими, постоянного посла в Лондоне, в настоящее время отзывать не следует. Новое английское правительство, со своей стороны, еще раз прислало доктора Дореслера с дружественными предложениями о привлечении двух республик к более тесному союзу. Дореслаер, принимавший участие в судебном процессе над Карлом I, был особенно неприятен изгнанникам-роялистам, которые искали убежища в Голландии. Он высадился 9 мая. Три дня спустя он был убит, когда ужинал в своем отеле. Убийцам, которых было пять или шесть, удалось скрыться, и они так и не были задержаны.

Хотя английское правительство было крайне возмущено этим безобразием, оно не чувствовало себя достаточно сильным, чтобы предпринять решительные действия. Сословия Голландии выразили через Иоахими свое возмущение тем, что произошло, и парламент поручил Стрикленду снова обратиться к Генеральным штатам с дружескими заигрываниями. Генеральные штаты отказались предоставить ему аудиенцию, принимая посланника, отправленного Карлом II из Шотландии объявить о его восшествии на престол. У Государственного совета Англии не было иного выбора, кроме как расценить это как преднамеренное оскорбление. 22 июля Стрикленд был отозван и покинул Голландию. 26 сентября Иоахими было приказано покинуть Лондон. Разрыв между двумя странами казался полным, но сословия Голландии, которые ради своей торговли боялись мысли о морской войне, делали все, что было в их силах, чтобы добиться соглашения. Они приняли Стрикленда на публичной аудиенции перед его отъездом и 22 января осмелились направить в Уайтхолл специального посланника Джерарда Шепа для переговоров с парламентом. Этим действием Провинциальные сословия пренебрегли авторитетом Генеральных штатов и вступили в переговоры от своего имени, как если бы они были независимым государством.[стр.205] Голландцы стремились избежать войны почти любой ценой, но обстоятельства оказались слишком благоприятными для них.

Чтобы проводить эту пацифистскую политику, сословия Голландии теперь решили значительно сократить расходы, распустив часть войск и кораблей. Когда был подписан Мюнстерский мир, штаты располагали армией численностью в 60 000 человек, и все стороны были согласны с тем, что эти большие силы можно безопасно сократить. В июле 1648 года было произведено резкое сокращение численности, двадцать пять тысяч человек были распущены. Поместья Голландии, однако, потребовали дальнейшего сокращения военных расходов, но натолкнулись на решительное противодействие принца и его двоюродного брата Уильяма Фредерика, которые заявили, что армия численностью не менее 30 000 человек абсолютно необходима для размещения гарнизонов в пограничных крепостях и защиты страны от вражеского нападения. Их взгляды нашли поддержку во всех других провинциях, но Голландия была непреклонна. В Голландии безраздельно царила торговля, и бюргеры-регенты и купцы с подозрением относились к воинственным замыслам принца и были полны решимости помешать им. Обнаружив, что Генеральные штаты отказались распустить под их диктовку около пятидесяти

пяти рот превосходных иностранных войск, составлявших ядро армии Штатов, власти провинций взяли дело в свои руки и уволили 600 иностранных военнослужащих, которым платила провинция. Делая это, они действовали незаконно. Старый вопрос о суверенных правах провинций, который был решен в 1619 году мечом Морица, был поднят еще раз. Генеральные штаты заявляли, что обладают исключительной властью в военных вопросах. В Союзе было не семь армий, а одна армия под верховным командованием генерал-капитана, назначаемого Генеральными штатами. Теперь капитан-генерал был всего лишь молодым и неопытным человеком, но у него не было ни малейших колебаний, проявленных его дядей Морисом во время смуты 1618-19 годов, и он не уклонился от конфликта с доминирующей провинцией, против которой ему бросили вызов.

Действительно, некоторое время продолжались пререкания. В поместьях Голландии существовало значительное меньшинство, выступавшее против крайних мер, а член совета пенсионарий Джейкоб Кэтс был умеренным человеком, дружественным Оранскому дому. Было достигнуто соглашение по вопросу о роспуске 600 иностранных войск, но конфликт возобновился, и в середине 1650 года он принял серьезные масштабы [стр.206]. Сердцем и душой оппозиции принцу был Амстердам. Его кузен из Фрисландии в течение некоторого времени убеждал Уильяма принять меры, поскольку позиция Амстердама угрожала расторжением Союза. Принц в это время вел переговоры с Францией, но ничего еще не было решено, и его проекты не созрели для исполнения. Тем не менее, для их осознания было абсолютно необходимо, чтобы вооруженные силы не были чрезмерно сокращены. Под его влиянием Генеральные штаты решили, что, хотя численность военнослужащих в нескольких полках должна быть уменьшена, *кадры* всех полков с их полной квотой офицеров должны быть сохранены. Сословия Голландии с этим не согласились и, поняв, что им не победить, решились на смелый шаг. Были разосланы приказы (1 июня 1650 г.) полковникам полков, указанных в военном листе провинции, расформировать свои полки под страхом прекращения выплаты жалованья. Полковники отказывались подчиняться каким-либо приказам, кроме как от Государственного совета и генерал-капитана. Соответственно, принц вместе с Уильямом Фредериком и Государственным советом явился в Генеральные штаты и обратился к ним с просьбой поддержать полковников в их отказе. Не могло быть никаких сомнений в том, что сословия Голландии были безнадежно неправы, поскольку их представители в Генеральных штатах в 1623, 1626, 1630 и 1642 годах проголосовали за введение в непокорных провинциях полной квоты, по которой им начислялись взносы на содержание армии Союза. Поэтому Генеральные штаты 5 июня приняли решение направить "заметную депутацию" в города Голландии. Принцу было предложено возглавить депутацию, члены которой должны были быть выбраны им самим; и он был наделен практически диктаторскими полномочиями принимать меры по поддержанию мира и поддержанию Союза. При этом Община сама действовала *ultra vires*. Генеральные штаты представляли собой собрание, состоящее из представителей провинциальных сословий. Следовательно, он мог иметь дело только с Поместьями нескольких провинций, а не с отдельными городами внутри провинции. Сопrotивляясь вмешательству сословий Голландии в дела, касающиеся Союза в целом, они сами нарушали, выполняя поручение, данное "знатной депутации", юрисдикцию провинциальных сословий над своими собственными членами.

Принц отправился в путь 8 июня и посетил все "привилегированные" [стр.207] города. Результат был более чем разочаровывающим. Совет главного муниципалитета, Дордрехта, подал пример, заявив, что они подотчетны только перед Поместьями провинции. Схидам, Алкмар, Эдам и

Монникендам дали такой же ответ. Делфт и Харлем были готовы принять принца в качестве штатгальтера, но не депутацию. Амстердам, находясь под влиянием братьев Андриса и Корнелиса Бикер, пошел еще дальше и после некоторых переговоров отказался впустить ни депутацию, ни принца. 25 июня Уильям вернулся в Гаагу, горько огорченный оказанным ему приемом и полный решимости подавить сопротивление силой.

Удар, который он планировал, состоял в том, чтобы захватить представителей шести городов, которые были особенно упорны в своем сопротивлении, и в то же время занять Амстердам вооруженными силами. Он быстро подготовился. 30 июля Якобу де Витту, бывшему бургомистру Дордрехта, и пяти другим видным представителям Сословий Голландии было направлено приглашение посетить принца. По прибытии они были арестованы охраной штатгальтера и препровождены в качестве пленников в замок Левештайн. Вильгельм тем временем поручил осуществление *государственного переворота* против Амстердама своему двоюродному брату Уильяму Фредерику. Приготовления к тайному сбору больших сил из различных гарнизонов были сделаны искусно, и предполагалось на раннем рассвете неожиданно захватить одни из ворот, а затем войти маршем и овладеть городом без сопротивления. Однако этот план случайно сорвался. Часть войск ночью заблудилась и привлекла внимание почтового гонца, направлявшегося в Амстердам, который сообщил об их присутствии бургомистру Корнелису Бикеру. Бикер немедленно принял меры. Ворота были закрыты, созван совет и приняты энергичные меры обороны. Поэтому Вильгельм Фредерик ограничился окружением города, чтобы предотвратить вход или выход из ворот. На следующее утро, 31 июля, Вильгельм, узнав, что внезапная атака провалилась, отправился в Амстердам, полный решимости добиться его капитуляции. Совет, опасаясь серьезного ущерба, который осада нанесет его торговле, начал переговоры (1 августа). Однако принц настаивал на безоговорочном подчинении, и другого выхода не было. Амстердам обязался больше не возражать против предложений Генеральных штатов и был вынужден согласиться с унижительным[стр.208] требованием штатгальтера, чтобы братья Бикер не только ушли со своих постов в муниципальном правительстве, но и были объявлены не имеющими права занимать какие-либо официальные должности в будущем.

Принц Оранский теперь добился цели, к которой он стремился. Отныне его власть покоилась на прочной основе. Его противники были свергнуты и унижены. Сословия шести провинций поблагодарили его за успех его усилий, и он, со своей стороны, пошел навстречу общему стремлению к экономии, согласившись на сокращение содержания иностранных войск в Штатах при четком понимании того, что только Генеральные штаты имели право распустить любую часть вооруженных сил, но не казначеи провинций. В порыве триумфа Вильгельм в конце августа уехал из Гааги в свою загородную резиденцию в Дирене, номинально для охоты и отдыха, на самом деле для ведения секретных переговоров с Францией о реализации своих воинственных замыслов. Полное поражение Карла II в битве при Вустере 3 сентября, должно быть, стало серьезным ударом по его надеждам на восстановление династии Стюартов, но это не помешало ему добиваться своей цели. С д'Эстрадесом, ныне губернатором Дюнкерка, принц тайно переписывался, и через него вопросы были полностью обсуждены с французским правительством. В письме, написанном из Гааги 2 октября, Уильям выразил сильное желание, чтобы д'Эстрадес лично приехал к нему с визитом; и д'Эстрадес намеревался принять это приглашение, как только получит из Парижа копию проекта договора, который находился в стадии подготовки. Этот проект договора, который, вероятно, был составлен Мазарини, попал в д'Эстрад в течение октября, но косвенные свидетельства доказывают, что Вильгельм его никогда не видел. Его положения были следующими. Обе державы должны были объявить

войну Испании и напасть на Фландрию и Антверпен. Голландцам предстояло осадить Антверпен, который в случае взятия должен был стать личным владением принца Оранского. Когда испанская власть в южных Нидерландах была свергнута, Франция и Соединенные провинции должны были отправить совместную экспедицию в Англию, чтобы посадить Карла II на трон. Одобрил бы принц эти предложения, мы не знаем; по всей вероятности, он отказался бы посвятить себя плану такого далеко идущего и дерзкого характера, поскольку он осознавал ограниченность своей власти и знал, что даже его огромного влияния было бы недостаточно, чтобы получить согласие Генеральных штатов на немедленное[стр.209] возобновление войны. Однако спекуляции бесполезны, поскольку неумолимая судьба подняла другие вопросы.

8 октября штатгальтер вернулся в Дирен, 27-го он заболел оспой. Его сразу же доставили обратно в Гаагу, и в течение нескольких дней его состояние улучшалось, но болезнь внезапно обострилась, и 6 ноября он скончался. Весть о смерти принца потрясла страну. Люди едва могли поверить своим ушам. Уильяму было всего 24 года, и, хотя неделю спустя его жена родила сына, он не оставил наследника, способного занять высокие посты, которые он занимал. Это событие было тем более трагичным, что произошло так быстро *послегосударственного переворота* прошлым летом, а также из-за молодости и больших надежд покойного принца. Вильгельм II, несомненно, был наделен высокими и блестящими лидерскими качествами, и он доказал свою способность к действию с необычной решительностью и энергией. Если бы его жизнь не оборвалась, курс европейской политики мог бы коренным образом измениться.

Как и следовало ожидать, бюргеры-регенты Голландии, когда первое потрясение прошло, не теряя времени, воспользовались исчезновением человека, который так недавно показал, что владеет силой меча и намеревается стать их хозяином. Генеральные штаты немедленно собрались и обратились к провинциальным сословиям с просьбой предпринять шаги для урегулирования ситуации. Сословия Голландии предложили созвать внеочередное собрание. Это было согласовано Генеральными штатами; и "Великая ассамблея" собралась 11 января 1651 года. Тем временем действовали регенты Голландии. Сословия этой провинции приняли решение упразднить штадхолдеры и оказать давление на Генеральные штаты с требованием приостановить действие должностей капитана и генерал-адмирала Союза. Утрехт, Гелдерланд, Овериссель и Зеландия были вынуждены последовать их примеру. Гронинген, однако, избрал Вильгельма Фредерика Фрисландского штатгальтером вместо своего двоюродного брата.

Лидерами "Государств-участников" в Голландии были престарелый Адриан Пау, который на протяжении стольких лет был движущей силой оппозиции могущественному Амстердаму власти Фредерика Генриха, и Якоб де Витт, бывший бургомистр Дордрехта, находящийся в заключении. "Оранжевая партия" на данный момент была практически бессильна. Ошеломленные смертью своего юного вождя, они были[стр.210] безнадежно ослаблены и дезорганизованы раздорами и соперничеством, которые окружали колыбель малолетнего принца Оранского. Королевская принцесса поссорилась со своей свекровью Амалией фон Сольмс из-за опеки над ребенком. Мария заявила о своем праве быть единственным опекуном; вдовствующая принцесса пожелала, чтобы ее зять, курфюрст Бранденбургский, был связан с ней в качестве соучредителя. После долгих препирательств вопрос, наконец, был передан на рассмотрение Государственного совета, который назначил королевскую принцессу, вдовствующую принцессу и курфюрста совместно на эту должность. Однако это решение было далеко от того, чтобы привести к примирению между матерью и бабушкой. Мария не избавила принцессу Амалию от унижения, узнав, что та считает ее ниже по рангу и социальному

положению старшей дочери короля Англии. Существовало соперничество также между родственниками мужского пола Уильямом Фредериком, штатгальтером Фрисландии, и Жоаном Морисом, "бразильцем", оба они стремились занять пост капитан-генерала либо в качестве преемника умершего принца, либо в качестве лейтенанта от имени его сына. В этих обстоятельствах большое количество более умеренных оранжистов были готовы помочь "Штатам-участникам" в предотвращении любого нарушения мира и обеспечении того, чтобы правительство республики продолжало функционировать, если не так, как они хотели бы, по крайней мере, на стабильной и разумной основе, насколько это возможно в соответствии с прецедентом.

Великое собрание собралось 11 января 1651 года в графском зале в Бинненхофе в Гааге. Заседания продолжались до сентября, поскольку предстояло решить множество важных вопросов, по которым представители семи провинций были далеки от полного согласия. Основные разногласия были сосредоточены вокруг толкования Утрехтского акта об объединении, дордрехтских принципов и военных дел. Последнее оказалось самым сложным. Общим результатом стала децентрализация и укрепление Провинциальных владений за счет Генеральных штатов. Было решено, что установленная религия должна быть сформулирована в Дордрехте, что секты должны содержаться в порядке, а плакаты против римского католицизма должны быть обязательными. В соответствии с предложением Голландии не должно было быть ни капитана, ни генерал-адмирала. Бредероде в звании фельдмаршала был поставлен во главе армии. Провинциальным сословиям были предоставлены значительные полномочия по управлению войсками на их жалованье. Результатом этого, а также решения[стр.211] пяти провинций отказаться от штатгальтера и передать его власть и прерогативы Сословиям, стало фактически установление постоянной власти ряда закрытых муниципальных корпораций. Это означало смену как монархии, так и народного правления, оба из которых были в определенной степени представлены властью, которой обладали принцы Оранские, и влиянием, которое они оказывали, в пользу узкоолигархического правления. Более того, в этой конфедерации семи полусуверенных провинций Голландия, которая внесла в силу, финансы и торговлю Союза больший вклад, чем все остальные провинции, вместе взятые, получила теперь, в отсутствие "выдающегося главы", то господствующее положение в течение последующего периода отсутствия штатгальтеров, к которому так долго стремились ее государственные деятели. Когда любезный Джейкоб Кэтс, Совет-пенсионарий Голландии, закрыл Великое Собрание цветистой речью, описывающей великую работу, которую оно проделало, можно сказать, что началась новая глава в истории республики.

ГЛАВА XIV

ВОЗВЫШЕНИЕ ДЖОНА ДЕ ВИТТА.

ПЕРВАЯ АНГЛИЙСКАЯ ВОЙНА

Еще до того, как заседания Великой Ассамблеи подошли к концу, молодой государственный деятель, которому суждено было играть ведущую роль в правительстве голландской республики в течение двух десятилетий, уже оставил свой след. После смерти Вильгельма II Якоб де Витт был не только восстановлен на своей прежней должности в Дордрехте, но и 21 декабря 1650 года Джон, его младший сын, в возрасте 25 лет был назначен пенсионарием этого города. В этом качестве он был *officio* представителем депутации, посланной представлять Дордрехт в Великом Собрании. Его знания, его готовность и убедительность речи, его трудолюбие и его дар быстрой проницательности и упорядоченной скрупулезности быстро обеспечили ему ведущее место как в обсуждениях Ассамблеи, так и в ведении переговоров с английским парламентом, которые в то время требовали очень деликатного обращения.

Многочисленные споры, возникшие между Англией и Соединенными Провинциями в период между восшествием на престол Якова I и битвой при Даунсе в 1639 году, так и не были урегулированы. Умы англичан были заняты другими, более неотложными делами, пока длилась Гражданская война. Но старые раны оставались незаживающими. Более того, отказ Генеральных штатов принять парламентских посланников, убийство Дореслера и защита, предоставленная беженцам-роялистам, были дополнительными причинами негодования; но Английский совет не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы принять меры. Смерть принца Оранского, последовавшая так быстро за полным свержением Карла II в Вустере, поначалу, казалось, открывала перспективу более дружественных отношений между двумя соседними республиками. В январе 1651 года Великая Ассамблея официально признала Содружество и постановила отправить обратно на его старый пост в Лондон посла-ветерана Иоахими, который был отозван. Английское правительство, со своей стороны, ожидало его возвращения, отправив в марте Оливера Сент-Джона и Уолтера Стрикленда со специальным[стр.213] посольством в Гаагу. Они прибыли в этот город 27 марта 1651 года и два дня спустя представили свои верительные грамоты Великому Собранию. Их прием на улицах был каким угодно, только не благоприятным. Настроения среди населения были преимущественно оранжистскими и стюартовскими; а Сент-Джон и Стрикленд, встреченные громкими криками "цареубийцы" и множеством оскорбительных эпитетов, вспоминая судьбу Дореслаэра, опасались за свои жизни.

4 апреля была открыта конференция между посланниками и шестью комиссарами, назначенными Штатами, для рассмотрения предложений английского правительства о "более строгом и тесном союзе" между двумя штатами. Голландцы быстро поняли, что на самом деле англичане хотели не чего иного, как такого обязательного союза или, скорее, коалиции, которая

практически объединила бы меньшее государство в большее. Но сама мысль о такой потере независимости, которую они только что завоевали, была для голландцев немыслима. Переговоры зашли в тупик. Тем временем Сент-Джон и Стрикленд продолжали подвергаться оскорблениям со стороны оранжистов и беженцев-роялистов, в первую очередь среди них принц Эдуард, сын королевы Богемии. Парламент пригрозил отозвать послов, но согласился с тем, что они должны остаться под обязательством Поместий Голландии защитить их от дальнейших нападений и наказать нарушителей. Соответственно, были выдвинуты новые предложения о наступательном и оборонительном союзе (без каких-либо намеков на союз) в сочетании с условием, что оба государства должны взять на себя обязательство не допускать присутствия в пределах своих границ признанных врагов другого — другими словами, изгнания членов и приверженцев дома Стюартов, включая королевскую принцессу и королеву Богемии с их детьми. Перед лицом сильной народной привязанности к малолетнему принцу Оранскому и его матери даже поместья Голландии не осмелились рассмотреть такие условия, и Генеральные штаты с гневом отвергли бы их. Таким образом, после некоторых дальнейших переговоров о рыболовстве и торговых ограничениях было сочтено, что соглашения достичь не удастся; и Сент-Джон и Стрикленд вернулись в Англию 31 июля 1651 года.

Их провал произвел очень плохое впечатление на парламент. Все старые жалобы на голландцев возобновились; и, поскольку они отказались от сделанного им предложения дружбы, было решено принять решительные меры для возмещения прошлых обид и защиты английских торговых интересов.[стр.214]

По просьбе Сент-Джона знаменитый Закон о мореплавании был принят парламентом 9 октября 1651 года. Этот закон нанес смертельный удар голландской транспортной торговле, запретив ввоз иностранных товаров в английские порты, за исключением английских днищ или тех стран, которые произвели эти товары. Едва ли менее пагубным было запрещение иностранцам ловить рыбу в британских водах и лишение прав, основанных на *Магнус Интеркурсус*, за сохранение которых голландские государственные деятели так долго и упорно боролись. В Голландии царил ужас, и Генеральные штаты решили направить в Лондон специальное посольство. В то же время Estates of Holland заменили Джейкоба Кэтса, назначив престарелого Адриана Пау, человека, в зрелости суждений которого они были уверены, на должность муниципального пенсионария. Избранными посланниками были Якоб Котс и Джерард Шеп из Голландии, Паулюс ван дер Перре из Зеландии, все трое - представители двух морских и торговых провинций. Они прибыли в Англию 27 декабря 1651 года. Их инструкции заключались в том, чтобы добиться отмены Закона о судоходстве и попытаться договориться о новом торговом договоре на основе *Magnus Intercursus*. Они также должны были выразить решительный протест против действий английских каперов, которые, получив каперские свидетельства, чтобы грабить французскую торговлю, останавливали и обыскивали голландские торговые суда на том основании, что они могли перевозить французские товары. Английское правительство, однако, удовлетворило жалобы голландцев, перечислив длинный список жалоб, которые вызвали в Англии горькое чувство народной ненависти к Соединенным провинциям, и потребовав возмещения ущерба. Они также потребовали, чтобы голландское командование признавало суверенитет Англии, поднимая флаг и паруса и отдавая салют всякий раз, когда какая-либо из их эскадр встречалась с английскими кораблями "в узких морях".

Именно эти два последних вопроса, право обыска и вывешивание флага, должны были стать реальными причинами начала войны, которой не желало ни одно из двух правительств. Но

народные настроения и ход событий были слишком сильны для них. Известие о захвате их судов не просто каперами, но английской эскадрой под командованием Эйскью в Вест-Индии вызвало сильное возмущение и тревогу в Голландии, и особенно в Амстердаме. Было оказано давление на Генеральные штаты и адмиралтейства, которые в целях экономии сократили[стр.215] флот до семидесяти пяти кораблей. Поэтому 22 февраля было решено снарядить дополнительно 150 судов. Государственный совет, узнав об этом, также начал готовиться к непредвиденным обстоятельствам. Переговоры между двумя странами все еще продолжались, когда Мартин Тромп, победитель битвы при Даунсе, ныне лейтенант-адмирал Голландии, был отправлен в море с пятьюдесятью кораблями и инструкциями защищать голландских торговцев от вмешательства и следить за тем, чтобы Штаты не пострадали. На самом деле ничего не было сказано о вывешивании флага.

Ситуация была такова, что вооруженное столкновение почти наверняка произошло бы при командовании таким адмиралом, как Тромп. Это произошло внезапно из-за недоразумения. Голландский адмирал, проходя мимо Дувра, 29 мая встретил пятнадцать английских кораблей под командованием Блейка. Последний произвел предупредительный выстрел по носу корабля Тромпа, чтобы показать, что флаг должен быть поднят. Тромп заявил, что он отдал приказ поднять флаг, но Блейк снова выстрелил, прежде чем было время выполнить его. Как бы то ни было, два флота вскоре вступили в регулярное сражение, и, поскольку англичане получили подкрепление, Тромп с наступлением темноты отступил к французскому побережью, потеряв два корабля. Велик был гнев, вызванный в Англии, где голландцев повсеместно считали агрессорами. В Нидерландах, где партия мира была сильна, многие были склонны обвинять Тромпа, несмотря на его протесты. Сам Адриан Поу поспешно уехал в Лондон, а Джон де Витт был назначен его заместителем на время его отсутствия. Однако все напряженные усилия Пау по поддержанию мира были напрасны, несмотря на сильную склонность Кромвеля к мирному решению. Но теперь с обеих сторон поднялось общественное мнение. Генеральные штаты, опасаясь, что оранжисты поднимут восстание, если будут выдвинуты унижительные условия, ужесточили свою позицию. В результате посланники покинули Лондон 30 июня 1652 года, и война была объявлена.

Голландские государственные деятели, стремившиеся избежать военных действий, были правы. Все преимущества были на стороне их врагов. Голландские торговые флоты бороздили моря, и благосостояние страны зависело от торговли. Англичанам было мало что терять в коммерческом плане. Их военный флот тоже, хотя и уступал по количеству кораблей, превосходил почти во всех других отношениях. Стюарты уделяли флоту большое внимание и сделали бы больше, если бы не нехватка средств. Сильно злоупотребленные корабельные деньги Чарльза были потрачены им на[стр.216] создание первого английского профессионального военно-морского флота. Он был в значительной степени увеличен парламентом после 1648 года; и его "генералы", Блейк, Пенн и Эйскью, уже приобрели много ценного опыта в своих столкновениях с роялистской эскадрой под командованием принца Руперта и в длительных круизах в Вест-Индию с целью заставить английские колонии признать парламентское правление. Таким образом, экипажи были хорошо обучены, а корабли были больше, прочнее и лучше вооружены, чем у голландцев. Положение Англии, лежавшей поперек путей, по которым должны были плавать голландские торговые флоты, было большим преимуществом. Еще более важным было преимущество централизованного управления, в то время как в Нидерландах существовало пять различных коллегий адмиралтейства, в некоторой

степени ревниво относившихся друг к другу и теперь лишенных высшего руководства генерал-адмирала.

Война началась с серии английских успехов и голландских неудач. В начале июля 1652 года Блейк во главе шестидесяти кораблей отплыл на север, чтобы перехватить голландскую торговлю на Балтике и уничтожить их рыболовный флот у северных берегов Шотландии. Он оставил Эйскую с небольшой эскадрой для охраны устья Темзы. Тромп тем временем вышел в море во главе почти сотни кораблей. Эйску удалось перехватить флотилию голландских торговых судов близ Кале, все они были захвачены или сожжены, в то время как Блейк с основными силами у северного побережья Шотландии уничтожил голландский рыболовецкий флот и их конвой. После этих первых ударов по торговле противника удача продолжала сопутствовать англичанам. Тромпу помешали следовать за Блейком сильные северные ветры. Затем он повернулся к Эйской, чьи небольшие силы он, должно быть, одолел бы, если бы не внезапный переход к южному шторму. Голландский адмирал теперь плыл на север и (25 июля) обнаружил английский флот у Шетландских островов. Поднялся сильный шторм, от силы которого Блейк был защищен, в то время как голландские суда были разбросаны повсюду. На следующий день из девяти кораблей Тромп смог собрать только тридцать пять, и у него не было иного выбора, кроме как вернуться домой для ремонта.

Перед возвращением Тромпа другой голландский флот под командованием Майкла де Рюйтера вышел в море, чтобы сопровождать несколько торговых судов, направлявшихся за границу через Ла-Манш, а также встретить и сопровождать возвращающиеся домой корабли. Под его командованием было двадцать три боевых корабля и три брандера. Эйскую ранее плавал вверх по каналу с сорока военными кораблями и пятью брандерами для аналогичной цели.[стр.217]. Два флота встретились 16 августа, и, несмотря на слабость своих сил, Де Рюйтер вынудил Эйскую отступить в Плимут и смог вернуть свой конвой домой в безопасное место.

Неудача Тромпа, хотя он никоим образом не был в этом виноват, вызвала значительную тревогу и недовольство в Голландии. Его враги из штатов-участников в этой провинции воспользовались этим, чтобы отстранить доблестного старого моряка от командования. Он был оранжистом, а поскольку оранжевые партизаны проявляли повсюду шумную активность, адмирал вызывал подозрения. На его место был назначен Корнелис Витте де С, способный моряк, которого на флоте не любили так же сильно, как любили Тромпа. Де Витх соединился с Де Рюйтером, и совместными силами они атаковали Блейк 8 октября недалеко от отмели, известной как Кентиш-Нок. Английский флот был значительно мощнее голландского, и дезертирство примерно двадцати кораблей решило проблему. Голландцам пришлось вернуться домой с некоторыми потерями. Англичане были в восторге от своей победы и думали, что до весны они будут в безопасности от дальнейших нападений. Соответственно, Блейку было приказано отправить эскадру из двадцати человек в Средиземное море, где командование на море осуществлял голландский адмирал Ян ван Гален. Но они были обмануты, думая, что борьба в Канале закончилась на зиму. Дезертиры в Кентиш-Ноке были наказаны, но непопулярность Де Витха не оставила властям иного выбора, кроме как снова предложить главнокомандование Мартину Тромпу. Несмотря на то, что Тромп был полон негодования из-за плохого обращения с ним, он был слишком хорошим патриотом, чтобы отказаться. В конце ноября старый адмирал во главе 100 военных кораблей вышел в море с целью конвоирования около 450 торговых судов через проливы. Штормовая погода вынудила его отправить конвой с эскортом в укрытие, но сам он с шестьюдесятью кораблями отправился на поиски английского

флота, стоявшего в Даунсе. После некоторых маневров два флота встретились 10 декабря у берегов Дандженесса. Завязался упорный бой, но на этот раз несколько английских кораблей оказались неплательщиками. Результатом стала полная победа голландцев, и флот Блейка, серьезно поврежденный, отступил под покровом ночи на дороги Дувра. Тромп теперь некоторое время был хозяином Ла-Манша, и торговля с портами Голландии и Зеландии шла беспрепятственно, в то время как было захвачено много английских трофеев.[стр.218]

Однако такому положению вещей было суждено продлиться недолго. Ближе к концу февраля 1653 года Блейк вышел в море почти с восьмьюдесятью кораблями и 25-го числа у Портленда встретил Тромпа во главе отряда, почти равного его собственному по численности. Но голландский адмирал сопровождал более 150 торговых судов, и, кроме того, он находился в море без пополнения запасов с момента сражения при Дангенессе, в то время как англичане пришли прямо из порта. Сражение, которое со стороны голландцев состояло из сильных действий арьергарда, длилось целых два дня, когда Тромп обнаружил, что у него кончился порох и что на третий день более половины его флотане в состоянии продолжать борьбу. Но, вдохновляя своих подчиненных Де Рюйтера, Эвертсена и Флоришуна своим собственным неукротимым мужеством, Тромп благодаря искусному управлению кораблем сумел сдержать врага и с небольшими потерями вывести свой конвой в безопасное место. Четыре голландских военных корабля были взяты в плен и пять потоплены; англичане потеряли только два корабля.

Тем временем обе нации уже устали от войны. Голландцы ужасно страдали от серьезного вмешательства в их торговлю и от разрушения важной рыбной отрасли, в то время как англичане со своей стороны были отрезаны от Балтики, где король Дании, как союзник Соединенных провинций, перекрыл пролив, и от Средиземного моря, где адмирал ван Гален, погибший в бою, уничтожил британскую эскадру у Ливорно (23 марта). В обеих странах существовала партия мира. Кромвель всегда желал более тесного союза с Соединенными Провинциями и не желал войны. В Голландской республике государства-участники, особенно в Голландии, которая больше всего пострадала от войны, стремились к прекращению военных действий; и они нашли своего лидера в лице молодого Джона де Витта, который после смерти Адриана Поу 21 февраля 1653 года был назначен советником-пенсинарием. Кромвель приложил все усилия, чтобы дать понять сословиям Голландии о своих благосклонных чувствах к ним, отправив в феврале частного эмиссара, полковника Долмана, солдата, участвовавшего в нидерландских войнах. Со своей стороны, Джону де Витту удалось убедить сословия Голландии тайно, без ведома Генеральных штатов, направить в английский государственный совет и парламент письма, в которых выражалось их желание начать переговоры. Так рано новый член совета-пенсинарий приступил к той форме дипломатии, в которой ему предстояло проявить себя знатоком. Эта первая попытка не увенчалась успехом. Парламент опубликовал письмо[стр.219] под названием "Смиренная мольба Штатов Голландии". Возмущение оранжевых партизан было велико, и они угрожали внутренними беспорядками по всей стране. Однако мастерство Де Витта было таково, что, когда парламент проявил готовность возобновить переговоры, прерванные предыдущим летом, он убедил Генеральные штаты абсолютным большинством голосов (четыре провинции против трех) направить примирительное письмо, дата которого (30 апреля 1653 г.) совпала с насильственным роспуском Кромвелем местного парламента и принятием им, при поддержке армии, диктаторских полномочий. Английский государственный совет, однако, был хорошо информирован о серьезном экономическом давлении войны на Голландию; и их настойчивое требование полного удовлетворения всех требований Англии сделало продолжение военных действий неизбежным.

Тромп, успешно проведя два больших конвоя торговых судов, столкнулся (12 июня) близ Габбарда с английским флотом под командованием Монка и Дина. Каждый флот насчитывал около 100 парусов, но голландские корабли уступали им по размерам, прочности и весу металла. В течение двух дней сражение велось упорно и ожесточенно, но когда Блейк подошел с подкреплением в тринадцать свежих кораблей, Тромп был вынужден отступить, потеряв двадцать кораблей. Он, как и его вице-адмиралы Де Рюйтер и Де С, горько жаловался Совету адмиралтейства на неполноценность кораблей его флота по сравнению с кораблями противника.

Теперь англичане установили блокаду голландского побережья, в результате чего страна, благополучие и процветание которой полностью зависело от торговли, оказалась в отчаянном положении. Амстердам был razорен. В этих обстоятельствах была вынуждена предпринята попытка прямых переговоров. Были отправлены четыре посланника, представляющие три приморские провинции. Сначала казалось невозможным найти какую-либо общую почву для соглашения. Кромвель был одержим идеей политико-религиозного союза между двумя республиками, что означало бы прекращение независимости Нидерландов. Государственный совет встретился с голландскими посланниками с предложением *"уна генс, уна республика"*, которое ничто, кроме явного завоевания и крайней необходимости, никогда не заставило бы голландский народ принять. Соответственно, война продолжалась, хотя посланники не покидали Лондон, все еще надеясь, что могут быть предложены какие-то лучшие условия. Но для того, чтобы получить передышку для усилий участников переговоров, было важно одно — [стр.220] прорыв блокады. Адмиралтейство приложило все усилия, чтобы переоборудовать и усилить свой флот, но он состоял из двух частей: восемьдесят пять кораблей под командованием Тромпа на Маасе, тридцать один под командованием Де С на Текселе. Монк с примерно 100 кораблями встал между ними, чтобы предотвратить их соединение. 4 августа Тромп вышел в море и после арьергардного боя у Катвейка обошел английского командующего и присоединился к ДеС. Теперь он развернулся и с превосходящими силами атаковал Монка у Схевенингена. Старый герой был смертельно ранен в самом начале того, что оказалось неравным боем. После отчаянной борьбы голландцы отступили с очень тяжелыми потерями. Флот Монка также был настолько поврежден, что он вернулся домой для ремонта. Таким образом, битва, в которой пал Тромп, достигла главной цели, ради которой велась битва, поскольку она освободила голландское побережье от блокады. Более того, это было последнее важное сражение в войне. Штаты, хотя и были сильно озадачены поиском преемника Мартину Тромпу, были настолько далеки от уныния, что проявили большую энергию в реорганизации флота. Якоб ван Вассенер, лорд Обдама, был назначен вице-адмиралом Голландии, а Де Рюйтер и Эвертсен под его началом были вице-адмиралами. Де Витх сохранил свое прежнее командование отдельной эскадрой, с помощью которой он благополучно провел большой флот ост-Индии вокруг севера Шотландии в гавань. После этого были только беспорядочные операции с обеих сторон и никакого военно-морского взаимодействия.

Тем временем переговоры медленно затягивались. Приход Кромвеля к верховной власти в декабре 1653 года с титулом лорда-протектора, казалось, сделал перспективы переговоров более радужными, поскольку новый правитель Англии всегда заявлял о себе как о противнике войны, которая разрушила его фантастическую мечту о союзе между двумя республиками. Состоялось много совещаний, но отношение и намерения Защитника были неоднозначными, и их было трудно предугадать. Страх перед оранжевой реставрацией, по-видимому, странным образом овладел его воображением и исказил в то время широкий кругозор государственного

деятеля. В конце концов Кромвель сформулировал свои предложения в двадцати семи статьях. Требования были требованиями победителя, и они были суровыми. Все старые споры должны были быть решены в пользу Англии. Ежегодная сумма должна была выплачиваться за право рыбной ловли; должна была быть произведена компенсация за "резню в Амбоине" и наказаны должностные лица, ответственные за это; количество военных кораблей в английских водах должно было быть[стр. 221] ограничено; флаг должен был подниматься при встрече с английскими кораблями и разрешаться право обыска. Эти требования, какими бы неприятными они ни были, могли бы, по крайней мере, послужить основой для урегулирования, но помимо этих, было еще одно требование, которое было невыполнимым. Статья 12 предусматривала, что принц Оранский ни в коем случае не должен занимать какие-либо должности или звания, которые занимали его предки, или назначаться на какое-либо военное командование. Де Витт, в руках которого были все нити переговоров, прекрасно понимал, что было бы бесполезно представлять подобные предложения Генеральным Штатам. Мало того, что они с негодованием отвергли бы их, но у него не было ни малейшей надежды добиться, чтобы какая-либо отдельная провинция, даже Голландия, позволила иностранной державе вмешиваться в их внутренние дела и приказывать им относиться с грубой неблагодарностью к малолетнему наследнику семьи, перед которой голландский народ в столь глубоком долгу. Ему ничего не оставалось, как готовиться к энергичному возобновлению войны. Поэтому по наущению Де Витта были предприняты решительные усилия по увеличению флота и обеспечению активного сотрудничества Дании и Франции, дружественных этим штатам. Но Кромвель действительно хотел мира и показал, что готов уступить по некоторым незначительным пунктам, но продолжал настаивать на исключении принца Оранского. Только после того, как голландские послы потребовали у них паспорта, Протектор уступил настолько, что сказал, что был бы доволен, если бы исключение было гарантировано секретной статьей.

То, что последовало за этим, составляет одну из самых странных глав в истории дипломатии. Де Витт все это время вел в полной тайне частную переписку с ведущим посланником, своим доверенным лицом Ван Бевернингом. Через Ван Бевернинга он смог достучаться до личного уха Кромвеля и вступить с ним в тайные переговоры. Пенсионный совет хорошо знал безнадежность любых попыток получить согласие Генеральных штатов на предлагаемое исключение, даже в секретной статье. Ван Бевернингу было поручено проинформировать Кромвеля о состоянии общественных настроений по этому вопросу, в результате чего протектор дал посланнику понять, что он был бы удовлетворен, если бы только поместия Голландии подтвердили заявление о том, что принц никогда не должен назначаться штатгальтером или генерал-капитаном. Была ли эта уступка предложена Кромвелем *по собственному желанию* или же она была в первую очередь предложена ему Де Виттом через Ван Бевернинга, неизвестно. В любом случае совет-пенсинарий, будучи убежден в необходимости[стр.222] мира, решил обеспечить его, разыгрывая очень глубокую и опасную игру. Мало того, что все это дело должно было быть абсолютно скрыто от внимания Генеральных штатов, но также Де Витт полностью осознавал, что согласие сословий Голландии на предлагаемую статью об исключении могло быть получено только с величайшим трудом. Ему предстояло доказать, что он в прошлом мастер в искусстве дипломатических ухищрений и интриг.

Пенсионный совет сначала приступил к работе над тем, чтобы Международный договор, из которого была исключена статья об исключении, был быстро ратифицирован Генеральными штатами, прежде чем довести секретную статью до сведения сословий Голландии. Заседание Поместий было закрыто на перерыв 21 апреля 1654 года. На следующий день он представил

договор Генеральным Штатам, и его умение убеждать было таково, что он совершил беспрецедентный подвиг, заставив этот медлящий орган принять условия мира почти без обсуждения. 23 апреля ратифицированный и подписанный договор был отправлен обратно в Лондон. Только одна статья вызвала возражения (ст. 32), так называемая "оговорка о темпераменте"; но Кромвель настоял на этом. В соответствии с этой статьей Генеральные штаты и Провинциальные сословия отдельно обязались, чтобы каждый штатгальтер, генерал-капитан или командующий военными или военно-морскими силами был обязан принести присягу соблюдать международный договор. Тем временем Де Витт получил письмо от Ван Бевернинга и его коллеги Ньюпорта, адресованное Сословиям Голландии (в данный момент заседание не проводится), в котором говорилось, что Кромвель, со своей стороны, отказался ратифицировать договор, пока не получит Акт об исключении^[8] от Сословий, которые до сих пор были в полном неведении о том, что им будет сделано какое-либо подобное предложение.

Сообразительность и мастерство, проявленные сейчас советом-пенсией, были поистине экстраординарными. В Поместья была разослана повестка о проведении заседания 28 апреля без указания причины. Присутствующие на собрании принесли присягу хранить тайну, а затем им было зачитано официальное письмо из Лондона. Известие о том, что Кромвель отказался подписать мирный договор до тех пор, пока не получит согласия провинции Голландия на Акт об Исключении, обрушилось на Поместья подобно удару грома. Внезапное требование вызвало нечто вроде испуга, и члены клуба попросили разрешить им обсудить этот вопрос со своими руководителями, прежде чем принимать столь важное решение. Было предоставлено три дня, но, поскольку было необходимо предотвратить огласку,^[стр.223] было решено, что следует консультироваться только с бургомистрами, опять же под присягой хранить тайну. На встрече 1 мая была зачитана другая депеша Ван Бевернинга, в которой посланник заявил, что требование Кромвеля о том, чтобы Акт был передан в его руки в течение двух дней после ратификации договора, было безапелляционным и угрожающим. Если он не получит Акт, он будет считать, что договор не имеет для него обязательной силы. Используя все свои адвокатские полномочия, Де Витту удалось после ожесточенных дебатов заручиться большинством голосов в поддержку Акта. Пять городов, однако, упрямо отказались дать свое согласие и заявили, что оно не может быть принято без него. Но Де Витт решил рискнуть незаконностью и отклонил их протест. Закон был объявлен принятым и 5 мая был направлен Ван Бевернингу и Ньюпорту с инструкциями не передавать его до тех пор, пока обстоятельства не вынудят их сделать это. Провозглашение мира последовало на фоне всеобщего ликования как в Англии, так и в Нидерландах; но в течение примерно пяти недель Генеральные штаты не знали о существовании этого Акта, и в течение этого периода он фактически оставался во владении Ван Бевернинга, так и не доставленный.

В начале июня взятка побудила одного из клерков Де Витта выдать тайну графу Уильяму Фредерику. Новость вскоре распространилась, и громкий протест оранжевых партизан и двух принцесс немедленно обратился с протестом к Генеральным штатам. Все остальные провинции решительно протестовали против действий сословий Голландии и совета-пенсии. Де Витт пытался защитить себя и Поместья туманными заявлениями, избегая главного вопроса, но настаивая на том, что ничего противозаконного сделано не было. Его усилия были напрасны. 6 июня Генеральные штаты приняли резолюцию о том, что посланникам в Англии следует приказывать немедленно отправить обратно все секретные инструкции, которые они получили из Голландии, и Акт об исключении. Тем временем сами поместья Голландии, напуганные поднявшимся шумом, начали проявлять признаки дезертирства. Они зашли так далеко, что

выразили благодарность посланникам за то, что они не передали Акт Кромвелю. Положение де Витта казалось безнадежным. Он выкрутился и перехитрил своих противников благодаря чистой смелости и продуманности предпринятых шагов. Поскольку его попытки помешать немедленному вступлению резолюции Генеральных штатов в силу оказались безуспешными, он выдвинул предложение о том, чтобы[стр.224] ввиду ее важности депеша была отправлена посланникам зашифрованной. С этим согласились, и 7 июня документ был должным образом отправлен в Лондон советником-пенсионарием; но он приложил письмо от себя Ван Бевернингу и Ньюпуорту, в котором сообщал им, что Сословия Голландии согласились с просьбой Генеральных штатов и что они должны отослать обратно секретную переписку, а также Акт, *если они все еще не доставлены*. Результат оправдал его ожидания. Пока клерк старательно расшифровывал депешу, посланники прочли между строк письма Де Витта и, не мешкая ни минуты, отправились в Уайтхолл и передали Акт в руки Кромвеля. Таким образом, у Генеральных штатов не было выбора между принятием *свершившегося факта* и риском возобновления войны. Никаких дальнейших действий предпринято не было, и Защитник заявил, что удовлетворен гарантией столь сомнительной действительности.

Невозможно удержаться от восхищения изумительной дипломатической ловкостью Де Витта, а также мастерством и мужеством, с которыми он достиг своей цели перед лицом препятствий и трудностей, которые казались непреодолимыми; но в отношении курса двурушничества, благодаря которому он одержал победу, единственная защита, которую можно предложить, заключается в том, что советник-пенсионарий действительно верил, что мир был абсолютной необходимостью для его страны, и что мир мог быть сохранен только ценой Акта исключения. Возобновил бы Кромвель войну или нет, если бы Закон был отозван, сказать невозможно. Однако есть все основания полагать, что Де Витта побудили пойти на риск чисто патриотические мотивы, а не злоба к Оранскому дому. Как бы то ни было, роль, которую он сейчас сыграл, вызвала ожесточенное негодование не только у оранжевых партизан, но и у общественного мнения в Соединенных Провинциях в целом, и этого никто никогда не простил.

[стр.225]

ГЛАВА XV

ОТ ВЕСТМИНСТЕРСКОГО МИРА ДО РАЗВЯЗЫВАНИЯ ВТОРОЙ АНГЛИЙСКОЙ ВОЙНЫ

Положение Джона де Витта в июле 1654 года было трудным. Поведение совета-пенсионария в вопросе Акта об исключении подверглось открытым нападкам в Генеральных штатах. Если бы лидеры оранжевой партии были едины, нападение могло бы иметь серьезные последствия; но общеизвестно, что королевская принцесса, вдовствующая принцесса и Вильгельм Фредерик были в плохих отношениях, и Де Витт, со своей обычной ловкостью, хорошо знал, как натравить друг на друга. Однако, чтобы опровергнуть обвинения своих противников в Генеральных штатах, он составил подробную защиту действий, предпринятых Сословиями Голландии и им самим. Документ носил название "Дедукция поместий Голландии". Он был скорее трудоемким, чем убедительным, и не убедил оппонентов. Тем не менее, хотя недовольство продолжало тлеть, тот факт, что мир был обеспечен, вскоре примирил большинство и позволил не обращать внимания на сомнительные средства, с помощью которых он был достигнут. Такт, убедительность, огромные административные полномочия совета-пенсионария довершили остальное; и с этого времени его влияние продолжало расти, пока он не достиг такого контроля над всеми департаментами правительства, каким не обладал даже Ольденбарневельдт на пике своего могущества.

Джон де Витт, возможно, не был равным знаменитому Адвокату по способности совершать великие дела, но он обладал практическими способностями высочайшего порядка как финансист и организатор, и он сочетал с этими более солидными качествами быстроту принятия смелых решений в моменты чрезвычайной ситуации, которые его почти бесконечная находчивость в выпутывании из сложных и опасных ситуаций позволяла ему успешно завершать дело. Его женитьба в феврале 1655 года на Венделе Бикер, которая принадлежала к одной из самых важных правящих бюргерских семей Амстердама, принесла ему[стр.226] непреходящее семейное счастье. Это также имело немалое политическое значение. Андريس и Корнелис Бикер, возглавлявшие оппозицию Вильгельму II и объявленные им в 1650 году неспособными отныне занимать какие-либо муниципальные должности, были ее дядями; в то время как ее дядя по материнской линии, Корнелис де Графф, был человеком со весом и влиянием как в своем родном городе, так и в провинциальных поместьях. Благодаря таким тесным отношениям с такими ведущими представителями регентской аристократии Амстердама совет-пенсионарий стал почти так же уверен в поддержке коммерческого капитала на севере Голландии, как он уже был уверен в Дордрехте на юге. Двое его двоюродных братьев, Слингеландт и Вивьен, в свою очередь, были его преемниками в качестве пенсионеров Дордрехта, в то время как его предшественник на этом посту, Николас Рейш, получил чрезвычайно влиятельную должность *гриффье* или секретаря Генеральных штатов. Он также не стеснялся проявлять свое покровительство по отношению к другим членам своей семьи. Его отец, Якоб де Витт, был избран членом Финансовой палаты; его старший брат, Корнелис, Рувард Путтенский. Назначая этих и других людей, которые были его друзьями и сторонниками, на важные дипломатические, военные и военно-морские посты, Де Витт умудрялся все больше и больше укреплять свой личный авторитет и влияние. И все же, оказывая таким образом благосклонность его родственникам и друзьям, давайте не будем обвинять Де Витта в низменных мотивах или продажности. Он твердо верил в свою способность служить государству и, без сомнения, был убежден, что в наилучших интересах своей страны создать

для себя, насколько это было возможно в условиях ограничений, которыми он был окружен со всех сторон, свободное поле дипломатической и административной деятельности. Никто, даже его злейшие враги, никогда не обвиняли Джона де Витта в личной коррупции. На протяжении всей своей карьеры он жил тихо и ненавязчиво, как простой гражданин, с очень умеренным доходом, и умер бедняком.

Одной из первых забот совета-пенсионария после заключения мира с Англией было решение внутренних проблем, которые беспокоили определенные части страны, в частности Гронинген, Зеландию и Овериссель. В последней названной провинции возникла серьезная партийная борьба из-за назначения сильного оранжиста по имени Херсолте на пост Дроста, или губернатора Твенте. Поместья разделились, оранжевые партизаны встретились в Зволле, антиоранжевые - в Девентере. Оба завербовали войска, но Зволле были сильнее и осадили Девентеру. Затем победившие оранжисты[стр.227] назначили Вильгельма III штатгальтером, а Уильяма Фредерика его лейтенантом. Наконец, после трехлетней борьбы стороны призвали Де Витта и Вильгельма Фредерика в качестве посредников. Но Де Витт был слишком умен для штатгальтера Фрисландии. Случилось так, что пост фельдмаршала только что освободился из-за смерти Бредероде. И Уильям Фредерик, и его двоюродный брат Джоан Морис стремились занять этот пост. Совет-пенсionario убедил своего посредника, надеявшегося стать преемником Бредероде, уступить по всем пунктам. Херсолте был лишен должности; назначение принца штатгальтером было приостановлено до его совершеннолетия, и поэтому Уильям Фредерик не мог действовать в качестве его заместителя. Таким образом, в Оверисселе был восстановлен мир, но Вильгельм Фредерик не был назначен фельдмаршалом. В других провинциях такт и мастерство Де Витта были столь же успешны в устранении разногласий. Он не добился бы такого успеха, если бы оранжевая партия не была безнадежно расколота и если бы у нее были способные лидеры.

Как администратор и организатор совет-пенсionario сразу же приступил к выполнению двух важнейших задач: финансовой реформе и реконструкции военно-морского флота. Бремя долга, лежавшее на провинции Голландия, которая взяла на себя столь значительную часть военных расходов, было сокрушительным. Процентная ставка была снижена в 1640 году с 6 до 5 процентов. Но расходы на английскую войну, которая была исключительно морской войной, привели к тому, что долг Голландии вырос до 153 000 000 гульденов, проценты по которым составляли 7 000 000 гульденов в год. Де Витт первым делом взялся за тщательную ревизию государственных счетов, с помощью которой ему удалось пресечь ненужные расходы и добиться ряда экономических результатов. Однако, обнаружив, что, несмотря на его усилия по сокращению расходов, ему не удалось избежать ежегодного дефицита, совет-пенсionario предпринял смелый шаг, предложив дальнейшее снижение процентной ставки с 5 до 4 процентов. Ему было трудно убедить инвесторов в государственные фонды согласиться, но он преодолел сопротивление, взяв на себя обязательство сформировать амортизационный фонд, с помощью которого весь долг должен быть погашен в течение 41 года. Поставив, таким образом, финансы провинции на прочную основу, Де Витт затем внес аналогичное предложение в Генеральные штаты, в результате чего проценты по Общему долгу были также снижены до 4 процентов.

Война с англичанами окончательно доказала голландцам их неполноценность в размерах и вооружении их военных судов, а также[стр.228] необходимость полной реорганизации флота. Де Витт, не теряя времени, предпринял необходимые шаги. Существовавший до сих пор обычай

переоборудования торговых судов в военные при начале военных действий был отменен. Были предприняты шаги по неуклонному, из года в год, строительству ряда крупных, прочно сложенных, мощно вооруженных военных кораблей, оснащенных 60,70 и 80 орудиями. Эти суда были специально приспособлены для захода на мелководье и выхода из него и были построены с расчетом на прочность, а не на скорость. Опять же, роль, которую сыграли в войне легкие, быстроходные английские фрегаты, привела к постройке большой флотилии этих судов, столь полезных для разведывательных целей и для наживы на торговле противника. Были также рассмотрены вопросы снабжения и подготовки моряков, а также пересмотрена и реорганизована вся система оплаты труда и призовых денег. Это была великая и жизненно необходимая задача, и последующие события должны были показать, насколько превосходно она была выполнена.

Никто лучше Джона де Витта не знал, что мир является главным интересом Соединенных провинций, но его судьба выпала на долю в смутные времена, и он был одним из тех дальновидных государственных деятелей, которые понимают, что кротость в дипломатии и готовность смириться с ущербом не способствуют делу мира и не продвигают истинные интересы какой-либо страны.

Завоевания Франции в южных Нидерландах вызвали большое беспокойство голландцев; а своевольные действия французских пиратов по поиску и захвату голландских торговых судов в Средиземном море вызвали большое возмущение. Штаты, действуя по совету Де Витта, ответили отправкой эскадры под командованием Де Рюйтера, чтобы положить конец этим разбирательствам. Голландский адмирал предпринял энергичные действия и захватил в плен нескольких французских флибустьеров. Вслед за этим французское правительство запретило голландским судам заходить во французские гавани. Голландцы ответили аналогичным эмбарго и пригрозили заблокировать французское побережье. Эта угроза возымела желаемый эффект, и было достигнуто соглашение. Пиренейский мир 1659 года, по которому французы сохранили большую часть своих завоеваний во Фландрии, Эно и Намюре, в то время как англичане овладели Дюнкерком, вызывал беспокойство. Ибо отношения с Англией, несмотря на добрую волю Протектора, были далеки от удовлетворительных. Торговые интересы двух республик сталкивались по столь многим пунктам, что возобновление военных действий было с трудом предотвращено. Особенно остро это проявилось после начала войны с Португалией в ноябре 1657 г.[стр.229]

Голландцы обвинили португальское правительство в активном попустительстве успешному восстанию бразильских колонистов против голландского правления. То, что когда-то было голландской Бразилией, теперь было заявлено лиссабонским правительством как португальское владение, и Де Витт потребовал возмещения убытков. Поскольку это не было признано, эскадра под командованием Обдама в ноябре 1657 года блокировала побережье Португалии, в то время как другая под командованием Де Рюйтера произвела множество захватов торговых судов. Кромвель был склонен вмешаться, но его смерть 3 сентября 1658 года устранила все опасения относительно действий Англии. Тем временем голландцы захватили Цейлон и Макаassar и практически прервали сношения Португалии с Ост-Индией. Наконец, в августе 1661 года был подписан договор, по которому голландцы отказались от всех территориальных претензий в Бразилии, но получили свободу торговли и контрибуцию в размере 8 000 000 фл., подлежащую выплате через шестнадцать лет, и, что было более ценно, они сохранили за собой свои завоевания на Востоке.

Однако затянувшийся спор с Португалией имел второстепенное значение по сравнению с заинтересованностью голландцев в осложнениях так называемой Северной войны. После отречения Кристины от престола в 1654 году шведский престол унаследовал Карл X Густав. Новый король горел честолюбием пойти по стопам Густава Адольфа и добиться господства Швеции на Балтике путем подчинения Польши и Дании. Карл был человеком с большой силой характера и воинственной энергией, и он, не теряя времени, пытался привести в исполнение свои завоевательные планы. Заручившись поддержкой Великого курфюрста, стремившегося также возвыситься в польской Пруссии, шведский король объявил войну Польше и в начале лета 1656 года осадил Данциг. Но значение балтийской торговли для Голландии было очень велико, и Данциг был центром торговли кукурузой на Балтике. Поэтому под давлением амстердамских купцов Генеральные штаты отправили (июль) флот из сорока двух кораблей под командованием Обдама ван Вассенара через Пролив, который снял осаду Данцига и с согласия Польши оставил в городе гарнизон. Таким образом, шведский король в Эльбинге (сентябрь 1656 г.) возобновил дружественные отношения с республикой, и Данциг был объявлен нейтральным портом. В то же время между Штатами и Данией был заключен оборонительный союз. Из этого было очевидно, что голландцы враждебно относились к шведским притязаниям и были полны решимости противостоять им. Де Витт стремился сохранить мир,[стр.230] но против него было все влияние Амстердама и способного дипломата Ван Бенингена, который после того, как был специальным посланником Штатов в Стокгольме, теперь был направлен в Копенгаген. Ван Бенинген считал, что, каковы бы ни были риски вмешательства со стороны государств, контроль над Звуком не должен попасть в руки Швеции. Чрезвычайная ситуация возникла раньше, чем ожидалось.

Бранденбург перешел на другую сторону, шведы были изгнаны из Польши; и датский король Фридрих III, несмотря на совет Де Витта, воспользовался возможностью объявить войну Швеции. Хотя стояла глубокая зима, Карл Густав, не теряя времени, напал на Данию. Он быстро изгнал датчан из Шенена и Фюн и вторгся в Зеланд. Фредерик был вынужден в Эскильде (февраль 1658 г.) принять условия завоевателя. Дания фактически перешла в зависимость от Швеции и обязалась закрыть пролив для всех иностранных кораблей. Поскольку в то время республика была вовлечена в споры как с Францией, так и с Англией, а также в войну с Португалией, Де Витт был бы доволен тем, что сохранял бдительную позицию в отношении скандинавских дел и стремился дипломатическим путем добиться от Швеции признания голландских прав. Но его вынудил Ван Бенинген, который зашел так далеко, что призвал датского короля полагаться на свой оборонительный союз с республикой и разорвать Эскильдский мирный договор. Карл Густав быстро вторгся в Данию, вытеснил датский флот сморя, разместил сильные гарнизоны в Эльсиноре и Кронборге и осадил Копенгаген. Ван Бенинген с гордостью утверждал, что "дубовые ключи Пролива находятся в доках Амстердама", и его хвастовство не было пустым. В начале октября отряд из тридцати пяти судов под командованием Обдама, на борту которого находилось 4000 военнослужащих, отплыл в пролив с приказом уничтожить шведский флот и снять осаду Копенгагена. 8 ноября Обдам столкнулся со шведами у входа в Балтику. Шведский адмирал Врангель имел под своим командованием сорок пять кораблей, и сражение было упорным и кровопролитным. Обдам выполнил его указания. Только остатки шведского флота нашли убежище в гавани Ландскруны, но голландцы также серьезно пострадали. Два вице-адмирала, Витте де С и Флоришун, были убиты, а сам Обдам чудом избежал плена, но Копенгаген был освобожден от морской блокады.

Однако Карл Густав удерживал в военном владении большую часть Дании, а весной начал наступление на[стр.231] столицу со стороны суши. Поскольку и Англия, и Франция проявили склонность вмешаться в конфликт, Генеральные штаты теперь действовали с неожиданной энергией, признавая, что этот вопрос для них жизненно важен. Внушительный отряд из семидесяти пяти военных кораблей, на борту которых находилось 12 000 солдат и 3000 орудий, был отправлен в мае 1659 года под командованием Де Рюйтера на Балтику. Переговоры о мире между скандинавскими державами при посредничестве Франции, Англии и Соединенных Провинций были начаты и затянулись на все лето. Но ни Карла Густава, ни Фридриха не удалось заставить согласиться на предложенные условия, и первый осенью снова угрожал Копенгагену. В этих обстоятельствах Де Рюйтеру было приказано изгнать шведов из Фюн. 24 ноября город Нюборг был взят штурмом, и все шведские войска были вынуждены капитулировать. Де Рюйтер теперь был главенствующим на Балтике и плотно блокировал шведские порты. Эти бедствия сломили дух Карла Густава; он умер 20 февраля 1660 года. Теперь в Оливе был заключен мир на условиях, благоприятных для Швеции, но гарантировавших голландцам свободный проход через Пролив. Политика Де Витта была одновременно твердой и примирительной. Не вызывая активного противодействия Англии и Франции, он решительными действиями в решающий момент преуспел в поддержании того баланса сил на Балтике, который был необходим в интересах голландской торговли. Республика под его умелым руководством, несомненно, приобрела во время северных войн новый вес и внимание в Советах Европы.

Пиренейский мир, за которым последовали Оливский мир и соглашение с Португалией, казалось, открыли для Соединенных провинций период отдыха и восстановления сил, но, вероятно, никто лучше члена совета-пенсионария не знал, что внешняя видимость обманчива. Весной 1660 года в Англии была совершена бескровная революция, и Карл II был восстановлен на троне. Враждебность Де Витта и государств-участников к дому Стюартов была заметна. Случилось так, что Чарльз находился в Бреде, когда получил приглашение, отзывающее его в Англию. Положение было трудным, но советник-пенсionario сразу же понял, со своей обычной проницательностью, что можно следовать только одному пути. Действуя по его совету, Генеральные штаты и сословия Голландии предприняли все возможные шаги, чтобы умиловить[стр.232] принца, который из одинокого изгнанника внезапно превратился в могущественного короля. Огромные суммы были потрачены на то, чтобы устроить ему великолепный прием в Гааге; и когда он отплыл из Схевенингена, депутации от Генеральных штатов и поместий Голландии чинно сопровождали его посадку и были обменены щедрыми обещаниями дружбы. Однако было знаменательно, что Чарльз вручил совету-пенсionario декларацию, в которой выражал признательность за заботу об их Могущественностях "принцессе, моей сестре, и принцу Оранскому, моему племяннику, людям, которые мне чрезвычайно дороги". Ранее он выразил такое же пожелание Де Витту в частном порядке; и выполнение его, *т.е.* отмена Акта об исключении, было неизбежно. Но все актеры в этой комедии играли свою роль. Карл не был обманут всем этим раболепием и, продолжая затаивать горькую обиду на Де Витта и его партию, только ждал своего часа, чтобы отплатить им тем же. Де Витт, со своей стороны, хотя в своем стремлении примирить новое роялистское правительство он согласился выдать трех цареубийц, которые были беженцами в Голландии (акт, справедливо осуждаемый), отказался восстановить принцу Оранскому какие-либо древние звания и должности его предков. Однако, действуя по его совету, Сословия Голландии единогласно приняли резолюцию, объявляющую Уильяма опекуном Сословий, и проголосовали за выделение денежной суммы на его содержание и образование.

Вскоре после этой знаменательной перемены в правительстве Англии кардинал Мазарини умер (март 1661 г.), и юный Людовик XIV взял бразды правления в свои руки. Внешне все казалось благополучным в отношениях между Францией и республикой, и фактически 27 апреля 1662 года между ними был заключен наступательный и оборонительный союз на двадцать пять лет. Позже, в том же году, граф Д'Эстрадес, бывший послом во времена Фридриха Генриха, вернулся на свой прежний пост. Отношения между ним и Де Виттом лично носили самый дружеский характер, но примирительная позиция Д'Эстрада не обманула дальновидного советника-пенсionario, который был серьезно обеспокоен политическими целями Франции в южных Нидерландах.

По Пиренейскому мирному договору 1659 года французы уже приобрели значительную часть территории во Фландрии и Артуа. С тех пор они получили Дюнкерк путем покупки у Карла II. Более того, Людовик XIV женился на старшей дочери Филиппа IV, чей[стр.233] единственный сын был слабоватым мальчиком. Это правда, что Мария Терезия, выйдя замуж, отказалась от всех претензий на испанское наследство. Но за ней было назначено большое приданое, и по договору отказ зависел от его выплаты. Приданое не было выплачено, и не было никакой надежды на то, что испанское казначейство сможет найти эти деньги. Кроме того, ни для кого не было секретом, что Людовик претендовал на наследование Брабанта своей женой и некоторых других частей Нидерландов в соответствии с так называемым Законом о передаче полномочий. По этому закону наследником считался ребенок женского пола от первой жены, а не ребенок мужского пола от более позднего брака. Голландцы боялись приближения французской военной мощи к их границам, и все же одряхление Испании, казалось, делало это неизбежным. Де Витту казалось, что у этой трудности есть только два решения. Либо то, что называлось "расквартирование" южных Нидерландов, т.е. Их формирование в самоуправляющуюся республику под защитой Нидерландов, гарантированной французским союзом, либо разделение бельгийских провинций между двумя державами. Последнее предложение, однако, имело два больших недостатка: во-первых, оно давало Франции и Республике нежелательную общую границу; во-вторых, Амстердам был полон решимости не превращать Антверпен в опасного соперника. Последнее возражение оказалось непреодолимым; и, хотя Де Витт имел много конфиденциальных бесед с Д'Эстрадом, в ходе которых французский посланник старался не раскрывать истинных намерений своего правительства, никакого урегулирования достигнуто не было, поскольку угрожающее состояние отношений с Англией отодвинуло все остальные вопросы на задний план.

Восшествие на престол Карла II возвело на английский престол человека, который не питал добрых чувств к Голландии и еще меньше к советнику-пенсionario, и который, как и все короли династии Стюартов, проявлял живой интерес к военно-морским делам. Закон о судоходстве отнюдь не был отменен, а энергично соблюдался, как и претензии Англии на суверенитет в узких морях. Недовольство Английской Ост-Индской компании своим голландским конкурентом в связи с захватом некоторых судов и особенно в связи с владением небольшим островом под названием Поэло-Рам на Молуккских островах привело к росту чувства горечи и враждебности. Специальное посольство, возглавляемое двоюродным братом Де Витта, Бевервиртом, было отправлено в Лондон осенью 1660 года, чтобы попытаться установить дружеское взаимопонимание, но было[стр.234] бесплодным. В то же время Джордж Даунинг, искусный интриган и авантюрист, который после службы Кромвелю сумел завоевать доверие королевского правительства, был направлен послом в Гаагу, где он тайно работал над обострением споров и предотвращением урегулирования разногласий между двумя народами.

Положение принца Оранского и обращение с ним также были источником трудностей и даже опасности для верховенства государств-участников. Среди провинций возникло всеобщее движение, возглавляемое Гелдерландом и Зеландией, за выдвижение Уильяма капитаном и генерал-адмиралом Союза и штатгальтером. Однако отсутствие руководства в партии оранжистов и враждебность между двумя принцессами сделали невозможными какие-либо целенаправленные действия. Де Витт со своей обычной ловкостью завоевал расположение королевской принцессы, которая приняла предложение о том, чтобы Поместья Голландии взяли на себя образование принца, и даже согласилась, чтобы сам Де Витт и дядя его жены, Де Граф, руководили учебой принца. Устроив это, Мэри впервые после замужества посетила свою родину, желая посоветоваться с братом по различным вопросам. К сожалению, она умерла от оспы в январе 1661 года, назначив Чарльза опекуном своего сына. Это назначение не способствовало сглаживанию отношений между двумя странами.

В Англии существовала могущественная военная партия, поддерживаемая герцогом Йоркским. Именно по его наущению был совершен решительный акт, вызвавший сильное возмущение в Голландии. Была создана компания под названием "Королевская африканская компания", в которой герцог имел большой интерес. Флот, снаряженный этой компанией под командованием адмирала Холмса, захватил в феврале 1664 года часть побережья Гвинеи, на которой были поселения голландцев. Решительные протесты, не встретившие ничего, кроме уклончивых ответов, были проведены в обстановке строжайшей секретности, эскадра была подготовлена к отплытию под командованием Де Рюйтера, номинально в Средиземное море. Тем временем Бевервирт в Лондоне и Даунинг в Гааге вели длительные переговоры по этому и другим жалобам, но без какого-либо подхода к урегулированию. На самом деле Даунинг тайно делал все возможное не для примирения, а для обострения разногласий. Ситуация обострилась после известия о том, что английский флот пересек Атлантику и овладел[стр.235] голландской колонией Новые Нидерланды (сентябрь) и что Холмс стал хозяином Кабо-Корсо на побережье Западной Африки и угрожает дальнейшим завоеваниям. Это было уже слишком. Де Рюйтер получил приказ отправиться в Гвинею, где он быстро изгнал английских захватчиков и вновь занял утраченные поселения. В течение зимы обе державы готовились к борьбе за господство на море, которая стала неизбежной; и наконец Англия объявила войну (4 марта 1665 г.).

[стр.236]

ГЛАВА XVI

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ДЕ ВИТТА, 1665-1672. ВТОРАЯ АНГЛИЙСКАЯ ВОЙНА. ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ. ВТОРЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

Объявление войны в марте 1665 года показало, что голландский флот, благодаря предусмотрительности и личной заботе совета-пенсионария, гораздо лучше подготовлен к борьбе с превосходящими ресурсами своего английского соперника, чем это было в 1654 году. Джон де Витт, которому помогал его брат Корнелис, восполнил нехватку генерал-адмирала, призвав различные адмиралтейские коллегии настаивать на строительстве судов по размерам, конструкции и вооружению, способных на равных конкурировать с английскими военными кораблями. Более того, он со свойственным ему усердием приложил немало усилий, чтобы изучить детали управления адмиралтейством и военно-морскую науку; и теперь, в компании с комиссарами Генеральных штатов, он посетил все порты и верфи и убедился, что каждый доступный корабль готов к немедленной службе, укомплектован опытными экипажами и достаточным количеством припасов и оборудования. Англичане, со своей стороны, были в равной степени готовы к этой встрече. После смерти Кромвеля флотом пренебрегли, но в течение пяти лет, прошедших с момента Восстановления, были предприняты шаги, чтобы придать ему еще большую силу и эффективность, чем раньше. Какими бы ни были недостатки королей Стюартов, пренебрежение военно-морским флотом не могло быть поставлено им в вину. Одним из первых шагов Карла II было назначение своего брата Джеймса, герцога Йоркского, на пост лорда-хай-адмирала; и Джеймс был неустанным в своем внимании к своим обязанностям и самым способным военно-морским администратором и лидером, в то время как сам Чарльз во время своего правления не переставал проявлять живой интерес к военно-морским делам. В его случае, как ранее в случае с его отцом, только отсутствие необходимых финансовых средств помешало ему создать английский флот, который был бы способен отстаивать тот "суверенитет в узких морях", который был традиционным притязанием английской монархии.[стр.237]

Англичане были готовы раньше голландцев, которым в их подготовке мешало наличие пяти отдельных коллегий адмиралтейства. Герцог Йоркский вышел в море с флотом из 100 кораблей в конце апреля и, крейсируя у берегов Голландии, отрезал основной голландский флот в Текселе от зеландского контингента. К несчастью для Голландии, Михаэль Адриан де Рюйтер, один из величайших моряков, в это время все еще находился в Средиземном Обдаме, которому было переданоглавное командование, и ждал, пока шторм загонит врага в их гавани. Затем он объединил все голландские эскадры и, переправившись в бухту Саутуолд, обнаружил английский флот готовым к бою. После некоторого маневрирования к акции присоединились 13 июня, и после кровопролитного боя все закончилось самым плачевным образом для голландцев. Флагманские корабли в ходе борьбы вступили в тесный бой, в результате чего судно Обдама внезапно взорвалось, в то время как судно английского адмирала было серьезно повреждено, а сам он ранен. Линия обороны голландцев уже была прорвана, и судьба их командира решила этот вопрос. Голландцы в большом замешательстве искали укрытия на своих отмелях, но их привычка стрелять по мачтам и такелажу настолько подкосила их

противников, что энергичное преследование стало невозможным. Тем не менее, англичане одержали в первом столкновении решительную победу. Шестнадцать голландских кораблей были потоплены или уничтожены, девять захвачены в плен, и по меньшей мере 2000 человек были убиты, включая трех адмиралов, и еще столько же взято в плен. Англичане потопили всего одно судно, и их потери составили не более трети потерь голландцев. Ужас и гнев в Голландии были велики. Ян Эвертсен, заместитель командующего, и ряд капитанов предстали перед военным трибуналом; реорганизация флота была поручена Корнеллу Тромпу, который, воодушевленный и поддержанный советом-пенсинарием, с большой энергией взялся за выполнение задачи.

Тем временем англичане были хозяевами на море, хотя административные недостатки, нехватка продовольствия и людей не позволили им в полной мере воспользоваться своим успехом. Однако в начале августа флот под командованием графа Сандвичева попытался захватить несколько голландских ост-индцев, которые обогнули север Шотландии. Ост-индцы укрылись в нейтральном порту Берген. Здесь Сандвич рискнул напасть на них, но был отброшен фортами. Пока он был таким образом занят на севере, пролив оставался свободным; и Де Рюйтер со своей[стр.238] эскадрой воспользовался возможностью вернуться в родные воды без сопротивления. Его прибытие имело величайшее значение для голландцев, и он был со всеобщим одобрением назначен преемником Обдама в качестве лейтенант-адмирала Голландии и получил верховное командование на море. Тромпа, разгневанного тем, что его сместили, с трудом убедили служить под началом нового шефа, но ему пришлось уступить силе общественного мнения. Де Рюйтер сразу же доказал свое мастерство, благополучно выведя ост-индцев из Бергена, хотя сильный шторм нанес некоторые потери как флоту, так и конвою. Однако благодаря энергии Де Витта и адмирала ущерб был быстро устранен, и Де Рюйтер снова отплыл в начале октября на поиски английского флота. Он крейсировал в Ла-Манше и у устья Темзы, но вражеских судов видно не было; и в конце месяца новые штормы завершили морскую кампанию 1665 года, в целом в пользу англичан.

Неудачи голландцев не ограничивались только морской войной. Действительно, война между Англией и Голландией была исключительно морским делом, ни одна из них не обладала достаточно сильной армией, чтобы высадиться на побережье противника без какой-либо надежды на успех; но Соединенные Провинции были особенно уязвимы на своей восточной границе, и Карл II заключил союз с епископом Мюнстера, который имел претензии к Штатам из-за спорной пограничной территории, графства Боркело. Субсидируемый Англией, епископ во главе 18 000 человек (сентябрь 1665 г.) захватил значительную часть Дренте и Оверайсселя и опустошил их. Поначалу не было организованной силы, способной противостоять ему. Политика Голландии заключалась в сокращении армии, и другие провинции не отказались последовать ее примеру. Ни один фельдмаршал не был назначен преемником Бредероде; в Союзе не было армии под командованием генерал-капитана, но было семь небольших провинциальных армий без военного руководителя. Теперь было собрано несколько тысяч свежих войск и военное снаряжение, но кому следует передать главное командование? Вильгельм Фредерик был мертв (31 октября 1664 г.), и ему наследовал его юный сын Генрих Казимир в штатгальтерстве Фрисландия. Жанна Морис Нассауская покинула Нидерланды и была губернатором Клеве на службе Бранденбурга. Однако его убедили встать во главе армии, хотя он и горько жаловался[стр.239] на недостаточность сил, предоставленных в его распоряжение. Де Витт, однако, не бездействовал. Он заручился поддержкой Брауншвейга-Люнебурга, и армия из 12 000 брауншвейгцев под командованием Георга Фредерика фон

Вальдека атаковала Мюнстер; в то время как силы из 6000 французов также, согласно условиям мирного договора 1662 года, выдвинулись на помощь голландцам. Епископ, которому также угрожал Бранденбург, был вынужден отвести свои войска для защиты дома и в апреле 1666 года был рад заключить мир со Штатами.

Также было обещано военно-морское сотрудничество Франции против Англии; и война была фактически объявлена Людовиком XIV ранней весной 1666 года. Истинная причина этих решительных действий была вызвана иными мотивами, чем вражда к Англии. Смерть Филиппа IV Испанского в сентябре 1665 года приблизила перспективу отсутствия наследника мужского пола у обширной испанской монархии. Французская королева Мария Терезия была старшим ребенком Филиппа; и, хотя после замужества она отказалась от своих притязаний на испанский престол, было хорошо известно, что Людовик намеревался настаивать на ее правах, особенно в отношении испанских Нидерландов. Он боялся, что Штаты, всегда с подозрением относившиеся к его амбициозным проектам, могут поддасться искушению заключить соглашение с Англией на основе оборонительного союза против французской агрессии во Фландрии и Брабанте, поскольку обе державы не хотели видеть Антверпен в руках Франции. Чтобы предотвратить эту опасность, Людовик решил принять участие в войне на стороне голландцев. Однако этот шаг был скорее дипломатическим, чем серьезным, поскольку французский адмирал де Бофор никогда не плавал в Северное море и не вступал в бой с голландским флотом. Тем не менее, как будет видно, его присутствие в Атлантике оказало важное влияние на морскую кампанию 1666 года.

Английский флот был готов только в начале июня. Опустошительные последствия чумы и финансовые трудности вызвали задержку, и флот насчитывал всего около восьмидесяти кораблей, включая эскадру, отозванную из Средиземного моря. "Морскими генералами", как их называли, были Монк и Руперт. Они начали с того, что совершили большую ошибку, разделив свои силы. Руперт был выделен с двадцатью кораблями для наблюдения за де Бофортом, что имело серьезные последствия для англичан. Голландский флот, состоявший из семидесяти двух военных кораблей и двенадцати фрегатов, был самым мощным, которое Адмиралтейство когда-либо отправляло в море, не по количеству, а по качеству кораблей. Де Витт[стр.240] сам руководил подготовкой и следил за тем, чтобы оборудование было полным во всех отношениях. Де Рюйтер был верховным командиром и возглавлял авангард, Корнелис Эвертсен - центр, Корнелис Тромп - тыл. 11 июня английский флот под командованием Монка был замечен между Норт-Форлендом и Дюнкерком, и началось знаменитое Четырехдневное сражение. У англичан было всего пятьдесят четыре корабля, но, имея метеометр, Монк атаковал эскадру Тромпа всеми своими силами; и только позже в тот же день Де Рейтер и Эвертсен смогли прийти на помощь своему коллеге. Ночь положила конец нерешительному противостоянию, в котором обе стороны крупно проиграли. На следующий день Монк возобновил атаку, поначалу с некоторым успехом; но, поскольку Де Рюйтер получил подкрепление в шестнадцать кораблей, численный перевес сказался, и Монк был вынужден отступить. На третье утро Де Рейтер воспользовался своим преимуществом, но английский адмирал провел свое отступление самым виртуозным образом, его арьергардная эскадра прикрывала основные силы и упорно сражалась. Однако несколько кораблей, включая флагманский корабль вице-адмирала Эйскую, пришлось оставить, и они были либо уничтожены, либо захвачены голландцами. В конце концов, у Монка осталось всего двадцать восемь кораблей, пригодных к эксплуатации. Очень кстати к нему теперь присоединилась эскадра Руперта и другие подкрепления; и на четвертое утро два флота столкнулись друг с другом почти в равном количестве, у каждого было около шестидесяти

судов. Поэтому отчаянная борьба возобновилась еще раз, и с первоначальным преимуществом англичан. Руперт пробился сквозь голландский флот, который на некоторое время был разделен. Но английская привычка стрелять по корпусам, хотя и наносила наибольший ущерб, была не столь эффективна, как голландская система прицеливания по мачтам и такелажу, ограничивая свободу лавирования и маневрирования; и Монк и Руперт не смогли помешать Де Рейтеру вновь объединить все свои силы и обрушиться с ними на врага. Англичане были вынуждены снова отступить, оставив несколько своих "поврежденных" судов позади. Они потеряли во всех десяти кораблях, кроме брандеров, что-то около 3000 убитыми и ранеными и 2500 пленными. Вице-адмирал Беркли был убит, вице-адмирал Эйскью взят в плен. Положение голландцев было не намного лучше. Четыре или пять их кораблей были потоплены, несколько серьезно повреждены, и список их потерь, вероятно, был таким же большим, как и у их противников. Тем не менее победа, несомненно, была за ними; и возвращение флота было встречено[стр.241] массовыми ликованиями в Голландии и Зеландии. Триумф был недолгим.

Энергичными усилиями обеих сторон поврежденный флот был быстро восстановлен. Де Рюйтер первым вышел в море (9 июля) примерно с девятидесятью кораблями; три недели спустя Монк и Руперт покинули Темзу с равными силами. Столкновение произошло 4 августа. Она закончилась решающей победой англичан после нескольких ожесточенных и упорных боев. Голландский флот, потеряв двух своих адмиралов, Эвертсена и Де Фриза, уступил. Затем Монк и Руперт превосходящими силами атаковали центр под командованием самого Де Рюйтера, который, чтобы спасти свой флот от уничтожения, был вынужден укрыться за голландскими отмелями. Тем временем эскадрилья под командованием Тромпа, гнавшая перед собой арьергардную эскадрилью англичан, оказалась разделенной и не могла прийти на помощь Де Рюйтеру. За это отступление Де Рюйтер горько упрекнул его и обвинил в дезертирстве. Ссора привела к тому, что Тромпа лишили командования, поскольку Генеральные штаты не могли позволить себе лишиться услуг главнокомандующего.

На какое-то время англичане стали хозяевами узких морей и, курсируя вдоль голландского побережья, уничтожили большое количество голландских торговых судов, захватили несколько богатых трофеев и даже высадились на острове Терсхеллинг, который был разграблен. Нехватка припасов в конце концов вынудила их отступить с целью проведения повторных боев. На этом Де Рюйтер в сопровождении Корнелиса де Витта в качестве специального комиссара отплыл в надежде добиться соединения с Де Бофортом. Руперт также снова вышел в море, но штормы помешали встрече флотов, а болезни также серьезно повлияли на их эффективность. Сам де Рейтер заболел, и, хотя Джон де Витт сам находился во флоте, никаких дальнейших операций предпринято не было. Обе стороны устали, измучились и стремились к миру.

Для Де Витта война с самого начала была неприятна, и его очень беспокоили постоянные интриги оранжистской партии, направленные на подрыв его позиций. Он сознавал, что в этот час нужды страны взоры значительной части народа, даже в Голландии, все больше и больше устремлялись на молодого принца. В его имени была магия, которая наделяла неопытного мальчика отражением славы великих деяний его предка. Совет-пенсинарий, в прошлом мастер в искусстве целесообразности,[стр.242] был вынужден предотвратить опасность, которая угрожала верховенству государств-участников, предложив принцессе Амалии, чтобы провинция Голландия не только взяла на себя образование Уильяма, но и усыновила его как "Дитя государства". Это был недальновидный ход, поскольку, как проницательно заметила принцесса, это исключительное положение, закрепленное за ее внуком, должно было

обеспечить, когда он вырастет и станет мужчиной, возвращение ему наследственных достоинств. Она охотно согласилась, и в апреле 1666 года Сословия Голландии назначили Комиссию, главой которой был сам Джон де Витт, которой было поручено религиозное и политическое наставление принца. Несколько месяцев спустя Де Витту предстояло обнаружить, что оранжистские интриги все еще тайно велись. Офицер французского происхождения, лорд Буат, хотя и был сторонником оранжистов, был нанят пенсионарием для того, чтобы сделать предварительные предложения о мире английскому двору через лорда Арлингтона. В августе пачка перехваченных писем показала, что Буат обманул его и пытался добиться его свержения. Буат предстал перед судом, был приговорен к смертной казни и казнен 11 октября.

Это решительное действие совета-пенсионария, однако, не помешало обсуждению предварительных условий мирного урегулирования как в Гааге, так и в Лондоне в зимние месяцы, в результате чего конференция делегатов, представляющих Великобританию, Соединенные провинции и Францию, собралась в Бреде в мае 1667 года для обсуждения условий мира. Но переговоры не продвинулись. Английские посланники вновь подняли все старые вопросы, в то время как голландцы не были готовы ни на что пойти, если Закон о судоходстве не будет в значительной степени изменен. В этих обстоятельствах Де Витт решил смелыми действиями попытаться ускорить переговоры в выгодном для Голландии смысле. Он знал, что англичане не готовы. Карл II, вопреки советам Руперта, Монка и герцога Йоркского, отказался тратить деньги на подготовку к морской кампании, которая, как он был уверен, никогда не состоится. Опустошительные последствия чумы и Великого лондонского пожара сделали 1666 год одним из самых мрачных в истории Англии и привели к серьезному истощению финансовых ресурсов и потерям в результате войны. В стране было широко распространено недовольство, и король, испытывавший серьезные финансовые трудности, был непоколебим в своей решимости не предпринимать никаких шагов для переоснащения флота. Корабли[стр.243] оставались в порту, хотя голландцы отправили в апреле эскадру в Ферт-оф-Форт и господствовали в Ла-Манше.

В глубокой тайне Де Витт теперь готовился к отправке большого флота с приказом пройти вверх по устью Темзы и атаковать английские корабли в гавани. Де Рюйтер в сопровождении Корнелиса де Витта покинул Тексель 14 июня во главе флота, насчитывающего более восьмидесяти судов. 19 июня эскадра под командованием адмирала Ван Гента отправилась вверх по Темзе, за ней последовали основные силы. Ширнесс был взят в плен, и 22-го Де Рюйтер решил пробиться вверх по Медузю. Река была перекрыта, когда корабли выстроились в линию за тяжелой цепью. Голландские брандеры прорвали цепь и сожгли суда, а затем, поднявшись вверх, сожгли, затопили или захватили около шестнадцати судов, среди последних - флагманский корабль "*Ройял Чарльз*". Звук голландских орудий был слышен в Лондоне, и на какое-то время воцарилась паника. Но узость реки и оперативные меры, которые были приняты для вызова ополчения и укомплектования фортов, помешали дальнейшему успеху. Голландский флот отошел к Норе и, помимо блокирования устья реки, не смог нанести никакого дальнейшего ущерба. Однако удар по престижу Англии был непоправимым, и люди чувствовали себя глубоко униженными из-за того, что близорукость и неподготовленность со стороны правительства нанесли им оскорбление, оскорбляющее национальную гордость. Одним из его последствий, как и предвидел Де Витт, стала более примирительная позиция английских посланников в Бреде. Мир был заключен 26 июля на условиях более благоприятных, чем могли ожидать голландцы. Закон о судоходстве был изменен, были признаны различные коммерческие преимущества, а Поэлорум был сохранен. С другой стороны, обычай вывешивания флага

остался неизменным. Было решено, что английская колония Суринам, захваченная в марте 1667 года зеландской эскадрой, должна быть сохранена в обмен на Нью-Йорк, выгодный для обеих сторон обмен.

По Бредскому мирному договору Голландская республика достигла вершины своего величия, и верховенство Де Витта казалось не только надежным, но и неприступным. И все же готовились события, которым было суждено подорвать процветание Голландии и положение государственного деятеля, которому в столь значительной мере было причитается это процветание. Франция под абсолютным правлением Людовика XIV стала[стр.244] безусловно, самым могущественным государством в Европе, и король был склонен к амбициозным и агрессивным проектам. Уже объяснялось, что после смерти Филиппа IV Испанского он потребовал от своей королевы Марии Терезии наследования, согласно так называемому "закону о передаче полномочий", значительной части южных Нидерландов. Теперь он решил, что настал час для приведения в исполнение его притязаний. В мае 1667 года, еще до подписания Бредского мирного договора, французская армия численностью 50 000 человек пересекла бельгийскую границу. Кастель-Родриго, испанский губернатор, не имел в своем распоряжении сил для сопротивления столь грозному вторжению; крепость за крепостью переходили в руки французов, а Фландрия, Брабант и Эно были быстро захвачены. Это быстрое продвижение к их границам вызвало немалый переполох в Голландии, и попытки Де Витта достичь взаимопонимания с королем Людовиком оказались безрезультатными. Штаты были не в состоянии предпринять вооруженную интервенцию, и некогда грозная испанская держава теперь была слабой и одряхлевшей. Единственная надежда заключалась в формировании коалиции. Поэтому Де Витт обратился за помощью к Англии и Швеции.

Антифранцузская партия в Швеции тогда была преобладающей; и Донне, послу Швеции в Гааге, было приказано отправиться в Лондон, чтобы там поддержать усилия недавно назначенного голландского посланника Джона Меермана по формированию коалиции для сдерживания усиления Франции. Им предстояло преодолеть трудности. Англичане были обижены результатами Бредского мира. Карл не любил голландцев и был лично обязан Людовику XIV многими милостями. Но настроения в Англии были категорически против французской агрессии против Антверпена. Отстранение Кларендона от власти в то время и восшествие на престол Арлингтона, который был зятем Беверверта, склонили чашу весов в пользу предложений Де Витта, и Чарльз оказался вынужден уступить. Сэр Уильяму Темплу, чья резиденция в качестве английского посланника в Брюсселе убедила его в серьезности французской угрозы, было приказано отправиться в Гаагу для личной встречи с советом-пенсинарием, а затем проследовать в Лондон. Его миссия была выполнена наиболее оперативно и умело. Его убедительность преодолела все препятствия. После краткого пребывания в Лондоне он вернулся в Гаагу 17 января 1668 года. Даже вошедшая в поговорку медлительность сложного механизма голландского правительства не помешала ему выполнить свою миссию с почти чудесной быстротой. Сначала заручившись полной поддержкой Де Витта своих предложений, он затем, с помощью[стр.245] совета-пенсинария, настаивал на срочности дела перед Генеральными Штатами с такими убедительными аргументами, что 23 января был подписан мирный договор между Англией и Соединенными Провинциями. Три дня спустя Донна смог объявить о присоединении шведского правительства; и 26 января Тройственный союз стал свершившимся фактом. По сути, это был оборонительный союз, и его главной целью было предложить посредничество между Францией и Испанией, чтобы умерить претензии Франции и подкрепить их посредничество, если возникнет необходимость, совместными действиями. В

качестве предварительной предосторожности под командование Жанны Морис Нассауской были срочно выделены значительные силы и снаряжен флот из сорока восьми кораблей.

Эти шаги возымели свое действие. Людовик, внезапно столкнувшийся с этой грозной коалицией, предпочел согласиться на посредничество, хотя это потребовало от него отказа от части своих притязаний. Хорошо зная, что союз был очень неустойчивым, поскольку согласие Карла было дано под давлением, а цели Швеции были корыстными, он предвидел, что, выждав время, он сможет позже отомстить торговой республике, которая осмелилась помешать ему. На встрече в Сен-Жермен-ан-Лэ между министром иностранных дел Франции Лионне и послами Нидерландов и Англии Ван Бенингеном и Тревором 15 апреля были улажены предварительные вопросы. Это было подтверждено конференцией представителей всех заинтересованных государств в Экс-ла-Шапель (2 мая), в которой Темпл принимал активное участие. Людовик отказался от Франш-Конте, который он завоевал, но сохранил Монс, Куртре, Турне, Лилль, Шарлеруа и другие приграничные города. Этот мирный договор, последовавший за Бредским, стал венцом триумфа администрации Де Витта, поскольку он дал Голландской республике решающий голос в Советах Великих держав Европы.

Но, хотя он проявил себя столь успешно на поприще дипломатии и государственной мудрости, позиции совета-пенсионария в ходе войны с англичанами заметно ослабли. Властные манеры Де Витта, его практическая монополия на власть и то, что он наделил столькими должностями своих родственников и друзей, вызывали значительную зависть и раздражение. Против него начали формироваться заговоры, а старые сторонники отпадать. Он лишился помощи Ван Бевернинга, который подал в отставку с поста генерального казначея, и ему удалось отстранить Ван Бенингена, который имел[стр.246] большое влияние в Амстердаме. Биккеры и Де Греффы больше не были верховными жителями этого города, где к власти пришла новая партия под руководством Гиллиса Валькениера. Эта партия, с которой теперь ассоциировался Ван Бенинген, в настоящее время была скорее настроена против Де Витта, чем за оранжевых. Валькениер и Бенинген последовательно стали бургомистрами, а другу Де Витта, Питеру де Грооту, пришлось уйти с поста пенсионария. Таким образом, в поместьях Голландии Де Витту пришлось столкнуться с оппозицией, одним из лидеров которой был способный пенсионер из Харлема Каспар Фогель. И все это время у него перед глазами постоянно стоял тот факт, что принц Оранский не может больше оставаться "Дитем государства" и что, когда он выйдет из-под опеки Поместий Голландии, его будущее положение должно быть урегулировано. Сам де Витт уделял много личного внимания наставлениям Вильгельма, и принц терпеливо и, по-видимому, с удовлетворением подчинялся ограничениям, которыми его окружали. Несмотря на физическую слабость, его здоровье всегда было хрупким, но он обладал недюжинным умом и необычайной силой воли. Холодный и непроницаемый в манерах и выражении лица, негибкий в своей надменной отчужденности, он умел с безупречной вежливостью держать язык за зубами и воздерживаться от неосторожных слов. Но за этой ледяющей душой внешностью сфинкса скрывался удивительно развитый ум, уже наполненный глубоко продуманными планами на будущее, уверенный в том, что его возможность представится, и готовый, когда пробьет час, воспользоваться ею. Можно хорошо представить, с какой тревогой в своих многочисленных личных беседах совет-пенсинарий, должно быть, пытался прочесть то, что происходило в сокровенных мыслях его ученика, но был сбит с толку.

Уже в августе 1667 года поместьями Голландии были предприняты шаги, чтобы предотвратить грозившую опасность. По предложению Ван Бенингена и Валькениера, которые еще не

отделились от государств-участников, был принят эдикт, которому, несколько неудачно, было присвоено название "Вечный эдикт". Он навсегда упразднил в Голландии должность штатгальтера и подтвердил право городских корпораций (*vroedschappen*) избирать своих собственных магистратов. Далее было решено предложить другим провинциям объявить, что ни один штатгальтер не может занимать ни капитана, ни генерал-адмирала Союза. Эта резолюция была названа "Концепция гармонии". Были отправлены депутации, чтобы добиться принятия Этой Концепции; и сам Де Витт использовал[стр.247] всю свою силу убеждения, чтобы добиться общего согласия. Он добился успеха в Утрехте, Гелдерланде и Оверисселе. Но Зеландия, Фрисландия и Гронинген, где оранжисты были сильны, отказались дать свое согласие; и одобрение Генеральных штатов было поддержано лишь незначительным большинством. Сам Де Витт, несомненно, знал, что возведение этого бумажного барьера против унаследованного влияния человека, носящего почетный титул принца Оранского, не имело реальной ценности. Сообщается, что Вивьен, пенсионарий Дордрехта, двоюродный брат Де Витта, воткнул свой перочинный нож в копию Вечного эдикта, лежавшую перед ним на столе, и в ответ на замечание сказал: "Я всего лишь проверял, что сталь может сделать с пергаментом".

Второй пятилетний период, в течение которого Де Витт занимал пост муниципального пенсионария, подходил к концу. В течение десяти лет он обладал властью, которая дала ему почти верховную власть в республике, особенно в области контроля за иностранными делами. Но все это время он жил жизнью простого бюргера, скромно одетого, занимавшего такое же скромное жилище и державшего всего одного слугу. Он был преданно привязан к своей жене и детям и любил проводить часы, свободные от государственных дел, в домашнем кругу. Смерть Венделы 1 июля 1668 года стала для него большим ударом и омрачила удовлетворение, которое, должно быть, переполняло его от того, как в конце того же месяца он был переизбран на свой третий срок полномочий. В знак признания его великих заслуг его жалование в размере 6000 гульденов было удвоено, и ему было назначено вознаграждение в размере 45 000 гульденов, к которому дворяне добавили еще 15 000 гульденов. Де Витт снова получил Акт о возмещении ущерба от поместий Голландии, а также обещание судейского поста после выхода на пенсию.

Принц Оранский воспринял объявление о принятии Вечного эдикта, не проявив ни малейших эмоций и не выразив никакого протеста. Сейчас он, через два месяца после переизбрания совета-пенсионера, сделал первый шаг к самоутверждению. Под предлогом посещения города своих предков Бреды Уильям направился в Мидделбург, где были собраны поместья Зеландии. Теперь, когда ему исполнилось восемнадцать, он заявил о своем унаследованном праве занять свое место "первого дворянина", и после того, как был должным образом назначен, он назначил своего родственника, сеньора ван Одейка, своим заместителем.[стр. 248] После этого он спокойно вернулся в Гаагу, четко обозначив курс, которым намеревался следовать.

Мир в Экс-ла-Шапель оставил глубокое чувство унижения и злобы в сердце Людовика XIV, и он был полон решимости не оставить камня на камне, чтобы отомстить Голландии и ее советнику-пенсионарию. Тройственный союз был явно разношерстной комбинацией. Карла II совершенно не заботила судьба испанских Нидерландов, а в Англии была сильная партия, которая ненавидела голландцев и желала стереть память о Чатеме и нарушить Бредский мирный договор. Были высказаны недовольства по поводу урегулирования вопросов, касающихся Ост-Индии и Суринама. И Ван Бенинген в Лондоне, и Питер де Гроот в Париже направили предупреждения о том, что Штатам следует быть готовыми к войне, причем как можно скорее,

но член совета-пенсионария возлагал свою веру на Темпла и Альянс и закрывал глаза на неминуемую опасность. Тем временем Людовик свободно давал взятки как в Англии, так и в Швеции, и ему не составило труда вывести последнюю из Союза. В Англию он отправил прекрасную Генриетту, герцогиню Орлеанскую, любимую сестру Карла, с секретной миссией к королю, и она быстро добилась успеха. Предложение ежегодной выплаты в размере 3 000 000 франков и владение Вальхереном, господствовавшим над входом в Шельду, достигли своей цели. 31 декабря 1670 года в Дувре между Людовиком и Карлом был подписан секретный договор, по которому последний согласился объявить войну Голландии совместно с французами, если его призовут к этому.

Тем временем Де Витт был настолько поглощен внутренней политикой и поддержанием у власти бюргерско-аристократической партии, что, казалось, утратил свою обычную государственную хватку. Он никогда не переставал работать над всеобщим признанием Концепции Гармонии. Наконец, три непокорные провинции (Фрисландия, Гронинген и Зеландия), когда Вильгельму исполнился двадцать один год, согласились принять его при условии, что принц будет немедленно допущен в Государственный совет. Даже сейчас Де Витт пытался помешать принцу иметь более чем совещательный голос, но его решение было отклонено из-за несогласия Амстердама с его взглядами. Все это время Людовик готовил свой великий план сокрушения республики. Ему удалось заручиться обещанной помощью Англии, Мюнстера и Кельна и отделиться от голландцев[стр.249] императора и шведов. Финансы при Кольбере были в процветающем состоянии, а великий военный министр Лувуа снарядил великолепную армию. Напрасно Питер де Гроот посылал предупреждения о надвигающейся опасности. Совет-пенсионарий был глух, а Генеральные штаты еще глуше. Темпл уехал (август 1670 г.) с визитом в Лондон и больше не вернулся. В течение нескольких месяцев в Гааге не было постоянного английского посла. Наконец, в конце года прибыл Даунинг, тот самый человек, который сделал все возможное, чтобы развязать войну 1665 года. Де Витт все еще возлагал свои надежды на антифранцузские взгляды английского парламента; но в августе 1671 года он был распущен королем и не созывался снова в течение полутора лет. Таким образом, у Карла были развязаны руки, и результатом стал тайный Дуврский мирный договор. Сообщения Де Гроота становились все более и более тревожными; и Де Витт счел необходимым призвать Штаты подготовиться как на море, так и на суше к отражению нападения. Но он встретил весьма теплый ответ. Флот действительно был значительно усилен, но армия находилась в плачевном состоянии. Во время английских войн никогда не требовалась мощная армия, и урок, преподанный вторжением епископа Мюнстерского, возымел мало эффекта. Тяжелые последствия морской войны вынудили Штаты, и особенно Голландию, на которую легло главное бремя, экономить, сокращая военные расходы. Политически правящие бюргеры-регенты Голландии также, исходя из прошлого опыта, испытывали обоснованный страх перед тем, как сила меча, которым владел другой Морис или Вильгельм II, снова свергнет гражданскую власть. Следствием этого стало то, что, когда Карл II объявил войну 28 марта 1672 года, а Людовик - 6 апреля следующего года, и великая французская армия численностью 120 000 человек под командованием Конде, Тюренна и Люксембурга прошла маршем через Льеж, чтобы вторгнуться в Штаты, в то время как другая армия численностью 30 000 человек из Мюнстера и Кельна атаковала дальше на север, царили замешательство и паника, поскольку считалось, что эффективного сопротивления нет. Епископ Мюнстера горел желанием отомстить за свое поражение в 1666 году, а курфюрст-архиепископ Кельна был баварским принцем, дружественным Франции. Его помощь была тем более ценной,

что он также был епископом Льежа и, таким образом, мог предложить французским армиям свободный проход через свою территорию.

Только после того, как шторм действительно обрушился на них с моря и суши одновременно, различные власти на находящейся под угрозой земле[стр. 250] были вынуждены действовать всерьез. Столкнувшись с внезапным кризисом, Де Витт, однако, приложил самые напряженные усилия, чтобы справиться с ним. Был подготовлен флот из 150 кораблей и спешно собрана армия численностью около 50 000 человек, наемники многих национальностей. Это была сила без сплоченности, дисциплины и компетентных офицеров. Перед лицом опасности, нависшей над страной, все взоры были обращены к принцу Оранскому. Сейчас Уильяму был двадцать один год, но в соответствии с положениями Концепции Гармонии его кандидатура не должна была выдвигаться в качестве генерал-капитана, пока он не достигнет двадцати двух лет. Но на волне чувств, захлестнувшей страну, бумажный барьер был отброшен в сторону. В поместьях Голландии, которые так долго контролировал Де Витт, несмотря на его решительное противодействие, было внесено предложение передать этот пост Вильгельму сроком на один год. Все, чего мог добиться совет-пенсионарий, - это окружить исполнение своих обязанностей таким количеством ограничений, чтобы лишить принца какой-либо реальной власти. Эти ограничения, однако, не встретили одобрения в других провинциях, и сам Вильгельм отказался их принять. Де Витту пришлось уступить. Уильям был назначен капитан-генералом на один год (25 февраля 1672 г.). Задача, с которой пришлось столкнуться этому совершенно неопытному молодому человеку, казалась абсолютно безнадежной. Но сам факт того, что принц Оранский снова был у руля, вселял новую надежду. Это было имя, которое вызывало в воображении; и его обладатель, каким бы молодым он ни был и не имевший военной подготовки, справился со своей задачей со спокойной уверенностью, которая проистекает из осознанной силы и унаследованной способности руководить людьми.

[стр.251]

ГЛАВА XVII

ВОЙНА С ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ. ВИЛЬГЕЛЬМ III, ШТАТГАЛЬТЕР. УБИЙСТВО БРАТЬЕВ ДЕ ВИТТ, 1672 г.

Наступление французских армий, а также армий Мюнстера и Кельна на восточную границу Соединенных провинций не встретило серьезного сопротивления. Крепость за крепостью падали; линия Иселя была оставлена. Вскоре весь Гелдерланд, Овериссель, Дренте и Утрехт оказались во владении врага. Даже замок Мюйден, расположенный всего в десяти милях от Амстердама, был спасен от захвата в последний момент только Жоаном Морисом, бросившимся с небольшим отрядом за стены. У принца Оранского не было иного выбора, кроме как отступить за знаменитую ватерлинию Голландии. В его распоряжении, после оставления гарнизонов в крепостях, было всего 4000 человек полевых войск. С некоторым трудом людей удалось убедить разрешить прорубить дамбы, как в разгар борьбы с Испанией, и затопить страну. И снова за этим пространством наводнения, протянувшимся подобно гигантскому рву от Мюйдена на Зюйдер-Зее до Горкума на Маасе, осталась только Голландия как последнее прибежище национального сопротивления превосходящему по численности врагу. Правда, острова Зеландия и Фрисландия еще не были затронуты вторжением, но если бы Голландия уступила французским армиям, их сопротивление мало что дало бы. В конце июня положение дел выглядело очень мрачным, и, несмотря на мужественное отношение молодого капитан-генерала и неослабную энергию, с которой совет-пенсинарий работал над оснащением достаточного флота и обеспечением путей, средств и припасов, казалось, не было ни лучика надежды. Сердца людей дрогнули от страха, и паника отчаяния наполнила страну.

Если бы объединенные флоты Англии и Франции смогли в этот момент одержать победу на море и высадить армию на побережье, действительно трудно представить, какой полной катастрофы можно было бы избежать. Однако, к счастью, этого удалось избежать.[стр.252] Де Витт надеялся, что Де Рюйтеру, возможно, удалось бы нанести удар по английским кораблям на Темзе и Медузе до того, как они успели выйти в море и соединиться с французами. Но зеландский контингент опоздал, и была середина мая, прежде чем знаменитый адмирал, сопровождаемый, как и в 1667 году, Корнелисом де Виттом в качестве представителя Генеральных штатов, отплыл во главе семидесяти пяти кораблей на поиски англо-французского флота. После задержек из-за встречного ветра встреча состоялась в заливе Саутуолд 7 июня. Герцог Йоркский был английским главнокомандующим, Д'Эстре - французским, и у них были объединенные силы из девяноста кораблей. Голландцы, у которых был датчик ветра, обнаружили, что вражеские эскадры отделены друг от друга. Де Рюйтер немедленно воспользовался этим. Он приказал вице-адмиралу Банкерсу с зеландской эскадрой сдерживать французов, в то время как сам с остальными своими силами атаковал "Герцога Йоркского". Битва велась с предельным мужеством и упрямством с обеих сторон, и потери были тяжелыми. Преимущество, однако, осталось за голландцами. Английский флагманский корабль "*Ройял Джеймс*" был сожжен; и герцог впоследствии был трижды вынужден спускать свой флаг. Оба флота вернулись в порты приписки для переоснащения; и в течение оставшейся части лета и начала осени никаких дальнейших нападений на Де Рюйтера предпринято не было, который примерно с шестьюдесятью судами нес вахту вдоль берегов Голландии и Зеландии. Голландский адмирал добился своей цели, и никаких попыток высадки так и не было предпринято.

Но битва при Саутуолд-Бей, хотя и сняла непосредственную опасность с моря, ничего не смогла сделать, чтобы остановить надвигающуюся волну вторжения на суше. Ситуация казалась

абсолютно отчаянной; торговля остановилась; а быстрое падение государственных ценных бумаг и акций Ост-Индской компании стало тревожным свидетельством состояния общественного мнения. В этих обстоятельствах Де Витт убедил Генеральные штаты и поместья Голландии согласиться на отправку двух специальных посольств к Людовику, который сейчас находился в Дусбурге, и в Лондон, чтобы просить мира. Они покинули Гаагу 13 июня, но столкнулись с унижительным отпором. Карл II отказался обсуждать этот вопрос отдельно от Франции. Питер де Гроот и его коллеги были приняты в Дусбурге без особой любезности и отправлены обратно в Гаагу за более полными полномочиями. Когда они прибыли, то обнаружили члена совета-пенсионария лежащим на постели больного. Бедствия страны были приписаны Де Виттам, и сильное чувство против[стр.253] них привело к двойной попытке убийства. Джон де Витт, возвращаясь домой после напряженного рабочего дня, был (21 июня) атакован четырьмя нападавшими и тяжело ранен. Лидер, Якоб ван дер Графф, был схвачен и казнен; остальным позволили сбежать, как говорили, при попустительстве принца. Несколькими днями позже атака на Корнелла де Витта в Дордрехте также не достигла своей цели. То, что такие подлые действия могли произойти без вспышки общественного негодования, предвещало худшее. Это был знак того, что вся страна повернулась спиной к Штатам-участникам и всей системе правления, руководящим духом которой в течение девятнадцати лет был Джон де Витт, и стала оранжисткой. Революционные события следовали одно за другим с почти ошеломляющей быстротой. 2 июля Estates of Zeeland назначили Уильяма штатгальтером. Сословия Голландии отменили Вечный эдикт 3 июля; и на следующий день по предложению Амстердама было решено возродить штатгальтерство со всеми его прежними полномочиями и прерогативами в пользу принца Оранского. Другие провинции последовали примеру Голландии и Зеландии; и 8 июля Генеральные штаты назначили молодого штатгальтера капитаном и генерал-адмиралом Союза. Таким образом, Уильям оказался наделенным всеми должностями и даже большим авторитетом, чем тот, которым обладали его предки. Каким бы молодым и неопытным он ни был, он внушал безграничное доверие, и это было неуместно.

Тем временем, несмотря на сильное сопротивление Амстердама и некоторых других городов, Де Грооту были предоставлены более широкие полномочия, о которых он просил, и он вернулся в лагерь Людовика, чтобы попытаться добиться более благоприятных условий мира. Он потерпел неудачу. Требования французского короля включали уступку территории Кельну, Мюнстеру и Англии, а для него самого - большей части генеральских земель с большими крепостями Хертогенбос и Местрихт, военную контрибуцию в размере 16 000 000 франков и полную свободу католического вероисповедания. 1 июля Де Гроот вернулся в Гаагу, чтобы выступить со своим докладом. Унижительные условия были отклонены единогласно, но все еще оставалась надежда, что теперь, когда принц Оранский возглавил дела, переговоры могут быть возобновлены при посредничестве Англии. Уильям даже зашел так далеко, что отправил специального посланника к Карлу II, предлагая большие уступки Англии, если король выйдет из[стр.254] Французского союза. Но все было напрасно. Напротив, в это самое время (16 июля) был возобновлен мирный договор между Людовиком и Карлом, и требования, выдвинутые от имени Англии, были едва ли менее непомерными, чем требования, выдвинутые самим Людовиком, — уступка Слуиса, Вальхерена, Кадсана, Ворна и Герса, контрибуция в размере 25 000 000 франков, выплата ежегодной субсидии на промысел сельди и спуск флага. Если все условия, выдвинутые двумя королями, были согласованы, принцу предлагался суверенитет над остатками некогда могущественных Объединенных провинций, обнищавших и разоренных. Он

отверг это с презрением. Когда поместья Голландии по возвращении Де Гроота спросили его совета относительно французских условий, штатгальтер ответил: "Все, что содержится в предложении, неприемлемо; лучше пусть нас разрубят на куски, чем мы примем такие условия"; и когда английский посланник, выразив личную благосклонность короля Карла к его племяннику, попытался убедить его принять неизбежное, он натолкнулся на возмущенный отказ. "Но разве вы не видите, что Республика потеряна", - как сообщается, умолял он. "Я знаю одно верное средство не увидеть ее падения, - с гордостью ответил Уильям, - умереть, защищая последний ров".

Твердая позиция принца придала смелости всем; и, что бы ни случилось с наиболее уязвимыми провинциями на восточной и юго-восточной границах, голландцы и зеландцы были полны решимости пожертвовать всем, но не сдаться без отчаянной борьбы. Но тот факт, что они оказались в таком тяжелом положении, вызвал народное негодование против Де Виттов и системы правления, которая более двух десятилетий находилась у власти. Их гнев был особенно направлен против совета-пенсионера. По радио распространялись брошюры, в которых его обвиняли, среди прочих проступков, в присвоении государственных средств для личного использования. Все еще страдая от последствий полученных ран, Де Витт предстал (23 июля) перед сословиями и энергично защищался. Единогласным голосованием он был признан невиновным.

Корнелис де Витт был, не меньше, чем его брат, объектом народной ненависти. В городе Дордрехт, где влияние Де Витта было так долго велико, его портрет в ратуше был разорван толпой на куски, а голова повешена на виселицу. 24 июля он был арестован и заключен в тюрьму в Гааге по обвинению[стр.255], выдвинутому против него парикмахером по имени Тичелер, в причастности к заговору с целью убийства принца. Тичелер был хорошо известен как плохой и ненадежный персонаж. На основании неподтвержденных показаний этого человека Рувард, хотя и с негодованием отрицал обвинение, был заключен в тюрьму Гевангенпорт, где его должна была судить комиссия, назначенная Сословиями. Его друзья и брат приложили немало усилий, чтобы добиться его освобождения; но, поскольку принц не желал вмешиваться, дело пошло своим чередом. Джон де Витт тем временем, желая предотвратить увольнение, которое, по его мнению, было неизбежным, 4 августа предстал перед Сословиями и во впечатляющей речи добровольно подал в отставку с поста муниципального пенсионария, прося лишь об исполнении данного ему обещания, что по окончании срока его полномочий он получит назначение в суд. Отставка была принята, просьба удовлетворена, но из-за противодействия вотум благодарности вынесен не был. Вместо него советником-пенсционером был назначен Каспар Фагель.

Враги Джона де Витта не были довольны его отстранением от власти. Комитет из шести судей был уполномочен судить его брата Корнелиса за предполагаемое преступление. 17 августа, к своему вечному позору, они большинством голосов приказали подвергнуть заключенного, страдавшего подагрой, пыткам. Прославленная жертва их злобы, не дрогнув, перенес дыбу, настаивая на своей абсолютной невиновности в каком-либо заговоре против жизни принца. Тем не менее, рано утром 19 августа ему был вынесен приговор об изгнании и лишении всех занимаемых должностей. Позже в тот же день Корнелис отправил сообщение своему брату, что хотел бы его увидеть. Джон, несмотря на строгие предупреждения, пришел в Гевангенпорт и был допущен в комнату, где Рувард в результате жестокого обращения, которому он подвергся, лежал в постели; и у двух братьев состоялся долгий разговор. Тем временем вокруг тюрьмы

собралась огромная толпа, требующая мести де Виттам. Однако были сформированы три роты солдат под командованием графа Тилли с приказом Уполномоченных советников поддерживать порядок. В то же время были вызваны *шуттерий*— гражданская гвардия. Этим последним, однако, нельзя было доверять, и они были скорее склонны брататься с толпой. Пока войска Тилли были под рукой, бунтовщики держались сдержанно и никаких актов насилия предпринято не было. Именно в этот критический[стр.25] момент Тилли получил устный приказ направить свои войска к воротам, чтобы разогнать несколько банд крестьян-мародеров, которые, как говорили, приближались. Тилли отказалась двигаться без письменного приказа. Оно пришло, подписанное Ван Аспереном, президентом Уполномоченных советников, ярким сторонником оранжевых. Говорят, что, получив его, Тилли воскликнула: "Я повинуюсь, но Де Витты - мертвецы". Не успели солдаты уйти, как толпа под предводительством Верхова, ювелира, и Ван Банкхема, банкира, взломала дверь тюрьмы (*шуттеридж* либо стоял в стороне, либо действительно помогал в нападении) и, бросившись наверх, обнаружила Джона де Витта, спокойно сидящего в ногах кровати своего брата и читающего ему вслух отрывок из Священного Писания. На обоих с жестоким насилием наложили руки, выволокли на улицу и там ударами дубинок и неоднократными нанесениями ножевых ранений довели до смерти. Было 4 часа дня, когда Тилли ушла, в 4.30 все было кончено, но разъяренный сброд не удовлетворился простым убийством. С телами позорно обращались неправильно, и в конце концов их подвесили за ноги к фонарному столбу, вокруг которого до позднего вечера толпа кричала, пела и танцевала. Невозможно представить себе участь более ужасную или менее заслуженную. Бедные обещанные останки были сняты с наступлением ночи верными руками и на рассвете в присутствии нескольких родственников и друзей были похоронены в Новом Керке.

Нет ни малейших доказательств того, что Вильгельм III имел какое-либо отношение к этому *отвратительному свершению*, как это удачно охарактеризовал новый член совета-пенсионер Фейджел. В то время он отсутствовал в Гааге и был всецело поглощен насущными потребностями военного положения; и говорят, что он был очень взволнован, услышав ужасную новость. Но его от природы холодная и замкнутая натура закалилась в школе невзгод, в течение долгих лет унижений, которые были навязаны ему Джоном де Виттом и его партией. Он терпел в гордом терпении, ожидая часа, когда сможет сбросить ярмо, и теперь, когда оно пришло, он не мог простить. Ссылаясь на то, что число лиц, причастных к этому преступлению, было настолько велико, что их невозможно было наказать и, таким образом, разжечь партийные страсти в то время, когда для войны требовалась вся энергия нации, он не предпринял никаких шагов для привлечения виновных к ответственности. К несчастью для своей репутации, он не удовлетворился нейтральным отношением, но открыто защищал и вознаграждал[стр.257] трех главных преступников - Тичелера, Верхоефа и Ван Банкхема, которые все были людьми с сомнительной репутацией.

Таким образом, два величайших государственных деятеля и патриота, которых породила Голландия, Джон ван Ольденбарневельдт и Джон де Витт, оба трагически погибли, став жертвами самой низкой национальной неблагодарности; и то, что эти трагедии не были предотвращены, навсегда останется пятном в национальных анналах и на памяти двух прославленных принцев Оранских, Мориса и Вильгельма III.

ГЛАВА XVIII

ШТАТГАЛЬТЕР ВИЛЬГЕЛЬМА III, 1672-1688

В начале лета 1672 года, когда Вильгельм решил сосредоточить все имеющиеся у него силы для обороны Голландии, прикрытой ее водной линией, военная ситуация была явно безнадёжной. Если бы Тюренн и Люксембург предприняли совместные усилия, чтобы форсировать эту линию в начале кампании, велика вероятность, что они добились бы успеха. Вместо этого они потратили свои силы на захват ряда укрепленных пунктов в Гелдерланде, Оверисселе и Северном Брабанте; а тем временем штатгальтер неделя за неделей укреплял слабые места в своей обороне, подбадривал своих людей, лично контролировал каждую деталь и подавал пример непоколебимого мужества и неустанного трудолюбия. Рядом с ним в качестве его фельдмаршала были Георг Фредерик, граф Вальдек, офицер с опытом и навыками, поступивший на службу Республике, и Ван Бевернинг в качестве комиссара Генеральных штатов. С их помощью и советами он еще до осени собрал боеспособную армию в 57 000 человек, стоявшую на страже за укреплениями во всех доступных для атаки пунктах, в то время как вооруженные суда патрулировали водные пути. За линией фронта пали Неймвеген, Граве, Коворден, Стинвейк и другие более мелкие населенные пункты; но войска Мюнстера и Кельна после осады, длившейся с 9 июля по 28 августа, были вынуждены отступить из Гронингена. Французские армии все это время постоянно ослаблялись из-за необходимости размещать гарнизоны в завоеванных провинциях; и ни Тюренн, ни Люксембург не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы атаковать надежно защищенные голландские границы за водной линией.

Принц, однако, не был доволен бездействием. Перейдя в наступление, он предпринял серию атак на Наарден и Верден, снял осаду Маэстрихта и, наконец, предпринял попытку перерезать французские коммуникации маршем на Шарлеруа. Все эти рейды были в большей или меньшей степени неудачными, поскольку в каждом случае Вильгельму приходилось отступать, не добившись ничего важного. Тем не менее предприимчивость, проявленная молодым

генералом, имела двойной эффект: ободрила его собственные войска и подорвала[стр.259] чрезмерную самоуверенность противника. Сильные декабрьские морозы позволили Люксембургу проникнуть в Голландию, но быстрая оттепель вынудила его поспешно отступить. Единственная открытая для него дорога была перекрыта укрепленным постом в Ньювербрюге, но полковник Вин эт Пейн, командовавший голландскими войсками, отступил в Гауду и оставил французам свободный проход, к великому негодованию штатгальтера. Полковника судили по обвинению в дезертирстве со своего поста и расстреляли.

1673 год ознаменовался решительной переменой к лучшему в положении Штатов. Тревога по поводу быстрого роста французского могущества привела, наконец, как испанскую, так и австрийскую помощь к находящимся в тяжелом положении Нидерландам; а мужество и мастерство Де Рюйтера успешно сдерживали соединенные флоты Англии и Франции и эффективно предотвратили высадку армии на голландском побережье. Никогда Де Рюйтер не проявлял более высоких лидерских качеств, чем в морской кампании 1673 года. Его флот значительно уступал по численности объединенному англо-французскому флоту под командованием принца Руперта и Д'Эстре. 7 июня у устья Шельды произошло упорное сражение, в котором англичане не получили большой помощи от французской эскадры и в конце концов отступили в устье Темзы. Еще один ожесточенный бой при Кийкдуине 21 августа был в большей степени на руку голландцам. Тем временем на суше французы добились настоящего успеха, захватив огромную крепость Маэстрихт с ее гарнизоном в 6000 человек после осады, которая длилась с 6 июня по 1 июля. Все попытки, однако, пересечь линию воды и войти в Голландию потерпели неудачу; и по мере того, как лето подходило к концу, наступление имперских и испанских войск начало делать положение французов шатким. Вильгельм воспользовался своей возможностью в сентябре, чтобы захватить Наарден до того, как Люксембург смог продвинуться на помощь. Затем он предпринял более смелый шаг. В октябре во главе армии в 25 000 человек, из которых 15 000 были испанцами, он двинулся к Кельну и, соединившись с имперской армией, осадил Бонн, который капитулировал 15 ноября. Этот блестящий ход имел отличные результаты. Французы, опасаясь, что их коммуникации могут быть перерезаны, отступили от голландской границы; и в то же время войска Мюнстера и Кельна спешно эвакуировали восточные провинции. Штатгольдер до конца года полностью освободил страну от захватчиков. Еще раз принц Оранский спас Голландскую республику в ее отчаянной ситуации.[стр.260]

Результатом этого стало сосредоточение в его руках почти верховной власти. Если бы принц в этот момент вознамерился получить титул государя, ему было бы нетрудно удовлетворить свое честолюбие. Ведущие государственные деятели, такие как член совета пенсионарий Фагель, опытный Ван Бевернинг и Валькенир, самый влиятельный человек в Амстердаме, поддержали бы его. Но Уильям был чрезвычайно практичен. Освобождение провинций от присутствия врага было лишь началом задачи, которую он уже поставил перед собой как дело своей жизни, *то есть* свержения угрожающего господства французской власти при Людовике XIV. Его первой заботой было восстановление почти разрушенной земли. Страна за пределами водной линии была жестоко опустошена захватчиками, а затем доведена до нищеты из-за того, что в течение полутора лет ей приходилось содержать оккупационные армии. Обширные территории на границах Голландии, Утрехта и Фрисландии, затопленные морскими водами из-за прорыва дамб, на несколько последующих лет пришли в негодность, в то время как те части Голландии и Зеландии, на которые не ступала нога врага, были раздавлены высокими налогами и прекращением торговли.

Положение трех провинций, Утрехта, Гелдерланда и Оверисселя, которые были захвачены французами при открытии военных действий и удерживались ими с тех пор, должно было быть восстановлено. В течение этого периода они не платили налогов и не имели представительства в Генеральных штатах. Голландия выступала за придание им статуса земель Общего пользования до тех пор, пока они не выплатят свою задолженность. Принц был против любого жестокого обращения, и его воля восторжествовала. Три провинции были вновь приняты в Союз, но с урезанными привилегиями; и Уильям был избран штатгальтером каждой из них со значительно расширенными полномочиями. Выдвижение или выбор из определенного числа кандидатов, членов городских корпораций, судей и делегатов Генеральных штатов, было предоставлено ему. Голландская республика была полна аномалий. Во времена Вильгельма III в Утрехте, Гелдерланде и Оверисселе мы наблюдаем любопытное зрелище штатгальтера, который номинально был слугой Суверенных поместий и сам назначал своих хозяев. Фактически, голос этих провинций был его голосом; и, поскольку он также контролировал Поместья в Зеландии, он всегда мог рассчитывать на большинство голосов в Генеральных штатах в поддержку своей внешней политики. И это было не все.[стр.261]

Сама Голландия в благодарность за свое освобождение с энтузиазмом стала оранжисткой. Он объявил штатгальтерство наследственным по мужской линии, и его примеру последовали Зеландия, Утрехт, Гелдерланд и Овериссель, в то время как Генеральные штаты, в свою очередь, сделали должности капитана и генерал-адмирала Союза наследственными. Благодарность не ограничивалась также дарованием полномочий и почестей, которые давали принцу монархическую власть во всем, кроме названия. По предложению Амстердама, города, который так часто был и остается упорным противником принцев Оранских, долг Вильгельма II в размере 2 000 000 ф. ст. был передан провинции Голландия; Зеландия подарила ему 30 000 ф. ст.; а Ост-Индская компания выделила грант в размере 1/33 своих дивидендов.

С самого начала Вильгельм неуклонно вынашивал план формирования большой коалиции для сдерживания честолюбивых замыслов Людовика XIV; и для достижения этой цели союз между Англией и Соединенными провинциями был необходим. Первым шагом было заключение мира. Это была несложная задача. Английский парламент, а тем более английский народ, всегда были против войны на стороне французов против голландцев. Карл II с помощью французских денег вел войну вопреки желаниям своих подданных, которые видели, что их флот лишь слабо поддерживается французскими союзниками, их торговля серьезно пострадала и у них было мало шансов получить какую-либо выгодную компенсацию за высокие издержки. Сам Карл испытывал сильную привязанность к своему племяннику и начал благосклонно относиться к его предложениям о переговорах, тем более что его героические усилия остановить волну французского вторжения увенчались таким большим успехом. В этих обстоятельствах все благоприятствовало взаимопониманию, и 19 февраля 1674 года в Вестминстере был заключен мир. Условия мало чем отличались от условий Бреды, за исключением того, что Республика обязалась выплатить военную контрибуцию в размере 2 000 000 фл. в течение трех лет. Поднятие флага было разрешено. Суринам оставался в руках голландцев. Нью-Йорк, который был отвоеван эскадрой под командованием Корнелиса Эвертсена в августе 1673 года, был возвращен английской короне. Переговоры были также начаты с Мюнстером и Кельном; и мир был заключен с Мюнстером (22 апреля) и с Кельном (11 мая) на основе эвакуации всей завоеванной территории. Франция была изолирована, и теперь ей противостояла сильная[стр.262] коалиция, республика заручилась помощью Австрии, Испании, Бранденбурга и Дании. Летняя кампания 1674 года, таким образом, началась при благоприятных

обстоятельствах, но ничего важного не происходило до 11 августа, когда Вильгельм во главе союзных войск численностью около 70 000 человек столкнулся с Конде у Сенефа в Эно. Битва велась с большим упорством, и обе стороны понесли тяжелые потери. Французы, однако, хотя и уступали в численности, имели преимущество в том, что были более компактными силами, чем у союзников; и Вильгельму, слабо поддерживаемому империалистическими контингентами, пришлось уйти с поля боя. Он никогда не был великим стратегом, но сейчас провел отступление, которое вызвало восхищение у его противников. Его командирские таланты всегда проявлялись наиболее ярко в неблагоприятных обстоятельствах. Его хладнокровие и мужество в минуты опасности и трудностей никогда не покидали его, и, хотя он был строгим приверженцем дисциплины, он всегда сохранял доверие и привязанность своих солдат. 27 октября Граве был взят, оставив в руках французов только одну из голландских крепостей, Маэстрихт.

Сухопутная война затянулась без каких-либо решающих результатов в течение 1675 года. Штатгальтер получил плохую поддержку своих союзников и вынужден был обороняться; но, хотя английское правительство предприняло предварительные попытки начать переговоры о мире, а растущая партия в Голландии начала требовать прекращения войны, которая наносила ущерб их торговле и истощала ресурсы страны, принц был решительно против английского предложения о посредничестве, которое он считал неискренним и преждевременным. Он прекрасно понимал, что в Англии существует очень сильная и широко распространенная оппозиция престолонаследию Джеймса герцога Йоркского, который не скрывал своей преданной приверженности римско-католической вере. Это чувство было настолько сильным, что он был вынужден уйти в отставку со своего поста лорда-хай-адмирала. Неприязнь и недоверие, которые он вызывал, усилились после его второго брака с Марией Моденской, ревностной католичкой. Уильям был сыном старшей дочери Карла I, и к нему были обращены взоры большой партии в Англии. Принц остро осознавал политические преимущества своего положения. Благодаря тайным агентам он был хорошо осведомлен об интригах двора и состоянии общественного мнения и вступал в тайную переписку с видными государственными деятелями. Сам Карл II, хотя и не испытывал[стр.263] ни малейшей симпатии к политическим взглядам своего племянника, был настолько добр к нему, насколько позволяла его эгоистичная и беспринципная натура, и он даже зашел так далеко, что в 1674 году поощрял союз между ним и своей кузиной Марией, старшей дочерью герцога Йоркского. Но у Уильяма в то время не было склонности к браку. Он был занят другими вещами, а возраст Мэри — ей было всего двенадцать — позволял ему легко откладывать свое окончательное решение.

События должны были вынудить его действовать. В 1676 году французский король, опасаясь мощи набиравшей силу коалиции, попытался отделить республику, предложив заключить сепаратный мир на щедрых условиях. Несмотря на противодействие штатгальтера, голландские и французские представители встретились в Неймвегене; но Вильгельм своим упрямством сделал невозможным любое урегулирование спорных вопросов. Однако в 1677 году взятие французами Валансьена и их решительное поражение союзной армии под командованием Вильгельма при Мон-Касселе (11 апреля) затруднили ему сопротивление растущему раздражению бюргерства Голландии и особенно купцов Амстердама по поводу его противодействия миру. Его обвинили в желании продолжить войну из побуждений личного честолюбия и стремления к воинской славе. Однако в феврале этого года Карл II после периода личного правления был вынужден созвать парламент из-за нехватки ресурсов. Как только оно собралось, оно продемонстрировало свою сильную симпатию Нидерландам; и король быстро понял, что он больше не может проводить политику, противоречащую желаниям своего народа.

Поэтому, когда летом Уильям отправил своего самого доверенного друга и советника Бентинка в Лондон с секретной миссией, он встретил самый благосклонный прием; а сам принц получил приглашение навестить своего дядю с особой целью возобновить предложение о его браке с принцессой Марией. Соответственно, Уильям прибыл в Лондон 19 октября; и, получив согласие короля и герцога Йоркского, свадьба была отпразднована с почти неприличной поспешностью. Это был чисто политический союз, и когда в начале декабря принц и принцесса Оранские отплыли в Голландию, молодая девушка горько плакала из-за того, что вынуждена покинуть свой дом и отправиться в чужую страну рядом с холодным, несимпатичным мужем. Недели, проведенные принцем в Англии, были использованы им с благой целью. Он убедил Карла пообещать Нидерландам свою поддержку со стороны[стр.264] по суше и морю в случае, если условия мира, предложенные союзниками, будут отвергнуты французами. Договор между Штатами и Великобританией, претворяющий в жизнь это обещание, был фактически подписан 29 января 1678 года. Результаты, однако, не оправдали ожиданий Уильяма. Английский парламент и штаты в равной степени не доверяли королю Карлу, и английский брак поначалу не был популярен в Голландии. Против военной политики принца возникла сильная оппозиция. Торговые классы сильно пострадали от французского вторжения, и теперь они несли тяжелые потери на море из-за действий дюнкеркских каперов, возглавляемых отважным Жаном Бартом. В партию мира входили такие испытанные и пользующиеся доверием государственные деятели, как Ван Бевернинг, Ван Бенинген и член совета пенсионариев Фагель, все они были верными советниками штатгальтера. Позиция Амстердама была настолько решительной, что лидеры обеих муниципальных партий, Валькениер и Хофт, были единодушны в требовании принятия французских предложений о сепаратном мире. На той же стороне оказался Генрих Казимир, штатгальтер Фрисландии, который завидовал самодержавному осуществлению власти своим кузенном.

The *Переговоры* в Неймвегене все еще продолжались, но не добились никакого прогресса из-за отказа Вильгельма вести переговоры иначе, как совместно со своими союзниками. Людовик XIV, однако, полностью осведомленный о состоянии общественного мнения и о внутренних разногласиях как в Соединенных провинциях, так и в Англии, не замедлил воспользоваться ситуацией. Мощная французская армия вторглась во Фландрию, овладела Ипром и Гентом и приступила к осаде Монса. Уильям, несмотря на прибытие английских вспомогательных войск под командованием Монмута, мало что мог сделать, чтобы сдержать превосходящие силы противника. Тем временем французская дипломатия была занята в Амстердаме и других Штатах, работая против воюющих сторон; и предложением благоприятных условий Генеральные штаты были вынуждены просить о перемирии на шесть недель. Оно было удовлетворено, и голландские и испанские представители в Неймвегене (представители императора, Бранденбурга и Дании отказались присоединиться) быстро согласились заключить мир на следующих условиях: французы должны восстановить Мейстрихт и эвакуировать всю оккупированную голландскую территорию, а также заключить торговый договор. Испания уступит важную часть южной Фландрии, но останется во владении поясом крепостей для прикрытия своих нидерландских владений от дальнейшего нападения Франции. Но, хотя эти условия были приняты, французы выдвигали различные предлоги, чтобы отложить подписание [стр.265] договора, надеясь, что тем временем Монс, который был осажден Люксембургом, может попасть в их руки и, таким образом, стать активом, который они могли бы обменять на какое-либо другое владение. И Штаты, и испанское правительство стремились избежать этого; и принц Оранский, который упорно выступал против мирного договора, вернулся в конце июля в

свой лагерь, чтобы наблюдать за осадой Монса и не допустить его попадания в руки врага. В то же время (26 июля) король Карл, который через сэра Уильяма Темпла добивался заключения мира, теперь заявил, что, если договор не будет подписан до 11 августа, он поможет союзникам обеспечить его соблюдение. Французские дипломаты в Неймвегене до сих пор заявляли, что их войска не будут эвакуировать Маэстрихт и другие места, которые они согласились вернуть Штатам, до тех пор, пока Бранденбург и Дания не эвакуируют территорию, которую они отвоевали у Швеции. 10 августа, незадолго до того, как было достигнуто время для возобновления военных действий, они тактично признали этот момент и пообещали немедленную эвакуацию, если договор будет немедленно заключен. Соответственно, Ван Бевернинг и его коллеги, действуя по их указаниям, поставили свои подписи незадолго до полуночи.

Они попали в расставленную для них ловушку, поскольку мирный договор между Францией и Испанией еще не был подписан, и французы намеревались использовать новые предлоги для отсрочки в надежде, что Монс тем временем падет. Сообщение о заключении мира поступило к штатгальтеру в его лагерь 13 августа, но неофициально. Утром 14 августа Д'Эстрадес лично прибыл, чтобы сообщить новость Люксембургу; и французский маршал уже собирался переслать сообщение в голландский лагерь, когда услышал, что Оранский продвигается со своей армией, чтобы атаковать его, и почувствовал, что честь вынуждает его принять вызов. Кровопролитная битва произошла в Сен-Дени, недалеко от Монса. Уильям добровольно пожертвовал своей жизнью, и хотя номинально битва завершилась вничью, он достиг своей цели. Люксембург сняла осаду Монса, и переговоры с Испанией продвинулись вперед. Мирный договор был подписан 17 сентября 1678 года. Таким образом, Неймвегенский мирный договор положил конец военным действиям, оставив Соединенные провинции во владении всей их территорией. Это продолжалось десять лет, но это было всего лишь вооруженное перемирие. Людовик XIV желал получить передышку, чтобы подготовиться к новым агрессиям; и его неутомимый противник, принц Оранский, отныне поставил единственной целью своей жизни формирование[стр. 266] Великого альянса для обуздания французских амбиций и поддержания в Европе того, что отныне было известно как "Баланс сил".

Приступая к выполнению этой задачи, Вильгельм столкнулся с почти непреодолимыми трудностями. Голландский народ в целом ужасно пострадал во время последних вторжений и смертельно устал от войны. Интерес голландцев и особенно амстердамцев был поглощен мирными занятиями торговлей. Далеко идущие планы и международные комбинации, на которых Уильям сосредоточил весь свой ум и энергию, не привлекали их, даже если бы они понимали свою цель и мотивы. Следствием этого стало то, что принц столкнулся с сильным противодействием, и не только в Голландии и Амстердаме, но и со стороны своего двоюродного брата Генриха Казимира и двух провинций, штатгальтерами которых он был. В Амстердаме старая партия "Штаты" возродилась под руководством Валькенира и Хоофта; и в последние дни своей жизни Ван Бенинген был готов изо всех сил сопротивляться любым значительным расходам на армию или флот или любым запутывающим союзам. Они считали, что дело Республики - заниматься своими собственными делами и предоставить Людовику проводить свою агрессивную политику за счет других стран, пока он оставляет их в покое. Идеал, который поставил перед собой Вильгельм III, был прямо противоположен этому; и, к несчастью для его собственной страны, на протяжении всей своей жизни он часто подчинял ее частные интересы более широким европейским интересам, которые занимали его внимание.

Работа по созданию новой коалиции, способной противостоять постоянно растущей угрозе со стороны грозной французской державы, едва ли могла быть более бесперспективной, чем это представлялось сейчас. Испания была совершенно истощена и слаба. Бранденбург и Дания были отчуждены государствами, заключившими сепаратный мир в Неймвегене и бросившими их в беде. Внимание императора было полностью занято защитой Венгрии и самой Вены от турок. Англия при Карле II была ненадежной и колеблющейся, почти ничтожной величиной. Визит Уильяма в Лондон убедил его, что в настоящее время с этой стороны надеяться не на что. В то же время очень способный французский посол в Гааге Д'Аво делал все возможное, чтобы разжечь разногласия и фракции в провинциях. Он всегда настаивал на том, что аккредитован при Генеральных штатах, а не при принце Оранском, и вел переписку и интриги с партией в Амстердаме[стр.267], выступавшей против антифранцузской политики штатгальтера. Громоздкая и сложная система правления позволяла ему, таким образом, многое делать для того, чтобы помешать принцу и чинить препятствия на его пути. Любопытно, что Уильям был настолько поглощен своими более масштабными проектами, что довольствовался тем, что использовал имевшиеся у него полномочия, не предпринимая никаких серьезных попыток, как он мог бы сделать, сделать правительственную машину более работоспособной путем реформ в направлении централизации. Погруженный во внешние дела, он оставил внутреннее управление в руках подчиненных, выбранных скорее за их раболепие, чем за способности и честность; и против некоторых из них, особенно против его родственника Одиджка, были выдвинуты серьезные обвинения. Одейк, представлявший принца как первого дворянина Зеландии, пользовался большим покровительством; и он бесстыдно обогащался за счет своей продажной торговли служебными должностями без единого слова упрека со стороны Вильгельма, от имени которого действовал. Напротив, он продолжал пользоваться его благосклонностью. Коррупция была едва ли менее распространена в Голландии, хотя никто не практиковал ее в таких масштабах, как Одейк в Зеландии. Вильгельма действительно мало заботила внутренняя политика Республики, за исключением тех случаев, когда она влияла на его дипломатическую деятельность; и в этой области он знал, как нанять способных и преданных людей. Вальдек был рядом с ним не только как военный советник, но и как искусный дипломат, хорошо разбиравшийся в запутанной политике небольших немецких государств; Эверхард ван Виде, лорд Дейквелда, и Годар ван Риде, лорд Амеронгена, оказались достойными преемниками Ван Бевернинга и Ван Бенингена. Через члена Совета пенсионариев Фагеля он смог сохранить поддержку большинства в поместьях Голландии, несмотря на сильную оппозицию, с которой он столкнулся в Амстердаме и некоторых других городах, где безраздельно господствовали интересы торговли. Смерть Гиллиса Валькенира, самого способного из лидеров оппозиции Амстердама, в 1680 году оставила контроль над делами в этом городе в руках Николаса Витсена и Йохана Худде, но они были людьми менее энергичными и решительными, чем Валькенир.

Людовик XIV тем временем активно продвигал свои планы по увеличению могущества. Страсбург был взят в августе 1681 года; Люксембург был оккупирован; по Неймвегенскому мирному договору были предъявлены претензии на определенные части Фландрии и Брабанта, и для их захвата были направлены войска. Поднялась всеобщая тревога; и с помощью Вальдека Вильгельму удалось заручиться[стр.268] поддержкой ряда небольших немецких государств Рейнского круга, большинство из которых всегда были готовы нанять свои вооруженные силы за субсидию. Швеция также предложила помощь. Но и Англия, и Бранденбург находились в тайном сговоре с Францией, и император не двинулся с места из-за турецкой угрозы.

В этих обстоятельствах Испания была вынуждена (1684 г.) вступлением армий Людовика в южные Нидерланды объявить войну Франции и обратилась к Штатам за военной помощью численностью 8000 человек в соответствии с условиями Неймвегенского мирного договора. Оранж немедленно передал этот вопрос в Государственный совет и сам предложил направить 16 000 человек. Поскольку это, однако, могло означать только возобновление войны с Францией, предложение встретило сильное противодействие во многих кругах, и особенно в Амстердаме. Процветание только начинало возрождаться, и воспоминание о прошлом наполняло сердца многих ужасом при мысли о том, что французские армии снова вторгнутся на их землю. Амстердамские регенты даже зашли так далеко, что вступили в тайные переговоры с Д'Аво; и их поддержал Генрих Казимир, который всегда был готов помешать политике своего кузена. Уильям получил мат и поначалу в гневе был склонен последовать примеру своего отца и силой подавить сопротивление Амстердама. Однако он обладал поддержкой большинства в поместьях Голландии, которой не было у Вильгельма II. Он эффективно использовал это. Ввод войск был санкционирован Сословиями (31 января 1684 г.). перехваченное зашифрованное письмо от Д'Аво было умело использовано для дискредитации амстердамских лидеров, которых обвинили в предательской переписке с иностранной державой. Тем не менее принц, хотя и был способен подавить любую активную оппозицию внутри страны, не решался, пока Англия и Бранденбург находились в дружеских отношениях с Францией, оказывать давление на Генеральные штаты. Французские войска, к огорчению принца, захватили Фландрию; и у него не было иного выбора, кроме как согласиться на двадцатилетнее перемирие, заключенное в Ратисбоне 15 августа 1684 года, по которому французский король получил во владение все свои завоевания.

Нельзя найти более убедительного доказательства непреклонной решимости Вильгельма III, чем терпение, которое он проявил сейчас. Его вера в себя никогда не была поколеблена, а терпение в ожидании благоприятного момента было неистощимым. Ему гораздо более подходяще, чем его прапрадеду, могло бы быть дано имя Вильгельма Молчаливого [стр.269]. У него не было доверенных лиц, кроме Вальдека и Уильяма Бентинка; и мало кто мог даже догадываться о скрытой работе этого коварного ума или о горящем огне энергии и силы воли под гордой и холодной сдержанностью человека, столь хрупкого телом и вечно больного. Очень редко прирожденный лидер людей мог быть более непримиримым или менее озабоченным завоеванием аплодисментов публики, но все его поведение внушало доверие, и, игнорируя многочисленные трудности и противодействие, которые мешали ему, он упорно выжидал своего времени и возможности. Теперь это произошло быстро, поскольку 1685 год был отмечен двумя событиями — восшествием Якова II на английский престол и отменой Нантского эдикта, — которые должны были иметь далеко идущие последствия.

Новый король Англии был не просто сильным, но и фанатичным католиком. Если бы он был мудрым и патриотически настроенным принцем, он попытался бы с помощью тщательно продуманной умеренной политики завоевать лояльность своих подданных, но он был упрям, своеволен и фанатичен и с самого начала стремился к невозможному. Его попытки установить абсолютное правление, вернуть английскую нацию в лоно католической церкви и, как средство достижения этой цели, сделать себя независимым от парламента, приняв субсидии от французского короля, обречены были на катастрофу. Это было особенно актуально, поскольку Людовик XIV в самый момент восшествия на престол короля Якова, после того как в течение ряда лет преследовал гугенотов вопреки Нантскому эдикту, предпринял шаг по отмене этого великого документа о религиозной терпимости 17 ноября 1685 года. За изгнанием

многочисленных семей, которые уже были изгнаны *драконьими отрядами*, теперь последовало изгнание всего корпуса гугенотов, по крайней мере, всех, кто отказался принять католическую веру. Сколько сотен тысяч человек покинули свои дома, чтобы найти убежище в чужих странах, сказать невозможно, но среди них было большое количество трудолюбивых и умелых ремесленников, которые искали убежища в Голландской Республике и там нашли радушный и сочувственный прием. Прибытие этих несчастных иммигрантов вызвало сильное чувство негодования в Голландии, да и во всех провинциях, против правительства Людовика XIV. Они начали понимать, что политика французского короля была не просто территориальной агрессией, но и крестовым походом против протестантизма. Правящие классы Голландии, Зеландии, Фрисландии и Гронингена были подстрекаемы[стр.270] проповедниками к более строгому соблюдению законов против католиков в этих провинциях, поскольку они испытывали неподдельную тревогу по поводу французской угрозы религии, за которую сражались и страдали их отцы. Дело протестантизма было тем, с которым принцы Оранские отождествляли себя; но никто из его предков не был таким ревностным сторонником этого дела, как Вильгельм III. Присутствие среди них беженцев-гугенотов оказало мощное влияние на общественное мнение в Штатах в пользу воинственной политики их штатгальтера. Голландская республика была не единственным государством, которое было глубоко тронута безжалостным обращением французского короля со своими протестантскими подданными. Курфюрст Бранденбургский, как глава главного протестантского государства Германии, также предложил убежище французским изгнанникам и теперь снова вернулся к своему естественному союзу с Соединенными провинциями. В мае 1685 года он послал своего доверенного советника Пауля Фукса предложить своему племяннику, принцу Оранскому, дружеское сотрудничество в формировании мощной коалиции против Франции. Фукс был опытным дипломатом, и при его посредничестве было достигнуто взаимопонимание между штатгальтером и его оппонентами в Амстердаме. В то же время сильное семейное влияние было оказано на Генриха Казимира Фрисландского, и было достигнуто примирение между двумя штатгальдерами. Таким образом, Вильгельм обнаружил, что еще до того, как подошел к концу 1685 год, может проводить свою политику без серьезных препятствий. Он был вполне готов воспользоваться своей возможностью, и с помощью тактической дипломатии к августу 1686 года ему удалось заключить союз между Соединенными провинциями, Бранденбургом, Швецией, Австрией, Испанией и рядом небольших Рейнских государств для защиты Вестфальского и Неймвегенского мирных договоров от посягательств французской военной агрессии. Но замысел Вильгельма был еще не завершен. Военно-морская мощь и финансовые ресурсы Англии были необходимы для того, чтобы коалиция могла успешно противостоять могущественной централизованной власти Людовика XIV.

В Англии попытка Якова II вызвать католическую реакцию путем произвольного использования королевских прерогатив быстро лишила лояльности все классы, включая многих людей высокого положения и даже некоторых из его собственных министров. Уильям внимательно следил за всем, что происходило, и поддерживал тесную переписку с несколькими главными недовольными. Он прекрасно понимал, что все взгляды обращены к нему (и он принял эту должность) как [стр.271] естественного защитника, если возникнет необходимость, гражданских и религиозных свобод Англии. Возникла необходимость, и летом 1688 года поступил звонок, который застал Уильяма подготовленным. Кульминацией конфликта между королем Джеймсом и его народом стало оправдание Семи епископов в мае 1688 года на фоне общественных ликований, за которыми 10 июня вскоре последовало рождение принца

Уэльского. Было распространено сообщение о том, что ребенок был вымышленным, и это было признано правдой большим количеством людей, включая принцессу Анну, а также, на основании ее показаний, принцем и принцессой Оранскими.

Тайные отношения Вильгельма с лидерами оппозиции в течение некоторого времени поддерживались через его доверенных лиц, Дейквелда, государственного посланника при английском дворе, и Вильгельма Нассауского, лорда Зуилештейна. Теперь был сделан смелый шаг. Несколько известных англичан подписали приглашение принцу высадиться в Англии с вооруженными силами для защиты религии и свобод страны; и оно было передано ему адмиралом Расселом, одним из подписавших. После некоторых колебаний Уильям, с согласия и одобрения принцессы, решил принять его. Ни у одного мужчины никогда не было более верной и преданной жены, чем Вильгельм III Оранский, и он этого не заслуживал. В течение нескольких лет после женитьбы он относился к Мэри с холодностью и пренебрежением. Однажды он признался епископу Бернету, что его грубость была отчасти вызвана ревностью; ему была невыносима мысль о том, что Мария может унаследовать английский престол, а он в этой стране будет ниже по рангу своей жены. Епископ сообщил об этом принцессе, которая сразу же горячо заявила, что никогда не примет корону, если ее муж не получит не просто титул короля, но и прерогативы правящего монарха. С тех пор между ними произошло полное примирение, и с годами привязанность и уважение Уильяма к этой верной, добросердечной и самоотверженной женщине становились все глубже. Характер Мэри, как он раскрывается в сохранившихся ее личных дневниках, заслуживает этих эпитетов. Глубоко религиозная и убежденная протестантка, Мария с молитвами о наставлении и не без слез чувствовала, что решимость ее мужа рискнуть всем ради вооруженного вмешательства в Англии была полностью оправдана; и в этот критический момент она без колебаний позволила своему чувству долга перед мужем и своей страной взять верх над чувством долга дочери перед своим отцом.[стр.272] Уже в июле начались энергичные приготовления к экспедиции в обстановке строжайшей секретности. Военно-морские верфи работали в полную силу с очевидной целью отправки флота для подавления пиратства в Средиземном море. Штатгольдер чувствовал, что он может рассчитывать на добровольное сотрудничество Штатов в своем проекте. Теперь, как всегда, его трудностью было заручиться согласием Амстердама. Но сопротивление этого города оказалось менее серьезным, чем ожидалось. Опасность для протестантизма, если бы Англия при Якове II вступила в союз с Францией, была очевидна, и едва ли меньше была безопасность торговли, от которой зависело процветание Амстердама. Поддержка Амстердама обеспечила поддержку сословий Голландии; и, наконец, после успешного преодоления элементов оппозиции в городе и провинции, где антиоранжевая партия была представлена наиболее сильно, принцу не составило труда добиться 8 октября единодушного одобрения Генеральных штатов, собравшихся на тайное заседание, предложенной экспедиции. К тому времени армия из 14 000 человек была собрана вместе и стояла лагерем в Муке. Из них шесть английских и шотландских полков, которые теперь, как и во время войны за независимость, состояли на голландской службе, составляли ядро. В состав сил также входили голландская гвардия принца и другие отборные голландские войска, а также несколько немецких новобранцев. Командовал маршал Шомберг. Предлогом послужила необходимость защиты восточной границы республики от нападения из Кельна, где кардинал Фюрстенберг, кандидат и союзник Людовика XIV, был избран на архиепископский престол.

Тем временем дипломатия была активна. Д'Аво был слишком проницателен, чтобы не распознать истинную цель военно-морских приготовлений, и он предупредил и Людовика XIV, и

Якова II. Яков, однако, был упрям и не обращал внимания, в то время как Людовик вел игру своего врага, объявив войну императору и папе и вторгнувшись в Пфальц вместо Республики. Ибо Вильгельм делал все возможное, чтобы привлечь на свою сторону с помощью Вальдека и Бентинка, протестантских князей Германии, в результате чего Бранденбург, Ганновер, Саксония, Брауншвейг и Гессен обязались оказать ему активную поддержку против нападения Франции; в то время как постоянная угроза ее владениям в бельгийских Нидерландах вынудила Испанию присоединиться к антифранцузской лиге, которую штатгальтер так долго стремился создать[стр.273]. К ним теперь добавились император и папа, которые, фактически находясь в состоянии войны с Францией, были готовы благосклонно отнестись к экспедиции, которая ослабила бы общего врага. Великий союз, о котором мечтал Вильгельм, таким образом (на случай, если его экспедиция в Англию окажется успешной) попал в сферу практической политики; и теперь, когда его база была обеспечена, Оранский был полон решимости больше не медлить, а поставить все на исход английского предприятия.

Принц попрощался с Генеральными штатами 26 октября, а четыре дня спустя отплыл из Хелвоэтслуса, но был отброшен назад сильным штормом, который серьезно повредил флот. Новое начало было положено 11 ноября. Адмирал Герберт командовал военно-морскими силами, которые благополучно провели через Ла-Манш длинные вереницы транспортов, не встретив сопротивления. Над судном принца развевался его флаг со словами "*За религию и свободу*", начертанными над девизом Оранского дома "*Я поддерживаю*". 14 ноября (5 часов утра), в день рождения Уильяма, без происшествий была совершена высадка в Торбее, и Уильям быстрым маршем направился в Эксетер. Он не встретил вооруженного сопротивления. Войска Якова, его придворные, его младшая дочь принцесса Анна - все покинули его; и, наконец, отослав жену и малолетнего сына во Францию, сам король ночью покинул свой дворец в Уайтхолле и бежал вниз по реке в Ширнесс. Здесь его узнали и привезли обратно в Лондон. Однако сочли за лучшее потворствовать его побегу, и на Рождество он высадился на побережье Франции. Экспедиция достигла своей цели, и Вильгельм, встреченный как избавитель, вступил в столицу во главе своей армии.

13 февраля 1689 года конвент, специально созданный для этой цели, объявил, что Джеймс своим бегством покинул трон; и корона была предложена Уильяму и Марии совместно, исполнительная власть была передана в руки принца.

[стр.274]

ГЛАВА XIX

КОРОЛЬ-ШТАТГАЛЬТЕР, 1688-1702

Восшествие Вильгельма III на английский престол было событием, чреватым важными последствиями для европейской политики и Соединенных провинций. Королю наконец-то удалось осуществить создание того Великого Союза, к созданию которого он так долго стремился. Венский мирный договор, подписанный 12 мая 1689 года, окружил Францию кольцом врагов, и император и Испания объединились с протестантскими державами, Англией, Штатами и многими немецкими князьями в союзнических узах для поддержания Вестфальского и Пиренейского договоров. Не без труда Вильгельму удалось склонить Штаты к заключению наступательного и оборонительного союза с Англией. Специальное посольство в составе Витсена, Одийка, Дейквелда и других было направлено в Лондон в начале 1689 года, чтобы попытаться добиться какого-либо взаимовыгодного урегулирования различных конфликтующих морских и коммерческих интересов двух стран. Но они ни на что не могли повлиять. Английское правительство отказалось либо отменить, либо изменить Закон о судоходстве, либо снизить плату за привилегии рыболовства; и потребовалось все личное влияние Уильяма, чтобы добиться подписания договора (3 сентября), который многие ведущие голландцы считали подчинением голландцев английским интересам. И они были правы; с этого времени начался тот упадок голландского коммерческого господства, который должен был становиться все более и более заметным по мере продвижения 18 века. Политика Вильгельма III, как справедливо заметил Фридрих Великий, поставила Голландию в положение шлюпа, буксируемого за английским линейным кораблем.

Однако в правление Вильгельма III международная торговля все еще находилась практически в руках голландцев, несмотря на потери, понесенные во время английских войн и французского вторжения. Единственным конкурентом была Англия, находившаяся под защитой Закона о судоходстве. Англичане имели, при благоприятных условиях, свой основной продукт в Дордрехте, шотландцы - свой основной продукт в Вире;[стр.275] и объем торговли в новых условиях тесного союза был очень значительным. Но импорт в значительной степени превышал экспорт; и как экспорт, так и импорт должны были осуществляться в английских поддонах. Торговля на Балтике (или Востоке) оставалась голландской монополией, как и торговля с Россией через Архангельск. Почти все корабли, проходившие через Пролив, были голландскими; и они часто заходили во все балтийские порты, будь то русские, скандинавские или немецкие, привозя товары Юга и возвращаясь нагруженными пенькой, салом, деревом, медью, железом, зерном, воском, шкурами и другими необработанными продуктами для распространения в других странах. У англичан было небольшое количество судов в Средиземном море и Леванте, и они часто посещали испанские и португальские гавани, но пока они почти не мешали голландской транспортной торговле в этих водах. Вся торговля Испании с ее обширными американскими владениями была по закону ограничена одним портом Кадис; но как только галеоны, доставлявшие богатые продукты Мексики и Перу, достигали Кадиса, основная масса их товаров быстро перегружалась на голландские суда, которые здесь, как и везде, были средством, через которое осуществлялся товарный обмен

между одной страной и другой. Это был прибыльный бизнес, и купцы Амстердама и других голландских торговых центров разбогатели.

Положение голландцев в Ост-Индии в конце 17 века - одно из чудес истории. Ост-Индская компания с ее процветающей столицей в Батавии опередила всех конкурентов. Она занимала лидирующие позиции на Индийском архипелаге и вдоль всех берегов, омываемых Индийским океаном. Генерал-губернатор был облечен большими полномочиями и из-за своей удаленности от внутренних властей мог беспрепятственно использовать их в течение срока своих полномочий. Он заключал договоры и вел войны, и князья и мелкие правители Востока смотрели на него как на могущественного властителя. Завоевание Макассара в 1669 году, оккупация Джапары и Черибона в 1680 году, Бантама в 1682 году, Пондишери в 1693 году, вместе с владением Малаккой и всем побережьем Цейлона, Молуккских островов и мыса Доброй Надежды, дали голландцам контроль над всеми главными торговыми путями в этих регионах. По договорам о союзе и торговле с Великим Моголом и другими более мелкими монархами и вождями были основаны фабрики в Хугли на Ганге, в Целиме, Сурате, Бендер-Аббасе, Палембанге и многих других местах.[стр.276] На Молуккских островах вся торговля пряностями была в их руках. Таким образом, очень большая часть товаров Востока попадала в Европу через Амстердам, который все больше становился торговым центром и центром обмена для всего мира.

Вест-Индская компания, с другой стороны, была разорена потерей своих бразильских владений, за которой последовали английские войны. Срок действия ее устава истек в 1674 году, но на смену ей пришла новая Компания более умеренного масштаба. Его колонии на побережье Гвианы, Суринам, Бербис и Эссекибо находились в конце 17 века в бедственном положении, но уже начали развивать сахарные плантации, которым вскоре предстояло стать прибыльной отраслью промышленности; а остров Кюрасоа имел незавидную честь быть в течение нескольких лет одним из главных центров негритянской работорговли.

В самих Соединенных провинциях одной из особенностей этого периода был рост множества новых отраслей промышленности и мануфактур, в основном за счет притока беженцев-гугенотов, многие из которых были квалифицированными ремесленниками. У производителей сукна и шелка было занято большое количество рабочих рук, но также и у производителей шляп, перчаток, лент, отделки, кружев, часов и других изделий, которые до сих пор производились главным образом во Франции. Одним из последствий быстрого роста благосостояния стало изменение простых привычек, манер и одежды, которые до сих пор путешественники отмечали как одну из самых примечательных черт голландцев. Стали демонстрировать большую роскошь, подражать французской моде и образу жизни, а французский язык использовать в качестве средства общения между состоятельными слоями общества. Еще одним признаком того времени стало распространение духа спекуляции и азартных игр с акциями, свидетельствующих о том, что люди больше не довольствовались накоплением богатства с помощью медленного процесса обычной торговли. Это состояние процветания, которое было в значительной степени обусловлено безопасностью, которую тесный союз с Англией принес Республике, в немалой степени объясняет молчаливое согласие голландцев с положением вещей, которое делало меньшую страну почти зависимой от большей. Они гордились тем, что их штатгальтер будет править Британией как король; и его длительные отлучки не уменьшили их сильной привязанности к нему и его авторитета среди них. Власть, которой Вильгельм пользовался в Республике, была настолько большей, чем та, которой он, как строго

конституционный суверен, обладал в королевстве, что было остроумно сказано, что принц Оранский был штатгальтером в Англии и королем в Голландии.

Однако не следует предполагать, что Уильям в своем качестве штатгальтера был свободен от забот и испытаний. У него их было много; и, как обычно, Амстердам был главным центром волнений. После отплытия экспедиции в Торбей Уильям непрерывно отсутствовал не менее двух с половиной лет. Поэтому неудивительно, что в течение столь длительного периода, когда внимание короля было поглощено другими неотложными делами, в его управлении делами Республики должны были возникнуть трудности. Было очень прискорбно, что его самый способный и надежный друг и советник, муниципальный пенсионер Фейджел, умер в декабре 1688 года, как раз когда предприятие Уильяма в Англии достигло своей наиболее критической стадии. После короткого перерыва Фагеля сменил на его самом важном и влиятельном посту Антоний Хайнсиус. Хайнсиус, который в течение нескольких лет был пенсионером в Делфте, был скромным, тихим человеком, которому было уже сорок пять лет, способным, опытным и деловым. Его такт и качества государственного деятеля оказали величайшую услугу Вильгельму и едва ли меньшую - его стране в то время, когда срочные обязанности в Англии так затрудняли для штатгальтера личное внимание к внутренним делам Республики. Ни у какого другого принца Оранского не было такой благоприятной возможности, как у Вильгельма III, осуществить такие изменения в системе правления и администрации в Голландской Республике, которые упростили бы и скоординировали ее многочисленные соперничающие и конфликтующие власти и объединили бы ее семь суверенных провинций в единое государство с ним самим (под любым титулом) в качестве "выдающегося главы". На пике своего могущества его воля могла бы одолеть местную или партизанскую оппозицию, поскольку за его спиной стоял престиж его имени и деяний, а также подавляющая поддержка общественного мнения. Но Уильям практически не интересовался этими конституционными вопросами. Будучи бездетным, он не имел династических амбиций. Ближайшим представителем мужского пола его дома был Генрих Казимир, штатгальтер Фрисландии, с которым его отношения были далеки от дружеских. По его мнению, все остальное было подчинено единственной и главенствующей цели его жизни - свержению власти Людовика XIV и французского господства в Европе.

Великая коалиция, сформированная в 1689 году Венским мирным договором, в первые годы войны, которая затем разразилась[стр.278], добилась лишь посредственного успеха. Французские армии с большим варварством опустошили Пфальц, а затем обратили свое внимание на южные Нидерланды. Попытка вторжения была, однако, остановлена силами союзников (25 августа) в острой стычке близ Шарлеруа. Следующий, 1690 год, был особенно неудачным для союзников. Уильям все еще отсутствовал, поскольку был вынужден провести экспедицию в Ирландию. Он назначил престарелого маршала Вальдека командующим силами Коалиции. Вальдеку противостояла грозная Люксембург, и 1 июля две армии встретились при Флерюсе, когда после упорного сражения союзники потерпели кровавое поражение. Еще большим поражением стала победа, одержанная адмиралом Турвилем над объединенным англо-голландским флотом у Бичи-Хед (10 июля). Голландская эскадрилья под командованием Корнелиса Эвертсена приняла на себя основную тяжесть боя и сильно пострадала. Они получили мало помощи от английского контингента, а английский адмирал Торрингтон был обвинен в том, что он умышленно пожертвовал своими союзниками. Эффект был серьезным, поскольку французы какое-то время испытывали редкое удовлетворение от того, что удерживали командование Ла-Маншем. Полный триумф короля Вильгельма в битве при Бойне (12 июля) несколько ослабил ужас, вызванный этой морской катастрофой, и позволил ему

посвятить все свое внимание континентальной войне. Его возвращение в Гаагу в начале 1691 года вызвало всеобщее ликование, и он смог договориться со своими союзниками о размещении крупных сил в полевых условиях для последующей кампании. Операции, однако, не принесли сколько-нибудь удовлетворительных результатов. Люксембург продвинулся вперед раньше, чем союзники были готовы, и сжег и разграбил большую часть страны. Вильгельм, действуя в обороне, удовлетворился тем, что прикрыл столицу и остальную Фландрию и Брабант от нападения; и серьезного сражения не произошло.

Весной 1692 года Людовик XIV провел большие приготовления к вторжению в Англию. Войска были собраны на побережье, и эскадре под командованием Д'Эстре в Тулоне было приказано присоединиться к основному флоту Турвиля в Бресте. Встречные ветры задержали соединение, и Турвиль опрометчиво вышел в море и 29 мая вступил в бой у Ла-Хога с значительно превосходящим флотом союзников. На этот раз конфликт в основном пришелся на англичан, и после ожесточенного боя французы потерпели поражение и бежали в поисках убежища на мелководье. Здесь за ними последовали более легкие суда и брандеры союзников; и[стр.279] большая часть французского флота была либо сожжена, либо выброшена на скалы (1 июня). Морская мощь Франции была на время уничтожена, и все опасения вторжения рассеялись. На суше неудачи продолжали преследовать союзников. Сильная крепость Намюр была взята французами, и после ожесточенного сражения при Стейнкерке Вильгельм был вынужден отступить под натиском своего старого противника Люксембурга. Уильям, хотя и редко одерживал победы на поле боя, обладал замечательными качествами лидера. Его мужество и хладнокровие завоевали доверие его войск, и он никогда не был более великим, чем при отступлении. Это было наглядно продемонстрировано в следующем году (1693), когда после катастрофического поражения при Неервиндене (29 июля), опять же от рук Люксембурга, ему удалось с неизбежным личным риском вывести свою армию в полном порядке перед лицом превосходящих сил победоносного врага.

В 1694 году союзники ограничились оборонительными операциями. Обе стороны устали от войны; и были сильные сторонники мирных переговоров как в Нидерландах, так и в Англии. Некоторые из бюргеров-регентов Амстердама, Дордрехта и других городов даже зашли так далеко, что сделали тайные предложения французскому правительству, и их поддержал фризский штатгальтер; но Вильгельм был решительно против принятия таких условий, которые Франция была готова предложить, и его сильная воля возобладала.

Положение короля в Англии осложнилось из-за оплакиваемой смерти королевы Марии 21 января 1695 года. За эти последние годы Уильям глубоко привязался к своей жене и на какое-то время был подавлен горем. Но сильное чувство общественного долга вывело его из депрессии, и кампания 1695 года ознаменовалась самым блестящим военным подвигом в его жизни - взятием Намюра. Этот город, сильный благодаря своему естественному положению, был укреплен Вобаном всеми средствами инженерного искусства и оборонялся мощным гарнизоном под командованием маршала Буффлерса. Но с Вильгельмом был знаменитый Кохорн, в научном ведении осады равный самому Вобану. В конце месяца город Намюр был взят, но Боффлеры отступили в цитадель. Виллеруа, возглавлявший армию в 90 000 человек, сделал все возможное, чтобы вынудить короля снять осаду, угрожая Брюсселю; но сильные силы союзников следили за его передвижениями и успешно преградили ему путь к Намюру. Наконец, 5 сентября Баффлерс[стр.280] капитулировал после доблестной обороны при условии, что он и его войска выйдут со всеми военными почестями.

Кампания 1696 года не была отмечена никакими важными событиями; более того, обе стороны были основательно измотаны затяжным и безрезультатным противостоянием. Более того, ухудшающееся здоровье короля Испании Карла II грозило в любой момент поставить под вопрос жизненно важный вопрос о наследовании испанского престола. Людовик XIV, Вильгельм III и император прекрасно осознавали важность этого вопроса и хотели иметь развязанными руки, чтобы подготовиться к урегулированию либо дипломатическими средствами, либо новым призывом к оружию. Но мир был насущной необходимостью, и в 1696 году французский король в частном порядке сделал предложения каждой из союзных держав. Наконец было решено, что полномочные представители всех воюющих сторон должны встретиться на конгрессе в Рисвике близ Гааги со шведским графом Лилиенротом в качестве посредника. Конгресс открылся 9 мая 1697 года, но прошло много недель, прежде чем представители различных держав приступили к делу. Хайнсиус и Дейквельд были двумя главными голландскими переговорщиками. Император, когда другие державы пришли к соглашению, отказался присоединиться; и в конце концов Англия, Испания и Соединенные Провинции решили заключить сепаратный мир. Он был подписан 20 сентября и основывался на Неймвегенском и Мюнстерском мирных договорах. Франция, имея скрытые мотивы, пошла на уступки. Страсбург был сохранен, но большая часть французских завоеваний была оставлена. Вильгельм был признан королем Англии, и ему было возвращено княжество Оранское. С голландцами был заключен торговый договор сроком на двадцать пять лет на льготных условиях.

Однако все стороны прекрасно понимали, что Рисвикский мир был перемирием, во время которого борьба за испанское наследство будет перенесена с поля битвы на поле дипломатии в надежде, что может быть найдено какое-то решение. Очевидно, что этот вопрос имел первостепенное значение для Штатов, поскольку от него зависела судьба Испанских Нидерландов. На карту были поставлены большие интересы Англии, и она была полна решимости предотвратить аннексию бельгийских провинций Францией. При Карле II мужская линия испанских Габсбургов прекратила свое существование, и по женской линии наследования было три основных претендента. Притязания дофина были гораздо более весомыми, поскольку он был внуком Анны Австрийской, старшей дочери Филиппа III, [стр.281] и сыном Марии Терезии Австрийской, старшей сестры Карла II. Но обе эти королевы Франции после вступления в брак торжественно отказались от своих прав наследования. Людовик XIV, однако, утверждал, что отречение его жены было недействительным, поскольку приданое, выплата которого гарантировалась брачным контрактом, так и не было получено. Младшая сестра Марии Терезии была замужем за императором, и плодом этого союза были два сына и дочь. Эта дочь, в свою очередь, вышла замуж за курфюрста Баварского и родила мальчика десяти лет. Сам курфюрст, Максимилиан Эммануэль, в течение пяти лет был губернатором Испанских Нидерландов, где его правление было чрезвычайно популярным. Вильгельм знал, что одной из главных целей французского короля при заключении мира было разрушить Великий союз и таким образом подготовить почву для решительного утверждения своих прав, как только испанский трон освободится; и с терпеливым дипломатическим мастерством он сразу же принялся за организацию такого раздела испанской монархии между претендентами, который предотвратил бы попадание бельгийских провинций в руки первоклассной державы и сохранил саму Испанию с ее заморскими владениями от правления принца-бурбона. Ему не составило труда убедить Штаты увеличить свой флот и армию на случай, если дипломатия потерпит неудачу, поскольку голландцы слишком хорошо осознавали серьезность французской

угрозы их независимости. В Англии, где зависть к постоянной армии всегда была сильна, он добился меньшего успеха, и парламент настоял на роспуске многотысячной закаленной армии. Целью, к которой стремился Уильям, был договор о разделе; и раздел действительно был организован (11 октября 1698 года). Это соглашение, согласно представлениям того времени, совершенно не учитывало желания народов, с которыми эти беспринципные дипломаты обращались как с простыми пешками. Испанский народ, как и следовало ожидать, был яростно против любого раздела империи Карла V и Филиппа II; и, вследствие оказанного на него влияния, Карл II оставил по завещанию молодого принца-выборщика Жозефа Фердинанда наследником всего своего наследства. По секретным условиям договора о разделе корона Испании вместе с Нидерландами и американскими колониями была передана баварскому претенденту, но испанские владения в Италии были разделены между двумя другими претендентами: вторым сыном дофина Филиппом, герцогом Анжуйским,[стр.282], получившим Неаполь и Сицилию; вторым сыном императора, эрцгерцогом Карлом, миланцем. К несчастью, Жозеф Фердинанд заболел оспой и умер (март 1699 года). Для Вильгельма и Хайнсууса главным теперь было помешать французскому принцу занять испанский трон; и в Гааге в обстановке строжайшей секретности снова были начаты переговоры о втором договоре о разделе. Они обнаружили, что Людовик XIV все еще готов заключить сделку. Герцогу Анжуйскому теперь было передано, помимо Неаполя и Сицилии, герцогство Лотарингия (герцог которого должен был получить взамен Милан); остальные испанские владения должны были перейти к эрцгерцогу Карлу (март 1700 г.). Условия этого соглашения между французским королем и морскими державами недолго оставались секретом; и когда они стали известны, они вызвали недовольство императора, который не желал видеть французское влияние преобладающим в Италии, а его собственное исключенным, и еще больше испанского народа, который возражал против любого раздела и против австрийского правителя. Дворец Карла II стал очагом интриг, и в конце концов умирающего короля убедили составить новое завещание и назначить Анжу своим всеобщим наследником. Соответственно, после смерти Карла (1 ноября 1700 г.) королем был провозглашен Филипп V.

Какое-то время Людовик сомневался относительно того, какой курс действий будет наиболее выгоден интересам Франции, но ненадолго. 11 ноября он публично объявил своему двору в Версале, что его внук принял испанскую корону. За этим шагом последовало размещение французских гарнизонов в некоторых пограничных крепостях бельгийских Нидерландов с согласия губернатора, курфюрста Баварии. Следующие месяцы были потрачены на тщетные дипломатические попытки получить от французского короля такие гарантии, которые обеспечили бы безопасность Штатов и удовлетворение Англии и императора и таким образом предотвратили бы начало войны. В Штатах Хайнсуусу, который всей душой поддерживал штадгольдера в этом кризисе, не составило труда заручиться полной поддержкой всех сторон, даже в Голландии, относительно необходимости приложить все усилия, чтобы быть готовым к военным действиям. Перед Уильямом стояла более трудная задача в Англии, но у него была поддержка большинства вигов в парламенте и коммерческих кругов; и он упорно трудился, несмотря на постоянное и усиливающееся недомогание, чтобы еще раз привести к существованию Великий альянс 1689 года. В июле начались переговоры между морскими державами и императором в Гааге, которые после длительных[стр.283] обсуждений были завершены в сентябре, в немалой степени благодаря такту и убедительности лорда Мальборо, английского посланника, который теперь начал ту карьеру, которая вскоре сделала его имя столь известным. Основные положения союзного договора, подписанного 7 сентября 1701

года, заключались в том, что Австрия должна была получить итальянские владения Испании; бельгийские провинции должны были оставаться барьером и защитой Голландии от французской агрессии; а Англия и Штаты должны были сохранить любые завоевания, которые они могли бы совершить в Испанской Вест-Индии. Ничего не было сказано о короне Испании, и это молчание подразумевало своего рода признание Филиппа V. К этому союзу присоединились Пруссия, Ганновер, Люнебург, Гессен-Кассель, в то время как Франция, с которой Испания теперь была в союзе, могла рассчитывать на помощь Баварии. Война еще не была объявлена, но в этот самый момент Людовик XIV предпринял шаг, который был бессмысленно провокационным. Яков II умер в Сен-Жермене 6 сентября, и Людовик сразу же признал его сына королем Англии под титулом Якова III. Эта акция вызвала бурю негодования среди английского народа, и Уильям обнаружил, что общественное мнение поддержало его в сборе войск и приобретении припасов для войны. Приготовления были широкомасштабными. Император обязался выставить на поле боя 90 000 человек, Англия - 40 000, германские государства - 54 000, а Республика - не менее 100 000. Вильгельм наконец преуспел в достижении цели своей жизни; была создана могущественная конфедерация для поддержания баланса сил в Европе и свержения французского господства, которому угрожала опасность. Этой вооруженной конфедерации, душой и признанным главой которой он был, было суждено достичь цели, ради которой она была создана, но не под его руководством. Король провел осень в Голландии, тесно консультируясь с Хайнсиусом, посещая лагеря, арсеналы и верфи и давая указания адмиралам и генералам подготовить все к кампании следующей весны. Затем, в ноябре, он отправился в Англию, чтобы ускорить приготовления, которые были в более отсталом состоянии, чем в Штатах. Но он перенапряг свои силы. Всегда хрупкий и немощный, Уильям в течение многих лет одной лишь силой воли побеждал свою телесную слабость и переносил усталость от кампаний, в которых он был готов делить все невзгоды со своими солдатами. В его двойном качестве короля и штатгальтера заботы о правительстве и ведении иностранных дел также не давали ему покоя [стр.284]. Особенно это было в Англии в годы, последовавшие за смертью королевы Марии, когда он обнаружил, что ему противостоят, ему мешают и унижают партийные интриги и интриганские заговоры до такой степени, что он не раз подумывал об отречении от престола. Когда он вернулся, он чувствовал себя очень больным и усталым и становился все слабее, потому что зима в Англии всегда была для него испытанием. Его медицинские консультанты предупредили его, что в его случае медицина бессильна и что он не в состоянии переносить нагрузку, которую выполняет. Но неукротимый дух этого человека не сдавался, и он все еще надеялся, что весной сможет встать во главе своей армии. Этому не суждено было сбыться; несчастный случай был непосредственной причиной, из-за которой конец наступил быстро. Он ехал верхом в парке Буши, когда его лошадь споткнулась о кротовый холм, и король упал, сломав ключицу (14 марта 170 года). Потрясение оказалось фатальным в его ослабленном состоянии; и, продержавшись четыре дня, в течение которых он, полностью владея своими умственными способностями, продолжал обсуждать государственные дела, он спокойно простился со своими близкими друзьями, Бентинком, графом Портлендским, и Кеппелем, графом Албемарлем, а также с английскими государственными деятелями, которые стояли у его смертного одра, и, поблагодарив их за их услуги, скончался. На протяжении четырех поколений Дом Оранских производил на свет великих лидеров, но можно сказать, не принижая достоинства его знаменитых предшественников, что последний наследник мужского пола этого Дома был величайшим из них всех. Он спас Голландскую Республику от разрушения; и в течение тридцати лет того, что принято называть его правлением, он обеспечил ей весомое место в Советах Европы и поднял ее на высоту огромного материального процветания. Но даже

такие заслуги, как эти, были ничтожны по сравнению с той ролью, которую он сыграл в закладке фундамента конституционной монархии в Англии и в установлении баланса сил в Европе. Трудно сказать, кому больше всего были обязаны делом жизни Вильгельма III - Голландии, Англии или Европе.

[стр.285]

ГЛАВА XX

ВОЙНА За ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО И УТРЕХТСКИЙ МИРНЫЙ договор 1702-1715 гг.

Вильгельм III не оставил преемника на свое место. Младшая ветвь семьи Нассау, которая со времен Иоанна Нассауского была штатгальтером Фрисландии и, за исключением одного короткого промежутка времени, Гронингена и которая благодаря браку Вильгельма Фредерика с Альбертиной Агнес, младшей дочерью Фредерика Генри, могла претендовать на происхождение по женской линии от Вильгельма Молчаливого, на протяжении нескольких поколений оказывала Республике выдающиеся услуги, но в 1702 году ее единственным представителем был мальчик 14 лет по имени Джон Уильям Фризо. Как уже говорилось, отношения между его отцом, Генрихом Казимиром, и Вильгельмом III какое-то время были далеки от дружеских; но перед безвременной кончиной Генриха Казимира произошло примирение, и король стал крестным отцом Джона Уильяма Фризо и по своему завещанию оставил его своим наследником. Мальчик унаследовал по наследственному праву должности штатгальтера и генерал-капитана Фрисландии и Гронингена под опекой своей матери, но его претензии на то, чтобы стать преемником Вильгельма III в качестве штатгальтера в других провинциях, из-за его молодости были полностью проигнорированы. Как и в 1650 году, Голландия, Зеландия, Утрехт, Гелдерланд и Овериссель снова вернулись к форме правления без штатгальтеров.

К счастью, это не повлекло за собой изменения внешней политики. Люди, которые в течение многих лет были соратниками короля Вильгельма и полностью сочувствовали его целям,

продолжали занимать самые важные посты в правительстве Республики и контролировать ее политику. Эта политика заключалась в поддержании тесного союза с Англией с целью сдерживания честолюбивых замыслов Людовика XIV. Виднейшими среди этих государственных деятелей были Антоний Хайнсиус, член совета пенсионариев Голландии, Симон ван Слингеландт, секретарь Государственного совета с 1690 года, и Ян Хоп, генеральный казначей Союза. В Англии признание Людовиком принца Уэльского королем Джеймсом III [стр. 286] основательно возбудило народные чувства против Франции; и Анна, новая королева, решила осуществить планы своей предшественницы. Две морские державы, тесно связанные общими интересами, и узы, возникшие между ними за тринадцать лет правления короля-штатгальтера, должны были составить ядро коалиции с Австрией и рядом германских государств, включая Пруссию и Ганновер (к которым несколько позже присоединилась Савойя), обязавшихся поддержать притязания эрцгерцога Карла на испанский престол. Для голландцев это был чрезвычайно важный вопрос, поскольку с правлением Филиппа V в Мадриде гегемония Франции в Европе, казалось, была обеспечена. Французские войска уже овладели главными крепостями так называемых Испанских Нидерландов. Столкнувшись лицом к лицу с такой угрозой, Хайнсиусу было нетрудно получить согласие не только Генеральных штатов, но и сословий Голландии, практически без единого несогласия, на объявление войны Франции и Испании (8 мая 1702 г.); и за этим быстро последовали аналогичные заявления Англии и Австрии.

Великий альянс внешне казался очень сильным, но на самом деле у него были все слабые стороны коалиции, его армии состояли из контингентов из ряда стран, правительства которых имели разные цели и стратегические объекты, и ему противостояла держава под абсолютным правлением с многочисленными армиями ветеранов, вдохновленными давними традициями победы под руководством блестящих лидеров. Однако в 1702 году преемники Тюренна и Люксембург ни в коем случае не были такого же калибра, как эти великие генералы. С другой стороны, союзникам повезло вдвойне, поскольку их возглавлял человек исключительных способностей. Джон Черчилль, граф (и вскоре после этого герцог) Мальборо, был назначен верховным командующим англо-голландскими войсками. Благодаря влиянию его жены на слабую королеву Анну партия вигов, главами которой были Мальборо и его друг Годольфин, лорд-казначей, надежно удерживала власть; и таким образом Мальборо вступил в должность в полной уверенности, что за его спиной стоит непоколебимая поддержка правительства метрополии. Тем не менее, это мало бы помогло, если бы не непревзойденные способности этого экстраординарного человека. Как генерал он проявил военный гений, как стратег и тактик, который редко кто превзошел. В течение десяти лет он вел победоносную карьеру, не омраченную ни единым поражением, и это несмотря на то, что его армия всегда [стр. 287] состояла из разнородных элементов, что его подчиненные разных национальностей ревниво относились к его власти и друг к другу, и, прежде всего, как будет видно, что его смелым и хорошо продуманным планам снова и снова препятствовали гражданские депутаты, которые были поставлены Генеральными штатами на его сторону. Если бы Мальборо не пострадал, война, вероятно, закончилась бы на несколько лет раньше; как бы то ни было, замечательные успехи генерала стали возможными благодаря его мастерству и такту дипломата. Более того, ему посчастливилось иметь на своей стороне генерала-империалиста принца Евгения Савойского, командира, уступающего только ему самому по блеску и лидерству. Почти во всех войнах австрийский союз оказывался слабой опорой, на которую можно было положиться; но теперь, благодаря выдающимся способностям Евгения, австрийские армии смогли добиться

многих побед. Энергичное участие императора в этой войне в поддержку притязаний его второго сына стало возможным только благодаря победам итальянского генерала над турками, которые захватили Венгрию и угрожали Вене. И теперь, в еще более важной сфере деятельности на Западе, в которой в течение ряда лет ему приходилось сотрудничать с Мальборо, к бесконечной чести обоих этих великих людей, они работали гармонично и слаженно, так что между ними никогда не было даже намека на какую-либо ревность. При любой оценке великих достижений Мальборо никогда не следует забывать, что у него под рукой был не только Юджин на поле боя, но и Хайнсиус в зале совета. Хайнсиус всегда преданно и сочувственно работал с Вильгельмом III; и именно в том же духе он работал с английским герцогом, который довел дело жизни Вильгельма до триумфального завершения. Между Мальборо и Хайнсиусом, как и между Мальборо и Юджином, не было трений — несомненно, убедительная дань искусству и тактичности убеждающей личности.

В июле 1702 года Мальборо во главе 65 000 человек столкнулся с маршалом Буффлерсом и почти такой же численно сильной французской армией, одна перед Неймвегеном, другая в окрестностях Льежа. Оставив отряд в 25 000 голландцев и бранденбуржцев для осады Кайзерсверта, Мальборо искусным маневрированием помешал Буффлерсу предпринять попытку оказать помощь и в двух случаях смог бы нанести ему серьезное поражение, если бы ему каждый раз не[стр.288] не мешала осторожная робость голландских депутатов. Кайзерсверт, однако, пал, а за ним, в свою очередь, Райнберг, Венлоо, Реремонде и Льеж; и кампания завершилась успешно, оставив союзникам контроль над нижним Рейном и Маасом.

События 1703 года были омрачены еще более эффективно, чем в предыдущем году, вмешательством депутатов и плохо скрываемой оппозицией Мальборо со стороны некоторых голландских генералов, особенно из Слангенбурга. Герцог был очень разгневан, и последовали горькие взаимные обвинения. В конце концов Слангенбург был отстранен от командования; и назначение Оуверкерка фельдмаршалом голландских вооруженных сил сняло напряженность, хотя заместители все еще присутствовали в штабе, к большому неудовольствию Мальборо. Результатом кампании стал захват Бонна, Хая и Лимбурга, но общих действий не было.

В 1704 году гений Мальборо наконец-то проявил себя. Французы выставили на поле боя огромные армии, Виллеруа - в Нидерландах, Таллар - в Баварии, где совместно с баварскими войсками он угрожал спуститься по Дунаю в сердце Австрии. Самой большой опасности подверглась Вена. Войска под командованием Людовика Баденского и Евгения были, даже объединившись, намного слабее своих противников. В этих обстоятельствах Мальборо решил смелым стратегическим ходом совершить фланговый марш из Нидерландов прямо через фронт франко-баварской армии и соединиться с империалистами. Ему пришлось обмануть робких голландских депутатов, притворившись, что он спускается по Маасу с намерением обойти Виллеруа с фланга; затем, оставив Оуверкерка сдерживать этого маршала, он предпринял свою дерзкую авантюру в начале мая и осуществил ее с полным успехом. Его уход фактически принес облегчение Нидерландам, поскольку Виллеруа счел необходимым с большей частью своих сил последовать за Мальборо и усилить франко-баварцев под командованием маршала Таллара и курфюрста. Две армии встретились в Бленхейме (Хохштедт) 13 августа. Битва завершилась сокрушительной победой союзников под командованием Мальборо и Юджина. Было взято одиннадцать тысяч пленных, среди них и сам Таллар. Остатки французской армии отступили за Рейн. Вена была спасена, а вся Бавария захвачена империалистами.

Тем временем на море англо-голландский флот имел неоспоримое превосходство над противником; и операции были ограничены [стр.289] непосредственной близостью полуострова. Вильгельм III перед своей смертью готовил экспедицию для захвата Кадиса. Его план был фактически осуществлен в 1702 году, когда мощный флот под верховным командованием адмирала сэра Джорджа Рука отплыл в Кадис; но атака провалилась из-за некомпетентности герцога Ормонда, командовавшего вооруженными силами. В этой экспедиции участвовала сильная голландская эскадра под командованием Филиппа ван Алмонде. Альмонде был способным моряком, прошедшим подготовку в школе Тромпа и Де Рюйтера; и он принял самое достойное участие в боевых действиях у Виго 23 октября, в ходе которых большая часть серебряного флота была захвачена, а франко-испанский флот, составлявший его эскорт, уничтожен. Морские операции 1703 года прошли без происшествий, французский флот был успешно блокирован в гавани Тулона.

Присоединение Португалии в течение этого года к Великому альянсу было важно тем, что оно открыло устье Тежу в качестве военно-морской базы и позволило эрцгерцогу Карлу высадиться с группой войск в сопровождении англо-голландского флота под командованием Рукка и Калленберга. Этому флоту позже в том же году (4 августа) посчастливилось захватить Гибралтар без особых потерь, поскольку оборонительными сооружениями пренебрегли и в них был размещен неадекватный гарнизон. В этом ратном подвиге, который дал англичанам владение скальной крепостью, господствующей над входом в Средиземное море, голландцы под командованием Калленберга внесли достойный вклад, как и в великом морском сражении у Малаги 24 августа против французского флота под командованием графа Тулузского. Французы немного превосходили их численностью, а союзники, которые не пополнили свои запасы после осады Гибралтара, испытывали нехватку боеприпасов. Хотя сражение закончилось вничью, что касается фактических потерь, оно имело решающее значение в своих результатах. Французский флот отступил под прикрытие Тулонской гавани, и господство союзников в срединном море больше никогда за всю войну не подвергалось серьезному сомнению. Голландских кораблей в битве при Малаге было двенадцать, и они храбро сражались, но это было последнее сколько-нибудь важное сражение, в котором принимал участие военно-морской флот Голландии. Между английским и голландским командованием возникли разногласия, и с этого времени адмиралтейства не предпринимали никаких усилий для поддержания своего флота в том боеспособном состоянии, в котором он был оставлен Вильгельмом III. Расходы на армию ложились тяжелым бременем на Голландию, и денег жалели на содержание военно-морского флота,[стр.290] в услугах которого из-за слабости противника не было необходимости.

Военная кампания 1705 года дала незначительные результаты, планы Мальборо по активному наступлению были сорваны голландскими депутатами. Жалобы герцога привели лишь к тому, что одна группа заместителей была заменена другой группой гражданских лиц, столь же непрактичных. Была и другая причина ослабления активности. Император Леопольд I умер 5 мая. У его преемника Иосифа I не было детей, так что эрцгерцог Карл стал законным наследником всех владений австрийских Габсбургов. Поэтому Людовик XIV воспользовался возможностью сделать тайные предложения о мире некоторым из наиболее влиятельных голландских государственных деятелей через маркиза Д'Аллена, в то время находившегося в плену у голландцев. Французы были готовы пойти на многие уступки в обмен на признание Филиппа V королем Испании. Осенью состоялись беседы Хайнсиуса, амстердамского пенсионера, и других лиц с Д'Алленом и Руйе, аккредитованным агентом французского

правительства. Дело зашло так далеко, что Байс отправился в Лондон с секретной миссией обсудить этот вопрос санглийским министром. Английский кабинет, однако, отказался признать Филиппа V; и, поскольку требование голландцев о мощном барьере из крепостей вдоль южной границы Нидерландов было признано в Версале неприемлемым, переговоры подошли к концу.

В 1706 году смелое предложение Мальборо присоединиться к Евгению в Италии и объединенными силами изгнать французов из этой страны и двинуться на Тулон не получило одобрения голландских депутатов. Герцогу после долгих споров и последовавших за ними задержек пришлось довольствоваться кампанией в Бельгии. Она была блестяще проведена. В Белое воскресенье, 23 мая, при Рамийе союзники столкнулись с противником под командованием маршала Виллерауа и курфюрста Баварии. Французы были наголову разбиты с очень тяжелыми потерями; и такова была ярость преследования, что разбитая армия была вынуждена отступить к Куртре, оставив Брабант и Фландрию без защиты. В быстрой последовательности Мальборо сдались Лувен, Антверпен, Гент, Брюгге и другие города, а чуть позже Остенде, Дендермонде, Менин и Ат; и эрцгерцог Карл был признан сувереном большей частью южных Нидерландов. В Италии и Испании дела у союзников также шли хорошо.[стр.291] Эта серия успехов побудила Людовика XIV сделать новые попытки заключить мир с Генеральными штатами, которых французский король надеялся выманить из Большого союза приманкой коммерческих преимуществ как с Испанией, так и с Францией и хорошим "барьером". Он был даже готов уступить корону Испании эрцгерцогу Карлу при условии, что Филипп Анжуйский будет признан сувереном испанских владений в Италии. Хайнсиус, однако, был лоялен английскому союзу; и перед лицом решимости английского правительства не соглашаться ни на какой раздел испанского наследства переговоры снова ни к чему не привели.

В 1707 году судьба изменилась. Австрии угрожало победоносное наступление шведского короля Карла XII через Польшу в Саксонию. Французская армия под командованием Виллара переправилась через Рейн (27 мая) и продвинулась далеко вглубь юго-восточной Германии. Защита своих собственных территорий вынудила нескольких немецких князей оставить свои войска дома вместо того, чтобы посылать их в качестве наемников служить в Нидерландах под командованием Мальборо. Таким образом, герцог обнаружил, что не может атаковать превосходящую французскую армию под Вандомом, и упорно оборонялся. Попытка Евгения при поддержке английского флота захватить Тулон закончилась печальным провалом и отступлением империалистов с большими потерями в Италию. В Испании победа Бервика при Альмансе (27 апреля) сделала Филиппа V повелителем всей Испании, за исключением части Каталонии.

Но, хотя Мальборо был обездвижен в 1707 году, следующая кампания стала свидетелем еще одной его замечательной победы. Во главе смешанных сил численностью в 80 000 человек он ожидал прибытия Эжена с империалистической армией численностью в 35 000 человек, когда Вандом неожиданно перешел в наступление, хотя у него все еще было численное превосходство над своим английским противником. Быстро захватив западную Фландрию, он овладел Брюгге и Гентом и осадил Ауденарде. Серией блестящих маневров Мальборо опередил своего противника и, расположив свою армию между ним и французской границей, вынудил его рискнуть вступить в генеральное сражение. Это произошло 11 июля 1708 года и закончилось полным поражением французов, которых только темнота спасла от полного уничтожения. Если

бы смелый план Мальборо немедленно отправиться во Францию был осуществлен, был бы нанесен смертельный удар по[стр.292] самым жизненно важным элементам вражеской мощи, и Людовик XIV, вероятно, был бы вынужден просить мира на условиях союзников. Но на этот раз не только голландские депутаты, но и Эжен выступили против дерзкой затеи, и было решено, что Эжен должен осадить Лилль, в то время как Мальборо с полевой армией прикрывал операции. Лилль был сильно укреплен, и маршал Буффлерс доблестно оборонялся. Осада началась в середине августа; город сдался 22 октября, но цитадель пала только 9 декабря. Вандом сделал все возможное, чтобы перекрыть Евгению поставки боеприпасов и припасов, и в какой-то момент осаждающие оказались в проливе. Французский маршал, однако, не рискнул вступать в бой с прикрывающей армией Мальборо, часть которой под командованием генерала Уэбба, одержав сокрушительную победу над французскими войсками при Винендале (30 сентября), в критический момент доставила большой обоз с припасами из Остенде в лагерь Юджина. В результате захвата Лилля французы отступили из Фландрии на свою собственную территорию, Гент и Брюгге были вновь оккупированы союзниками при простой демонстрации сопротивления.

Неудачи 1708 года побудили французского короля быть готовым на многое ради мира. Он предложил голландцам прочный барьер, благоприятный торговый договор и разрушение оборонительных сооружений Дюнкерка; и в Голландии было много таких, кто принял бы его условия. Но их английские и австрийские союзники настаивали на восстановлении немецких завоеваний Людовика и на том, что король должен, при необходимости, силой заставить своего внука покинуть Испанию. Франция была так истощена, что Людовик согласился бы почти на любые условия, какими бы суровыми они ни были, но он категорически отказался применять принуждение против Филиппа V. Переговоры продолжались всю весну и не прерывались до июня 1709 года, когда непомерные требования союзников сделали дальнейший прогресс невозможным. Людовик издал манифест, призывающий своих подданных поддержать его в сопротивлении условиям, которые позорили Францию.

Он встретил блестящий отклик у всех классов, и прекрасная армия в 90 000 человек была снаряжена и выдвинута на поле боя под командованием маршала Виллара. Длительная задержка переговоров помешала Мальборо и Юджину выйти на поле до июня. Они обнаружили, что Виллар тем временем укрепился в Артуа на очень сильной позиции. Предложению Мальборо наступать вдоль морского побережья и обойти противника с фланга противостоят оба[стр.293] Юджин и голландские депутаты, как слишком смелые, осадили Турне. Кампании в те дни были делом затяжным. Турне был взят только 3 сентября, и союзники, преодолев это препятствие без какого-либо активного вмешательства, двинулись вперед, чтобы осадить Монс. Они обнаружили Виллара, расположившегося у Мальплаке на узком участке фронта, искусно укрепленном и защищенном с обоих флангов лесом. Последовала ужасная битва (11 сентября 1709 г.), самая кровопролитная в войне. Голландские войска, храбро возглавляемые принцем Оранским, атаковали правый фланг французов, но были отбиты с очень тяжелыми потерями. Некоторое время исход сражения слева и в центре французской линии был нерешительным, атакующие колонны много раз отбрасывались назад, но, наконец, союзникам удалось повернуть крайний левый фланг, а также после ужасающей резни прорваться в центр; и французы были вынуждены отступить. Они потеряли 12 000 человек, но 23 000 союзников пали; голландские дивизии пострадали сильнее всего, потеряв почти половину своей численности. Непосредственным результатом этой с таким трудом добытой победы стало взятие Монса 9 октября. Конец сезона помешал каким-либо дальнейшим операциям. Ничего решающего

достигнуто не было, поскольку на всех других направлениях боевых действий, на Рейне, на границе с Пьемонтом и в Испании, преимущество в целом было на стороне французов и испанцев. Переговоры продолжались зимой (1709-10), голландские и французские представители встречались как в Гааге, так и в Гертруйденберге. Штаты стремились к миру, и Людовик был готов пойти на требуемые от него уступки, но Филипп V отказался отказаться от короны, которая принадлежала ему при практически единодушном одобрении испанского народа. Император, с другой стороны, упорно претендовал на безраздельное испанское наследство эрцгерцога Карла. Морские державы, однако, не поддержали бы его в этом требовании; и морские державы имели в виду Англию, поскольку Голландия последовала ее примеру, будучи полностью удовлетворенной условиями Первого барьерного договора, который был составлен и согласован между Генеральными штатами и английским правительством 29 октября 1709 года. По этому секретному договору голландцы получили право удерживать и размещать гарнизоны в ряде городов вдоль французской границы, овладение которыми сделало бы их настоящими хозяевами Бельгии. Действительно, было очевидно, что, хотя голландцы не оспаривали суверенные права эрцгерцога Карла, они намеревались сделать южные Нидерланды[стр.294] экономической зависимостью Республики, которая обеспечивала ее оборону.

Переговоры в Гертруйденберге затянулись до июля 1710 года и были окончательно прерваны из-за настояний голландских посланников Байса и Ван Дуссена на условиях, на которые Франция, даже в своем измученном состоянии, была слишком горда, чтобы уступить. Тем временем Мальборо и Юджин, не сумев склонить Виллара рискнуть на битву, удовлетворились чередой осад. Дуэ, Бетюн, Сен-Венан и Айне пали один за другим, французская армия несла вахту за своими сильно укрепленными линиями. Это был очень скромный результат, но Мальборо теперь чувствовал, что его положение настолько ненадежно, что он не осмеливался рисковать. Его жена, столь долго всемогущая при дворе, была смещена в пользу королевы; Годольфин и партия вигов были отстранены от власти; их место заняло министерство тори, стремившееся к миру. Мальборо знал, что период его диктатуры подошел к концу, и он бы подал в отставку, если бы не настоятельные призывы Юджина, Хайнсиуса и других лидеров союзников.

Желание министерства Тори положить конец затянувшимся военным действиям было усилено смертью 17 апреля 1711 года императора Иосифа, событие, которое оставило его брата Чарльза наследником всех владений австрийских Габсбургов. Был сформирован Великий альянс, и война велась для поддержания баланса сил в Европе. Но такой результат не был бы достигнут возрождением империи Карла V в лице человека, который теперь стал главой Австрийского дома. Даже если бы виги остались у власти, они вряд ли смогли бы продолжать оказывать активную поддержку делу габсбургского претендента в Испании.

Таким образом, одним из последствий смерти Джозефа I стало то, что министр-консерватор Генри Сент-Джон стал еще больше стремиться вступить в переговоры о мире; другим стало парализирование активных операций на местах. Юджин был вызван в Германию, чтобы присутствовать на заседании имперского сейма во Франкфурте, и Мальборо остался с армией, значительно уступавшей по численности армии его противника Виллара. Таким образом, единственным плодом кампании стал захват Бушена. Тем временем французский министр Торси вступил в секретные переговоры с Сент-Джоном, намекая, что Франция готова вести прямые переговоры с Англией, но сначала[стр.295] без ведома Штатов. Английское

министерство, со своей стороны, под влиянием Сент-Джона показало, что готово бросить своих союзников, отказаться от дела Габсбургов в Испании и прийти к соглашению с Францией на выгодных для Англии условиях. Для французской дипломатии, всегда бдительной и искусной, эти действия были вполне законными; но едва ли было почетно для английского правительства вести эти переговоры в глубокой тайне, пока еще существовал Большой альянс.

В августе дела продвинулись так далеко, что Меснагер был отправлен из Парижа в Лондон с конкретными предложениями. В октябре предварительные условия мира были практически улажены между двумя державами. Тем временем голландцы были проинформированы через лорда Страффорда, английского посланника в Гааге, о том, что происходит; и эти новости вызвали немалое возмущение и тревогу. Но на них было оказано сильное давление; и, зная, что без Англии они не смогут продолжать войну, Генеральные штаты, наконец, опасаясь за свои барьеры, согласились 21 ноября направить послов на мирный конгресс, который должен был состояться в Утрехте на основе англо-французских предварительных условий. Напрасно император Карл VI протестовал как в Лондоне, так и в Гааге, или что Евгений был отправлен со специальной миссией в Англию в январе 1712 года. Английское министерство решило заключить мир с согласия императора или без него, и конгресс открылся в начале 1712 года без присутствия каких-либо австрийских полномочных представителей, хотя они появились позже. Голландские провинции прислали по два посланника в каждую. Конференции в Утрехте были, однако, немногим более чем бесполезными дебатами; и конгресс был проведен там скорее как уступка для сохранения *amour propre* Штатов, чем для согласования условий мира. Настоящие переговоры между Англией и Францией велись тайно; и после личного визита Сент-Джона, ныне виконта Болингброка, в Париж в августе, все разногласия между двумя правительствами были мирно урегулированы. Испания последовала примеру Франции; и Штаты, зная, что они не смогут продолжать войну без Англии, были неохотно вынуждены принять англо-французские предложения. Их согласие, возможно, было бы не так легко получить, если бы не неудачный ход кампании 1712 года. Мальборо теперь был заменен в главном командовании герцогом Ормондом. Эжен, рассчитывая на поддержку Англии, 4 июля взял Кенуа и [стр.296] собирался вложить Ландреси, когда Ормонд сообщил ему, что между французским и английским правительствами заключено перемирие. 16 июля английский контингент отступил в Дюнкерк, который был сдан французами в качестве залога доброй воли. Виллар воспользовался возможностью совершить неожиданную атаку на изолированных голландцев у моста Денен (24 июля) и, вызвав панику, полностью уничтожил все их силы в 12 000 человек с небольшими потерями для себя. Эжену пришлось отступить, бросив свои склады; и Дуэ, Кенуа и Бушен попали в руки французского маршала.

Эти бедствия убедили голландцев в их беспомощности, когда они были лишены английской помощи; и 29 декабря их посланникам в Утрехте были даны инструкции дать свое согласие на условия, согласованные и фактически продиктованные правительствами Англии и Франции. Воспользовавшись ситуацией наилучшим образом, голландские государственные деятели, столкнувшись с растущим самоутверждением французских полномочных представителей, заключили 30 января 1713 года новый наступательный и оборонительный союз с Англией. Этот союзный договор обычно называют Вторым барьерным договором, потому что он отменял Барьерный договор 1709 года и был гораздо более благоприятным для Франции. Только после того, как все эти более или менее секретные переговоры были закончены, Конгресс, прерванный на несколько месяцев, возобновил свои заседания в Утрехте. Последовавший за этим Утрехтский мир на самом деле является неправильным названием. Не было согласовано и

подписано никакого общего договора, а был заключен ряд отдельных договоров между воюющими державами. Это было то, чего Франция желала в течение некоторого времени, и при попустительстве Англии она этого добилась. Мирный договор между этими двумя странами был подписан 11 апреля 1713 года; и доминирующее положение Англии было таково, что ее союзникам, за единственным исключением императора, пришлось последовать ее примеру. В этот же день были подписаны договоры с Генеральными штатами, с Савойей, Бранденбургом и Португалией.

Людовик XIV имел полное право поздравить себя с получением гораздо более благоприятных условий, чем он смел надеяться в 1710 или 1711 году. Филипп V был признан королем Испании и Индии, но ему пришлось торжественно отказаться от своего права наследования французского престола и своих притязаний на испанские владения в Нидерландах и Италии. Мирный договор между Англией и Испанией был подписан 13 июля 1713 года; подписание договора между Генеральными штатами и Испанией было отложено до 26 июня 1714 года из-за трудностей[стр.297], возникших из-за императора, который, хотя и был покинут своими союзниками, продолжал войну в одиночку, но без заметного успеха. Он был вынужден уступить и заключить мир в Раштатте по договору, который был подтвержден имперским сеймом в Бадене в Швейцарии 7 сентября 1714 года. По этому договору французский король сохранил практически все свои завоевания, в то время как Карл VI, хотя и не признавал титула Филиппа V, удовлетворился приобретением "испанских" Нидерландов, а также Милана и Неаполя. В подробности этих нескольких договоров здесь нет необходимости вдаваться, за исключением того, что они затрагивали Соединенные провинции. Державой, которая выиграла больше, чем любая другая, была Великобритания, поскольку Утрехтский мир заложил фундамент ее колониальной империи и с этого времени сделал ее первой военно-морской державой в мире. Голландия, хотя ее торговля по-прежнему была велика, а колониальные владения богаты и обширны, отныне все больше и больше оказывалась в тени своего бывшего соперника и находилась под его властью. Тем не менее договоры, заключенные Генеральными штатами в то время, были явно выгодны Республике.

Соглашение с Францией, подписанное 11 апреля 1713 года, передавало испанские Нидерланды во владение Генеральных штатов, которые должны были находиться в их доверительном управлении для Карла VI до тех пор, пока император не придет к соглашению с ними о "Барьере". Франция в этом вопросе действовала от имени Испании и была посредником, благодаря добрым услугам которого Испания или Верхний Гелдерланд были переданы Пруссии. Самым важным из всех для голландцев был мирный договор с императором, заключенный в Антверпене 15 ноября 1715 года. Обычно это называется Договором о третьем барьере, первым из которых является договор 1709 года, вторым - Утрехтский договор 1713 года. Генеральные штаты, наконец, добились того, что было в их интересах, полностью удовлетворительным урегулированием. Они получили право разместить гарнизоны общей численностью до 35 000 человек в Фурнесе, Варнете, Ипре, Кноке, Турне, Менине и Намюре; и три пятых расходов должно было покрыть австрийское правительство, которое пообещало голландцам для этой цели определенные доходы от своих недавно приобретенных бельгийских провинций. Прочное положение, в которое такой договор ставил Республику перед агрессией либо со стороны Франции, либо Австрии, было усилено благодаря гарантиям британского правительства.

ГЛАВА XXI

РЕСПУБЛИКА БЕЗ ШТАТГАЛЬТЕРОВ, 1715-1740

Тридцать четыре года, последовавшие за Утрехтским миром, - это период упадка; удручающий период, демонстрирующий зрелище государства, сыгравшего героическую роль в истории, опускающегося из-за отсутствия вдохновляющего руководства и вопиющих недостатков, присущих его системе правления, до положения третьеразрядной державы. Командирские способности крупных штатгальтеров дома Оранских-Нассау и в период отсутствия штатгальтеров, последовавший за безвременной кончиной Вильгельма II, способности члена совета-пенсионария Джона де Витта придавали видимость солидарности тому, что на самом деле было свободной конфедерацией суверенных провинций. На протяжении всего XVII века морские предприятия, военно-морская доблесть и мировая торговля, благодаря умелой дипломатии и мудрой государственной мудрости, в совокупности придавали Голландской Республике вес в совете наций, совершенно непропорциональный ее размерам и численности населения. В достопамятный период правления Фридриха Генриха были заложены основы заморской империи; голландские моряки и торговцы проникли во все океаны и почти монополизировали транспортную торговлю в Европе; и в то же время Голландия стала избранной родиной учености, науки, литературы и искусства. В великие дни Джона де Витта она на равных боролась с Англией за господство на морях, а Амстердам был финансовой расчетной палатой мира. Вильгельму III Республика была обязана своим спасением от разрушения в критические времена подавляющего французского вторжения в 1672 году, когда благодаря решительному и героическому руководству он не только спас Соединенные провинции от французского господства, но и перед своей смертью возвел их в ранг великой державы. Никогда престиж Государств в Европе не был так высок, как в начале 18 века. Но, как уже указывалось, восшествие великого штатгальтера на английский престол было далеко не безусловным благословением для его родной страны. Это привело к заключению тесного союза между двумя морскими и торговыми соперниками, что поставило меньшую[стр.299] и менее привилегированную страну в невыгодное положение и закончилось тем, что более слабый член альянса становился все более и более зависимым от более сильного. Как развивались бы события, если бы Уильям прожил еще десять или пятнадцать лет или если бы он оставил

наследника, который сменил бы его на высоком посту, можно только догадываться. По крайней мере, можно с уверенностью сказать, что мирный договор, положивший конец войне за испанское наследство, не был бы Утрехтским мирным договором.

Вильгельм III своим завещанием сделал своим наследником своего двоюродного брата Джона Уильяма Фризо из Нассау-Зигена. Фризо (несмотря на противодействие прусского короля, который был сыном старшей дочери Фридриха Генриха) принял титул принца Оранского; и, поскольку он был настоящим нидерландцем, а его ветвь дома Нассау постоянно владела Фрисландией с первых дней существования Республики, он вскоре привлек к себе внимание оранжистской партии. Но на момент смерти Вильгельма III Фризо было всего четырнадцать лет; и старые "Штаты", или "республиканская" партия, которая в течение стольких лет боялась предпринимать какие-либо попытки серьезного противодействия властной воле короля Вильгельма, теперь увидели возможность еще раз вернуться к положению вещей, установленному Великим Собранием в 1651 году. Под руководством Голландии пять провинций теперь провозгласили бессарабское правительство. Назначение членов городских советов перешло в руки корпораций или провинциальных поместий, что, однако, не обошлось без серьезных беспорядков в Гелдерланде, Утрехте, Оверисселе, а также в Зеландии, вызванных частично старыми семьями регентов, которые были отстранены от должности при Вильгельме, частично гильдиями и рабочими, которые тщетно надеялись, что смогут получить большую долю в правительстве. Во многих местах вспыхивали межфракционные стычки. В Амерсфорте судили двух бюргеров, которые были обезглавлены; в Неймвегене та же участь постигла бургомистра Ронкенса. Но через короткое время партия аристократических государств повсюду получила контроль над городскими корпорациями, а через них и над провинциальными поместьями. В Зеландии звание "первого дворянина" было отменено.

Результатом всего этого стало то, что децентрализация достигла своей крайней точки. Существовало не только семь республик, но и каждый город отстаивал суверенные права, порой бросая вызов авторитету большинства провинциальных сословий. Это было особенно заметно в преобладающей [стр.300] провинции Голландия, где город Амстердам благодаря своему богатству и значимости смог диктовать свою волю Сословиям, а через Сословия - Генеральным штатам. Зарабатывание денег и торговая прибыль были вопросами, которые интересовали всех. Война мешала торговле; она была дорогостоящей, и ее следовало избегать любой ценой. В течение этого времени политикой Республики был нейтралитет, и Генеральные штаты с их армией и флотом, численность и боеспособность которых все больше и больше сокращались, едва ли учитывались в расчетах кабинетов министров Европы.

Но именно это время, ознаменовавшееся упадком Республики с того высокого положения, которое она занимала на протяжении большей части 17 века, было золотым веком бюргерской олигархии. Надменный класс "патрициев", состоящий в каждом населенном пункте из очень ограниченного числа семей, тесно связанных между собой, мало-помалу овладел, по наследственному праву, всеми должностями и достоинствами в городе, провинции и государстве. В своем собственном городе они царили безраздельно, заполняя вакансии *вовроедшапе* путем кооптации, осуществляя всю полноту власти, занимая или распределяя между своими родственниками все прибыльные должности и приобретая огромное богатство. Их сограждане были отстранены от всякого участия в делах и на них смотрели свысока, как на представителей низшей касты. Они отказались от старых простых привычек своих предков. Среди них были в моде французская мода и манеры, а также английская одежда, мебель и еда.

В сельской местности — *платтленде*— люди вообще не имели права голоса в государственных делах; они даже не были представлены, как обычные горожане, своими регентами. Таким образом, Объединенные Нидерланды не только перестали быть единым государством в каком-либо реальном смысле этого слова, но и перестали быть свободным государством. Она состояла из большого числа полунезависимых олигархий самого узкого профиля, и огромная масса ее населения была лишена всякого намека на гражданские права.

То, что такое государство вообще должно было выжить, объясняется тем фактом, что реальный контроль над внешней политикой Республики и над ее общим управлением продолжала осуществлять группа опытных государственных деятелей, служивших при Вильгельме III и унаследовавших его традиции. Хайнсиус, мудрый и рассудительный член совета-пенсинария, оставался на своем посту до своей смерти 3 августа 1720 года, когда его сменил Исаак ван Хорнбек, пенсинарий Роттердама. Хорнбек не был выдающимся человеком,[стр.301] но он был здоров и в безопасности, и рядом с ним были Симон ван Слингеландт, секретарь Государственного совета с 1690 года, и другие, чей опыт работы на государственных должностях датировался предыдущим столетием. В их руках внешняя политика Республики, проводимая без недостатка мастерства, по необходимости не предусматривала вмешательства. Во внутренних делах они мало что могли сделать. Финансы после войны находились в почти безнадежном состоянии, и снова и снова государству угрожало банкротство. Что еще хуже, в период 1716-1720 годов эпидемия диких спекуляций распространилась повсюду в компаниях-пузырях, Миссисипской компании и Компании Южных морей, связанных с именем Эдварда Лоу, которая оказалась столь разорительной для многих в Англии и Франции, а также в Голландии. В 1716 году состояние страны было настолько плачевным, что сословия Оверисселя под руководством графа ван Рехтерена предложили созвать Большое Собрание по образцу Собрания 1651 года для рассмотрения всего вопроса о правительстве и финансах. В конечном счете это предложение было принято, и Ассамблея собралась в Гааге 28 ноября. После девяти месяцев безрезультатных дебатов и пререканий оно, наконец, подошло к концу 14 сентября 1717 года, ничего не добившись, оставив в отчаянии всех, кто заботился о высших интересах государства.

В годы, последовавшие сразу за Утрехтским миром, возникли трудности с королем Швеции Карлом XII, каперы которого захватывали голландские и английские торговые суда на Балтике. При Де Витте или Вильгельме III флот Республики быстро образумил бы шведского короля. Но теперь возобладали другие советы. Голландские эскадры отправились в Балтийское море с инструкциями конвоировать торговые суда, но избегать военных действий. С некоторым трудом эта цель была достигнута, и смерть Карла при осаде Фредериксхальда положила конец всем военным опасностям. И все же в самих интересах торговли для Штатов было бы хорошей политикой действовать решительно в вопросе шведского пиратства на Балтике. Россия была растущей державой в этих регионах. Голландцам действительно нечего было бояться Швеции, чьи великие дни подошли к концу с сокрушительным поражением Карла XII при Пултове в 1709 году. Торговые отношения были установлены между Голландией и Москвией еще в конце 16 века; и, несмотря на соперничество Англии, выход из России и российская торговля почти полностью находились в руках голландцев в течение 17 века. [стр.302] Отношения между двумя странами стали намного теснее и важнее после восшествия на престол предприимчивого и реформаторского царя Петра Великого. Хорошо известно, как Петр в 1696 году посетил Голландию, чтобы научиться искусству кораблестроения, и сам трудился рабочим в Заандаме. В результате этого визита он привез с собой в Россию восхищение всем голландским. Он не

только поощрял голландскую торговлю, но и нанял большое количество голландцев для строительства и тренировки своего флота, а также для строительства водных путей и дорог. В 1716-17 годах Петр снова провел значительное время в Голландии. Тем не менее голландская политика снова стала робкой и осторожной; и никакого реального союза с Россией заключено не было из-за боязни осложнений, хотя возможность казалась такой благоприятной.

То же самое было, когда в 1717 году кардинал Альберони по наущению Елизаветы Пармской, амбициозной второй жены Филиппа V, попытался вернуть утраченные Испанией владения в Италии с помощью агрессивной политики, которая угрожала втянуть Европу в войну. Целью Елизаветы было добиться независимого правления для своих сыновей в ее родной стране. Австрия, Франция и Англия объединились, чтобы противостоять этой попытке отменить Утрехтское урегулирование, и штаты были вынуждены объединиться с ними в четверной союз. Однако у них не было намерения принимать какое-либо активное участие в военных действиях, которые быстро образумили Испанию и привели к падению Альберони. Но испанская королева не отказалась от своих замыслов и нашла другой инструмент для их осуществления в лице Рипперды, дворянина из Гронингена, который первоначально отправился в Испанию в качестве посла Штатов. Этот способный и коварный государственный деятель убедил Елизавету, что лучше всего она сможет достичь своих целей, заключив союз с Австрией, который фактически был заключен в Вене 1 апреля 1725 года. Этот союз встревожил Францию, Англию и Пруссию, но был особенно неприятен Республике, поскольку император в 1722 году учредил Ост-Индскую компанию в Остенде, несмотря на запрет, наложенный Голландией и Испанией в договорах 1714-15 годов на заморскую торговлю Бельгии. По Союзному договору 1725 года испанская корона признала Остендскую компанию и таким образом дала ей юридическую санкцию. Поэтому Штаты, после некоторых колебаний, стали участниками оборонительного союза против Австрии и Испании, который был подписан Францией, Англией и Пруссией в Ганновере в сентябре 1728 года. Эти объединения держав не были продолжительными. Император, опасаясь вторжения в бельгийские провинции, [стр.303] сначала согласился приостановить деятельность Остендской компании на семь лет, а затем, чтобы заручиться согласием морских держав на Прагматическую санкцию, которая гарантировала его дочери Марии Терезии наследование австрийских наследственных владений, он порвал с Испанией и согласился полностью упразднить Остендскую компанию. Переговоры, которые происходили в это время, были очень сложными, но они завершились возрождением старого союза между Австрией и морскими державами против двух монархий Бурбонов - Франции и Испании. Это возвращение к старой политике Вильгельма III было в значительной степени заслугой Слингеландта, который стал советником-пенсинарием 27 июля 1727 года.

Симон ван Слингеландт при умелой помощи своего шурина Фрэнсиса Фагеля, секретаря Генеральных штатов, в течение девяти лет, в течение которых он руководил внешней политикой Республики, считался одним из самых мудрых и заслуживающих доверия, поскольку он был самым опытным государственным деятелем своего времени. Его целью было в сотрудничестве с Англией поддерживать примирительными и мирными методами баланс сил. Лорд Честерфилд, в то время британский посланник в Гааге, был самого высокого мнения о полномочиях Слингеландта; и труды советника-пенсинария, особенно его *Беспристрастные* суждения, опубликованные в 1729 году, показывают, насколько глубоко он разбирался в политической ситуации. К счастью, самые влиятельные министры Англии и Франции, Роберт Уолпол и кардинал Флери, были единомышленниками с ним в том, что они искренне стремились к миру. Венский мирный договор (18 марта 1731 г.), который обеспечил признание державами

Прагматической санкции, был в значительной степени его работой; и ему также удалось предотвратить решение вопроса о польском наследстве после смерти Августа Саксонского в 1733 году, что стало причиной начала европейской войны. Во внутренней политике Слингеландт, хотя и был глубоко недоволен состоянием Республики, не предпринимал никаких шагов по изменению формы правления. Он достаточно ясно видел недостатки системы, в которой не было штатгальтеров, но у него не было, подобно Фейджелу, сильных симпатий к оранжистам; и при своем назначении муниципальным пенсионером он пообещал себе поддерживать во время своего пребывания на этом посту существующее положение вещей. Это начинание он преданно выполнил, и только его сильная личность при жизни спасла Голландию, а через Голландию и всю Республику, от полного разорения и катастрофы. После своей смерти Энтони ван дер Хейм стал советником-пенсионарием на тех же[стр.304] условиях, что и его предшественник. Но Ван дер Хейм, хотя и был способным и трудолюбивым чиновником, не был такого калибра, как Слингеландт. Узкие и алчные бюргеры-регенты прочно захватили власть и использовали ее для подавления прав своих сограждан и удержания в своих руках контроля над муниципальными и провинциальными делами. Повсюду царила коррупция; и патрицианская олигархия, сохраняя за собой и своими родственниками все прибыльные учреждения, разбогатела в то самое время, когда финансы государства пришли в еще большее замешательство. Это было не то состояние вещей, которое могло бы сохраниться, если бы возник какой-либо серьезный кризис.

Джон Уильям Фрисо, на которого возлагались большие надежды, безвременно скончался в 1711 году, оставив посмертного ребенка, который стал Вильгельмом IV, принцем Оранским. Верная Фрисландия немедленно избрала Вильгельма штатгальтером под регентством его матери, Марии Луизы Гессен-Кассельской. Благодаря ее попечительству мальчик получил образование, которое подготовило его к государственной службе. Несмотря на слабое телосложение и небольшую деформацию, Уильям обладал заметным умом и очень мягким и незлобивым нравом. Несмотря на храбрость, как и вся его семья, он не имел особой склонности к военному делу. Республиканской партии было нечего опасаться человека с таким характером и предрасположенностью. Бюргеры-регенты, уверенно владевшие властью, знали, что фризский штатгальтер вряд ли прибегнет ни к насилию, ни к интригам, чтобы спровоцировать революцию. Тем не менее престиж имени в условиях преобладающего недовольства имел большое значение. Вильгельм был избран штатгальтером Гронингена в 1718 году, Дренте и Гелдерланда в 1722 году, хотя в каждом случае с определенными ограничениями. Но другие провинции упорно отказывались допустить его на какое-либо место в своих советах или на какой-либо военный пост. Поместья Зеландии зашли так далеко, что упразднили маркизат Флашинг и Вире, который нес с собой звание первого дворянина и председательство на собраниях Сословий, и предложили выплатить 100 000 фл. в качестве компенсации наследнику Нассау. Уильям отказался принять его, заявив, что либо маркизат ему не принадлежит, и в этом случае он не может принять за него деньги, либо он действительно принадлежал ему и не был выставлен на продажу. Положение Уильяма укрепилось после его женитьбы в 1734 году на Анне, старшей дочери Георга II. Таким образом, принцесса Англии в третий раз стала принцессой Оранской. Прием молодоженов в Амстердаме и Гааге был, однако, прохладным, хотя и вежливым;[стр.305] и, несмотря на представителей Гелдерланда, которые настаивали на том, что падающий кредит и плохое состояние Республики требуют назначения "выдающегося главы", Голландия, Утрехт, Зеландия и Овериссель оставались непреклонными в своем отказе изменить форму правления. Уильяму пришлось довольствоваться той мерой власти, которую он

получил, и ждать развития событий. Он проявил много терпения, поскольку ему приходилось мириться со многими оскорблениями и отпорами. Его сторонники призывали бы его к более решительным действиям, но он упорно отказывался это делать.

Тем временем Республика продолжала дрейфовать по нисходящему пути. Его внешняя политика находилась в безвольных руках; процветала безработица; торговля и промышленность пришли в упадок; дивиденды Ост-Индской компании падали год от года из-за некомпетентности и жадности чиновников, назначенных влиянием семьи; Вест-Индская компания была практически банкротом. Таково было состояние страны в 1740 году, когда начало войны за австрийское наследство застало Республику без руководства, безнадежно не решившей, какой курс действий ей следует предпринять, и лишь стремящейся уклониться от своих обязанностей.

[стр.306]

ГЛАВА XXII

ВОЙНА ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО. ВИЛЬГЕЛЬМ IV, 1740-1751

Смерть императора Карла VI в октябре 1740 года стала сигналом к началу еще одной европейской войны. Все усилия Чарльза во имя Прагматической санкции оказались напрасным трудом. Великобритания, Соединенные провинции, Испания, Саксония, Польша, Россия, Сардиния, Пруссия, большинство небольших германских государств и, наконец, Франция согласились поддержать (1738 г.) Прагматическую санкцию. Согласие Испании было куплено уступкой двух Сицилий; Франции - уступкой Лотарингии, герцог которой Франциск Стефан женился на Марии Терезии и получил компенсацию от Великого герцогства Тосканского за потерю своих наследственных владений. Единственным важным несогласным был Карл Альберт, курфюрст Баварии, который женился на младшей дочери Иосифа I и который претендовал на престолонаследие не только через свою жену, но и как ближайший потомок Фердинанда I. Таким образом, после смерти Карла VI можно было бы предположить, что Мария Терезия унаследовала бы свое наследство без сопротивления. Это было далеко не так.

Курфюрст Баварии выдвинул свои требования и неожиданно нашел поддержку у Фридриха II Прусского. Фридрих только что наследовал своему отцу Фридриху Вильгельму I, и, будучи одновременно амбициозным и без зазрения совести, он решил воспользоваться случаем с целью территориальной агрессии. Усыпляя подозрения Вены дружескими заверениями, он внезапно, в декабре 1740 года, вторгся в Силезию. Мария Терезия обратилась к гарантам Прагматической санкции. Она не встретила активного отклика, но со стороны Испании, Сардинии и Франции проявила завуалированную враждебность. Великобритания, находившаяся в состоянии войны с Испанией с 1739 года и опасавшаяся вмешательства Франции, ограничивала свои усилия дипломатией; и единственной заботой Соединенных Провинций было избежать втягивания в войну. Армия была увеличена на 11 000 человек, а затем, в 1741 году, из-за страха нападения на австрийские Нидерланды, было проголосовано за дальнейшее увеличение на 20 000 человек. Были усилены гарнизоны[стр.307] и укрепления заградительных городов, а также некоторое пополнение военно-морского флота. Но политика Штатов продолжала оставаться нерешительной и малодушной. Республиканская партия, державшая в руках бразды правления, желавшая мира любой ценой, прежде всего стремилась быть в хороших отношениях с Францией. Оранжевистская оппозиция выступала за объединение с Англией в поддержку Марии Терезии; но принц не предпринимал никаких шагов для самоутверждения, а его сторонники, лишённые руководства, не могли оказывать большого влияния. Не получили они особой поддержки и от Англии, где Уолпол по-прежнему придерживался мирной политики.

Однако события 1741 года были таковы, что вынудили изменить отношение. Пруссак овладели Силезией; и грабеж, начавшийся так успешно, стал заразительным. Престарелый Флери был больше не в состоянии сдерживать военную партию во Франции. В мае в Нимфенбурге Франция, Испания, Сардиния, Саксония и Польша совместно с Пруссией и Баварией создали лигу для свержения Марии Терезии и раздела между ними ее наследства. Сопротивление казалось безнадежным. Франко-баварская армия проникла в нескольких милях от Вены, а затем захватила Богемию. Карл Альберт был коронован королем Богемии в Праге, а затем (январь 1742 г.) был избран императором под титулом Карла VII.

Однако до того, как состоялись эти выборы, благодаря Кляйн-Шнеллендорфской конвенции при посредничестве Англии удалось добиться приостановки военных действий (9 октября) между Австрией и Пруссией. Это оставило Фридриха во владении Силезии, но позволило королеве Венгрии, поддерживаемой английскими и голландскими субсидиями, не только очистить Богемию от ее захватчиков, но и завоевать Баварию. В то самое время, когда Карл Альберт был избран императором, его собственная столица была оккупирована его врагами. В феврале 1742 года долгое министерство Уолпола подошло к концу, и к власти пришла партия, выступавшая за более активное участие в войне. Георг II теперь был всерьез встревожен за безопасность своих ганноверских владений, и лорд Стэйр был направлен в Гаагу со специальной миссией, чтобы призвать Штаты определенно встать на сторону Марии Терезии. Но опасения по поводу французского нападения на южные Нидерланды все еще приводили к тому, что робкие советы возобладали. Французский посол Де Фенелон, со своей стороны, был щедр на туманные обещания, не лишённые завуалированных угроз, так что слабые руководители[стр.308] голландской политики, разрываясь между своим долгом перед договорными обязательствами, на которые их настояла Англия, и своим страхом перед военной мощью Франции, беспомощно решили придерживаться нейтралитета как можно дольше. Но события оказались слишком сильными для них. Не спрашивая их разрешения, английские войска численностью 16 000

человек высадились в Остенде и были отправлены для усиления гарнизона барьерных крепостей (май 1742 г.). Военные действия этого года в целом были благоприятны для Марии Терезии, которая при посредничестве Англии, во многом против своей воли, добилась мира с Пруссией путем уступки Силезии. Мирный договор между двумя державами был подписан в Берлине 28 июля. Военные действия с Францией продолжались; но, хотя обе Морские державы помогали Австрии субсидиями, ни Великобритания, ни Штаты к концу года официально не находились в состоянии войны с французским королем.

Такое состояние ненадежного притворства не могло продолжаться долго. Австрийцы были обеспокоены тем, что английские силы в Нидерландах, которые были усилены и были известны как *Прагматичная армия*, должны были продвинуться в Баварию для сотрудничества с имперскими войсками. Соответственно, армия, которой лично командовал Георг II, двинулась через Майн к Деттингену. Здесь король, окруженный французскими войсками и отрезанный от своих припасов, был спасен из очень трудного положения доблестью своих войск, которые 27 июня 1743 года атаковали и полностью разгромили своих противников. Генеральные штаты уже 22 июня признали свою ответственность; и большинством голосов было решено, что 20 000 человек под командованием графа Мориса Нассау-Оувеккеркского должны присоединиться к *Прагматичной армии*.

Выдумка о том, что Морские державы не находились в состоянии войны с Францией, сохранялась до весны 1744 года, когда французский король в союзе с Испанией объявил войну Англии. Одним из проектов партии войны в Версале была отправка мощной экспедиции для вторжения в Англию и восстановления власти Стюартов. Как только известие о приготовлениях достигло Англии, немедленно было выдвинуто требование, в соответствии с договором, о военно-морской помощи от Штатов. Было запрошено двадцать кораблей, но только восемь были в состоянии выйти в море; а командовавшему ими адмиралу Грейву было 73 года, и он уже пятнадцать лет находился в отставке. Какой наглядный урок полного упадка голландской военно-морской мощи! К счастью, шторм рассеял французский флот, и услуги вспомогательной эскадры не потребовались.[стр.309]

Известие о том, что маршал Морис де Саксен собирается вторгнуться в Австрийские Нидерланды с французской армией численностью 80 000 человек, стало настоящим шоком для партии мира в Штатах. Воспоминание о 1672 году наполнило их ужасом. Больше нельзя было сохранять видимость нейтралитета. Выбор лежал между миром любой ценой или войной со всеми вытекающими рисками; и было сомнительно, какая из двух альтернатив хуже. Был ли на самом деле выбор? Казалось, что это не так, когда Де Фенелон, который девятнадцать лет представлял Францию в Гааге, приехал проститься с Генеральными штатами в связи со своим назначением на командование армией вторжения (26 апреля). Но была предпринята последняя попытка. Чрезвычайный посланник, граф Вассенар-Твикель, был отправлен в Париж, но обнаружил, что король уже со своей армией расположился лагерем между Лиллем и Турне. Какое-то время Вассенера забавляли переговоры, но в быстром наступлении маршала Сакса не было паузы. Барьерные крепости, обороной которых пренебрегали, быстро пали одна за другой. Вся западная Фландрия была захвачена. Силы союзников, собранные в Ауденарде, поначалу были слишком слабы, чтобы оказать сопротивление, и разделились на советы. Постепенно прибывали подкрепления, но прагматичная армия по-прежнему бездействовала и была спасена от неминуемого поражения только вторжением империалистов в Эльзас. Маршал Саксен был вынужден направить значительную часть армии вторжения для отражения этого

нападения на восточной границе и перейти к обороне во Фландрии. Менин, Куртре, Ипр, Кнокке и другие места оставались, однако, в руках французов.

Все это время голландцы поддерживали иллюзию, что Штаты не находятся в состоянии войны с Францией; но в январе 1745 года давление обстоятельств оказалось слишком сильным даже для слабовольного Ван дер Хейма и его соратников-государственных деятелей, и был заключен четверной союз между Англией, Австрией, Саксонией и Соединенными Провинциями, чтобы сохранить Прагматическую Санкцию. В марте за этим последовало объявление войны между Францией и Штатами. Тем временем положение Австрии улучшилось. Император Карл VII скончался 20 января, а его юный преемник Максимилиан Иосиф в обмен на восстановление своего электората заключил мир с Марией Терезией и отозвал все претензии Баварии на австрийское наследство. Однако дела во Фландрии не процветали. Главнокомандование союзной армией было передано герцогу Камберлендскому, который не мог сравниться с таким противником, как Морис де[стр.310] Саксен. Принц Вальдек командовал голландским контингентом.

Провинции Фрисландия, Гронинген, Овериссель и Гелдерланд неоднократно настаивали на том, чтобы этот пост был предоставлен принцу Оранскому; а Генеральные штаты в 1742 году предложили присвоить Вильгельму звание генерал-лейтенанта армии, но Голландия и Зеландия упорно отказывались. Кампания 1745 года была катастрофической. Битва при Фонтенуа (11 мая) завершилась победой маршала Сакса над войсками союзников, победой, вырванной из огня благодаря малодушному выходу из боя голландских войск на левом фланге. Британская пехота с великолепной доблестью в правом центре прорвала французские линии только для того, чтобы оказаться покинутой и разбитой превосходящими силами. Эта победа получила энергичное развитие. Восстание якобитов под предводительством Карла Эдуарда, молодого претендента, потребовало отзыва не только большей части английского экспедиционного корпуса, но также, согласно условиям договоров между Великобританией и Соединенными провинциями, 6000 голландцев. Еще до окончания 1745 года Турне, Гент, Брюгге, Ауденарде, Дендермонде, Остенде, Ньюпор, Ат последовательно перешли в руки маршала Сакса, и после храброй обороны сам Брюссель был вынужден капитулировать 19 февраля 1746 года.

Ван дер Хейм и республиканский конклав, в руках которого находилось руководство иностранными делами, опасаясь приближения французских армий к голландской границе, отправили графа де Ларрея с частной миссией в Париж в ноябре 1745 года, чтобы попытаться договориться об условиях мира. Он потерпел неудачу, и в феврале 1746 года была предпринята еще одна бесплодная попытка, посланниками которой были Вассенар и Якоб Жиль. Французский министр Д'Аржансон не отказался обсудить с ними этот вопрос; и переговоры некоторое время продолжались более или менее бессистемно, но никоим образом не остановили тревожный ход военных действий. 120-тысячная армия под командованием маршала Сакса в течение нескольких месяцев не находила достаточно сильных сил, чтобы противостоять ей. Антверпен, Лувен, Мехлин, Монс, Шарлеруа, Юи и, наконец, Намюр (21 сентября) сдались французам. Наконец (11 октября) мощная армия союзников под командованием Карла Лотарингского остановилась у Руку. Сражение с большим трудом, в котором обе стороны понесли тяжелые потери, закончилось победой французов. Льеж был взят, и французы теперь были хозяевами Бельгии. [стр.311]

Эти успехи заставили голландских государственных деятелей в Гааге еще больше стремиться к заключению мира. Д'Аржансон всегда был против фактического вторжения на голландскую территорию; и между ним и голландскими посланниками Вассенером и Жилем в Париже, а также между членом совета пенсионарием Ван дер Хеймом и аббатом де ла Виллем в Гааге была достигнута договоренность о том, что в августе в Бреде состоится конгресс, в котором Англия согласилась принять участие. Однако до того, как оно состоялось, Ван дер Хейм умер (15 августа). Его сменил Якоб Жиль. Конгрессу было суждено добиться незначительного прогресса, поскольку несколько провинций были возмущены тем, как небольшая горстка людей тайно принуждала Республику к принятию невыгодных и унижительных условий мира, не получив согласия Генеральных штатов на свои предложения. Конгресс фактически собрался только в октябре и так и не продвинулся дальше предварительного обсуждения, поскольку партия войны захватила власть в Париже, а Людовик XV отправил Д'Аржансона в отставку. Умеренные советы были отброшены в сторону, и в предстоящей кампании было решено перенести войну на голландскую территорию.

Тревога по поводу угрожающего поведения французов побудила союзников собрать армию численностью в 90 000 человек, из которых более половины были австрийцами; но вместо Карла Лотарингского командовать был назначен герцог Камберлендский. Маршал Саксен во главе основных французских сил сдерживал Камберленд, в то время как он отправил графа Левенталья с 20 000 человек в Голландскую Фландрию. Его наступление было триумфальным. Слуис, Кадсанд и Аксель сдались почти без сопротивления. Только своевременное прибытие английской эскадры в Шельду спасло Зеландию от вторжения.

Новости об этих событиях вызвали огромную сенсацию. В течение некоторого времени народное негодование по поводу слабости и занятости правительства, не имеющего штатных владельцев, было глубоким и сильным. Возмущению не было предела, и революционное движение, которое оно вызвало, было таким же внезапным и полным в 1747 году, как и в 1672 году. Все взоры были быстро обращены к принцу Оранскому как спасителю страны. Движение началось 25 апреля в Вире и Мидделбурге на острове Вальхерен. Три дня спустя сословия провинции провозгласили принца-штатгальтера, капитана и генерал-адмирала Зеландии. Провинция Голландия, где бессарабская форма правления пустила столь глубокие корни и имела своих самых упорных и решительных сторонников, последовала[стр.312] примеру Зеландии 3 мая, Утрехта 5 мая и Оверисселя 10 мая. Генеральные штаты назначили его капитаном и генерал-адмиралом Союза. Таким образом, без кровопролития или каких-либо беспорядков или каких-либо личных усилий со стороны принца он оказался по общему согласию наделенным всеми достойными должностями и властью, которые занимали Фридрих Генрих и Вильгельм III. Именно среди сцен всеобщего народного ликования Вильгельм посетил Амстердам, Гаагу и Мидделбург и приготовился приступить к выполнению трудной задачи, к которой он был призван.

Одним из первых результатов смены правительства стало закрытие конгресса в Бреде. Однако в военном положении улучшения не произошло. Армия союзников, наступавшая под командованием Камберленда и Вальдека, чтобы помешать маршалу Саксену осадить Мейстрихт, была атакована им при Лауффельде 2 июля. Битва была отчаянной, и исход в целом был в пользу союзников, когда в критический момент голландцы уступили; и французы смогли одержать, хотя и очень дорогой ценой, сомнительную победу. Тем не менее, это позволило Саксену направить войска под командованием Левенталья для осады важной крепости Берген-

оп-Зом. Он был взят штурмом 16 сентября, и вместе с ним весь голландский Брабант попал в руки врага.

Негодование против правления бюргеров-регентов, которые сыграли важную роль в том, что навлекли столько бедствий на Республику, было очень общим; и было громко выражено желание, чтобы принц был облечен большими полномочиями как "выдающийся глава" государства. С этой целью, по предложению голландской знати, поместья этой провинции сделали звание штатгальтера, а также капитана и генерал-адмирала наследственным как по мужской, так и по женской линии. Все остальные провинции приняли резолюции на тот же счет, и Генеральные штаты также передали по наследству должности капитана и генерал-адмирала Союза. В случае меньшинства регентшей должна была быть принцесса-мать; в случае наследования по женской линии наследница могла выйти замуж только с согласия Штатов, при условии, что муж должен быть реформатского вероисповедания, а не короля или курфюрста.

Были приняты решительные меры, чтобы предотвратить продажу офисов и покончить с системой уклонения от уплаты налогов. Должность магистра в Голландии, приносящая большой доход, была предложена принцу; но, беря на себя это дело, он пожелал, [стр.313], чтобы прибыль направлялась на нужды государства. Действительно, они были крайне необходимы, ибо, хотя Вильгельм и слышать не хотел о мире и послал графа Бентинка в Англию, чтобы тот призвал к энергичному продолжению войны совместно с Австрией и Россией в 1748 году, пообещав контингент Штатов в 70 000 человек, оказалось, что, когда пришло время претворять обещания в действия, средств не хватало. Голландия была обременена большими долгами, а взносы большинства провинций в общую казну безнадежно задолжали. В Голландии был взят "добровольный заем", который впоследствии распространился на другие провинции, а также на Индию, по ставке в 1 процент. на объекты недвижимости от 1000 до 2000 ф. ст.; 2%. на объекты выше 2000 ф. ст. Заем (*mildegift*) составил значительную сумму, около 50 000 000 ф. л.; но этого было недостаточно, и принцу пришлось унижительно написать и изложить английскому правительству безнадежное финансовое положение Республики и их потребность в очень крупном займе, если они намерены принимать дальнейшее участие в войне. Это прискорбное откровение о состоянии их союзника побудило Великобританию отреагировать на попытки Франции заключить мир. Представители держав встретились в Экс-ла-Шапель; и, поскольку и англичане, и французы основательно устали от войны, они вскоре пришли к соглашению. Предварительный мирный договор между ними был подписан 30 апреля 1748 года по принципу восстановления завоеваний. В этот Экс-ла-Шапельский мирный договор были включены Соединенные провинции, но нельзя было представить лучшего доказательства низкого положения, в которое теперь пала Голландская республика, чем тот факт, что с ее представителями в Экс-ла-Шапель, Бентинком и Ван Хареном, почти не консультировались и они практически не оказывали влияния на решения. Французы эвакуировали южные Нидерланды в обмен на возвращение им колонии Кейп-Бретон, которая перешла в руки англичан; и пограничным городам снова было разрешено принять голландские гарнизоны. Это была бесполезная уступка, поскольку их укрепления были разрушены, и Штаты больше не могли жалеть денег на то, чтобы сделать их способными к серьезной обороне.

Положение Вильгельма IV все это время было исключительно ответственным и, следовательно, еще более тяжелым. Никогда прежде ни один принц Оранский не был облечен такой властью. Очарование, связанное с именем Orange, было, пожалуй, главным достоинством нового владельца штата в противостоянии серьезным трудностям, в которые ввергли страну

годы плохого правления [стр. 314]. Несомненно, за его спиной были люди, но, к сожалению, они ожидали, что в ситуации с его повышением до штатгальтера произойдут почти волшебные изменения. Естественно, они были разочарованы. Революция 1747 года не была проведена в духе "основательности", которым отличались революции 1618, 1650 и 1672 годов. Вильгельм IV был отлит по форме, отличной от формы Мориса или Вильгельма II, и еще больше от формы его непосредственного предшественника Вильгельма III. Он был человеком широких знаний, добрым, примирительным и глубоко религиозным, но всего лишь посредственным государственным деятелем. Он был слишком нерешителен в своих мнениях, слишком нерешителен в действиях, чтобы быть настоящим лидером в условиях кризиса.

Первым делом было восстановить мир в стране; и это было достигнуто не благодаря какому-либо влиянию, которое правительство Нидерландов смогло оказать на ход переговоров в Эксла-Шапель, а просто как часть взаимопонимания, достигнутого Великобританией и Францией. Именно ради собственной безопасности английские полномочные представители были готовы отказаться от своих завоеваний в Северной Америке в качестве компенсации за эвакуацию тех частей Бельгии и Республики, которые оккупировали французские войска, и восстановление барьерных крепостей.

После заключения мира не только оранжевые партизаны, но и огромная масса людей, которые так долго были лишены какой-либо доли политической власти, возжелали радикальной реформы правительства. Они наделили Уильяма суверенной властью и охотно увеличили бы ее в надежде, что он в своем лице станет центром единства государства и будет использовать свою власть для искоренения злоупотреблений. Это была напрасная надежда. Он никогда не пытался покончить с коррумпированными муниципальными олигархиями, а только сделать их более терпимыми путем вливания определенного количества новой крови.

Рождение наследника 8 марта 1748 года вызвало великую радость, поскольку сулило постоянство новому порядку вещей. Все, что принц твердо взял бы в свои руки, вызвало бы всеобщее одобрение, но Уильям не обладал большой инициативой или принципиальной твердостью. Он позволял влиять на свой курс действий то одной группе советников, то их оппонентам. Даже в случае с фермерами-сборщиками налогов, людьми, которых больше всего ненавидели по всей Республике и особенно в Голландии, потребовались народные волнения и бунты в Харлеме, Лейдене, Гааге и Амстердаме, в которых дома [стр. 315] несносных чиновников подверглись нападению и были разграблены, чтобы добиться отмены системы, при которой налоговые поступления отвлекались от государственной службы для наполнения карманов продажных и коррумпированных чиновников. В Амстердаме дух восстания нескольких патрицианских семей против господства Городского совета привел к серьезным беспорядкам и вооруженным конфликтам, в ходе которых пролилась кровь; и в сентябре 1748 года принц по просьбе Сословий посетил беспокойный город. Поскольку городской совет проявил упорство, отказываясь идти на уступки, владелец стадиона был вынужден принять решительные меры. Совет был отстранен от должности, но здесь, как и везде, принц не желал проводить радикальную чистку; из тридцати шести членов более половины, девятнадцать, были восстановлены. Новые люди, занявшие таким образом свои места в городском совете, получили прозвище "Сорок восьмилетние".

Состояние армии и флота было плачевным в конце войны, в которой Штаты сыграли столь бесславную роль. У Уильяма не было ни подготовки, ни знаний, чтобы взяться за их

реорганизацию. Поэтому он обратился за помощью к Льюису Эрнесту, герцогу Брауншвейг-Вольфенбюттельскому (1718-1786), который, будучи австрийским фельдмаршалом, отличился на войне. В октябре 1749 года Брауншвейга с трудом убедили принять пост голландского фельдмаршала с гарантированным ему жалованьем в 60 000 ф. ст., губернаторством Хертогенбоса и правом сохранить свое звание в австрийской армии. Герцог фактически прибыл в Голландию и приступил к своим обязанностям только в декабре 1750 года.

Усилия принца по проведению реформы адмиралтейства, превращению голландского военно-морского флота в боеспособную силу и восстановлению торговли и промышленности страны преследовали благие цели, но были омрачены слабостью его здоровья. В течение всего 1750 года у него были повторяющиеся приступы болезни, и он становился все слабее. 22 октября 1751 года он умер. Несправедливо осуждать Вильгельма IV за то, что он не воспользовался своими возможностями. Когда в 1747 году к нему так внезапно пришла власть, ни один человек не мог быть более искренним в своем желании служить своей стране. Но он не был одарен большими способностями и высокой решимостью Вильгельма III; и не может быть никаких сомнений в том, что трудности, с которыми ему приходилось бороться, были многообразными, сложными и глубоко укоренившимися. Валетудинарий, подобный Вильгельму IV, не годился на роль врача для политиков, страдающих таким количеством болезней, как в Соединенных провинциях в 1747 году.

[стр.316]

ГЛАВА XXIII

РЕГЕНТСТВО АННЫ И БРАУНШВЕЙГА.

1751-1766

После смерти Вильгельма IV его вдова Анна Английская была немедленно признана регентом и опекуном своего сына Уильяма V. Бентинк и другие лидеры оранжистской партии приняли срочные меры для обеспечения того, чтобы наследственные права молодого принца не пострадали из-за ранней смерти его отца. Во время несовершеннолетия Брансуик была назначена исполнять обязанности генерал-капитана. Новый регент был женщиной отнюдь не заурядного склада. В своей домашней жизни она обладала всеми добродетелями своей

матери, королевы Каролины; а в государственных делах она очень помогала своему мужу и проявляла к ним глубокий интерес. Таким образом, она была во многих отношениях вполне пригодна для выполнения возложенных на нее серьезных обязанностей, но ее хорошие качества были омрачены своевольным и деспотичным темпераментом, который заставлял ее возмущаться любым вмешательством в ее власть. Уильям Бентинк, который имел обыкновение настаивать на своих советах, полагаясь на многочисленные оказанные им услуги, герцог Брауншвейгский и муниципальный пенсионер Стейн - все они вызывали у нее одинаковое недоверие и неприязнь. Ее провозглашаемая политика заключалась не в том, чтобы опираться на какую-либо партию, а в том, чтобы пытаться удерживать равновесие между ними. К сожалению, Вильгельм IV после революции 1747 года позволил своим старым фризским советникам (во главе с Отто Цвиером ван Хареном) прислушиваться к его словам и оказывать ненадлежащее влияние на его решения. Эта фризская придворная клика продолжала оказывать то же влияние на принцессу Анну, и голландцы, что вполне естественно, возмущались этим. Поскольку Голландия, как обычно, в конце войны взяла на себя основную тяжесть расходов и имела долг в 70 000 000 фл. и ежегодный дефицит в 28 000 000 фл. Член совета пенсионарий Стейн был наиболее компетентным финансистом, и он вместе с Яном Хопом, генеральным казначеем Союза, и с Уильямом Бентинком, главой и представителем знати в поместьях Голландии, настойчиво убеждали регента в настоятельной необходимости сокращения расходов. Энн приняла их совет относительно средств[стр.317], с помощью которых можно было бы добиться экономии и сокращения расходов. Среди них был роспуск некоторых вооруженных сил, включая часть личной гвардии. На это регент согласился, хотя, что характерно, не посоветовался с Брауншвейгом. Капитан-генерал почувствовал себя обиженным, но разрешил произвести сокращение без какого-либо официального противодействия. Однако никаких попыток провести смелую и всеобъемлющую финансовую реформу, подобную реформе Джона де Витта столетием ранее, предпринято не было.

Во время заключения Экс-ла-Шапельского мира военно-морской флот находился в еще худшем состоянии, чем армия; и штатгальтер, как генерал-адмирал, призывал адмиралтейства активизироваться и сделать флот более достойным морской державы. Но преждевременная смерть Вильгельма остановила прогресс; и примечательно, что бездействие Генеральных штатов в 1752 году было настолько велико, что, хотя Брауншвейг получил полномочия генерал-капитана, генерал-адмирал не был назначен. Однако потери, понесенные торговцами и судовладельцами из-за дерзости алжирских пиратов, взбудоражили общественное мнение, и в последующие годы в Средиземное море были отправлены эскадры, чтобы образумить морских разбойников. Адмирал Буден в 1755 году довольствовался защитой торговых судов, но Вассенер в 1756 и 1757 годах был более агрессивен и вынудил алжирского короля пойти на условия.

Между тем соперничество между Францией и Англией, с одной стороны, и между Австрией и Пруссией - с другой, привело к образованию новых союзов и поставило Голландскую республику в трудное положение. Мир в Экс-ла-Шапель был всего лишь вооруженным перемирием. Французы, не теряя времени, продвигали амбициозные планы колониальных предприятий в Северной Америке и Индии. Англичане ревниво следили за их успехами, и в 1755 году между двумя державами разразилась война. Республика была связана с Великобританией древними договорами; но деятельность французского посла Д'Аффри увенчалась успехом в том, что ряд влиятельных голландцев, а также придворная клика склонились к Франции и выступали

за строгий нейтралитет. Ситуация чрезвычайно осложнилась союзом, заключенным между Австрией и Францией 1 мая 1756 года.

Этот полный поворот от политики, которая с первых лет правления Вильгельма III объединяла Англию, Австрию и Штаты в[стр.318] союз против французской агрессии, вызвал огромное возмущение среди голландских государственных деятелей. Росчерком пера Барьерный договор прекратил свое существование, поскольку барьерные крепости отныне были бесполезны. Английский посол Йорк настаивал на том, чтобы правительство Нидерландов воспользовалось договорным правом Великобритании требовать помощи в размере 6000 человек и двадцати кораблей; Австрия пользовалась умелой поддержкой Д'Аффри, стремясь побудить штаты стать участниками франко-австрийского союза. Регентша, хотя и была английской принцессой, едва ли проявляла меньшее рвение, чем члены совета-пенсионарий Стейн, Брауншвейг и большинство ведущих бюргеров-регентов, стремясь сохранить строгий нейтралитет. Англии был дан ответ, что морская и военная помощь не полагается, за исключением случая вторжения. Французы тем временем предлагали голландцам значительные торговые привилегии в обмен на их нейтралитет, в результате чего голландские торговые суда были захвачены английскими крейсерами и доставлены в английские порты для досмотра на предмет контрабанды.

Принцессе предстояла очень трудная роль. Делегации купцов ждали ее, убеждая оказать влияние на английское правительство, чтобы оно не использовало свое военно-морское превосходство во вред голландской торговле. Анна делала все возможное, но безрезультатно. Англия была полна решимости прекратить все торговые сношения между Францией и Вест-Индией. Голландские купцы, которые пытались снабжать французов товарами, делали это на свой страх и риск. Четыре депутации из Амстердама и приморских городов прибыли к принцессе, настаивая на увеличении флота в качестве защиты от Англии. Другие депутации прибыли из внутренних провинций с просьбой увеличить армию в связи с опасностью французского вторжения. Французы уже оккупировали Остенде и Ньюпор и сосредоточили угрожающие массы войск на бельгийской границе. Регент, зная, с какой стороны опасность для безопасности страны была наибольшей, категорически отказал ей в согласии на увеличение флота без увеличения армии. Сословия Голландии отказались голосовать за выделение денег на армию; и, имея власть в кошельке, дело зашло в тупик. Республика оказалась бы беспомощной и без защиты, если бы ее враги решили напасть на нее. Посреди всех этих трудностей и тревог, окруженная интригами и контринтригами, искренне патриотически настроенная и желающая сделать все возможное для страны, но испытывающая препятствия и недоверие со всех сторон, здоровье регентши, которое никогда не было крепким, постепенно[стр.319] пошатнулось. 11 декабря 1758 года она лично отправилась в Генеральные штаты "нетвердыми шагами и со смертью перед лицом", чтобы попытаться обеспечить единство действий перед лицом национальной опасности, но так и не достигла своей цели. Приморские провинции были непреклонны. Видя приближение смерти, с началом нового года она договорилась о браке своей дочери Каролины с Чарльзом Кристианом, принцем Нассау-Вейльбургским, и, передав двоих своих детей на попечение герцога Брауншвейгского (с которым она помирилась) и назначив его опекуном юного принца Оранского, Анна скончалась 12 января 1759 года в раннем возрасте сорока девяти лет.

Задача, которую предстояло выполнить Брансуику, была непростой, но, проявив большой такт, за семь лет несовершеннолетия Вильгельма ему удалось собрать в свои руки значительную

часть полномочий штатгальтера и в то же время снискать расположение антиоранжевой партии Штатов, чья власть, особенно в Голландии, набирала силу и фактически была преобладающей. Благодаря политическим уступкам регентам и заинтересованности, которую он проявлял в коммерческом и финансовом процветании Амстердама, этот главный центр оппозиции оказал поддержку его власти; и он смог сделать это, оставаясь в то же время в хороших отношениях с Бентинком, Стейном, Фагелем и оранжевой партией.

Политическое положение Соединенных провинций на раннем этапе брауншвейгской опеки было в высшей степени бессильным и позорным. Несмотря на продолжающиеся протесты и жалобы, голландские торговые суда постоянно обыскивались на предмет контрабанды и доставлялись в качестве призов в английские порты; а прибыльная торговля, которая велась между Вест-Индией и Францией голландскими днищами, была полностью прекращена. Даже оснащение двадцати одного линейного корабля в качестве конвоя ничего не дало, поскольку такие силы не могли противостоять огромному превосходству английского флота, который в то время бороздил моря. Французский посол Д'Аффри наиболее умело использовал свои возможности для создания профранцузской партии в Голландии и особенно в Амстердаме, и его интриги не увенчались успехом. Но решимость голландцев сохранять нейтралитет любой ценой оставалась такой же сильной, как и прежде, поскольку, что бы ни происходило с приморской Голландией, внутренние провинции избегали любого риска иностранного вторжения. Когда, наконец, в 1763 году был заключен Парижский мир, представители Соединенных провинций, хотя они и пытались[стр.320] играть роль посредников между воюющими державами, больше не занимали сколько-нибудь весомого положения в советах европейских наций. Гордая Республика, которая во времена Джона де Витта и Вильгельма III вела себя на равных с Францией и Великобританией, стала в глазах государственных деятелей 1763 года ничтожной величиной.

Одним из последствий спада внешней торговли Амстердама стало превращение этого великого торгового города в центральную биржу Европы. Ненадежность морской торговли заставляла многих молодых торговцев иметь дело с деньгами, ценными бумагами и переводными векселями, а не с товарами. Быстро росли банковские дома, и большие состояния были нажиты на спекулятивных инвестициях в акции; и о займах для иностранных правительств, больших и малых, можно было легко договориться. Такое положение вещей достигло своего апогея во время Семилетней войны, но с урегулированием, последовавшим за миром 1763 года, пришла катастрофа. 25 июля главный финансовый дом Амстердама, дом Де Нефвиля, не смог выполнить свои обязательства и привел к краху очень большое количество других фирм, не только в Голландии, но также в Гамбурге и других местах; поскольку была вызвана настоящая паника, и прошло некоторое время, прежде чем стабильность смогла быть восстановлена.

Оставшиеся три года брауншвейгского *режима* на родине прошли без происшествий. Разногласия с Английской Ост-Индской компанией, однако, привели к изгнанию голландцев из их торговых поселений на Хугли и Короманделе; а в Бербисе произошло серьезное восстание негров-рабов, которое после ожесточенных боев в буше было подавлено с большой жестокостью. Молодой принц Оранский по достижении своего восемнадцатилетия, 8 марта 1766 года, вступил в свои наследственные права. Его бабушка, Мария Луиза, чьей заботе он был многим обязан, умерла 9 апреля прошлого года. Во время перерыва принцесса Каролина заняла свое место регента во Фрисландии.

ГЛАВА XXIV

УИЛЬЯМ V. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД, 1766-1780

Из всех штадхолдеров своего рода Вильгельм V был наименее выдающимся. Ни внешне, ни по характеру, ни по манерам он не подходил для должности, которую ему предстояло занять. Он получил самое тщательное образование и не испытывал недостатка в способностях, но ему не хватало энергии и основательности, и он был нерешителен в моменты, когда требовались решительные действия. Подобно своему современнику Людовику XVI, если бы он родился в частной семье, он бы украсил ее, но, как и этот несчастный монарх, он не обладал ни одним из качеств лидера людей в критические и трудные времена. Для него было характерно, что он попросил у Провинциальных сословий подтверждения тех званий и должностей, которые принадлежали ему по наследственному праву. Во всем он полагался на советы герцога Брауншвейгского, методам правления которого беспрекословно следовал. Это было до такой степени справедливо, что вскоре после его прихода к власти был составлен секретный акт (3 мая 1766 г.), известный как Акт консультаций, которым герцог обязался оставаться на стороне штатгальтера и помогать ему словом и делом во всех государственных делах. Таким образом, в первые годы правления Вильгельма V он консультировался с Брауншвейгом по каждому вопросу, и это поощряло его не доверять собственному суждению и проявлять непостоянство в своем внимании к государственным делам.

Одной из первых забот Брауншвейгца было найти принцу подходящую жену. Вильгельм II, Вильгельм III и Вильгельм IV все были женаты на английских принцессах, но в Голландии было сильно чувство враждебности к Англии, и молодому штатгальтеру считалось нецелесообразным искать жену в семье своей матери. Избранницей герцога стала прусская принцесса Вильгельмина. Новая принцесса Оранская была племянницей по отцовской линии Фридриха Великого и по материнской линии самого герцога Брауншвейгского. Бракосочетание состоялось в Берлине 4 октября 1767 года. Невесте было всего шестнадцать лет, но ее

привлекательные манеры и жизнерадостность[стр.322] ум помогли ей завоевать расположение народа при первом въезде в приемную страну.

Первые восемь лет правления Уильяма прошли спокойно. Записывать особо нечего. Торговля процветала, но голландцы больше не довольствовались коммерцией и стремились скорее к быстрому накоплению богатства путем успешных финансовых операций. Торговля акциями стала национальным занятием. Иностранные державы приезжали в Амстердам за займами, и огромные суммы голландского капитала были вложены в британские и французские фонды, а также в различные германские государства. И все же все это время эта богатая и процветающая страна была окружена могущественными военными и морскими державами и, не имея прочных естественных границ, оставалась беззащитной перед агрессивными нападениями как с моря, так и с суши. Напрасно штатгальтер из года в год посылал в Генеральные штаты настоятельные призывы укрепить военно-морской флот и армию и перевести их на военное положение. Приморские провинции стремились к увеличению военно-морского флота, но внутренние провинции отказались вносить свою долю сборов. С другой стороны, Утрехт, Гелдерланд, Овериссель и Гронинген, которым предстояло пострадать от военного вторжения, были готовы санкционировать значительное пополнение сухопутных войск, но были сорваны противодействием Голландии, Зеландии и Фрисландии. Таким образом, ничего не было сделано, и Республика, раздираемая разделенными интересами, с ее правящими классами, купающимися в самодовольном комфорте и роскоши, была беспомощной добычей, которая, казалось, напрашивалась на разграбление.

Таково было положение вещей, когда британские североамериканские колонии подняли восстание против метрополии. Симпатии Франции с самого начала были на стороне колонистов, и отряд добровольцев, собранный Лафайетом при попустительстве французского правительства, пересек Атлантику, чтобы оказать вооруженную помощь повстанцам. Едва ли менее теплыми были чувства в Нидерландах. Мотивы, побудившие к этому, были отчасти сентиментальными, отчасти практическими. Существовало определенное сходство между борьбой американских колонистов за независимость против такого могущественного государства, как Великобритания, и их собственной борьбой с мировой державой Испанией. Была также надежда, что восстание приведет к практическому результату, открыв голландским купцам прибыльную торговлю с американцами, одной из главных претензий которых к метрополии была суровость ограничений, запрещавших[стр.323] любую торговлю с зарубежными странами. В то же время весь воздух был полон революционных идей, которые будоражили умы людей. Это имело место в Нидерландах в не меньшей степени, чем где-либо еще; и американское восстание рассматривалось как реализация и оправдание в практической политике учения Монтескье, Вольтера и Руссо, чьи работы были широко читаемы, а также англичан Юма, Пристли и Ричарда Прайса. Главными среди пропагандистов этих идей были Ян Дирк ван дер Капеллен тот де Поль, дворянин из Оверисселя, и три бургомистра Амстердама, Ван Беркель, Де Вридж Темминк и Хофт, все антиоранжевые партизаны и профранцузски настроенные. Среди всех этих противоборствующих фракций и мнений государство оставалось практически без главы, Вильгельм V плыл по течению, неспособный принять независимое решение или твердо и решительным образом использовать великие полномочия, которые ему были доверены.

Раздираемая внутренними распрями, Республика стала сохранять нейтралитет еще труднее, чем во время Семилетней войны. Возникли старые вопросы незаконной торговли с врагами

провоза контрабанды. Голландские острова Сент-Эстатиус и Кюрасоа стали центрами контрабандной деятельности, а голландские торговые суда постоянно обыскивались британскими крейсерами и часто уводились в качестве призов в английские порты. Были высказаны решительные протесты и вызвано большое раздражение. Амстердам пострадал больше всех. Естественно, что в этом очаге республиканских взглядов и французских симпатий принца обвиняли в том, что он предпочитает английские интересы интересам своей собственной страны. Приезд герцога де ла Вогийона в качестве посла Франции во многом способствовал раздуванию этого пламени. Вогийон вступил в тесные отношения с амстердамскими регентами и делал все, что было в его силах, чтобы усилить растущее чувство враждебности к Англии и убедить Республику отказаться от древнего союза с этой страной в пользу союза с Францией.

Британскому послу Йорку не хватало его заискивающих манер, и его речь теперь стала повелительной и угрожающей перед лицом процветающей контрабандной торговли, которая велась в Сент-Эстатиусе. В результате его решительного протеста губернатор острова Ван Хейлигер был заменен Де Граффом, но вскоре выяснилось, что новый губернатор ничем не отличается от своего предшественника. Он нанес дополнительное оскорбление британскому правительству[стр.324], отдав честь американскому флагу 16 ноября 1776 года. Угрозы Йорка усилились, но с небольшим результатом. Американцы продолжали получать припасы с голландских островов. Вступление Франции в войну 6 февраля 1778 года, за которым последовало вступление Испании, осложнило ситуацию. Англия теперь сражалась, прижатая спиной к стене, и ее морская мощь должна была быть задействована в полную силу, чтобы противостоять стольким врагам. Она вела беспощадную войну с торговыми судами, перевозившими контрабанду или подозреваемыми в контрабанде, будь то вражеские или нейтральные. Наконец под давлением Амстердама, поддержанного принцем, были выделены деньги на строительство флота для защиты от каперов и для конвоирования. Но флот не может быть построен за один день; и когда адмирал ван Биландт был отправлен в плавание в 1777 году, его эскадра состояла всего из пяти кораблей. Тем временем переговоры с Англией продолжались и привели к определенным уступкам, было дано согласие разрешить так называемый "ограниченный конвой". Генеральные штаты, несмотря на противодействие Амстердама, приняли 13 ноября 1778 года предложенный компромисс. Но французский посол Вогийон поддержал протест Амстердама, пригрозив, что, если Генеральные штаты не будут настаивать на полной свободе торговли, отменит торговые привилегии, предоставленные Республике Францией. Придя к выводу, что Генеральные штаты поддерживали их резолюцию от 13 ноября, он привел свою угрозу в исполнение. Эта акция заставила большинство сословий Голландии встать на сторону Амстердама и призвать к отмене резолюции об ограниченном конвоировании. Англичане, со своей стороны, хорошо понимая все это, продолжали делать все возможное, чтобы остановить все поставки, доставляемые их врагам в голландских боттомах, с конвоем или без конвоя. Британское правительство, хотя и столкнулось с таким количеством врагов, теперь приняло решительные меры. Адмирал ван Биландт, конвоировавший флот торговых судов через Ла-Манш, был вынужден британской эскадрой поднять свой флаг; и все голландские суда были отведены в Портсмут. За этим последовало требование в соответствии с международным договором 1678 года о предоставлении голландцами помощи кораблями и людьми или об отмене союзного договора и связанных с ним коммерческих привилегий. Йорк дал Генеральным штатам три недели на принятие решения; и 17 апреля 1779 года давний союз, который Вильгельм III сделал краеугольным камнем своей политики, прекратил свое

существование. Война не была объявлена, но 24 апреля Генеральные штаты проголосовали за "неограниченный конвой"; и Адмиралтейства приложили все усилия, чтобы построить и[стр.325] оснастить значительный флот. Прием, оказанный американскому каперу Полу Джонсу, которому, несмотря на протесты Англии, не только разрешили остаться в Голландии на три месяца, но и чествовали как героя (октябрь-декабрь 1779 г.), подчеркнул растущее отчуждение двух стран.

На этом критическом этапе тяжелое положение Англии усугубилось образованием под руководством России Лиги вооруженного нейтралитета. Его целью было соблюдение принципа свободы мореплавания для судов нейтральных стран, если только они не перевозили военную контрабанду, *то есть* военные или военно-морские боеприпасы. Дальнейшая блокада не была бы признана, если бы не была эффективной. Швеция и Дания присоединились к лиге; и императрица Екатерина пригласила Соединенные провинции и несколько других нейтральных держав поступить аналогичным образом. Ее целью было положить конец тому, что враги Британии называли тиранией Владычицы морей. Республика некоторое время колебалась. Сознавая свою слабость на море, большинство в Генеральных Штатах не желало предпринимать никаких открытых шагов для провоцирования военных действий, когда произошло событие, вынудившее их действовать.

В 1778 году между амстердамскими регентами и американскими представителями в Париже Франклином и Ли состоялись определенные секретные переговоры. Случилось так, что Генри Лоуренс, бывший президент Конгресса, в сентябре 1780 года направлялся из Нью-Йорка в Амстердам с целью получения займа. Преследуемый английским фрегатом, корабль, на котором он плыл, был захвачен у Ньюфаундленда; и среди его бумаг были найдены копии переговоров 1778 года и имевшей тогда место переписки. Велико было возмущение британского правительства, и оно усилилось, когда сословиям Голландии под влиянием Амстердама удалось добиться того, чтобы Генеральные штаты (большинством из четырех провинций против трех) присоединились к Лиге вооруженного нейтралитета. Лучше открытая война, чем фиктивный мир. Поэтому послу Йорку были отправлены инструкции потребовать наказания амстердамских регентов за их тайные сделки с врагами Англии. Ответ заключался в том, что дело должно быть передано в Суд Голландии; и Ван Вельдерен, голландский посол в Лондоне, тщетно пытался дать заверения в том, что Штаты стремятся сохранять строгий нейтралитет. Йорк потребовал немедленного удовлетворения и еще раз призвал[стр.326] Республику предоставить помощь людьми и кораблями в соответствии с договором. Поэтому Ван Вельдерену были отправлены дальнейшие инструкции, но они были отложены из-за штормовой погоды. В любом случае они были бы бесполезны. Британское правительство было не в настроении тянуть время. 20 декабря 1780 года Соединенным провинциям была объявлена война, и три дня спустя Йорк покинул Гаагу.

ГЛАВА XXV

ШТАТГАЛЬТЕР ВИЛЬГЕЛЬМА V, *продолжение*, 1780-1788

Начало войны означало окончательное крушение Голландской республики. Его внутреннее состояние в конце 1780 года делало его безнадежно непригодным для вступления в борьбу с подавляющей морской мощью Англии. Даже если бы Вильгельм V обладал лидерскими качествами, ему пришлось бы бороться с ожесточенным сопротивлением и враждой антиоранжевой партии среди бюргеров-регентов, одним из самых ярких представителей которой был Ван дер Капеллен, главный центр которой находился в Амстердаме. Но принц, слабый и некомпетентный, очевидно, стремился только к уклонению от своих обязанностей и поэтому подставил себя под обвинения в небрежении и неправильном управлении, которые были выдвинуты против него его врагами.

Против английского флота из более чем 300 судов, укомплектованного примерно 100 000 моряками, у голландцев было всего двадцать линейных кораблей, большинство из которых были старыми и малоценными. Теперь были выделены большие суммы денег на оснащение флота; и адмиралтействам было настоятельно рекомендовано продвигать работу со всей возможной энергией. Но прогресс неизбежно был медленным. Не хватало всего — материалов, боеприпасов, оборудования, квалифицированной рабочей силы, — и все это не могло быть поставлено вовремя, чтобы предотвратить вытеснение голландской торговли с морей и захват голландских колоний. Республиканцы, или патриоты, как они стали себя называть, сначала обрадовались тому, что оранский штатгальтер и его партия были вынуждены порвать с Англией и искать союза с Францией; но их радость была недолгой. Плохие новости быстро следовали одна за другой. В первый месяц войны было захвачено 200 торговых судов стоимостью 15 000 000 флоринов. Рыболовецкие флотилии не осмеливались выходить в море. В 1780 году через Пролив прошло более 2000 судов, в 1781 году — только одиннадцать. 3 февраля Святой Евстафий сдался адмиралу Родни, когда сто тридцать торговых судов вместе с огромными припасами попали в руки захватчиков. Суринам и Кюрасоа получили предупреждение и смогли [стр.328] перейти в состояние обороны, но были захвачены колонии Демерара, Бербис и Эссекибо, а также Сен-Мартин, Саба и голландские учреждения на побережье Гвинеи. В Ост-Индии Негапаттам и фабрики в Бенгалии перешли во владение Англии; и Капская капа, Ява и Цейлон разделили бы ту же участь, если бы не своевременная защита французской эскадры под командованием Сюффрена, одного из самых способных и храбрых французских моряков.

Потери были огромными, и в Амстердаме и других местах поднялся громкий протест против того, что принц является причиной несчастий своей страны. "Оранжевый, - так говорили его враги, - виноват во всем. Он обладал властью делать все, что хотел, и он пренебрег использованием ее для обеспечения военно-морского флота и обороны суши". Это было в значительной степени несправедливо, поскольку Вильгельм с 1767 года неоднократно призывал к увеличению морских и сухопутных сил, но его предложения были сорваны ожесточенным сопротивлением, особенно в самом Амстердаме. Обвинения были до такой степени справедливы, что он, несомненно, был наделен большой исполнительной властью, которую у него не хватило силы воли использовать. Именно в этот период Ван дер Капеллен и другие начали самую ожесточенную кампанию в прессе не только против штатгальтера, но и против наследственного штатгальтерства и всего того, за что выступал дом Оранских-Нассау в истории Голландской республики. Брансуик подвергся нападению с особой яростью. О "Акте консультаций" стало известно; и если бы принц захотел переложить ответственность на герцога за плохой совет, он, возможно, приобрел бы некоторую мимолетную популярность, отделившись от ненавистного "иностранца". Но Вильгельм, каким бы слабым он ни был, не бросил бы человека, который в юности был для него и для его дома мудрым и верным защитником и другом; более того, он знал, что обвинения против Брауншвейга на самом деле были направлены против него самого. Однако герцог, обратившись к Генеральным штатам и будучи ими объявлен невиновным, обнаружил, что дух вражды в Амстердаме и в нескольких провинциальных поместьях настолько силен, что сначала (1782 г.) уехал в Хертогенбос, губернатором которого он был, и, наконец, покинул страну в 1784 году.

Тем временем война, которая послужила причиной или, скорее, предлогом для этой вспышки народных настроений против Брауншвейга, шла своим чередом. Летом 1781 года контр-адмирал Зутман, [стр.329] во главе эскадры из пятнадцати военных кораблей, получил приказ конвоировать семьдесят два торговых судна в Балтийское море. Он встретил английские силы из двенадцати судов, которые были крупнее и лучше вооружены, чем голландские, под командованием вице-адмирала Хайда Паркера. 5 августа в Доггербанке произошло ожесточенное столкновение, которое длилось весь день, но ни одна из сторон не смогла одержать победу. Паркер отступил первым, но Зутману также пришлось вернуться на Тексель для ремонта своих выведенных из строя кораблей, и его конвой так и не добрался до Балтики. Голландцы, однако, были в восторге от результата боя, а Зутмана и его капитанов чествовали как героев.

Битва при Доггербанке была, самое большое, нерешительным сражением очень небольшого масштаба, и это не привело к ослаблению английской блокады. Ни один голландский адмирал на протяжении всей оставшейся войны не отважился встретиться лицом к лицу с английскими эскадрами в Северном море и в Ла-Манше; и голландский торговый флот исчез из океана. Англия была достаточно сильна, чтобы бросить вызов Вооруженному нейтралитету, который действительно доказал, как, по сообщениям, выразилась его автор Екатерина II, "вооруженное ничтожество". По всей стране царил глубокое недовольство и взаимные обвинения между различными ответственными органами власти, но была определенная справедливость в том, чтобы сделать штатгальтера главным козлом отпущения, поскольку, каковы бы ни были ошибки других, энергичная инициатива в первые годы его пребывания на посту штатгальтера могла бы многое изменить и, несомненно, принесла бы ему большее влияние и уважение.

Война длилась два года, если это можно было назвать войной, в которой практически не было боевых действий. В то время в Англии произошла смена правительства, и партия, лидером которой был Фокс, не имела желания слишком сильно давить на голландцев. Было предпринято несколько попыток склонить их к переговорам в Лондоне о заключении сепаратного мира на выгодных условиях, но сторонники Франции в Амстердаме и других местах сделали эти предварительные переговоры бесплодными. Будучи слабой, Республика соответственно страдала от необходимости в конце концов принять любые условия, которые ее более могущественный сосед считал нужным диктовать. 30 ноября 1782 года был заключен предварительный договор, по которому Великобритания признала независимость Соединенных Штатов Америки. В январе 1783 года последовало перемирие между Великобританией и Францией, в которое были включены Соединенные провинции, как сателлит Франции. Дальнейших боевых действий не происходило, но переговоры об окончательном мире затянулись, протесты[стр.330] голландских полномочных представителей в Париже против условий, согласованных между Англией и Францией, оказались безрезультатными. Наконец, французское правительство заключило сепаратный мир 3 сентября; но только 20 мая 1784 года голландцев удалось убедить сдать Негапатам и предоставить англичанам право свободного входа на Молуккские острова. И это было не единственное унижение, которому пришлось подвергнуться Республике в то время, поскольку в ходе английской войны возникли серьезные проблемы с императором Иосифом II.

Жозеф в 1780 году посетил свои бельгийские провинции и собственными глазами увидел плачевное состояние барьерных крепостей. Под предлогом того, что крепости теперь бесполезны, поскольку Франция и Республика были союзниками, Жозеф сообщил Генеральным штатам о своем намерении демонтировать их все, за исключением Антверпена и Люксембурга. Это, конечно, означало вывод голландских гарнизонов. Генеральные штаты, будучи неспособными сопротивляться, сочли более разумным подчиниться. Соответственно, войска покинули пограничные города в январе 1782 года. Такое подчинение, как и следовало ожидать, неизбежно привело к дальнейшим требованиям.

Мюнстерский мирный договор (1648) оставил голландцам во владении территорию по обоим берегам Шельды и дал им право закрыть любой доступ по реке к Антверпену, который на столетие с четвертью перестал быть морским портом. В 1781 году, во время своего визита в Бельгию, Жозеф получил ряд петиций в пользу освобождения Шельды. В тот момент он не видел способа предпринять какие-либо действия, но в 1783 году он воспользовался замешательством голландского правительства, чтобы поднять вопрос о спорной границе в Голландской Фландрии; и осенью того же года часть имперских войск силой овладела несколькими пограничными фортами близ Слуиса. Ситуация достигла апогея в мае 1784 года, когда император направил в Генеральные штаты подробное изложение всех своих жалоб, *Tableau sommaire des prétentions*. В нем он требовал, помимо уступки территории в Местрихте и голландской Фландрии, права свободного судоходства по Шельде, сноса голландских фортов, перекрывающих реку, и свободы торговли из бельгийских портов в Индию. Этот документ фактически был ультиматумом, отклонение которого означало войну. На этот раз все партии в Республике объединились в сопротивлении требованиям императора; и когда в октябре 1784 года два корабля попытались пройти по Шельде, один из Антверпена, другой из Остенде, они были[стр.331] оба остановлены; первый в Сафтингене на границе, второй во Флашинге. Война казалась неминуемой. Австрийский армейский корпус был направлен в Нидерланды; и голландцы активизировались с энергией, неизвестной в Штатах в течение многих лет, чтобы

снарядить сильный флот и собрать войска для отражения вторжения. Однако почти наверняка, что, если бы Джозеф выполнил свою угрозу послать отряд в 80 000 человек, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное его кораблям, наспех завербованные голландские войска не смогли бы оказать эффективного сопротивления. Но вопрос, который поднимал император, был не просто местным вопросом. Он действительно стремился нарушить важные положения двух международных договоров, участниками которых были все великие державы, Мюнстерского и Утрехтского мирных договоров. Его собственное владение бельгийскими Нидерландами, а также независимость и суверенные права Голландской республики основывались на том же титуле. Жозеф рассчитывал на помощь или, по крайней мере, на дружественный нейтралитет своего шурина Людовика XVI, но Франция только что завершила изнурительную войну, в которой Соединенные провинции были ее союзниками. Более того, французы не желали видеть Республику подавленной актом агрессии, который мог бы привести к осложнениям в Европе. Людовик XVI предложил посредничество, и оно было принято.

Действительно, сомнительно, чтобы император, чей беспокойный мозг всегда был полон новых планов, действительно намеревался привести свои угрозы в исполнение. Осенью 1784 года план обмена далеких бельгийских Нидерландов на прилегающий курфюршество Бавария начал воплощаться в жизнь его мыслями и дипломатией. Поэтому он показал себя готовым пойти на уступки; и благодаря твердости позиции Франции обе спорящие стороны после длительных переговоров были приведены к соглашению, которое было воплощено в договоре, подписанном в Фонтенбло 8 ноября 1785 года. Голландцы сохранили за собой право перекрыть Шельду, но были вынуждены демонтировать некоторые форты; границей голландской Фландрии должна была стать граница 1664 года; и Джозеф отказался от всех претензий на Маэстрихт в обмен на выплату 9 500 000 флоринов. Несколько дней спустя был заключен союз между Францией и Республикой, известный как "Оборонительная конфедерация" Фонтенбло, французское правительство выделило 4 500 000 флоринов на выкуп Маэстрихта. Однако восстановление мира отнюдь не ослабило дух фракционности в Республике, а привело к гражданской смуте.

Ситуация, с которой сейчас пришлось столкнуться Вильгельму V, была[стр.332] в некотором смысле более сложной и опасной, чем во времена его великих предшественников. Это больше не было простой борьбой за превосходство между партией оранжевых (*принс-гезиндери*) и патрициями-регентами городских корпораций (*staats-gezinderi*); возникла третья партия, демократическая или "патриотическая" партия, которая впитала революционные идеи Руссо и других о правах человека и Общественном договоре. Эти новые идеи, с пламенным рвением распространяемые двумя дворянами, Ван дер Капелленом тот де Полем и его двоюродным братом Ван дер Капелленом ван ден Маршем, нашли плодородную почву в северных Нидерландах и среди представителей всех классов, включая другую знать и многих ведущих бургомистров. Их целью было отменить все привилегии, будь то в Церкви или государстве, и установить принцип суверенитета народа. Следует помнить, что это были дни, которые сразу же последовали за Американской революцией и предшествовали созыву Генеральных штатов во Франции с ее роковыми последствиями. Атмосфера была полна революции; и сторонники новых идей сочувствовали претензиям аристократической касты бюргеров-регентов на лишение своих сограждан права голоса в управлении своими собственными делами не больше, чем квазисуверенному положению наследственного штатгальтера. Среди оранжевой партии было мало выдающихся людей. Член совета-пенсионарий Блейсвейк был бесхарактерен, готовый перейти на другую сторону при переменчивом ветре; а граф Бентинк ван Рун обладал

небольшими способностями. Однако им предстояло открыть в бургомистре Гуса Ван де Шпигеле государственного деятеля, которому вскоре суждено было сыграть великую роль в истории страны. В этот период острой партийной борьбы Патриоты и оранжисты расходились друг с другом не только по вопросам внутренней политики. Одна партия была убежденными приверженцами французского союза и рассчитывала на его поддержку; другая стремилась возобновить узы, которые так долго соединяли Республику с Англией. Действительно, способные представители Франции и Англии в Гааге в то время, граф де Верак и сэр Джеймс Харрис (впоследствии лорд Малмсбери), были настоящими лидерами и советниками за кулисами противоборствующих фракций.

Сила партий в разных провинциях была разной. Голландия, всегда более или менее настроенная против штадгольдеров, была главным центром патриотов. К Голландии отошло большинство поместий Фрисландии, Гронингена и Оверисселя. В Утрехте дворяне и регенты[стр.333] были за штатгальтера, но горожане были сильными патриотами. Зеландия поддержала принца, с которым были армия, проповедники и огромная масса мелкой *буржуазии* и деревенских жителей. Ничто не могло сравниться с жестокостью и беспринципностью нападков, которые были направлены против штатгальтера в прессе; и его противники не жалели усилий, чтобы ограничить его права и оскорбить его лично. Добровольцы-патриоты были зачислены в разные места с самовыборными офицерами. Ношение оранжевых цветов и пение *Вильгельма* было запрещено и наказывалось штрафом и тюремным заключением. В сентябре 1785 года беспорядки в Гааге привели к тому, что Estates of Holland отняли у штатгальтера командование войсками в этом городе. Они также приказали пехотинцам впредь отдавать честь представителям Сословий и убрали герб принца со штандартов и щитов войск. В качестве еще одного пренебрежения депутатам была предоставлена привилегия во время заседания Сословий проходить через ворота в Бинненхоф, которые до сих пор предназначались только для штатгальтера. Преисполненный негодования, Уильям вместе со своей семьей покинул Гаагу и переехал в свою загородную резиденцию в Хет-Лео. Такой шаг только усилил смятение и беспорядок, охватившие все части страны, поскольку показал, что у Вильгельма не хватило ни духа, ни энергии, чтобы решительно выступить против тех, кто был полон решимости свергнуть его власть.

В Утрехте распри между партиями привели к сценам насилия. "Патриоты" нашли красноречивого лидера в лице молодого студента по имени Ондатже. Сословия провинции были столь же консервативны, сколь сам город Утрехт был ультрадемократичен; и длинная серия беспорядков была вызвана тем, что бюргеры-регенты городского совета отказались удовлетворить народное требование радикального изменения их конституции. В конце концов они были осаждены в ратуше многочисленным собранием "свободного корпуса" во главе с Ондатже и были вынуждены согласиться с требованиями народа. Вслед за этим часть Сословий собралась в Амерсфорте; и по их просьбе туда был направлен отряд в 400 человек из Неймвегена. Гражданская война казалась неминуемой, но ее удалось предотвратить благодаря своевременному посредничеству сословий Голландии.

Едва ли менее опасным было положение дел в Гелдерланде. Здесь у поместий Гелдерланда было оранжевое большинство, но у патриотов был влиятельный лидер в лице Ван дер Капеллена ван ден[стр.334] Марш. Сословиям были разосланы петиции и просьбы с требованием народных реформ. Сословия не только отказались их принимать, но и выпустили прокламацию, запрещающую распространение революционной литературы в провинции. Небольшие города

Эльбург и Хаттем не только отказались подчиняться, но и силой вынудили жителей своих Советов уступить их требованиям. Вслед за этим поместья обратились к штатгальтеру с просьбой прислать войска для восстановления порядка. Это было сделано, и гарнизоны были размещены в Эльбурге и Хаттеме. Этот шаг вызвал очень большое волнение в Голландии и особенно в Амстердаме; и лидеры патриотов почувствовали, что пришло время принять меры, с помощью которых можно объединить все свои силы в различных частях страны для общей обороны и совместных действий. Результатом всего этого было то, что движение становилось все более и более революционным в своих целях. Это было так до такой степени, что многие из старых аристократических регентов, выступавших против стадгольдеров, начали понимать, что осуществление программы народных реформ патриотов будет означать свержение системы правления, которую они поддерживали, одновременно с системой стадгольдеров.

Ответом сословий Голландии на решительные меры, принятые против Эльбурга и Хаттема, было "временное" отстранение принца от должности генерал-капитана и отзыв, по собственному усмотрению, всех находящихся на жаловании в провинции войск, несущих службу в пограничных крепостях (август 1786 г.). По мере того как шел год, агитация становилась все громче; все большее число людей зачислялось в вольный корпус. Полное господство ультрадемократических патриотов было доказано и обеспечено бурными собраниями в Амстердаме (21 апреля 1787 г.), а несколькими днями позже в Роттердаме, вынудившими городские советы уволить в Амстердаме девять регентов и в Роттердаме семерых, подозреваемых в оранжевых пристрастиях. Голландия теперь была полностью под контролем патриотов; и демократы в других округах с нетерпением ждали сил, которые Голландия могла бы ввести в действие для защиты дела патриотов от тиранических актов угнетения со стороны войск штатгальтера. Летом 1787 года силы с обеих сторон собирались на границах провинции Утрехт, и уже происходили частые столкновения. Ничто, кроме нерешительности принца, не предотвратило фактического начала всеобщей гражданской войны. Однако в критический момент напряженного ожидания произошел инцидент, который должен был кардинально изменить ситуацию.[стр.335]

Малодушная позиция Уильяма (на самом деле он говорил об отъезде из страны в Нассау) ни в коем случае не была приемлема для его пылкой жены. Принцесса была полностью за энергичные действия, и она вырвала у Уильяма неохотное согласие на ее возвращение из Неймвегена, где в целях безопасности она проживала со своей семьей, в Гаагу. В этом политическом центре она поддерживала бы тесную связь с сэром Дж. Харрисом и Ван де Шпигелем и смогла бы организовать в Голландии мощную оппозицию господству патриотов. Это был смелый шаг, успех которого во многом зависел от секретности, с которой он был осуществлен. 28 июня Вильгельмина отправилась из Неймвегена, но комендант свободного корпуса в Гауде, услышав, что в Шунховене и Хаасрехте заказаны лошади для значительного отряда, немедленно отправил в штаб за инструкциями. Ему было приказано не пропускать никаких подозрительных лиц. Соответственно, он остановил принцессу и продержал ее на ферме до прибытия в Верден членов Комитета обороны. Они отнеслись к ее высочеству (узнав о ее качестве) со всем уважением, но ей сообщили, что она не может продолжить путь без разрешения Поместий Голландии. Возмущенная принцесса не стала дожидаться получения разрешения, а вернулась в Неймвеген.

Британский посол Харрис немедленно подал иск поместий Голландии в Генеральные штаты и потребовал удовлетворения; а 10 июля прусский посол фон Тулемейер выдвинул еще более

категоричное требование. Фридрих Вильгельм II был разгневан обращением, которому подверглась его сестра; и, когда власти Голландии отказались наказать провинившихся чиновников на том основании, что оскорбление не было намеренным, был немедленно отдан приказ армии численностью 20 000 человек под командованием Карла, герцога Брауншвейгского, перейти границу и потребовать возмещения ущерба. Пруссаки вошли тремя колоннами и встретили небольшое сопротивление. Утрехт, где стояли лагерем 7000 добровольцев-"патриотов", был эвакуирован, все силы обратились в бегство и в беспорядке отступили в Голландию. Горкум, Дордрехт, Кампен и другие города сдались без единого удара; и 17 сентября войска Брауншвейга вошли в Гаагу при всеобщем ликовании. Толпа была одета в оранжевые одежды, и улицы оглашались криками *"Оранже бовен"*. Амстердам все еще держался и готовился к обороне, надеясь на помощь Франции; и туда бежали лидеры патриотической партии вместе с [стр.336] представителями шести городов. Дворянство, представители восьми городов и совет-пенсинарий остались в Гааге, встретились как Сословия Голландии, отменили все антиоранжевые указы и пригласили принца вернуться. Среди сцен большого энтузиазма штатгальдер въехал в Бинненхоф 20 сентября. Надежды беженцев-патриотов в Амстердаме на французскую помощь были напрасны, поскольку французское правительство было не в том положении, чтобы кому-либо помогать. Как только прусская армия появилась перед воротами, городской совет, как и в 1650 году, не пожелал подвергать благосостояние города вооруженному сопротивлению, и были начаты переговоры с Брауншвейгом. 3 октября Амстердам капитулировал, и кампания закончилась.

Теперь принцесса была в состоянии потребовать возмещения нанесенного ей оскорбления; и, хотя ее условия были суровыми, Поместья Голландии подобострастно согласились их выполнить (6 октября). Она потребовала наказания всех, кто принимал участие в ее аресте, роспуска "Свободного корпуса" и чистки различных городских советов от несносных личностей. Все это было сделано. В середине ноября основные силы пруссаков отошли, но отряд в 4000 человек остался, чтобы помогать голландским войскам поддерживать порядок. Английский посол Харрис и Ван де Шпигель были главными советниками ныне доминирующего оранжевого правительства; и были предприняты решительные шаги для установления отныне наследственного штадхолдерства на прочной основе. Все лица, занимающие какие-либо должности, должны были поклясться поддерживать соглашение 1766 года и заявить, что "высокие и наследственные звания", присвоенные принцам Оранским, были "существенной частью конституции не только каждой провинции, но и всего государства". 21 ноября принц провозгласил амнистию, но в ней содержалось так много исключений, что это привело к тому, что большое число патриотов искали убежища в зарубежных странах, как, впрочем, уже сделали многие лидеры, главным образом во Франции и бельгийских Нидерландах. Говорили, что изгнанников насчитывалось до 40 000 человек, но это, возможно, преувеличение. Победа оранжевой партии была полной, но триумф, достигнутый с помощью иностранного захватчика, был куплен дорогой ценой. Прусские войска, отступая с добычей после многочисленных бесчинств, оставили после себя наследие ненависти.

ГЛАВА XXVI

ОРАНЖЕВАЯ РЕСТАВРАЦИЯ. ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ, 1788-1795

Одним из первых шагов, предпринятых после восстановления власти штатгальтера, было назначение Лоренса Питера ван де Шпигеля на должность муниципального пенсионера Голландии вместо триммера Блейсвейка. То, что зеландец должен занимать этот самый важный пост в поместьях Голландии, совершенно противоречило обычаям, но влияние принцессы и Харриса обеспечило его единогласное избрание 3 декабря 1787 года. Ван де Шпигель проявил себя как государственный деятель с высокими способностями, здравым смыслом и большой умеренностью, не недостойный того, чтобы быть причисленным к наиболее выдающимся лицам, занимающим свой великий пост. Он ясно видел безнадежный тупик и неразбериху в государственном аппарате и необходимость его кардинального пересмотра, но он был способен добиться этого не больше, чем его предшественники. Слабость штатгальтера, своеволие принцессы и эгоистичная привязанность патрициев-регентов к своей привилегированной монополии на гражданскую власть были непреодолимыми препятствиями для любых попыток вмешаться в существующее положение вещей. Врожденная слабость Республики была такова, что она была независимым государством не более чем по названию; ее форма правления гарантировалась иностранными державами, на которых ей приходилось полагаться в своей защите от внешних врагов.

Пруссии с помощью вооруженной силы, Англии - дипломатической поддержки удалось восстановить наследственное стадхолдерство на господствующее положение в государстве. Первой заботой триумvirата Харриса, Ван де Шпигеля и принцессы было закрепить то, что было достигнуто путем заключения оборонительного союза между Республикой, Великобританией и Пруссией. После того, что произошло, это было нетрудной задачей; и в один и тот же день, 15 апреля 1788 года, между Генеральными штатами и двумя державами-покровительницами были подписаны два отдельных договора, каждое из трех государств обязывалось предоставить определенную норму войск, кораблей или денег, если потребуется. И Пруссия, и Англия дали надежную гарантию для[стр.338] сохранения наследственного стадхолдерства. За этим последовало заключение англо-прусского союза, направленного против Франции и Австрии (13 августа). Брак наследного принца с Фредерикой Луизой Вильгельминой Прусской добавил еще один к многочисленным королевским союзам

Оранского дома; но, хотя это и повысило престиж положения штатгальтера, это лишь сделало это положение более зависимым от поддержки иностранца.

Член совета-пенсионер Ван де Шпигель сделал все, что мог сделать государственный деятель в эти трудные времена, чтобы провести реформы и навести порядок из хаоса. Республике повезло, что штатгальтер оценил достоинства этого выдающегося слуги государства и доверил ему в значительной степени руководство делами. Внутри страны дух фракционности был, по крайней мере внешне, подавлен прусским военным вмешательством, но внешне были серьезные причины для тревоги. Ван де Шпигель с растущим беспокойством наблюдал за угрожающим аспектом событий во Франции, предшествовавшим великой революции; и еще более серьезным было восстание, которое реформаторское рвение Иосифа II вызвало вспышку в австрийских Нидерландах. Личный визит Жозефа в свои бельгийские владения наполнил его горячим желанием отменить различные провинциальные привилегии и обычаи и заменить их административным единообразием. Не меньшим было его стремление освободить образование от влияния духовенства. Тем самым он вызвал ожесточенное сопротивление как клерикалов, так и демократов, что привело к вооруженному восстанию в Брабанте и других местах. Беспорядочная борьба продолжалась в течение 1787, 88 и 89 годов, закончившись в январе 1790 года заседанием Генеральных штатов в Брюсселе и образованием федеративной республики под названием "Соединенные Штаты Бельгии". Все это очень беспокоило голландское правительство, которое больше всего опасалось, как бы попытка Австрии отвоевать страну не привела к европейскому конфликту вблизи их границ. Смерть Жозефа 24 февраля 1790 года привела к исчезновению опасности. Его брат, Леопольд II, сразу же предложил восстановить древние привилегии и благодаря такту и умеренности преуспел в восстановлении австрийского правления на старых условиях. То, что этот результат был достигнут без какого-либо вмешательства иностранных держав, в немалой степени объяснялось конференцией в Гааге, на которой Ван де Шпигель провел переговоры с представителями Пруссии, Англии и Австрии об урегулировании бельгийского вопроса без нарушения мира.[стр.339]

Совет-пенсионер обнаружил, что финансы страны находятся в состоянии сильного замешательства. Одной из его первых забот была переоценка провинциальных квот, некоторые из которых были сильно просрочены и недостаточны по объему, что ложилось непропорциональным бременем на Голландию. Это была трудная задача, но она была успешно выполнена. Затем его серьезного внимания потребовали дела Ост- и Вест-Индской компаний. Обе они были практически банкротами.

Ост-Индская компания в течение 18 века постепенно приходила в упадок. Его целью было извлечение богатств с Явы и других ее восточных владений; и, удерживая монополию на торговлю и вынуждая туземцев передавать должностным лицам Компании долю продукции земли по цене, установленной Компанией намного ниже ее реальной стоимости (*условный-en leverantie-stelsel*), страна лишилась своих ресурсов, а жители обнищали просто для того, чтобы увеличить дивиденды акционера. Это было достаточно плохо, но ситуация усугублялась типом людей, которых директора, все из которых принадлежали к патрицианским семьям-регентам, отправляли на должности генерал-губернаторов и подчиненных им губернаторств. На протяжении многих десятилетий этих чиновников выбирали не за их подтвержденный опыт или знание Востока или индийской торговли, а из-за семейных связей; и кандидаты выдвигались с намерением обогатиться как можно быстрее. Это привело ко всевозможным злоупотреблениям,

и прибыль Компании от всех этих причин продолжала уменьшаться. Но, чтобы сохранить свой кредит, Правление XVII продолжало выплачивать большие дивиденды из капитала, что неизбежно привело к тому, что Компания залезла в долги и была вынуждена обратиться за помощью к государству. Война с Англией завершила ее разорение. В июне 1783 года Управление поместий Голландии назначило Комиссию для изучения дел Компании. Слишком много людей в Голландии вложили в это свои деньги, а торговля с Индией была слишком важна, чтобы допустить фактический крах Компании. Соответственно, директорам был выдан аванс в размере 8 000 000 флоринов с гарантией погашения 38 000 000 долга. Но дела шли все хуже и хуже. В 1790 году задолженность Компании составляла 85 000 000 флоринов. Ван де Шпигель и другие были убеждены, что единственным удовлетворительным решением для государства было бы распустить Компанию и передать индийские владения под полный суверенитет ценой погашения долга, в 1791 году была назначена комиссия, которая отправилась на Восток и [стр. 340] составила отчет о состоянии колоний. Прежде чем их миссия была выполнена, французские армии захватили Республику. Только в 1798 году существование Компании фактически подошло к концу. Для Вест-Индской компании последствия английской войны также были катастрофическими. Гвианские колонии, чьи сахарные плантации были источником большой прибыли, были завоеваны сначала англичанами, затем французами; и, хотя после войны они были восстановлены, нанесенный ущерб поставил Компанию в тяжелое положение. Срок действия его устава истек в 1791 году, и он не был продлен. Колонии стали колониями государства, акционеры получили компенсацию путем обмена своих обесценившихся акций на государственные облигации.

Однако оранжевая реставрация и усилия Ван де Шпигеля укрепить свои позиции с помощью благотворных реформ были обречены на недолгую продолжительность. Муниципальный пенсионарий, несмотря на свое желание покинуть свой пост по истечении пятилетнего срока полномочий, был переизбран Сословиями Голландии 6 декабря 1792 года и уступил оказанному на него давлению с требованием продолжить выполнение своих обязанностей. Форма правления, которая была навязана патриотической партии против их воли с помощью иностранных штыков, несомненно, имела много врагов; и такая перспектива постоянства, какая у нее была, заключалась в доброй воле и доверии, внушаемых государственной и примирительной политикой Ван де Шпигеля. Но вскоре ей суждено было быть сметенной катаклизмом Французской революции, находящейся сейчас на пике своего разрушительного хода.

Во Франции экстремальные революционные идеи быстро распространились, что привело к свержению короля с престола и тюремному заключению 10 августа 1792 года. Вторжение во Францию прусской и австрийской армий лишь разожгло во французском народе, опьяненном вновь обретенной свободой, неистовый патриотизм. Наспех собранным армиям удалось сдержать вторжение при Вальми 20 сентября 1792 года; и, в свою очередь, вторгшись в Бельгию под предводительством Дюмурье, они полностью разгромили австрийцев при Жемаппе 6 ноября. Вся Бельгия была захвачена и декретом Французского конвента была аннексирована. Пламенные энтузиасты, в руки которых попало правительство Французской Республики, стремились силой оружия донести принципы свободы, братства и равенства до всей Европы, заявляя, что "все правительства - наши враги, все народы - наши друзья". Южные [стр. 341] Нидерланды были завоеваны, и было очевидно, что северная Республика быстро вызовет нападение. Голландское правительство, стремясь избежать каких-либо поводов для военных действий, тщательно воздерживалось от какого-либо поощрения эмигрантов или поддержки

врагов Французской Республики. Ван де Шпигель даже выразил Де Молду, французскому послу, желание установить дружеские отношения с республиканским правительством. Но якобинцы смотрели на Соединенные провинции как на зависимую страну своих врагов Англии и Пруссии; и когда после казни короля английский посол был отозван из Парижа, Национальный конвент немедленно объявил войну Англии и в то же время штатгальтеру Голландии "из-за его рабской зависимости от дворов Сент-Джеймса и Берлина".

Дюмурье во главе французской армии готовился вступить в Соединенные провинции в двух точках. Основные силы под его собственным командованием должны были переправиться через Мердейк к Дордрехту, а затем наступать на Роттердам, Гаагу, Лейден и Харлем. Его сопровождал так называемый *батавский легион*, набранный из патриотов-изгнанников под командованием полковника Данделса, когда-то ярого сторонника антиоранжевых в Хаттеме. Генерал Миранда, осаждавший Местрихт, должен был пройти через Неймвеген и Венлоо к Утрехту. Затем эти две силы должны были объединиться и стать хозяевами Амстердама. Амбициозный план провалился. Поначалу успех сопутствовал Дюмурье. Бреда пал после слабого сопротивления, также Де Клундерт и Гертруденберг. Тем временем наступление австрийской армии под Кобургом освободило Местрихт и нанесло поражение французам при Альденховене 1 марта 1793 года. Дюмурье, вынужденный отступить, сам был разбит при Неервиндене 18 марта и отступил в Антверпен. На данный момент опасность была предотвращена. Революционные движения в Амстердаме и других местах не оправдали надежд патриотов, и голландское правительство снова смогло вздохнуть свободно.

Действительно, казалось, что французской угрозы больше не нужно опасаться. Дюмурье перешел на другую сторону и, не сумев склонить свои войска следовать за ним, укрылся во вражеском лагере. Благодаря энергии Питта была сформирована мощная коалиция против революционной Франции, и в апреле 1794 года сильная английская армия под командованием герцога Йоркского вступила в Кобург. Их поддерживали 22 000 голландских солдат под командованием двух сыновей принца Оранского.[стр.342]

Однако новые французские армии, организованные гением Карно, оказались более чем достойными союзных войск, действовавших без какого-либо единства действий под руководством медлительных и некомпетентных лидеров. Кобург и австрийцы потерпели тяжелое поражение при Флерюсе от Журдана 26 июня. После этого Йорк и принц Уильям отступили через границу, за ними последовали французы под командованием Пишегрю, в то время как другой французский генерал, Моро, взял Слуис и захватил голландскую Фландрию. Это придало новый импульс патриотической партии, которая в Амстердаме сформировала революционный комитет, лидерами которого были Гогель, Ван Дам и Крайенхофф. Открыто ничего предпринято не было, но с помощью большого числа так называемых обществ чтения (*leesgezelschappen*) были проведены тайные приготовления к всеобщему восстанию, как только позволили обстоятельства, и тем временем поддерживалась связь с изгнанными патриотами. Но Пишегрю, хотя и захватил Мейстрихт и другие города, был очень осторожен в своих передвижениях и не доверял обещаниям Амстердамского конвента о том, что после его вступления в Голландию последует всеобщее восстание.

Таким образом, 1794 год подходил к концу; и, поскольку никакой дальнейшей помощи от Англии или Пруссии получить было невозможно, Генеральные штаты сочли возможным спасти Республику от участи Бельгии, начав переговоры о мире с врагом. Соответственно, два

посланника, Бранцен и Репелер, были отправлены 16 декабря во французскую штаб-квартиру, откуда они проследовали в Париж. Опасаясь, что их планы восстания могут быть сорваны, амстердамский комитет также направил двух представителей, Блау и Ван Дама, в Париж, чтобы противодействовать посланцам Ван де Шпигеля и призвать французское командование к немедленному наступлению на Голландию. Уход остатков английской армии под командованием герцога Йоркского и наступление сильных морозов придали силы их заявлениям. Армия Пишегрю, сопровождаемая Денделсом и его батавским легионом, смогла переправиться через реки, и перед ними открылась Голландия. Напрасно два молодых оранжевых принца делали все возможное, чтобы организовать сопротивление. В январе 1795 года сдавался один город за другим, и 19-го Денделс без сопротивления вошел в Амстердам.

Революция полностью восторжествовала, ибо в этот самый день штатгальтер, несмотря на протесты своих сыновей и усилия совета-пенсионария, покинул страну. Английское правительство[стр.343] предложило принять Вильгельма V и его семью; и были тихо приняты меры к переправе через Северное море. Принцесса со своей невесткой и внуком уехали первыми; а 17 января 1795 года сам Вильгельм на том основании, что французы никогда не будут вести переговоры, пока он находится в стране, попрощался с Генеральными штатами и иностранными послами. На следующий день он вместе со своими сыновьями и домочадцами сел на несколько рыболовных судов в Схевенингене и вышел в море. С его уходом государственному владению и Республике Объединенные Нидерланды пришел конец.

[стр.344]

ГЛАВА XXVII

БАТАВСКАЯ РЕСПУБЛИКА, 1795-1806

19 января 1795 года Амстердам перешел в руки наступающих французских войск. Денделс ранее распространил прокламацию, в которой говорилось, "что представители французского народа желают, чтобы голландская нация стала свободной; что они не желают угнетать их как завоевателей, но вступить с ними в союз как со свободным народом". Полная смена городской

власти произошла без каких-либо беспорядков или пролития крови. По вызову Революционного комитета члены городского совета покинули зал заседаний и были заменены двадцатью одним гражданином "в качестве временных представителей народа Амстердама". Президентом этого органа был назначен Рутгер Ян Шиммельпенник, бывший адвокат Совета. Другие города, один за другим, последовали примеру столицы. Патрицианские корпорации были упразднены и заменены временными муниципальными собраниями. Повсюду падение старогорежия было встречено с бурной радостью теми широкими слоями голландского населения, которые усвоили революционные принципы; а французские войска были встречены "патриотами" как братья и освободители. "Деревья свободы", раскрашенные в национальные цвета, были установлены на главных площадях, и горожане в "шапках свободы" танцевали вокруг них рука об руку с иностранными солдатами. Приготовление пиршеств, иллюминации и страстные речи о том, что для батавского народа наступила новая эра "свободы, братства и равенства", были в порядке вещей. Революция не ограничивалась городскими корпорациями. По приглашению Амстердамского комитета и под защитой французских представителей депутации из четырнадцати городов встретились в Гааге 26 января. Завладев залом собраний поместий Голландии и избрав своим президентом Питера Паулюса, человека, пользующегося всеобщим уважением, это Временное собрание приступило к изданию серии декретов, подрывающих все древние институты страны. Представительство сословиями и [стр.345] были упразднены должности штатгальтера и совета-пенсионария. Старые коллегии, такие как Совет уполномоченных, Адмиралтейство, Счетная палата, были преобразованы в Комитеты общего благосостояния, по вопросам войны, морской пехоты, финансов и т.д. Другие провинции, в свою очередь, последовали примеру Голландии; и изменения в провинциальных администрациях затем быстро распространились на Генеральные штаты. Они сохранили свое название, но теперь должны были представлять граждан всей страны. Государственный совет был преобразован в Комитет по общим вопросам, а Колониальный совет заменил Ост- и Вест-Индскую компании и Общество Суринама. Комитету по общим вопросам была поручена задача составления плана созыва Национального собрания 4 марта.

До сих пор в ходе революционного движения все шло гладко, настолько, что его лидеры, похоже, почти забыли, что земля находилась под оккупацией иностранного завоевателя. Однако безоговорочное признание независимости Батавы в декларации Денделса вызвало недовольство в Париже. Комитет общественного спасения не имел намерения отказываться от плодов победы, и два члена Конвента, Кошон и Рамель, были отправлены в Голландию для доклада о состоянии дел. Они прибыли в Гаагу 7 февраля. В обоих отчетах рекомендовалось взимать с Республики военную контрибуцию, но советовалось проявлять умеренность, поскольку, хотя частное богатство голландцев потенциально было большим, государство было практически неплатежеспособным. Эти предложения были слишком мягкими, чтобы понравиться Комитету общественной безопасности. Новые Генеральные штаты отправили (3 марта) двух посланников, Ван Блау и Мейера, в Париж с инструкциями предложить заключить союзный договор и о торговле с Францией, просить о выводе французских войск и о том, чтобы земля не была наводнена *ассигнациями*. Независимость Батавской республики воспринималась как должное. Совсем иными были условия, поставленные перед ними Мерленом де Дуатом, Ребеллом и Сийесом. Требовалась военная контрибуция в размере 100 000 000 флоринов, которая должна была быть выплачена наличными в течение трех месяцев, заем на такую же сумму под 3 процента и сдача всей территории к югу от Ваала вместе с голландской Фландрией, Вальхереном и Южным Бевеландом. Более того, независимость

Батавы не должна была признаваться до тех пор, пока не будет составлен удовлетворительный договор по вышеуказанным направлениям.[стр.346]

Эти жесткие условия были 23 марта отклонены Генеральными штатами. Однако более мудрые советы предотвратили отправку этого категорического отказа в Париж, и была выражена надежда, что политика отсрочки может обеспечить более выгодные условия. Переговоры медленно продвигались в течение марта и апреля; и, поскольку Блау и Мейер не имели полномочий в качестве аккредитованных полномочных представителей, Комитет решил направить Ребелла и Сийеса в Гаагу, вооруженных всеми полномочиями для продвижения дела.

Послы прибыли в Гаагу 8 мая и застали Генеральные Штаты в более уступчивом настроении, чем можно было ожидать, исходя из их прежнего отношения. Ребелл и Сийес знали, как сыграть на страхах Временного правительства, представив им, что, если предложенные ими условия будут отклонены, их выбор будет лежать между аннексией Франции или оранжевой реставрацией. Генеральные штаты назначили четырех членов, обладающих полными полномочиями для ведения переговоров. Конференции начались 11 мая; и через пять дней было достигнуто соглашение. Батавская республика, признанная свободным и независимым государством, вступила в наступательный и оборонительный союз с Французской Республикой. Но голландцам пришлось уступить Маэстрихт, Венлоо и Голландскую Фландрию и выплатить контрибуцию в размере 100 000 000 флоринов. Флашинг должен был принять французский гарнизон, а его гавань должна была использоваться совместно двумя державами; 25 000 французских солдат должны были быть расквартированы в Республике и должны были получать питание, одежду и жалованье. Голландцы были вынуждены разрешить свободное обращение ничего не стоящих *ассигнаций* в своей стране.

Одним из первых результатов этого договора стал разрыв с Великобританией. Голландское побережье было блокировано; британские флоты прекратили всю морскую торговлю; голландские колонии в Ост- и Вест-Индии были захвачены одна за другой. Действия принца Оранского облегчили эту задачу. Уильям передал в руки британского командования письма, адресованные губернаторам голландских колоний, в которых им предписывалось "принять войска, посланные от имени его Британского Величества, и не оказывать сопротивления британским военным кораблям, но рассматривать их как суда дружественной державы". Мыс Доброй Надежды сдался адмиралу Родни; за ним вбывстрой последовательности последовали Малакка, Цейлон и Молуккские острова. Эскадра из девяти кораблей под командованием контр-адмирала Лукаса, отправленная для возвращения Кейпа и других владений Восточной Индии, была вынуждена сдаться англичанам в заливе Салданья 17 августа 1796 г.[стр.347] почти без сопротивления из-за симпатий экипажей к оранжевым. Не лучше обстояли дела и в вест-индских колониях. Демерара, Эссекибо и Бербис капитулировали весной 1796 года; Суринам оставался в руках голландцев до 1799 года; Ява до 1801 года. Оккупация англичанами этого острова, самого важного из всех голландских заморских владений, завершила рассказ об их колониальных потерях. Наступательный и оборонительный союз с Францией, таким образом, привел Республику как торговую и колониальную державу к краху, который не смогли предотвратить усилия временного правительства под давлением Франции по реорганизации и укреплению своих военно-морских сил. Бывшим изгнанникам Данделю и Дюмонсо, получившим звание генералов на французской службе, по возвращении было поручено создать армию численностью в 36 000 человек, дисциплинированную и оснащенную по французской системе. Военно-морским флотом занимался специальный комитет, энергичным президентом

которого был Питер Паулус. К несчастью для Комитета, значительная часть офицеров и экипажей были убежденными оранжистами. Большинство офицеров подали в отставку, и возникла необходимость провести чистку экипажей. Их места должны были занять менее опытные и заслуживающие доверия люди; но вице-адмирал Ян де Винтер сделал все возможное, чтобы создать флот в пригодном состоянии, чтобы присоединиться к французскому и испанскому флотам в сопровождении экспедиционных сил для высадки на побережье Ирландии. В июле 1797 года в Текселе было сосредоточено восемьдесят кораблей с войсками на борту, готовых присоединиться к франко-испанским эскадрам, которые должны были отплыть из Бреста. Но соединение так и не состоялось. Неделя за неделей голландский адмирал не мог покинуть Тексель из-за встречных ветров. От идеи вторжения в Ирландию отказались, но так велико было разочарование в Голландии и такое давление, оказанное на Де Винтера Комиссией по иностранным делам, что он был вынужден против своей воли выйти в море 7 октября и атаковать английский флот под командованием адмирала Дункана, который блокировал голландское побережье. Количество судов с обеих сторон не было неравным, но ни офицеры, ни команды под командованием Де Винтера не могли сравниться в мореходном мастерстве и опыте со своими противниками. Флоты встретились у Кампердауна, и голландцы сражались со своей традиционной храбростью, но поражение было полным. Из шестнадцати линейных кораблей девять были захвачены, включая флагманский корабль самого Де Винтера.[стр.348]

Тем временем в Республике возникли сильные разногласия относительно формы правления, которая должна была прийти на смену старой конфедерации семи суверенных провинций. Вероятно, никто не хотел продолжать систему, которая давно доказала свою устарелость и неработоспособность. Но партикуляризм все еще был силен, особенно в небольших провинциях. Страна оказалась разделенной на две резко противостоящие партии - унитариев и федералистов. Унитарии были самыми активными, и собрания местных якобинских клубов проводились по всей стране. В конце концов было решено провести центральную встречу делегатов от всех клубов в Гааге. Встреча состоялась 26 января 1796 года, и были приняты резолюции в пользу созыва Национального собрания для разработки новой конституции на унитарных началах. Голландия и Утрехт выдвинули этот вопрос в Генеральных штатах, и их поддержали Гелдерланд и Овериссель, но Зеландия, Фрисландия и Гронинген отказались дать свое согласие. Их действия были в значительной степени финансовыми, поскольку провинции, задолженность которых была небольшой, опасались, что объединение увеличит их бремя. Но даже в непокорных провинциях было большое количество умеренных людей; и благодаря вмешательству французского посла Нееля, который оказал сильную поддержку унитариям, предложение Голландии о созыве Национального собрания 1 марта (18 февраля) было поддержано единогласным голосованием. Затем специальный комитет быстро разработал следующее Временное постановление. Земля была разделена на округа, каждый из которых насчитывал 15 000 жителей; они снова были разделены на основные собрания (*грондвергадеринген*) из 500 человек; каждое из этих собраний выбирало "выборщика" (*кизер*); а затем группа из тридцати выборщиков выбирала депутата, представляющего округ. Таким образом, Национальное собрание должно было состоять из ста двадцати шести членов; его обсуждения должны были быть публичными, голосование - индивидуальным, а большинство - преобладающим. Должна была быть назначена комиссия из двадцати одного депутата, которым предстояло разработать проект Конституции, который после одобрения Ассамблеей должен был быть представлен всему народу для принятия или отклонения.

Ассамблея, собравшись должным образом 1 марта 1796 года в Бинненхофе в Гааге, избрала Питера Паулюса своим президентом, но, к несчастью, очень быстро лишилась его опытного руководства. В течение некоторого времени у него было плохое здоровье, и 17 марта он скончался. На его долю выпало[стр.349] присутствовать на торжественном закрытии последнего заседания Генеральных штатов, которые управляли Республикой Объединенные Нидерланды более двух столетий.

Национальное собрание отразило явные различия во мнениях в стране. Мнение оранжистов не имело представителей, хотя, возможно, более половины населения симпатизировало оранжевым. Все депутаты в принципе принимали французские революционные идеи, но существовали три отдельные партии: унитаристы, умеренные и федералисты. Умеренные, составлявшие большинство, занимали, как следует из их названия, промежуточное положение между унитаристами или революционной партией, которые стремились к централизованной республике по французскому образцу, и федералистами или консерваторами, которые стремились сохранить, насколько это возможно, права нескольких провинций и городов самостоятельно управлять своими делами. Лидерами унитариев были Фриде, Миддериг, Валькенир и Гогель; умеренных - Шиммельпеннинк, Хан и Кантеллаур; федералистов - Витринга, Ван Марле и Де Мист. После смерти Питера Паулюса самым влиятельным человеком в Ассамблее, состоящей в основном из политиков без какого-либо парламентского опыта, был красноречивый и проникательный Шиммельпеннинк, чья оппортунистическая умеренность проистекала из естественной неприязни к крайностям.

Одной из первых забот Ассамблеи было назначение Комиссии из двадцати одного члена для разработки проекта Конституции. (Так называемый) Регламент, отражающий взгляды умеренного большинства, был представлен Ассамблее 10 ноября. Отныне Республика должна была стать единым государством, управляемым Суверенным Народом; но старые провинции, хотя теперь и назывались департаментами, должны были сохранить за собой широкие административные права и свои отдельные финансовые квоты. Проект встретил ожесточенное сопротивление унитариев, но после долгих обсуждений и множества поправок он, наконец, был принят большинством. Однако, прежде чем стать законом, оно должно было быть представлено народу; и сеть якобинских клубов по всей стране под руководством центрального клуба в Амстердаме вела широкомасштабную и тайную революционную пропаганду против этого Постановления. Они пытались заручиться открытым сотрудничеством французского посла Ноэля, но он, действуя по указанию осторожного Талейрана, не был расположен связывать себя обязательствами.

Унитарная кампания была настолько успешной, что Постановление,[стр.350] после представления на Основные собрания, было отклонено 136 716 голосами против 27 955. В этих обстоятельствах, как было ранее организовано Временным правительством, было необходимо созвать другое Национальное собрание для разработки другого проекта Конституции. Оно собралось 1 сентября 1797 года. Умеренные, хотя и потеряли несколько мест, все еще составляли большинство; и новая Комиссия из Двадцати одного человека, как и прежде, придерживалась федералистских взглядов. Поэтому унитарии, не дожидаясь их предложений, под руководством стойкого революционера Врейди, решили предпринять решительные действия. Запланированному ими *государственному перевороту* способствовали два события. Первой была революция в Париже 4 сентября 1797 года, которая привела к замене посла Ноэля ярко выраженным якобинцем Чарльзом Делакура. Другим событием была

катастрофа, постигшая голландский флот при Кампердауне, вина за которую была возложена на Временное правительство.

Поскольку Делакруа заверил Фрида и его союзников в поддержке новой французской директории и сотрудничестве французского генерала Жубера и Данделса, командующего батавской армией, они выбрали для осуществления своего плана неделю, на которой Миддери, один из союзников, занял свой пост президента Ассамблеи. Миддери, в силу своей должности командовавший гражданскими силами Гааги, 22 января 1798 года схватил и заключил в тюрьму членов Комитета по иностранным делам и двадцать два члена Ассамблеи. Затем "Крестец" собрался под защитой сильного контингента войск и объявил себя Учредительным собранием, представляющим батавский народ. По французской модели был назначен Исполнительный совет, состоящий из пяти членов, Фриде, Файнье, Фоккера, Вильдрика и Ван Лангена, и новая Комиссия из семи человек для разработки Конституции. "Регламент" был отклонен; и Ассамблея торжественно провозгласила свое "неизменное неприятие" стадгольдерства, федерализма, аристократии и децентрализации правительства.

Отныне французское влияние было первостепенным, и проект новой Конституции, в разработке которой Делакруа принимал ведущее участие, был готов 6 марта. Одиннадцать дней спустя он был одобрен Ассамблеей. Основные собрания, в свою очередь, одобрили его 165 520 голосами против 11 597, при этом было оказано значительное официальное давление для обеспечения этого результата; и таким образом Конституция вступила в законную силу. Его основные положения были направлены на полное[стр.351] уничтожение старого провинциального партикуляризма. Земля была разделена на восемь департаментов, границы которых ни в коем случае не совпадали с границами провинций. Голландия была разделена на пять департаментов; Амстел со столицей в Амстердаме был единственным, который не включал в себя части двух или более провинций. Каждый департамент был разделен на семь кругов; каждый из них вернул по одному члену; и группа из семи человек сформировала правительство департамента. Круги, в свою очередь, были разделены на коммуны, в каждом департаменте было шестьдесят или семьдесят человек. Однако все эти местные администрации были в полной мере подчинены власти, осуществляемой центральным представительным органом. С целью избрания этого органа земля была разделена на девяносто четыре округа; каждый округ - на сорок "Основных собраний", в каждом по 500 человек. Сорок "выборщиков", выбранных этими подразделениями, в свою очередь, избирали заместителя от департамента. Девяносто четыре депутата сформировали Представительный орган, который был разделен на две палаты. Вторая палата из тридцати членов ежегодно избиралась по жребию из девяносто четырех, остальные шестьдесят четыре составляли Первую палату. Разработка и внесение предложений по всем законам были прерогативой Первой палаты. Вторая палата приняла или отклонила эти предложенные законы, но для второго отклонения требовалось большинство в две трети голосов. Исполнительная власть была возложена на Директорат из пяти человек, один из которых должен был ежегодно выходить на пенсию. На его место Вторая палата выбрала одного из трех человек, отобранных Первой палатой. Директорату помогали восемь агентов или министров: иностранных дел, войны, морской пехоты, финансов, юстиции, полиции, образования и экономики. Финансы были национализированы, все расходы и долги были распределены совместно. Церковь и государство были разделены, выплаты реформированным служащим от государства прекратились через три года.

Таков был проект, но ему не суждено было осуществиться без очередного *государственного переворота*. Теперь обязанность Учредительного собрания заключалась в том, чтобы приступить к выборам Представительного органа. Вместо этого 4 мая 1798 года Ассамблея объявила себя Представительной, так что власть осталась в руках Исполнительного совета, который боялся, что на выборах большинство вернут "умеренные". Но этот автократический акт вызвал значительное недовольство среди всех, за исключением крайней якобинской фракции. Противники Исполнительного совета нашли лидера в Денделсе, [стр.352] который, хотя и был убежденным "юнионистом", был недоволен произволом этого самопровозглашенного правительства, и особенно в вопросах, связанных с армией. Денделс отправился в Париж, где был благосклонно принят министром иностранных дел Талейраном и с его помощью смог убедить французскую директорию в том, что не в их интересах поддерживать якобинский совет в незаконном удержании их на посту. Соответственно, Дандельс вернулся в Голландию, где нашел французского командующего Жубера, дружелюбно относящегося к его проекту, и трех "агентов", включая Пиджмана, военного министра, готовых помочь ему. Назначенный командующим войсками в Гааге, Денделс (12 июня 1798 г.) арестовал директоров и президентов двух палат. Учредительное собрание было распущено, и 31 июля был избран новый Представительный орган. Умеренные, как и ожидалось, составили значительное большинство; и пять членов этой партии, Ван Хассельт, Хет, Ван Херсолте, Ван Хефт и Эрмериус, были назначены директорами.

Теперь, наконец, в стране действовала устоявшаяся конституция, основанная на либеральных принципах и народном представительстве. Денделс, хотя его влияние было велико, никогда не пытался играть роль военного диктатора; и, хотя партийные страсти были сильны, политических преследований не последовало. Тем не менее Батавскую республику ожидали смутные времена, и Конституции 1798 года не суждено было прожить долго.

Российский император Павел поднял оружие вместе с Великобританией и Австрией против революционной Франции, и надежды оранжевой партии начали расти. Наследственный принц был очень активен, и, хотя он не смог побудить своего шурина, короля Пруссии, предпринять активные шаги в свою пользу, ему удалось добиться вмешательства англо-русских сил от своего имени. В августе 1798 года сильный английский флот под командованием адмирала Дункана появился у берегов Текселя и от имени принца Оранского потребовал сдачи батавского флота, находившегося там под командованием контр-адмирала Стори. История отклонена. Шторм помешал англичанам предпринять немедленные действия; но 26-го была произведена высадка войск близ Каллантруга, и батавские войска оставили Хелдер. Стори отозвал свой флот во Влистер, но среди его офицеров и экипажей были сильны симпатии к оранжистам, и он был вынужден сдаться. Корабли, поднявшие Оранжевый флаг, стали [стр.353] отныне эскадрой, присоединенной к английскому флоту. Таков был унижительный конец батавского флота. Попытки наследного принца поднять восстание в Оверисселе и Гелдерланде потерпели неудачу; и после этого он присоединился к англо-русской армии, которая численностью около 50 000 человек продвигалась под командованием герцога Йоркского, чтобы вторгнуться в Голландию. Но Йорк был некомпетентным командующим; между британским и русским контингентами не было согласия; и французы и батавы под командованием генералов Брюна и Денделса нанесли им поражения при Бергене (19 сентября) и при Кастрикуме (6 октября). Вслед за этим Йорк вступил в переговоры с Брюном, и ему разрешили вновь отправить свои войска в Англию после возвращения захваченных орудий и пленных. Экспедиция потерпела сокрушительное фиаско.

В то самое время, когда происходила эвакуация Северной Голландии армиями вторжения, директория в Париже была свергнута Бонапартом (18 Брюмера или 20 ноября), который теперь, в титуле Первого консула, правил Францией с диктаторскими полномочиями. Поведение батавского правительства во время этих сделок не было вне подозрений, и Бонапарт немедленно заменил Брюна Ожеро и отправил Семонвиля послом вместо Дефорга. Он был полон решимости заставить Батавскую республику строго соблюдать условия, установленные мирным договором 1795 года, и требовал больше войск и больше денег. Тщетно Исполнительный совет устами своего посла Шиммельпеннинка заявлял о своей неспособности удовлетворить эти требования. Ожеро был неумолим, и не было другого выхода, кроме как подчиниться. Но сама слабость центрального правительства заставила Бонапарта решиться на пересмотр конституции в антидемократическом направлении. Ожеро действовал как посредник между ним и Исполнительным советом. Трое директоров поддержали его точку зрения, двое других выступили против. Однако Представительный орган отклонил все предложения о пересмотре. В связи с этим все трое призвали на помощь Ожеро, который приостановил работу Представительного органа и закрыл двери его зала заседаний. Теперь вопрос был передан на рассмотрение Основных собраний. 1 октября 1801 года голосование завершилось 52 279 голосами "против" против 16 771 "за". Около 350 000 избирателей воздержались, но они были объявлены "за", и 16 октября новая конституция стала законом страны.

Конституция 1801 года передала исполнительную власть в руки[стр.354] правительства штата, состоящего из двенадцати человек. Три директора выбрали семерых других, которые, в свою очередь, выбрали еще пятерых, среди них вышеназванных троих, которым они были обязаны своим существованием. С этим штатом-правительством был связан Законодательный орган в составе 35 членов, которые собирались дважды в год и единственной функцией которых было принимать без поправок или отклонять предложения Исполнительного органа. "Агенты" были упразднены и заменены небольшими советами, которые управляли различными государственными ведомствами. Местным органам власти были предоставлены значительные административные полномочия, а границы восьми департаментов - Голландии, Зеландии, Утрехта, Оверисселя (в который был включен Дренте), Гелдерланда, Гронингена, Фрисландии и Брабанта - были приведены в соответствие с границами старых провинций. Целью новой Конституции была эффективность, примирение умеренных элементов как федералистской, так и унитарной партий, а также сдерживание революционных и оранжистских интриг.

Все началось при удачных обстоятельствах. Долгожданный мир был заключен в Амьене 27 марта 1802 года. Оно было подписано Шиммельпеннинком как представителем Батавской республики, но ему не было позволено оказывать какое-либо влияние на принимаемые решения. Великобритания восстановила все захваченные колонии, за исключением Цейлона; и Оранский дом получил компенсацию в виде предоставления секуляризованного епископства Фульда, аббатств Корвей и Вайнгартен, а также городов Дортмунд, Исни и Буххорн. Наследственный принц, поскольку его отец отказался проживать в этих новых владениях, взял на себя обязанности правительства. Вильгельм V предпочитал жить в своих поместьях в Нассау. Он умер в Брауншвейге в 1806 году.

Мир был радостно встречен в Голландии, поскольку он снял британскую блокаду и дал обещание оживления торговли. Но все надежды на лучшие времена были разрушены новой вспышкой войны в 1803 году. Все колониальные владения были снова потеряны, а новый

союзный договор, который правительство штата было вынуждено заключить с Францией, привел к серьезным требованиям. Республика должна была обеспечить расквартирование и поддержку 18 000 французских военнослужащих и 16 000 батавов под командованием французского генерала. Кроме того, требовалось содержать флот из десяти военных кораблей и построить 350 плоскодонных транспортов для переброски армии вторжения в Англию. Эти требования были волей-неволей выполнены. Тем не менее Наполеон был далек от удовлетворения[стр.355] Государственным управлением, которое он считал неэффективным и тайно враждебным. В самой Голландии его ненавидели из-за тяжелых обвинений, которые он был вынужден налагать. Соответственно, Бонапарт решил заменить его и сосредоточить исполнительную власть в руках одного человека. Законодательный орган должен был сохраниться, но глава государства должен был носить титул члена совета-пенсионера и избираться сроком на пять лет. На этот пост был назначен Шиммельпеннинк. По результатам всенародного голосования новая Конституция была одобрена 14 230 голосами против 136; около 340 000 воздержались при голосовании. 29 апреля 1805 года Шиммельпеннинк вступил в должность советника-пенсионария. Он был облечен монархической властью. Исполнительная власть, финансы, армия и флот, назначение послов, разработка законодательных актов были переданы в его руки. Ему помогал назначенный им самим Государственный совет из пяти членов и шести государственных секретарей. Законодательный орган был сокращен до девятнадцати членов, назначаемых правительствами департаментов. Они собирались дважды в год и могли принять или отклонить предложения совета-пенсионера, но не вносить в них поправки.

Шиммельпеннинк был честным и способным человеком и за короткий период своего правления проделал замечательную работу. С помощью опытного финансиста Гогеля, который уже сослужил большую службу своей стране в трудных обстоятельствах, он, равномерно распределив бремя налогообложения по всем частям страны и отменив ограничительные таможи и пошлины, преуспел в значительном сокращении дефицита годового баланса. Он также был первым, кто серьезно взялся за улучшение начального образования. Но в намерения Наполеона не входило позволять муниципальному пенсионеру продолжать начатую им хорошую работу. Ослабление зрения Шиммельпеннинка из-за катаракты дало императору повод положить конец тому, что он считал временной системой правления, и превратить Голландию в зависимое королевство под властью его брата Людовика. Адмиралу Верхуэллу, отправленному в Париж по просьбе Наполеона со специальной миссией, было прямо сообщено, что Голландия должна сделать выбор между принятием Людовика своим королем или аннексией. По возвращении Верхуэлла с докладом об ультиматуме императора совет-пенсионарий (10 апреля 1806 г.) созвал Государственный совет, секретарей и Законодательный орган для проведения заседания Чрезвычайного комитета и обсуждения того, что лучше всего сделать. Было решено послать[стр.356] депутацию в Париж, чтобы попытаться добиться от Наполеона отказа или, по крайней мере, изменения его требования. Их усилия были напрасны; позиция Наполеона была безапелляционной. Гаагский комитет должен в течение недели ходатайствовать о том, чтобы Луи Бонапарт стал их королем, или он возьмет дело в свои руки. Комитет, несмотря на противодействие Шиммельпеннинка, сочтя сопротивление безнадёжным, решил уступить. Депутации в Париже было соответственно поручено сотрудничать с императором в разработке новой монархической конституции. Он был составлен и подписан 23 мая, а несколько дней спустя был принят Гаагским комитетом. Шиммельпеннинк, однако, отказался подписать его и 4 июня подал в отставку со своего поста, объяснив в достойном

письме свои причины для этого. Верхуэлл во главе депутации (5 июня) разыграл фарс, умоляя императора от имени голландского народа позволить его брату Людовику стать их королем. Людовик принял предложенный суверенитет, "поскольку этого желает народ и Ваше величество приказывает". 15 июня новый король покинул Париж и неделю спустя прибыл в Гаагу в сопровождении своей жены, Гортензии де Богарне, падчерицы Наполеона.

[стр.357]

ГЛАВА XXVIII

КОРОЛЕВСТВО ГОЛЛАНДИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ АННЕКСИЯ, 1806-1814

Луи Бонапарту было всего 28 лет, и он обладал добрым, кротким характером, совсем не похожим на своего своевольного, властного брата. Он был слаб, и из-за плохого самочувствия временами становился беспокойным и капризным. Он доставил большое удовлетворение своим заявлением о том, что "как только его нога ступила на землю его королевства, он стал голландцем", и его хорошо приняли. Конституция нового королевства мало чем отличалась от той, что была принята на смену. Государственные секретари стали министрами, а число членов Законодательного органа было увеличено до тридцати девяти. Король имел право заключать договоры с иностранными государствами без консультаций с Законодательным органом. Разделение страны было несколько изменено, Голландия была разделена на два департамента, Амстелланд и Маасланд. Дренте стал отдельным департаментом, а в 1807 году Восточная Фрисландия вместе с Жевером была преобразована в одиннадцатый департамент в качестве компенсации за Флашинг, который был присоединен к Франции.

Людовик прибыл в Гаагу с наилучшими намерениями сделать все возможное для содействия благосостоянию своего королевства, но с самого начала ему помешало плачевное состояние национальных финансов. Из общего дохода в пятьдесят миллионов флоринов проценты по государственному долгу поглощали тридцать пять миллионов. Остатка было явно недостаточно для покрытия административных расходов, не говоря уже о том, чтобы удовлетворить высокие

требования Наполеона о взносах на военные расходы. Все усилия министра финансов Гогеля по снижению сборов и увеличению доходов были малопродуктивными. Король от природы был расточителен и тратил значительные суммы на содержание блестящего двора и увеличение числа королевских резиденций. Недовольный Гаагой, он переехал сначала в Утрехт, затем в Амстердам, где Стадхейс был превращен во дворец; а Павильон в Харлеме он купил в качестве летней резиденции. Все это означало большие расходы. "Людовик был тщеславен, и только суровый отказ Наполеона разрешить ему создание маршалов своей армии и рыцарских орденов[стр.358] помешал ему создать рыцарские ордена. Ему пришлось напомнить, что по закону о семье Бонапартов он был всего лишь королем-вассалом, присягавшим императору.

Несмотря на эти слабости, Людовик многое сделал для страны, которую он усыновил. Старый Рейн в Лейдене, потерявший в дюнах, был соединен каналом с Катвейком на море, где была создана гавань. Были отремонтированы и усовершенствованы дамбы и водные пути, построены шоссейные дороги от Гааги до Лейдена и от Утрехта до Хет-Лео. Голландская литература нашла в Людовике щедрого покровителя. Он приложил все усилия, чтобы выучить этот язык по указанию Бильдердейка, выдающегося писателя своего времени. Основание в 1808 году "Королевского нидерландского института науки, литературы и изящных искусств" стало сигналом о его желании повысить уровень культуры в Голландии на национальной основе. Введение *Кодекса Наполеона*, с некоторыми необходимыми изменениями, заменило запутанную смесь местных законов и обычаев, варьирующихся от провинции к провинции, общей унифицированной правовой системой. Как государственный деятель и администратор Луи не обладал заметными способностями, но министры, которым он доверил ведение дел, Верхуэлл, морской министр, Роэлл, министр иностранных дел, Крагенхофф, военный министр, Ван Маанен, министр юстиции, и особенно опытный Гогель, контролировавший затрудненные финансы, были способными людьми.

Состояние финансов действительно приводило голландское правительство в отчаяние. Властные требования Наполеона о содержании армии в 40 000 человек, которая должна была быть использована им в заграничных кампаниях, а также значительного военно-морского флота сделали все попытки экономии и реорганизации финансов почти безнадежными. В результате войны с Англией голландцы потеряли свои колонии и большую часть своей крупной морской торговли; и ситуация стала еще более сложной из-за Берлинского декрета 1806 года и установления императором "Континентальной системы" в ответ на британскую блокаду. Вся торговля и даже переписка с Англией были запрещены. Он надеялся таким образом поставить Англию на колени; но, хотя указ не достиг этой цели, ему удалось полностью разорить голландские коммерческие круги. Напрасно Людовик протестовал; его не услышали, и он получил лишь гневные упреки от своего брата за то, что тот не предпринял более энергичных шагов для пресечения контрабанды, которая благодаря характеру голландского побережья была сравнительно легким и в то же время прибыльным занятием.[стр.359]

Свержение Австрии и Пруссии Наполеоном в 1805 и 1806 годах, за которым в 1807 году последовал Тильзитский мир с Россией, заставило императора вновь обратить свое внимание на проект вторжения в его ненавистного врага, Англию. Большой французский флот должен был быть сосредоточен на Шельде, с Антверпеном и Флашингом в качестве своих баз. С этой целью были потрачены большие суммы денег на превращение Антверпена в грозный военно-морской арсенал. Но британское правительство было хорошо осведомлено о "пистолете, который был направлен в грудь Англии"; и в 1809 году была отправлена мощная экспедиция под

командованием лорда Чатема, состоящая из более чем 100 военных кораблей и транспортов, с целью уничтожения этих растущих доков и арсеналов, а вместе с ними и угрозы вторжения. Атака была спланирована в благоприятный момент, поскольку силы обороняющихся были очень малы, основная часть голландской армии была отправлена сражаться в австрийскую и испанскую кампании, а французские гарнизоны значительно сокращены. Чатем высадился на острове Вальхерен, захватил Мидделбург и Вире, а 15 августа вынудил Флашинг сдаться после такой яростной бомбардировки, что едва ли уцелел хоть один дом. Острова Шувен, Дуйвеланд и Зюд-Бевеланд были захвачены; и, если бы британский генерал двинулся вперед без промедления, Антверпен мог бы пасть. Но этого ему не удалось сделать; а тем временем Людовик собрал для защиты города силы численностью в 20 000 человек, которыми, к его глубокому огорчению, Наполеон не позволил ему командовать. Однако англичане не предприняли никакого нападения на Антверпен, который серьезно пострадал от Вальхеренской лихорадки; и после известий о Ваграме и Шенбрунском договоре они медленно эвакуировали свои завоевания. Еще до конца года все силы вернулись в Англию.

Это вторжение, хотя и было успешно отражено, только усилило разногласия между двумя братьями. Французские войска продолжали оккупацию Зеландии; и французская северная армия в Антверпене, теперь переданная под командование маршала Удино, была готова привести в исполнение требования императора, если голландское правительство проявит непокорность. Эти требования включали абсолютное пресечение контрабанды, строжайшее исполнение указов о запрете торговли с Англией, воинскую повинность и отказ от части государственного долга. Наполеон осыпал своего брата горькими насмешками и гневными угрозами, заявив, что он хотел бы превратить Голландию[стр.360] в английскую колонию и что вся страна, даже его собственный дворец, была полна контрабандных товаров. Наконец, хотя и неохотно, Людовик согласился лично отправиться в Париж и попытаться добиться мирного урегулирования спорных вопросов. Он прибыл 26 декабря, намереваясь вернуться к Новому году, тем временем оставив Совет министров отвечать за дела королевства. Вскоре он обнаружил не только то, что его миссия была напрасной, но и то, что на него смотрели практически как на пленника. В течение трех месяцев он оставался в Париже под *наблюдением* полиции, и его беседы с братом были самыми бурными. Голландский совет, встревоженный постоянной угрозой французского вторжения, сначала думал перевести Амстердам в состояние обороны, но в конце концов отказался от этой идеи как от безнадежной. Король сделал все возможное, чтобы умиротворить Наполеона предложением уступок, но его усилия были с презрением отвергнуты, и в конце концов он был вынужден (16 марта 1810 г.) подписать мирный договор, воплощающий условия, продиктованные императором. "Я должен, - сказал он, - любой ценой выбраться из этого логова убийц". По этому договору Брабант и Зеландия, а также земли между Маасом и Ваалом с Неймвеном были переданы Франции. Вся торговля с Англией была запрещена. Французские таможенники были расставлены в устьях рек и в каждом порту. Кроме того, голландцы должны были доставить пятнадцать военных кораблей и сто канонерских лодок.

Людовик был вынужден остаться в Париже на свадьбу Наполеона с Марией Луизой, но затем ему разрешили уехать. Обескураженный и униженный, он обнаружил, что, получив титул короля, практически низведен до должности административного губернатора некоторых французских департаментов. Войска Удино оккупировали Гаагу, Утрехт и Лейден; и когда император и его невеста нанесли государственный визит в Антверпен, Людовик должен был засвидетельствовать ему свое почтение. Отношения между двумя братьями в течение

некоторого времени были натянутыми, Наполеон встал на сторону своей падчерицы Гортензии, которая предпочитала веселье Парижа скучному двору своего мужа, и упрекнул пострадавшего мужчину в том, что он не обращался лучше с лучшей из жен. Теперь дело должно было достичь своей кульминации. Кучер французского посла Рошфуко, столкнувшийся с жестоким обращением на улицах Амстердама, император гневно приказал Рошфуко покинуть голландскую столицу (29 мая), оставив только временного поверенного в делах, и в то же время уволил[стр.361] Верхуэлла, голландского посланника, из Парижа. Это было практически объявлением войны. Совет министров, после консультаций, решил, что пытаться защитить Амстердам бесполезно; и когда ближе к концу июня король узнал, что Удино получил приказ занять город, он решил предотвратить это окончательное унижение, отрекшись от престола. 1 июля 1810 года он подписал акт, по которому отрекся от короны в пользу своего старшего сына, Наполеона Луи, находящегося под опекой королевы Гортензии. Затем он покинул страну и удалился в Богемию.

На такое расположение королевства Наполеон, который уже принял решение, не обратил ни малейшего внимания. 9 июля Императорским указом Голландия была включена во Французскую империю. "Голландия, - сказал император, - образованная отложениями трех французских рек, Рейна, Мааса и Шельды, по своей природе была частью Франции". Полная инкорпорация должна была состояться только 1 января 1811 года; тем временем Ле Брюн, герцог Пьяченцы, мужчина 72 лет, был отправлен в Амстердам на должность генерал-губернатора в переходный период. Это было мудрое назначение, поскольку Ле Брюн был человеком доброго нрава, готовым выслушать жалобы и с искренним желанием провести трансформацию правительства в примирительном духе. С ним в качестве интенданта внутренних дел был связан барон Д'Альфонс, как и он сам придерживавшийся умеренных взглядов, и член Совета министров. Депутация Законодательного собрания в составе двадцати двух человек была вызвана в Париж для консультаций с имперским правительством. Амстердаму было присвоено положение третьего города империи, Париж был первым, а Рим - вторым. Страна была разделена на девять департаментов — Буш-де-л'Эско, Буш-де-ла-Мез, Буш-дю-Рен, Зюйдерзее, Иссель-супериор, Буш-де-Иссель, Фризе, Западный Эмс и Восточный Эмс. Над департаментами, как и во Франции, были поставлены *префекты*, а под ними - *супрефекты* и *мэры*. Все *назначенные в настоящее время префекты* были коренными голландцами, за исключением двух, Де Селлеса в Амстердаме и Де Штандарта в Гааге; оба были бельгийцами, и оба оказались непопулярными из-за своих попыток завоевать расположение Наполеона путем строгого исполнения его приказов. Представительство Нидерландов в Законодательном собрании Парижа было зафиксировано на уровне двадцати пяти членов; в Сенате - на уровне шести членов. Когда они заняли свои места, Совет по делам Амстердама был распущен, и в[стр.362] то же время *Кодекс Наполеона* без изменений стал законом страны.

Требования Наполеона к Голландии всегда наталкивались на ответ, что финансы страны не выдерживают такого напряжения. Долг составлял 40 000 000 фл.; и, несмотря на высокие налоги, в бюджете наблюдался большой ежегодный дефицит. Император немедленно принял меры, чтобы исправить это положение вещей, издав указ, снижающий проценты по долгу до одной трети. Это стало тяжелым ударом по тем лицам, чьи ограниченные доходы были в основном или полностью получены за счет инвестиций в государственные фонды, включая многих вдов, а также больницы, детские дома и другие благотворительные учреждения. В то же время этот шаг не следует рассматривать просто как произвольный и нечестный отказ от долга. Государство было практически банкротом. В течение нескольких лет выплачивалась только

часть процентов или вообще ничего не выплачивалось; и предполагалось, что снижение в 1810 году будет лишь временной мерой. Сумма основного капитала была оставлена нетронутой, а задолженность за 1808 и 1809 годы была выплачена по новому курсу. О том, что это решительное действие благоприятно отразилось на финансовом мнении, свидетельствовал значительный рост котировок акций на бирже.

Гораздо более непопулярной мерой было введение военной и флотской воинской повинности в 1811 году. В Голландии никогда не было никакой службы, кроме добровольной. Действительно, в течение всего периода Республики, хотя флот был полностью укомплектован голландскими моряками, в армию всегда входила значительная доля иностранных наемников. По закону 1811 года все молодые люди двадцати лет были обязаны служить в течение пяти лет либо на суше, либо на море; необходимый контингент заполнялся путем жеребьевки. Глубокое и сильное негодование ощущалось по всей стране, тем более что закон был применен ретроспективно ко всем, кто достиг двадцатилетнего возраста за три предыдущих года. К собранным таким образом батальонам относились как к французским войскам, и их отправляли для участия в дальних кампаниях — в Испании и в России. Из 15 000 человек, которые вместе с Наполеоном вошли в Россию в 1812 году, вернулись только несколько сотен.

Строгое соблюдение Континентальной системы повлекло за собой большие трудности для населения. Эмбарго было введено до такой степени, что все английские промышленные товары, найденные в Голландии, были приговорены к сожжению; а стоимость того, что было фактически потреблено, составила миллионы флоринов. Целая армия [стр.363] офицеров таможни наблюдала за побережьем, и на каждом рыболовном судне, выходившем в море, был такой рыбак на борту. В то же время таможенный барьер с Францией был снят только в 1812 году. В результате этого цены неимоверно выросли, промышленность была разрушена, дома были заброшены и оставались незанятыми, а тысячи и тысячи людей оказались в крайней нищете. Состояние казны было таково, что в 1812 году реформатские проповедники не получали стипендий, а чиновникам всех мастей приходилось довольствоваться урезанным жалованьем.

Но это были не единственные причины недовольства. Полицейские правила и цензура прессы были жесточайшими, а страна кишела шпионами. Ни одной газете не разрешалось публиковать какие-либо статьи по государственным вопросам или любые политические новости, за исключением тех, которые были санкционированы правительством, и с французским переводом голландского оригинала. Это относилось даже к рекламе. Все книги должны были быть представлены на *одобрение цензора*. Каждое домашнее хозяйство регулярно посещалось полицией, которая самым тщательным образом изучала характер, мнения, занятия и средства существования каждого члена семьи.

Тем не менее французское господство, каким бы деспотичным оно ни было, привело к хорошим результатам: впервые в своей истории голландские провинции обрели настоящее единство. Весь старый партикуляризм исчез вместе с бюргерской аристократией и партийными распрями оранжистов и патриотов. Было развито истинное чувство национальности. Все классы населения пользовались одинаковыми политическими правами и равенством перед законом. Сам Наполеон не был непопулярен. Осенью 1811 года он в сопровождении Марии Луизы добился государственного прогресса благодаря этому последнему дополнению к своей империи. Он посетил почти все важные места, и во всех частях страны его встречали с внешней

демонстрацией энтузиазма и почти раболепного подобоострастия. Возможно, в этом нет ничего удивительного, поскольку великий император находился сейчас на пике своего ослепительного состояния.

Но для Голландии триумфы Наполеона имели свою темную сторону, поскольку его главный и наиболее решительный враг, Англия, была владычицей морей; и последняя и богатейшая из голландских колоний, Ява, сдалась англичанам почти в тот же день, когда началось имперское продвижение. Узнав о действиях британской эскадры в Восточных морях, король Людовик вскоре после принятия короны предпринял шаги по защите Явы, назначив генерал-губернатором Дейнделса, человека доказавшей свою силу и инициативу. Однако трудности с достижением Явы перед лицом бдительности британцев были почти непреодолимыми, и только через год после своего выдвижения на губернаторство, 1 января 1808 года Данделс добрался до Батавии. Его меры по обороне острова, включая строительство важных шоссе и дорог, были самыми энергичными, но настолько деспотичными и своевольными, что вызвали враждебность и отчуждение местных вождей. Наполеон, проинформированный о суровом правлении Денделса, отправил Янссенса с отрядом войск на смену ему. Новый генерал-губернатор высадился 27 апреля 1811 года, но он не смог оказать эффективного сопротивления мощной британской экспедиции под командованием генерала Ашмути, которая овладела Батавией 4 августа и после нескольких ожесточенных боев вынудила (17 сентября) все голландские войска капитулировать.

Год вторжения Наполеона в Россию, 1812 год, был годом пассивного терпения. Безопасность остатков Великой армии была обеспечена (28 ноября) мужеством и стойкостью голландских понтонных инженеров, которые, стоя в ледяной воде Березины, достроили мост, по которому после отчаянного боя французские войска совершили побег. За московской катастрофой последовало в 1813 году всеобщее восстание угнетенных народов Европы против наполеоновской тирании. В этом восстании голландский народ, хотя у него и начали зарождаться надежды на свободу, некоторое время не решался принимать никакого участия. Принц Оранский, однако, находился в Лондоне с апреля, пытаясь заручиться обещанием помощи от британского правительства в случае восстания; и он работал в сотрудничестве с рядом патриотически настроенных людей в Голландии, которые видели в оранжевой реставрации лучшие надежды на независимость своей страны. Новости из Лейпцига (14-16 октября) побудили их к действию.

Выдающимся среди этих лидеров был Гийсберт Карел ван Хогендорп. Он был одним из лидеров оранжистов во время реставрации 1787 года и занимал пост пенсионария Роттердама. После французского завоевания он отошел от общественной жизни. С ним были связаны граф Ван Лимбург-Стирум и барон Ван дер Дуйн ван Маасдам, как и он сам, проживавшие в Гааге. Ван Хогендорп мог также рассчитывать на ряд активных помощников за пределами Гааги, видными среди которых были Фальк, капитан[стр.365] Национальной гвардии в Амстердаме, и Кемпер, профессор в Лейдене. Строились планы восстановления независимости страны под властью принца Оранского; но, чтобы избежать бдительности французской полиции, были приняты большие меры для сохранения тайны, и ничего не было предано огласке. Стремительный марш союзных войск, русских и пруссаков, к голландским границам после Лейпцига потребовал быстрых действий.

Ван Хогендорп и его друзья хотели, чтобы Голландия освободилась собственными усилиями, поскольку они понимали, что отвоение союзными войсками может поставить под угрозу их притязания на независимость. Их возможность представилась, когда генерал Меллитон по приказу генерал-губернатора Ле Брюна 14 ноября отступил из Амстердама в Утрехт. Один из сторонников оранжистов, морской капитан по имени Джоб Мэй, на следующий день поднял народное восстание в городе; несколько таможен были сожжены. Сам Ле Брюн после этого отступил в Утрехт и 16-го числа, передав управление страной Меллитону, вернулся во Францию. Фальк во главе Национальной гвардии тем временем восстановил порядок в Амстердаме и передал город во главе временного правительства. Как только эта новость достигла Гааги, Ван Хогендорп и Ван Лимбург-Стирум приняли решение о немедленных действиях (17 ноября). С прокламацией, составленной Ван Хогендорпом, и во главе отряда Национальной гвардии, одетого в оранжевые цвета, Ван Лимбург-Стирум прошествовал по улицам к ратуше, где зачитал прокламацию, объявляющую принца Оранского "выдающимся главой государства". Не оказывая сопротивления, после обсуждения со своими главными сторонниками, триумvirат Ван Хогендорп, Ван Лимбург-Стирум и Ван дер Дуйн ван Маасдам временно взяли на себя управление страной до прибытия принца. В Амстердам были немедленно отправлены эмиссары, чтобы сообщить о том, что произошло в Гааге. Сначала амстердамцы проявили некоторую нерешительность; и только после прибытия отряда казаков к их воротам (24 ноября) город открыто связал свою судьбу с оранжистским движением, которое теперь быстро распространилось по всей стране. Временное правительство без промедления направило двух посланников, Фегеля и Де Перпонче, в Лондон, чтобы проинформировать принца Оранского о том, что произошло, и пригласить его в Голландию.[стр.366]

Уильям находился в Англии с апреля и встретил благосклонный прием. В беседе с министром иностранных дел Великобритании лордом Каслри ему была обещана поддержка (27 апреля 1813 г.) на следующих условиях: (1) границы Голландии должны быть расширены "либо за счет своего рода нового барьера, более эффективного, чем старый, либо за счет объединения некоторых частей территории, прилегающих к древней Республике; (2) Голландия должна дожидаться того времени, которое Великобритания сочтет удобным в своих собственных интересах для восстановления голландских колоний, которые она завоевала во время войны"; (3) должна быть создана система правления, которая согласовала бы пожелания Голландии". Голландии с теми из Держав, которые призваны оказать столь мощное влияние на ее будущее". Уильям отправился в Лондон, зная, что может рассчитывать на активную помощь своего шурина, Фридриха Вильгельма Прусского, и императора Александра I, и что добрая воля Англии была обеспечена предполагаемым браком его сына (ныне служащего под началом Веллингтона в Испании) с принцессой Шарлоттой, предполагаемой наследницей британского престола. Поэтому он без колебаний принял приглашение и приземлился в Схевенингене 30 ноября. Его приняли с невыразимым энтузиазмом. Сначала были некоторые сомнения относительно того, какой титул должен носить Уильям и какой должна быть форма нового правительства. Ван Хогендорп составил проект конституции по старым правилам с наследственным штатгальтером, муниципальным пенсионером и привилегированной аристократией, но с большими и необходимыми поправками, и сам принц был склонен к восстановлению штатгальтерства с расширенными полномочиями. Заслуга аргументов Кемпера заключается в том, что он убедил его в том, что возврат к старой системе, какой бы измененной она ни была, теперь стал невозможен. Принц посетил Амстердам 2 декабря и был там провозглашен титулом и саном Вильгельма I, суверенного принца Нидерландов. Он отказался от титула короля, но должность,

которую он, таким образом, принял с общим одобрением, была должностью конституционного монарха, и было дано обещание, что как можно скорее должна быть назначена Комиссия для разработки Основного закона(*Grondwet*) для голландского государства.

[стр.367]

ГЛАВА XXIX

ОБРАЗОВАНИЕ КОРОЛЕВСТВА НИДЕРЛАНДОВ, 1814-1815

Когда принц Оранский принял титул Вильгельма I, суверенного принца Нидерландов, в Амстердаме 2 декабря 1813 года, главные города все еще были заняты французскими гарнизонами; но с помощью союзных войск, русских и пруссаков, они были в первые месяцы 1814 года завоеваны один за другим. Гарнизон Хелдера под командованием адмирала Верхуэлла сдался только в мае. К концу того же месяца вся земля была освобождена.

Первым шагом, предпринятым Владетельным князем (21 декабря), было назначение Комиссии для разработки Основного закона в соответствии с его обещанием. Комиссия состояла из пятнадцати членов, председателем был Ван Хогендорп. Их работа была завершена в начале марта. Концепция была представлена 29 марта Собранию из шестисот известных людей, созванному с этой целью, чтобы голосование было "за" или "против" без обсуждения. Собрание проходило в Нью-Керк в Амстердаме, из 474 присутствовавших 448 проголосовали за новую Конституцию. На следующий день принц Оранский принес присягу в Нью-Керке и был торжественно введен в должность суверенного принца Нидерландов.

Основные положения Основного закона от марта 1814 года были следующими:

Суверен разделяет Законодательную власть с Генеральными штатами, но единолично осуществляет Исполнительную власть. Все суверенные прерогативы, которыми ранее обладали провинции, округа или города, теперь передаются Суверену. Ему помогает Государственный совет из двенадцати членов, он назначает и увольняет министров, объявляет войну и заключает мир, контролирует финансы и управляет заморскими владениями. Генеральные штаты состоят

из пятидесяти пяти членов, избираемых девятью провинциями: Голландией, Зеландией, Утрехтом, Оверисселем, Гелдерландом, Гронингеном, Фрисландией, Брабантом и Дренте на основе численности населения. Члены избираются на три года, но ежегодно одна треть освобождает свои места. Они обладают правом законодательной инициативы и вето. Финансы[стр.368] подразделяются на обычные и чрезвычайные расходы, над первыми Генеральные штаты не осуществляют контроля, но общая счетная палата (*Алгемин Рекенкамер*) осуществляет надзор за путями и средствами. Суверен должен быть членом Реформатской церкви, но государство в равной степени защищает все религиозные убеждения.

По сути, это была аристократическая конституция. По крайней мере, четверть Генеральных штатов должна принадлежать знати. Провинциальные сословия контролировали только местные дела, но имели привилегию избирать членов Генеральных штатов. Сами они были далеки от представительности. Для сельских округов члены избирались из дворянства иземлевладельцев; в городах коллегиями выборщиков(*кизерами*), состоящими из тех, кто платил самые высокие налоги. За исключением усиления центральной исполнительной власти и отмены всех суверенных прав провинций, новая Конституция мало чем отличалась от старой по своему олигархическому характеру.

Однако это было всего лишь временное соглашение. Уже указывалось, что за несколько месяцев до своего фактического возвращения в Голландию принц получил заверения от британского правительства в том, что должно быть создано сильное нидерландское государство, способное стать барьером для французской агрессии. Теперь настало время для практического осуществления этого заверения. Соответственно, лорд Каслри в январе 1814 года, направляясь в качестве британского полномочного представителя для переговоров с союзными государями в Базеле, посетил Суверенного принца в Гааге. Переговоры вылились в предложение объединить (с согласия Австрии) бельгийские провинции до Мааса с Голландией вместе с территорией между Маасом и Рейном до линии Маэстрихт-Дюрен-Кельн. Каслри представил этот проект союзникам в Базеле; и он был обсужден и в принципе принят на конференции в Шатийоне (с 3 февраля по 15 марта), поскольку австрийский император отказался от всех притязаний на свои бельгийские владения в пользу аналогичного проекта в Венеции. Это было сделано без какой-либо попытки выяснить пожелания бельгийского народа относительно предлагаемой передачи его верности, и был заявлен протест. Собрание знати, вызванное в Брюссель военным губернатором, герцогом Саксен-Веймарским, направило депутацию в штаб союзников в Шомоне, чтобы выразить свою неизменную лояльность своему габсбургскому суверену и попросить, чтобы, если император Франциск[стр. 369] отказался от своих притязаний, они могли быть преобразованы в независимое государство под властью австрийского эрцгерцога. Письменный ответ (14 марта) информировал их, что вопрос о союзе с Голландией был решен, но были даны заверения, что в вопросах религии, представительства, торговли и государственного долга их интересы будут тщательно охраняться. Тем временем генерал барон Винсент, бельгиец на австрийской службе, был назначен генерал-губернатором.

Однако от идеи передать Голландии часть прирейнской территории волей-неволей пришлось отказаться перед лицом возражений Пруссии. Предварительный мирный договор, подписанный в Париже 30 мая 1814 года, был намеренно расплывчатым, статья VI просто декларировала, что "Голландия, находящаяся под суверенитетом Оранского дома, получит увеличение территории —*присоединение территории ООН*"; но секретная статья определяла это увеличение как "страны, расположенные между морем, границами Франции, как

определено настоящим договором; и Маас будет навечно присоединен к Голландии. Границы на правом берегу Мааса будут регулироваться в соответствии с военными потребностями Голландии и ее соседей". Другими словами, вся Бельгия до Мааса должна была быть присоединена к Голландии; за Маасом следовало учитывать военные потребности Пруссии.

До этого Каслри написал британскому посланнику в Гааге лорду Кланкарти, предлагая Суверенному принцу созвать собрание равного числа голландских и бельгийских знаменитостей для разработки проекта объединения, который будет представлен союзным суверенам в Париже для их одобрения. Но Вильгельм уже сам, с помощью своего министра Ван Нагеля, составил в восьми статьях основные условия конституции нового государства; и после доработки Фальком и лордом Кланкарти он лично отвез их в Париж. Они были представлены Кланкарти полномочным представителям и были приняты союзными суверенами, собравшимися в Лондоне 21 июня 1814 года. Принципы, которыми они руководствовались, были изложены в протоколе, который насквозь пропитан духом справедливости и примирения, но все было омрачено заключительным пунктом — *Соответствие этим принципам при исполнении и верность праву завоевания Бельгии*. Объединение Бельгии с Голландией, как завоеванной зависимости, не могло не вызвать дурных чувств; и поэтому открыто заявлять об этом было очень серьезной ошибкой. Таким образом, "совершенное объединение" двух стран, к которому, согласно протоколу, стремились Великие державы, вероятно, не было осуществлено.[стр.370]

В то же время, в качестве постоянного доказательства прекрасных намерений самого Уильяма, текст Восьми статей приводится полностью:

(1) Союз должен быть тесным и полным, так что две страны образуют лишь одно государство, которое будет регулироваться Основным законом, уже установленным в Голландии, который по взаимному согласию может быть изменен в зависимости от обстоятельств.

(2) Не подлежат изменению статьи Основного закона, которые обеспечивают всем религиозным культам равную защиту и привилегии и гарантируют допуск всех граждан, независимо от их религиозных убеждений, к государственным должностям и достоинству.

(3) Бельгийские провинции должны быть надлежащим образом представлены в Генеральных штатах, заседания которых в мирное время проводятся поочередно в голландском и бельгийском городах.

(4) Таким образом, все жители Нидерландов, обладающие равными конституционными правами, должны иметь равные права на все коммерческие и другие права, которые позволяют их обстоятельства, без каких-либо препятствий для кого-либо в интересах других.

(5) Немедленно после объединения провинции и города Бельгии будут допущены к торговле и судоходству колоний Голландии на тех же условиях, что и голландские провинции и города.

(6) Долги, заключенные с одной стороны голландцами, а с другой - бельгийскими провинциями, подлежат зачислению в государственную казну Нидерландов.

(7) *Расходы, необходимые для строительства и содержания пограничных крепостей нового государства, будут покрываться из государственной казны как служащие безопасности и независимости всей нации.*

(8) *Расходы по сооружению и содержанию дамб возлагаются на районы, непосредственно заинтересованные в этом, за исключением случаев чрезвычайного бедствия.*

Не будет преувеличением сказать, что, если бы положения этих Статей выполнялись полностью и щедро, в настоящий момент могло бы существовать сильное и объединенное Нидерландское государство.

21 июля Статьи, одобренные Державами, были возвращены Суверенному принцу, который официально принял их, а 1 августа принял в Брюсселе управление бельгийскими провинциями в ожидании решений Конгресса, который вскоре должен был собраться в Вене, относительно границ и политического статуса территорий, которыми он правил. Однако работа Конгресса, собравшегося в октябре, сильно затянулась из-за разногласий[стр.371] между Державами. Пруссия хотела аннексировать все королевство Саксония; и когда выяснилось, что такое требование, если оно будет настаиваться, встретит противодействие со стороны Великобритании, Австрии и Франции, в Рейнских провинциях была запрошена компенсация. Таким образом, от идеи укрепления нового нидерландского буферного государства путем присоединения территории в направлении Рейна пришлось отказаться. Следует помнить, что суверенный принц, со своей стороны, вряд ли стал бы возражать против того, чтобы иметь расширенную и окрепшую Пруссию в качестве своего непосредственного соседа на востоке. Вильгельм был одновременно шурином и двоюродным братом короля Пруссии и большую часть своего изгнания провел в Берлине; и он, без сомнения, рассматривал присутствие этой мощной военной силы на своей границе как самую надежную гарантию от французской агрессии. Его отношения с Пруссией действительно носили самый дружественный характер, о чем свидетельствует тот факт, что в это самое время велись секретные переговоры о передаче Пруссии его наследственных наассауских княжеств Дилленбург, Зиген, Дитц и Адамар в обмен на герцогство Люксембург.

Работа негармоничного Венского конгресса была, однако, грубо прервана внезапным возвращением Наполеона с Эльбы. Устав ждать официального признания своего положения, Вильгельм Отныне (15 марта 1815 г.) издал прокламацию, в которой принял титул короля Нидерландов и герцога Люксембургского. Протест подан не был; и Державы должным образом признали *свершившийся факт* (23 мая). Первым актом короля был призыв ко всем своим подданным, как голландцам, так и бельгийцам, объединиться в борьбе с общим врагом. Этот призыв к оружию привел к тому, что значительные силы под командованием наследного принца смогли присоединиться к небольшой британской армии, которую Веллингтон поспешно собрал для защиты Брюсселя. Внезапное вторжение Наполеона в Бельгию (14 июня) застало его противников врасплох, поскольку англо-нидерландские войска были распределены по разным местам расквартирования и были отделены от прусской армии под командованием Блюхера, которая вошла в Бельгию с востока. Наполеон лично атаковал Блюхера и разбил его при Линьи 16 июня; и в тот же день французские войска под командованием Нея после отчаянного столкновения были сдержаны британскими и голландскими полками, которые были выдвинуты к Катр-Бра. Блюхер отступил к Вавру, а Веллингтон - к Ватерлоо на следующий день. История битвы при Ватерлоо, которая[стр.372] произошла 18 июня, хорошо известна. Бельгийский

контингент не сыграл выдающейся роли при Ватерлоо, но было бы несправедливо приписывать им любое проявленное отсутствие стойкости. Все эти бельгийские войска были старыми солдатами Наполеона, к которому они были привязаны и в непобедимость которого верили. Принц Оранский отличился большим мужеством как при Катр-Бра, так и при Ватерлоо.

Вильгельм, после принятия королевского титула, сразу же приступил к упорядочению своего положения, внося необходимые изменения в Основной закон Нидерландов, соблюдать которые он был обязан в соответствии с Восемью статьями. Соответственно, он созвал Комиссию из двадцати четырех членов, наполовину голландцев и наполовину бельгийцев, в равной степени представленных католиками и протестантами, которая 22 апреля собралась под председательством Ван Хогендорпа. Угроза французского вторжения обострила их активность, и за три месяца (18 июля) их трудная задача была выполнена. Новый Основной закон не внес никаких изменений в автократические полномочия, предоставленные королю. Исполнительная власть оставалась полностью в его руках. Генеральные штаты теперь должны были состоять из двух палат, но Первая палата была назначаемой палатой. В нее входило от сорока до шестидесяти членов, назначаемых королем пожизненно. Вторая палата из 110 членов, поровну разделенных между севером и югом, *т.е.* пятьдесят пять голландских и пятьдесят пять бельгийских представителей, была избрана на основе очень ограниченного избирательного права семнадцатью провинциями, на которые было разделено все королевство. За обычный бюджет голосовали на десять лет, и это были только чрезвычайные расходы, которые должны были рассматриваться ежегодно. Остальные положения строго соответствовали принципам и свободам, заранее гарантированным Восемью статьями.

Новый Основной закон был представлен Генеральным штатам Нидерландов 8 августа и был одобрен единогласно. Совсем иначе его восприняли в Бельгии. Король созвал в Брюссель собрание 1603 знатных людей, из них присутствовали 1323. Большинство было настроено враждебно. Бельгийские делегаты в Комиссии настоятельно настаивали на том, чтобы бельгийские провинции с населением в три с половиной миллиона человек вернули во Вторую палату Генеральных штатов число членов, пропорционально превышающее число голландских провинций, в которых едва насчитывалось два миллиона. Голландцы, со своей стороны, утверждали, что их страна[стр.373] была независимым государством в течение двух столетий и обладала большой колониальной империей, в то время как Бельгия всегда находилась под иностранным правлением и теперь была присоединена к Голландии "в качестве увеличения территории". Однако в конце концов было решено, что представительство северной и южной частей нового королевства должно быть равным, по 55 человек в каждой. Бельгийское общественное мнение громко протестовало, тем более что в 55 бельгийских депутатов входили четыре представителя Люксембурга, который был создан как отдельное государство под личным правлением короля Вильгельма. Еще более ожесточенным и решительным было противодействие могущественной клерикальной партии принципу религиозного равенства. Около 99% населения Бельгии были католиками; и епископы с большим подозрением относились к тому, каким может быть действие этого принципа в руках автократического короля-кальвиниста, поддерживаемого преобладающим протестантским большинством в Голландии. Еще одно недовольство заключалось в том, что тяжелый государственный долг, понесенный Голландией, следует сделать общим бременем.

На представителей знати было оказано значительное давление, но безрезультатно. Основной закон был отклонен 796 голосами против 527. Столкнувшись с этим подавляющим враждебным

большинством, король взял на себя смелость отменить решение путем произвольных и нечестных манипуляций с возвратом. Он предпочел предположить, что 280 нотаблей, которые не голосовали, высказались за Закон, и добавил свои голоса к меньшинству. Затем он заявил, что 126 голосов были ошибочно поданы против принципа религиозного равенства, который согласно Второй из Восьми статей, одобренных Державами, является обязательным и основополагающим для Союза, и затем он не только вычел их из большинства, но и добавил к меньшинству. Затем он объявил, что Основной закон был принят большинством в 263 голоса. Такой акт мошенничества не был рассчитан на то, чтобы отношения между севером и югом стали гладкими. Таким образом, по государственными соображениям вкратце рассмотрев решение бельгийской знати, Уильям (26 сентября) совершил свой государственный въезд в Брюссель и принес присягу Конституции.

Уже Венский конгресс дал официальную санкцию Державам на создание королевства Нидерландов договором, подписанным в Париже 31 мая 1815 года. По этому договору все бывшие Австрийские Нидерланды (за исключением провинции Люксембург) вместе с территорией, которой до 1795 года[стр.374] управляли князья-епископы Льежские, герцогство Бульонское и несколько небольших участков территории были присоединены к Голландии; и созданное таким образом новое государство было передано под суверенитет главы Дома Оранских-Нассау. Однако, как указывалось выше, при принятии этих мер было необходимо удовлетворить претензии Пруссии на расширение владений в прирейнских провинциях. Это привело к ряду сложных сделок. Вильгельм уступил Пруссии свои древние наследственные княжества Нассау - Дилленбург, Диц, Зиген и Хадамар. Эквивалентом, который получил Вильгельм, был суверенитет Люксембурга, который с этой целью был отделен от бельгийских Нидерландов, одной из провинций которых он был со времен бургундских герцогов, и преобразован в Великое герцогство. Более того, Великое герцогство было превращено в одно из государств Германской конфедерации, а город Люксембург был объявлен федеральной крепостью, гарнизон которой состоял из прусских и голландских отрядов под командованием прусского коменданта. Эта сделка преследовала двойную цель: (1) сохранить за великим герцогом его права и привилегии как немецкого принца, (2) обеспечить защиту этой важной пограничной территории от нападения Франции. Еще одно осложнение возникло из-за того факта, что в 14 веке дом Нассау был разделен на две ветви, Вальрама и Отто, причем младшей ветвью была та, главой которой был принц Оранский. Но по семейному договору^[9], согласованному в 1735 году и возобновленному в 1783 году, территориальные владения любой линии при отсутствии наследников мужского пола должны были перейти к следующему агнату мужского пола другой ветви. Таким образом, этот пакт, в силу состоявшегося обмена, применялся к новому Великому герцогству. Здесь необходимо более подробно объяснить, что произошло, поскольку это произвольное лишение Люксембурга его исторического положения неотъемлемой части Нидерландов должно было иметь серьезные и приводящие в замешательство последствия в ближайшем будущем.

Новое королевство Нидерландов, естественно, включало Люксембург, так что Вильгельм скорее проиграл, чем выиграл, уступив свои владения в Нассау; но его близкое родство по происхождению и браку с прусским королевским домом заставляло его стремиться удовлетворить пожелания державы, на дружбу которой он полагался. Все свидетельства также указывают на вывод о том, что, принимая[стр.375] личный суверенитет Великого герцогства, он не имел намерения относиться к Люксембургу иначе, чем как к части своего королевства. Основной закон был применен к Люксембургу таким же образом, как к Брабанту или Фландрии;

и из 55 депутатов, выделенных бельгийским провинциям, четверо были представителями Великого герцогства, на которое распространялись те же законы и налоги, что и на королевство. Сначала король думал назначить своего второго сына Фредерика своим преемником в Люксембурге, но он передумал и выплатил ему компенсацию в другом месте; и он сам называет причину: "поскольку мы сочли целесообразным (*приемлемым*) в общих интересах королевства объединить с ним Великое герцогство и подчинить его тем же конституционным законам".

Границы нового королевства и Великого герцогства были установлены договором от 31 мая 1815 года и подтверждены Общим актом Венского конгресса. По этому договору Пруссия получила значительную часть старой провинции Люксембург, а также кусочки территории, отнятые у епископства Льеж. Отдельный договор о границе, подписанный годом позже (26 июня 1816 г.) между Нидерландами и Пруссией, пополнил детали договора 1815 года; и о том, что сама Пруссия согласилась на слияние королевства и Великого герцогства, свидетельствует тот факт, что граница между Пруссией и Люксембургом трижды упоминается в более позднем договоре как граница между Пруссией и королевством Нидерландов.

[стр.376]

ГЛАВА XXX

КОРОЛЕВСТВО НИДЕРЛАНДОВ —СОЮЗ ГОЛЛАНДИИ И БЕЛЬГИИ, 1815-1830

Автократические полномочия, предоставленные королю Вильгельму Основным законом, сделали его личность фактором первостепенной важности в выполнении стоявшей перед ним трудной задачи. Характер Уильяма был сильным и уверенным в себе, и он не уклонялся от ответственности. Его намерения были самыми благими; он был способным, трудолюбивым, хорошим финансистом, не жалевшим сил на то, чтобы вникнуть в детали государственных дел. Но у него были недостатки его качеств: он был самоуверен, упрям и склонен, как и в случае с голосованием бельгийской знати, преодолевать оппозицию высокой рукой. В начале своего правления ему посчастливилось быть в наилучших отношениях с Каслри, министром

иностранных дел Великобритании. Каслри больше, чем какому-либо другому государственному деятелю, королевство Нидерландов обязано своим существованием. Парижский мир позволил Великобритании завладеть всеми голландскими колониями. Лондонской конвенцией (13 августа 1814 г.), которая была работой Каслри, было решено, что все захваченные колонии, включая Яву, самую богатую и ценную из всех, должны быть восстановлены, за исключением мыса Доброй Надежды и гвианских колоний — Демерары, Бербисе и Эссекибо. В последней почти все плантации перешли в руки британцев в течение восемнадцати лет после их завоевания; и Капская колония была сохранена как необходимая для безопасности морского пути в Индию. Но эти капитуляции не были осуществлены без достаточной компенсации. Великобритания выделила 2 000 000 фунтов стерлингов на возведение крепостей вдоль французской границы; 1 000 000 фунтов стерлингов на удовлетворение претензий Швеции в отношении острова Гваделупа; и 3 000 000 фунтов стерлингов, или половину долга Голландии России, т.е. всего сумма в 6 000 000 фунтов стерлингов.

Одной из самых насущных проблем, с которой пришлось столкнуться Владетельному князю при его приходе к власти, было состояние финансов. Наполеон одним росчерком пера сократил государственный долг до трети его суммы. Уильям, однако, был слишком честным человеком, чтобы воспользоваться предоставленной ему возможностью для частичного отказа[стр.377]. Он напомнил о существовании двух третей, по которым не были выплачены проценты, и назвал это "отложенным долгом" (*uitgestelde schuld*); другая треть получила название "рабочего долга" (*werkelijke schuld*). Цифры составляли 1200 миллионов флоринов и 600 миллионов флоринов соответственно. Каждый год требовалось выплачивать четыре миллиона "текущего долга", и к нему добавлялась аналогичная сумма из "отложенного". Другие меры, принятые в 1814 году для достижения экономии, оказались малоэффективными, поскольку кампания при Ватерлоо в следующем году добавила к долгу 40 миллионов флоринов. Пришлось ввести более жесткое налогообложение, но даже в этом случае платежи по долгу сделали практически невозможным избежать ежегодного дефицита бюджета. Одной из главных обид бельгийцев было то, что их призвали разделить бремя непосильного долга, которого они не несли. Голосование о путях и средствах на десять лет давало королю контроль над всеми обычными финансами; только чрезвычайные расходы должны были ежегодно представляться представителям народа.

Неприязнь католической иерархии Бельгии к голландскому правлению усилилась из-за того, как король отнесся к голосованию нотаблей. Их лидером был Морис де Бройль, епископ Гента, француз по происхождению. Его попытки словами и пером разжечь в Бельгии активную вражду к союзу вызвали гнев Уильяма, и он решил привлечь его к ответственности. Это был акт мужества, а не государственной мудрости, но король не мог смириться с оппозицией. Бройль отказался предстать перед судом и бежал во Францию. В его отсутствие он был приговорен к изгнанию и оплате судебных издержек. Могущественная клерикальная партия считала его мучеником и продолжала критиковать политику протестантского короля с настороженной и враждебной подозрительностью. Не была более дружелюбной и бельгийская либеральная партия. На самом деле они не поддерживали притязания клерикалов на практическое господство в государстве, но они были бельгийцами-патриотами, которые не любили Голландию и возмущались мыслью, что с ними обращаются как с зависимыми от их северных соседей. Они были едины с клерикалами, утверждая, что представительство Бельгии во Второй палате Генеральных штатов должно быть пропорционально их численности населения. Но с этим недовольством можно было бы смириться, если бы король проявил хоть малейшую склонность обращаться со своими бельгийскими подданными на равных с голландцами. Он

был, как будет видно, живо заинтересован в[стр.378] благополучии и прогрессе юга, но по духу своему и в ведении дел он показал себя отъявленным голландцем. Положение Основного закона о том, что резиденция правительства и заседания Генеральных штатов должны проводиться поочередно из года в год в Гааге и Брюсселе, так и не было выполнено. Все министерства постоянно находились в Гааге; и из семи министров, занимавших этот пост в 1816 году, только один, герцог д'Урсель, был бельгийцем и занимал пост министра общественных работ и водных путей. Четырнадцать лет спустя (на момент восстания) шестеро из семи все еще были северянами. Все военные учреждения находились в Голландии, и почти все дипломатические и гражданские должности были предоставлены голландцам. И это было связано не только с тем фактом, что на момент объединения Голландия уже обладала организованным правительством и запасом опытных чиновников, в то время как Бельгии не хватало ни того, ни другого. Напротив, политика короля оставалась твердой и непоколебимой. В 1830 году из 39 дипломатов 30 были голландцами. Все главные военные посты занимали голландцы. Не отличалось это и на государственной службе. В министерстве внутренних дел было 117 голландцев, 11 бельгийцев; в военном министерстве 102 голландца, 3 бельгийца; в финансовом отделе 59 голландцев, 5 бельгийцев. Такое положение вещей не могло не вызвать недовольства. Партии в бельгийских провинциях в первые дни существования Союза были разделены так же сильно, как и в последние годы. Католическая, или клерикальная, партия имела свой оплот в двух Фландриях и Антверпене, *т.е.* во фламандскоязычных районах. В Валлонской Бельгии либералы имели значительное большинство. Оппозиция Основному закону исходила в подавляющем большинстве из Фламандской Бельгии; поддержку получили Льеж, Намюр, Люксембург и другие районы Валлонии. Но чувство несправедливости объединило обе партии, так что в представительной палате бельгийские депутаты вскоре проголосовали единодушно, как постоянная оппозиция, в то время как голландцы *единым блоком* проголосовали за правительство. Поскольку представительство севера и юга было равным, по 55 членов в каждом, результат был бы тупиковым, но всегда находились два или три бельгийца, занимавших правительственные посты; и они были вынуждены под страхом немедленного увольнения голосовать за меры правительства или, по крайней мере, воздерживаться. Таким образом, король всегда мог положиться на небольшое, но постоянное большинство, и с его помощью он без колебаний проводил финансовые и законодательные предложения сквозь зубы бельгийской оппозиции.[стр.379] Однако будет справедливо по отношению к своевольному королю указать, как искренне он стремился способствовать материальному и промышленному благосостоянию всей страны и в меру своих сил поощрять литературный, научный и образовательный прогресс. В Голландии транспортная торговля, которая так долго была главным источником богатства страны, была полностью разрушена Континентальной системой Наполеона. С другой стороны, бельгийская промышленность, которая процветала благодаря строгому эмбарго, наложенному на импорт британских товаров, теперь оказалась под угрозой британской конкуренции. Шаги, предпринятые благодаря энергии и инициативе короля, были, учитывая состояние национальных финансов, замечательными по разнообразию их целей и достигнутых результатов. Старый Амстердамский банк был преобразован в Банк Нидерландов. Был спланирован и построен ряд каналов. Главным из них был канал Северная Голландия, соединяющий Амстердам с Хелдером. Подходы к Роттердаму были улучшены, так что этот порт стал местом встречи морских перевозок из Англии и речных перевозок по Рейну из Германии. Но оба этих порта были быстро омрачены быстрым восстановлением Антверпена, теперь, когда Шельда стала свободной и открытой для торговли. Другими важными каналами, начатыми и полностью или частично построенными в

этот период, были каналы Зюйд-Виллемсварт, Цедерик, Аппельдорн и Вурн. Водное сообщение на юге было не так необходимо, как на севере, но там также уделялось внимание каналам, особенно каналу Тернейзен, соединяющему Гент с западной Шельдой, и было построено много автомагистралей. Чтобы восстановить процветание голландской транспортной торговли, особенно с их Ост-Индией, в 1824 году была основана Компания — *de Nederlandsche Handekmaatschappij*; и в то же время был заключен торговый договор с Великобританией, по которому обе страны должны были пользоваться свободой торговли с восточно-индийскими владениями друг друга. У *Handekmaatschappij* был капитал в 37 миллионов флоринов; король внес четыре миллиона и гарантировал акционерам в течение 20 лет выплату дивидендов в размере 4 1/2 процента. Сначала компания работала в убыток, и в 1831 году Уильяму пришлось выплатить четыре миллиона флоринов из своего личного кошелька, чтобы выполнить свои обязательства. Отчасти это было связано с неудачей восстания на Яве, которое длилось несколько лет.

Сельскому хозяйству уделялось не меньшее внимание. Заболоченные районы были заброшены или превращены в пастбища. В частности, [стр.380] *Маатшаппидж ван Вельдадигхейд*, общество, основанное в 1818 году генералом ван ден Босхом при решительной поддержке короля, взяло на себя задачу восстановления земель с особой целью борьбы с бедностью. Не менее ревностно король заботился о процветании бельгийской промышленности; Гент с его хлопчатобумажными фабриками и сахарными заводами, Турне с его фарфоровой промышленностью и Льеж с его скобяными изделиями - все они были объектами королевского интереса. Огромный машиностроительный завод в Серене близ Льежа под управлением англичанина Кокерилла был обязан своим существованием королю. Забота Уильяма была направлена не только на материальные интересы своего народа. В 1815 году был восстановлен Утрехтский университет; а в Бельгии, помимо Лувена, в 1816 году были созданы два новых фонда высшего образования в Генте и Льеже. Королевские академии искусств были размещены в Амстердаме и Антверпене, которые должны были принести хорошие плоды. Его внимание было также уделено столь необходимому улучшению начального образования, которого на юге практически не существовало в больших частях страны. Здесь наличие ряда неграмотных диалектов было большим препятствием и стало причиной неудачной попытки превратить литературный голландский в национальный язык для всего его королевства.

Тем не менее политические ошибки короля (одной из которых была попытка принудительного использования голландского языка) сделали тщетной всю его вдумчивую заботу о благополучии своего народа. Как ни велики были автократические полномочия, предоставленные суверену, он превысил их. Планы, в которых он был заинтересован, он осуществлял, не консультируясь с Генеральными штатами. Своих министров он считал обязанными выполнять его приказы. Если их взгляды расходились с его, они увольнялись. Такова была судьба даже Ван Хогендорпа, которому он был столь многим обязан; Роэллю и Фальку также пришлось уступить место менее компетентным, но более подобоострастным министрам.

Главной трудностью, с которой королю приходилось бороться на протяжении всего этого периода, было непрекращающееся и непримиримое противодействие католической иерархии и духовенства принципу абсолютного религиозного равенства, установленному Основным законом (статьи СХС-СХСIII). Их лидер, Морис де Бройль, епископ Гента, фактически опубликовал *доктринальный документ*, в котором он заявил, что принесение присяги

Конституции было актом измены католической церкви. В этом неповиновении правительству он пользовался поддержкой папы римского, который разрешил графу де Меану принести присягу только при его назначении на архиепископство Малин[стр.381] при том понимании, что он придерживался статей СХС-СХСIII, относящихся только к гражданским делам. С этого времени приносить присягу "dans le sens de M. Méan" стало для ультраклерикальной партии обычной практикой.

Другие меры правительства вызвали враждебность католиков. В этом, 1819 году, указом было запрещено проведение более двух религиозных процессий в год. В такой стране, как Бельгия, это ограничение вызвало сильное возмущение. Но учреждение в 1825 году королем *Философской коллегии* в Лувене, в которой все кандидаты в священники по королевскому указу должны были (после 1826 года) пройти двухлетний курс, прежде чем поступить в епископальную семинарию, встретило яростное сопротивление. Преподавание велось на древних языках, истории, этике и каноническом праве; а учителей назначал король. Первым результатом этого указа стало то, что молодые люди начали искать образования в иностранных семинариях. Другой королевский указ немедленно запретил это, и всем молодым людям было приказано поступать либо в *коллегиум*, либо в одну из высших школ страны; если они этого не сделают, им будет закрыт доступ к священству или к любой государственной должности. Это была, пожалуй, самая серьезная из всех ошибок короля. Он недооценил как силу, так и искренность оппозиции, которую он таким образом намеренно создавал. Его указы были обречены на провал. Епископы, со своей стороны, отказались принимать в свои семинарии или рукополагать кого-либо, кто посещал *Философский колледж*. Король, столкнувшийся с бесповоротным решением бельгийской иерархии, оказался в невыносимом положении. Он не мог заставить епископов рукополагать кандидатов в священные сани, и поэтому его указы были мертвой буквой; с другой стороны, он также не мог растоптать убеждения подавляющего большинства своих бельгийских подданных, сделав невозможным принятие священства. Ему пришлось уступить и отправить специального посланника — Де Селлеса — к Папе Римскому в 1827 году, чтобы попытаться договориться о конкордате. Это было достигнуто. Согласно статье III Конкордата, в Нидерландах должно было быть восемь епископов вместо пяти. Они должны были быть выбраны папой римским, но король должен был иметь право возражать, и от них требовалось принести присягу на верность. Курс в *Философской коллегии* был сделан факультативным. Таким образом, Вильгельм уступил практически по всем спорным пунктам, но гордился тем, что получил право отклонить кандидатуру папы. Папа, однако, в своем обращении не упомянул об этом праве и заявил, что декрет о *коллегии* был[pg.382], и что в вопросах образования епископы будут действовать в соответствии с инструкциями из Рима. Правительство немедленно направило губернаторам провинций конфиденциальное уведомление о том, что проведение Конкордата откладывается на неопределенный срок. Таким образом, попытка примирения закончилась унижением короля и триумфом проницательной дипломатии Ватикана.

Финансовое положение, как мы видели, с самого начала было сложным. Король лично отличался бережливостью, но его многочисленные проекты по общему благосостоянию страны требовали больших затрат, и следствием этого стал среднегодовой дефицит в размере семи миллионов флоринов. Сначала доходы были увеличены за счет увеличения таможенных пошлин и акцизов, включая колониальный импорт. Это вызвало большое недовольство в Голландии, особенно когда были введены пошлины на кофе и сахар. Жалоба заключалась в том, что, таким образом, чрезмерная доля налогов ложилась на приморский север. Чтобы

облегчить эти пошлины на колониальные товары, пришлось ввести другие налоги. Соответственно, в 1821 году было предложено покрыть дефицит за счет двух самых неразумных и неприятных налогов, известных как *mouture* и *abbatage*. Первый был сделан из молотого зерна, второй - из туш животных, добытых на мельнице или бойне, другими словами, из хлеба и мяса мясника. И то, и другое было крайне непопулярно, и *еда*, в частности, с особой жестокостью обрушилась на бельгийский рабочий класс и крестьянство, которые потребляли гораздо больше хлеба на душу населения, чем голландцы. Тем не менее, под давлением министров законопроект был принят (21 июля 1821 г.) узким большинством в четыре голоса — 55 против 51. Все меньшинство составляли бельгийцы, только два бельгийца проголосовали большинством. Непостижимо, как правительство могло быть настолько невежливым, чтобы вводить эти налоги перед лицом такого проявления национальной вражды. *Mouture* принес доход всего в 5 500 000 фл.; *abbatage* 2 500 000 фл.

Эта сумма, хотя ее взыскание сильно давило на самых бедных, приносила небольшое облегчение; и для покрытия повторяющегося дефицита единственным ресурсом были займы. Чтобы вывести национальные финансы из все возрастающих трудностей, в декабре 1822 года был создан *Амортизационный синдикат*. Значительные источники дохода от различных общественных владений и сборов за проезд перешли в руки семи членов Синдиката, все из которых были обязаны хранить тайну как в отношении своих государственных, так и частных операций. Его результатом было еще большее ослабление контроля Представительной палаты[стр.383] над национальными финансами. Синдикат действительно помогал государству, поскольку в период с 1823 по 1829 год он выделил не менее 58 885 443 ф. ст. для покрытия дефицита бюджета, но средства, с помощью которых он добился этого результата, не были раскрыты.

Еще одним средством помочь правительству в его начинаниях был *миллион на развитие промышленности*, за который ежегодно голосовали как за чрезвычайную сумму, но о которой никогда не сообщалось. Несомненно, что эта сумма была с пользой использована для развития промышленности в Серене и других местах и что она способствовала растущему процветанию южных провинций. Но ненужная тайна, окружавшая его расходы, привела к подозрению, что он использовался как фонд для секретной службы и политической работы.

Автократический характер короля проявился не только в том, что он сохранил контроль над финансами в значительной степени в своих руках, но и в проведении ряда мер, вызвавших недовольство населения простыми *постановлениями* или декретами Государственного совета без консультаций с Палатой представителей. Таковы были указ от 6 ноября 1814 года, отменяющий суд присяжных и вносящий некоторые другие изменения в судопроизводство; указ от 15 апреля 1815 года, налагающий серьезные ограничения на свободу прессы; указ от 15 сентября 1819 года, делающий голландский официальным языком страны; указ от 25 июня 1825 года, учреждающий *Философскую коллегия*; и, наконец, указ от 21 июня 1830 года, делающий Гаагу резиденцией верховного суда. Все это вызвало глубокое недовольство и имело кумулятивный эффект.

Языковой декрет 1819 года был предварительным, объявлявшим знание голландского обязательным для поступления на все государственные должности, но за ним последовал гораздо более строгий декрет 1822 года, согласно которому в двух Фландриях, Южном Брабанте и Лимбурге, голландский язык должен был использоваться в судах и во всех публичных актах и

уведомлениях. Хотя действие этого указа ограничивалось фламандскоязычными районами, следует помнить, что со времен бургундских герцогов вплоть до испанского и австрийского периодов официальным языком страны всегда был французский, высшие классы говорили только по-французски, и, за редким исключением, адвокаты могли выступать только на этом языке. Это было большим испытанием для бельгийской коллегии адвокатов, которое было бы значительно увеличено, если бы королевский указ (21 июня 1830 г.) о размещении в Гааге апелляционного суда[стр.384] для всего королевства.

Более серьезными по своим результатам были нарушения статьи CCXXVII Основного закона, гарантирующего свободу прессы. Возвращение Наполеона с Эльбы и неминуемая опасность, которой подвергалось пока еще неорганизованное королевство Нидерландов, привели к возникновению *конфликта* самого серьезного характера. По нему все лица, публикующие новости любого рода, или дающие информацию, наносящую ущерб государству, или пишущие или распространяющие политические брошюры, должны были предстать перед специальным трибуналом из девяти судей, занимающих свои должности по воле короля; и, в случае осуждения, они могли быть приговорены к выставлению у позорного столба, лишению гражданских прав, клеймению, тюремному заключению и штрафам в размере от 100 до 10 000 франков. Эта суровая мера, возможно, была оправдана в чрезвычайной ситуации под предлогом того, что она была необходима для безопасности государства. Когда опасность миновала и Основной закон был принят, не было никаких оправданий для его дальнейшего сохранения в Своде законов. Тем не менее, в этот суд был вызван аббат де Фер за то, что защищал в "*Spectateur Beige*" религиозную доктрину епископа де Бройля, и он был приговорен к двум годам тюремного заключения. В следующем, 1818 году, правительство получило одобрение Генеральных штатов (с небольшими изменениями) на продолжение этой цензуры прессы военного времени. Штрафы остались, но суд состоял из судьи и четырех ассессоров, назначенных правительством. В соответствии с этим законом брюссельский адвокат Ван дер Стратен был оштрафован на 3000 фл. за брошюру с нападками на министров; и несколько других адвокатов были лишены лицензии за протест против того, что этот приговор противоречит Основному закону. Отныне судебные преследования следовали за судебными преследованиями, и прессе заткнули рот.

В результате этих преследований прессы две бельгийские политические партии, клерикалы и либералы, будучи поляками по своим принципам, сблизились. Все различия в религиозных и политических убеждениях были сплавлены в единое чувство национального недовольства тем, что считалось иностранной тиранией. Это привело в 1828 году к образованию *Союза*, ассоциации для сотрудничества бельгийцев всех партий в защиту свободы вероисповедания, свободы обучения и свободы печати. Таким образом, ультра-клерикалы, которые обращались к Ватикану за руководством, и передовые либералы, исповедовавшие принципы французской[стр.385] Революции, были силой событий шаг за шагом подталкиваемы к превращению неформального союза в формальный. Аббат де Фер в "*Зрителе*" и Мм. Д'Эллуи и Донкер из *Observateur* в течение нескольких лет выступали за объединенные действия; и именно благодаря их успеху в привлечении на свою сторону поддержки и мощного пера Луи де Поттера, молодого адвоката и журналиста франко-радикальных симпатий, *Союз* как партия был фактически создан. С этого времени нападки в прессе становились все более жестокими и озлобленными и вызвали дух беспорядков по всей стране. Начали поступать петиции против налогов на *устье реки* и *аббатство* и других непопулярных мер, особенно из валлонских провинций. За ними последовала Национальная петиция, подписанная представителями всех

слоев общества с просьбой об удовлетворении жалоб, но она не встретила никакого ответа от непреклонного короля. В начале лета этого, 1828 года, он совершил турне по Бельгии и в нескольких городах, особенно в Антверпене и Генте, встретил теплый прием, что заставило его недооценить масштабы и серьезность существующего недовольства. В Льеже, центре валлонского либерализма, он был раздражен рядом поданных ему петиций; и в момент раздражения он назвал поведение тех, кто протестовал там против "притворных жалоб", позорным, "*une conduite in-fâme*". Эти слова были глубоко оскорблены, и инцидент вызвал пародию на Лигу нищих 1566 года, когда Орден Позора был учрежден медалью с девизом *справедливые верующие в бесчестье*. Движение быстро распространилось, но остается любопытным тот факт, что враждебность бельгийцев до сих пор была направлена против голландских министров (особенно Ван Маанена, министра юстиции) и голландского народа, чье властное отношение вызывало горькое негодование, а не против короля или Оранского дома. Добрые дела Уильяма на благо страны были оценены по достоинству; его произвольные меры, противоречащие Основному закону, приписывались главным образом его плохим советникам.

Однако декабрь 1829 года привел к жестокому столкновению короля и его бельгийских подданных. Во Второй палате (8 декабря) М. Шарлем де Брукером, выдающимся бельгийским либералом, которого поддерживают католики под руководством М. де Жерлаша, было выдвинуто предложение об отмене ненавистного Закона о печати 1815 года. Предложение было отклонено твердым[стр.386] голосованием голландцев, дополненным поддержкой семи бельгийцев. Должен был быть утвержден десятилетний бюджет, и существовала угроза несогласия с ним, если не будут устранены претензии — крик звучал так: "Пункт об устранении недостатков, пункт возмездия". 11 декабря пришло королевское послание Генеральным штатам, в котором, хотя и обещались определенные уступки в отношении налогов, *Философской коллегии* и языкового декрета, недвусмысленно излагался принцип королевского абсолютизма. Процитируем слова компетентного наблюдателя этих событий:

В послании по существу говорилось, что конституция была актом снисхождения со стороны трона; что король скорее ограничил, чем довел до крайности права своего дома; что пресса была виновна в посеве раздора и неразберихи по всему штату; и что оппозиция была всего лишь фанатичной работой нескольких введенных в заблуждение людей, которые, забыв о преимуществах, которыми они пользовались, тревожным и скандальным образом восстали против отеческого правительства^[10].

Министр юстиции Ван Маанен на следующий день выпустил циркуляр, призывающий всех гражданских должностных лиц подтвердить свою приверженность принципам послания в течение 24 часов. Несколько функционеров, принимавших участие в петиционной агитации, были без промедления уволены; и судебные преследования против прессы были возбуждены с новой энергией. С этого времени Ван Маанен стал особым объектом ненависти бельгийцев.

Угроза бельгийских депутатов выступить против десятилетнего бюджета теперь была выполнена. В конце декабря предложения министров были представлены на рассмотрение Генеральных штатов. Расходы были санкционированы, пути и средства их покрытия были отклонены 55 голосами против 52. Министр финансов в этой чрезвычайной ситуации был вынужден представить новые расчеты только на один год, из которых были исключены налоги на *содержание* и *аббатство*. Это было принято без возражений, но король, раздосадованный

таким отказом, поступил недостойно своего положения, издав *постановление* (8 января 1830 г.), лишаящее шести депутатов, проголосовавших большинством голосов, их официальных должностей. Между тем яростные нападки в прессе на короля и его министров, исходившие из-под пера ряда способных и недобросовестных журналистов, были слишком дерзкими и оскорбительными, чтобы какое-либо правительство могло оставить их без внимания. Первым по ожесточенности своего натиска был Луи де Поттер, чье *Письмо о демофилии в королевской семье* на протяжении всего было прямым вызовом автократическим притязаниям, выдвинутом[стр.387] королевским посланием. Де Поттер также не довольствовался одними словами. Обращение от 11 декабря, авторами которого были он и его друг Тилеманс, появилось (31 января 1830 г.) в семнадцати газетах с призывом собрать общенациональную подписку для выплаты компенсаций депутатам, которые были уволены со своих постов и зарплат за голосование против бюджета. Было возбуждено дело против Де Поттера и Тилеманса, а также против Бартельса, редактора *Catholique*, и печатника Де Неве, и все они были приговорены судом к изгнанию — Де Поттер на восемь лет, Тилеманс и Бартельс на семь лет, Денев на пять лет. Все эти люди совершили правонарушения, наказание за которые правительство имело полное право, поскольку их высказывания выходили за рамки не только порядка, но и приличий и подрывали всякую власть. Тем не менее, бельгийские соотечественники считали их политическими мучениками, страдающими за свободы своей страны. Их осуждение было приписано Ван Маанену, который уже стал объектом всеобщего отвращения.

Тем временем министерство предприняло мудрый шаг, основав в Брюсселе орган *National*, который должен был принять их участие в полемике. Но в сложившихся обстоятельствах было актом почти невыносимой глупости выбрать редактором некоего Либри-Баньяно, человека итальянского происхождения, который, как вскоре обнаружили его оппоненты, дважды отбывал суровые сроки во Франции за фальсификацию документов. Он был блестящим и едким писателем, вполне способным перенести полемическую войну в лагерь своих противников. Но его прошлое было против него, и он вызывал ненависть, уступающую только отвращению к Ван Маанену.

Теперь мы подошли к кануну бельгийского восстания, которое фактически зародилось в результате бунта. Но бунт не был причиной восстания; это была лишь искра, вызвавшая взрыв, материалы для которого готовились годами. Французский секретный агент Джулиан сообщает о разговоре, который состоялся между королем и графом Байландтом 20 июля 1823 г.^[11] Следующий отрывок доказывает, что уже в это время Уильям начал осознавать невозможность сложившейся ситуации:

Я говорю это и часто повторяю Кланкарти (британскому министру), что мне гораздо больше хотелось бы, чтобы моя Голландия была совсем одна. Тогда я был бы[стр.388] в сто раз счастливее.... Когда я прилагаю все усилия, чтобы сделать эту страну единой, партия, которая в сговоре с иностранцами никогда не перестает завоевывать позиции, работает над ее разъединением. Кроме того, союзники отдали мне это королевство не для того, чтобы я подвергал его всевозможному влиянию. Такая ситуация не может продолжаться долго.

Другой отрывок из депеши французского посланника в Гааге Ламуссе, датированной 26 декабря 1828 г., описывает состояние дел в отношениях между двумя народами, которые рано или поздно неизбежно приведут к какому-либо политическому разделению:

Бельгиец ненавидит голландца, а он (голландец) презирает бельгийца, кроме того, он проявляет бесконечное *высокомерие* как из-за своего национального характера, так и из-за достижений своей промышленности и воспоминаний о своей истории. Презируемые своим северным соседом, управляемые принцем, доверием которого они не пользуются, стесненные в отправлении своего культа и, как они говорят, в пользовании своими свободами, обремененные налогами, имеющие лишь долю в национальном представительстве, непропорциональную населению Юга, бельгийцы спрашивают себя, есть ли у них страна, и испытывают беспокойство в болезненной ситуации, исход которой они тщетно пытаются выяснить[12].

Из перехваченного письма из Лувена, датированного 30 июля 1829 г.^[12]:

Что мы видим? Колебания, неуверенность, смущение и страх в действиях правительства; организация, реорганизация и, наконец, дезорганизация всей администрации. Снова грубый удар, и машина рассыпается.

Верный прогноз грядущих событий.[стр.389]

ГЛАВА XXXI

БЕЛЬГИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1830-1842 гг.

В последние дни июля 1830 года в Париже произошла революция, которая свергла Карла X и поставила герцога Орлеанского во главе конституционной монархии с титулом Луи Филиппа, короля Франции. Бельгийские либералы всегда чувствовали влечение к Франции, а не к Голландии, и несколько наиболее влиятельных из них были в Париже в июльские дни. Благодаря их тесному общению со своими друзьями в Брюсселе новости обо всем произошедшем быстро распространились и горячо обсуждались. Вероятно, в то время мало кто задумывался о полном отделении Бельгии от Голландии, скорее ожидалось, что северные и южные провинции станут административно автономными под властью одной короны. Это действительно казалось единственным практическим выходом из *тупика*, в который они зашли. Даже если бы король пошел на большие уступки бельгийцам, уволил Ван Маанена, отстранил Либри-Баньяно от должности редактора *Национальной* газеты и создал ответственное министерство — чего он делать не собирался, — он не смог бы удовлетворить требование о представительстве юга во Второй палате пропорционально численности населения. Ибо это означало бы, что положение Голландии отныне было бы подчинено положению Бельгии; а с этим голландцы, гордящиеся своей историей и достижениями, никогда бы не смирились. Было доказано, что объединение невозможно, но лично король пользовался популярностью у тех широких слоев бельгийского торгового и индустриального населения, чье процветание было в значительной степени обусловлено королевской заботой и отеческими интересами; и, если бы он согласился на создание отдельной администрации в Брюсселе, он мог бы примирительной позицией сохранить лояльность своих бельгийских подданных.

Он не сделал ничего из этого; но когда в августе он и двое его сыновей нанесли визит в Брюссель в то время, когда город празднично отмечал проведение выставки национальной промышленности, он был хорошо принят и, вероятно, совершенно не подозревал о[стр.390] надвигающейся буре. Предполагалось закрыть выставку грандиозным фейерверком вечером 23

августа и провести общую иллюминацию в день рождения короля (24 августа). Но король поспешил вернуться в Гаагу, чтобы отпраздновать свой день рождения, и в предыдущие дни было много признаков революционного брожения. На глухих стенах были обнаружены надписи: *Долой Ван Маанена; Смерть голландцам; Долой Libri—Bagnano u the National*; и, что еще более зловеще, были распространены листовки, содержащие слова: *23 августа, война искусств; 24 августа, годовщина короля; 25 августа, революция*.

Вследствие этих признаков подземных беспорядков, которые были хорошо известны барону ван дер Фоссе, гражданскому губернатору Брабанта, и М. Куифф, глава городской полиции, сообщил, что муниципальные власти приняли слабое решение из-за неблагоприятной погоды отложить фейерверк и иллюминацию. Вечер 23-го, как оказалось, был на редкость погожим. В то же время власти разрешили вечером 25-го первое представление оперы Скриба и Обера под названием *"Мюэтта де Портучи"*, которое ранее было запрещено. Главный герой, Масаньелло, возглавил восстание в Неаполе в 1648 году против иностранного (испанского) правления. Пьеса была полна патриотических, революционных песен, которые, вероятно, пробудили народные страсти.

Наступил вечер представления, и театр был переполнен. Возбуждение публики росло по мере продолжения спектакля, и гром аплодисментов был подхвачен толпой, собравшейся снаружи. Наконец зрители выбежали с громкими криками о мести Либри-Баньяно и Ван Маанену, к которым с готовностью присоединилась толпа. Брюссель в то время был избранным убежищем политических беженцев, готовых к любым эксцессам; и последовал ужасный бунт. Дом Ван Маанена и офисы *National* подверглись нападению, разграблению и сожжению. Город был охвачен дикой неразберихой и анархией; и многие из толпы раздобыли оружие, разграбив оружейные мастерские. Тем временем военные власти откладывали действия. Несколько небольших патрулей были окружены и вынуждены сдаться, в то время как основная часть войск, вместо того чтобы атаковать и разгонять бунтовщиков, была отозвана и размещена перед королевским дворцом. Таким образом, благодаря необычайной пассивности лейтенанта.- Генерала Байландта, военного губернатора провинции, и генерал-майора Вотье, коменданта города, которые[стр.391], должно быть, действовали по секретному приказу, дикая ночная вспышка, начавшаяся на следующий день, когда войска все еще бездействовали, все больше приобретала характер революции.

Это было остановлено действиями муниципальных властей и некоторых основных жителей, которые создали гражданскую гвардию для защиты от любых дальнейших беспорядочных нападений мародеров и бездельников на частную собственность. К гвардии присоединилось множество добровольцев из лучших слоев общества, и под командованием барона Д'Хугвоорта они были распределены по разным кварталам города и восстановили порядок. Французские флаги, которые поначалу были на виду, были заменены на ратуше брабантским триколором — красным, желтым и черным. Королевские знаки отличия во многих местах были сорваны, а оранжевые кокарды исчезли; тем не менее в то время не было никаких признаков восстания с целью свержения династии, только общенациональное требование об удовлетворении жалоб. Тем временем пришло известие, что к городу приближается подкрепление из Гента. Однако знатные люди проинформировали генерала Байландта, что ни одному войску не будет позволено войти в город без сопротивления; и он согласился остановить наступление и держать свои собственные войска в лагере до тех пор, пока не получит дальнейших приказов из Гааги. В этом отказе от любых попыток восстановить королевскую власть его обычно обвиняли.

Нет недостатка в доказательствах того, что беспорядки 25 августа и их последствия не были делом рук народных лидеров. Переписка Жандебьена с Де Поттером в то время и тон бельгийской прессы до и после вспышки являются доказательствами этого. *Католическая* организация Гента (бывший орган Бартельса), например, заявила:

Для трона нет спасения, кроме как в полной уступке наших прав. Основными пунктами, которые должны быть соблюдены, являются королевская неприкосновенность и ответственность министров; увольнение Ван Маанена; свобода образования и прессы; снижение налогообложения ... короче говоря, справедливость и свобода во всем и для всех, в строгом соответствии с основным законом.

The Coursier des Pays Bos (бывший орган Де Поттера), потребовав увольнения Ван Маанена в качестве абсолютного условия умиротворения, добавляет:

Мы повторяем, что мы не находимся ни в состоянии восстания, ни революции; все, чего мы хотим, - это смягчения обид, которые мы так долго терпели, и некоторых гарантий на лучшее будущее.

[стр.392]

В соответствии с такими настроениями официальное собрание 28-го числа в ратуше назначило депутацию из пяти человек во главе с Александром де Жандебьеном и Феликсом, графом де Мероде, для вручения королю верноподданнического обращения с изложением справедливых претензий, которые привели к беспорядкам в Брюсселе, и почтительной просьбой об их устранении.

Известие о восстании дошло до короля 27-го числа, и это сильно повлияло на него. На Совете, состоявшемся в Гааге, принц Оранский горячо умолял своего отца принять предложенную Ван Мааненом отставку и в духе примирения рассмотреть претензии бельгийцев. Но Уильям наотрез отказался уволить министра или вести переговоры с мятежниками. Однако он разрешил принцу посетить Брюссель, не имея полномочий действовать, а просто с миссией расследования. Он также согласился принять делегацию из Брюсселя и созвал чрезвычайное заседание Генеральных штатов в Гааге на 13 сентября. Войскам было немедленно приказано двигаться на юг и присоединиться к лагерю в Вильворде, где были остановлены полки, отправленные на усиление брюссельского гарнизона. Принц Оранский и его брат Фредерик тем временем покинули Гаагу и 31 августа прибыли в Вильворд. Здесь Фредерик принял командование войсками, и Оранский послал своего *адъютанта* к барону Д'Хугварту, чтобы пригласить его на совещание в штаб. Известие о стягивании войск вызвало огромное волнение в столице; и было решено, что Хугворт во главе представительной депутации отправится в Вильворд, чтобы убедить принца остановить любое продвижение войск на Брюссель, поскольку их входу в город будет оказано сопротивление, если горожане не будут уверены, что Ван Маанен уволен и что другие претензии устранены. Они пригласили Оранжа приехать в Брюссель в сопровождении только его личной свиты и предложили быть гарантами его безопасности.

Принц въехал в город 1 сентября, улицы были окаймлены гражданской гвардией. Лично он был популярен, но, не обладая никакими полномочиями, ничего не мог добиться. После трех дней переговоров он вернулся в лагерь, и его миссия провалилась. В тот же день, когда Оранские вошли в Брюссель, депутация из пяти человек была принята королем Вильгельмом в Гааге. Его ответ на их заявления заключался в том, что по Основному закону он имеет право выбирать

своих министров, что принцип ответственности министров[стр. 393] противоречит Конституции, и что он не будет увольнять Ван Маанена или рассматривать какие-либо предполагаемые жалобы, приставив пистолет к его голове.

Однако Уильям, несмотря на свои бескомпромиссные слова, на самом деле принял отставку Ван Маанена (3 сентября); но когда принц Оранский, вернувшись после своего пребывания в Брюсселе, настаивал на необходимости административного разделения севера и юга и предложил вернуться в бельгийскую столицу, если будет наделен всеми полномочиями для ее проведения, его предложение было отклонено. Король согласился бы только вынести этот вопрос на рассмотрение Генеральных штатов, заседание которых должно было состояться 13-го числа. Вместо того чтобы предпринять какие-либо немедленные действия, он издал прокламацию, которая никоим образом не соответствовала остроте ситуации, и не успела она быть вывешена на стенах Брюсселя, как была сорвана и растоптана ногами. Справедливо будет лишь сказать, что король пользовался единодушной поддержкой голландского народа, особенно коммерческих кругов. Для них отделение было гораздо предпочтительнее, чем допустить бельгийцев к той преобладающей доле представительства, на которую они претендовали на основании их большей численности населения.

Тем временем в Брюсселе из-за бездействия правительства дела продвигались быстро. Дух восстания распространился на другие города, главным образом в провинциях Валлонии. Льеж и Лувен пришли в движение первыми. Шарль Роже, адвокат по профессии и француз по происхождению, был лидером восстания в Льеже; и его пламенный пыл был таков, что во главе примерно 400 человек, которых он снабдил оружием со складов оружейника, он двинулся на Брюссель и прибыл в этот охваченный беспорядками город, не встретив ни одного голландского войска. Примеру Льежа последовали Жемаппес, Вавр и шахтеры Боринажа; и Брюссель наполнился растущей толпой людей, преисполненных революционного духа. Их целью было провозглашение независимости Бельгии и создание временного правительства.

К такому шагу даже убежденные либералы, такие как Жандебьен, Ван де Вейер и Руппе, бургомистр-ветеран города, еще не были готовы; и они объединились с умеренными, графом Феликсом де Мероде и Фердинандом Миусом, чтобы сформировать Комитет общественной безопасности. В поддержании порядка им помогали два барона Д'Хугворт (Эммануэль и Джозеф), первый из которых был командующим гражданской гвардией, популярным и влиятельным,[стр.394] и муниципалитет. Пока они все еще боролись за сохранение своей власти, Генеральные штаты собрались в Гааге 13 сентября. Он был открыт речью короля, в которой он заявил о своей твердой решимости поддерживать закон и порядок перед лицом революционного насилия. Он вынес на рассмотрение Генеральных штатов два вопроса: (1) показал ли опыт необходимость внесения изменений в Основной закон; (2) следует ли вносить какие-либо изменения в отношения между двумя частями королевства. После долгих дебатов (29 сентября) на оба вопроса были даны утвердительные ответы; но еще до того, как это произошло, события в Брюсселе уже сделали дискуссии в Гааге бесполезными.

Как только содержание речи короля стало известно в Брюсселе, революционные лидеры использовали ее для разжигания страстей толпы посредством подстрекательских речей. Роже и Дюшпетье во главе льежцев и контингентов из других валлонских городов, при поддержке низших слоев населения Брюсселя, потребовали роспуска Комитета общественной безопасности и создания Временного правительства. Члены Комитета и

муниципалитета, постоянно заседавшие в Отель де Вилль, делали все возможное для поддержания порядка при решительной поддержке барона Д'Хугвоорта и Гражданской гвардии. Но все было напрасно. Вечером 20 сентября огромная толпа ворвалась в Отель-де-Виль, предварительно разоружив гражданскую гвардию; и отныне Роже и Дюшпетьо были хозяевами города. Комитет общественной безопасности исчез, и о нем больше ничего не слышно. Хогворт сложил с себя командование. Получив это известие, принц Фредерик в Вильворде получил приказ наступать на город и принудить его к подчинению. Но страсти толпы были возбуждены, и простой слух о том, что голландские войска продвигаются, заставил предпринять самые энергичные шаги, чтобы противостоять *внезапному* их проникновению в город.

Королевские войска утром 23 сентября вошли в город через три ворот и продвинулись до Парка. Но дальше этого пункта они не смогли продвинуться, таким отчаянным было сопротивление и таким градом пуль встретили их с баррикад, из окон и крыш домов. В течение трех дней почти без перерыва продолжалось ожесточенное сражение, войска скорее теряли позиции [стр.395], чем завоевывали их. Вечером 26-го принц отдал приказ отступить, поскольку его войска серьезно пострадали.

Результатом этого отступления было превращение уличного восстания в национальное восстание. Умеренные теперь объединились с либералами, и было сформировано Временное правительство, в состав которого вошли Рогир, Ван де Вейер, Жандебьен, Эммануэль Д'Хугвоорт, Феликс де Мероде и Луи де Поттер, которые несколько дней спустя с триумфом вернулись из ссылки. Временное правительство издало серию указов, объявляющих Бельгию независимой, освобождающих бельгийских солдат от присяги и призывающих их отказаться от голландского штандарта. Им подчинились. Восстание, которое до этого ограничивалось в основном валлонскими округами, теперь быстро распространилось по Фландрии. Гарнизон за гарнизонам сдавались; и остатки дезорганизованных голландских войск отступили к Антверпену (2 октября). Два дня спустя Временное правительство созвало Национальный конгресс, который должен был быть избран всеми гражданами Бельгии в возрасте 25 лет. Известие об этих событиях вызвало большое возмущение в Гааге. Принцу Оранскому, который все время выступал за примирение, теперь его отец разрешил отправиться в Антверпен (4 октября) и попытаться встать во главе бельгийского движения на основе предоставления административного разделения, но без разрыва династических уз с Голландией.

Тем временем король Вильгельм уже (2 октября) обратился к Великим державам, подписавшим Лондонские статьи 1814 года, с призывом вмешаться и восстановить порядок в бельгийских провинциях. Трудности принца в Антверпене были очень велики, поскольку ему повсюду мешало нежелание отца предоставить ему полную свободу действий. Он выпустил прокламацию, но она была холодно принята, а его попытки вступить в переговоры с Временным правительством в Брюсселе не увенчались успехом. Теперь все зашло слишком далеко, и любое предложение связать Бельгию с Голландией какими-либо узами, династическими или иными, было неприемлемо. 24 октября принц из лучших побуждений вернулся разочарованным в Гаагу. Теперь произошел самый прискорбный случай. Когда генерал Шассе, голландский командующий в Антверпене, отводил свои войска из города в цитадель, толпа напала на них, и несколько человек погибло. Шассе в отместку (27 октября) приказал обстрелять город из цитадели и канонерских лодок на [стр.396] реке. Этот невежливый поступок усилил во всей

Бельгии чувство ненависти к голландцам и сделал требование абсолютной независимости более глубоким и решительным.

Обращение Вильгельма к подписавшим договор державам возымело немедленное действие; и представители Австрии, Пруссии, России и Великобритании, к которым теперь добавился представитель Франции, встретились в Лондоне 4 ноября. Такой курс действий был далек от того, чего ожидал или желал король. Их первым шагом было навязать перемирие; следующим - дать понять, что их вмешательство будет ограничено переговорами об урегулировании на основе отделения. Министерство вигов в Англии (16 ноября) сменило министерство Веллингтона; и лорд Пальмерстон, новый министр иностранных дел, был хорошо расположен к Бельгии и обнаружил, что может работать в согласии с Талейраном, французским полномочным представителем. Австрия и Россия были слишком заняты своими собственными внутренними трудностями, чтобы думать о поддержке голландского короля силой оружия; а Пруссия, несмотря на тесную семейную связь, не осмелилась воспротивиться решимости двух западных держав добиваться мирного урегулирования. Пока они совещались, в Брюсселе собрался Национальный конгресс, и были приняты важные решения. Подавляющим большинством голосов (18 ноября) Бельгия была провозглашена независимым государством; а четыре дня спустя, после бурных дебатов, Конгресс (174 голосами против 13) постановил, что новое государство должно быть конституционной монархией и (161 голосом против 28) что дом Оранских-Нассау должен быть навсегда отстранен от престола. Был назначен комитет для разработки конституции.

Вильгельм обратился к Державам с призывом сохранить Парижский и Венский договоры и поддержать его в том, что он рассматривал на основе этих договоров как свои несомненные права; и он с негодованием увидел, что Конференция отказалась принять его посланника Фалька, кроме как в качестве свидетеля и точно на тех же условиях, что и представители Брюссельского конгресса. 20 декабря Державы опубликовали протокол, который определил их позицию. Они приняли принцип отделения и независимости при условии принятия мер для обеспечения мира в Европе. Конференция, однако, заявила, что такие договоренности не затронут прав короля Вильгельма и Германской конфедерации в Великом герцогстве Люксембург. Эта часть протокола была столь же неприемлема для бельгийцев, как и первая для[стр.397] голландского короля. У лондонских полномочных представителей фактически не было выбора, поскольку они были связаны неудачными положениями международных договоров 1815 года, которые, чтобы удовлетворить амбиции Пруссии в отношении территории цир-Ренан, превратили эту древнюю бельгийскую провинцию в германское государство. Этот опрометчивый шаг теперь должен был стать главным препятствием на пути к соглашению в 1831 году. Сам факт того, что Вильгельм на протяжении всего периода унии всегда относился к Люксембургу как к неотъемлемой части южной части своего королевства, делал острым вопрос об угрозе его отделения от бельгийских провинций. Дело в том, что люксембуржцы приняли значительное участие в восстании, и представители Люксембурга заседали в Национальном конгрессе. Из них одиннадцать проголосовали за вечное исключение династии Оранских-Нассау, и только один высказался в ее пользу. Поэтому неудивительно, что был выражен решительный протест против решения Лондонской конференции рассматривать статус Люксембурга вне рамок их обсуждений. Конференция, однако, не тронутая этим протестом, приняла протокол от 20 января 1831 года, определяющий условия разделения. Голландия должна была сохранить свои старые границы 1790 года, а Бельгия - передать оставшуюся часть территории королевству Нидерландов в 1815 году. Люксембург снова был исключен. Более

того, Пять держав заявили, что в этих пределах новое Бельгийское государство должно быть постоянно нейтральным, его целостность и неприкосновенность гарантируются всеми и каждой из Держав. Второй протокол (27 января) установил долю государственного долга, которую должна нести Бельгия, в шестнадцати частях из тридцати одной. От суверена Бельгии требовалось дать свое согласие на эти протоколы в качестве условия признания Державами. Но Брюссельский конгресс не был настроен на покорность. Они уже (19 января) решили приступить к выборам короля, ни с кем не советуясь. Территориальные границы, установленные для Бельгии, были встречены почти единодушным осуждением, было выдвинуто требование включить в состав нового государства не только Люксембург, но также Маэстрихт, Лимбург и Голландскую Фландрию. Не были они более удовлетворены и той долей долга, которую Бельгии было предложено взять на себя. 1 февраля Пять держав договорились, что они не согласятся с избранием на трон Бельгии представителя какой-либо из правящих династий. Тем не менее (3 февраля) герцог де Немур, сын Луи Филиппа, был избран 94 голосами против 67, зарегистрированных за герцога[стр.398] Leuchtenberg, son of Eugène Beauharnais. Конференция предприняла немедленные действия, отказавшись разрешить Немуру или Лейхтенбергу принять предложенную корону.

Эти острые разногласия между Конференцией и бельгийским конгрессом были причиной большого удовлетворения голландского короля, который внимательно следил за ходом событий; и он счел хорошей политикой (18 февраля) заявить о своем согласии с условиями, изложенными в протоколах от 20 и 27 января. У него все еще были некоторые надежды на то, что кандидатура принца Оранского (который находился в Лондоне) будет поддержана Державами, но для этого время прошло.

На этом этапе было выдвинуто имя Леопольда Саксен-Кобургского, который проживал в Англии после смерти своей жены принцессы Шарлотты. Эта кандидатура была поддержана Великобританией; Франция не высказала возражений; а в Бельгии она встретила официальную поддержку. В начале апреля была направлена депутация из пяти уполномоченных, чтобы временно передать корону принцу при условии, что он попытается добиться внесения некоторых изменений в протоколы от 20 и 27 января. Однако Пять держав в протоколе от 15 апреля объявили бельгийскому правительству, что условия разделения, изложенные в январских протоколах, являются окончательными и бесповоротными, и, если они не будут приняты, отношения будут разорваны. Однако Леопольд не был обескуражен; и его влияние было таково, что ему удалось добиться от Конференции обязательства вступить в переговоры с королем Вильгельмом как по территориальным, так и по финансовым спорам с целью урегулирования, *компенсации мойеннана де Жюста*.

Саксен-Кобургский принц был избран королем Конгрессом (4 июня); и во исполнение своего обязательства Конференция обнародовала (26 июня) предварительный договор, широко известный как Договор XVIII статей. По этому договору вопрос о Люксембурге был зарезервирован для проведения отдельных переговоров, при этом *статус-кво* тем временем сохранялся. Другие пограничные споры (Маэстрихт, Лимбург и различные *анклавы*) должны были быть урегулированы мирным путем, и доля Бельгии в государственном долге была уменьшена. Леопольд поставил свое принятие короны в зависимость от согласия Конгресса на этот Договор. Это согласие было дано, но перед лицом сильного сопротивления (9 июля); и новый король совершил свой публичный въезд в Брюссель и двенадцать дней спустя принес присягу Конституции. В тот же день (21 июля) голландский король отказался[стр.399] принять

XVIII Статьи, заявив, что он придерживается протоколов от 20 и 27 января, которые сами полномочные представители объявили (15 апреля) основополагающими и безотзывными. Он также не ограничился отказом. Он заявил, что если какой-либо принц признает суверенитет Бельгии или вступит во владение ею, не согласившись с протоколами как основанием для отделения, он может рассматривать такого принца только как своего врага. Вслед за этим (2 августа) он направил депешу министрам иностранных дел пяти держав, объявив о своем намерении "уравновесить свою армию с целью получения более справедливых условий разделения".

Это были не пустые слова. Легкий успех бельгийской революции привел к тому, что голландскую армию заклеили как сборище трусов. Таким образом, король, несмотря на торжественное предупреждение Конференции, был полон решимости показать миру, что Голландия вполне способна отстаивать свои права вооруженной силой, если захочет это сделать. На этом пути он пользовался искренней поддержкой своего народа. Это был смелый поступок, политически оправданный событиями. Неожиданно, 2 августа, принц Оранский во главе армии из 30 000 отборных солдат с 72 орудиями пересек границу. Бельгийцы были совершенно захвачены врасплох. Их армия, хотя, возможно, и не уступала по численности захватчикам, была плохо организована и была разделена на две части — армию Шельды и армию Мааса. Принц знал, что он должен действовать быстро и решительно, и быстрыми движениями вклинил свою армию между двумя бельгийскими корпусами. Войска на Маасе в большом беспорядке отступили к Льежу; войска на Шельде также были вынуждены быстро отступить. Леопольд, правлению которого не исполнилось и двух недель, присоединился к западному корпусу и сделал все, что мог сделать человек, чтобы организовать и усилить сопротивление. При Лувене (12 августа) он предпринял последнюю попытку спасти столицу и неоднократно рисковал своей жизнью, но бельгийцы были полностью разбиты, и Брюссель оказался во власти победителя. Это было ужасным унижением для нового бельгийского государства. Но принц выполнил свою задачу и не продвинулся дальше Лувена. Услышав, что французская армия по приглашению короля Леопольда вошла в Бельгию с санкции Держав, он заключил перемирие при посредничестве британского министра сэра Роберта Адера и обязался эвакуировать бельгийскую территорию. Его армия перешла голландскую границу (20 августа), и французы после этого отступили.

Десятидневная кампания достигла своей цели; и, когда[стр.400] Конференция собралась для рассмотрения новой ситуации, было сочтено, что XVIII Статьи должны быть пересмотрены. Бельгия, спасенная от завоевания только французской интервенцией, должна была понести наказание в виде поражения. Был составлен новый договор из XXIV статей, который (14 октября) был снова объявлен окончательным и безотзывным. По этому договору северо-западная (валлонская) часть Люксембурга была передана Бельгии, но ценой уступки Голландии значительного участка бельгийского Лимбурга голландцам было передано командование обоими берегами реки Маас от Местрихта до границы Гелдерланда. Доля долга также была изменена в пользу Голландии. Королю Вильгельму сообщили, что он должен получить согласие Германской конфедерации и агнатов Нассау на территориальные изменения.

Эти условия вызвали глубокое недовольство как в Бельгии, так и в Голландии. И снова несчастный люксембургский вопрос вызвал столько горя в сердцах. Конференция, однако, чувствовала себя связанной территориальными соглашениями Венского конгресса; и Пальмерстон и Талейран, действуя согласованно во всем, не смогли в этом вопросе преодолеть оппозицию Пруссии и Австрии, поддерживаемых Россией. Все, что они могли сделать, это

добиться компромисса, по которому Валлония Люксембург была передана Бельгии в обмен на территориальную компенсацию в Лимбурге. Бельгийские настроения были сильны против сдачи какой-либо части Люксембурга или Лимбурга; но король Леопольд видел, что капитуляция неизбежна, и угрозой отречения ему удалось добиться, хотя и вопреки яростному сопротивлению, принятия Палатами Бельгии XXIV статей Мирного договора (1 ноября). Международный договор был подписан в Лондоне полномочными представителями Пяти Великих держав и бельгийским посланником Ван де Вейером 15 ноября 1831 года; и Бельгия была торжественно признана независимым государством, чей постоянный нейтралитет и неприкосновенность гарантировались каждой из подписавших сторон по отдельности^[13].

Упрямство короля Вильгельма в очередной раз оказалось непреодолимым препятствием на пути к урегулированию. Он ожидал лучших результатов от Десятидневной кампании и решительно отрицал право Конференции вмешиваться в дела Великого герцогства Люксембург, поскольку это не было бельгийским вопросом, а касалось только Дома[стр.401] Нассау и Германской конфедерации. Он также возражал против предложенных правил, касающихся судоходства по реке Шельда, и отказался эвакуировать Антверпен или другие места, занятые голландскими войсками. Он знал, что Великобритания и Франция сыграли ведущую роль в составлении договора, но он полагался на поддержку своих близких семейных отношений с Пруссией и Россией^[14], с которыми действовала Австрия. Но, хотя эти Силы были настроены к нему благосклонно, они не собирались поощрять его сопротивление. Их целью, откладывая ратификацию договора, было дать время на то, чтобы дать хороший совет, способный повлиять на несгибаемый нрав голландского короля. Царь даже отправил графа Алексея Орлова со специальной миссией в Гаагу с инструкциями действовать совместно с прусским и австрийским послами, убеждая Вильгельма избрать разумный курс. Все их усилия закончились неудачей.

В течение первых девяти месяцев 1832 года между Лондоном и Гаагой происходил энергичный обмен нотами, и Конференция сделала все возможное для достижения компромисса. Наконец терпение лопнуло, и Державам пришлось пригрозить принуждением. Три восточные державы действительно отказались принимать какое-либо активное участие в принудительных мерах, но были готовы, чтобы Великобритания и Франция были их делегатами. Пальмерстон и Талейран, однако, были полны решимости, чтобы король Голландии больше не продолжал игнорировать волю европейских великих держав; и 22 октября английское и французское правительства заключили Конвенцию о совместных действиях. Королю Вильгельму было направлено уведомление (2 ноября) о том, что он должен вывести свои войска до 13 ноября из всех мест, закрепленных за Бельгией XXIV статьями Мирного договора. Если бы он отказался, голландские порты были бы блокированы, а на голландские корабли в гаванях союзников было бы наложено эмбарго. Далее, если 13 ноября какие-либо голландские гарнизоны останутся на бельгийской земле, они будут изгнаны вооруженной силой. Уильям сразу же (2 ноября) ответил на уведомление категорическим отказом. Действуя таким образом, он заручился практически единодушной поддержкой голландского общественного мнения. Союзники приняли срочные меры. Англо-французская эскадра отправилась в плавание (7 ноября) для блокады голландских портов и устья Шельды; и в ответ на призыв бельгийского правительства (как того требовали условия Конвенции) французская армия численностью 60 000 человек под командованием[стр.402] Маршала Жерара пересекла бельгийскую границу (15 ноября) и осадила цитадель Антверпена, удерживаемую гарнизоном из 5000 человек под командованием генерала Шассе. Осада началась 20 ноября, и только 22 декабря Шассе после самой доблестной обороны был вынужден капитулировать. Контр-адмирал Купман предпочел сжечь

свои двенадцать канонерских лодок, чем сдать их врагу. Маршал Жерар предложил освободить своих пленников, если голландцы эвакуируют форты Лилло и Лифкеншук, расположенные ниже по реке. Его предложение было отклонено; и французская армия, достигнув своей цели, отступила. Еще некоторое время блокада и эмбарго продолжались, нанося большой ущерб голландской торговле. Обмен нотами между Гаагой и Лондоном привел к разработке конвенции, известной как Лондонская конвенция, от 21 мая 1833 года. По этому соглашению король Вильгельм обязался не совершать никаких враждебных действий против Бельгии до подписания окончательного мирного договора и открыть судоходство по Шельде и Маасу для торговли. Конвенция фактически была признанием *статус-кво* и была весьма выгодна Бельгии, поскольку с Люксембургом и Лимбургом *временно* обращались так, как если бы они были неотъемлемыми частями нового королевства.

Однако прекращение боевых действий привело к новой попытке достичь урегулирования. В ответ на приглашение, направленное западными державами Австрии, Пруссии и России, Конференция вновь собралась в Лондоне 15 июля. Нить переговоров была подхвачена; но бельгийское правительство настаивало, при полной поддержке Пальмерстона, на том, что в качестве предварительного условия для любого дальнейшего обсуждения король Голландии должен получить согласие Германского союза и агнатов Нассау на предлагаемые территориальные изменения. Уильям отказался просить об этом согласии. Конференция по этому вопросу была приостановлена на неопределенный срок. То, что отказ короля в августе был частью его неизменной политики выжидания событий, было показано его фактическим обращением к Конфедерации и агнатам в следующем ноябре (1833). Ни один из них не согласился бы на какой-либо раздел Люксембурга, если бы не получил полную территориальную компенсацию в другом месте. Таким образом, ситуация развивалась на протяжении 1834-1837 годов. Тем временем в Голландии постепенно происходило изменение мнения. Высокие налоги, связанные с содержанием армии на военном положении, все больше и больше давили на страну, доходов которой было недостаточно для покрытия ее расходов. Люди[стр.403] устали ждать изменения политической позиции, которая с каждым годом становилась все более отдаленной. Люксембург мало интересовал голландцев; они видели только, что Бельгия процветает и что сохранение *статус-кво*, по-видимому, идет ей на пользу. Недовольство голландского народа, столь долго терпеливого и лояльного, со все возрастающей настойчивостью звучало в Генеральных штатах; и король увидел, что пришло время отказаться от своей упрямой *позиции* непоссума. Соответственно, в марте 1838 года он внезапно поручил своему министру в Лондоне (Деделю) проинформировать Пальмерстона о том, что он (король) готов подписать XXIV статьи мирного договора и согласиться *на пленум и все условия*, которые он выдвигал.

Неожиданное известие об этом внезапном шаге обрушилось на бельгийцев подобно удару грома. Со всех концов королевства поднялась буря протеста против любой сдачи территории. Жители Люксембурга и Лимбурга обратились к своим согражданам с призывом не покидать их; и их призыв встретил самую решительную поддержку со стороны всех классов и в обеих палатах. Они утверждали, что Голландия отказалась подписать мирный договор 1811 года, который был навязан Бельгии в час ее поражения; и что теперь, по прошествии семи лет, международный договор утратил силу и требует пересмотра. Бельгийцы рассчитывали получить поддержку от Великобритании и Франции, и особенно от Пальмерстона, своего неизменного друга. Но Пальмерстон устал от бесконечных пререканий, и, действуя по его инициативе, Пять держав решили, что будут настаивать на выполнении XXIV статей Договора в его нынешнем

виде. Конференция собралась снова в октябре 1838 года; и все усилия бельгийского правительства и лично короля Леопольда добиться более благоприятных условий оказались тщетными. Предложение о выплате шестидесяти миллионов франков контрибуции Люксембургу и Лимбургу было отклонено как королем Вильгельмом, так и Германской конфедерацией. В Бельгии царили такие страстные чувства, что на самом деле было много разговоров о сопротивлении в качестве последнего средства с применением оружия. В страну хлынули добровольцы; и в Голландии правительство также начало военные приготовления. Но для изолированной Бельгии было актом явного безумия думать о противодействии воле Великих держав Европы. Гневный обмен дипломатическими нотами привел только к одному изменению в пользу Бельгии. Ежегодные расходы в размере 8 400 000 франков, возложенные на Бельгию в связи с ее долей в государственном долге[стр.404] Нидерландов, были сокращены до выплаты в размере 5 000 000 франков. Голландский король подписал мирный договор 1 февраля 1839 года. Наконец, предложение о том, что договор должен быть подписан, поскольку возражения были бесполезны, встретило угрюмое согласие двух бельгийских палат. 19 апреля 1839 года бельгийский посланник Ван де Вейер поставил свою подпись в Министерстве иностранных дел в Лондоне и таким образом положил конец долгим спорам, длившимся девять лет. Между двумя королевствами, которые с этого времени стали двумя отдельными политическими образованиями, еще предстояло урегулировать множество деталей; но в конце концов они были улажены в духе дружбы и были воплощены в дополнительном договоре, подписанном 5 ноября 1842 г.[стр.405]

ГЛАВА XXX

ВИЛЬГЕЛЬМ II. ПЕРЕСМОТР КОНСТИТУЦИИ.

1842-1849

Голландский народ приветствовал окончательное отделение от Бельгии с глубоким облегчением. Национальные сборы выросли с 15 миллионов флоринов в 1815 году до 38 миллионов флоринов в 1838 году. Налогаобложение было жестким, торговля застойной, а финансовое положение становилось все более и более невыносимым. Давно испытанная лояльность народа, который доверил своему суверену такие широкие и автократические полномочия, остыла. Очевидно, что политика короля в Бельгии потерпела полный провал; и гнилое состояние государственных финансов, естественно, в значительной степени было приписано суверену, который так долго был практически своим собственным министром финансов. Начали раздаваться громкие призывы к пересмотру конституции в либеральных

целях. Старому королю любой подобный пересмотр был противен; но, не в силах противостоять течению общественного мнения, он дал свое согласие на определенную конституционную реформу весной 1840 года. Его ограниченные уступки никого не удовлетворили. Его основными изменениями Основного закона были: (1) разделение провинции Голландия на две части; (2) сокращение Гражданского списка; (3) необходимое изменение числа депутатов во Второй палате в связи с отделением от Бельгии; (4) отмена различия между обычным и чрезвычайным бюджетом; (5) отчет о поступлениях и расходах колоний, который должен быть представлен Генеральным штатам. Наконец, принцип министерской ответственности был принят крайне неохотно, король уступил только после того, как Палаты отказались рассматривать смету без этой уступки. Но Вильгельм уже принял решение отречься от престола, а не править в новых условиях. Он знал, что непопулярен и не в курсе событий; и его непопулярность усилилась после того, как он объявил о намерении жениться на графине Генриетте Д'Ультремон, бельгийке и католичке. 7 октября он издал прокламацию, в которой передал правительство своему сыну Уильяму Фредерику, принцу Оранскому. Затем он[стр.406] тихо удалился в свои частные владения в Силезии. Он умер в Берлине в 1843 году.

Вильгельму II было сорок восемь лет, когда он взошел на престол. Он был человеком с характером, сильно отличавшимся от характера его отца. Дружелюбный, доступный, легко поддающийся влиянию, склонный даже к экстравагантности, он был заслуженно популярен. Он показал себя на полуострове, при Катр-Бра и Ватерлоо, а позже в ходе Десятидневной кампании способным и мужественным солдатом, но не обладал ни малейшими качествами государственного деятеля или финансиста. Он женился в 1816 году на Анне Павловне, сестре царя Александра I, после того, как его предполагаемый брак с принцессой Шарлоттой Английской был расторгнут.

Он вступил на престол в трудные времена. Раздавались громкие требования о дальнейшем радикальном пересмотре конституции. Религиозные движения, набиравшие силу во время правления Вильгельма I, требовали осторожного обращения. Один министр за другим пытались решить финансовую проблему, но тщетно. В 1840 году государственный долг составлял 2200 миллионов флоринов, а налоговое бремя, хотя и стало почти невыносимым, не позволяло покрыть проценты по долгу и необходимые административные расходы. Государство фактически находилось на грани банкротства. Назначение в 1842 году Ф.А. ван Холла (бывшего амстердамского адвоката, занимавшего пост министра юстиции) министром финансов открыло путь к спасению. Задолженность к 1840 году составила 35 миллионов флоринов; необходимо было покрыть дефицит за 1841-3 годы, и были предусмотрены средства на расходы за 1843-4 годы. Предложения Ван Холла предоставили людям выбор между предоставлением необходимых денег путем введения чрезвычайного полуторапроцентного налога на имущество и доходы и предоставлением добровольного займа в размере 150 миллионов флоринов под 3 процента. После долгих дебатов Генеральные штаты приняли предложение о добровольном займе, но сумма была снижена до 126 миллионов. Успех займа, хотя поначалу и был сомнительным, к марту 1844 года был достигнут. Амстердамская биржа оказала всемерную поддержку, и королевская семья подала хороший пример, оформив совместную подписку на 11 миллионов флоринов. Таким образом, а также капитализировав ежегодный платеж Бельгии в размере пяти миллионов франков, Ван Холл смог погасить задолженность за четыре года и конвертировать 5 и 4-1 / 2 процента. разделите на 4 процента. Ему помогли крупные ежегодные выплаты, которые[стр.407] теперь начали поступать из Голландской Ост-Индии; и, наконец, в бюджете установилось равновесие между поступлениями и расходами.

В годы, предшествовавшие Французской революции, Реформатская церковь в Соединенных провинциях была пропитана рационализмом. Официальная ортодоксальность дортского синода превратилась в "окаменелый скелет". По Конституции 1798 года Церковь и государство были разделены, и имущество Церкви перешло к государству, которое, однако, выплачивало стипендии министрам. При короле Людовике субсидии выплачивались из государственных средств учителям всех религиозных убеждений; и эта система сохранялась во время объединения Голландии и Бельгии. Движение, известное как *Reveil*, тем временем расшевеливало сухие кости кальвинистской ортодоксии в Голландии. Его первыми лидерами были Бильдердейк, Де Коста и Кападосе. Как и большинство религиозных возрождений, это движение породило экстравагантность и разногласия. В 1816 году капитан морского флота Стаффель Малдер основал новую секту на коммунистических принципах по примеру первых иерусалимских новообращенных, которая собрала множество последователей среди крестьянства. "Новые зажигалки" — такое название они себе присвоили — основали в 1823 году свою штаб-квартиру в Цвейндрехте. Однако первый энтузиазм угас, и секта постепенно исчезла. Более серьезным был либеральный бунт против урезанной ортодоксальности Дорта. Постепенно она продвинулась вперед и нашла лидеров в лице Хофстеда де Гроота, профессора из Гронингена, и двух красноречивых проповедников, Де Кока из Ульрума и Шолте из Девентера. Эти люди, обнаружив, что их взгляды не встретили сочувствия или признания со стороны синодальных властей, решились (14 октября 1834 г.) на серьезный шаг - отделение от Реформированной церкви и объединение себя и своих приверженцев в новое церковное тело. Они были известны как "сепаратисты" (*de Afscheidenen*). Хотя сепаратистов лишали их кафедр, штрафовали и преследовали, их становилось все больше. В 1836 году правительство отказалось признать их Церковью, но разрешило местным общинам проводить собрания в домах. В 1838 году были предложены более благоприятные условия, на которые Де Кок и Шолте, наконец, согласились, но государство не выплачивало секте никаких субсидий. Вильгельм II в 1842 году пошел на еще одну уступку, разрешив священникам-сепаратистам, а также представителям других конфессий ежедневно преподавать религию в государственных школах (во внеурочное время). Однако все это время [стр.408] некоторые конгрегации отказывались принять компромисс 1838 года; и большое количество общин во главе с проповедником по имени Ван Раалте, чтобы получить свободу вероисповедания, эмигрировали в Мичиган, чтобы сформировать ядро процветающей голландской колонии.

Восшествие на престол Вильгельма II совпало с периодом политических волнений не только в Голландии, но и во всей Европе. Началась сильная реакция против системы авторитарного правления, которая была характерной чертой периода, последовавшего за 1815 годом. Либеральные и прогрессивные идеи в последующие годы продвигались в Голландии под вдохновляющим руководством Йохана Рудольфа Торбеке, в то время профессора юриспруденции в Лейдене. У него было много последователей, и дело, которое он отстаивал, пользовалось поддержкой блестящих писателей и публицистов Донкер-Куртиуса, Лузака, Потгитера, Бакхейзена ван дер Бринка и других. Возникло настоятельное требование о тщательном пересмотре конституции. В 1844 году группа из девяти членов Второй палаты, главным из которых был Торбек, внесла определенное предложение о пересмотре; но королю оно не понравилось, и оно было отклонено. Министерство Ван Холла тем временем проводило те превосходные финансовые меры, которые спасли кредит государства, и теперь пыталось вести правительство по оппортунистическим линиям. Но картофельный голод 1845-46 годов вызвал большое беспокойство среди трудящихся классов и придал дополнительную силу духу

недовольства в стране. Сам король начал нервничать в связи с революционным брожением, распространявшимся по всей Европе, и был особенно встревожен (февраль 1848 г.) внезапным свержением монархии Луи Филиппа и провозглашением республики в Париже. Теперь он решил сам проявить инициативу. Он увидел, что предложения, внесенные до сих пор для пересмотра, не удовлетворяют общественное мнение; и 8 марта, не посоветовавшись со своими министрами, он предпринял необычный шаг, послав за президентом Второй палаты Борелом ван Хогеланденом. Он попросил его выяснить мнения и пожелания Палаты по вопросу пересмотра и доложить ему. Министерство по этому поводу ушло в отставку, и было сформировано новое либеральное министерство, во главе которого встал граф Шиммельпеннинк, бывший министр в Лондоне. 17 марта была назначена специальная комиссия для составления проекта схемы доработки. Оно состояло из пяти членов, четверо из которых, Торбеке, Лузак, Донкер-Куртиус и Кемпенар, были видными либералами, а пятый - католиком[стр.409] из Северного Брабанта. Их работа была завершена к 11 апреля, и отчет был представлен королю. Шиммельпеннинк, не согласившись с предложениями Комиссии, подал в отставку; и 11 мая было сформировано новое министерство под руководством Донкера-Куртиуса с явной целью проведения предложенного пересмотра. В июле состоялись периодические выборы во Вторую палату, и поначалу новая схема столкнулась с трудностями. Однако они были преодолены, и 14 октября пересмотренная конституция получила одобрение короля. Это было торжественно провозглашено 3 ноября.

Конституция 1848 года оставляла в руках короля исполнительную власть, то есть ведение иностранных дел, право объявления войны и заключения мира, верховное командование военными и военно-морскими силами, управление заморскими владениями и право роспуска Палат; но эти прерогативы были изменены введением принципа ответственности министров. Министры несли ответственность за все действия правительства, и король по закону не мог совершить ничего дурного. Король был председателем Государственного совета (15 членов), в обязанности которого входило рассматривать все предложения, внесенные в Генеральные штаты или от них. Король разделял законодательную власть с Генеральными штатами, но Вторая палата обладала правом инициативы, внесения поправок и проведения расследований; и отныне годовые бюджеты должны были представляться на ее утверждение. Все члены Генеральных штатов должны были быть не моложе 30 лет. Первая палата из 39 членов избиралась провинциальными сословиями из числа тех, кто наиболее высоко облагался прямым налогом; члены заседали девять лет, но треть освобождала свои места каждый третий год. Все совершеннолетние граждане, уплачивающие определенную сумму прямого налогообложения, имели право голосовать за членов Второй палаты, причем страна для этой цели была разделена на округа с населением 45 000 человек. Члены занимали свои места в течение четырех лет, но половина Палаты уходила в отставку каждые два года. Были гарантированы свобода вероисповедания всех конфессий, свобода прессы и право на публичные собрания. Начальное образование в государственных школах было передано под контроль государства, но в деятельность частных школ никто не вмешивался. Провинциальная и общинная администрация также была реформирована и поставлена в зависимость от прямого народного голосования.

Министерство Донкера-Куртиуса сразу же предприняло шаги для проведения новых выборов, как только новая конституция стала[стр.410] основным законом страны. Подавляющее большинство либералов было возвращено во Вторую палату. Король лично открыл Генеральные штаты 13 февраля 1849 года и выразил свое намерение лояльно принять изменения, на которые

он дал свое согласие. Однако он страдал и был слаб от болезни, и месяц спустя (17 марта) он умер в Тилбурге. Его щедрая и незлобивая личность расположила к нему подданных, которые глубоко сожалели о том, что в этот момент конституционных изменений Штаты лишились его опытного руководства. Ему наследовал его сын Вильгельм III.

[стр.411]

ГЛАВА XXXIII

ПРАВЛЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА III До СМЕРТИ ТОРБЕКА, 1849-1872

Вильгельм III взошел на престол в переходный момент. Ему было тридцать два года, и его природные склонности были автократическими; но он преданно принимал принцип министерской ответственности и на протяжении всего своего долгого правления честно и беспристрастно старался выполнять свои обязанности конституционного монарха. В то время в Голландии существовало четыре политические партии: (1) старая консервативная партия, которая после 1849 года постепенно уменьшилась в численности и вскоре перестала быть силой в государстве; (2) либералы под руководством Торбеке; (3) контрреволюционная или ортодоксальная протестантская партия, умело возглавляемая Г. Груном ван Принстерером, более известным, возможно, как выдающийся историк, но в то же время хорошим спорщиком и находчивым парламентарием; (4) католическая партия. Католики впервые получили в 1849 году все привилегии гражданства. Этим они были обязаны либералам, и в течение нескольких лет они оказывали поддержку этой партии, хотя и существенно отличались от них по многим пунктам. Контрреволюционеры ставили на первый план поддержание реформатской (ортодоксально-кальвинистской) веры в государстве и религиозного преподавания в школах. В этом последнем пункте своего политического кредо они были едины с католиками, и в его защите обеим партиям было суждено стать союзниками.

Либеральное большинство во вновь избранных Генеральных штатах было значительным; и все ожидали, что Торбек станет главой правительства. Однако король подозревал о целях лидера либералов и лично невзлюбил его. Поэтому он сохранил за собой кабинет Донкера-Куртиуса-Де Кемпенера; но после тщетной борьбы с враждебно настроенным большинством он был вынужден уйти в отставку, и Торбеку пришлось сформировать министерство.

Таким образом, Торбекке стал первым конституционным премьер-министром Голландии. Его ответ своим оппонентам, которые спрашивали о его программе,[стр.412] содержался в словах, которые он поспешил оправдать: "Ждите наших поступков". Был принят закон, который добавил электорату 55 000 голосов; и двумя другими законами провинциальные и общинные собрания были переведены на народную представительную основу. Финансовая система была реформирована путем постепенной замены прямого налогообложения косвенным. Законами о судоходстве были снижены все дифференцированные и транзитные сборы при судоходстве; были отменены сборы за сквозные грузы по рекам и снижен тариф на сырье. Это был значительный шаг вперед в направлении свободной торговли. Были внесены различные изменения, призванные облегчить налогообложение беднейших слоев населения. Среди общественных работ, завершенных в это время (1852 г.), была засыпка озера Харлем, в результате которой большое водное пространство превратилось в хорошие пастбища.

Министерство Торбеке должно было потерпеть крах не по политическим мотивам, а из-за их действий в вопросах, возбуждавших религиозные страсти и предрассудки. Премьер-министр пожелал поставить все благотворительные учреждения и агентства под государственный надзор. Их число составляло более 3500; и значительная часть из них была связана с религиозными организациями и поддерживалась ими. Излишне говорить, что это предложение вызвало сильную оппозицию. Более серьезным было введение католического епископата в Голландии. Основным законом 1848 года полная свобода вероисповедания и организации была гарантирована всем формам религиозных убеждений. Католики хотели, чтобы существовавшей с 16 века системе "голландской миссии" под руководством итальянского прелата (обычно интернунция) пришел конец и чтобы у них были свои собственные епископы. Это предложение было вполне конституционным и отнюдь не давало папской курии больше власти в Нидерландах, а уменьшало ее. Петиция к Пию IX в 1847 году не вызвала особого одобрения в Риме; но в 1851 году другая петиция, подписанная гораздо большим количеством людей, призывала папу воспользоваться благоприятной возможностью для установления местной иерархии. Соответственно, папский престол начал переговоры с правительством Нидерландов, которые завершились (октябрь 1852 г.) признанием права католической церкви в Голландии на свободу организации. Однако было оговорено, что правительству следует предварительно сообщить о намерениях и планах папы, прежде чем они будут приведены в исполнение. Единственное сообщение[стр.413], которое было сделано, было не официальным, а конфиденциальным; и в нем просто говорилось, что Утрехт должен быть возведен в архиепископство с Харлемом, Бредой, Хертогенбосом и Реремондом в качестве суффрагисток. Министерство с негодованием отнеслось к выбору таких протестантских центров, как Утрехт и Харлем, но было поставлено перед *свершившимся фактом*. Это решительное действие римских властей стало еще более оскорбительным после издания папского указа, опять же без каких-либо консультаций с правительством Нидерландов, в котором Пий IX описал учреждение новой иерархии как средство противодействия в Нидерландах ереси Кальвина.

Волна яростного возмущения захлестнула протестантскую Голландию, объединившую в одном лагере ортодоксальных кальвинистов (антиреволюционеров), консерваторов и антипапских либералов. Проповедники повсюду поносили министерство, которое допустило такой акт агрессии со стороны иностранного властелина против протестантизма нации. Утрехт взял на себя инициативу по составлению обращения к королю и Генеральным штатам (которое собрало двести тысяч подписей) с просьбой не признавать предлагаемую иерархию. На заседании Второй палаты Генеральных штатов 12 апреля Торбеке без особого труда убедил большинство в том, что Папа действовал без консультаций с министерством и что в соответствии с Конституцией католики действовали в пределах своих прав при реорганизации своей церковной организации. Но его аргументы были далеки от удовлетворения внешнего общественного мнения. По случаю визита короля в Амстердам министерство предприняло шаг, посоветовав ему не получать никаких обращений, враждебных установлению иерархии, на том основании, что это не требует королевского одобрения. Уильям, который никогда не был дружелюбен к Торбеку, был раздосадован таким инструктажем по исполнению своих обязанностей; и он не только получил адрес, содержащий 51 000 подписей, но и выразил свое огромное удовольствие от такого обращения (15 апреля). В то же время он вызвал Ван Холла, лидера оппозиции, в Амстердам для частной консультации. Узнав о произошедшем, министерство отправило заявление об отставке, которое было принято 19 апреля. Так пало министерство Торбека, но не из-за поражения в парламенте, а потому, что король присоединился к восстанию враждебного общественного мнения, известному как "Апрельское движение".

Было сформировано новое министерство под совместным руководством Вана[стр.414] Холла и Донкер-Куртиуса; и обращение к избирателям привело к поражению либералов. Большинство представляло собой коалицию консерваторов и контрреволюционеров. Последователи Груна ван Принстерера были немногочисленны, но имели большое значение благодаря сильным религиозным убеждениям и умению лидера вести дискуссии. Присутствие Донкера-Куртиуса было гарантией умеренности; и, поскольку Ван Холл был знатоком политического оппортунизма, новое министерство отличалось от своего либерального предшественника главным образом более осторожным отношением к реформам, которые оба были готовы принять. Поскольку Апрельское движение привело его к власти, законопроект о церковных ассоциациях был принят в качестве закона, запрещающего иностранцу занимать какие-либо церковные должности без королевского согласия и запрещающего ношение отличительной религиозной одежды вне закрытых зданий. Были приняты различные меры, касающиеся ответственности министров, управления делами о бедных и других вопросов, таких как отмена акциза на мясо и варварских наказаний на эшафоте.

Вопрос о начальном образовании на следующие полвека стал источником непрерывной политической и религиозной розни, разделив народ Голландии на враждебные лагеря. Вопрос заключался в том, должны ли государственные школы быть "смешанными", т.е. нейтральными школами, где должны преподаваться только те простые истины, которые являются общими для всех конфессий; или должны быть "отдельными", т.е. конфессиональными школами, в которых религиозное обучение должно проводиться в соответствии с пожеланиями родителей. Правительство внесло законопроект (сентябрь 1854 г.), который должен был стать компромиссом. В нем был подтвержден общий принцип, согласно которому государственные школы должны быть "нейтральными", но разрешалось строить и содержать "отдельные" школы. Грун яростно воспротивился этому предложению и вызвал бурную агитацию. Министерство

продолжало бороться, но его существование было ненадежным, и внутренние разногласия в конце концов привели к его отставке (июль 1856 г.). Выборы 1856 года внесли лишь незначительные изменения в конституцию Второй палаты, и контрреволюционер Дж.Дж.Л. ван дер Брюгген был призван сформировать министерство. Сам Грун отказался от должности, Ван дер Брюгген предпринял попытку примирить оппозицию; и был внесен законопроект о начальном образовании (1857 г.), поддерживающий принцип "смешанных" школ, но с оговоркой, что целью обучения должно было быть воспитание[стр.415] детей "в христианских и социальных добродетелях"; в то же время были разрешены "отдельные" школы, которые при определенных условиях субсидировались государством. Грун снова сделал все возможное, чтобы отклонить этот законопроект, но ему это не удалось; и после бурных дебатов он стал законом (июль 1857 г.). Либералы получили большинство на выборах 1858 года, и Ван дер Брюгген ушел в отставку. Но король не захотел посылать за Торбеком, и Дж.Дж. Рохуссену, бывшему генерал-губернатору Голландской Ост-Индии, было предложено сформировать министерство "слияния". Во время его пребывания на этом посту (1858-60) в Ост-Индии было отменено рабство, хотя и не система земледелия, которая была всего лишь разновидностью замаскированного рабства. То, как яванцы страдали от этой системы принудительного труда на благо своей страны — сумма, полученная голландской казной за тридцать лет, составляла не менее 250 миллионов флоринов, — теперь было язвительно разоблачено блестящим писателем Доуэсом Деккером. Он был чиновником на Яве, и его роман *Макс Хавелаар*, опубликованный в 1860 году под псевдонимом "Мультатули", был широко прочитан и познакомил голландскую общественность с характером применяемой системы.

Голландия в то время сильно отставала от Бельгии в строительстве системы железных дорог, что сильно затрудняло торговлю. Однако законопроект, предложенный министерством для устранения этой проблемы, был отклонен Первой палатой, и Рохуссен подал в отставку. Король снова отказался послать за Торбеком, и Ван Холл был вызван в третий раз, чтобы сформировать министерство. Ему удалось добиться принятия предложения ежегодно тратить не менее 10 миллионов флоринов на строительство государственных железных дорог. Однако вся парламентская ловкость Ван Холла и его практикуемый оппортунизм не могли долго удерживать у власти министерство, горячо поддерживаемое ни одной партией. Ван Холл отказался от неблагодарной задачи (февраль 1861 г.), но все же на его место был призван не Торбек, а барон С. ванХимстра. Только в течение нескольких месяцев министерство могло продолжать борьбу перед лицом либерального большинства. Теперь не было альтернативы, кроме как предложить пост первого министра Торбеку, который принял этот пост (31 января 1862 г.).

Второе министерство Торбеке просуществовало четыре года и в течение этого периода активно занималось внутренними, торговыми и колониальными реформами. Торбек, как свободный торговец, сразу же взял в свои руки политику снижения всех пошлин, за исключением налоговых. Коммунальные[стр.416] взносы были отменены. В 1863 году был принят закон о среднем и техническом образовании, и в том же году рабство было отменено в Суринаме и Вест-Индии. Были приняты и другие законопроекты о канализации Голландского залива Хук и восстановлении устья реки У. Этот последний проект включал строительство канала, Канала Голландии, с искусственной гаванью Имейден у входа в нее, достаточно глубокой, чтобы океанские лайнеры могли достигать Амстердама. С приходом Франсена ван де Путте на пост министра колоний в 1863 году в Ост-Индии начался ряд далеко идущих реформ, включая снижение дифференцированных пошлин. Однако его взгляды на скандальную систему культивирования на Яве не нашли одобрения у некоторых его коллег; и сам Торбекке поддержал

несогласных. Министерство ушло в отставку, и Ван де Путте стал главой правительства. Он занимал свой пост всего четыре месяца. Его законопроект об отмене системы земледелия и превращении местных земледельцев во владельцев своих ферм был отклонен небольшим большинством голосов, Торбек с несколькими либералами и некоторыми католиками проголосовали вместе с консерваторами против него. Это было началом определенного либерального раскола, который должен был продолжаться годами.

За этим последовало коалиционное министерство под председательством Дж. ван Химскерка (внутренние дела) и барона ван Зуйлена ван Ньевельта (иностранные дела). Министр колоний Майер вскоре после этого подал в отставку, чтобы занять пост генерал-губернатора Ост-Индии. Это назначение не получило одобрения Второй палаты; и правительство потерпело поражение. На этом они убедили короля не только распустить Палату, но и издать прокламацию, в которой убедили избирателей в необходимости страны в более стабильном управлении. Результатом стало возвращение большинства в комбинацию Хемскерк-Ван Зуйлен. Излишне говорить, что Торбек и его последователи решительно протестовали против вовлечения имени короля в политическую борьбу как крайне неконституционного. У министерства было беспокойное существование.

Результаты победы Пруссии над Австрией при Садове и образование Северогерманского союза под руководством Пруссии сделали ведение международных отношений сложной и деликатной задачей, особенно в отношении Люксембурга и Лимбурга, которые находились под личным суверенитетом Вильгельма III и в то же время входили в состав старой Германской конфедерации.[стр.417] Быстрый успех Пруссии серьезно взволновал общественное мнение Франции; и Наполеон III, стремясь получить некоторую территориальную компенсацию, которая удовлетворила бы французские *симпатии*, вступил в переговоры с Вильгельмом III о продаже Великого герцогства Люксембург. Король сам был встревожен прусскими аннексиями, а королева София и принц Оранский определились с французскими предпочтениями; и, поскольку Бисмарк дал королю основания полагать, что возражений не последует, переговоры о продаже были начаты всерьез. 26 марта 1867 года принц Оранский фактически покинул Гаагу, имея при себе документ, содержащий согласие великого герцога; и 1 апреля уступка должна была быть окончательно завершена. В тот же день прусским послам в Париже и Гааге было поручено заявить, что любая уступка Люксембурга Франции будет означать войну с Пруссией. Это была сложная ситуация, и 11 мая в Лондоне собралась конференция Великих держав, чтобы разобраться с ней. Его решение состояло в том, что Люксембург должен остаться независимым государством, нейтралитет которого коллективно гарантировался Державами под суверенитетом Дома Нассау; что город Люксембург должен быть эвакуирован своим прусским гарнизоном; и что Лимбург отныне должен быть неотъемлемой частью королевства Нидерландов.

Ван Зуйлен подвергся нападкам во Второй палате за то, что он подверг страну опасности и унижению в этом вопросе; и голосование Министерства иностранных дел было отклонено небольшим большинством голосов. Министерство ушло в отставку; но вместо того, чтобы обратиться к Торбеку, король санкционировал роспуск, в результате чего либералы получили небольшое количество мест. Химскерк и Ван Зуйлен ненадолго сохранили свои посты перед лицом неблагоприятного голосования, но в конце концов ушли в отставку; и у короля не было иного выбора, кроме как попросить Торбека сформировать министерство. Сам он отказался от

должности, но выбрал кабинет молодых либералов, которые не принимали участия в недавней политической борьбе, и П.П. ван Боссе стал первым министром.

С этого времени со стороны королевской власти больше не предпринималось попыток вмешаться в конституционный курс парламентского правления. Министерство ван Боссе, насмешливо названное их оппонентами "марионетками Торбеке", продержалось у власти в течение двух лет (1868-70), приняв несколько полезных мер, но в основном запомнилось отменой смертной казни. Однако начало франко-германской войны в 1870 году обнаружило, что[стр.418] голландская армия и крепости оказались плохо подготовленными к чрезвычайной ситуации, когда поддержание строгого нейтралитета требовало эффективной защиты границ. Министерство было недостаточно сильным, чтобы противостоять нападкам на него; и, наконец, настоящий лидер либеральной партии, ветеран Торбеке, сформировал свое третье министерство (январь 1871 г.). Но Торбекке сейчас был нездоров, и единственным заслуживающим внимания достижением его последнего премьерства было соглашение с Великобританией, по которому голландские владения на побережье Гвинеи были переданы этой стране в обмен на полную свободу действий голландцев в Суринаме. Министерство, потерпев поражение в вопросе о стоимости предлагаемой реорганизации армии, было готово подать в отставку, когда Торбек внезапно скончался (5 июня 1872 г.). Его смерть вызвала поразительные выражения сочувствия и признательности со стороны людей и журналов, представляющих все партии в государстве. В течение двадцати пяти лет, находясь у власти или вне ее, он оказывал доминирующее влияние на голландскую политику; и со всех сторон чувствовалось, что страна стала беднее из-за потери человека выдающихся способностей и подлинного патриотизма.

[стр.419]

ГЛАВА XXXIV

ПОЗДНЕЕ ПРАВЛЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА III И РЕГЕНТСТВО КОРОЛЕВЫ ЭММЫ, 1872-1898

Смерть Торбеке стала сигналом к растущему расколу между старой *доктринерской* школой либералов, которые придерживались принципов 1848 года, и передовым либерализмом многих представителей молодого прогрессивного типа. На Геррита де Фриза была возложена обязанность сформировать министерство, и ему помогал бывший первый министр Ф. ван де Путте. Его позиция была ослаблена оппозицией католической партии, которая отделилась от либералов, отчасти по вопросу религиозного образования, но особенно потому, что их бывшие союзники отказались протестовать против итальянской оккупации Рима. Выборы 1873 года не улучшили ситуацию, поскольку они оставили разделенных либералов сталкиваться с оппозицией равной силы всякий раз, когда консерваторы, контрреволюционеры и католики действовали вместе. В этом же году началась первая фаза войны с пиратским государством Ачин. Экспедиция из 3600 человек под командованием генерала Келера была отправлена против непокорного султана в апреле 1873 года, но потерпела неудачу, сам генерал умер от болезни. Затем была отправлена вторая более сильная экспедиция под командованием генерала ван Свитена, которая увенчалась успехом; и султан был свергнут в январе 1874 года. Это повлекло за собой большие расходы для казны; и министерство, потерпев два поражения во Второй палате, ушло в отставку (июнь 1874 г.), его сменило коалиционное министерство Хемскерка.

Химскерк на своем прежнем премьерском посту показал себя умным тактиком, и в течение трех лет ему удавалось удерживаться на своем посту вопреки объединенной оппозиции передовых либералов, контрреволюционеров и католиков. Грун ван Принстерер умер в мае 1876 года; и с его смертью прежняя аристократическая и привилегированная партия, которую он так долго возглавлял, преобразилась. Под руководством своего нового лидера Абрахама Кайпера оно стало демократизированным и, сочетая поддержку религиозного принципа в образовании с прогрессивными реформами, смогло оказывать[стр.420] гораздо более широкое влияние в политической сфере. Кайпер, в течение многих лет кальвинистский пастор, в 1872 году возглавил редакцию контрреволюционной газеты *De Standdaard*. В 1874 году он был избран членом Гауда, но ушел в отставку, чтобы все свое время посвятить журналистике в интересах политических принципов, которым он теперь посвятил свои выдающиеся способности.

Министерство Химскерка не пользовалось поддержкой ни одной партии, но благодаря оппортунистическому мастерству его главы оно продержалось у власти три года; ни одна партия не была готова занять его место, и "правительство короля должно быть продолжено". Меры, принятые за это время, были скорее полезными, чем важными. Попытка разобраться с первичным обучением привела к падению министерства. Выборы 1877 года укрепили либералов, и после внесения поправки в тронную речь Химскерк подал в отставку. Его место занял Джоаннес Каппейн, лидер прогрессивных либералов. Теперь был создан новый государственный департамент - департамент водных путей и торговли, чьи обязанности в такой стране, как Голландия, покрытой сетью дамб и каналов, имели огромное значение. Мера, лишавшая "частные" школы государственной поддержки, встретила ожесточенное сопротивление контрреволюционеров и католиков, чей союз в защиту религиозного образования с этого времени стал еще теснее. Расходы в связи с вновь разразившейся дорогостоящей войной в Ачине привели к значительному дефициту бюджета. Вследствие этого предложение о строительстве нескольких новых каналов было отклонено большинством в один голос. Финансовые трудности, вызвавшие необходимость введения непопулярных налогов, снова привели к расколу в рядах либералов; и Каппейн, обнаружив, что король не поддерживает его предложения о пересмотре Основного закона, не видел иного выхода, кроме отставки.

В этих обстоятельствах король решил попросить контрреволюционера графа ван Линдена ван Санденбурга сформировать "Министерство по делам", состоящее из умеренных представителей различных партий. Перед Ван Линденом стояла трудная задача, но при мощной поддержке короля его политика примирения благополучно помогла ему пережить четыре тревожных года. Восстание буров в Трансваале против британского правления вызвало большое волнение в Голландии и вызвало большое сочувствие. Ван Линден старался избегать любых шагов, которые могли бы нанести ущерб Англии, и его усилия увенчались успехом. [стр.421] Проблема с Ачином, однако, по-прежнему вызывала большое замешательство. Хуже всего была череда тяжелых утрат, которые в это время обрушились на Дом Оранж-Нассау. В 1877 году умерла королева София, которую с любовью вспоминали за ее интерес к искусству и науке и за ее образцовую жизнь. Брат короля Генрих, в течение тридцати лет являвшийся штатгальтером Люксембурга, умер бездетным в начале 1879 года; а вскоре после этого, в июне, принц Оранский, который никогда не был женат, скоропостижно скончался в Париже. Двое сыновей дяди Вильгельма III Фредерика умерли раньше своего отца, который умер в 1881 году. Александр, младший сын короля, был болезненным и слабоумным, и с его кончиной в 1884 году мужская линия Дома Оранских-Нассау вымерла. Предвидя такую возможность, в январе 1879 года уже престарелый король женился вторым браком на юной принцессе Эмме Вальдек-Пирмонтской. Велика была радость голландского народа, когда 31 августа 1880 года она родила принцессу Вильгельмину, которая с этого времени стала надеждой династии, история которой на протяжении трех столетий была связана с историей нации.

Администрация Ван Линдена, в течение четырех лет преодолевавшая многочисленные парламентские кризисы, наконец потерпела поражение от предложения расширить избирательные права и ушла в отставку (26 февраля 1883 г.). Химскерку было доверено формирование коалиционного министерства нейтрального характера, и этот опытный государственный деятель в третий раз стал первым министром короны. Разногласия в либеральной партии превратили Вторую палату в место встречи враждебных фракций; и Химскерк лучше, чем любой другой политик, подходил на роль главы правительства, которое, не имея поддержки большинства, должно было полагаться на тактичное управление и целесообразность. Возникновение социалистической партии под энергичным руководством бывшего лютеранского пастора Домелы Ньювенхейс усугубило ситуацию. Вскоре стало очевидно, что пересмотр Основного закона и расширение избирательных прав, которым король больше не противодействовал, были неизбежны. Между тем смерть принца Александра и усиливающиеся недуги короля сделали необходимым предусмотреть законопроектом, принятым 21 августа 1884 года, что королева Эмма должна стать регентшей на время совершеннолетия своей дочери.

Все сговорилось для того, чтобы преградить путь министерству Хемскерка препятствиями для административных или законодательных действий. Плохое состояние финансов (главным образом из-за призывов к войне в Ачине), разделение всех партий на группы, социалистическая [стр.422] агитация и слабое здоровье короля создали нечто вроде парламентского тупика. Пересмотр конституции становился все более и более насущным в качестве единственного средства правовой защиты, хотя ни одна партия не высказалась категорически в его пользу. Правительство внесло определенные предложения по пересмотру (март 1885 г.), но контрреволюционеры, католики и консерваторы были едины в оппозиции, если только не были сделаны уступки в вопросе религиозного образования. Те уступки, которые были в конце концов предложены, были отклонены (апрель 1886 г.), и Химскерк подал в

отставку. Барон Маккей (контрреволюционер) отказался от должности, последовал роспуск. Результат выборов, однако, был неубедительным: либералы всех оттенков получили абсолютное большинство в четыре человека; но смены министерства не произошло. К счастью, в стрессовых обстоятельствах в новой палате возобладал более примирительный дух; и, наконец, после долгих дебатов закон о пересмотре конституции был принят обеими палатами и одобрен королем (30 ноября 1887 г.). Это была компромиссная мера, и никаких насильственных изменений внесено не было. Первая палата должна была состоять из 50 членов, назначаемых советами провинций; вторая палата из 100 членов, избираемых электоратом мужчин в возрасте не менее 25 лет, имеющих право на проживание и обладающих "признаками физической подготовки и социального благополучия" - расплывчатая фраза, требующая дальнейшего определения. Число избирателей было увеличено со (в круглых цифрах) 100 000 до 350 000, но всеобщее избирательное право мужчин, требование социалистов и более продвинутых либералов, не было удовлетворено.

На выборах 1888 года велась борьба по вопросу о религиозном образовании в начальных школах. Две "христианские" партии, кальвинистские контрреволюционеры под руководством доктора Кайпера и католики, которые нашли красноречивого и могущественного лидера в лице доктора Шапмана, католического священника, объединились в общей программе пересмотра Закона Каппейна об образовании 1878 года. Коалиция получила большинство, 27 контрреволюционеров и 25 католиков были возвращены против 46 либералов из различных групп. Впервые был избран социалист Домела Ньювенхейс. Консервативная партия сократилась до одного члена. В Первой палате либералы по-прежнему имели большинство. В апреле 1888 года барон Маккей, контрреволюционер умеренных взглядов, стал первым министром. Коалиция сделала пересмотр Закона об образовании 1878 года своим первым делом; и они заручились поддержкой некоторых либералов, которые стремились покончить со школьным вопросом[стр.423] с пути. Так называемый "Закон Маккея" был принят в 1889 году. Он предусматривал, что "частные" школы должны получать государственную поддержку при условии, что они соответствуют официальным правилам; что число учащихся должно быть не менее двадцати пяти; и что они должны находиться под управлением какой-либо организации, религиозной или иной, признанной государством. Это урегулирование было компромиссным, но оно предложило решение острого спора и было признано удовлетворительным.

Смерть короля Вильгельма 23 ноября 1890 года была глубоко оплакана его народом. Он был человеком сильных и несколько узких взглядов, но за время его 41-летнего правления его искренняя любовь к своей стране никогда не вызывала сомнений, и он не терял популярности из-за своей антилиберальной позиции во многих случаях, поскольку было известно, что она проистекает из искренних убеждений; и именно на фоне всеобщего сожаления последний представитель мужского пола Дома Оранских-Нассау был похоронен.

Однако предложение католического министра Боргезиуса о введении всеобщей личной военной службы вызвало недовольство многих членов его собственной партии, и оно было отвергнуто с помощью католических диссидентов. Последовали выборы, и либералы восстановили большинство. Было сформировано новое правительство умеренного прогрессивного характера, премьер-министром стал Корнелис ван Тьенховен. Это было министерство талантов, Так как Так ван Поортвлит (внутренние дела) и Н.Г. Пирсон (финансы) были людьми с выдающимися способностями. Пирсон добился большего успеха, чем кто-либо из его предшественников, в устранении повторяющегося дефицита годового баланса. Он ввел

подоходный налог со всех доходов, превышающих 650 флоринов, полученных от заработной платы или торговли. Все другие источники дохода были капитализированы (фонды, инвестиции, сельское хозяйство и т.д.); и был введен налог на весь капитал, превышающий 13 000 флоринов. Были снижены различные пошлины и таможи в интересах торговли. Однако рос спрос на еще большее расширение избирательного права и на официальную интерпретацию этого загадочного определения Редакции 1889 года — "признаков пригодности и социального благополучия". Так ван Портвлит ввел меру, которая практически ввела бы всеобщее избирательное право мужчин, поскольку он истолковал эти слова как включающие всех, кто умел писать и не получал пожертвований от благотворительности. Это предложение, выдвинутое в 1893 году, вновь раскололо либеральную партию. Умеренные под руководством Сэмюэля ван Хаутена энергично выступали против такого увеличения электората; и они пользовались поддержкой[стр.424] более консервативных контрреволюционеров и значительной части католиков. Более демократичные последователи Кайпера и Шапмана и прогрессивные радикалы встали на сторону Так ван Поортвлиета. Таким образом, все партии были разбиты на враждебные группы. На выборах 1894 года борьба велась уже не по партийному признаку, а между таккианцами и анти-таккианцами. Результат был неблагоприятным для Така, его сторонники набрали всего 46 голосов против 54 у своих оппонентов.

Таким образом, к власти пришла новая администрация (май 1894 г.) под председательством Джонхира Йохана Рулля с Ван Хаутеном в качестве министра внутренних дел. На плечи Ван Хаутена легла задача подготовки нового закона о выборах. Его предложения были окончательно одобрены в 1896 году. До того, как это произошло, министру финансов Шпенгеру ван Эйку удалось разгрузить казначейство путем преобразования государственного долга с 3-1 / 2 до 3-процентной обеспеченности. Реформа избирательного права Ван Хаутена была очень сложной, поскольку существовало шесть различных категорий лиц, имеющих право осуществлять избирательное право: (1) плательщики по крайней мере одного гульдена прямого налогообложения; (2) домовладельцы или квартиранты, выплачивающие определенную минимальную арендную плату и имеющие право на проживание; (3) владельцы или наниматели судов водоизмещением не менее 24 тонн; (4) лица, получающие определенную установленную заработную плату; (5) вкладчики 100 гульденов в государственные фонды или 50 гульденов в сберегательный банк; (6) лица, имеющие определенные дипломы об образовании. Это очень широкое и всестороннее избирательное право увеличило число избирателей примерно до 700 000.

Выборы 1897 года, сначала обещавшие победу более консервативным группам, закончились тем, что либералы получили небольшое большинство, прогрессивная часть получила ряд мест, а социалисты увеличили свое представительство в Палате представителей. Место министерства Роэлла-Ван Хаутена занял кабинет либеральной концентрации, ведущими членами которого были Пирсон (финансы) и Гозман-Боргезиус (внутренние дела). Для правильного понимания парламентской ситуации в это время и в последующие годы краткий отчет о группах и секциях групп, на которые были разделены политические партии в Голландии, должен здесь прервать повествование о событиях.

Уже говорилось, что смерть Торбеке и Груна ван Принстерера привела к распаду старых партий и образованию новых групп. Закон об образовании 1878 года привел к союзу двух партий, которые сделали вопрос о религиозном[стр.425] образовании в начальных школах первой

статьей своей политической программы — анти-революционеров во главе с бывшим кальвинистским пастором доктором Абрахамом Кайпером и католиков во главе с доктором Шапманом, католическим священником. Кайпер и Шапман были одинаково способными журналистами и с заметным успехом использовали прессу для распространения своих взглядов, оба были сторонниками социальных реформ на демократической основе. Контрреволюционеры, однако, как единое целое не последовали примеру Кайпера. Аристократическая часть, принципы которой совпадали с принципами Груна ван Принстерера, "ортодоксальная" и "консервативная", получившая название "Исторических христиан", была настроена против демократических идей Кайпера и по традиции была антикатолической. Их лидером был Джонхир Саворнин Ломан. В течение нескольких лет существовала отдельная фризская группа "исторических христиан", но в конце концов они объединились с более крупной организацией. Либералы тем временем разделились на три группы: (1) Старые Независимые(*vrij*) либералы; (2) Либерально-прогрессивный союз (*Unie van vooruitstrevende Liberalen*); (3) Либерал-демократы (*vrijzinnig-democratischen Bond*). Социалистическая партия была развитием *Нидерландской организации Верклиден Вербонд*, основанной в 1871 году. Десять лет спустя, благодаря деятельности пламенного агитатора Домелы Ньювенхейс, была сформирована Социал-демократическая связь, и социалисты стали политической партией. Потеря Ньювенхейсом места в 1891 году вынудила его отказаться от конституционных методов ради революционного и антирелигиозного крестового похода. Результатом этого стал раскол в социалистической партии и формирование под руководством Тролстры, Ван Кола и Ван дер Гуса "Социал-демократической рабочей партии", целью которой было повышение благосостояния пролетариата социалистическими методами, но парламентскими средствами. Последователи Домелы Ньювенхейс, чьими открыто провозглашаемыми принципами были "разрушение реальных социальных условий всеми законными и незаконными средствами", были после 1894 года известны как "Социалистическая связь". Эта анархическая партия, взявшая своим девизом "ни Бог, ни хозяин", быстро уменьшилась в численности; их лидер, обескураженный отсутствием успеха в 1898 году, окончательно ушел с политической арены; и социалистические связи были распущены. Это придало сил "Социал-демократической рабочей партии", которая с начала нынешнего столетия постепенно приобретала все большее влияние на электорат.

[стр.426]

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЕВЫ ВИЛЬГЕЛЬМИНЫ, 1898-1917

Министерство Пирсона-Борджезиуса недолго находилось у власти, когда королева Вильгельмина достигла совершеннолетия (31 августа 1898 г.) на фоне общественного энтузиазма. В то же время королева-мать получила множество выражений высокой оценки за замечательную манеру, с которой в течение восьми лет она исполняла свои конституционные обязанности. Меры, принятые этой администрацией, касались многих важных вопросов. Личная военная служба наконец-то, после долгих лет споров, была введена законом, за исключением только священнослужителей и студентов. Посещение школы до 13 лет стало обязательным, а субсидии на содержание школ и оплату труда учителей были существенно увеличены. 1899 год запомнился заседанием первого Мирного конгресса (по инициативе царя Николая II) в *Гуэйсе в Босхе*. Обсуждения начались 18 мая и продолжались до 29 июня. По иронии событий, несколько месяцев спустя (10 октября) между двумя бурскими республиками Южной Африки и Великобританией разразилась война, в которой голландский народ испытывал большой и сочувственный интерес. Это вызвало горькие чувства, и королева лишь отразила национальные чувства, когда она лично самым дружеским образом приняла президента Крюгера, который прибыл в Голландию в качестве беглеца на борту голландского военного корабля летом 1900 года. Однако официальная позиция правительства была совершенно корректной, и в отношениях между Великобританией и Нидерландами никогда не было никаких нарушений.

Брак королевы Вильгельмины, состоявшийся 7 февраля 1901 года, с принцем Генрихом Мекленбург-Шверинским был встречен народом как дающий надежду, которая в течение нескольких лет не оправдывалась, на рождение наследника престола.

Выборы 1901 года оказались в немилости у либерального министерства из-за законов, предусматривающих военную службу и обязательное посещение школы. Против них неутомимый доктор Кайпер, вернувшийся к активной политике в 1897 году, преуспел в объединении[стр.427] трех "церковных" групп — демократических контрреволюционеров, аристократических исторических христиан (оба ортодоксальные кальвинисты) и католиков всех слоев общества — в "Христианскую коалицию" в поддержку преподавания религии в школах. Победа осталась за коалицией, и доктор Кайпер стал первым министром. Новая администрация ввела меры в отношении высшего образования, которые были отклонены Первой палатой. Роспуск этой Палаты привел к изменению мнения большинства, и мера была принята. Другая мера пересмотрела Закон Маккея и предоставила большую субсидию "частным" школам. Социалистическая партия под умелым руководством Троэльстры получила на выборах несколько мест; и в 1903 году возникла угроза всеобщей забастовки, если правительство не уступит требованиям социалистической рабочей партии. Угроза была встречена твердо; был быстро принят закон о борьбе с забастовками; были вызваны военные; и забастовка прекратилась. Дорогостоящая война в Ачине, которая тлела в течение нескольких лет, снова вспыхнула с применением насилия в 1902-3 годах и привела к кровавым репрессиям со стороны голландских солдат, сообщение о которых вызвало возмущение ответственных властей. В 1895

и в 1899 годах предпринимались различные попытки ввести протекционистские пошлины, но безуспешно.

Четырехлетние выборы 1905 года показали, что все либеральные группы объединились в совместном нападении на Христианскую коалицию. Завязалась острая предвыборная борьба, в результате которой 45 либералов и 7 социалистов были возвращены против 48 коалиционистов. Доктор Кайпер подал в отставку, и его место заняло новое министерство под руководством умеренного либерала Де Меестера. Правительство Де Меестера, однако, зависело от голосов социалистов и не имело независимого большинства ни в одной из палат. Впервые было создано министерство сельского хозяйства, промышленности и торговли. Такая администрация могла влачить лишь шаткое существование, и в 1907 году неблагоприятное голосование по военным оценкам привело к ее отставке. Т. Химскерк взял на себя задачу формирования нового кабинета министров из представителей контрреволюционных и католических группировок, и на следующих всеобщих выборах 1909 года он одержал убедительную победу на выборах. Эта победа была достигнута благодаря массовым обещаниям социальных реформ, включая пенсии по старости и пособия малоимущим и больным. Как это часто бывает, такая программа не могла быть реализована без больших затрат; а средств не поступало. Для удовлетворения[стр.428] этого требования в августе 1911 года министром финансов доктором Колкмаром был внесен законопроект, значительно повышающий существующие пошлины и в значительной степени расширяющий список облагаемого пошлиной импорта. Этот законопроект вызвал широкую агитацию в стране, и против него было подано множество петиций, в результате чего он был отозван. Предложение, сделанное этим министерством в 1910 году, потратить 38 000 000 флоринов на укрепление Флашинга вызвало много негативной критики в прессе Бельгии, Англии и Франции на том основании, что это было сделано по предложению германского правительства с целью помешать британскому флоту захватить Флашинг в случае начала англо-германской войны. Агитация прессы, однако, не встретила одобрения со стороны ответственных государственных деятелей ни в одной из названных стран; тем не менее, это привело к отказу от первоначального предложения и принятию в 1912 году законопроекта об улучшении защиты голландских морских портов в целом.

Выборы 1913 года отменили приговор 1909 года. Вероятно, ни в одной стране принцип "качания маятника" не был так систематически проверен, как в Голландии в последнее время. Результаты были получены в 1913 году: церковные партии - 41; либералы всех групп - 39; социалисты - 15. Самым поразительным изменением стало увеличение числа голосов социалистов, их представительство увеличилось более чем вдвое; и, как и в 1905 году, они держали в своих руках баланс партий. С некоторым трудом доктору Карту ван ден Линдену удалось сформировать либеральное министерство. Начало Великой войны в августе 1914 года помешало им обратить свое внимание на какие-либо другие вопросы, кроме тех, которые возникали в связи с поддержанием строгого нейтралитета в конфликте, который поставил их в самое трудное и опасное положение. Одним из первых вопросов, по которому им пришлось принять важнейшее решение, было закрытие Шельды. Как только Великобритания объявила войну Германии (4 августа), Голландия отказалась пропускать любые воюющие суда через свои территориальные воды. События прошедших с тех пор шести лет слишком близки, чтобы их здесь комментировать. Либеральное министерство, по крайней мере, заслуживает похвалы за то, что благополучно провело страну через опасные воды. Тем не менее, на четырехлетних выборах 1917 года произошло обычное колебание маятника; и было сформировано

антилиберальное министерство (6 сентября) с католиком М. Рюисом де Бееренбронком в качестве первого министра.

[стр.429]

ЭПИЛОГ

Династическая связь Люксембурга с Голландией прекратилась с восшествием на престол королевы Вильгельмины. Условия, при которых бельгийская провинция Люксембург была создана Венским мирным договором 1815 года как великое герцогство под суверенитетом главы Дома Оранских-Нассау с наследованием при отсутствии наследников мужского пола по семейному договору, известному как *Nassauischer Erbverein*, ближайшему агнату мужского пола старшей ветви семьи Нассау, уже были описаны. Со смертью Вильгельма III мужская линия дома Оранских-Нассау пресеклась, и престолонаследие перешло к Адольфу, герцогу Нассау-Вайльбургскому. Насколько неудачными и опрометчивыми были действия Венского конгресса по созданию Великого герцогства Люксембург, наглядно показали трудности и страсти, которые оно вызвало в ходе переговоров о превращении Бельгии в независимое государство (1830-39). По мирному договору от 19 апреля 1839 года валлонская часть Люксембурга вошла в состав королевства Бельгия, но в обмен на эту уступку великий герцог получил суверенитет над полосой бельгийской провинции Лимбург. Это вызвало новое осложнение.

Люксембург в 1815 году был не просто отделен от Нидерландов; он, как суверенное великое герцогство, был преобразован в государство Германской конфедерации. В силу обмена, санкционированного мирным договором 1839 года, уступленная часть Лимбурга стала государством конфедерации. Но с пересмотром конституции Нидерландов, который в 1840 году последовал за окончательным разделением Голландии и Бельгии, по желанию короля его герцогство Лимбург было включено в новый Основной закон и, таким образом, практически стало голландской провинцией. Таким образом, у лимбургцев было странное и двусмысленное положение. Они должны были платить налоги, снабжать воинские контингенты и посылать заместителей в две разные суверенные власти. Такое положение вещей продолжалось с большими или меньшими трениями, пока победа Пруссии над Австрией в 1866 году не привела к распаду Германской конфедерации. На Лондонской конференции 1867 года Люксембург был объявлен независимым государством, нейтралитет которого был гарантирован [стр.430] Великими державами, в то время как Лимбург стал неотъемлемой частью королевства Нидерландов.

С середины прошлого века финансовое положение Голландии постоянно улучшалось. Большая задолженность страны в период, последовавший за отделением от Бельгии, постепенно уменьшалась. Это осуществлялось в течение ряда лет сомнительным использованием прибылей, получаемых от эксплуатации ост-индских колоний с помощью "Системы земледелия". С принятием пересмотренного Основного закона 1848 года контроль над колониальными делами и колониальным бюджетом был передан в руки Генеральных штатов; и с этого момента значительная часть Либеральной партии начала агитировать за отмену системы, которая была очень репрессивной по отношению к яванскому населению. Однако реформа была проведена только в 1871 году. Тем временем, главным образом благодаря усилиям Торбеке, методы внутреннего финансирования были значительно улучшены за счет отмены, насколько это было возможно, косвенных налогов и введения политики свободной торговли, которая со времен его правления неуклонно поддерживалась. Такая политика превосходно подходит стране, которая не обладает ни полезными ископаемыми, ни углем^[15], и чье богатство в основном связано с морской или речной торговлей, молочным животноводством и садоводством. Для поставок кукурузы и многих других необходимых товаров Голландии приходится обращаться за помощью к другим странам. Рыболовство по-прежнему является одной из основных отраслей промышленности страны и обеспечивает выносливое морское население для значительного торгового флота, который необходим для постоянных сношений с колониальной империей (третьей по значимости в настоящее время), состоящей в основном из островов в далеком океане.

В период с 1850 по 1914 год на сокращение долга было выделено 375 430 000 фл., а Резервный фонд в 1915 году составлял 6 346 000 фл. С тех пор Голландия страдала от последствий Великой войны, но, успешно сохранив свой нейтралитет, она пострадала относительно намного меньше, чем любой из ее соседей. Налогообложение в Голландии всегда было высоким. Это в значительной степени искусственная страна; огромные суммы были потрачены и всегда должны быть потрачены на содержание сложной системы дамб и каналов, с помощью которых контролируются воды океана и рек и предотвращается затопление больших территорий, лежащих ниже уровня моря.

Культура в Голландии широко распространена. Состоятельные классы[стр.431] обычно читают и говорят на двух или трех языках помимо своего собственного; а голландский язык - законченный литературный язык, отличающийся большой гибкостью и обильностью. Система образования превосходна. С 1900 года посещение начальных школ в возрасте от шести до тринадцати лет является обязательным. Среднее образование между начальными школами (*middelbaar onderwijs*) представлено "вечерними школами для бюргеров" и "высшими бюргерскими школами". Вечерние школы предназначены для тех, кто занят на сельскохозяйственных или промышленных работах; "высшие школы" предназначены для технического обучения, при этом большое внимание уделяется изучению *vier talen* - французского, английского, немецкого и голландского языков. В связи с этим в Вагенингене в Гелдерланде есть замечательная школа сельского хозяйства, садоводства и лесоводства. Преподаванию в Вагенингене во многом обязано признанное превосходство Голландии в научном садоводстве. В Гронингене есть филиал для обучения сельскому хозяйству, а в Девентере - еще один для обучения предметам, связанным с колониальной жизнью. *Гимназии*, которые есть в каждом городе, являются подготовительными к поступлению в университеты. Курс длится шесть лет; изучение латыни и греческого в дополнение к современным языкам является обязательным. Есть четыре университета: Лейденский, Утрехтский, Гронингенский и

Амстердамский. Наличие степени доктора в одном из этих университетов необходимо магистрам, врачам, адвокатам, а также преподавателям *в гимназиях* и высших бюргерских школах.

В такой маленькой стране литературные произведения замечательны и, отмеченные научными и интеллектуальными отличиями, заслуживают более широкого прочтения. Голландцы по праву гордятся той великой ролью, которую их предки сыграли во время войны за независимость, а также во времена Джона де Витта и Вильгельма III. При проведении научных исторических исследований в национальных архивах и при публикации документов, имеющих отношение к национальным анналам и иллюстрирующих их, голландские историки могут выгодно отличаться от историков любой другой страны. Особого упоминания заслуживают труды Роберта Фруина, которого можно охарактеризовать как основателя школы со многими учениками, и собрание сочинений которого является настоящей сокровищницей блестящих исторических исследований, сочетающих тщательное исследование с острой критикой. Среди его многочисленных учеников имена доктора П.Дж. Блока и доктора Х.Т. Коленбрандера, пожалуй, наиболее известны.

В отделе библейской критики в Голландии было несколько писателей с европейской репутацией, главным среди которых является имя Абрахама Куэнена.[стр.432]

Голландских писателей-фантастов было и остается гораздо больше, чем можно было ожидать, учитывая ограниченное число тех, кто может прочитать их произведения. Во второй половине 19 века Дж. ван Леннеп и Мевру Босбум-Туссен были самыми плодовитыми писателями. Оба они были последователями традиции Вальтера Скотта, их романы были в основном патриотическими романами, основанными на эпизодах, иллюстрирующих прошлую историю голландского народа. Вклад Ван Леннепа в литературу, однако, ни в коем случае не ограничивался написанием художественной литературы, о чем свидетельствует его большое критическое издание поэтических произведений Вондела. Романы Мевроу Босбум-Туссен были не только превосходны с литературной точки зрения, но и как воспроизведение исторических событий были написаны очень добросовестно. Ее фотографии, например, трудного и запутанного периода пребывания Лестера на посту генерал-губернатора, достойны восхищения. Труды Доувса Деккера (под псевдонимом Мультатули) заслуживают внимания тем фактом, что его роман *Макс Хавелаар*, посвященный жизни на Яве и описывающий страдания туземцев из-за "системы культивирования", сыграл большую роль в ее отмене.

Школа голландских романистов 20 века отличается от своих предшественников и имеет дело с жизнью и жизненными проблемами во всех формах. Среди современных авторов художественной литературы первостепенное место принадлежит Луи Конперюсу, идеалисту и мистiku, который как стилист не имеет равных ни одному из своих современников.

Ни один рассказ о современной Голландии не был бы полным без упоминания о великом возрождении голландской живописи, которое произошло за последние полвека. Действительно, без преувеличения можно сказать, что это современное возрождение живописи в Голландии достойно сравнения со временами Рембрандта. Имена Джозефа Израэлса, Хендрика Месдага, Винсента ван Гога, Антона Мора и, что не в последнюю очередь, трех талантливых братьев Марис приобрели широкую и заслуженную известность. И к ним следует добавить других выдающихся личностей: Билдерса, Шеффера, Босбума, Рохуссена, Бакхейзена, Дю Шаттеля, Де Хааса и Хавермана. Традиционное представление голландца как

флегматичного, бесстрастного, полностью поглощенного торговлей и материальными интересами, является карикатурой. Эти современные художники, как и художники 17 века, убедительно доказывают, что голландская раса необычайно чувствительна к поэзии формы и цвета и что она обладает унаследованной способностью и могуществом превосходить технические качества искусства художника.

СНОСКИ:

[1]

Hollandais, Holländer, Olandesi, Olandeses, etc.

[2]

Во французских книгах и документах, Жаклин.

[3]

Буа-ле-дюк.

[4]

Английскими и французскими писателями обычно переводится Великий пенсионарий.

[5]

Следует помнить, что Генеральные штаты и Холланд Эстейтс заседали в одном здании.

[6]

Адам Смит, *"Богатство наций"*, I, 101.

[7]

Баскен Хуэт, *Земля ван Рембранта*, III, 175.

[8]

Акт уединения.

[9]

Nassauischer Erbverein.

[10]

Чарльз Уайт, *Бельгийская революция*, 1835, т. 1, с. 106.

[11]

Correspondence secrète des Pays-Bas. Джулиан получил отчет об этом разговоре непосредственно от графа Байланта с разрешения короля.

[12]

Из личных бумаг Ван Маанена. См. книгу Коленбрандера "*Бельгийское общество*", стр. 139.

[13]

Ратификация державами состоялась в следующие даты: —Францией и Великобританией - 31 января; Австрией и Пруссией - 18 апреля; Россией - 4 мая 1832 г.

[14]

Принц Оранский женился на Анне Павловне, сестре Александра I, в 1816 году.

[15]

Бельгийское угольное месторождение простирается до голландского Лимбурга.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩЕЕ

(a) АРХИВАЦИЯ. СПРАВОЧНИКИ

АА, А.А. VAN DER. Biographisch woordenboek d. Nederlanden bevatt. levensbeschrijvingen der personen, die zich in ons vaderland hebben vermaard gemaakt, voortgezet door K.J.R. v. Harderwijk en G.D.J. Schotel. 27 томов. Haarlem. 1851-70.

БЕРГ, Л. П.К. ВАН ДЕН. Над рукописью бет. onze geschiedenis in het Britsch Museum bewaard. Арнем, 1858 год.

BLOK, P.J. Onze archieven. Amsterdam. 1891.

Verslag aangaande een onderzoek in Duitschland naar Archivalia, belangrijk voor de geschiedenis van Nederland. 2 тома. The Hague. 1888-9.

Verslag aangaande een voorloopig onderzoek in Engelandt naar Archivalia, belangrijk voor de gesch. v.N. The Hague. 1891.

Verslag aangaande een voorloopig onderzoek in Parijs naar Archivalia, belangrijk voor de gesch. v.N. The Hague. 1897.

БРИНК, Р. К. БАХЕЙЗЕН ВАН ДЕН. Overzicht van het Nederl. Rijk's Archief. Гаара, 1854 год.

КНУТТЕЛЬ, В.П.С. Нидерландский библиографический справочник керкгешчидениса. Amsterdam. 1889. Catalogus van de pamfletten-verzameling berustende in de koninklijke bibliotheek. 6 томов. Гаара. 1899, 1900, 1902.

KOK, J. Vaderlandsch Woordenboek. 35 томов. Амстердам. 1735-99.

PETIT, LOUIS D. Repertorium der verhandelingen en bijdragen betreff. de geschied. des Vaterlands in tijdschriften en mengelwerken tot op 1900 verschenen. Leyden. 1905.

RIEMSDIJK, TH.V. Het Rijk's Archief te 's Gravenhage. Гаара, 1889 год.

SCHELTEMA, P. Inventaris van het Amsterdamsch Archief. 3 тома. Амстердам. 1866-74.

UHLENBEEK, C.C. Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland ten bate der Nederl. Geschiedenis. Гаара, 1891 год.

(b) ОБЩАЯ ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ

AREND, J.P. Algemeene Geschiedenis des Vaderlands van de vroegste tijden tot op heden, voortgezet.... 13 vols. Амстердам. 1840-83.

BILDERDIJK, W. Geschiedenis des Vaderlands. 14 томов. Амстердам. 1832-53.

BLOK, P.J. Geschiedenis des Vaderlands. 9 томов. Гронинген. 1892-1908.
Английский перевод в пяти частях. Лондон и Нью-Йорк.

ДЭВИС, К.М. История Голландии и голландцев. 5 томов. Лондон. 1851.

FRUIN, R. Geschiedenis der Staat-Instellingen in Nederland tot den Val der Republiek. Гаара, 1893 год.

GROEN v. PRINSTERER, G. Handboek der Geschied. des Vaterlands. 2 тома. Leyden. 1846.

JONGE, J.C. DE. Geschiedenis v. het Nederlandsche Zee-Wesen. 6 томов. Гаара, 1833-45.

NIJHOFF, I.A. Staatkundige Geschiedenis van Nederland. 2 тома. Zutphen. 1891-3.

RIJSENS, F. Geschiedenis van ons Vaderland. Гронинген, 1904 год.

РОДЖЕРС, Дж.Э. ТОРОЛЬД. История Голландии. Лондон. 1888.

VOS, J.M. Geschiedenis van ons Vaderland van oude tijden tot heden. Гронинген, 1915 год.

VREEDE, G.W. Inleiding tot eene Geschiedenis der Nederlandsche diplomatie. 6 томов. Utrecht. 1856-65.

WAGENAAR, J. Vaderlandsche Historie. 21 том. Амстердам. 1749-59.

WENZELBERGER, K. TH. Geschichte der Niederlande. 2 тома. Gotha. 1879-86.

WIJNE, J.A. Geschiedenis van het Vaderland. Гронинген. 1870.

XVII BEK

(a) СОВРЕМЕННЫЕ РАБОТЫ И КОЛЛЕКЦИИ ОРИГИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

BOR, P. Oorspronck, begin en ende aenvang der Nederlandsche oorlogen, beroerten ende borgelijcke oneenicheyden. 6 vols. Амстердам и Лейден. 1621 год.

БРЮС, Дж. Переписка Лестера во время его правления в Нидерландах. Лондон. 1844.

CARNERO, A. Historia de las guerras civiles que han auido en los estados de Flandes des del anno 1559 hasta el de 1609, y las causas de la rebelion de dichos estados. Брюссель, 1625 год.

COLOMA, C. Las guerras de los Estados Baxos, desde el anno de 1588 hasta el de 1599. Антверпен, 1625 год.

GACHARD, P.L. Correspondance de Philippe II sur les affaires des Pays-Bas. 5 vols. Brussels. 1867-87.

--Correspondance de Guillaume le Taciturne. 6 томов. Брюссель. 1847-57

-Корреспондент Александра Фарнезе, принца Пармского, ген. des Pays-Bas avec Philippe II, 1578-9. Брюссель. 1850.

GROEN v. PRINSTERER, G. Archives ou Correspondance inédite de la Maison d'Orange-Nassau. Ire série. 9 томов. Leyden. 2e série. 5 томов. Utrecht. 1841-61.

ГРОЦИЙ, ГУГО. Annales et historiae de rebus belgicis. Амстердам, 1637 год.

ХОФТ, Р.С. Нидерландская история, 1555-87. Амстердам. 1656.

ЖЮСТ, ТН. Charles Quint et Marguerite d'Autriche. Брюссель, 1858 год.

LE GLAY, A. Maximilian I et Marguerite d'Autriche. Париж. 1855.

LETTENHOVE, J.M. KERVYN DE. Relations politiques des Pays-Bas et de l'Angleterre sous le règne de Philippe II. 5 vols. Брюссель. 1882-6.

МЕТЕРЕН, Э. ВАН. Belgische ofte Nederlandsche historien van onzen tijden tot 1598. Делфт, 1605 год.

PETIT, J. F. LE. Grande Chronique de Hollande, Zelande, etc. jusqu'à la fin de 1600. 2 тома. Dordrecht. 1601.

РЕЙД, Э. ВАН. Vornaemste gheschiedennissen in de Nederlanden, 1566-1601. Арнем, 1626 год.

WEISS, C. Papiers d'État de Cardinal Granvelle. 9 томов. Париж. 1841-52.

(b) БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ РАБОТЫ

БРИНК, Дж. ТЕН. De eerste Jaren der Nederlandsche Revolutie, 1555-68. Роттердам, 1882 год.

BRUGMANS, H. Engeland en de Nederlanden in de eerste jaren van Elizabeth's regeering, 1558-67. Гронинген, 1892 год.

FRUIN, R. Tien jaren uit den tachtigjarigen oorlog, 1588-98. Амстердам, 1861 год.

Het voorspel van den tachtigjarigen oorlog. Амстердам, 1866 год.

ЖЮСТ, ТН. Histoire de la Revolution des Pays-Bas sous Philippe II, 1555-71. 2 vols. Брюссель. 1855.

Продолжение, 1572-7. 2 тома. Гаага. 1863-7.

LETTENHOVE, J. M. KERVYN DE. Les Huguenots et les Gueux, 1560-85., 6 vols. Брюгге. 1883-5.

МОТЛИ, Дж. Л. Возвышение Голландской республики, 1555-84. 3 тома. Лондон. 1856.

История Соединенных Нидерландов, 1584-1609. 4 тома. Гаага, 1860-7.

ТРЕМЕЙН, Э. Э. Первые губернаторы Нидерландов. Лондон. 1908.

(с) БИОГРАФИЧЕСКИЙ

BLOK, P. J. Lodewijk van Nassau, 1536-1674. Гаага, 1889 год.

БУРГОН, Дж. У. Жизнь и времена Томаса Грэшема, составленные главным образом из его переписки. 2 тома. Лондон. 1839.

ХАРРИСОН, Ф. Уильям Молчаливый. Лондон. 1897.

ХЬЮМ, М. Король Испании Филипп II. Лондон. 1902.

MONTPLEINCHAMP, B. DE. L'histoire d'Alexandre Farnese, duc de Parma, gouverneur de la Belgique. Амстердам, 1692 год.

PIETRO, FRA. Alessandro Farnese, duca di Parma. Рим, 1836 год.

ПАТНЭМ, Р. Уильям Молчаливый, принц Оранский. 2 тома. Нью-Йорк. 1895.

RACHFELD, F. Margaretha von Parma, Statthalterin der Niederlande, 1559-67. Мюнхен, 1895 год.

XVII ВЕК

(а) СОВРЕМЕННЫЕ РАБОТЫ И КОЛЛЕКЦИИ ОРИГИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

AITZEMA, L. v. Saken van Staet en Oorlog in ende omtrent de Vereen. Нидерланды, 1621-69. 7 томов. Гаага. 1669-71.

Верхаль ван де Нидерландше Вредехандель, 1621-49. 2 тома. Гаага. 1650.

Herstelde Leeuw of discours over 't gepassert in de Vereen. Nederlanden, 1650-1. Гаага, 1652 год.

ALBUQUERQUE, DUARTE DE. Memorias Diarias della guerra del Brasil per discurso de nueve afios desde el de 1630. Мадрид, 1654 год.

Archief v. den Raadpensionaris Antonie Heinsius, 1683-97. 3 vols. Гаага, 1867-80.

AVAUX, COMTE D' (JEAN ANTOINE DE MESNIER). Переговоры с Олландом, 1679-88. 6 томов. Париж. 1750-4.

BARLAEUS, C. Rerum per octennium in Brasilia et alibi nuper gestarum sub praefectura Com. J. Mauritii Nassoviae historia. Амстердам, 1647 год.

Epistolarum liber. 2 тома. Амстердам. 1667.

БЕРНЕТ Г. (епископ Солсберийский). История моего времени. 2 тома. Лондон. 1724-34.

КАПЕЛЛЕН, АЛЕКС. VAN DER. Gedenkschriften, 1621-54, uitg. d. R. J. v. d. Capellen. 2 тома. Utrecht. 1777-8.

Д'Эстрадес, ГРАФ Г. Lettres, memoires, negotiations depuis 1637. 9 vols. Лондон, 1743 год.

Гардинер С. Р. письма и бумаги отн. к первой голландской войны, 1652-4. 2-х томах. Лондон, 1899-1900 годы.

GROEN v. PRINSTERER, G. Archives ou Correspondance de la Maison d'Orange. 2e série. 3 тома. Utrecht. 1841-61.

ГРОЦИЙ, ГУГО. Epistolae ad Gallos. Leyden. 1650.

ХОФТ, П. К. Бривен (1600-47) встретил толихтингенскую дверь против Влотена. 4 тома. Leyden. 1655-7.

ГЮЙГЕНС, Константин. Дагбок, 1606-85. Под ред. Дж. Х. Унгера. Амстердам, 1885 год.

Mémoires. Ed. T. Jorissen. Гаага, 1873 год.

HUYGHENS, CONSTANTIJN DE ZOON. Journael gedurende de veldtochten der Jaren 1673, 1675, 1676, 1677 en 1678. Utrecht. 1831.

LAET, J. DE. Historic ofte jaerlijck verhael van de verrichtingen der West Indische Compagnie, sedert 1636. Leyden. 1644.

Marie, Reine d'Angleterre, épouse de Guillaume III, Lettres et Mémoires de Collection de doc. подлинный. inédits publ. сумасшедший. Графиня Бентинк. Гаага. 1880.

Мария, королева Англии, Воспоминания/ под ред. Э. Доэлмера. Leipzig. 1886.

ТЕМПЛ, СЭР У. Письма, написанные У. Темплом и другими государственными министрами, содержащие отчет о наиболее важных сделках, совершенных с 1665 по 1972 год. 3 тома. Лондон. 1702-3.

Письма Д. Джонса, написанные во время его пребывания послом в Гааге государственным секретарям графу Арлингтону и Джону Тревору. Лондон. 1699.

ТУРЛОУ, Дж. Собрание государственных документов и др. 7 томов. Лондон. 1702-3.

ВИКФОРТ, АБРАХАМ ДЕ. Histoire des Provinces Unies des Pays-Bas depuis la paix de Munster, 1648-58. Edd. Лентинг и Ван Бюрен. 4 тома. Амстердам. 1861-74.

ВИТТ, J. DE. Brieven ...gewisselt tusschen den Heer Johann De Witt ... ende de gevolmagtigden v. d. Staet d. Vereen. Nederlanden, so in Vrankryck, Engelandt, Zweden, Denemarken, Poolen enz. 1652-69.
6 vols. Гаага. 1723-5.

(b)БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ РАБОТЫ

ВЕЙНС, L. Jean de Witt en zijne buitenlandsche politick, 1653-60.
Гронинген, 1871 год.

БРИЛЛ, W. C. Cromwell's strijving naar eene coalitie tusschen de Nederlanden en de Britsche republiek. Амстердам, 1891 год.

ЭДМУНДСОН, ДЖОРДЖ. Англо-голландское соперничество в первой половине 17 века.
Оксфорд. 1911.

ФРУИН, R. De oorlogsplannen van Prins Willem II na zijn aanslag op Amsterdam in 1650. Гаага, 1895 год.

Процесс ван Буата, 1666 год. Гаага. 1881 год.

ГЕДДЕС, Дж. История администрации Джона Де Витта. Гаага. 1879.

ЯПИКСЕ, N. De verwickelingen tusschen de Republiek en Engeland, 1660-5. Лондон. 1900.

ЛЕФЕВРЕ-ПОНТАЛИС, A. Vingt années de République parlementaire au xviie siècle. Jean de Witt, Grand Pensionaris de Hollande. 2 тома. Париж. 1884.

МУЛЛЕР, P. L. Wilhelm III von Oranien und Georg Friedrich van Waldeck. Ein Beitrag zur Geschichte des Kampfes um das Euro-paische Gleichgewicht, 1679-92. 2 vols. Гаага, 1872-80.
Nederland en de Groote Keurvorst. Гаага, 1879 год.

MUTZUKURI, G. Englisch-Niederländische Unionsstrebungen im Zeit-alter Cromwell's. Тюбинген, 1891 год.

СИПТЕМА ДЕ ГРОВЕСТЕН. Guillaume III et Louis XIV. 8 vols. Париж, 1868 год.

TREITSCHKE, H. VON. Die Republik der Vereinigten Niederlande. Historische und politische Aufsätze. 4 тома. Leipzig. 1870.

(с) БИОГРАФИЧЕСКИЙ

BAUMGÄRTNER, ALEXANDER. Joost van den Vondel, zijn leven en zijne werken. (Перевод с немецкого.) Амстердам, 1886 год.

BRANDT, C. Leven en bedrijf van Michiel De Ruyter. Амстердам, 1687 год.

ДАЛТОН, С. Жизнь и времена сэра Эдварда Сесила, виконта Уимблдона, полковника английского полка на голландской службе, 1605-31.
2 тома. Лондон, 1885 год.

ЭДМУНДСОН, Г. Фредерик Генри, принц Оранский. (Англ. История. Откр. 41, 264 - 1890.)
Луи де Гир. (Англ. История. откр. 685-1891.)
Питер Корнелис. Хофт. (Англ. Хист. Откр. 77 - 1894.)

GEER, J. L. W. DE. Lodewijk de Geer van Finspong en Leufsta, 1593-1652.
Utrecht. 1882.

KEMP, C. M. v.d. Maurits van Nassau, prins v. Oranje, in zijn leven en verdiensten. 4 тома. Роттердам, 1843 год.

ЛЕ КЛЕРК, П. Хет левен ван Фредерик Хендрик. 2 тома. Гаага. 1737.

МАРКХЭМ, К.Б. Сражающиеся Вересы. Жизни сэра Фрэнсиса Вера и сэра Горация Вера, последовательно командовавших войсками королевы в Нидерландах. Бостон, 1888 год.

MICHEL, E. Rembrandt, sa vie, son oeuvre et son temps. Париж, 1893 год.

МОТЛИ Дж. Л. Жизнь и смерть Джона Барневельдта. 2 тома. Гаага. 1874.

OOSTKAMP, J. A. Leven en daden van Marten Harpzn. Tromp en Jacob van Wassenaar van Obdam. Девентер, 1825 год.

SCHOTEL, G. D. J. Anna Maria van Schuurman. 'sHertogenbosch. 1853.

SIMONS, P. Johan De Witt en zijn tijd. 3 тома. Амстердам. 1832-48.

ТРЕЙЛЛ, Х. Д. Вильгельм III. Лондон. 1888.

ТРЕВОР, А. Жизнь и времена Вильгельма III, 1650-1702. 2 тома. Лондон. 1835-6.

VLOTEN, J. VAN. Tesselschade Roemers en hare vrienden, 1632-49.

Leyden. 1652.

(d) КОЛОНИЗАЦИЯ, ТОРГОВЛЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ

DEVENTER, M. L. v. Geschiedenis der Nederlanders op Java. 2 тома. Haarlem. 1886-7.

ДЕЙК, врегсте бетрекинген из L. C. D. из Нидерландов, встретился с Борнео, ден Соло
Архипелаг, Камбоджа, Сиам и Кочин, Китай. Амстердам, 1862 год.

ЭДМУНДСОН Г. Голландская власть в Бразилии (1) Борьба за Баию, 1624-7. (2) Первые
завоевания.

(англ. История. откр. 261-1896; 676-1899.)

- Голландцы в Западной Гвиане. (Англ. Hist. Rev. 640--1901.)

- Голландцы на Амазонке и негры в 17 веке.

(англ. История. Откр. 642-1903; 1-1904.)

- Шведская легенда в Гвиане. (Англ. Hist. Rev. 71 - 1899.)

HUET, P. D. Mémoires sur le commerce des Hollandais dans tous les etats et empires du monde.
Амстердам, 1717 год.

JONGE, J. K. J. DE. De Opkomst van het Nederl. гезаг в Ост-Инди. 13 томов. Гаага, 1862-89.

КАМПЕН, Н. Г. ВАН. Geschiedenis der Nederlanders buiten Europa. 4 тома. Haarlem. 1831-3.

LAUTS, G. Geschiedenis van de vestiging, uitbreiding ... van de magt der
Nederlanders in Indie. 7 томов. Гронинген и Амстердам. 1853-66.

LEUPE, P. A. Reisen der Nederlanders naar het Zuidland of Nieuw Holland in de 17e en 18e eeuw.
Амстердам, 1868 год.

LUZAC, E. Holland's Rijkdom, behoudende den oorsprong van der koophandel en de magt van dezer
Staat. 4 тома. Leyden. 1781.

NETSCHER, P. M. Les Hollandais au Bresil. Гаага, 1853 год.

NETSCHER, P. M. Geschiedenis van de Kolonien Essequibo, Demerary en Berbice van de vestiging der
Nederlanders tot op onzen tijd. Гаага, 1888 год.

РИС, О. ВАН. Geschiedenis der Nederl. Фолькплантинген в Северной Америке. Tiel. 1855.

---- Geschiedenis der koloniale politiek. Utrecht. 1868.

VALENTIJN, F. Oud-en Nieuw-Oost-Indien, vervatt. эне верханделинге против Нидерландов могоентхейд в " Смерти запада ", также эне верханделинге закончена ...Каар der Goede Hoop. 5 томов. Dort. 1724.

(е) ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРА, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

БРИНК, Дж. ТЕН. Geschiedenis der Nederlandsche Letterkunde. Амстердам, 1897 год.

BUSKEN HUËT, C. Het land van Rembrandt. Studien over de Noord Nederlandsche beschaving in de VXII'e eeuw. 5 томов. Haarlem. 1890.

КОЛЛО Д'Эскури, "Рем" Х. Холланда в музее природы. 10 томов. Гаага, 1824-44.

ЭДМУНДСОН, Г. Милтон и Вондел. Лондон. 1885.

HAAR, B. TER. Holland's bloei in schoone kunsten en wetenschappen by het sluiten van de Munstersche vrede. Leyden. 1849.

HARTING, P. Leven en Werken van Christiaan Huyghens. Амстердам, 1868 год.

ГАВАР, АНРИ. L'art et les artistes hollandais. Париж, 1879 год.

HELLWALD, F. VON. Geschichte des holländischen Theaters. Роттердам, 1874 год.

JONCKBLOET, W. J. A. Geschiedenis des Nederlandsche Letterkunde in de zeventiende eeuw. 2 тома. Гронинген, 1881 год.

KONING, J. Geschiedenis van het Slot te Muiden en Hooft's leven op hetselve. Амстердам, 1827 год.

KORTEWEG, D. J. Het bloeitijdperk der wiskundige wetenschappen in Nederland. Амстердам. 1893-4.

MÜLLER, LUCIAN. Geschichte der klassischen Philologie in den Niederlanden. Leipzig. 1869.

SIEGENBEEK, M. Geschiedenis van der Leidsche Hooge School. Leyden. 1829-32.

STRAETEN, E. VAN DER. La musique aux Pays-Bas avant le 19'e siècle. Брюссель, 1872 год.

VLOTEN, J. VAN. Het Nederlandsche Kluctspel van de 14'e tot de 18'e eeuw. 3 тома. Haarlem. 1878-80.

VONDEL, J. VAN DEN. Werken in verband gebracht met zijn leven en voorzien van verldaring en aantekeningen d. J. v. Lennep. 12 vols. Амстердам. 1855-68.

ВИЛЛЕМС, А. Лес Эльзевье. Histoire et annales typographiques. Гаага. 1880.

WITSEN GEYSBEEK, P. G. Biographisch, anthologisch, en critisch woordenboek der Nederlandsche dicters. 6 томов. Амстердам. 1821-7.

WYBRANTS, C. E. Het Amsterdamsch tooneel. Амстердам, 1875 год.

(f) РЕЛИГИОЗНЫЕ И ЦЕРКОВНЫЕ

BRANDT, G. Historic der reformatie en andere kerkelijke geschiedennissen in en omtrent de Nederlanden tot 1600. 4 vols. Амстердам, 1677-1704.

CHATELAIN, N. Histoire du Synode de Dordrecht dès 1609 à 1619. Amsterdam. 1841.

FRUIN, R. De wederopluiking van het Katholicisme in Noord-Nederland omtrent den aanvang der 17'e eeuw. Амстердам, 1894 год.

КНУТТЕЛЬ, У.П.К. Де вестанд из Нидерландов. Katholieken ten tijde der Republiek. 2 тома. Гаага. 1892-4.

МОНТАНУС, А. Исторический город Керкелийке в Нидерландах. Амстердам. 1675.

MONTIJN, G.G. Geschiedenis der Hervorming in de Nederlanden. 5 томов. Арнем, 1858-64.

NUIJENS, W.J.F. Geschiedenis der kerkelijke en politieke geschillen in de Republiek der Zeven Vereen. Пров., 1598-1625. 2 тома. Амстердам. 1886.

REGENBORG, J. Historic der Remonstranten. 2 тома. Амстердам. 1774.

ВИН, А.Дж. В.Д. Ремонстрантен против Ремонстрантена. 2 тома. Сник. 1858 год.

XVIII BEK

(a) ORIGINAL AUTHORITIES AND COLLECTIONS OF DOCUMENTS Actes, Mémoires et autres pièces authentiques concernant la paix d'Utrecht. 6 томов. Utrecht. 1714-15.

БОУДЛЕР Т. Письма, написанные в Голландии в сентябре и октябре 1787 года, к которым добавлена подборка писем и других бумаг, относящихся к путешествию принцессы Оранской 29 июня 1787 года. Лондон, 1788 год.

Brieven en negotiatien van L.L. van de Spiegel. Амстердам, 1803 год.

Brieven van Prins Willem V aan Baron v. Leynden. Гаага, 1893 год.

DE JONGE, J.K.J. Documents politiques et diplomatiques sur les revolutions de 1787 et 1795 dans la republique des Provinces Unies. (Нед. Rijk's Archief.) Гаара, 1859 год.

Lettres et mémoires sur la conduite de la présente guerre et sur les negotiations de paix, jusqu'à la fin des conferences de Geertruidenbergh. 2 тома. Гаара. 1711-12.

LINGUET, S.N.H. Lettres au Comte de Trauttmansdorf, ministre plenipotentiaire par Empereur [Joseph II] aux Pays-Bas, 1788 et 1789. Брюссель. 1790.

MAGUETTE, F. Joseph II et la liberté de l'Escaut. Mémoires couronnés et autres Mémoires publiés par l'Académie Royale des Sciences de Belgique. Том xv. Брюссель. 1898.

Малмсбери, Дневники и переписка Джеймса Харриса, графа. 4 тома. Лондон. 1844.

MANDRILLON, J.H. Mémoires pour servir à l'histoire de la Révolution des Provinces Unies en 1787. Париж, 1791 год.

Мальборо, Депеши Джона, герцога Оф. Ред. сэра Г. Мюррея. 5 томов. Лондон. 1845.

TORCY, MARQUIS DE. Mémoires pour servir a l'histoire des négociations depuis le traité de Rijswijck jusqu'a la paix d'Utrecht. Париж. 1850.

VREEDE, C.G. Correspondance diplomatique et militaire du duc de Marlborough, du grand-pensionaris Heinsius, et du trésorier-général J. Нор. Амстердам, 1850 год.

(b) ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

BOSSCHE, E. VAN DER. Le traité de la Barrière. Брюгге. 1880.

COLENBRANDER, H.T. De Patrioten Tijd, 1776-87. 3 vols. Гаага. 1897-99.

---- Батафская Республика. Гаага. 1908.

ЭЛЛИС, Джордж. История поздней революции в Голландской республике. Лондон. 1789.

История внутренних дел Соединенных провинций с 1780 года до начала военных действий в июне 1787 года. Лондон. 1787.

JORISSEN, T. De Patriotten te Amsterdam in 1791. Амстердам, 1793 год.

КЕЙН, Ричард. Кампании короля Вильгельма и герцога Мальборо. 2-е изд. Лондон. 1747.

KLUIT, A. Historic der Hollandsche Staatsregering tot 1795. 5 vols. Амстердам. 1802-5.

LEGRAND, L. La révolution française en Hollande; la république batave. Париж, 1894 год.

ЛУН, Х.В.против. Падение Голландской республики. Лондон. 1913.

MEULEN, A.J.v.D. Studies over de ministrie van Van de Spiegel. Leyden. 1906.

ONDAATJE, Q. Bijdragen tot de geschiedenis der omwenteling van 1787. Дюнкерк, 1791 год.

SCHIMMELPENNICK, RUTGER. J.S. en eenige gebeurtenissen van zijn tijd. Амстердам, 1845 год.

VERENET, G. Pierre le Grand en Hollande, 1697 et 1717. Utrecht. 1865.

WEBER, O. Die Quadrupel-Allianz vom Jahre 1718. Вена, 1887 год.

WREEDE, G.W. Geschiedenis der diplomatic van de bataafsche republiek. 3 тома. Utrecht. 1863.

(с) БИОГРАФИЧЕСКИЙ

ARNETH, A., RITTER VON. Prinz Eugen van Savoyen. 3 тома. Вена. 1856.

KOLLEWIJN, B. Bilderdijk. 2 тома. Амстердам. 1891.

МЕНДЕЛЬС, М.Х.В. Данделс, 1762-1818. 2 тома. Гаага. 1890.

NIJHOFF, I.A. De Hertog van Brunswijk. Гаага, 1849 год.

SCHENK, W.G.F. Wilhelm der Fünfte. Stuttgart. 1884.

SILLEM, J.A. Gogel. Amsterdam. 1864.

---- Dirk van Hogendorp. Амстердам, 1890 год.

XIX ВЕК И ПОСЛЕ

(а) ПОДЛИННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПОДБОРКИ ДОКУМЕНТОВ

BARTHELIS, A. Documents historiques sur la Révolution belge. Брюссель, 1836 год.

BONAPARTE, LOUIS (COMTE DE ST LEU). Documents historiques et réflexions sur le gouvernement de la Hollande. 3 тома. Лондон, 1820 год.

ФАЛЬК, А.Р. Бривен, 1796-1845, познакомился с Левенсберигтом, д.О.В. Гора Сиккама. Гаага. 1860.

---- Amtsbrieven, 1802-42. Гаага, 1878 год.

Handelingen van de Staten General (1'e en 2'e Kamer), 1815-47. 51 vols. Гаага, 1863-97.

Histoire parlementaire du traité de paix du 19 Avril, 1839, entre la Belgique et la Hollande, contenant tous les discours. 2 тома. Брюссель, 1839 год.

KRAYENHOFF, C.R.T. Bijdragen tot de vaderlandsche geschiedenis van de belangrijke jaren 1809-10. Nimwegen. 1844.

LIPMAN, S.P. Nederlandsch constitutioneel archief van alle koninklijke aanspraken en parlementaire adressen, 1813-63. 2 vols. Амстердам. 1846-64.

ROCQUAIS, F. Napoléon et le roi Louis d'après les documents conservés aux archives nationales. Париж. 1875.

SOELEN, VERSTOLK VAN. Recueil de pièces diplomatiques relatives aux affaires de la Hollande et de la Belgique, 1830-2. 3 vols. Гаага, 1831-3.

ТОРБЕКЕ, Дж.Р. Бривен и Грун против Принстерепа, 1830-2. Amsterdam. 1873.
---- Parlementaire redevoeringen. 6 томов. Девентер. 1856-70.

(b) ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

BEAUFORT, W.H.DE. De eerste regerings jaren van Koning Willem I. Amsterdam. 1886.

BOSCH KEMPER, J. DE. Staatkundige geschiedenis van Nederland na 1830. 5 vols. Амстердам, 1873-82.

BRUYNE, J.A. Geschiedenis van Nederland in onzen tijd. 5 томов. Schiedam. 1889-1906.

COLENBRANDER, H.T. De Belgische Omwenteling. Гаага. 1905.

GERLACHE, E.C.DE. Histoire du royaume des Pays-Bas depuis 1814 jusqu'en 1830. 3 vols. Брюссель, 1842 год.

ХАУТЕН, С. ВАН. Vijf en twintig jaar in de Kamer, 1869-94. Haarlem. 1905.

KEPPERS, G.L. De regeering van Koning Willem III. Groningen. 1887.
---- Het Regentschap van Koningin Emma. Гаага, 1895 год.

LASTDRAGER, A.J. Nieuwste geschiedenis v. Nederland in jaarlijksche overzigten (1815-30). 9 томов. Амстердам. 1839-48.

NOTHOMB, BARON J.B. Essai historique et politique sur la révolution belge. 3 тома. 4-е изд. Брюссель. 1876.

NUYENS, W.J.F. Geschiedenis van het Nederlandsche Volk van 1815 tot op onze dagen. 4 тома. Амстердам. 1883-6.

РЕНГЕРС, У.Дж. ВАН ВАЛЬДЕРЕН. Schets eener parlementaire geschiedenis van Nederland sedert 1849. 2 vols. Гаага, 1889 год.

WITKAMP EN CRAANDIJK. Vereeniging en Scheiding. Geschiedenis van Noord-Nederland en Belgie van 1813-80. Дизбург, 1881 год.

WOLF, N.H. De regeering van Koningin Wilhelmina. Роттердам, 1901 год.

WÜPPERMAN, W.E.A. Geschiedenis van den Tiendagschen Veldtocht. Амстердам, 1880 год.

(c) БИОГРАФИЧЕСКИЙ

ABBINK, J.J. Leven van Koning Willem II. Амстердам, 1849 год.

АРНОЛЬДИ, Дж. ВАН. Leven en Karakter-Schets van Koning Willem I. Zutphen. 1818.

BOS, F. DE. Prins Frederik der Nederlanden. 4 тома. Schiedam. 1857-99.

BOSSCHA, J. Het leven van Willem II, koning der Nederlanden, 1793-1849. Амстердам, 1852 год.

БРИНК, Дж. ТЕН. Prins Frederik der Nederlanden. Гаага, 1881 год.

ДЕШАМ П. Королева Вильгельмина. Париж. 1901.

МЕЕС Аз, Г. Левеншетс ван Г.К. Хогендорп. Амстердам. 1864.

ПИРСОН, АЛЛАРД. Onze tijdgenooten. Амстердам, 1896 год.

ТИЙМ, Я.А. Альбердингк, доор А.Я. Амстердам. 1893.

VOS, A.J. DE. Groen van Prinsterer en zijn tijd. Dordrecht. 1886.

(d) КОЛОНИАЛЬНЫЙ

БОЙЗ, Х. СКОТТ. Некоторые заметки о Яве и ее управлении голландцами. Аллахабад. 1892.

ДЭЙ, С. Политика и администрация голландцев на Яве. Нью-Йорк. 1904.

ПЕРСЕЛЕР, М.Т.Х. Нидерландская Индия. 4 тома. Leyden. 1891-3.

ПИРСОН, Н. Г. Колониальная политика. Амстердам. 1877.

Staatsblad voor Nederl. Indië 1816-80. 46 vols. Гаага и Батавия. 1839-81.

Verslag van het beheer en der staat der Nederlandsche bezittingen in Oost-en West-Indië en ter kust van Guinea. 44 vols. Гаага, 1840-96.

(e) ОБЩИЕ

БУАССЕВЕН, Дж.Х.Г. Де Лимбургский вопрос. Tiel. 1848.

БРИНК, Дж. ТЕН. Geschiedenis der Noord-Nederlandsche letteren in de XIXe eeuw.

ЭНДИГЕСТ, Г. ВАН. Over de droogmaking van het Haarlemmer meer. Том I. Лейден. 1842.

Том. II. Гаага. 1853.

Том. III. Амстердам, 1860 год.

FRUIN, J.A. De Nederlandsche Wetboeken tot 1876. Utrecht. 1881.

ХЕРИНГА, доктор А. Свободная торговля и протекционизм в Голландии. Лондон. 1914.

ЛОМАН, А.Ф. ДЕ САВОРНИН. Onze Constitutie. Utrecht. 1907.

МАРИУС, Г. ЭРМИНА. Голландская живопись 19 века. (Пер. Де Маттоса.) Лондон. 1908.

NIPPOLD, F. Die Römische Katholische Kirche im Königreich der Niederlande. Leipzig. 1877.

Живопись, современный голландский язык. Эдинбургское обозрение. Июль 1909г.

РОБЕРТСОН Скотт, Дж.У. Военное время и мир в Голландии. Лондон. 1914.

ROOT, E.W. DE. Geschiedenis van den Nederlandsche Handel. Амстердам, 1856 год.

SECKENGA, F.W. Geschiedenis der Nederlandsche Belastingen sedert 1810. Гаага, 1883 год.

VERSCHAVE, P. La Hollande politique. Гаага. 1910.

НИДЕРЛАНДЫ, около 1550 г.

НИДЕРЛАНДЫ после 1648 года

НАПЕЧАТАНО В АНГЛИИ Дж.Б. ПИС, магистром ФИЛОСОФИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА